

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2016 № 4 (68)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Барбараи Л. С. – д-р мед. наук, профессор, академик РАН, Председатель КНЦ СО РАН (г. Кемерово, Россия).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ – главный редактор.

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., КемГУ – ответственный редактор.

Митько Н. В. – ответственный редактор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушикова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К. – Кавалер ордена Британской Империи, магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2016 no. 4 (68)

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Acting Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

L. S. Barbarash – Dr. med. Sciences, professor, academician of the Academy of Medical Sciences, the President of KSC SB RAMS (Kemerovo, Russia).

Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

UNITED EDITORIAL BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Kemerovo State University – Editor-in-Chief.

B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University – Executive Editor.

N. V. Mitko – Executive Editor.

EDITORIAL BOARD:

L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).

V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

K. Hewitt – M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). <http://elibrary.ru>

Правила для авторов опубликованы на сайте издания:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Контакты для сотрудничества:

Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
e-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2016
© Авторы научных статей, 2016

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

Information for Authors published on the website Edition :
<http://vestnik.kemsu.ru>

Contacts for co-operation:

Boris P. Nevzorov,
Executive Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
e-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2016
© The authors of scientific articles, 2016

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Баев О. В.** Внешние займы российской империи и железнодорожное строительство в Сибири
- 12 **Бобров В. В., Моор Н. Н.** Изображения оленей в декоре предметов вооружения в Тагарской культуре
- 22 **Васютин С. А.** Концепты «вождество» и «государство» в оценке политических институтов ранне-средневековых империй центральной Азии
- 28 **Гонина Н. В.** Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг.
- 35 **Ермолаев А. Н.** «История Кузбасса»: методологические принципы и некоторые итоги подготовки коллективной монографии
- 40 **Зданович Е. Ф.** Е. Е. Замысловский и петербургская историческая школа
- 46 **Комлякова Ю. Ю.** Значение ислама в формировании политического курса государств Центральной Азии
- 51 **Контев А. В.** Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х гг.
- 57 **Контев А. В., Бородаев В. Б.** Тюркское население Кузнецкого уезда на картах из атласов С. У. Ремезова
- 63 **Кузнецов А. С.** Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны
- 69 **Магомедов Н. А., Магарамов Ш. А.** Модернизация экономической деятельности Дербента петровским правительством
- 74 **Мирзабеков М. Я.** Дагестан в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)
- 88 **Павленок М. О.** Археoантропологическая реконструкция как междисциплинарный метод исследования
- 94 **Соболева Т. Н., Кухаренко А. Е.** «Местоположение в общественной системе» как параметр анализа образов Алтайского горного округа, созданных учеными и путешественниками в XIX в.
- 99 **Съёмщиков Е. А.** «Сибирское учреждение» о взаимоотношениях мест и лиц крестьянского (инородного) общественного управления с окружными учреждениями системы местного государственного управления Сибири в 1822 – 1898 гг.
- 104 **Ярошук А. М.** Египет. Открыт неизвестный тип порткулисы в ломаной пирамиде Снефру в Дашуре

HISTORY AND ARCHEOLOGY

- 7 **O. V. Baev.** External borrowings of the Russian Empire and the construction of railways in Siberia
- 12 **V. V. Bobrov, N. N. Moor.** Depiction of the deer in Tagar weapon decoration
- 22 **S. A. Vasyutin.** The concepts «chieftdom» and «state» in the evaluation of the political institutions in the early medieval empires of central Asia
- 28 **N. V. Gonina.** Influence of migratory processes on formation of urban population in Krasnoyarsk krai in 1954 – 1984
- 35 **A. N. Ermolaev.** «The history of Kuzbass»: methodological principles and some results of the preparation of the multy-authored monograph
- 40 **E. F. Zdanovich.** E. E. Zamyslovsky and St. Petersburg's historical school
- 46 **J. J. Komlyakova.** The significance of Islam in the policy formation in the countries of central Asia
- 51 **A. V. Kontev.** Formation of military forces on the Irtysh boundary line in the middle 1740s
- 57 **A. V. Kontev, V. B. Borodaev.** The Turkic population of Kuznetsk district on the maps from the atlases of S. U. Remezov
- 63 **A. S. Kuznetsov.** Letters from the front as a source for the study of the anthropological content of the Great Patriotic War
- 69 **N. A. Magomedov, Sh. A. Magaramov.** Modernization of economic activity of Derbent by the government of Peter the Great
- 74 **M. Ya. Mirzabeckov.** Dagestan during the Great Patriotic War (1941 – 1945)
- 88 **M. O. Pavlenok.** Archaeological and anthropological reconstruction as interdisciplinary method of research
- 94 **T. N. Soboleva, A. E. Kukharensko.** "Location in the social structure" as a parameter for image analysis of the Altai mining district created by scientists and travelers in the XIX century
- 99 **E. A. Syemshchikov.** The «Sibirskoe uchrezhdenie» set of laws of mutual relations between local state bodies of Siberian management and peasantry public authorities in 1822 – 1898
- 104 **A. M. Yaroschuk.** Egypt. An unknown portcullis type is discovered in the Bent Pyramid of Sneferu in Dushore

ПСИХОЛОГИЯ

- 108 *Агаркова Л. А., Бухарина И. Ю., Ульянич А. Л., Вершкова Е. М., Толмачев И. В.* Особенности качества жизни во взаимосвязи с показателями психоэмоционального состояния женщин на каждом триместре беременности
- 120 *Андронникова О. О., Герасимова П. С.* К вопросу о роли социального интеллекта в социализации личности
- 126 *Бохан Т. Г., Терехина О. В., Бохан Н. А., Немцев А. В., Галажинская О. Н., Танабасова У. В.* Проявления коллективизма-индивидуализма в контексте проблемы этнокультуральных факторов депрессии
- 134 *Буторин Г. Г., Бенько Л. А.* Патологическая трансформация структуры семьи в условиях вынужденной миграции
- 142 *Казин Э. М., Птахина Ю. А., Красношлыкова О. Г., Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Шерер Т. И.* Особенности взаимосвязей между психолого-педагогическими и медико-социальными характеристиками и формированием социального опыта старшеклассников интернатных учреждений
- 152 *Корытченкова Н. И., Ахвердова О. А., Смагина С. С.* Интегральные характеристики агрессивности личности
- 157 *Кошельская Т. В.* Временная перспектива наркозависимых и ее роль в процессе реабилитации
- 162 *Кригер Г. Н.* Самосознание современных прародителей (бабушек): психологический аспект
- 166 *Крюкова А. П.* Знание без осознания: опыт исследований имплицитного научения
- 171 *Максимчук Е. Д.* Применение программы социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов
- 176 *Панасенко Е. А., Морозова И. С.* Параметры психологических защит студентов первого курса во взаимосвязи с личностными особенностями
- 181 *Паньшина Л. В., Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В.* Опыт использования ролевых импозиций в диагностике и консультировании девиантного поведения
- 187 *Сидоров-Дорсо А. В., Волохова В. И.* Особенности психологических границ у лиц с синестезией естественного развития
- 193 *Соколова Э. А.* Представленность психологических проблем в характерологическом анализе Карен Хорни
- 199 *Чуканов Е. В.* Обзор философско-психологических концепций феномена собственности

ФИЛОЛОГИЯ

- 206 *Бачурина Е. Б.* Сравнения как экспликативные образы пространства в произведениях Н. С. Гумилёва и Л. Н. Гумилёва

PSYCHOLOGY

- 108 *L. A. Agarkova, I. Yu. Buharina, A. L. Ulianich, E. M. Bershkova, I. V. Tolmachev.* Feature of quality of life interrelated with indicators of psychoemotional state of women in the period of every trimestre of pregnancy
- 120 *O. O. Andronnikova, P. S. Gerasimova.* The role of social intelligence in the socialization of the individual
- 126 *T. G. Bokhan, O. V. Terekhina, N. A. Bokhan, A. V. Nemtsev, O. N. Galazhinskaya, U. V. Tanabasova.* Manifestations of collectivism-individualism in the context of ethnocultural factors of depression
- 134 *G. G. Butorin, L. A. Benko.* Pathological transformation of family structure under conditions of forced migration
- 142 *E. M. Kazin, Yu. A. Ptahina, O. G. Krasno-shlikova, I. A. Sviridova, N. N. Koshko, T. I. Sherer.* The interactions between the psychopedagogical and medico-social characteristics and the formation of social experience of senior pupils of boarding schools
- 152 *N. I. Korytchenkova, O. A. Akhverdova, S. S. Smagina.* Integral characteristics of personal aggressiveness
- 157 *T. V. Koshelskaya.* The time perspective in drug addicts and its role in rehabilitation
- 162 *G. N. Kriger.* Self-consciousness of modern primogenitors (grandmothers): psychological aspect
- 166 *A. P. Kryukova.* Knowledge without consciousness: researches of implicit learning
- 171 *E. D. Maksimchuk.* The application of social and psychological support of intercultural adaptation of foreign students
- 176 *E. A. Panasenko, I. S. Morozova.* The parameters of psychological defense of first-year students in correlation to their personal characteristics
- 181 *L. V. Panshina, Y. M. Perevozkina, N. V. Dmitrieva.* Experience in the use of role impositions in diagnosing and counseling of deviant behavior
- 187 *A. V. Sidoroff-Dorso, V. I. Volokhova.* Psychological boundaries in people with developmental synaesthesia
- 193 *E. A. Sokolova.* Representation of psychological problems in Karen Horney's characterological analysis
- 199 *E. V. Chukanov.* Review of philosophical and psychological concepts of the phenomenon of property

PHILOLOGY

- 206 *E. B. Bachurina.* Comparisons as explication images of space in N. S. Gumilyov and L. N. Gumilyov's work

212 <i>Кичеева С. Г.</i> Локализаторы продольно-сравнительного падежа в Хакасском языке 219 <i>Петрунина С. П., Петрунина Н. В.</i> Война и труд в монологах кузбасских крестьян: лингвокультурологический скетч 224 <i>Сапожникова Ю. Л.</i> Классические истории рабов, написанные авторами-женщинами: проблема самоидентичности 228 <i>Шарапова Д. Д.</i> «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Парижские тайны» Эжена Сю: точки соприкосновения 233 <i>Шульгин В. А.</i> Когнитивная модель электронного гипертекста	212 <i>S. G. Kicheeva.</i> Localizers of the prosecutive-comparative case in the Khakass language 219 <i>S. P. Petrunina, N. V. Petrunina.</i> 'War and Work in Kuzbass Peasantry Reminiscences: a Sketch of Linguistic and Cultural Background 224 <i>Y. L. Sapozhnikova.</i> Slave narratives written by women: the problem of self-identity 228 <i>D. D. Sharapova.</i> "The Idiot" by F. M. Dostoyevsky and "Les mysteres de Paris" by Eugene Sue: common grounds 233 <i>V. A. Shulginov.</i> Cognitive model of hypertext

УДК 94(47)+336.3+625.1 (571.1/.5)

ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ

Олег В. Баев¹, @

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ baev-ov@rambler.ru

Поступила в редакцию 31.08.2016.
Принята к печати 26.09.2016.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, железнодорожное строительство, финансирование, внешний долг.

Аннотация: Статья посвящена анализу роли внешних займов Российской империи в финансировании железнодорожного строительства в сибирском регионе. В условиях ликвидации государственного железнодорожного фонда российское правительство на начальном этапе этого процесса направило на строительство железной дороги Екатеринбург – Тюмень часть выручки из VII консолидированного железнодорожного займа, который был размещен не только на российских фондовых рынках, но также в Германии и Голландии. Реализация займа прошла вполне успешно, но тогдашний министр финансов России Н. Х. Бунге подвергся критике за выпуск высокодоходного займа за границей.

С начала 90-х гг. XIX в. при обсуждении вопроса финансирования строительства Транссибирской железнодорожной магистрали иностранные инвесторы предлагали свои услуги, но после прихода в Министерство финансов С. Ю. Витте приоритет был отдан внутренним, казённым источникам финансирования. Тем самым российское правительство закрепляло сибирский регион как неотъемлемую часть империи, в развитии которого была заинтересована вся политическая элита страны.

Для цитирования: Баев О. В. Внешние займы российской империи и железнодорожное строительство в Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 7 – 11. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-7-11.

В конце XIX века остро встал вопрос о строительстве железных дорог в Азиатской части Российской империи. К тому времени в Европейской части страны было сооружено несколько десятков железных дорог, финансирование которых осуществлялось как путём облигационных займов преимущественно на германском рынке капиталов, так и посредством, скажем, «консолидированных железнодорожных займов» для государственного железнодорожного фонда, из которого потом эти средства передавались частным железнодорожным обществам.

Однако 13 марта 1882 г. Комитет финансов принял решение для приведения в порядок счетов Государственного казначейства упразднить государственный железнодорожный фонд и передать государственные железнодорожные консолидированные займы и гарантированные облигации выкупленных в казну железных дорог в Государственное казначейство. 25 февраля 1883 г. это решение было утверждено Александром III и с 1 сентября 1883 г. железнодорожный фонд перестал существовать, а

железнодорожные займы заносятся уже в общий список государственных долгов [19, л. 19 – 31; 6, с. 4 – 7; 13, с. 449].

И уже в начале 1884 г. Бунге пришёл к заключению о недостаточности средств Государственного казначейства для удовлетворения всех расходов, что требовало максимум чрезвычайных финансовых ресурсов в начале 1885 г. При этом рост цен на российские процентные бумаги и обилие денежных капиталов в Европе делали данный момент удобным для совершения кредитной операции, поэтому Бунге предложил прибегнуть к выпуску нового VII консолидированного железнодорожного займа на нарицательный капитал в 15 млн ф. ст. [20, л. 1, 1 об.]. Внутренний заем при тогдашнем положении денежного рынка, застое в хлебной торговле и в сбыте заводских и фабричных произведений, по мнению Бунге, не мог найти себе сколько-нибудь крупного помещения, поэтому предполагалось выпустить внешний заем в металлической валюте [20, л. 11 об., 12].

По сообщению Ф. Энгельса, первоначально «русское правительство не могло раздобыть денег даже в Берлине, если заем не будет гарантирован представительным собранием. Даже Мендельсон поставил такое условие. Но тут, когда царизм находился в крайне затруднительном положении, вмешался Бисмарк и помог получить заем» [10, с. 315]. Энгельс считал, что данный заем стал одним из результатов улучшения отношений между Россией и Германией в результате встречи Гирса и Бисмарка во Фридрихсруэ 13 – 14 ноября 1883 г. [10, с. 668, прим. 385]. М. Поль связывает его с тем, что как раз в марте 1884 г. был продлен «Союз трех императоров» [25, с. 33].

К 21 марта 1884 г. Бунге договорился с С.-Петербургским Учётным и ссудным банком и банкирским домом С. Блейхредера в Берлине о принятии теми на себя размещения не позднее апреля 1884 г. 10 из 15 млн ф. ст. 5 % консолидированного железнодорожного займа по курсу 86 % при принятии русским правительством на себя только расходов на изготовление облигаций и их пересылку за границу. В случае же превышения действительной выручкой рубежа в 89¼ %, излишек сверх этой цены на сумму 10 млн ф. ст. подлежал разделу поровну между правительством и банкирами [20, л. 2 – 5].

25 марта 1884 г. вопрос о выпуске консолидированных облигаций железных дорог обсуждался в Комитете финансов. Государственный секретарь А. А. Половцов, при поддержке Рейтерна и Бунге, предложил вернуться к практике выпуска отдельных займов для каждой железной дороги, чтобы максимально отдалить эти ценные бумаги от типа государственных, но бывшие министры финансов Абаза и Грейг были против [17, с. 220].

В итоге, заем был выпущен по Высочайшему указу 28 марта 1884 г. на сумму 15 млн. ф. ст. из 5 % годовых с погашением по номинальной цене тиражами в течение 81 года с паритетом 1 ф. ст. = 20 мар. 43 пф. (оплата купонов в Петербурге, Париже и Амстердаме была назначена по курсу дня на Лондон). Заем назначался как для возврата казне сумм, уже израсходованных на железные дороги, так и для содействия дальнейшему их устройству, в том числе 3488451 ф. ст. на Сибирскую железную дорогу (участок Екатеринбург – Тюмень). Облигации займа навсегда освобождались от уплаты какой-либо пошлины [16, с. 213].

Реализация займа была поручена фирмам С. Блейхредера в Берлине и «Lippmann, Rosenthal & Co» в Амстердаме [11, с. 539]. Crédit Lyonnais попытался добиться участия в новом русском займе на 10 млн фр. [3, с. 158], но в консорциум немецких банков благодаря участию Петербургского учетного и ссудного банка был принят только «E. Hoskier & Cie» [9, с. 242].

Иностранные газеты сочувственно отнеслись к новому займу, но «Московские ведомости» раскритиковали саму идею финансирования железнодорожного строительства за счёт внешних займов [14, № 95, с. 2].

Публичная подписка на заем открывалась с 17 (29) апреля одновременно в Петербурге, Москве, Варшаве, Риге, Киеве, Одессе, Берлине, Франкфурте и Амстердаме [14, № 101, с. 1]. При полной оплате подписанных облигаций цена назначалась в 89 % в Берлине, 89,45 % – в Амстердаме и 88,788 % – в России [14, № 109, с. 2].

Открытая на заем подписка по курсу 91¼ % с рассрочкой на 8 месяцев (с 17 (29) апреля по 15(27) декабря 1884 г.) имела огромный успех, так как всего было заявлено требований на сумму 246983100 ф. ст., из которых в Берлине у Блейхредера на 124779650 ф. ст., в «Обществе морской торговли» («Königliche Seehandlungs Gesellschaft») на 39470850 ф. ст., в Амстердаме у «Lippmann, Rosenthal & Co» – на 9005400 ф. ст., в Петербурге – на 65629100 ф. ст. и в других русских городах на 8098100 ф. ст. [2, с. 273, 274]. «Московские ведомости» приводили цифру подписки в России в 77599000 ф. ст. и считали это показателем, что к внешнему займу прибегать не надо было вообще [14, № 106, с. 2].

Общие чрезвычайные поступления Государственного казначейства от консолидированных железнодорожных облигаций 7 выпуска 1884 г. составили 124889240 руб. в 1884 г., 19266 руб. в 1885 г. и 19794 руб. в 1886 г. [4, прил., с. 102]. Ежегодные платежи по займу составляли 4807115 руб. [5, с. 28 – 31]. За вычетом расходов по займу выручено было всего 86,875 %, так что действительный процент по займу определился в 5,808 %. П. П. Мигулин объяснял успех займа тем, что он был уступлен подписчикам по чрезмерно низкой цене. Действительно, в апреле 1884 г. 5 %-ные русские фонды котировались не ниже 89 %, но доходили и до 98,5 %, а те же консолидированные займы на Берлинской бирже не котировались ниже 92½ – 94½ [11, с. 540]. Н. А. Кислинский предполагал, что подписка по сравнительно очень низкому курсу была предпринята для обеспечения займу верного успеха [6, с. 236].

В результате, даже немедленно реализуя заем, банкиры получали 2,538 % [14, № 109, с. 2]. «Биржевые ведомости» указывали на «громдные барыши» банкиров, но связывали с ними участие заграничных финансовых групп в новых «русских делах» [1, № 153, с. 2].

Около трети всей суммы займа было приобретено прусскими «Военною кассой», «Кассой инвалидов» и «Обществом морского кредита», то есть учреждениями, находящимися под непосредственным заведованием или же под наблюдением прусского правительства [15, с. 374]. Этим путем часть прусского «военного фонда» была помещена в русских процентных бумагах, как это рекомендовалось и немецкими финансистами-теоретиками, считавшими, что наилучшая форма помещения военного фонда заключается в приобретении бумаг той страны, с которой предполагается воевать, так как это дает возможность в случае войны выбросить на биржу бумаги противника и тем подорвать его кредит в критический момент [11, с. 541]. По мнению Энгельса, этот заем на несколько лет избавлял Россию от острой финансовой нужды [10, с. 138]. «Таким путём Бисмарк закабалит Россию, которой без него и сейчас не получить денег, и, с другой стороны, отдалит тем самым русскую революцию, которая его не совсем устраивает» [10, с. 315]. Вместе с тем это должно было официально подчеркнуть добрую волю правительства Германии для финансовых операций России в Германии [24, с. 155].

Рост доверия к российской финансовой системе за границей вёл и к укреплению курса рубля [7, с. 438], но «Московские ведомости» резко критиковали Бунге за замену беспроцентного долга Государственному банку

процентным долгом иностранным капиталистам [14, № 231, с. 2].

Тем не менее Н. Х. Бунге отмечал, что блестящий успех подписки за границей на консолидированные облигации седьмого выпуска должен быть приписан участию фирм Блейхрёдера и Мендельсона, а также энергичному содействию прусского государственного банка «Общество морской торговли», который участвовал в подписке с согласия германского правительства. В результате в августе 1884 г. за выпуск 6 % золотых рент и 5 % железнодорожных консолей 7 выпуска последовало награждение банкиров и некоторых лиц Прусского финансового ведомства – Герсон фон Блейхрёдер и президент «Общества морской торговли» Макс Ретгер получили ордена Св. Станислава 1-й степени; глава банкирского дома Роберт Варшауер, товарищ банкирского дома Блейхрёдера Юлий Леопольд Швабах и товарищ банкирского дома «Mendelssohn & Co» Эрнест Мендельсон-Бартольди – Св. Станислава 2-й степени со звездой; Ганс фон Блейхрёдер и Густав Вейследе из «Общества морской торговли» – Св. Станислава 2-й степени; управляющий бухгалтерией «Общества морской торговли» Генрих Нейбер – Св. Станислава 3-й степени; Франц Гаммер из «Общества морской торговли» – Св. Анны 2-й степени. Также были награждены бухгалтеры Блейхрёдера Роберт Иммельман и Альфред Бенвенисти, прокурисы «Mendelssohn & Co» Герман Деринг и Мартин Вольф [23, л. 136 – 140].

В 1891 г. сменивший Бунге Вышнеградский обратился за содействием в реализации 3 %-ного займа к банковому синдикату во главе с парижской фирмой братьев Ротшильд, столь удачно реализовавшему целый ряд 4 %-ных золотых займов, выпускавшихся в целях конверсии старых 5 %-ных и 4,5 %-ных займов [12, с. 182]. Переговоры о 3 %-ном займе с Ротшильдами и их конкурентами из Banque de Paris et des Pays-Bas Министерство финансов вело через директора Петербургского Международного банка А. Ю. Ротштейна. 31 января (12 февраля) Ротштейн прибыл в Париж и начал переговоры с Ротшильдами. Однако Ротшильды считали, что данная операция не могла быть представлена как конверсия и предлагали выпустить в Париже 3 %-ную ренту с подпиской на наличные, старые же займы объявить к выкупу без права на льготы. При этом управляющий «немецким бюро» дома братьев Ротшильд Герман Спитцер указывал на возможность выпуска за наличные займа Сибирской железной дороги, так как Ротшильды были заинтересованы в поставке материалов для Сибирской линии [8, с. 313].

Однако в феврале 1891 г. Комитет министров решил вопрос строительства Транссиба путем финансирования за счёт казны [18, с. 504, 505].

Тем не менее в феврале 1892 г. в Петербург по поводу концессии на Сибирскую железную дорогу приехали администратор Banque d'Escompte de Paris Дековиль и сенатор Ш. Лесюэр [8, с. 343]. Государственный секретарь А. А. Половцов посоветовал им для приобретения содействия министра финансов Вышнеградского предложить взять на себя помещение в Париже за 200 млн франков скупленного Министерством финансов остатка 3 %-ного займа 1891 г. [18, с. 451]. Дековиль выехал во Францию для устройства займа, но в Париже его не поддержали, но и сменивший Вышнеградского Витте был против допуску французского капитала к строительству Транссиба [18, с. 539].

В начале 1893 г. агент Министерства финансов в Париже д. т. с. Рафалович сообщил о предложении группы парижских кредитных учреждений (Banque de Paris et des Pays-Bas, «Heyne & Co», «Hottinguer et Cie», «Mallet frères & Co», «Vernes & Co» и др.) о выпуске 4 %-ного золотого займа на 200 млн фр. Витте считал необходимым это предложение принять как по причине возможного роста цены на золото, так и на погашение 5 %-ных облигаций перешедших в казну железных дорог и 6 %-ной золотой ренты, срок выкупа которой наступал в декабре 1893 г., а также на сооружение Сибирской железной дороги [22, л. 31 – 33]. Однако уже в представлении в Комитет финансов о выпуске 4½ % внутреннего займа на 100 млн руб. в январе 1893 г. Витте отмечал, что единственный для России французский рынок был закрыт из-за «последних событий во Франции» [21, л. 5 об.].

Таким образом, правительство Российской империи изначально очень настороженно относилось к идее финансирования железнодорожного строительства в Сибири за счёт внешних займов. Если в 80-е гг. XIX в. часть консолидированных железнодорожных займов пошла на постройку железных дорог к востоку от Урала, то собственно строительство Транссибирской железнодорожной магистрали осуществлялось за счёт исключительно государственного бюджета. Судя по всему, тем самым имперское правительство позиционировало Сибирь как неотъемлемую часть государства, в развитии которой была заинтересована вся политическая элита России.

Литература

1. Биржевые ведомости. 1884.
2. Бржеский Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб.: Типолитография А. М. Вольфа, 1884. 283 с.
3. Бувье Ж. Учреждение отделения Лионского кредита в царской России и предыстория «русских займов» // Французский ежегодник. 1961 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 141 – 161.
4. Ивашенков А. Краткий очерк исполнения государственных росписей в связи с прочими оборотами Государственного казначейства за 1881 – 1899. СПб.: Государственная типография, 1901. 82 с.
5. Кауфман И. Статистика государственных финансов России в 1862 – 1884 годах // Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 15. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1886. 417 с.
6. Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета министров. Т. 3. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. 329 с.

7. Кованько П. Главнейшие реформы, проведённые Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1901. 448 с.
8. Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
9. Лебедев С. К. E. Hoskier&Cie – банкир царского правительства во Франции // Проблемы всемирной истории: сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 242 – 255.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. М.: Госполитиздат, 1964. 805 с.
11. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков: Печатное дело, 1899. 606 с.
12. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 2. Харьков: Печатное дело, 1900. 578 с.
13. Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Опыт историко-критического обзора. Т. 3. Харьков: Печатное дело, 1907. 1217 с.
14. Московские ведомости. 1884.
15. Новосельский Н. А. Наши металлические займы // Русский вестник. 1884. Кн. 7. С. 362 – 378.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 4. СПб.: Государственная типография, 1887. 626 с.
17. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 605 с.
18. Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 639 с.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 563. Оп. 2. Д. 252. 1883 г.
20. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 255. 1884 г.
21. РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 323. 1893 г.
22. РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 55. 1888 – 1915 гг.
23. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 294. 1884 г.
24. Kumpf-Korfes S. Bismarks “Drang nach Russland” // Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: Hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd. 16. Berlin, 1968.
25. Pohl M. Geschäft und Politik. Deutsch-russisch/sowjetische Wirtschaftsbeziehungen. 1850 bis 1988. Mainz: von Hase & Koehler, 1988.

EXTERNAL BORROWINGS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE CONSTRUCTION OF RAILWAYS IN SIBERIA

Oleg V. Baev^{1, @}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000
@ baev-ov@rambler.ru

Received 21.09.2016.
Accepted 26.09.2016.

Keywords: Russia, Sibir, railway construction, financing, external debt.

Abstract: This article analyzes the role of external borrowings of the Russian Empire in the financing of railway construction in the Siberian region. In the context of the elimination of the State Railway Foundation, the Russian government at the initial stage of this process directed at the construction of the railroad Yekaterinburg-Tyumen a part of the proceeds of the VIIth Consolidated Railway Loan, which was placed not only on the Russian stock market, but also in Germany and the Netherlands. The loan was implemented quite successfully, but the contemporary Russian Minister of Finance N. H. Bunge was criticized for issuing high-yield loan abroad.

Since the beginning of the 1890-s, when the financing of the construction of the Trans-Siberian Railway was discussed, foreign investors offered their services, but after S. Y. Witte had joined the Ministry of Finance, priority was given to internal, governmental sources of financing. Thus, the Russian government consolidated the Siberian region as an integral part of the Empire, the entire political elite of the country being interested in its development.

For citation: Baev O. V. Vneshnie zaimy rossiiskoi imperii i zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Sibiri [External borrowings of the Russian Empire and the construction of railways in Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 7 – 11. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-7-11.

References

1. *Birzhevye vedomosti* [Stock Exchange News]. 1884.
2. Brzhetskii N. *Gosudarstvennye dolgi Rossii. Istoriko-statisticheskoe issledovanie* [State Russian debts. Historical and statistical research]. Saint-Petersburg: Tipolitografiia A. M. Vol'fa, 1884, 283.
3. Buv'e Zh. Uchrezhdenie otdeleniia Lionskogo kredita v tsarskoi Rossii i predystoriia «russkikh zaimov» [The establishment of the credit department of Lyons in Tsarist Russia and the prehistory of the "Russian loans"]. *Frantsuzskii ezhegodnik. 1961 g.* [French Yearbook. 1961]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962: 141 – 161.
4. Ivashchenkov A. *Kratkii ocherk ispolneniia gosudarstvennykh rospisei v sviazi s prochimi oborotami Gosudarstvennogo kaznacheistva 1881 – 1899* [A brief outline of the state of execution of murals in connection with the other turns of the State Treasury for 1881 – 1899]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1901, 82.
5. Kaufman I. Statistika gosudarstvennykh finansov Rossii v 1862 – 1884 godakh [Statistics Russian public finances in 1862 – 1884 years]. *Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii = Statistical Annals of the Russian Empire*. Saint-Petersburg: Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD, Ser. III, Vol. 15 (1886): 417.
6. Kislinkii N. A. *Nasha zheleznodorozhnaia politika. Po dokumentam arkhiva Komiteta ministrov* [Our railway policy. According to the documents archive of the Committee of Ministers]. Saint-Petersburg: Kantseliaria Komiteta ministrov, 1902, vol. 3, 329.
7. Kovan'ko P. *Glavneishie reformy, provedennye N. Kh. Bunge v finansovoi sisteme Rossii* [The principal reforms conducted N. H. Bunge in the financial system of Russia]. Kiev: Tipografiia Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira, 1901, 448.
8. Lebedev S. K. *S.-Peterburgskii Mezhdunarodnyi kommercheskii bank vo vtoroi polovine XIX veka: evropeiskie i russkie sviazi* [St. Petersburg International Commercial Bank in the second half of the XIX century: European and Russian connection]. Moscow: ROSSPEN, 2003, 528.
9. Lebedev S. K. E. Hoskier&Cie – banker tsarskogo pravitel'stva vo Frantsii [Hoskier&Cie – Banker of the tsarist government in France]. *Problemy vsemirnoi istorii* [Problems of world history]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000, 242 – 255.
10. Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works by Marx K., Engels F.]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 36 (1964): 805.
11. Migulin P. P. *Russkii gosudarstvennyi kredit. Opyt istoriko-kriticheskogo obzora* [Russian state credit. Experience the historical-critical review]. Khar'kov: Pechatnoe delo, vol. 1, 1899, 606.
12. Migulin P. P. *Russkii gosudarstvennyi kredit. Opyt istoriko-kriticheskogo obzora* [Russian state credit. Experience the historical-critical review]. Khar'kov: Pechatnoe delo, vol. 2, 1900, 578.
13. Migulin P. P. *Russkii gosudarstvennyi kredit. Opyt istoriko-kriticheskogo obzora* [Russian state credit. Experience the historical-critical review]. Khar'kov: Pechatnoe delo, vol. 3, 1907, 1217.
14. *Moskovskie vedomosti* [The Moscow sheets]. 1884.
15. Novosel'skii N. A. Nashi metallicheskie zaimy [Our metal Loans]. *Russkii vestnik – Russian herald*, book 7 (1884): 362 – 378.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: 3rd collection]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, vol. 4 (1887): 626.
17. Polovtsov A. A. *Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria* [Diary of the Secretary of State]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, vol. 1, 2005, 605.
18. Polovtsov A. A. *Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria* [Diary of the Secretary of State]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, vol. 2, 2005, 639.
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archives]. Found 563, List 2, File 252, 1883.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 563, List 2, File 255, 1884.
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 563, List 2, File 323, 1893.
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 583, List 1, File 55, 1888 – 1915.
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 583, List 4, File 294, 1884.
24. Kumpf-Korfes S. Bismarks "Drang nach Russland". *Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: Hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte*. Bd. 16. Berlin, 1968.
25. Pohl M. *Geschäft und Politik. Deutsch-russisch/sowjetische Wirtschaftsbeziehungen. 1850 bis 1988*. Mainz: von Hase & Koehler, 1988.

УДК 902/904

ИЗОБРАЖЕНИЯ ОЛЕНЕЙ В ДЕКОРЕ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ В ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Владимир В. Бобров^{1, @1, *}, Наталья Н. Моор^{1, @2, *}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 klae@kemsu.ru

@2 archaeology@kemsu.ru

Поступила в редакцию 05.04.2016.

Принята к печати 16.09.2016.

Ключевые слова: звериный стиль, искусство, тагарская культура, скифо-сибирский мир, предметы вооружения, декор, стиль.

**Работа выполнена в рамках государственного задания
№ 33.1175.2014/К.*

Аннотация: Работа посвящена изображениям оленей в декоре тагарского оружия. Таких изображений немного, их значительно меньше, чем изображений оленя на других категориях тагарского инвентаря. Но по выражению и разнообразию изображение оленей в декоре тагарского оружия не уступают и даже превосходят изображения оленей на других сохранившихся до нашего времени категориях предметов. В работе предложен опыт систематизации изображений оленей в декоре тагарского оружия. Выявлены стилистические традиции изображений, восходящие к аржано-майэмирской традиции, изображениям на оленных камнях саяно-алтайского и монголо-забайкальского типа, а также влияние искусства скифского времени Тувы и Алтая. Сопоставлены стиль изображения оленей в декоре ножей с типами ножей. Удалось выявить, что некоторые изображения, имеющие признаки раннескифской изобразительной традиции, выполнены на предметах, относящихся к более поздним этапам тагарской культуры, что говорит о продолжительности существования раннескифской традиции наряду с появлением новых вариантов изображений.

Для цитирования: Бобров В. В., Моор Н. Н. Изображения оленей в декоре предметов вооружения в Тагарской культуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 12 – 21. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-12-21.

Наиболее массовой категорией тагарских предметов, украшенных в зверином стиле, а также самой разнообразной по выбору образов, является оружие. Это составляет одну из ярких особенностей декоративного искусства тагарской культуры. Выбор образов, которые украшают предметы вооружения, несомненно, связан с семантическим содержанием. Одним из ярких звериных образов, украшающий различные категории предметов в тагарской культуре является образ оленя. Этому образу посвящена обширная литература, поэтому есть необходимость дать небольшой историографический очерк его изучения.

Тагарское искусство звериного стиля неоднократно являлось предметом исследования, но работы в основном были посвящены оленным бляшкам [12, 31, 30, 2, 9, 18, 11]. Впервые проблему происхождения изображений оленя в тагарской культуре затронул С. В. Киселев [12, 13]. Он полагал, что появление бляшек с изображением оленя с подогнутыми ногами в тагарской культуре связано со скифским влиянием [13, с. 269]. В работе «Скифский олень» [31] Н. Л. Членовой была впервые предложена классификация тагарских изображений оленей. Особенное внимание она уделила оленям в позе с подогнутыми ногами, выделив 10 групп таких изображений. В основу выделения групп легли следующие признаки – поза животного, изображение рогов, изменение деталей изображения и стилистических приемов. Это позволило ей выявить особенности изображений оленя в позе с подогнутыми нога-

ми в Хакасско-Минусинском регионе, а также предложить линейную модель развития таких изображений, с тенденцией к схематизму [31, с. 167 – 180]. Н. Л. Членова отметила сходство тагарских изображений оленей первой выделенной ею группы с изображениями оленей в аналогичной позе с территории Причерноморья (начала 6 в. до н. э.) и Саккыза (7 в. до н. э.). Но значительное различие в стиле изображений не позволили исследователю считать минусинские изображения оленей импортом из Причерноморья. Большую степень сходства она усматривала между минусинскими и чиликтинскими изображениями оленей [31, с. 170 – 171]. Позднее С. А. Зинченко, проведя стилистический анализ минусинских и чиликтинских оленных блях, пришла к выводу, что минусинские образцы, несмотря на общее сходство с чиликтинскими изображениями оленя (6 в. до н. э.) с подогнутыми ногами и эсвидными рогами, во многом отличаются от них по стилистическим элементам. Значительное сходство этих элементов, полагает С. А. Зинченко, может быть обнаружено на изображении оленей из кургана Аржана-2 [11, с. 162 – 163].

В 1973 г. В. В. Бобров в кандидатской диссертации предложил новую классификацию тагарских изображений оленя. Кроме материалов из минусинской котловины, большую часть которых составляли случайные находки, он использовал материалы из погребальных комплексов Ачинско-Мариинской лесостепи, полученные в результате археологических работ у с. Б.-Пичугино, на р. Ягуня, у с. Шестаково, с. Серебряково, с. Некрасово, у

п. Тисуль. Благодаря интенсивным работам на данных памятниках коллекция тагарских художественных бронз значительно пополнилась надежно датируемыми материалами. Таким образом, появилась возможность по новому взглянуть на проблемы хронологии, классификации изображения оленей в тагарской культуре, выявить художественные и стилистические особенности, на новом уровне подойти к проблеме назначения оленных бляшек. Разделив тагарские изображения оленей по категориям инвентаря и позам, внутри каждой группы им были выявлены иконографические и стилистические особенности групп. Особое место в классификации занимают изображения оленей с подогнутыми ногами (оленные бляшки). Главным признаком выделения видов внутри этой группы являются особенности изображения рогов, а внутри подгрупп – варианты изображения рогов. Другие признаки, такие как положение ног, морда, глаз, пасть, ноздри, скулы, ухо, копыта, лопатка хвост, также были учтены [2, с. 27 – 68]. На основе созданной классификации изображения тагарских оленей, им была предложена поливариантная модель последовательного развития таких изображений [2, с. 76 – 126]. Было выявлено сосуществование разных типов. Появление образа оленя в тагарской культуре В. В. Бобров связывает с влиянием саков Средней Азии [2, с. 162].

Появление бляшек с изображением оленя с подогнутыми ногами в тагарской культуре в целом отнесены исследователями к 5 в. до н. э. [13, с. 269; 31, с. 168]. По мнению Н. Л. Ченовой, изображения оленей с подогнутыми ногами существуют в Минусинской котловине до 3 – 2 вв. до н. э. [31, с. 181]. Появление оленных блях в тагарской культуре В. В. Бобров относит к концу 5 – началу 4 вв. до н. э., но отмечает, что в лесостепном варианте тагарской культуры Ачинско-Мариинской лесостепи они появляются немного позже – в 4 в. до н. э., но существует здесь дольше, чем в Минусинской котловине. В Ачинско-Мариинской лесостепи они известны из памятников 2-начала 1 вв. до н. э. [2, с. 112, 123]. К 6 – 5 вв. до н. э. отнесла появление оленных бляшек в Хакасско-Минусинской котловине М. П. Завитухина, а к 8 – 7 вв. до н. э. (с учетом тенденции к удревнению ранней даты тагарской культуры). Г. Н. Курочкин [9, с. 14; 18, с. 101]. Такие выводы он сделал на основе двух находок оленных бляшек в мог. 3, кургане 4 Березовского могильника и в кургане 3, мог. 2 в кургане на р. Бидже, отнесенных им к подгорновскому времени [18 с. 99 – 101, рис. 2]. Г. Н. Курочкиным по серии оленных блях, происходящих из Березовского могильника, предложил схему развития изображений оленя с подогнутыми ногами в пределах существования одного могильника, одного рода. Схема предполагает развитие тагарских изображений оленей с подогнутыми ногами на основе исходной базовой художественной модели, которая в Березовском могильнике представлена изображением оленя с рогом в форме дуги с отростком. Появление новой иконографической схемы оленя с эсвидными рогами Г. Н. Курочкин относит саргашенскому этапу тагарской культуры [18, с. 101].

Изображений оленя в тагарской мелкой пластике очень много. Но значительную часть среди них составляют оленные бляшки – около 400 экз. [2, с. 4]. По предварительным подсчетам, за последние 40 лет полевых исследований их количество немного превышает 500 экз.

Несмотря на то, что оружие в тагарской культуре является одной из массовых категорий предметов, украшенных изображениями животных, из них предметов, декорированных образом оленя, известно значительно меньше (25 предметов). Так, изображения оленей и оленьих рогов украшают обушки и втулки чеканов – 6 экз, рукояти ножей – 18 экз, перекрестье кинжала – 1 экз. Техника исполнения представлена как скульптурой, так и рельефными и гравированными изображениям. Большая часть артефактов относится к категории случайных находок и только 4 из них происходят из погребальных комплексов.

В декоре предметов вооружения тагарской культуры (чеканы, ножи, кинжалы) нами выделено несколько групп изображения оленя.

1. Изображения оленей на чеканах

Группа 1. Изображение оленя в позе с подогнутыми ногами (3 экз.) (рис. 1. 1 – 2)

1.1. Скульптурные изображения оленей в позе с подогнутыми ногами (2 экз.). Два экземпляра происходят из погребений (курган у д. Новомихайловка, м. 3; Серебряковский могильник, к. 16, м. 1) [17, рис. 18.56; 22, рис. 106.12]. Изображение оленя на обушке чекана из Новомихайловского кургана двустороннее, но изображения с двух сторон отличаются друг от друга. Н. Ю. Кузьмин предполагал, что для отливки двустороннего изображения оленя, украшающего обушек чекана из Новомихайловского кургана, были использованы разные литейные формы [17, с. 28].

Изображения оленей на обушках двух чеканов составляют однородную группу. На уменьшенном чекане из Серебряковского могильника изображение упрощенно и схематично в исполнении. Одним из общих признаков является изображение рогов животных в виде эсвидных отростков (3 или 4 отростка). Рога расположены вдоль туловища животного. Передний отросток расположен вертикально или горизонтально по отношению к голове, последний соприкасается со спиной и загибается вверх. Положение головы – прямое, или немного поднятое вверх, что выражает различную степень экспрессии животного. Передняя нога лежит на задней. Пасть передана длинным углублением, но на более позднем изображении оленя на обушке чекана из Серебряковского могильника, пасть уже не обозначена. Глаз округлый. Челюсть подчеркнута выступом. Ухо изображено в виде треугольного выступа с углублением посередине (на чекане из Серебряково ухо выражено треугольным выступом без углубления), хвост – полукруглым выступом, либо не изображен. Изображения оленей на обушке чеканов составляют единую стилистическую группу с тагарскими оленными бляшками.

1.2. Гравированное изображение оленя в позе с подогнутыми ногами. Выполнено на плоскости втулки чекана (1 экз.) [КККМ, инв. номер утрачен]. Изображение силуэтное, из-за окислов бронзы очень плохо сохранилось (рис. 1. 3а).

Группа 2. Стоящий олень (2 экз.). Изображения отличаются техникой исполнения, постановкой ног, расположением морды и формой рогов.

2.1. *Стоящий олень с соединенными ногами (1 экз.) на чекане из случайных находок в Минусинском уезде (скульптурное изображение)* [37, taf. IX, 3]. Передняя

нога животного поставлена прямо, задняя немного приогнута. Ухо подреугольной формы, небольшое. Морда узкая, слегка приподнята вверх. Рога ажурные с отверстиями, соединяются с крупом, передний отросток загнут вверх (рис. 1.4).

Стоящий олень на прямых ногах (1 экз.) из Кадатского могильника (4, рис. 1) (скульптурное изображение). Голова расположена прямо, рог эсвидной формы с 4 отростками, передний и последний отростки загнуты вверх. Рог соприкасается с крупом оленя (рис. 1.5).

2.2. Изображение оленя, с подогнутой и вытянутой вперед передней ногой (1 экз.) [КККМ, инв. номер утрачен] (рельефное изображение). Изображение схематично

выполнено на одной из сторон втулки чекана в технике рельефа. Задняя нога животного согнута, передняя согнута в колене и вытянута вперед. Ноги животного тонкие, длинные, копыта не проработаны. Шея длинная, немного наклонена, уши направлены в разные стороны, хвост короткий, морда узкая. Пасть, глаз, рога не изображены. Голова расположена горизонтально (рис. 1.3б).

3. Изображение оленьих рогов, направленных вверх (1 экз.) (скульптурное изображение) (Ачинско-Мариинский район, могильник Ягуна, курган 1, м. 3) [КОКМ, инв. № ОФ 8528/70]. Стержни рога венчают с каждой стороны по три отростка, загнутые вниз (рис. 1.6).

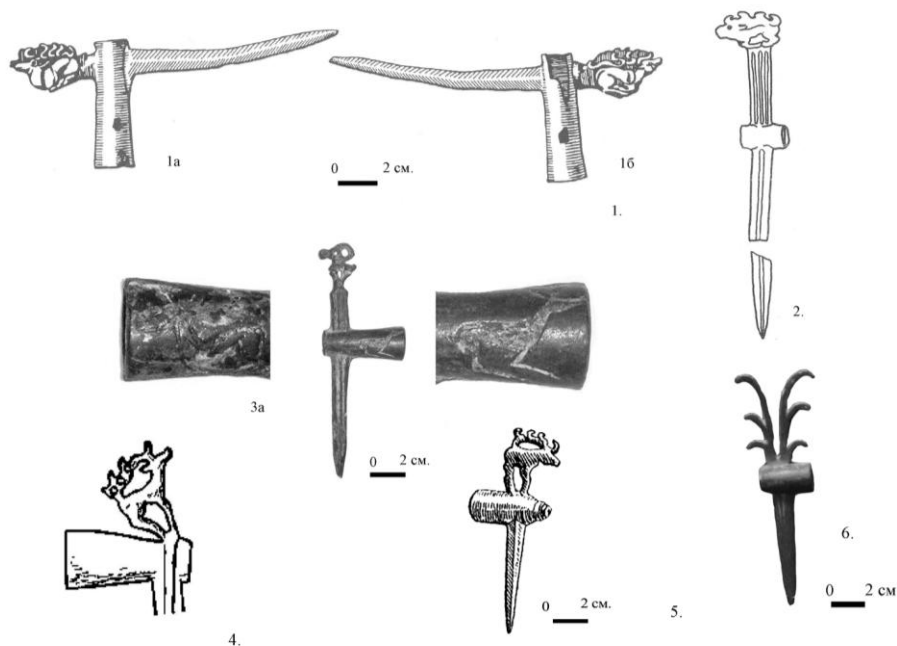

Рис. 1. Изображения оленей в декоре тагарских чеканов: 1. Курган у д. Новомихайловка, м. 3 [Приводится по: 17, рис. 18.5, 6]; 2. Серебряковский могильник, к. 16, м. 1 [Приводится по: 22, рис. 106.12]; 3. сл. н., местонахождение неизвестно [КККМ, инв. номер утрачен]; 4. – сл. н., Минусинский уезд [Приводится по: 37, taf. 9]; 5. Кадатский могильник [Приводится по: 4, рис. 1]; 6. Ягуна, курган 1, м. 3 [КОКМ, инв. № ОФ 8528/70]. Все бронза. Без масштаба

Fig. 1. Representations of deer in Tagar horseman's picks ornament: 1. Kurgan near Novomikhailovka village, tomb 3 [according to 17, fig. 18.5, 6]; 2. Serebriakovsky burial mound, k. 18, t. 1 [according to 22, fig. 106.12]; 3. incidental finding, unknown location [Krasnoyarsk Local History Museum, repository number is lost]; 4. – incidental finding, Minusinsk district [according to: 37, taf. 9]; 5. Kadatskiy burial mound [according to: 4, fig. 1]; 6. Yagunia, kurgan 1, t. 3 [Kemerovo Region Local History Museum, rep. No ОФ 8528/70]. Bronze. Without scale

Группа 2. Изображение оленя на рукояти тагарских ножей

Данная группа количественно более выражена. Представлена как целыми так и редуцированными изображениями.

2.1. Полнофигурные изображения оленя.

2.1.1. Стоящий олень

2.1.1.1. Олень изображен на прямых ногах с поднятой вверх головой. Изображение условное. Рога направлены вертикально вверх. Бедро и лопатка декорированы завитками [сл. н., Батени, МКМ, инв. № 2369] (рис. 2.4).

2.1.1.2. Стоящий олень на кончиках копыт (2 экз.). Относятся к категории случайных находок – с. Усть-Абаканское, местонахождение второго предмета неизвестно [9, кат. 93; 14, VI. 2а, 2б]. Оба изображения едины по стилистическому исполнению. На плоскости рукоятей ножей рельефно изображены четыре фигурки оленей,

расположенных друг над другом. Копыта животных как бы висят в воздухе. Такая поза в специальной литературе получила название животные в позе «на кончиках копыт», «на цыпочках» или «на пуантах». Круп у животных приподнят, голова расположена горизонтально. Рог с тремя отростками помещен вдоль спины, но со спиной не соприкасается. Навершия ножей декорированы скульптурной фигуркой кошачьего хищника. Другая сторона ножей имеет аналогичный декор в виде фигурок оленей, или кабанов в той же позе (рис. 2.1 – 2).

2.1.2. Олень в позе с подогнутыми ногами (2 экз.) По положению головы и форме рогов можно выделить две группы.

2.1.2.1. Олень в позе с подогнутыми под туловище ногами, повернутой назад головой и рогами, направленными вертикально вверх (сл. н., Аешка), [МКМ, инв.

№ 3776] (1 экз.). Изображение выполнено в технике гравировки. Морда оленя узкая, глаз круглый. Пасть не передана. Передний отросток рогов загнут вверх. Ноги оленя полусогнуты, копыта практически не соприкасаются

друг с другом. Шея оленя длинная. Над оленем выгравирована фигурка хищной птицы с повернутой назад головой (рис. 2.6).

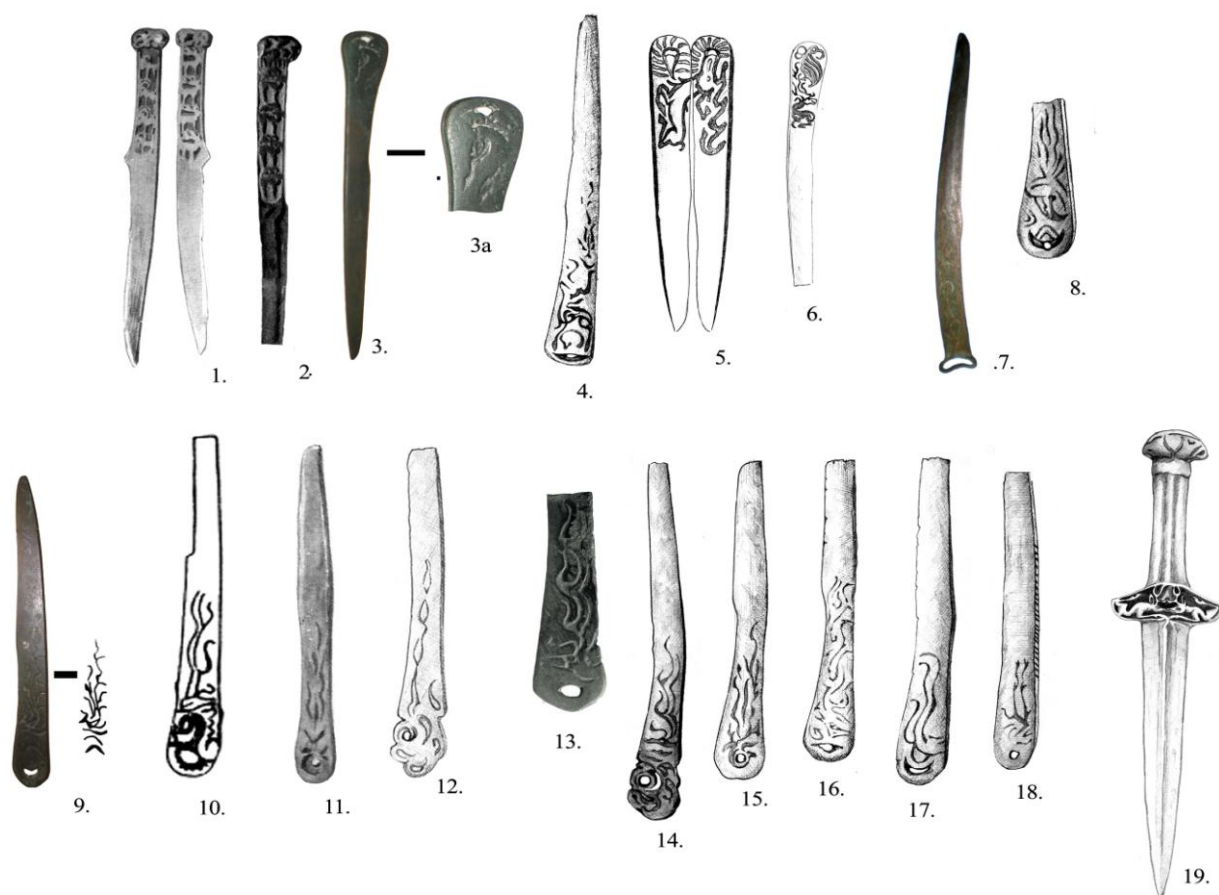

Рис. 2. Изображение оленьих голов или оленьих рогов на рукояти тагарских ножей: 1. [Приводится по: 14, табл. VI.2]; 2. [Приводится по: 9, кат. 93]; 3. Сл. н. Малая минуса [МКМ, инв. № 131 – 169]; 4. Батени [МКМ, инв. № 2369]; 5. Потехино [МКМ, инв. № 3775]; 6. Аешка [МКМ, инв. № 3766]; 7. Местонахождение неизвестно [ККМ, инв. № 213-1]; 8. Минусинский край [МКМ, инв. № 4266]; 9. Уты [МКМ, инв. № 3769]; 10. [Приводится по: 30, рис. 34.41]; 11. Потехино [Приводится по: 14, VI. 5]; 12. Минусинский край [МКМ, инв. № 3938]; 13. Бейское [Приводится по: 9, кат. 148]; 14. Коптерево [МКМ, инв. № 3749]. 15. Потехино [МКМ, инв. № 3772]. 16. Березовка [МКМ, инв. № 3770]. 17. Минусинский край [МКМ, инв. № 3765]. 18. Минуса [МКМ, инв. № 3758]; 19. Малая Иня [МКМ, инв. № 868]. Все бронза. Без масштаба

Fig. 2. Deer heads or antlers representations on Tagar knives knobs: 1. [according to 14, Table VI.2]; 2. [according to 9, cat. 93]; 3. incidental finding at Malaya Minusa [Minusinsk Local History Museum, rep. No 131 – 169]; 4. Betani [Minusinsk Local History Museum, rep. No 2369]; 5. Potekhino [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3775]; 6. Aeshka [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3766]; 7. Unknown location [Krasnoyarsk Local History Museum, rep. No 213-1]; 8. Minusinsk Territory [Minusinsk Local History Museum, rep. No 4266]; 9. Uty [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3769]; 10. [according to 30, fig. 41]; 11. Potekhino [according to 14, VI. 5]; 12. Minusinsk Territory [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3938]; 13. Beyskoye [according to 9, cat. 148]; 14. Kopterevo [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3749]. 15. Potekhino [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3772]. 16. Berezovka [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3770]. 17. Minusinsk Territory [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3765]. 18. Minusa [Minusinsk Local History Museum, rep. No 3758]; 19. Malaya Inya [Minusinsk Local History Museum, rep. No 868]. Bronze. Without scale

2.1.2.2. Олень в позе с подогнутыми ногами, головой расположенной прямо и рогами, идущими вдоль тела (гравировка) (1 экз.) [сл. н., Потехино, МКМ, инв. № 3775]. Уникально расположение изображения на рукояти ножа. Изображение двустороннее. Чтобы воспринять изображение полностью, зритель должен видеть обе сто-

роны рукояти ножа одновременно. На одной стороне ножа изображена голова оленя с рогами, идущими вдоль тела, на другой стороне – тело животного. Рога оленя волнообразные (3 отростка), передний отросток расположен параллельно голове, задний загибается вверх. Отростки рогов, образующие волны, загнуты в нехарактер-

ном для изображения скифских оленей направлении. Ухо крупное, подтреугольной формы. Глаз выполнен углублением. Хвост небольшой. В районе шеи и спины изображены линии. Ноги оленя подогнуты под туловище, но не соприкасаются друг с другом (рис. 2.5).

2.2. Редуцированные изображения оленя

2.2.1. Изображения ног копытного (олень?) (1 экз.) [сл. н., Малая Минуса, КККМ инв. № 131 – 169] На рукояти ножа техникой гравировки изображены ноги копытного, предположительно оленя или лося в позе аналогичной предыдущему типу – «на цыпочках» (рис. 2.3).

2.2.2. Головы оленей с рогами, направленным вверх, или только олени рога (13 экз.). Все ножи относятся к

категории случайных находок – Березово [МКМ, инв. № 3770], Уты [МКМ, инв. № 3769], Батени [МКМ, инв. № 2369], Потехино [МКМ, инв. № 3772, 14, рис. VI.V], Коптерево [КККМ, инв. № 3749], Минусинский край [МКМ, инв. № 4266, 3765, 3938], Минуса [МКМ, инв. № 3758], Абакан [30, табл. 34.41], Бейское [9, кат. 148], местонахождение неизвестно [КККМ, инв. № 213-1]. Изображение головы схематично, основное внимание древнего мастера направлено на проработку сложного узора рогов животного. Морда оленя, как правило, узкая. На одном из изображений у оленя широко открыта пасть, глаз крупный круглый [9, кат. 148]. Изображения рогов варьируется по степени схематичности (рис. 2.7 – 18).

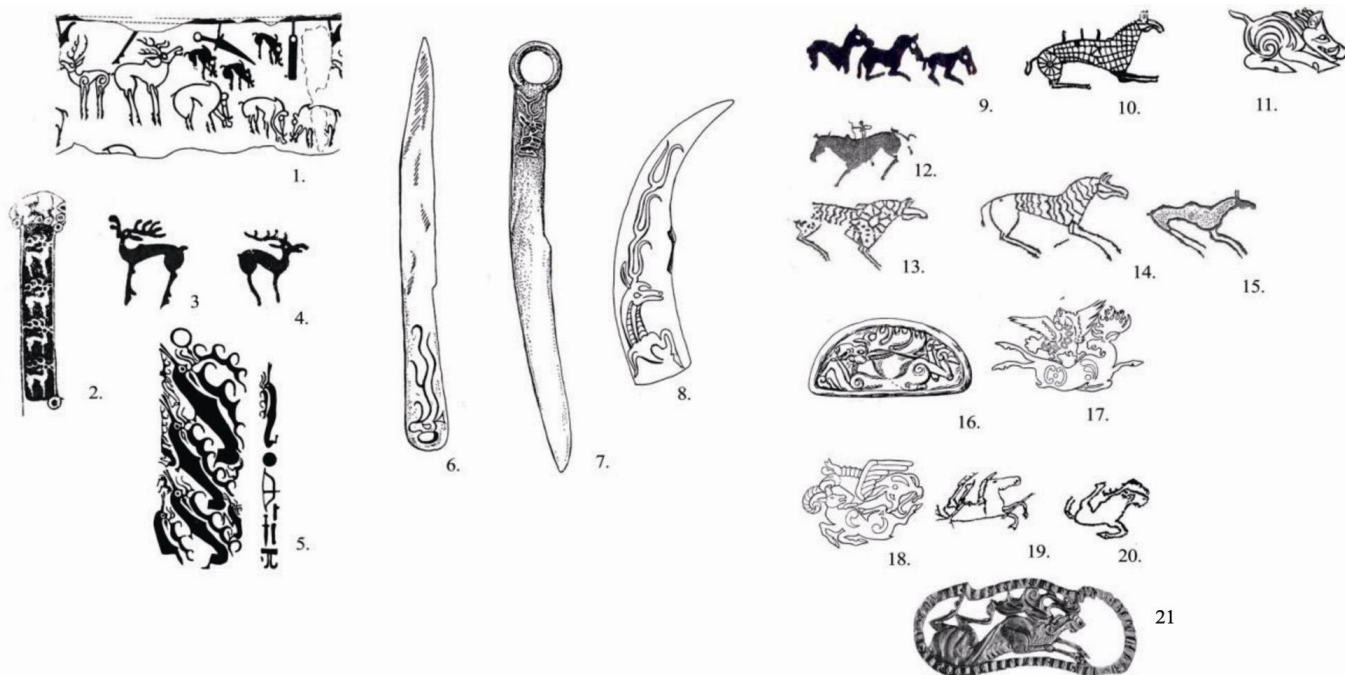

Рис. 3: Аналогии тагарским изображениям оленей: 1. Олений камень из кургана Аржан [Приводится по: 8, рис. 3]; 2. Могильник Туран (Тува) [Приводится по: 7, рис. 1.7]; 3. Туранский камень [Приводится по: 7, рис. 1.12]; 4. Орзаксы (Тува) [Приводится по: 7, рис. 1.9]; 5. Олений камень с р. Иволги [Приводится по: 23, рис. 2]; 6. Могильник Чинге, курган 27 (Тува) [Приводится по: 16, рис. 7.6]; 7. Ордос (?) [Приводится по: 16, рис. 7.4]; 8. Калиновский могильник, курган 8, погребение 35 (Нижнее Поволжье) [Приводится по: 16, рис. 7.1]; 9. Олений камень № 15. Баянхонгорский аймаг. Жаргалант сумын. Местность хэрэксурин дэнж [Приводится по: 5, табл. 41]; 10. Изображение на Оглахты [Приводится по: 28, рис. 3Д]; 11. Фрагмент изображения на деревянной колоде из второго Башадарского кургана [Приводится по: 25, рис. 87 б.]; 12 – 15 – Оглахты I – II [Приводится по: 35, рис. 120.4, 7 – 9]; 16, 17 – по материалам Пазырыкских курганов [Приводится по: 25, табл. 136-и; табл. 151-а, б]; 19 – 20. Абакано-Перевоз [Приводится по: 28, табл. 9.8; 9.9]; 21. Фрагмент золотой накладки на ножнах кинжала из кургана Иссык [Приводится по: 1, табл. 26]. Без масштаба. 1, 3 – 5, 9 – 10, 12 – 15, 19 – 20 – рисунки на камне; 3, 8 – кость; 21 – золото; 11 – дерево; 6 – бронза

Fig. 3: Analogues to Tagar deer representations: 1. Deer stone from Arzhan kurgan [according to: 8, fig. 3]; 2. Turan burial mound (Tyva) [according to: 7, fig. 1.7]; 3. Turanian stone [according to: 7, fig. 1.12]; 4. Orzakys (Tyva) [according to: 7, fig. 1.9]; 5. Deer stone from Ivolga River [according to: 23, fig. 2]; 6. Chingue burial mound, kurgan 27 (Tyva) [according to: 16, fig. 7.6]; 7. Ordos (?) [according to: 16, fig. 7.4]; 8. Kalinovskiy burial mound, kurgan 8, burial mound 35 (Low Volga area) [according to: 16, fig. 7.1]; 9. Deer stone No 15. Bayankhongor aimag. Jargalant sum. Kherekhuriin denj [according to: 5, Table 41]; 10. Oglakhty representation [according to: 28, fig. 3D]; 11. Fragment of the representation on the wooden block from the second Bashadarsk kurgan [according to: 25, fig. 87 b.]; 12 – 15 – Oglakhty I – II [according to: 35, fig. 120.4, 7 – 9]; 16, 17 – According to Pazyryk kurgan materials [according to: 25, Table 136-u, Table 151-a, b]; 19 – 20. Abakano-Perevoz [according to: 28, Table 9.8; 9.9]; 21. Fragment of a golden plate on the dagger sheath from Issyk kurgan [according to: 1, Table 26]. Without scale 1, 3 – 5, 9 – 10, 12 – 15, 19 – 20 – representations on stone; 3, 8 – bone; 21 – gold; 11 – wood; 6 – bronze

3. Изображение оленя в декоре тагарских кинжалов

Известен 1 экз., происходящий из Малой Ини [сл. н., МКМ, инв. № 868]. На перекрестье кинжала зеркально изображены два оленя. Круп животных вывернут, передние ноги согнуты в колене и вытянуты вперед. Копыта проработаны мастером. Рога у оленей направлены вверх, передний отросток расположен перпендикулярно относительно головы, загнут вверх. Глаз овальный, ухо изображено вертикально (рис. 2.19).

На основании анализа можно выделить несколько стилистических групп в изображении оленей в декоре предметов вооружения тагарской культуры. Наиболее ранней стилистической группой, относящейся, вероятно, к аржано-майэмирской традиции являются изображения оленей на ножах, рукояти которых декорированы ярусными изображениями животных в позе «на цыпочках». Таких ножей известно три. Это ножи из с. Усть-Абаканское [9, кат. 93], с. Городок, местонахождение третьей находки неизвестно [14, рис. VI. 2а, 2б] (рис. 2. 1, 2). Навершие ножей оформлены фигуркой кошачьего хищника. Н. Л. Членова выделила их в отдельную группу «западного» стиля и отнесла к 6 в. до н. э. по типу ножей [31, с. 189; 30, с. 130 – 131]. Рукоять еще одного тагарского ножа оформлена изображением ног копытного животного, в той же позе (рис. 2, 3, 4). В тагарской культуре фигурки копытных на цыпочках (кабаны козлы) составляют небольшую серию. Этот прием использовался в декоре наверший тагарских ножей и кинжалов на подгорновском этапе тагарской культуры, что фиксируется в погребальных памятниках этого времени в могильниках Гришкин Лог, курган 20 м. 2, Подгорное озеро, курган 33, м. 21, Кичик-Кюзюр, курган 2, м. [32, рис. 17.9; 9, кат. 151, 152]. Ярусные изображения в тагарской культуре известны в декоре рукояти кинжала из Новопятницкого клада [ККМ, инв. № 9766/14] [3, с. 70 – 72, рис. I]. Изображения зверей на кинжале выполнены в традициях, соответствующих раннескифскому изобразительному канону. Д. Г. Савинов относил ножи с таким декором к середине 7 – концу 6 вв. до н. э. [27, с. 98 – 99]. Известен нож из могильника Означенное, курган 10, рукоять которого декорирована ярусными изображениями кабанов в подобной позе, но стилистически уже заметны следы упрощения изображения. Могильник Означенное хронологически соотнесен с биджинским этапом тагарской культуры (5 – 4 вв. до н. э.) [29, с. 225 – 226, рис. 1.4]. Ближайшие аналогии тагарским изображениям оленей на цыпочках происходят из могильника Туран (7 – 5 вв. до н. э.) [7, рис. 3] (рис. 3.2). Рукоять ножа украшена изображением четырех фигурок стоящих оленей, практически идентичных тагарским. Навершие ножа, как и у тагарских образцов, венчает фигурка кошачьего хищника. Таким образом, аналогии изображений животных в позе на цыпочках прослеживаются из погребальных комплексов тагарской культуры с подгорновского времени. Нож из могильника Означенное Д. Г. предложил считать раритетом и отнес его к предшествующему времени [27, с. 99].

Территория распространения изображений копытных в позе «на цыпочках» довольно обширна: такие изображения известны в первую очередь на оленных камнях, в петроглифах, различных категориях инвентаря в Туве, Приаралье, Казахстане, Алтае, Киргизии, Кавказе, Ордосе. На такое положение ног копытных в раннескифском

искусстве Центральной Азии уже обращали внимание исследователи [31; 7, с. 222 – 232]. Ярусность, а также положение копыт в позе «на цыпочках» являются признаком раннескифского изобразительного канона [26, с. 41 – 42]. Возможно, к той же стилистической традиции относится изображение стоящего оленя на рукояти ножа из Батени [МКМ, инв. № 2369]. Он близок по постановке ног, поднятой вверх голове, изображению рогов изображениям на оленных камнях из кургана Аржан [8, рис. 3]; Орзаксы, Туранского камня [7, рис. 1.12] (рис. 3. 1, 3, 4). Оформление лопатки и бедра животного завитками в виде полукруга у оленя на тагарском ноже сходно моделировкой тела оленя на оленном камне из Аржана-1. Это является одной из особенностей ранней изобразительной традиции [35, с. 246] (рис. 2.4; 3.1).

К ранней группе аржано-маэмирской традиции, возможно, относится изображение оленьей головы с вытянутой мордой и рогами вверх на рукояти тагарского ножа из с. Бейское [9, кат. 148]. Пасть оленя широко открыта. Такое изображение пасти оленя делает его похожими на изображения в петроглифах аржано-маэмирского стиля и на оленных камнях монголо-забайкальского типа. Вероятно, открытая пасть, наряду с клювообразной мордой или головой – признак раннескифской изобразительной традиции. Такие изображения пасти известны по изображениям животных на обломке оленного камня из кургана Аржан-1, на рукояти бронзового ножа из Турана (Тува), относящимся к раннескифскому времени [19, рис. 3], а также на Туранском камне из Орзаксы (Тува) [7, рис. 1.9, 1.12], петроглифах Монголии (рис. 3.2, 4). М. П. Завитухина датировала данный нож 6 – 5 вв. до н. э. [9, с. 61].

Возможно, развитие этой стилистической традиции представляет группа изображений оленей с рогами, идущими вверх и/или только оленьих рогов. Изображения отличаются степенью условности. Все они происходят из случайных находок, что затрудняет хронологическую атрибуцию. На них впервые обратила внимание Н. Л. Членова [31, с. 184]. Область распространения таких изображений она ограничила территорией между Нижним Поволжьем и Минусинским краем. Аналогий таким изображениям немного. Наиболее близкие по типу изображения происходят из могильника Чинге, кургана 27 (Тува), Калининского могильника, курган 8, погребение 35 и из Ордоса [16, рис. 6] (рис. 3.6-8). Из кургана 27 могильника Чинге (5 – 3 вв. до н. э.) происходит нож, рукоять которого декорирована стилизованной головкой оленя с двумя вертикальными волнообразными рогами. Это изображение по стилю выполнения наиболее близко к тагарским изображениям оленьих рогов на рукояти ножей и связано с этой же категорией инвентаря.

В. В. Бобровым уже было отмечено сходство в положении ног, морды, некоторых элементов в исполнении рогов у изображений оленя с подогнутыми ногами и повернутой назад головой на ноже из с. Аешка и оленя выбитого на камне с реки Иволги [23, рис. 2; 2, с. 89] (рис. 3.5). Сама манера исполнения – моделировка тела оленя напоминает аппликации из пазырыкских курганов. А. П. Окладников датировал Иволгинский оленный камень временем около 7 – 5 вв. до н. э. и синхронизировал его с ранними плиточными могилами Забайкалья [23, с. 218]. По классификации Н. Л. Членовой ножи, подоб-

ные ножу из с Аешка (с расширяющейся вверх и закругленной ручкой с круглым отверстием), встречаются в тагарских комплексах с 5 – 4 вв. до н. э. [30, с. 183].

Из представленных выше тагарских ножей к ранним, отличающимся массивностью и выраженностью выступа между лезвием рукоятью, можно отнести ножи с ярусными изображениями животных на цыпочках. Все остальные ножи более поздние и встречаются в комплексах с 5 в. до н. э. [30, с. 167, 183].

Более поздней группой изображений, появившихся во второй половине сарагашенского этапа, являются изображения оленей, выполненные на обушке чеканов. Изображения оленей в позе с подогнутыми ногами, украшающие обушки чеканов из кургана у д. Новомихайловка (Хакасско-Минусинская котловина) и Серебряковского могильника (Ачинско-Мариинская лесостепь) составляют единую стилистическую группу с изображениями оленей с эсвидными рогами в виде оленных бляшек (рис. 1.1 – 2). По ряду признаков, в том числе форме рогов, их можно отнести к группе I вида I по классификации, предложенной В. В. Бобровым [2, с. 28 – 29]. По типу вещей могила 2 кургана у д. Новомихайловка датирована 4-первой половиной 3 вв. до н. э. [17, с. 28]. Кургана 16 могильника Серебряково по характеру погребальных сооружений и погребальному инвентарю может быть отнесен к 3(2) – 1 вв. до н. э. [20, с. 195 – 196; 2, с. 112]. Вероятно, изображения оленей с подогнутыми ногами на обушке чеканов в тагарской культуре появляются на сарагашенском этапе тагарской культуры, возможно, в 4 – первой половине 3 вв. до н. э. Из Ачинско-Мариинского района из могильника Ягуна, кургана 1, м. 3 происходит чекан, обушек которого декорирован скульптурным изображением оленных рогов [КОКМ, инв. № ОФ 8528/70]. Кургана 1 датирован А. И. Мартыновым по характеру обряда погребений, погребальному инвентарю концом 3 в. до н. э. [21, с. 223].

Вероятно, временем не ранее 4 – 3 вв. до н. э. датированы чеканы с изображениями стоящего оленя на обушке. Один из предметов происходит из Кадатского могильника, в кургане, датированном по серии бронзовых вещей 3 в. до н. э. [4, с. 51] (рис. 1.5).

Изображение оленя в позе с подогнутой и вытянутой вперед передней ногой на втулке чекана [сл. н., ККМ, инв. номер утрачен] синхронно изображениям оленей в позе с подогнутыми ногами на оленных бляшках, которые, исходя из сложившихся представлений об их хронологии, появляются в тагарской культуре в 5 в. до н. э. (на противоположной стороне втулки этого же чекана изображен олень в позе с подогнутыми ногами) (рис. 1.3). В тагарской мелкой пластике такая поза у копытных известна на шиле-вкладыше, которое декорировано фигуркой козла в подобной позе [МКМ, инв. № 3865], но в большей степени изображения лошадей в подобной позе известны в наскальном искусстве Минусинской котловины (Оглахты) [35, рис. 120; 28, рис. 3Д] (рис. 3.10; 12 – 15). На оленных камнях Монголии есть единичные изображения копытных в такой позе [5, табл. 31, 40.1, 41, 116] (рис. 3.9).

Подобных изображению оленя с вытянутой вперед передней ногой и вывернутым крупом на перекрестье тагарского кинжала из М. Ини в тагарской мелкой пластике нет (рис. 2.19). Вытянутая вперед нога, вывернутый

круп – естественная поза для хищников, но не копытных. В скифо-сибирском искусстве она в большей степени передана в изображениях кошачьих хищников. Подобные изображения есть в наскальном искусстве тагарской культуры (Бейская стела, Абакано-Перевоз), где изображены лошади с вывернутым крупом но передняя нога естественно подогнута под туловище [28, табл. 9.7-9] (рис. 3.19 – 20). Изображения копытных с вывернутым крупом известны из пятого пазырыкского кургана, второго Башадарского [24, рис. 55, 82; 25, табл. XXXI] (рис. 3.16 – 17). Изображения с подогнутыми задними ногами и вытянутыми передними есть в пазырыкском и тузунтинском курганах [25, рис. 142]). Но, пожалуй, самые ранние изображения животных с вытянутыми передними ногами происходят из кургана Аржан-2 [33, рис. 1]. По своей позе, выбору образа и предмета в декоре которого выполнено изображение, олени на перекрестье тагарского кинжала с Малой Ини ближе всего к фрагменту золотой накладки на ножнах кинжала из кургана Иссык (Казахстан) (4 – 3 вв. до н. э.) [1, табл. 26] (рис. 3.21), но стилистически изображения разные. По стилю тагарские олени ближе к алтайским изображениям пазырыкского времени и, возможно, хронологически синхронны им. Хронология изображений животных в подобной позе находится в орбите общей дискуссии о времени возникновения культур раннего железного века на Саяно-Алтайском нагорье [например, 10, с. 23 – 25; 34, с. 69 – 71; 36, с. 72 – 74]. Можно согласиться с аргументированным мнением П. И. Шульги, который не относит Башадар 2 к раннему этапу пазырыкской культуры.

На фоне тагарских изображений оленей выделяется изображение оленя в позе с подогнутыми ногами на рукояти тагарского ножа из с. Потехино [МКМ, инв. № 3775] (рис. 2.5). Подобные по типу ножи встречаются в тагарских комплексах 4 – 3 вв. до н. э. [30, с. 183]. Не характерно размещение оленя на ноже – голова животного изображена на одной стороне рукояти, туловище на другой стороне, а также изображение рогов животного.

Таким образом, изображений оленей в декоре предметов вооружения немного, но они довольно таки разнообразны и демонстрируют различные изобразительные традиции. Наиболее ранней группой, связанной с аржано-майэмирской изобразительной традицией являются ярусные изображения оленей на рукояти тагарских ножей (7 – 6 вв. до н. э.). По типу ножи, на которых помещены эти изображения, относятся к ранним. Изображения голов оленей с рогами идущими вверх и оленных рогов на рукояти тагарских ножей близки к изображениям животных саяно-алтайского и монголо-забайкальского стилей. Но свое воплощение в тагарской мелкой пластике они получают на ножах, тип которых известен из тагарских погребений 5 – 4 вв. до н. э.

Другой вариант изображений оленей, демонстрирующий местную, минусинскую традицию связан с изображением стоящих оленей на обушке. Изображения же оленей в позе с подогнутыми ногами на обушке чеканов идентичны изображениям оленей с эсвидными рогами на тагарских «оленных» бляшках, демонстрирующими параллели с чиликтинскими оленями 6 в. до н. э. Традиция украшать обушек чекана изображением оленя появляется в тагарской культуре, судя по всему, не ранее 4 – 3 вв. до н. э.

Литература

1. Акишев К. А. Курганы Иссык (искусство скифов Казахстана). Алма-Ата: Искусство, 1978. 132 с.
2. Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. Т. 1.
3. Бобров В. В., Моор Н. Н. Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: КГУ, 2011. С. 70 – 77.
4. Вадецкая Э. Б. Первые итоги работ на КАТЭЖе // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 47 – 56.
5. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
6. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. 1980. 256 с.
7. Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень (этюды на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Л.: ЛГУ, 1978. Ч. II. С. 222 – 232.
8. Грязнов М. П., Мананй-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан // АО, 1973. М., 1974. С. 192 – 195.
9. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
10. Зайцева Г. И., Алексеев А. Ю., Чугунов К. В. Соотношение хронологических шкал европейских и азиатских памятников раннескифского времени // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 23 – 25.
11. Зинченко С. А. Вопрос о формах заимствования восточно-казахстанских образов в искусстве тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 162 – 163.
12. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА, № 9. Л.: 1949, 364 с.
13. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: изд-во: АН СССР, 1951. 643 с.
14. Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлической эпохи. Атлас. Томск: Типография сибирской газеты, 1886.
15. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н. э.). СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. 272 с.
16. Королькова Е. Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. Вып. 35. СПб. 2001. С. 91 – 111.
17. Кузьмин Н. Ю. Курганы у деревни Новомихайловка. Археологические изыскания. СПб.: РАН ИИМК, 1994. 60 с.
18. Курочкин Г. Н. Свернувшийся в кольцо хищник и «летающий олень» (генезис и распространение ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля) // Античная цивилизация и варварский мир: материалы III-го археологического семинара. Ч. 2. Новочеркасск, 1993. С. 92 – 104.
19. Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М.: Наука, 1970. 122 с.
20. Мартынов А. И. Раскопки Серебряковского курганного могильника // АО 1969. М.: 1970. С. 195 – 197.
21. Мартынов А. И. Ягуны // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1973. 320 с.
22. Мартынов А. И., Бобров В. В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 3. Кемерово, 1971. 132 с.
23. Окладников А. П. Оленный камень с реки Иволги // СА, XIX. 1954. С. 207 – 220.
24. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
25. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1960. 359 с.
26. Савинов Д. Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 35 – 55.
27. Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб.: СПбГУ, 2002. 202 с.
28. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. 140 с.
29. Трифонов Ю. И. Тагарские курганы на юге Минусинской котловины // АО 1973 года. М., 1974. С. 225 – 226.
30. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
31. Членова Н. Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. М.: АН СССР, 1962. С. 167 – 203. (МИА; № 115).
32. Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: ИА РАН, 1997. 98 с.
33. Чугунов К. В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39 – 60.
34. Чугунов К. В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 69 – 71.
35. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
36. Шульга П. И. О датировке и относительной хронологии памятников раннего этапа пазырыкской культуры // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 72 – 74.
37. Merchart G. von. Bronzezeit am Jenissei; ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Co., 1926.

DEPICTION OF THE DEER IN TAGAR WEAPON DECORATION

Vladimir V. Bobrov^{1, @1, *}, Natalya N. Moor^{1, @2, *}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

@1 klae@kemsu.ru

@2 archaeology@kemsu.ru

Received 05.04.2016.

Accepted 16.09.2016.

Keywords: animal style, art, Tagar culture, Scythian Siberian world, weapon, decoration, style.

Abstract: The paper is devoted to the depiction of deer in the decoration of Tagar weapons. Such images are not numerous, much fewer than the deer images on other types of Tagar inventory. However, in terms of expression and diversity the deer images in the decoration of Tagar weapons are not inferior and even superior to those in other extant categories of items. The paper presents the experience of systematizing animal style decoration of Tagar weapons based on such features as the type of weapon, animal posture and image style. The authors revealed the stylistic traditions of images dating back to Arjan-Mayemir traditions, images on deer stones of the Sayan-Altai and Mongolian-Trans-Baikal type, as well as the impact of the Scythian art from Tuva and Altai. Styles of deer depiction in knife decoration were correlated with blade types. It was possible to determine that some of the images with depictive signs of the early Scythian tradition were performed on items related to the later stages of Tagar culture, indicating the duration of the early Scythian traditions along with new versions of images.

*The work has been performed within state task No 33.1175.2014/K.

For citation: Bobrov V. V., Moor N. N. Izobrazheniia olenei v dekore predmetov vooruzheniia v Tagarskoi kul'ture [Depiction of the deer in Tagar weapon decoration]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 12 – 21. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-12-21.

References

1. Akishev K. A. *Kurgan Issyk (iskusstvo skifov Kazakhstana)* [Issyk Kurgan (Scythian Art of Kazakhstan)]. Alma-Ata: Iskusstvo, 1978, 132.
2. Bobrov V. V. *Olen' v skifo-sibirskom iskusstve zverinogo stilia (tagarskaia kul'tura)*. Diss. kand. ist. nauk [Deer in Scythian-Siberian Animal Style Art (Tagar Culture). Cand. hist. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 1973. Vol. 1.
3. Bobrov V. V., Moor N. N. Reministsentsii izobrazitel'noi traditsii seiminsko-turbinskoi epokhi v tagarskom iskusstve [Reminiscences of Representation Tradition of Seymino-Turbino Time in Tagar Art]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [Ancient Art in Archaeology]. Kemerovo: KGU, 2011, 70 – 77.
4. Vadetskaia E. B. Pervye itogi rabot na KATEKe [First Conclusions of the KATEK Works]. *Drevnie kul'tury evraziiskikh stepei* [Ancient Cultures of Eurasian Steppes]. Leningrad: Nauka, 1983, 47 – 56.
5. Volkov V. V. *Olen'nye kamni Mongolii* [Deer Stones of Mongolia]. Moscow: Nauchnyi mir, 2002, 248.
6. Grach A. D. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient Nomads in the Center of Asia]. Moscow, 1980, 256.
7. Griaznov M. P. Saiano-altaiskii olen' (etiud na temu skifo-sibirskogo zverinogo stilia) [Sayany-Altai Deer (Assay on Scythian-Siberian Animal Style)]. *Problemy arkheologii* [Archaeology Issues]. Leningrad: LGU, 1978, Part II, 222 – 232.
8. Griaznov M. P., Manani-ool M. Kh. Tretii god raskopok kurgana Arzhan [The Third Year of Excavation of Arzhan Kurgan]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973* [Archaeological discoveries 1973]. Moscow, 1974, 192 – 195.
9. Zavitukhina M. P. *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremia* [Ancient Art on Yenisey River. Scythian Time]. Leningrad: Iskusstvo, 1983, 192.
10. Zaitseva G. I., Alekseev A. Iu., Chugunov K. V. Sootnoshenie khronologicheskikh shkal evropeiskikh i aziatskikh pamiatnikov ranneskifskogo vremeni [Comparing the Chronological Scales of European and Asian Sites of Early Scythian Time]. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii* [Modern Issues of Russian Archaeology]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2006, Vol. II, 23 – 25.
11. Zinchenko S. A. Vopros o formakh zaimstvovaniia vostochno-kazakhstanskikh obrazov v iskusstve tagarskoi kul'tury [Problem on Borrowing of Eastern Kazakhstan Themes in Tagar Culture Art]. *Arkheologiiia Iuzhnoi Sibiri: idei, metody, otkrytiia* [Archaeology of Southern Siberia: Ideas, Methods, Findings]. Krasnoiar'sk: RIO KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2005, 162 – 163.
12. Kiselev S. V. Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri [Ancient History of Southern Siberia]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR = Materials and researches on archeology of the USSR*, Leningrad, no. 9 (1949): 364.
13. Kiselev S. V. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: izd-vo AN SSSR, 1951, 643.
14. Klements D. A. *Drevnosti Minusinskogo muzeia. Pamiatniki metallicheskoj epokhi* [Atlas Ancient Findings of Minusinsk Museum. Findings of Paleometal Age]. Tomsk: Tipografiia sibirskoi gazety, 1886.

15. Korol'kova E. F. *Zverinyi stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia v skifskuiu epokhu (VII – IV vv. do n. e.)* [Animal Style of Eurasia. Art of the Tribes of Volga River and Southern Ural Region in Scythian Time (VII – IV centuries BC)]. Saint-Petersburg: Peterburg. vostokovedenie, 2006, 272.
16. Korol'kova E. F. Kubanskii zverinyi stil' i ego vostochnye analogii [Kuban Animal Style and Eastern Analogies]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha = The archaeological collection of the State Hermitage Museum*, no. 35 (2001): 91 – 111.
17. Kuz'min N. Iu. *Kurgan u derevni Novomikhailovka. Arkheologicheskie izyskaniia* [The Kurgan Near Novomikhailovka Village. Archaeological Researches]. Saint-Petersburg: RAN IIMK, 1994, 60.
18. Kurochkin G. N. Svernyvshis'ia v kol'tso khishchnik i «letiashchii olen» (genezis i rasprostranenie vedushchikh obrazov skifo-evraziiskogo zverinogo stilia) [Coiled Predator and 'Flying Deer' (Genesis and Spread of the Main Themes of Scythian Eurasian Animal Style)]. *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarkii mir: materialy III-go arkheologicheskogo seminar* [Antic Civilization and Barbarian World: Proc. III Archaeological Seminar]. Novocherkassk, 1993, Part 2, 92 – 104.
19. Mannai-ool M. X. *Tuva v skifskoe vremia* [Tyva in Scythian Time]. Moscow: Nauka, 1970, 122.
20. Martynov A. I. Raskopki Serebriakovskogo kurgannogo mogil'nika [Excavations of Serebryakovskiy Kurgan Burial Mound]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1969* [Archaeological discoveries 1969]. Moscow, 1970, 195 – 197.
21. Martynov A. I. Iagunia [Yagunya]. *Izvestiia laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [Bulletin of the Archaeological Researches Laboratory]. Kemerovo: KGPI, 1973, 320.
22. Martynov A. I., Bobrov V. V. Serebriakovskii mogil'nik [Serebryakovskiy Burial Mound]. *Izvestiia laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy = Bulletin of the Archaeological Researches Laboratory*, Kemerovo, no. 3 (1971): 132.
23. Okladnikov A. P. Olen'nyi kamen' s reki Ivolgi [Deer Stone From Ivolga River]. *Sovetskaiia arkheologiia = Soviet archaeology*, no. XIX (1954): 207 – 220.
24. Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia* [Culture of Altai Republic Population in Scythian Time]. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1953, 402.
25. Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia* [Culture of Altai Republic Population in Scythian Time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1960, 359.
26. Savinov D. G. Izobrazitel'nye pamiatniki ranneskifskogo vremeni: iskusstvo kompozitsii [Representations of Early Scythian Time: Art of Composition]. *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Representation and Technology Traditions in the Art of Northern and Central Asia]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, 35 – 55.
27. Savinov D. G. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia* [Early Nomads of Upper Yenisey]. Saint-Petersburg: SPGU, 2002, 202.
28. Sovetova O. S. *Petroglify tagarskoi epokhi na Enisee (siuzhety i obrazy)* [Petroglyphs of Tagar Age on Yenisey River (Plots and Themes)]. Novosibirsk: IAiE SO RAN, 2005, 140.
29. Trifonov Iu. I. Tagarskie kurgany na iuge Minusinskoii kotloviny [Tagar Kurgans in the South of Minusinsk Depression]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973* [Archaeological discoveries 1973]. Moscow, 1974, 225 – 226.
30. Chlenova N. L. *Proiskhozhdenie i ranniia istoriia plemen tagarskoi kul'tury* [Origins and Early History of Tagar Culture Tribes]. Moscow: Nauka, 1967, 300.
31. Chlenova N. L. Skifskii olen' [Scythian Deer]. *Pamiatniki skifo-sarmatskoi kul'tury* [Scythian and Sarmatian Culture]. Moscow: AN SSSR, 1962, 167 – 203.
32. Chlenova N. L. *Tsentral'naia Aziia i skify. I. Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kul'tur skifskogo mira* [Central Asia and Scythians. I. Date of Arzhan Kurgan and Its Place in the System of Cultures of Scythian World]. Moscow: IA RAN, 1997, 98.
33. Chugunov K. V. *Iskusstvo Arzhana-2: stilistika, kompozitsiia, ikonografiia, ornamental'nye motivy* [Art of Arzhan-2: Stylistics, Composition, Iconography, Ornamental Motives]. *Evropeiskaia Sarmatiia* [European Sarmatia]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 39 – 60.
34. Chugunov K. V. Sinkhronizatsiia kul'tur nachala ranneskifskogo vremeni Tsentral'noi Azii, Iuzhnoi Sibiri i Kazakhstana [Synchronization of the Cultures of Early Scythian Time of Central Asia, Southern Siberia and Kazakhstan]. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii* [Modern Issues of Russian Archaeology]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2006, Vol. II, 69 – 71.
35. Sher Ia. A. *Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka, 1980, 328.
36. Shul'ga P. I. O datirovke i otnositel'noi khronologii pamiatnikov rannego etapa pazyrykskoi kul'tury [Dating and Relative Chronology of Pazyryk Culture Early Stage Findings]. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii* [Modern Issues of Russian Archaeology]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2006, Vol. II, 72 – 74.
37. Merchart G. von. *Bronzezeit am Jenissei; ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: A. Schroll & Co., 1926.

УДК 94(517)"6/10"

КОНЦЕПТЫ «ВОЖДЕСТВО» И «ГОСУДАРСТВО» В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ РАН-НЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИМПЕРИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сергей А. Васютин¹, @, *

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@vasutin@history.kemsu.ru

Поступила в редакцию 13.05.2016.
Принята к печати 13.09.2016.

Ключевые слова: вожжество, государство, Центральная Азия, кочевые империи, аналоги государственности.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014/К.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы оценки политических институтов раннесредневековых империй Центральной Азии. В существующих подходах к определению управленческих систем имперских объединений кочевых племен делается акцент на таких концептах, как «вожжество» и «государство», но в том и другом случаях исследователям приходится констатировать отсутствие полного соответствия властных структур кочевых империй классическим признакам вожества и государства, делать постоянные оговорки, размывающие содержание данных понятий. Цель работы – рассмотреть возможность решения обозначенной проблемы с помощью применения более широкого спектра терминов, характеризующих разные политические системы и этапы в их развитии, в отношении раннесредневековых кочевых империй. Методологической основой статьи являются современные концепции многолинейности и многообразия политогенеза. В результате исследования выявлены ряды понятий, которые позволяют более адекватно отразить специфику политических институтов разных кочевых империй или наоборот, сделать подобную оценку более нейтральной, но дающей четкое понимание уровня сложности политической организации.

Для цитирования: Васютин С. А. Концепты «вожжество» и «государство» в оценке политических институтов раннесредневековых империй центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 22 – 27. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-22-27.

Продолжающийся дискурс вокруг политических систем кочевых империй Центральной Азии, обуславливает необходимость привлечения дополнительного научного инструментария в виде понятий и концепций, которые смогли бы наиболее адекватно отразить специфику властных институтов масштабных имперских объединений кочевых племен.

Помимо традиционных оценок кочевых империй как государств («кочевых государств») [26, 1994; 27, с. 31 – 40; 25; 8; 12, с. 90 – 121; 13, с. 112 – 275; 14, с. 29 – 31, 89 – 117; 29, 239 – 247; 3 и мн. др.] и таких «ностальгических» трактовок степной власти, как «феодальной» («феодальная государственность», см., например: [2]), в современной номадологии для характеристики политических структур кочевых империй и механизмов их функционирования применяют концепцию вожества (англ. *chiefdom*) [30, с. 280 – 285; 20, с. 241, 244 – 247, 21, с. 26, 31, 111 – 115, 143 – 145], антропологическую теорию Ибн-Хальдуна [1, с. 107 – 108; 21, с. 303; 22, с. 165 – 167; 24, с. 485], разработанную А. М. Хазановым типологию кочевых государств [30, с. 366 – 369] и такие специфические определения, как «экзополитарная (внешнеполитическая) и дистанционная эксплуатация», ксенократическая государственность, «престижная экономика» и др. [16; 19, с. 26 – 28; 20, с. 184 – 186, 234, 235, 249; 21, с. 36, 119, 131 – 132; 154 и др.]. Оригинальностью отличаются исследования американского антрополога Д. Снита, по-

лагавшего, что в кочевых империях власть принадлежала аристократическим домам, в то время как центральная власть полностью зависела от аристократии (теория «безголового государства» / «*Headless State*» у кочевников) [31].

Рассмотрим применение теории вожества к кочевым империям, поскольку это всеобъемлющее понятие, разработанное на широкой серии исторических обществ с разным типом хозяйства, культурой и традициями. Концепт «вожжество» возник и приобрел популярность в исследованиях неозволюционистов (М. Фрид, Э. Сервис, Р. Карнейро, Т. Ёрл, Х. Классен, П. Скальник и др.). Чифдом (вожжество) рассматривался как самостоятельный этап политогенеза между акефальными племенными сообществами и государством. По мере накопления исторических и этнологических материалов, исследователи стали выделять разные типы вожеств (военные, теократические, тропико-лесные, прибрежные и т. п.), дифференцировать их по степени сложности (простые, сложные / компандные, максимальные, суперсложные и др.) [17].

На сегодняшний день теория вожества является ключевым «научным инструментом» для обоснования догосударственного статуса большинства кочевых объединений Евразии. Среди российских исследователей главным сторонником ее применения в отношении кочевых империй Центральной Азии является член-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор Н. Н. Крадин. Наиболее

обстоятельная характеристика политической системы имперской политики как суперсложного вожества им была представлена в монографии «Империя Хунну» [18; 20]. Опорной моделью для исследователя послужило понятие «сложное вожество» как объединение вторичных племен в единый союз с общей системой управления и культов. В неозволюционизме сложное вожество рассматривалось как ступень, с которой земледельческие общества потенциально могли совершить переход к государству. Тем самым сложное вожество может быть охарактеризовано как этап в становлении государства. Н. Н. Крадин, считая кочевые империи более крупными племенными конфедерациями, которые по людским ресурсам, территории и военному потенциалу намного сложнее компаундных вожеств, в рамках своего подхода сделал логичный вывод о том, что имперские объединения кочевых племен представляли собой вожества с максимальным уровнем сложности. В связи с этим он ввел в научный лексикон кочевых империй новое определение, направленное на то, чтобы отразить большую масштабность и иерархичность кочевых империй – суперсложное вожество. И хотя сам исследователь в публикациях делал разные оговорки («Суперсложное вожество в форме кочевых империй – это уже реальный прообраз раннего государства...» [20, с. 245; 21, с. 31]) концептуально он оценивает степные имперские политики как переходные, но не достигшие уровня ранней государственности.

Оценка хуннской империи Н. Н. Крадиным как суперсложного чифдома может обозначена как базовая для характеристики имперских объединений кочевников в Центральной Азии, но это не означает, что не могут быть предложены различные альтернативные трактовки. Рассмотрим возможность применения иных определений сущности политических институтов в кочевых империях на примере Тюркских каганатов.

Тюркские каганаты имели сложную структуру власти (единый политический центр в ставке кагана, так называемые «крылья» во главе с ябгу и шадом, уделы членов рода Ашина, представительство центра в подчиненных племенных союзах и общинах в лице тутуков, региональных «управленцев» разного уровня), многоуровневую систему иерархии племенных политий, интегрированных в империю, обширный территориальный охват). Но все же по ряду ключевых показателей в отношении Тюркских каганатов нельзя сказать о классических формах государственности, даже ранней государственности. По формальным признакам более или менее обосновано можно говорить о переходной или зачаточной государственности. Но в этих определениях граница между сложными формами вожеств и государственностью практически размыта.

Чего же не хватает имперским каганатам, чтобы у нас были основания без всяких оговорок заявлять о государстве?

Во-первых, в каганатах отсутствовали специализированные чиновники. Указанные выше «администраторы» в основном представляли титульную и племенную аристократию, их управленческая деятельность, особенно на уровне провинций не была результатом специальной подготовки (за исключением военных функций), она не отделялась от других занятий, не стала профессией, а сами носители данных полномочий не могут рассматриваться как полноценные бюрократы.

Во-вторых, не было общеимперских законодательных актов как в письменной, так и в устной форме. В решении различных судебных дел представители власти опирались преимущественно на обычно-правовые традиции разных этнополитических групп, вожди подчиненных племен сохраняли автономию в судопроизводстве над своими кочевыми общинами. Особые судебные полномочия были у верховного правителя только в военной сфере. Каган и его военачальники могли наказывать воинов, вплоть до смертной казни, опоздавших на сборы, не подготовивших соответствующего набора защитного и наступательного вооружения, нарушителей дисциплины, дезертиров и т. д.

В-третьих, не существовало общей фискальной сети и постоянно действующих норм налоговых сборов. Налоги собирались в основном с земледельцев, попавших в сферу контроля каганатов, а в степи преобладали дани, иррегулярные поборы и традиционные формы «оплаты» услуг власти предержащих (передача определенного количества скота для ритуальных действий и походов, организация праздников с застольями, символические дарения и пр.). Попытки ввести элементы регулярных фискальных поборов, осуществлявшихся китайцами и согдийцами при Эль-кагане (620 – 630), послужили одной из главных причин социальной напряженности в степном сообществе, мятежей и открытой борьбы против тюркской власти, в конечном итоге способствовавших разгрому тюрков и их подчинению Китаю.

Если мы возьмем ряд других показателей, которые учитываются в оценке политического «потенциала», то увидим, что тюркские политии середины VI – первой половины VIII в. по уровню сложности, размерам и численности превосходят компаундные и максимальные вожества. Установлена определенная пропорциональность между количеством общин, включенных в горизонтальные и иерархические структуры того или иного объединения, и уровнем сложности. В Тюркских каганатах количество подчиненных и интегрированных в империю крупных племенных союзов составляло несколько десятков, а вместе с отдельными кланово-племенными группами и оседлыми общинами за пределами монгольских степей достигало сотни. Численность населения кочевых империй в древний и средневековый период варьировалась от 800 тыс. до 1,2 – 1,5 млн человек [20, с. 71 – 79], в то время как в составных (компаундных) и максимальных вожествах земледельцев нормой было несколько десятков тысяч человек. Контроль над обширными территориями и многочисленными зависимыми «подданными» требовал, несомненно, более сложных форм управления. Нельзя также забывать, что институциональным выражением имперского начала в каганатах была военно-иерархическая система, которая в момент ее реального действия (сборы, набеги, война) по сложности организации (десятичный принцип, дисциплина, наличие подразделений, военачальников, отдельных армий, стратегии ведения боевых действий) не уступала многим земледельческим государственным обществам. Лишь при сравнении с армиями ведущих империй-цивилизаций (Рим, Византия, Иран, Китай) заметна разница в тактической подготовке, дисциплинированности, разнообразии вооружений, стратегии коллективных действий между номадами и войсками земледельцами. Но даже с армиями

этих центров цивилизации кочевники могли вести равную борьбу и одерживать временные победы (военное преимущество периферии над более сложными обществами – отдельная тема).

Таким образом, власть в Тюркских каганатах по структуре не обладала всеми признаками государственности, но по масштабам сложности вполне соответствовала этому уровню политической интеграции.

Политическая антропология дает широкий спектр понятий, используемых для оценки разных систем власти (различные типы вожеств и государств, аналоги и альтернативы вожествам и государствам) [17; 11; 4; 6; 28], что позволяет выбрать наиболее адекватные варианты для оценки институтов управления Тюркских каганатов. Современные специалисты исходят из многолинейности (нелинейности) политогенеза и разнообразия форм политического устройства. Учитывается, что наряду с развитием, социально-политические системы могут переживать кризис, стагнацию, трансформацию в сторону упрощения, распад, крах [15; 9; 10]. Государство не является единственным венцом политического развития человечества, а в истории известны примеры не менее сложных форм политического существования, но без явных признаков государственных институтов. Такие политии принято идентифицировать как аналоги или альтернативы государству [4; 6; 7]. Ряд исследователей предлагают более конкретные термины, обозначая сложные государственноподобные образования как гомоархии [5].

Нелинейность проявилась в политической истории Тюркских каганатов. Великий Тюркский каганат был империей, по территории уступавшей только Монгольской державе. В сравнении с детищем Чингис-хана, власть в каганате была менее структурированной, отсутствовала общая управленческая система (западная часть каганата развивалась достаточно автономно); быстро возникли внутренние противоречия между представителями клана Ашина, что привело к междоусобицам и разделению каганата на две самостоятельные политии.

Восточно-тюркский каганат развивался в сторону усложнения, был активным политическим актором в Восточной Азии, но не смог выдержать конкуренции с новой мощной империей в Китае (Тан). Попытка адаптации кочевой периферии к растущей экономической и военной мощи Поднебесной, с помощью усложнения политической деятельности (привлечение к управлению представителей оседлых общин, рост чиновников и введение фискальных сборов) показали, что преодолеть порог сложности, связанный с переходом к государству, данное политическое образование тюрков было не готово.

Для многих кочевых империй характерны разнонаправленные процессы (подъем, упадок, стагнация, кризис и т. д.) и энтропия власти. Второй Тюркский каганат (689 – 744/745) был наглядным примером таких тенденций и процессов. После неудачи Капаган-кагана в создании масштабной центрально-азиатской империи с включением в состав каганата Восточного Туркестана, Джунгарии, Семиречья, Саяно-Алтая, пограничной с Тан линии к югу от Гоби, Ордоса и других территорий, военно-политические ресурсы и энергия Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука были направлены в основном на подчинение мятежных племен и умиротворение степи, а не на развитие каганата в более сложную политическую

структуру, хотя располагали определенным потенциалом (желание Бильге-кагана построить город и распространить буддизм среди кочевников было пресечено советниками).

Необходимо учесть «подвижность» политических систем кочевников, наличие разнонаправленных тенденций как к усложнению, так и к более простым формам. После раскола в начале VII в. Великого Тюркского каганата на две самостоятельные державы (Западно-тюркский и Восточно-тюркский каганаты), в восточном ареале степей распря кагана с другими претендентами на престол привела к тому, что официальный правитель вместе со своими сторонниками и верными племенами укрылся в пограничной зоне Суйской империи под защитой китайской армии, а в степи действовали несколько самостоятельных «каганов», система власти была дезорганизована, телесские племена открыто заявляли о независимости. Другой пример связан с событиями 716 – 721 гг., когда в Монголии из-под контроля тюркской власти вышли почти все крупные племенные объединения кочевников, а Бильге-каган и Кюльтегин смогли консолидировать только часть тюркских племен для восстановления империи. В итоге, система управления в Тюркских каганатах на разных этапах их развития может быть определена в диапазоне от кочевого аналога компаундного вожества до аналога раннего государства (периоды правления Эль-кагана в Восточно-тюркском каганате и Капаган-кагана во Втором Тюркском каганате).

Уйгурский каганат имел более устойчивую тенденцию к усложнению. Во второй половине VIII в. с развитием строительства городов и крепостей, развитием торговли и рынков, принятием манихейства и его распространением среди рядовых кочевников, созданием иерархической сети управленцев уйгурскую империю можно вполне определенно обозначить как раннегосударственное образование. Дальнейшее развитие каганата позволяет поставить вопрос об оформлении традиционных форм государственности, но процесс этот к моменту разгрома уйгуров кыргызами не был завершен, а значит, сохранились переходные государственные формы.

Еще одна раннесредневековая империя – держава Ляо из-за завоевания обширных территорий с оседлым населением (Бохай, северо-восточный Китай) имела ярко выраженную специфику политической организации, которая только в X в. пережила несколько трансформаций. К началу этого столетия объединение киданей представляло собой союз кочевых вожеств и отдельных племенных объединений. Централизация, осуществленная Абаоцзи, вызвала сначала возникновение аналога государственности, а затем и появление элементов раннего государства. Завоевания Дэгуана привели к созданию Северной и Южной администраций для управления соответственно киданями, жившими в родовых владениях киданей земледельцами, подчиненными кочевыми племенами (север) и населением китайских провинций (юг) [23, с. 28 – 57, 224 – 236]. Последствиями этих преобразований стало формирование сложной политической «конструкции» в империи Ляо: это была кочевно-оседлая империя с традиционным государственным управлением на территории Южной администрации и постепенным переходом от аналога государства к специфичной форме государственной системы с включением племенных политий

и вождеств в свою структуру в рамках Северной администрации.

В заключение мы можем отметить большие возможности политической антропологии и понятий этой науки в разрешении дискуссионных вопросов оценки политических институтов кочевых империй Центральной Азии периода раннего Средневековья. Ключевое решение заключается в применении таких определений, как кочевые аналоги вождеств и государств к истории Тюркских и Уйгурского каганатов, ранним этапам развития империи Ляо. Они не загоняют исследователя в жесткие рамки дефиниций «суперсложное вождество» или «раннее го-

сударство», которые все равно допускают вариативность характеристик, но дают более четкое понимание уровня сложности политической системы в соответствии с разработанной в науке шкалой типов политической интеграции и связанных с ними моделей политического устройства. В этом контексте оценка кочевых империй раннего Средневековья варьировалась от аналогов компандным чифdomам (Второй Тюркский каганат в 716 – 721 гг.) до формирования сложных государственных систем, включавших политические образования догосударственного уровня (Империя Ляо в первой половине – середине X в.).

Литература

1. Айнос В. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Институт Африки РАН; Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 99 – 109.
2. Амрахов М. И. Возникновение государственности и формы землевладения у тюрков. Баку: Мутарджим, 2011. 120 с.
3. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухляева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. Режим доступа: <http://barfield.narod.ru>. (дата обращения: 12.07.2012).
4. Бондаренко Д. М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 198 – 206.
5. Бондаренко Д. М. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введения понятия) // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 164 – 183.
6. Гринин Л. Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 85 – 163.
7. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Вождества и их аналоги // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 92 – 123.
8. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII – IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
9. Классен Х. Дж. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 6 – 32.
10. Классен Х. Дж. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 37 – 54.
11. Классен Х. Дж. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 190 – 218.
12. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
13. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2010. 328 с.
14. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
15. Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24 – 83.
16. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
17. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 11 – 61.
18. Крадин Н. Н. Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 278 с.
19. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21 – 32.
20. Крадин Н. Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.
21. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
22. Крадин Н. Н. Кочевники в мировой истории: перспективы моделирования исторических процессов // Проблемы математической истории: математическое моделирование исторических процессов. М.: ЛИБЕРКОМ / URSS, 2008. С. 150 – 171.
23. Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907 – 1225). М.: Наука – Восточная литература, 2014. 351 с.
24. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с.
25. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.
26. Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 143 с.
27. Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 31 – 43.

28. Скальник П. Концепция раннего государства в антропологической теории // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 365 – 386.

29. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. С. 239 – 251.

30. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 604 с.

31. Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia / D. Sneath. New York: Columbia University Press, 2007. 273 p.

THE CONCEPTS «CHIEFDOM» AND «STATE» IN THE EVALUATION OF THE POLITICAL INSTITUTIONS IN THE EARLY MEDIEVAL EMPIRES OF CENTRAL ASIA

Sergei A. Vasyutin¹, @, *

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

@ vasutin@history.kemsu.ru, vasutin2012@list.ru

Received 13.05.2016.

Accepted 13.09.2016.

Keywords: chiefdom, state, Central Asia, nomadic empires, analogues of state systems.

* The article has been written within the state task of the Ministry of Education and Science of Russia № 33.1175.2014/K.

Abstract: The article deals with the evaluation of the political institutions in early medieval Central Asia. The existing approaches to defining the governing systems of the imperial nomad unions focus on the concepts "chiefdom" and "state", but in both cases researchers have to state an absence of total compliance of the nomadic empires' governing structures to the classical attributes of chiefdom and state, thus constantly making reservations, which blur these concepts. The purpose of the work is to consider the possibility of solving this problem by using a broader "net" of terms determining different political systems and stages in their development in relation to early medieval nomadic empires. The methodological base of the article is the modern conceptions of multilinearity and diversity of the political genesis. The research has resulted in determination of a range of concepts which could better reflect the specificity of political institutions of different nomadic empires or make this evaluation more neutral but providing a clearer understanding of the complexity level of the political organization.

For citation: Vasyutin S. A. Kontsepty «vozhdstvo» i «gosudarstvo» v otsenke politicheskikh institutov rannesrednevekovykh imperii tsentral'noi Azii [The concepts «chiefdom» and «state» in the evaluation of the political institutions in the early medieval empires of central Asia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 22 – 27. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-22-27.

References

1. Ainos V. Kul'turnyi kapital, nabegi za skotom i voennoe prevoskhodstvo traditsionnykh skotovodov [Cultural Capital, Livestock Raiding, and the Military Advantage of Traditional Pastoralists]. *Kochevaia al'ternativa sotsial'noi evoliutsii* [Nomadic Pathway in Social Evolution]. Moscow: Institut Afriki RAN; Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy RAN, 2002, 99 – 109.
2. Amrakhov M. I. *Vozniknovenie gosudarstvennosti i formy zemlevladieniia u tiurkov* [The emergence of State and land form the Türks]. Baku: Mutardzhim, 2011, 120.
3. Barfield T. Dzh. *Opasnaia granitsa: kochevye imperii i Kitai (221 g. do n. e. – 1757 g. n. e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BS to AD 1757)]. Ed. Ruchlyadev D. V.; transl. Ruchlyadev D. V., Kuznetsov B. V. Saint-Petersburg, 2009, 248. Available at: <http://barfield.narod.ru> (accessed 12.07.2012).
4. Bondarenko D. M. «Gomologicheskie riady» sotsial'noi evoliutsii i al'ternativy gosudarstvu v mirovoi istorii (postanovka problemy) [«Homologous series of» social evolution and state alternative in world history (problem)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos, 2000, 198 – 206.
5. Bondarenko D. M. Gomoarkhiia kak printsip sotsial'no-politicheskoi organizatsii (postanovka problemy i vvedeniia poniatii) [Gomoarhiya as a principle of social and political organization (formulation of the problem and the introduction of the concept)]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, 164 – 183.
6. Grinin L. E. Ranee gosudarstvo i ego analogi [Early state and its analogues]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, 85 – 163.
7. Grinin L. E., Korotaev A. W. Vozhdestva i ikh analogi [Chiefdoms and their analogues]. *Politicheskaia antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2012, 92 – 123.

8. Kamalov A. K. *Drevnie uigury VIII – IX vv* [Ancient Uighur VIII – IX centuries]. Almaty: Nash mir, 2001, 216.
9. Klassen Ch. J. Problemy, paradoksy i perspektivy evoliutsionizma [Problems and prospects of the paradoxes of evolution]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos, 2000, 6 – 32.
10. Klassen Ch. J. Evoliutsionizm v razvitiі [Evolutionism in development]. *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, 37 – 54.
11. Klassen Ch. J. Teoriia rannego gosudarstva segodnia [The theory of the early state today]. *Politicheskaiia antropologiia traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2012, 190 – 218.
12. Kliashtorny S. G. *Istoriia Tsentral'noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis'ma* [The History of Central Asia and the monuments of runic letters]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003, 560.
13. Kliashtorny S. G. *Runicheskie pamiatniki Uigurskogo kaganata i istoriia evraziiskikh stepei* [Runic monuments Uighur khanate and the History of the Eurasian steppes]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010, 328.
14. Kliashtorny S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [The Steppe Empire of ancient Eurasia]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005, 346.
15. Korotaev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A. Al'ternativy sotsial'noi evoliutsii (vvodnye zamechaniia) [Alternatives to Social Evolution (opening remarks)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to civilization]. Moscow: Logos, 2000, 24 – 83.
16. Kradin N. N. *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoi kharakteristiki)* [The nomadic society (problems formational characteristics)]. Vladivostok: Dal'nauka, 1992, 240.
17. Kradin N. N. Vozhdestvo: sovremennoe sostoianie i problemy izucheniia [Chieftdom: Current Status and Problems of Study]. *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from the primitive to the State]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaia literatura RAN», 1995, 11 – 61.
18. Kradin N. N. *Imperiia khunnu* [Empire Xiongnu]. Vladivostok: Dal'nauka, 1996, 278.
19. Kradin N. N. Kochevye imperii: genezis, rastsvet, upadok [Nomadic Empire: the genesis, the heyday, decline]. *Vostok – Oriens*, no. 5 (2001): 21 – 32.
20. Kradin N. N. *Imperiia khunnu* [Empire Xiongnu]. 2nd ed. Moscow: Logos, 2002, 312.
21. Kradin N. N. *Kochevniki Evrazii* [Nomads of Eurasia]. Almaty: Daik-press, 2007, 416.
22. Kradin N. N. Kochevniki v mirovoi istorii: perspektivy modelirovaniia istoricheskikh protsessov [Nomads in the history of the world: the prospects of modeling of historical processes]. *Problemy matematicheskoi istorii: matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh protsessov* [Problems of mathematical history: mathematical modeling of historical processes]. Moscow: LIBERKOM / URSS, 2008, 150 – 171.
23. Kradin N. N., Ivliev A. L. *Istoriia kidan'skoi imperii Liao (907 – 1225)* [The history of the Khitan Liao Empire (907–1225)]. Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura, 2014, 351.
24. Kradin N. N., Skrynikova T. D. *Imperiia Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaia literatura RAN», 2006, 557.
25. Kychanov E. I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic State of the Huns to the Manchus]. Moscow: Izd. firma «Vostochnaia literatura RAN», 1997, 319.
26. Savinov D. G. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Iuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ia* [States and cultural genesis in South Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994, 143.
27. Savinov D. G. Sistema sotsial'no-etnicheskogo podchineniia v istorii kochevnikov Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri [The system of social and ethical subordination in the history of Central Asian nomads and southern Siberia]. *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir* [Mongol Empire and nomadic world]. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 2005, Book 2, 31 – 43.
28. Skal'nik P. Kontsepsiia rannego gosudarstva v antropologicheskoi teorii [The Early state concept in anthropological theory]. *Politicheskaiia antropologiia traditsionnykh i sovremennykh obshchestv* [Political anthropology of traditional and modern societies]. Vladivostok: Izdatel'skii dom Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2012, 365 – 386.
29. Shiroyi N. Etapy kochevykh gosudarstv mongol'skikh stepei [Stages of nomadic Mongolian steppes States]. *Mongol'skaia imperiia i kochevoi mir* [Mongol Empire and nomadic world]. Ulan-Ude: BNC SO RAN, 2008, Book 3, 239 – 251.
30. Khazanov A. M. *Kochevniki i vneshnii mir* [Nomads and the Outside World]. 3th ed. Almaty: Daik-press, 2000, 604.
31. Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press, 2007, 273.

УДК 94(57)»1950/1980».314.727.2

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.

Наталья В. Гонина^{1, @}

¹ Красноярский государственный аграрный университет, Россия, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90
[@] nvg7@mail.ru

Поступила в редакцию 14.07.2016.

Принята к печати 23.09.2016.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, город, население, механический прирост, Красноярский край, вторая половина XX века.

Аннотация: Миграция – основной источник формирования населения в районах нового освоения и значимый фактор роста численности жителей в городских поселениях. Во второй половине XX века наблюдаются активные миграции, направленные с запада на восток и обратно, а также из деревни – в город. В Красноярском крае приток мигрантов был одним из самых больших по стране, однако выезжало примерно столько же, сколько приезжало, что послужило созданию представления о миграции как негативном факторе, обусловившем маргинализацию городской среды. В статье обосновывается тезис, что миграции стали источником формирования городского населения и определили социальную среду городов. Несмотря на транзитный характер миграционных потоков по территории региона, определенная часть укоренялась, образуя основу городского населения. При этом количественно главную роль играли выходцы из сибирских сел, а качественную составляющую определяли мигранты из Европейской части страны. Данная ситуация характерна для промышленно развитых городов. Малые неиндустриальные города теряли население так же, как и село. Недостаточный уровень благоустройства при повышении потребностей населения, перенявшего городской образ жизни, обусловили в 1970 – 1980-х гг. миграционный отток из городов региона, который уже не компенсировался за счет притока сельской молодежи.

Для цитирования: Гонина Н. В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 28 – 34. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-28-34.

Миграция представляет собой пространственное перемещение населения, изменение его территориального распределения, т. е. географии. Л. Л. Рыбаковский относит миграцию к демографическим процессам и указывает на ее роль в социальных изменениях: «Территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур. Более подвижное население, как правило, является и социально более активным» [17, с. 25 – 27].

Миграция – одна из актуальных тем современности. Это обусловлено многими факторами, в том числе и повышенной подвижностью населения в условиях урбанизации. Процессы настолько масштабны, что во второй половине XX века специалисты заговорили о новом «Великом переселении народов». Миграционное движение становится основным источником формирования населения городов в районах нового освоения и значимым фактором роста численности жителей в исторически сложившихся городских поселениях.

Развивая тезис Л. Л. Рыбаковского, можно говорить о том, что результатом миграций может являться не только

количественное увеличение городского населения как следствие механического прироста, но и качественное его изменение. То есть в процессе смены привычной среды обитания, адаптации к новым условиям, человек неизбежно меняется сам. Причем у мигрантов это происходит намного быстрее, чем у тех, кто постоянно проживает на одном месте.

По направлениям миграции следует выделить внутреннюю (в границах края) и внешнюю (за пределы края), а также движение город-город, село-город, город-село.

Что же заставляло человека покинуть привычные условия и искать новых земель? В первую очередь нужно говорить о материальных стимулах – высокая зарплата, квартира, карьера. Однако дело не только в этом.

В индустриальном обществе с преобладающей долей городского населения главную роль стала играть идея свободы передвижения и информации, самореализации личности, что противоречило условиям как традиционных семейных устоев, еще характерных для сельской местности, так и государственному контролю и попечению (политике патернализма). Люди 1960 – 1970-х гг. готовы были быть партнерами государства, но для таких отношений не было создано условий. Именно поэтому они стремились в новые земли, строить молодые города – там не бы-

ло устоявшихся структур, открывалась возможность свободного поиска и самостоятельной деятельности.

Обосновать данные тезисы помогают материалы социологических исследований о мотивах миграции. Первыми опубликовали работу по миграциям в Красноярском крае Ж. А. Зайончковская и В. И. Переведенцев. В силу индустриально ориентированной политики и приданной социологии того времени функции обслуживания этой политики, люди рассматривались в основном как трудовые ресурсы, а их движение определялось с точки зрения интересов производства. Поэтому со страниц всех социологических работ не сходит тезис об отрицательной роли возвратной миграции. Но тем не менее многие выводы указанных авторов актуальны и в наше время.

Историки обратились к проблемам миграций в 1980-х гг. Тема рассматривалась преимущественно в контексте общих исследований социальных и демографических процессов. В первую очередь следует назвать работы А. С. Сенявского, которые служат теоретической основой для исторических исследований в области урбанистики. Для нас представляет интерес его тезис о том, что в рассматриваемый период урбанизация переходит от экстенсивной стадии к интенсивной [18]. Миграции сыграли в этом процессе немаловажную роль. Ценный вклад в историю населения России и, в том числе миграций, внес трехтомник «Население России в XX в.: Исторические очерки», изданный в 2000-х гг. [11 – 13]. Рассматривая динамику демографических изменений по периодам, определенным Всесоюзными переписями населения, коллектив авторов обращается не только к общероссийским, но и к региональным процессам, что позволяет проводить сравнительный анализ ситуации в центре и на периферии. Обобщающие выводы служат надежной основой для начала специальных исторических исследований. Не менее интересна коллективная монография «Россия и ее регионы в XX в.: территория – расселение – миграции» в которой подробно рассмотрены основные аспекты внутренних и внешних миграционных движений XX века, в том числе и на сибирской территории [16].

Среди коллективных трудов, выполненных под эгидой Института Истории СО РАН, следует назвать «Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв.», где на длительном историческом периоде рассматривается территориальное движение населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Отдельная глава посвящена внешней миграции из Китая [9]. Красноярские историки также уделили внимание этому вопросу. В частности проблема миграции село-город в 1960 – 1980-х гг. подробно рассмотрена в монографии и ряде статей Л. Н. Славиной на материалах Восточной Сибири [19; 20]. Среди работ специаль-

но посвященных миграционной ситуации в Красноярском крае, можно назвать статьи Я. Н. Бегизардова и В. И. Полиновского. Я. Н. Бегизардов рассмотрел взаимосвязь механического и естественного прироста населения [2]. Заслужой В. И. Полиновского является историографический анализ проблемы [15].

В Иркутске в 2013 г. была опубликована коллективная монография «Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX – XX и XX – XXI вв.» под редакцией В. И. Дятлова [1]. Книга посвящена преимущественно изучению этнической миграции. В том же году была защищена кандидатская диссертация Урожаевой Т. А., исследующей миграционное движение в новые города Иркутской области в 1970 – 1980-х гг. [22]. Миграция рассматривается как источник формирования городского населения и важнейший фактор изменения его социально-демографического состава. Таким образом, несмотря на то, что тема исследована достаточно фрагментарно, по ней существует обширная историография.

Красноярский край выступает как регион с очень высокой миграционной подвижностью. Здесь отмечалась плохая приживаемость мигрантов. В 1960 г. на 119 прибывающих в Красноярский край приходилось 100 выбывающих [7, с. 61]. По наблюдению В. И. Переведенцева (исследование 1960 г.), уровень текучести кадров зависит от величины населенного пункта. Если в Новосибирске уволившиеся с предприятия могли найти другую работу, то в Красноярске половина уволившихся уехала из города. Исследование Института экономики и организации промышленного производства СО АН миграции населения в городах Сибири выявило, что подавляющее большинство выбывающих из них – это не прижившиеся новоселы. Исследование ряда быстрорастущих городов Красноярского края показало, что две трети выбывших из них людей переселились в эти города не ранее трех лет до выезда. Миграционная подвижность этой части населения оказалась в три раза выше подвижности тех, кто прожил в этих городах более трех лет. Самыми подвижными оказываются переселенцы данного года: в ряде случаев до 1/3 всех переселенцев выбывают в течение года. Это объясняется в первую очередь худшими условиями жизни новоселов и отсутствием социальных и экономических связей с территорией. Например в Красноярске в общежитиях и на снимаемой жилой площади проживали от 58 до 62 % уволившихся новоселов [8, с. 60]. Также в качестве причин выезда в анкетах указывали не удовлетворенность условиями и оплатой труда [7, с. 63].

Общая ситуация по причинам выезда в 1960 г. показана в таблице 1.

Таблица 1. Основные причины выезда из городов Красноярского края в 1960 г. (%) [7, с. 67]

Table 1. The main reasons for departure from the cities of Krasnoyarsk Krai in 1960 (%) [7, page 67]

№	Причина выезда	% от количества опрошенных
1	Неудовлетворенность зарплатами	18,6
2	Неудовлетворенность условиями и характером труда	14,4
3	Недостаток жилья	12,1
4	Недостаток мест в детских учреждениях	4,2
5	Выезд к родственникам	19,0
6	Климат	26,6
7	Прочее	30

Таким образом, удержать прибывающих мигрантов удавалось редко, имела место очень высокая ротация кадров. Причем почти 50 % выехавших указали неудовлетворенность социальной инфраструктурой и 26,6 % – климатическими условиями. По сути, мы имеем дело не с постоянной миграцией, которая планировалась государством и осуществлялась через такие меры, как распределение после учебы, перевод по работе, оргнабор и общественный призыв, а с сезонной, которая сложилась по факту и отражала потребности населения в конкретных условиях [17, с. 22 – 23]. Это подкрепляется и тем фактом, что значительный объем мигрантов приходился на ресурсодобывающую промышленность (например в лесной промышленности было занято почти 30 % рабочих [7, с. 16]), которая нуждалась именно в массе низкоквалифицированных низкооплачиваемых кадров, затраты на социальное обеспечение которых сводились к минимуму.

Здесь мы можем видеть наследие системы ГУЛАГа, которое в ресурсных отраслях сохраняется наиболее долго.

Анализ, проведенный Ж. А. Зайончковской и В. И. Переведенцевым, убедительно доказывает, что Красноярский край в к. 1950-х – начале 1960-х гг. был очень привлекателен для людей из других регионов в связи с высокими зарплатами и предложениями жилищлощад. Однако по приезду люди обнаруживали, что расходы, в связи с климатическими и другими факторами здесь намного выше, а условия труда и быта – тяжелее, чем в местах прежнего проживания [7].

Изменилась ли ситуация через 10 лет, когда благосостояние региона и страны в целом значительно выросло, а развитие социальной инфраструктуры достигло апогея? По данным Всесоюзной переписи 1970 г. причины приезда в города Красноярского края выглядели следующим образом (таблица 2).

Таблица 2. Причины миграционного движения населения в города Красноярского края на 1970 г. [6, л. 15 – 16]
Table 2. The reasons of the migratory movement of the population to the cities of Krasnoyarsk Krai for 1970 [6]

Причины переезда	Внешняя миграция			Внутренняя миграция		
	все	из города в город	из сельской местности в город	все	из города в город	из сельской местности в город
Все	146157	76771	30199	181832	45241	59689
Учеба	7238	4094	2717	31732	9931	18654
Распределение после окончания обучения	6012	3918	459	4936	1704	397
Общественный призыв	13635	7595	5347	720	400	224
Оргнабор	5929	3499	772	1268	539	230
Перевод по службе	6141	4233	529	9966	2931	1822
Личная причина	69114	36512	13763	80955	19886	25620
Плановое переселение	156	85	49	93	16	70
Приезд с членами семьи	27388	10898	4376	39903	6515	8641
Иное	10544	5937	2187	12259	3319	4031

Согласно таблице, во внешней миграции преобладают переезды из города в город, во внутренней – из села в город. Группа причин переезда, определенных государственной инициативой (перевод, распределение, оргнабор и др.) составляет всего 23,5 % от общего количества внешних мигрантов и 10,0 % внутренних. В общем числе переселившихся преобладает причина «личное» – 44,5 – 47,3 %, как пишут социологи, это было преимущественно желание изменить свой социальный статус. С членами семьи переезжали 18,7 – 21,9 %. Значительно различается приезд на учебу: 4,9 % внешняя миграция и 17,4 % внутренняя, что не нуждается в пояснении. Остальные причины достаточно разнообразны.

Причины миграции в 1975 – 1976 гг. определяются на основании 43 тыс. анкет, собранных паспортным отделом УВД по Красноярскому краю. В частности установлено, что среди выехавших из края, 66,8 % не являются его уроженцами (таблица 3).

Среди городов края чаще всего неудовлетворенность жилищем называли в Дивногорске (26,8 %), Норильске (24,8 %). Недостаток дошкольных учреждений испытывали в Красноярске [11, с. 23 – 24]. Как мы видим, разброс причин достаточно велик, «другие причины» со-

ставляют 36 % и распадаются веером личных обстоятельств.

Исследование социолога Г. Ф. Куцева по новым городам Восточной Сибири в конце 1970-х – начале 1980-х гг. выявило, что у приезжающих в них людей материальная заинтересованность составила в среднем 23 %, «желание принять участие в большой и важной стройке» – 54 %, «интерес к новым местам» – 22 %. Среди причин выезда преобладали уже знакомые позиции – недостаток жилья и детских учреждений [9, с. 46].

Таким образом, наблюдаем, что в течение рассматриваемого периода ситуация в определенной степени изменилась. Люди стали меньше уезжать из-за низкой зарплаты и климатических условий, что безусловно определялось государственной социальной политикой и развитием городского благоустройства. Но, несмотря на активное жилищное строительство и постоянное повышение зарплат, возвратное миграционное движение остается высоким.

Таким образом, государственная политика стимулировала приток людей в город, а их закрепление обеспечивалось совсем другими факторами.

Повышенная активность носителей городского менталитета и их более высокая ценность как квалифициро-

ванных работников, (об этом, например, сказано в Социальном паспорте [21, с. 21]), а также зачастую принудительный характер приезда определяла их низкую приживаемость. В этой группе оставались на длительный срок только те, кто получал достаточный уровень удовлетворения потребностей.

В этом плане показательны биографические интервью мигрантов, укоренившихся в Красноярске. Для мно-

гих приехавших из городов западной части страны (Киев, Кишинев, Ленинград, Саратов) приоритетной была возможность профессиональной карьеры, недоступная в столичных регионах в силу клановости и высокой конкуренции [8].

Рассмотрим результирующую миграционных процессов за рассматриваемый период по направлению движения (таблица 4).

Таблица 3. Ведущие мотивы выезда за пределы края в 1975 – 1976 гг. (в % к общему числу опрошенных) [21, с. 23]

Table 3. The leading motives of departure out of borders of the region in 1975 – 1976 (in % to total number of respondents) [21, page 23]

№	Мотивы выезда	в % к общему числу опрошенных
1	Неудовлетворенность жилищными условиями	20,1
2	По состоянию здоровья (неудовлетворенность климатическими условиями)	12,2
3	Отсутствие работы по профессии	9,7
4	Неудовлетворенность зарплатой	9,2
5	Отсутствие возможности создать семью	4,7
6	Неудовлетворенность торговым и культурным обслуживанием	4,7
7	Необеспеченность коммунальными и бытовыми условиями	4,5
8	Отсутствие работы для вторых членов семьи	2,5
9	Конфликт с администрацией	2,4
10	Необеспеченность детскими дошкольными учреждениями	1,4
11	Необеспеченность школой	0,8
12	Другие причины	36,0

Таблица 4. Миграционные потоки по городским поселениям Красноярского края за 1958 – 1981 гг. [3, л. 2, 2 об.; 4, л. 1, 4, 6; 5, л. 2, 2 об.]

Table 4. Migration flows on residential locations of Krasnoyarsk Krai for 1958 – 1981 [3; 4; 5]

Год	Показатель	Из города	Из села	Неизвестно
1958	Прибыло	93837	71266	26913
	Выбыло	104809	40655	15408
	МП	-10972	+30611	+11505
1972	Прибыло	98025	70777	21462
	Выбыло	106263	35626	22251
	МП	-8238	+35151	-789
1981	Прибыло	114537	57983	244
	Выбыло	111768	39844	368
	МП	+2769	+18139	-124

Из таблицы 4 следует, что в течение всего рассматриваемого периода преобладающей по численности была миграция город – город. Однако именно в этой категории приживаемость была отрицательной за исключением 1981 г. Миграция село – город дала большую часть положительного прироста, и, по сути, определила состав городского населения. Сравнивая таблицы 2 и 4, мы видим, что основную массу сельчан, переехавших в города, составили жители края. Второй по численности группой были деревенские жители из других регионов. И самую малую группу составляют выходцы из городской местности.

Для городов края особенно важна была роль пусть и небольшого, но от этого не менее значимого притока городского населения и в первую очередь специалистов из центра страны. Важной была и палитра городского насе-

ления, которая формировалась в итоге миграционного движения – это были люди со всех уголков страны, очень разные по возрасту и воспитанию, приоритетам и ценностям, где каждый вносил свой оттенок в общую картину городской социальной среды. Так, самый большой город региона Красноярск и находящийся рядом с ним маленький Дивногорск, далекий холодный Норильск и процветающий в тепле южной котловины Минусинск равно привлекали молодых людей из Украины и Средней Азии, Белоруссии и Кавказа, Ленинграда и чувашских деревень.

Выходцы из сибирских сел, укореняясь в городской среде, составляли базовую основу этого динамического вихря, выхватывая из него отдельные элементы (например с помощью браков) и укореняя их. Показательно, что на

стройки, требующие мужской силы, потоком лились молодые сельские девчата [9, с. 44, 53 – 55]. Именно они, имея традиционные моральные устои и ценности, создавали семьи, в которых рождались новые горожане, и это удерживало отцов от перемены мест. Там, где власти не задумывались о детских садах, школах и больницах, именно молодые семьи с маленькими детьми были основной составляющей миграционного движения из городов.

Чем полнее и многообразнее становилась социальная среда, тем она была привлекательней для новоселов, и поэтому больше было укоренившихся. С одной стороны, ведомственная политика имела к этому достаточно абстрактное отношение, так как задачи развития промышленности диктовали инструментальное отношение к людям, а «голубые города» становились таковыми благодаря тем, кто их населял – молодым романтикам и мечтателям. С другой стороны, ведомственный фактор играл очень важную роль в материальном плане, определяя количество рабочих мест и жилой площади, которые лимитировали приток новоселов.

Таким образом, миграции оказали решающее воздействие на развитие городов Красноярского края, как в плане механического прироста, так и в плане динамики социальной среды. Во-первых, Красноярск и ряд промышленных активно развивающихся центров (Норильск, Ачинск, Назарово) были включены посредством миграционного обмена в общесоюзные социально-экономические процессы. При этом значительно увеличилась мобильность всего населения региона. Города, оставшиеся на периферии миграционного движения – Артемовск, Боготол, Ужур прекращали развитие и теряли население

также, как и село. Особенно это хорошо заметно в к. 1970 – н. 1980-х гг., когда усилилось миграционное движение из малых городов в крупные.

Во-вторых, резко возросло количество горожан, а среди них – доля выходцев из сельской местности, что радикально меняло городскую среду, маргинализируя ее. Естественно, темпы благоустройства городов не успевали за миграционным приростом, что сохраняло низкий уровень комфорта.

В-третьих, за счет ведомственной политики строительства и производства самый крупный поток мигрантов составили кадры из Европейской части страны, которые обеспечивали качество и результат работы, но редко задерживались в крае на длительный срок.

В результате, города, находящиеся в фокусе миграционных потоков, в первую очередь столица края и города-новостройки (Дивногорск, Лесосибирск) могли полноценно развиваться, несмотря на периферийность и транспортную удаленность от крупных центров, за счет постоянного социального движения. Они становятся социальными плавильными котлами, где в короткие сроки сельская молодежь под влиянием опыта индустриальной деятельности, образования, общения со специалистами, новых условий быта, превращается в городское население. Однако это вовсе не означало их привязку к конкретному населенному пункту. Вместе с городским образом жизни перенималась и потребность в повышении ее качества, а также готовность к перемещению. В итоге в 1970-х – 1980-х гг. в городах края наблюдается отрицательный прирост.

Литература

1. Алексеев А. Н., Алишина Г. Н., Балдано М. Н., Бреславский А. С., Бляхер Л. Е., Варнавский П. К., Галеткина Н. Г., Григоричев К. В., Дятлов В. И., Дятлова Е. В., Журавская Т. Н., Кириченко С. В., Крих А. А., Мулина С. А., Мкртчян Н. В., Нам И. В., Пешков И. О., Поправко И. Г., Рабинович В. Ю., Рыжова Н. П., Скрипник Е. О., Сорокина Т. Н., Суворова Т. Г. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков: коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
2. Бегизардов Я. Н. Миграция и рождаемость городского населения Красноярского края // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сборник научных трудов / под ред. В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 24 – 25. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/10.html> (дата обращения: 15.06.2016).
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. р-1300. Оп. 5. Д. 2749.
4. ГАКК. Ф. р-1300. Оп. 5. Д. 2761.
5. ГАКК. Ф. р-1300. Оп. 5. Д. 2772.
6. ГАКК. Ф. р-1300. Оп. 7. Д. 113.
7. Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: Изд-во АН СССР СО, 1964. 105 с.
8. Коллекция интервью представителей старшего поколения (1930-х – 1950-х гг. р.) гуманитарной интеллигенции г. Красноярска, собранных автором в 2013 – 2016 гг.
9. Куцев Г. Ф. Новые города. М.: Мысль, 1982. 269 с.
10. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Рос. Акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т истории, 2011. 391 с.
11. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т. Т. 2. 1940 – 1959. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 416 с.
12. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т. Т. 3. Кн. 1: 1960 – 1979. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 304 с.
13. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3-х т. Т. 3. Кн. 2: 1980 – 1990. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 295 с.
14. Переведенцев В. Различия в условиях жизни новоселов и старожилов сибирских городов (на примере Красноярска и Новосибирска) // Проблемы повышения уровня жизни населения Сибири / отв. ред. Б. П. Орлов. Новосибирск: Изд-во АН СССР СО, 1965.

15. Полиновский В. И. Миграция населения Красноярского края в 1960 – 1980-х гг.: историографический аспект // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru, 15 января – 1 ноября 2005 года: в 2 кн. Красноярск: КГПУ, 2006. Вып. 2, кн. 2. С. 17 – 22. Режим доступа: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/Poljanovski1.rtf>. (дата обращения: 13.08.2016).
16. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер, П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. 816 с.
17. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
18. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003. 286 с.
19. Славина Л. Н. Миграция и развитие сельского населения Восточной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. // Вестник КрасГАУ. 2005. № 7. С. 316 – 322.
20. Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960 – 1980-е гг.). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. 472 с.
21. Социальный паспорт Красноярского края. Красноярск: Красноярский рабочий, 1977.
22. Урожаева Т. А. Миграция и адаптационные процессы в новых городах Иркутской области в 1970 – 1980-е годы: дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2013. 295 с.

INFLUENCE OF MIGRATORY PROCESSES ON FORMATION OF URBAN POPULATION IN KRASNOYARSKY KRAI IN 1954 – 1984

Natalya V. Gonina^{1,*}

¹ Krasnoyarsk State Agricultural University, 90, Mira street, Krasnoyarsk, Russia, 660049
* nvg7@mail.ru

Received 14.07.2016.
Accepted 23.09.2016.

Keywords: migration, urbanization, city, population, positive migration balance, Krasnoyarsk Krai, second half of the XX century.

Abstract: Migration is the overriding factor of formation of the population of reclaimed territories and a significant factor in urban population development. In the second half of the XXth century the active migrations directed from the west to the east and back and from the village to the city were detected. In Krasnoyarsk Krai inflow of migrants was one of the biggest in the country, however, the number of those leaving the city was almost as high as the number of those arriving, which formed a negative attitude to migration as the cause of lumpenization of urban environment. The thesis proved in the article is migrations have become a source of urban development and defined urban social environment. Despite the migration flows on the territory of the region had a transit character, a certain part of migrants settled in the cities and became permanent residents. Although natives from the Siberian villages were the most numerous group, it was migrants from the European part of Russia who defined the quality of the population. Small nonindustrial towns lost their population as well as villages. The low level of urban amenities provision together with the growing demands of the population who already adopted urban way of life caused the migration outflow of in 1970s and 1980s which could not be compensated by migration inflow from the countryside.

For citation: Gonina N. V. Vliianie migratsionnykh protsessov na formirovanie gorodskogo naseleniia v Krasnoyarskom krae vo vtoroi polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. [Influence of migratory processes on formation of urban population in Krasnoyarsk krai in 1954 – 1984]. *Vestnik Kemerskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 28 – 34. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-28-34.

References

1. Alekseenko A. N., Alishina G. N., Baldano M. N., Breslavskii A. S., Bliakher L. E., Varnavskii P. K., Galetkina N. G., Grigorichev K. V., Diatlov V. I., Diatlova E. V., Zhuravskaya T. N., Kirichenko S. V., Krikh A. A., Mulina S. A., Mkrtchian N. V., Nam I. V., Peshkov I. O., Popravko I. G., Rabinovich V. Iu., Ryzhova N. P., Skripnik E. O., Sorokina T. N., Suvorova T. G. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* [Resettlement society of Asian Russia: migrations, spaces, communities. Turns of the XIX – XX and XX – XXI centuries]. Irkutsk: Ottisk, 2013, 624.
2. Begizardov Ia. N. Migratsiia i rozhdaemost' gorodskogo naseleniia Krasnoyarskogo kraia [Migration and birth rate of urban population of Krasnoyarsk Krai]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Piatye nauchnye chteniia pamiati professora A. P. Borodavkina* [The actual questions of history of Siberia: 5th Sc. readings in memory of Prof. A. P. Borodavkin]. Ed.

Skubnevskii V. A., Goncharov Iu. M. Barnaul: "Az Buka", 2005, 24 – 25. Available at: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/10.html> (accessed 15.06.2016).

3. *Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK)* [State Archives of Krasnoyarsk Krai]. Found r-1300, List 5, File 2749, 1982.

4. *Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraia* [State Archives of Krasnoyarsk Krai]. Found r-1300, List 5, File 2761, 1982.

5. *Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraia* [State Archives of Krasnoyarsk Krai]. Found r-1300, List 5, File 2772, 1982.

6. *Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraia* [State Archives of Krasnoyarsk Krai]. Found r-1300, List 7, File 113, 1970.

7. Zaionchkovskaia Zh. A., Perevedentsev V. I. *Sovremennaiia migratsiia naseleniia Krasnoyarskogo kraia* [Modern population shift of Krasnoyarsk Krai]. Novosibirsk: Izd-vo AN SSSR SO, 1964, 105.

8. *Kolleksiia interv'iu predstavitelei starshego pokoleniia (1930-kh – 1950-kh gg. r.) gumanitarnoi intelligentsii g. Krasnoyarska, sobrannykh avtorom v 2013 – 2016 gg.* [Collection of an interview of the representatives of the senior generation (the 1930th – the 1950th of river) the humanitarian intellectuals of Krasnoyarsk who are brought together by the author in 2013 – 2016].

9. Kutsev G. F. *Novye goroda* [New cities]. Moscow: Mysl', 1982, 269.

10. *Migratsii naseleniia Aziatskoi Rossii: konets XIX – nachalo XX vv* [Population shifts of Asian Russia: the end of XIX – the beginning of the 20th centuries]. Novosibirsk: Ros. Akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t istorii, 2011, 391.

11. *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 2. 1940 – 1959* [The population of Russia in the XX century: Historical sketches. Vol. 2. 1940 – 1959]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2001, 416.

12. *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 3. Kn. 1: 1960 – 1979* [The population of Russia in the XX century: Historical sketches. Vol. 3. Book 1: 1960 – 1979]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2005, 304.

13. *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 3. Kn. 2: 1980 – 1990* [The population of Russia in the XX century: Historical sketches. Vol. 3. Book 2: 1980 – 1990]. Moscow: «Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia» (ROSSPEN), 2011, 295.

14. Perevedentsev V. *Razlichii v usloviakh zhizni novoselov i starozhilov sibirskikh gorodov (na primere Krasnoyarska i Novosibirska)* [Distinctions in living conditions of new settlers and old residents of the Siberian cities (on the example of Krasnoyarsk and Novosibirsk)]. *Problemy povysheniia urovnia zhizni naseleniia Sibiri* [The problem of improving the standard of living of the population of Siberia]. Ed. Orlov B. P. Novosibirsk: Izd-vo AN SSSR SO, 1965.

15. Polinovskii V. I. *Migratsiia naseleniia Krasnoyarskogo kraia v 1960 – 1980-kh gg.: istoriograficheskii aspekt* [Population shift of Krasnoyarsk Krai in the 1960 – 1980-th: historiographic aspect]. *Sibirskii subethnos: kul'tura, traditsii, mental'nost': materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii na saite sib-subethnos.narod.ru, 15 ianvaria – 1 noiabria 2005 goda* [Siberian subethnos: culture, tradition, mentality: Proc. II-Russian Sc.P. Internet-conf. on the website sib-subethnos.narod.ru 15 Jan – 1 Nov 2005]. Krasnoyarsk: KGPU, Iss. 2, book 2 (2006): 17 – 22. Available at: <http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/Poljanovski1.rtf> (accessed 13.08.2016).

16. *Rossii i ee regiony v XX veke: territoriia – rasselenie – migratsii* [Russia and its regions in the 20th century: the territory – resettlement – migrations]. Ed. Glezer O., Polian P. Moscow: OGI, 2005, 816.

17. Rybakovskii L. L. *Migratsiia naseleniia: prognozy, factory, politika* [Population shift: forecasts, factors, policy]. Moscow: Nauka, 1987, 199.

18. Seniavskii A. S. *Urbanizatsiia Rossii v XX veke: Rol' v istoricheskom protsesse* [Urbanization of Russia in the XX century: A role in historical process]. Moscow, 2003, 286.

19. Slavina L. N. *Migratsiia i razvitie sel'skogo naseleniia Vostochnoi Sibiri v 1960-kh – nachale 1990-kh gg.* [Migration and development of a rural population of Eastern Siberia in the 1960th – the beginning of the 1990th]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik Krasnoyarsk state agrarian University*, no. 7 (2005): 316 – 322.

20. Slavina L. N. *Sel'skoe naselenie Vostochnoi Sibiri (1960 – 1980-e gg.)* [Rural population of Eastern Siberia (the 1960 – 1980th)]. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2007, 472/

21. *Sotsial'nyi pasport Krasnoyarskogo kraia* [Social passport of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii rabochii, 1977.

22. Urozhaeva T. A. *Migratsiia i adaptatsionnye protsessy v novykh gorodakh Irkutskoi oblasti v 1970 – 1980-e gody.* Diss. kand. istor. nauk [Migration and adaptation processes in the new cities of the Irkutsk region in 1970 – the 1980th years. Cand. hist. Sci. Diss.]. Irkutsk, 2013, 295.

УДК 94(571.150)

«ИСТОРИЯ КУЗБАССА»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОДГОТОВКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ**Алексей Н. Ермолаев¹, @**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ al-ermolaev@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.08.2016.

Принята к печати 27.09.2016.

Ключевые слова: «История Кузбасса», история Кемеровской области, локальная история, историография, источники.

Аннотация: Коллективная монография в трех томах «История Кузбасса», опубликованная в 1960-е годы, являлась единственным научным изданием, посвященным истории региона. Однако накопленный новый фактический материал, значительное расширение историографической и источниковой базы требуют подготовки новой коллективной монографии. В статье определяются актуальность проблемы, анализируются историография и источники, обосновываются хронологические и территориальные рамки работы. Автор представил современные методологические принципы подготовки новой «Истории Кузбасса». При ее написании необходимо опираться на широкий круг источников, материал необходимо излагать точно и конкретно, главным объектом изучения должны быть общество и человек, важное значение необходимо придавать анализу ранее закрытых тем (самоуправление, административное деление, деятельность конфессий, взаимоотношения русского и автохтонного населения). Особое внимание при подготовке новой коллективной монографии необходимо уделить формированию менталитета и условиям быта населения, проживавшего на территории Кузбасса.

Для цитирования: Ермолаев А. Н. «История Кузбасса»: методологические принципы и некоторые итоги подготовки коллективной монографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 35 – 39. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-35-39.

Развитие современной России характеризуется несколькими процессами, один из которых – процесс регионализации, закрепленный в действующей Конституции РФ 1993 года. Каждый из регионов имеет равные права, но при этом имеет и свои особенности: государственно-административные, социокультурные, экономические, этнические и т. д.

Сейчас в составе РФ 85 субъектов федерации. Одним из них является Кемеровская область. Она имеет достаточно высокую численность населения – более 2,8 млн чел. В Сибирском федеральном округе выше показатель только в Красноярском крае, но его территория намного больше. Плотность населения Кемеровской области – 30 человек на кв. км – самая высокая среди регионов Азиатской части России. Кемеровская область является одной из самых высоко урбанизированных регионов России, около 86 % населения области проживает в городах, а также одним из крупнейших экономических регионов РФ.

Одна из приоритетных задач современной исторической науки – изучение истории отдельных регионов. Важность этой задачи определяется тем, что будущее страны в немалой степени зависит от развития провинции. Изучение истории регионов позволяет решить и **исторические задачи**:

1) конкретизировать общую панораму исторических процессов в экономике, социальной сфере, политическом развитии, культуре, этнографии и этнологии и т. д.;

2) выявить скрытые тенденции, которые можно определить только сопоставив все данные по всем регионам;

3) определить социально-экономические, политические, культурные и др. особенности развития каждого из регионов;

4) сравнить исторические процессы, происходящие в различных регионах.

В учебном процессе региональная история также очень важна. В некоторых высших учебных заведениях области (КемГУ, КузГТУ, КемТИПП) преподаются курсы краеведения и региональной истории. Зачастую они не обеспечены соответствующей научной литературой, содержащей адекватные научные знания о регионе. Наконец, региональная история выполняет важнейшую нравственно-воспитательную функцию – способствует воспитанию чувства любви к своим родным местам, чувства уважения к старшему поколению, чувства гордости своими предками и т. д. Через это формируется патриотизм – любовь к своей Родине. Нельзя забывать и о **краеведческом аспекте**: уточнение дат возникновения и существования тех или иных локальных объектов, административных образований и т. д. Таким образом, региональная история способствует развитию научных знаний, просвещению и воспитанию.

Представить прошлое Кузнецкого края на новом уровне во всем его многообразии позволяет сочетание подходов, характерных для таких областей знаний, как

региональная и локальная истории. Региональный контекст нацелен на рассмотрение временных процессов в пределах границ административно-территориальных образований (провинции, губернии, округа, уезда, слободы, волости). Так обнаруживается влияние политических, управленческих, экономических тенденций и событий общегосударственного уровня, духовных веяний на жизнедеятельность местных сообществ.

Выявление многообразия региональных специфик позволяет понять сущность российской многонациональной государственности и вклад всех народов в ее укрепление. Уникальность Кузнецкого края, как и других, в том числе и соседних сибирских территорий, была обусловлена исторически сложившейся там индивидуальной комбинацией политических, социокультурных, демографических, производственно-экономических, природно-географических, конфессиональных, социально-психологических и других признаков.

Локальная история дает возможность с различных сторон подойти к осмыслению развития Кузнецкого края в качестве субъекта исторического процесса в его естественной среде. Здесь основной категорией является не территория, а то или иное сообщество людей, осуществлявшее определенную деятельность. Внимание фокусируется преимущественно на социокультурных явлениях. История локального сообщества рассматривается через биографии его отдельных членов, отношения и связи внутри социальных групп и между ними, стереотипы поведения, повседневность, обычаи, психологический фон, т. е. все то, что в зависимости от обстоятельств в значительной степени определяло мотивы поведения представителей гражданской и горной администраций, городских и сельских обывателей.

Историография

Первый опыт изложения многоплановой истории Кузнецкого края был осуществлен В. И. Шемелевым (1885 – 1942) в краеведческом труде «История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права» [11]. Интерес к прошлому этого региона оказался не случайным. Детство ученого-самоучки прошло на местных золотых приисках, да и первые статьи были посвящены истории отраслевых отрядов рабочего класса в Сибири. В качестве соавтора в 1920-х гг. Шемелев участвовал в написании общественно-политических разделов в многотомной Сибирской Советской Энциклопедии. В 1932 г. совместно с Н. Лучининым опубликовал книгу «15 лет борьбы за Кузбасс». После этого главным предметом его исследований окончательно становится история Алтайского горного округа.

«История Кузбасса» задумывалась В. И. Шемелевым как трехтомное издание. Первый том должен был быть посвящен дореволюционному Кузбассу, второй – революции и гражданской войне и третий – советскому Кузбассу. В 1930-х гг. Шемелев написал только два очерка, охватывающих период с начала XVII в. до отмены крепостного права в 1860-х гг. Однако даже эта часть работы так и не была опубликована, несмотря на то, что она написана в рамках господствовавшего тогда классового подхода. Она содержит большой фактический материал, иллюстрирующий ход завоевания и хо-

зяйственного освоения Кузнецкой земли в XVII – первой половине XIX в., деятельность местных властей по управлению этой территорией, различные стороны жизнедеятельности служащих заводов, рудников и приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Подготовленная В. И. Шемелевым первая часть «Истории Кузбасса» была опубликована только в 1998 г.

Возвращение к идее написания обобщающей работы по истории Кузбасса произошло только в 1960-х гг. В сентябре 1962 г. сотрудники кафедры истории Кемеровского государственного педагогического института представили для обсуждения на заседании сектора истории Сибири СО АН впервые написанную учеными рукопись истории Кузбасса с древнейших времен до 1917 года [6]. Проект был поддержан с рекомендацией частичной доработки. Окончательный вариант текста вышел в свет в 1967 г. под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. П. Окладникова [7]. Большую часть текста подготовили такие известные ученые, как А. М. Мартынов, З. Г. Карпенко, Н. Я. Савельев, Е. А. Кривошеева, А. И. Разгон. Преобладающий историко-материалистический контекст не помешал впервые представить объемную и правдоподобную картину хозяйственного освоения территории Кузнецкого края, главным образом – приписными крестьянами и горнозаводскими служащими, подчеркнуть характер влияния различных факторов (военных, экономических, административных и других) на условия их жизнедеятельности. Четкая систематизация фактического материала и его научно выверенная интерпретация были по достоинству оценены научным сообществом и массовым читателем того времени.

Дальнейшее развитие историографии характеризовалось появлением учебников или учебных пособий по истории Кузбасса. Начало этому процессу положило учебное пособие Д. В. Кацюбы, вышедшее в 1963 г. Позднее оно еще трижды переиздавалось. Вплоть до современности учебные пособия и учебники по истории Кузбасса выходили и выходят в различных высших учебных заведениях Кузбасса. Все они базируются на трехтомной академической «Истории Кузбасса», опубликованной в 1960-х гг. Как правило, в них воспроизводится привычная структура социально-экономической истории, сосредоточенная на лаконичном изложении знаковых для того или иного периода событий и тенденций. За скобками остаются многие немаловажные стороны жизни местного населения, такие как: общественное развитие, городское и сельское самоуправление, деятельность конфессий, взаимоотношения малых народностей с русским населением и т. д.

В связи с этим назрела необходимость с учетом новейших достижений региональной науки написать историю Кузнецкого края, так сказать «третьего поколения» и по возможности расширить представление о ней в структурном и содержательном плане. Важно включить в канву событий пока малоизвестные сюжеты и новые факты, прошедшие процедуры научной критики, наряду с другими обусловившие специфику освоения территории, развития ее административно-хозяйственной и социокультурной среды. Достойное место в

общем повествовании должно быть отведено истории повседневности и проблеме «человека в истории», способствующим одушевлению прошлого и актуальным для современности. В связи с этим важнейшими принципами подготовки «Истории Кузбасса» должны быть:

- гуманистическая направленность. Изучение региональной истории с опорой на антропоцентризм, когда главным объектом является человек и человеческая жизнь. При изучении различных событий и явлений главным является не только сам исторический факт, но и те люди (личности), которые за ним стоят, которые с ним связаны, без которых он не мог возникнуть и существовать;

- конкретность, точность и достоверность изложения материала. Факты и события требуется излагать без излишних оценок. При их описании основным моментом является достоверность сведений, позволяющая наиболее объективно освещать суть происходящих исторических событий;

- опора на широкий круг источников. Позволяет представлять события и явления с разных сторон, максимально точно воспроизводить реальные исторические процессы, выявить и описать максимально возможное количество интересных фактов и событий;

- анализ ранее закрытых и недостаточно изученных проблем (административно-территориальное деление, автохтонное население, деятельность конфессий, самоуправление и т. д.). При этом необходимо представить сбалансированное историческое описание фактов и событий, не делая предпочтения ранее закрытых тем;

- внимание формированию менталитета и истории повседневности (быта) основных социальных, конфессиональных или этнических групп населения, проживавших на территории современного Кузбасса.

Источники

Источниковедческая ситуация по истории Кузбасса имеет одну важную особенность. Почти все источники находятся за пределами Кемеровской области. Это связано с тем, что область как административный субъект существует с 1943 г. До этого периода она входила в состав Томского и Кузнецкого уездов с подчинением Казанскому и Сибирскому приказам (XVII век); затем в составе Томского и Кузнецкого уездов Сибирской (Тобольской) губернии (XVIII век); затем Томский, Кузнецкий, Мариинский уезды (с 1856 г.) в составе Томской губернии (XIX в.).

В результате, источники по истории Кузбасса отложились в следующих федеральных и региональных архивах: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва (XVII – XVIII вв.); Российский государственный исторический архив (РГИА), Санкт-Петербург (XIX в.); Государственный архив Алтайского края (ГААК), Барнаул (XVIII – XIX вв.); Государственный архив в г. Тобольск, Тобольск, Тюменская область (XVIII в.); Государственный архив Томской области (ГАТО), г. Томск (XIX в.).

Кроме неопубликованных источников, используются опубликованные источники и материалы периодиче-

ской печати (Томские губернские ведомости, Сибирский вестник, Восточное обозрение и т. д.).

Хронологические рамки исследования

Предполагается, что «История Кузбасса» третьего поколения должна состоять из трех томов. Рабочие названия томов: Т. 1: Кузнецкий край в XVII – XIX вв.; Т. 2: Рождение Кузнецкого бассейна 1890-е – начало 1940-е гг.; Т. 3: Кемеровская область 1940-е – 1990-е гг. Первый том охватывает период XVII – XIX вв. Нижняя граница обусловлена приходом русских на территорию Кузбасса. В 1618 г. был поставлен Кузнецкий острог, давший начало современному городу Новокузнецк. К этому времени на территории Кузнецкой котловины проживали различные местные народности: томские и кузнецкие татары, телеуты, шорцы (даны современные названия). Верхняя граница (конец XIX века) объясняется тем, что с этого времени Кузбасс начинает превращаться в индустриальный регион. Со строительством сибирской железной дороги начинается процесс индустриального развития региона, появляются первые концессии, добыча угля приобретает промышленные масштабы, все это сопровождается трансформацией традиционного сельскохозяйственного общества в индустриальное.

Территориальные рамки

Обоснование территориальных рамок является одной из сложнейших методологических задач в региональной истории. Существует два основных подхода. Первый – опора на административно-территориальное деление изучаемого времени. То есть исследование территорий в рамках тех административно-территориальных границ, которые существовали в определенный исторический период. Таким путем идут большинство историков, занимающихся региональной историей [9; 10]. Кроме того, почти все индивидуальные монографии последних лет, а также диссертации написаны на основе анализа различных процессов в рамках тех административных границ, которые существовали в изучаемый период [1 – 5; 8].

Второй путь – перенесение ныне существующих административно-территориальных границ в историческое прошлое. Этот методологический прием практически не используется исследователями. Объясняется это трудностью реализации. Дело в том, что исторические источники содержат сведения и различные социально-экономические данные именно по тем административным единицам, которые существовали в изучаемый период (губерниям, уездам, волостям и т. д.). Соотношение этих данных с современными границами требует дополнительных трудных и очень сложных расчетов. Например, чтобы определить различные исторические данные по Кузнецкому уезду и соотнести их с современной Кемеровской областью, нужно определить только те волости, которые располагались в границах нашей области, а волости, Кузнецкого уезда, располагающиеся вне пределов современного Кузбасса, необходимо оставить за рамками исследования. Ситуация осложняется тем, что на территории современной Кемеровской области существовали сразу несколько уездов –

Томский, Кузнецкий, Мариинский. Их границы нередко менялись и никак не соотносились с современными границами области.

Однако именно этот методический путь более всего подходит для Кузбасса. Во-первых, по историческим меркам Кемеровская область является молодым регионом. Она была создана только в 1943 г. Административные границы существовавших на территории области уездов так сильно менялись в течение XVII – XIX вв., что опора на них не даст объективной информации о развитии нашего региона. Во-вторых, необходимо отметить, что производственно-хозяйственная специализация, а за ней и социальные институты стали обособливаться намного раньше, чем появилась современная Кемеровская область. Еще с 1840-х гг. существует

термин «Кузбасс», введенный в научный оборот известным ученым геологом П. А. Чихачевым. Сегодня термин «Кузбасс» понимается не только как угольный бассейн, но и как обособленный историко-географический регион со своими социально-экономическими особенностями, формировавшимися столетиями.

Таким образом, в современных условиях назрела острая необходимость написания коллективной многотомной «Истории Кузбасса», базирующейся на достижениях предшествующих научных исследований, но подготовленной на новых методологических принципах. Она призвана решить научные, учебные и общественно-политические задачи, стоящие перед Кузбассом, вывести на новый уровень знания по истории нашего родного края.

Литература

1. Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906 – 1914 гг.). Кемерово: КузГТУ, 2003. 176 с.
2. Бойко В. П., Ситникова Е. В., Шагов Н. В., Богданова О. В., Залесов В. Г., Манонина Т. Н. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск: Издательство ТГАСУ, 2011. 480 с.
3. Гизей Ю. Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884 – 1917). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 143 с.
4. Дегтярев Д. С. Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Азбука, 2012. 174 с.
5. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009. 39 с.
6. История Кузбасса. Т. I: С древнейших времен до 1917 г. На правах рукописи. Кемерово, 1962. 536 с.
7. История Кузбасса. Ч. I – II / отв. ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. 378 с.
8. Меженина О. В. Мещанство Томской губернии в дореформенный период. Барнаул: АГУ, 2007. 246 с.
9. Новониколаевская губерния – Новосибирская область. 1921 – 2000. Хроника. Документы. Новосибирск: Институт истории СО РАН, Государственный архив Новосибирской области, 2001. 327 с.
10. Томская область: исторический очерк. Томск: Издательство Томского университета, 1994. 656 с.
11. Шемелев В. И. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. 368 с.

«THE HISTORY OF KUZBASS»: METHODOLOGICAL PRINCIPLES AND SOME RESULTS OF THE PREPARATION OF THE MULTI-AUTHORED MONOGRAPH

Alexei N. Ermolaev¹, @

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000
@ al-ermolaev@yandex.ru

Received 31.08.2016.

Accepted 27.09.2016.

Keywords: History of Kuzbass, Kemerovo region history, local history.

Abstract: For almost half a century, this collective monograph was the only scientific publication dedicated to the history of Kuzbass. However, accumulated new factual material, together with a significant expansion of the historiographical and source base, requires the preparation of a new monograph. The article states the urgency of the problem, features a source and historiography analysis, settles territorial and chronological framework. The author introduces modern methodological guidelines for the preparation of a new «History of Kuzbass». It should rely on a wide range of sources, its material must be set out precisely and specifically, its main object of study should be society and people; the analysis of previously closed issues (such as self-government, administrative division, activities of religious affiliations, relations between Russian and indigenous populations) should be made significant. Particular attention in the preparation of the new monograph should be given to the formation of the mentality and the conditions of life of the population residing in the territory of Kuzbass.

For citation: Ermolaev A. N. «Istoriia Kuzbassa»: metodologicheskie printsipy i nekotorye itogi podgotovki kollektivnoi monografii [«The history of Kuzbass»: methodological principles and some results of the preparation of the multy-authored monograph]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 35 – 39. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-35-39.

References

1. Belianin D. N. *Stolypinskaia pereselencheskaia politika v Tomskoi gubernii (1906 – 1914 gg.)* [Stolypin's immigration policy in the Tomsk province (1906 – 1914)]. Kemerovo: KuzGTU, 2003, 176.
2. Boiko V. P., Sitnikova E. V., Shagov N. V., Bogdanova O. V., Zalesov V. G., Manonina T. N. *Arkhitektura gorodov Tomskoi gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX veka)* [The architecture of the cities of Tomsk province and Siberian merchants (XVII – beginning of XX century)]. Tomsk: Izdatel'stvo TGASU, 2011, 480.
3. Gizei Yu. Yu. *Tserkovno-prihodskaia shkola Tomskoi eparkhii (1884 – 1917)* [The parish school of Tomsk diocese (1884 – 1917)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 143.
4. Degtiarev D. S. *Prigorodnye zony gorodov Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v* [Suburban areas of cities of Tomsk province in second half XIX – early XX century]. Barnaul: Azbuka, 2012, 174.
5. Drobchenko V. A. *Obshchestvenno-politicheskaia zhizn' Tomskoi gubernii (mart 1917 – noiabr' 1918 gg.)*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Social and political life of the Tomsk province (March 1917 – November 1918.). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2009, 39.
6. *Istoriia Kuzbassa. Tom I: S drevneishikh vremen do 1917 goda* [The history of Kuzbass. From the earliest times until 1917]. Kemerovo, 1962, 536.
7. *Istoriia Kuzbassa* [The history of Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, Parts I – II, 378.
8. Mezhenina O. V. *Meshchanstvo Tomskoi gubernii v doreformennyi period* [Narrow-mindedness of Tomsk province in the pre-reform period]. Barnaul: AGU, 2007, 246.
9. *Novonikolaevskaia guberniia – Novosibirskaia oblast'. 1921 – 2000. Khronika. Dokumenty* [Novonikolaevsk Province – Novosibirsk region. 1921 – 2000. Chronicle. Documentation]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti, 2001, 327.
10. *Tomskaiia oblast': istoricheskii ocherk* [Tomsk region: historical review]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1994, 656.
11. Shemelev V. I. *Istoriia Kuzbassa s drevneishikh vremen do otmeny krepostnogo prava* [Kuzbass history from ancient times to the abolition of serfdom]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998, 368.

УДК 930 (092 Е. Е. Замысловский)

Е. Е. ЗАМЫСЛОВСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Елена Ф. Зданович¹, @

¹ Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь, 230023, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
@ lenfranc@yandex.by

Поступила в редакцию 16.05.2016.
Принята к печати 22.07.2016.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, петербургская историческая школа, творческая биография, второе поколение, исторические взгляды, исторический источник.

Аннотация: В статье анализируется творческая биография Егора Егоровича Замысловского, определены основные направления его исследований (история России XVII в. и историческая география). В работе представлены интересные и малоизученные стороны научно-исследовательской и преподавательской деятельности ученого. Статья подробно знакомит с методами и приемами работы Егора Егоровича с историческим источником. В частности, делается акцент на глубоком знании историком источников по предмету исследования. Особое внимание в статье уделено выяснению места Е. Е. Замысловского в ряду крупнейших российских историков, представителей петербургской исторической школы.

Для цитирования: Зданович Е. Ф. Е. Е. Замысловский и петербургская историческая школа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 40 – 45. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-40-45.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в ведущих университетах Российской империи стали формироваться исторические школы. В стенах Санкт-Петербургского университета были созданы все необходимые условия для появления научной школы. Первый этап развития петербургской исторической школы (1840 – 1890) связан с именами ученых ее первого и второго поколений [26, с. 57]. К представителям петербургской школы относились К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Г. Васильевский, В. Г. Дружинин, Е. Ф. Шмурло, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков. Егор Егорович Замысловский, как и В. В. Бауэр, Ф. Ф. Соколов представляли второе поколение петербургской исторической школы (1860 – 1890), где несомненными лидерами всегда считались В. Г. Васильевский, К. Н. Бестужев-Рюмин.

Е. Е. Замысловский родился 6 (18) апреля 1841 г. в Гродно. В пятилетнем возрасте отец привез Егора Егоровича в Санкт-Петербург и оставил на попечение дяде по материнской линии Алексею Степановичу Георгиевскому, который занимал достаточно скромную должность в Министерстве финансов. Приезд племянника восприняли в доме дяди с огромной радостью [19, с. 54].

Начальное образование Е. Е. Замысловский получил в частном пансионате. В 1851 г. он был зачислен в число учеников второго класса второй Санкт-Петербургской гимназии. Будущий ученый, как и следовало ожидать, был прилежным учеником. В гимназические годы в нем пробудилась склонность к серьезному чтению. Кроме того, с первых дней учебы в гимназии Егор Егорович с особым трепетом подошел к изучению истории и естественных наук [19, с. 54]. Во многом прекрасное преподавание В. Ф. Эвальдом истории помогло Замысловскому определить место своей дальнейшей учебы. Окончив гимназию в 1857 г., молодой человек поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Егор Егорович стал студентом в 16 лет [19, с. 55].

Во времена студенчества Е. Е. Замысловский, как и в годы учебы в гимназии, отличался серьезностью и постоянно демонстрировал любовь к исторической науке [5, с. 1001]. Вспоминая студенческие годы, Л. Н. Майков делает ценное наблюдение, касающееся будущей деятельности своего близкого друга. Сложным для Е. Е. Замысловского стал вопрос о выборе предмета своей специализации. Скорее всего, выбор был сделан в 1859 г., когда осенью начал читать русскую историю Н. И. Костомаров. Егор Егорович оказался под сильнейшим впечатлением и от занятий М. С. Куторги, который стоял у истоков создания «петербургской исторической школы» [2, с. 12].

Таким образом, склонность к историческим знаниям пробудилась в Е. Е. Замысловском очень рано. Он решил всецело посвятить себя научно-исследовательской деятельности, избрав предметом своей специальности русскую историю.

В 1861 г. Е. Е. Замысловский сдал кандидатский экзамен. Говоря о теме исследования «О греческих племенах в историческом отношении», Л. Н. Майков признает, что был сильно удивлен, когда узнал, что она не по русской истории, к которой его друг относился с большим трепетом, а по всеобщей [19, с. 57].

Как известно, карьерный рост требует много усилий и сопряжен часто со многими трудностями. В жизни Егора Егоровича постоянно возникали сложности. По словам П. Н. Полевого, «самостоятельный и устойчивый в своих воззрениях, он неспособен был ни к каким уступкам, ни к какому искательству, и потому служебная карьера его в первые 10 – 15 лет службы была очень не завидна» [22, с. 188].

Прежде чем стать ученым, Егору Егоровичу пришлось пройти долгий путь. В молодые годы Замысловскому приходилось довольно часто и много отвлекаться от научно-исследовательской деятельности. Он часто корил себя за это: «Мне страшно подумать иногда, сколько времени и трудов я потерял даром. Три года

прошло, как я вышел из университета, а что я сделал в продолжение этих трех лет? Кажется, время не тратилось попусту, а из всего этого ничего не вышло, или по крайней мере очень мало. Я уже не говорю про свои научные занятия, которые продвигались за недостатком времени и средств очень медленно» [19, с. 61 – 62]. Неудивительно, что магистерская диссертация «Царствование Федора Алексеевича» [16] была защищена только в 1871 г. Однако на то были объективные причины. Е. Е. Замысловскому пришлось много работать в архивах.

Историк вначале изучил все документы, которые находились в архиве Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге. Здесь он занялся разбором столбцов аптекарского приказа. Затем в декабре 1867 г. Егору Егоровичу удалось совершить поездку во Флорищеву пустыню [21, с. 35]. Наряду с многочисленными актами ученому посчастливилось найти в нескольких списках житие митрополита Илариона, который был любимцем царя Федора [21, с. 36]. Весной 1868 г. Е. Е. Замысловский едет в Москву. Именно работа в Москве позволила историку найти наиболее интересные документы, которые сообщали подробные сведения о таком периоде русской истории, как царствование Федора Алексеевича [19, с. 64]. В 1869 и 1870 гг. ученому вновь пришлось ехать в Москву и работать в архивах. Прежде всего, в это время Егора Егоровича интересовали материалы, которые хранились в архиве Министерства юстиции. Исследователь хотел быть уверенным, что им были собраны и проанализированы все источники по теме. В 1870 г. Е. Е. Замысловскому была предоставлена возможность от Министерства народного просвещения посетить Берлин и поработать в Тайном государственном архиве. Примечательно, что в архиве Егор Егорович нашел важные сведения о царствовании Федора Алексеевича [19, с. 65].

Долгие архивные поиски стали для Е. Е. Замысловского важной школой. Историк пополнил список знатоков старинных документов. Кроме того, исследования Егора Егоровича, как и большинства представителей петербургской исторической школы, носили источниковедческий характер.

Магистерская диссертация открыла путь ученому к университетской кафедре. 16 августа 1871 г., по предложению К. Н. Бестужева-Рюмина, на заседании историко-филологического факультета единогласно Е. Е. Замысловский был избран штатным доцентом русской истории Санкт-Петербургского университета [25, с. 9].

В этот период произошли изменения в личной жизни историка. Он женился на одной из бывших своих учениц – Елене Николаевне Жуковской. От этого брака Замысловский имел двоих сыновей: Георгия (1872) и Николая (1878). Георгий стал известным адвокатом, был депутатом III и IV Государственной думы [1, с. 66].

Итак, Егор Егорович вошел в корпорацию петербургских историков. Преподавательская деятельность ученого в стенах Санкт-Петербургского университета продолжалась девятнадцать лет, до осени 1890 г. Лекции исследователя по русской истории состояли как из общих, так и специальных курсов, которые были посвящены отдельным отраслям исторической науки.

Говоря о специальных курсах, которые читал Е. Е. Замысловский, нельзя не отметить, что историк за основу взял отдельные части предмета своего научного

исследования. Среди них, например, историография, историческая география, русская история XVI – XVII вв. Курсы, которые читал Егор Егорович, знакомили слушателей с главными историческими событиями и с воззрениями историков на них. Нельзя не отметить, что на своих занятиях он пытался показать значимость первоисточников для любого исследователя. Интерес представляют рассуждения ученого о необходимости критического отношения к ним в период анализа. В этом вопросе Е. Е. Замысловский был продолжателем идей, которые господствовали в то время на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета. На его лекциях слушатели вырабатывали прекрасные критические методы, обогащались серьезным знанием источников [5, с. 1005]. С целью выработки критического подхода к источникам студентам часто приходилось готовить доклады и выступать с ними по тем или иным проблемам русской истории [8, с. 619]. В этом отношении более ценными и плодотворными были, конечно, занятия профессора со студентами старших курсов.

Помимо лекций в Санкт-Петербургском университете еще со времени М. С. Куторги традиционными стали занятия семинарского типа на дому, где студенты разрабатывали отдельные темы. Так, например, из воспоминаний В. Г. Дружинина мы узнаем, что Егор Егорович приглашал учеников на свои домашние «субботы», где можно было встретить ярких представителей ученого и литературного мира [30, с. 123].

Важно отметить, что ученый старательно готовил лекции и общих, и специальных курсов, давая студентам фундаментальные знания. Егор Егорович создал свой метод работы с источником. Как правило, статьи, которые извлекал из журналов историк, переплетались и собирались в тематические папки. На многочисленных вырезках были сделаны надписи с необходимыми библиографическими сведениями. Иногда историку, чтобы восстановить начало или окончание статьи, приходилось делать записи от руки. Некоторые из журналов подвергались своеобразной обработке. Исследователь из полных журнальных комплектов удалял все «ненужное», а оставшийся материал переплетал в единый том. Такая процедура была произведена Замысловским с «Москвитянином», а также некоторыми другими журналами [18]. Благодаря Егору Егоровичу была создана «школа, которая подарила немало скромных своих представителей» [5, с. 1001].

Говоря о преподавании Е. Е. Замысловского, нельзя обойти тему взаимоотношений ученого со своими студентами. Для исследователя работа с молодыми людьми, которые хотят посвятить себя изучению русской истории, было любимым делом. К ученикам он относился с большой требовательностью. Однако когда речь шла о молодом даровании, которое со страстью отдавалось науке, Егор Егорович старался продемонстрировать свою поддержку. Неоднократно он хлопотал за своих учеников, которые стремились опубликовать результаты своих научных исследований [3, с. 3; 4, с. 5, 23].

О том, какую роль сыграл в жизни молодых людей Е. Е. Замысловский, свидетельствуют достижения его студентов в области исторической науки. Нельзя не отметить, что многие ученики Егора Егоровича приобрели известность в научных кругах. Примечательно, что усилиями ученого они в разное время были оставлены при

университете для подготовки к профессорской деятельности, а после получения степени магистра некоторые из его учеников получили возможность преподавать в высших учебных заведениях России [26, с. 63].

Среди учеников Е. Е. Замысловского были известные русские ученые: И. П. Сенигов, С. М. Середонин, Е. Ф. Шмурло, В. Г. Дружинин. Из числа учеников Егора Егоровича, конечно, выделяются крупнейшие историки России: С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский. Многие указывают, что именно с научными интересами ученого было связано направление научных занятий С. Ф. Платонова и А. С. Лаппо-Данилевского на начальном этапе их научно-исследовательской деятельности. Е. Е. Замысловский оказывал поддержку своим ученикам со времени защиты ими кандидатских сочинений. Например, при участии историка, а также К. Н. Бестужева-Рюмина оба были оставлены при университете для преподавательской деятельности. Они стали читать курсы на кафедре русской истории и готовились к профессорской деятельности [27, с. 132]. Действительно, впоследствии и тот и другой отрицали какое-либо влияние учителя на методологию их работы.

Представители петербургской исторической школы особое внимание уделяли вспомогательным историческим дисциплинам [29, с. 352]. Егор Егорович очень рано стал проявлять интерес не только к русской истории, но и к наукам, которые имели к ней какое-либо отношение. Сначала он занялся изучением права и политэкономии. На основе анализа сочинений Рошера по народному хозяйству и Рия по физиологии общества произошло знакомство ученого с социальными науками. Затем внимание Е. Е. Замысловского было сконцентрировано на изучении этнографии. Увлеченность смежными с историей науками заставила обратить внимание Егора Егоровича на исследования Гакстгаузена о русской общине, сочинения Кавелина и Калачова, сборники Терещенко, Снегирева и Сахарова, а также многочисленные книги о хозяйственной жизни русских инородцев. По всей видимости, именно в это время, особый интерес исследователь стал проявлять к исторической географии. Л. Н. Майков пишет, что курс Риттера сравнительного землевладения был изучен его другом основательно [19, с. 62].

Еще одним фактом, подтверждающим особое отношение к исторической географии Е. Е. Замысловского, стало принятие в 1865 г. историка в число членов Императорского Русского географического общества, где в течение двух лет он исполнял обязанности секретаря отделения этнографии. Кроме того, Егор Егорович решил составить «Учебный атлас по русской истории» [15], который имел бы указатель и объяснительный текст [13]. Он представил атлас в 1865 г. на конкурс имени Петра Великого Министерства народного просвещения в качестве учебного пособия, включающего сведения по истории Петербурга как столицы России [23]. «Учебный атлас по русской истории» с объяснительным текстом и указателем в том же году вышел первым изданием. Атлас имел успех и выдержал впоследствии еще два издания, причем постоянно дополнялся. Е. Е. Замысловский использовал в своей работе опыт учителя, приобретенный им в частных уроках, а также в преподавании географии и истории в петербургских гимназиях. Второе издание в 1869 г. было удостоено премии Петра Великого и почетного отзыва

на Парижской всемирной выставке [5, с. 1003]. Егор Егорович же в научной среде зарекомендовал себя в качестве знатока исторической географии.

Сосредоточение интересов Е. Е. Замысловского на исторической географии обусловило то, что самый важный научный труд в его жизни был посвящен именно этой теме. В 1884 г. Егор Егорович защитил докторскую диссертацию «Герберштейн и его историко-географические известия о России» [10]. В работе историк дал оценку одному из главных западноевропейских сочинений по истории Древней Руси. Сам автор придавал большое значение докторской диссертации в развитии исторической географии России. Об этом свидетельствуют выдержки из дневниковых записок Е. Ф. Шмурло: «Е. Е. Замысловский в разговоре с Середониным так выразился по поводу книги Ключевского «Боярская дума»: «Его труд – одни домыслы; вот мой Герберштейн – там факты» [20, с. 80].

Как известно, представители петербургской исторической школы повышенный интерес проявляли к археологии [29, с. 352]. Е. Е. Замысловский был активным членом Археологической комиссии, которая была создана в 1834 г. с целью издания наиболее важных и наиболее древних исторических актов [6, с. 109]. Ученый постоянно выступал с докладами на заседаниях комиссии. В 1872 г. при участии Замысловского был издан XII том «Дополнений к актам историческим» [7]. Здесь были представлены документы, которые относились к периоду царствования Федора Алексеевича. Примечательно, что исследователь дополнил издание своими примечаниями. Егор Егорович занимался изданием писцовых и переписных книг. На заседании Археологической комиссии 28 марта 1881 г. Е. Е. Замысловский выступил с докладом о значимости писцовых и переписных книг для реконструкции исторического прошлого [4, с. 36 – 38].

Археологическая комиссия признавала полезным издание такого рода исторических источников, как сказания иностранных писателей о России. Егор Егорович не остался в стороне и здесь. Под редакцией Е. Е. Замысловского были опубликованы «Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени» [28] с его же приложениями. Кроме того, при участии ученого были изданы четыре выпуска «Летопись занятий Археологической комиссии». В 1875 г. как опытному археографу Замысловскому предложили принять участие в работе Высочайшей комиссии по изданию писем и бумаг императора Петра Великого. По поручению комиссии он должен был создать словарь технических слов и выражений, которые встречались в источниках [19, с. 70].

На основе документов архива Капитулы Императорских и Царских орденов XIX в. Е. Е. Замысловским и И. И. Петровым было подготовлено издание «Истории российских орденов» [17]. В очерке подробно освещалась история наград Российской империи. В издание вошли различные редакции статуты всех российских орденов и знаков отличия, проекты статуты, а также нормативно-правовые документы.

Постепенно Егор Егорович занял видное место в Археологической комиссии. Большая работа была проделана историком по выявлению, изучению и изданию исторических источников. Неслучайно Археологическая

комиссия выступила с инициативой отправить ученого в командировку за границу.

На протяжении 7 лет Е. Е. Замысловский был руководителем кафедры русской истории и хранителем научных традиций, которые были заложены в Санкт-Петербургском университете еще К. Н. Бестужевым-Рюминым [1, с. 87]. П. Н. Полевой писал о своем ближайшем друге: «Работал он постоянно и очень много, не щадя ни сил, ни энергии на разработку самых мелких и, по-видимому, самых сухих подробностей в этой области, которую избирал для исследования... Он останавливался в своем упорном, суровом и настойчивом труде только тогда, когда у него не оставалось более сомнений, и истина становилась для него ясною, как день... Так учил он работать и то молодое поколение, которое приходило к нему учиться, и которым он руководил в научных начинаниях...» [22, с. 189].

В 1890 г. Егор Егорович был вынужден оставить преподавание, покинуть стены университета, которые стали для него домом [24, с. 60]. Именно в это время впервые обнаружили его недуг, болезнь спинного мозга. Болезнь развивалась более пяти лет. Л. Н. Майков в своих заметках об историке написал: «Кто знал покойного лишь в последние десять – пятнадцать лет, не могут представить, каким он был в молодости. Многолетняя тяжкая болезнь рано сломила его крепкий когда-то организм, преждевременно состарила и, наконец, свела в могилу после острых страданий, задолго, до наступления преклонного возраста. А была пора, когда он мог работать много и действительно работал с неустанной энергией и беззаветным увлечением, не щадя ни времени, ни

своих сил для трудов» [19, с. 53]. Скончался Е. Е. Замысловский 9 (21) мая 1896 г. Николай II, узнав о смерти своего учителя, написал: «Глубоко сожалею о кончине Замысловского, которого Я уважал, как человека прекрасного и историка» [9, с. 292]. Похоронили историка на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Отпевание состоялось в университетской церкви.

Таким образом, Санкт-Петербургский университет занимал особое место в жизни Егора Егоровича. Учеба на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, отношения, которые сложились с преподавателями и однокурсниками, во многом повлияли на выбор стратегии жизненного и научного пути ученого. Он оказался в числе тех историков, которые представляли второе поколение петербургской исторической школы. Как известно, Е. Е. Замысловский живо откликался на появление новых концепций в российской исторической науке, поддерживал их. Он восхищался и разделял взгляды своих наставников. В центре научно-исследовательской работы Егора Егоровича всегда находился исторический источник. Замысловский принимал активное участие в проектах по изданию русских и иностранных источников. В историю же русской науки он вошел, главным образом, как крупный историк России второй половины XIX в., который внес огромный вклад в развитие исторической географии. Труды Е. Е. Замысловского впоследствии стали предметом особого внимания со стороны многочисленных исследователей, рассматривались ими как важный вклад в изучение истории России, прежде всего, сложных и малоизученных событий XVII в.

Литература

1. Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834 – 2004). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 384 с.
2. Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Наука, 2000. 664 с.
3. Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии. 1871. Вып. 5: 1867 – 1870. С. 1 – 185.
4. Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии. 1884. Вып. 7: 1876 – 1877. С. 1 – 149.
5. Глинский Б. Б. Е. Е. Замысловский // Исторический вестник. 1896. № 6. С. 1000 – 1005.
6. Деятельность Археографической комиссии в царствование Александра II // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 6. С. 109 – 131.
7. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: в 12 т. / под ред. А. И. Тимофеева. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846 – 1872. Т. 12. 1872. 466 с.
8. Егор Егорович Замысловский // Русская старина. 1896. № 9. С. 617 – 620.
9. Егор Егорович Замысловский // Русский вестник. 1896. № 6. С. 291 – 292.
10. Замысловский Е. Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1887. 256 с.
11. Замысловский Е. Е. Извлечение из переписных книг (1676 – 1682 гг.) // Летопись занятий Археографической комиссии. 1888. Вып. 8: 1878 – 1881. С. 1 – 307.
12. Замысловский Е. Е. Московия Джона Мильтона, со статьёй и примечаниями Ю. В. Толстого. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1875 («Чтения»... 1874, кн. 3-я) // Древняя и новая Россия. 1875. № 8. С. 387 – 391.
13. Замысловский Е. Е. Объяснение к учебному атласу по русской истории. 3-е изд. СПб.: Изд. картогр. заведения А. Ильина, 1887. 269 с.
14. Замысловский Е. Е. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии Себастиана Мюнстера (XVI в.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 10. С. 66 – 123.
15. Замысловский Е. Е. Учебный атлас по русской истории. 3-е изд. СПб.: Изд. картогр. заведения А. Ильина, 1887. 16 с.
16. Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1: Введение – обзор источников. СПб.: тип. Замысловского и Бобылева, 1871. 362 с.
17. Замысловский Е. Е., Петров И. И. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статутов. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1891. 664 с.

18. Книжное собрание Е. Е. Замысловского в составе библиотеки Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. Режим доступа: <http://www.library.spbu.ru/bbk/> (дата обращения: 02.11.2015).
19. Майков Л. Н. Е. Е. Замысловский // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 8. С. 53 – 74.
20. «Мне как историку позволительно оценивать события исторической меркой»: Из «Записок» Е. Ф. Шмурло о Петербургском университете. 1889 // Отечественные архивы. 2006. № 1. С. 72 – 99.
21. Письмо Замысловского о результатах его поездки во Флорищеву пустынь // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1871. Вып. 5: 1867 – 1870. С. 35 – 38.
22. Полевой П. Н. Памяти Е. Е. Замысловского // Исторический вестник. 1896. № 7. С. 185 – 189.
23. Протоколы заседаний Санкт-Петербургского педагогического собрания 16-го января, 6-го, 17-го и 20-го февраля и 6-го марта 1865 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. № 4. С. 263 – 268.
24. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за весеннее полугодие 1890 г. 1890. № 42. 50 с.
25. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1871 – 1872 академического года. 1872. № 5. 134 с.
26. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004. 352 с.
27. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: сб. науч. работ / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Вып. 1. С. 128 – 165.
28. Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России / под ред. Е. Е. Замысловского. СПб.: Тип. Замысловского, 1874. 384 с.
29. Тихонов В. В. Московская и Петербургская школа «русских историков» в контексте дихотомии «Москва – Петербург» (конец XIX – начало XX вв.) // Люди и тексты. Исторический альманах / отв. ред. М. С. Бобкова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 344 – 378.
30. Трибунский П. А. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина // Клио. 2013. № 12. С. 120 – 126.

E. E. ZAMYSLOVSKY AND ST. PETERSBURG'S HISTORICAL SCHOOL

Elena F. Zdanovich^{1, @}

¹ Humanitarian College of Yanka Kupala Grodno State University, 22, Ozhesko, Grodno, Belarus, 230023
@lenfranc@yandex.by

Received 16.05.2016.

Accepted 22.07.2016.

Keywords: St. Petersburg University, Petersburg historical school, creative biography, the second generation, historical views, a historical source.

Abstract: The article analyzes the creative biography of E. E. Zamylovsky, his main research directions (the history of Russia of the XVIIth century and historical geography) are defined. The article features interesting and insufficiently explored directions of his scientific research and teaching. The article introduces us to E. E. Zamylovsky's methods and techniques of work with a historical source. In particular, the emphasis is put on profound knowledge of the historical sources on the subject of the research a historian should possess. Special attention is given to identifying of E. E. Zamylovsky's place in the range of the largest Russian historians, the representatives of St. Petersburg's historical school.

For citation: Zdanovich E. F. E. E. Zamylovskii i peterburgskaia istoricheskaja shkola [E. E. Zamylovsky and St. Petersburg's historical school]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 40 – 45. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-40-45.

References

1. Brachev V. S., Dvornichenko A. Iu. *Kafedra russkoi istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834 – 2004)* [The Russian History Department of St. Petersburg University (1834 – 2004)]. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004, 384.
2. Valk S. N. *Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniiu. Nauchnoe nasledie* [Selected works on historiography and source studies. Scientific heritage]. Saint-Petersburg: Nauka, 2000, 664.
3. Vypiska iz protokolov zasедanii Arkheograficheskoi komissii [The extract from Minutes of Archeographic Committee]. *Letopis' zaniatii Arkheograficheskoi komissii* = *The Chronicles of meetings of Archeographic Committee*, no. 5: 1867–1870 (1871): 1 – 185.
4. Vypiska iz protokolov zasедanii Arkheograficheskoi komissii [The extract from Minutes of Archeographic Committee]. *Letopis' zaniatii Arkheograficheskoi komissii* = *The Chronicles of meetings of Archeographic Committee*, no. 7: 1876 – 1877 (1884): 1 – 149.
5. Glinskii B. B. E. E. Zamylovskii [E. E. Zamylovsky.]. *Istoricheskii vestnik* = *The Historical Bulletin*, no. 6 (1896): 1000 – 1005.
6. Deiatel'nost' Arkheograficheskoi komissii v tsarstvovanie Aleksandra II [The activity of Archeographic Committee during Alexander II's reign]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* = *The Journal of Public Education*, no. 6 (1880): 109 – 131.

7. *Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei* [Additions to historical acts, collected and published by Archeographic Committee]. Saint-Petersburg: Tip. E. Prasta, vol. 12 (1872): 466.
8. Egor Egorovich Zamylovskii [Egor Egorovich Zamylovsky]. *Russkaia starina* = *Russian antiquity*, no. 9 (1896): 617 – 620.
9. Egor Egorovich Zamylovskii [Egor Egorovich Zamylovsky]. *Russkii vestnik* = *The Russian Bulletin*, no. 6 (1896): 291 – 292.
10. Zamylovskii E. E. *Gerbershtein i ego istoriko-geograficheskie izvestiia o Rossii* [Gerberstein and his historical – geographical news about Russia]. Saint-Petersburg: Tip. brat. Panteleevykh, 1887, 256.
11. Zamylovskii E. E. *Izvlechenie iz perepisnykh knig (1676 – 1682 gg.)* [Extracts from rewritten books (1676 – 1682)]. *Letopis' zaniatii Arkheograficheskoi komissii* = *The Chronicles of meetings of Archeographic Committee*, no. 8: 1878–1881 (1888): 1 – 307.
12. Zamylovskii E. E. *Moskoviia Dzhona Mil'tona, s stat'ei i primechaniiami Iu. V. Tolstogo*. Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Moskva, 1875 («Chteniiia»...1874, kn. 3-ia) [Moskoviia of John Milton, with articles and comments by Y.V.Tolstoy. The edition of Imperial society of History and Russian Antiquities at Moscow University. Moscow, 1875 (“Readings” ... 1874, volume 3d)]. *Drevniaia i novaia Rossiia* = *Antique and New Russia*, no. 8 (1875): 387 – 391.
13. Zamylovskii E. E. *Ob"iasnenie k uchebnomu atlasu po russkoi istorii* [Explanations to Educational Atlas on Russian History]. 3rd ed. Saint-Petersburg: Izd. kartogr. zavedeniia A. Il'ina, 1887, 269.
14. Zamylovskii E. E. *Opisanie Litvy, Samogitii, Russii i Moskovii Sebastiana Miunстера (XVI v.)* [The Description of Latvia, Samogitii, Russia and Moskovia by Sebastian Munster (XVI c.)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* = *The Journal of Public Education*, no. 10 (1880): 66 – 123.
15. Zamylovskii E. E. *Uchebnyi atlas po russkoi istorii* [Educational Atlas on Russian]. 3rd ed. Saint-Petersburg: Izd. kartogr. zavedeniia A. Il'ina, 1887, 16.
16. Zamylovskii E. E. *Tsarstvovanie Fedora Alekseevicha. Ch. 1: Vvedenie – obzor istochnikov* [The Reign of Alexey Fedorovich. Part 1: Introduction – the review of sources]. Saint-Petersburg: tip. Zamylovskogo i Bobyleva, 1871, 362.
17. Zamylovskii E. E., Petrov I. I. *Istoricheskii ocherk rossiiskikh ordenov i Sbornik osnovnykh ordenskhkh statutov* [The historical essay of Russian Orders and the collection of main order's statuses]. Saint-Petersburg: Tip. B. S. Balasheva, 1891, 664.
18. *Knizhnoe sobranie E. E. Zamylovskogo v sostave biblioteki Sankt-Peterburgskikh Vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursov* [Book Collection of E. E. Zamylovsky in the library of St. Petersburg Women Higher Bestuzhev's Courses]. Available at: <http://www.library.spbu.ru/bbk/> (accessed 02.11.2015).
19. Maikov L. N. E. E. Zamylovskii [E. E. Zamylovsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* = *The Journal of Public Education*, no. 8 (1896): 53 – 74.
20. *Mne kak istoriku pozvolitel'no otsenivat' sobytia istoricheskoi merkoii*: Iz «Zapisok» E. F. Shmurlo o Peterburgskom universitete. 1889 [As historian, I am allowed to assess events by historical standards: From "The Notes" of E.F. Shmurlo about Petersburg University. 1889]. *Otechestvennye arkhivy* = *Domestic Archivers*, no. 1 (2006): 72 – 99.
21. Pis'mo g. Zamylovskogo o rezul'tatakh ego poezdki vo Florishchevu pustyn' [A Letter of Zamylovsky about the results of his trip to Florishchev Desert]. *Letopis' zaniatii Arkheograficheskoi komissii* = *The Chronicles of meetings of Archeographic Committee*, no. 5: 1867 – 1870 (1871): 35 – 38.
22. Polevoi P. N. Pamiati E. E. Zamylovskogo [P. N. Polevoy. In memory of E. E. Zamylovsky]. *Istoricheskii vestnik* = *The Historical Bulletin*, no. 7 (1896): 185 – 189.
23. *Protokoly zasedanii Sankt-Peterburgskogo pedagogicheskogo sobraniia 16-go ianvaria, 6-go, 17-go i 20-go fevralia i 6-go marta 1865 g.* [The Minutes of meetings of St. Petersburg Committee of January 16, February 6, 17, 20, March 6, 1865]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* = *The Journal of Public Education*, no. 4 (1865): 263 – 268.
24. *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za vesennnee polugodie 1890 g.* [The Minutes of meetings of Imperial Committee of St. Petersburg University for spring half year 1890], no. 42 (1890): 50.
25. *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za pervuiu polovinu 1871 – 1872 akademicheskogo goda* [The Minutes of meetings of Imperial Committee of St. Petersburg University for the first half of 1871 – 1872 academic year], no. 5 (1872): 134.
26. Rostovtsev E. A. *A. S. Lappo-Danilevskii i peterburgskaia istoricheskaja shkola* [A. S. Lappo-Danilevsky and St. Petersburg's historical school]. Ryazan: NRII, 2004, 352.
27. Rostovtsev E. A. A. S. Lappo-Danilevskii i S. F. Platonov (K istorii lichnykh i nauchnykh vzaimootnoshenii) [A. S. Lappo-Danilevsky and S. F. Platonov (to the history of personal and scientific relationships)]. *Problemy sotsial'nogo i gumanitarnogo znaniia* [Problems of social and humanitarian knowledge]. Ed. Vachtin N. B. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, Iss. 1 (1999): 128 – 165.
28. *Skazaniia Massy i Gerkmana o Smutnom vremeni v Rossii* [Sayings of Nassa and Gerkman about Troubled Times in Russia]. Ed. Zamylovskii E. E. Saint-Petersburg: Tip. Zamylovskogo, 1874, 384.
29. Tikhonov V. V. *Moskovskaia i Peterburgskaia shkola «russkikh istorikov» v kontekste dikhotomii «Moskva – Peterburg» (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Moscow and St. Petersburg school of “Russian Historians” in the context of dichotomy “Moscow – St. Petersburg” (the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries)]. *Liudi i teksty. Istoricheskii al'manakh* [People and texts. The Historical Anthology]. Ed. Bobkov M. S. Moscow, 2013, 344 – 378.
30. *Tribunskii P. A. A. S. Lappo-Danilevskii v vospominaniakh V. G. Druzhinina* [A. S. Lappo-Danilevsky in the recollections of V. G. Druzhinin]. *Klio* = *Klio*, no. 12 (2013): 120 – 126.

УДК 94:297-191.2

ЗНАЧЕНИЕ ИСЛАМА В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Юлия Ю. Комлякова^{1, @}

¹ Донецкий государственный университет управления, Украина, 87513, г. Мариуполь, ул. Карпинского, 58
[@] jkomlyakova@gmail.com

Поступила в редакцию 15.04.2016.
Принята к печати 26.05.2016.

Ключевые слова: Центральная Азия, ислам, политизация, политическая элита, кланы.

Аннотация: За время существования СССР было минимизировано влияние ислама на политику. В советское время ислам в республиках Средней Азии ощущал некоторое притеснение вплоть до конца 1950-х годов. Это было связано с постоянными гонениями и антирелигиозной пропагандой в рамках советской политики атеизма. После хрущевской оттепели начался обратный процесс постепенного выхода ислама из подполья, который завершился в эпоху перестройки и гласности. Ослабление центральной власти и борьба внешних сил против СССР спровоцировали развитие в регионе радикального исламизма. Этот период характеризовался возрождением, политизацией и радикализацией ислама.

Для цитирования: Комлякова Ю. Ю. Значение ислама в формировании политического курса государств Центральной Азии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 46 – 50. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-46-50.

Вынужденное провозглашение независимости центральноазиатских государств требовало от правящих элит ряда мероприятий, направленных на легитимизацию собственного положения, поддержание жизнеспособности экономики и социальной системы, а также на замену коммунистической идеологии национальной. Прежде всего, лидеры титульных этносов должны были сделать выбор между полиэтническим многообразием и моноэтническим преимуществом. Предпочтя последнее, они минимизировали этнические клановые и локальные многообразия и предлагали вместо патриотизма в общественном, гражданском смысле лояльность по отношению к нации и преданности республике, одновременно работая над решением проблем, связанных со сложным процессом перехода к рыночной экономике и демократизации [4, с. 112].

Причинами политизации ислама и возрождение интереса к нему в Центральной Азии стали: распад биполярной системы, дискредитация коммунистической идеологии и внутренняя социально-политическая напряженность в республиках региона. Процессы глобализации и модернизации общества также создавали предпосылки для политизации ислама в Центральной Азии [5].

Вспышка религиозной активности населения в первые годы независимости способствовала не только нагнетанию настроений в среде различных религиозных течений, но и консолидировала граждан вокруг одного из них, что позволяло в целом говорить об определенной стабилизации внутригосударственной ситуации в республиках региона. В частности, все они стали своеобразными полигонами, на которых ислам начал трансформироваться из религиозного учения в определенные общественно значимые формы и приобретать политический окрас [17].

После распада СССР, который был светским государством, в постсоветских республиках так и не был разработан принцип распределения полномочий религии и государства. Согласно точке зрения некоторых европейских и российских политических элит, принцип распределения полномочий религии и государства возможно только в христианских обществах. Но мусульманский мир не соглашался с этой точкой зрения. Поэтому республики с мусульманским населением находились в поисках решения этой и других, связанных с взаимодействием ислама и государства, проблем [6].

В Центральной Азии ярко выраженным было традиционное распределение политических и социальных ролей между родами, кланами, племенами, жузами, религиозными группировками, которые сложились исторически. На всех звеньях административной иерархии находились выходцы из традиционных, связанных с отправлением религиозного культа семей и кланов.

Баланс интересов был нарушен с распадом советской административной системы и борьбой кланов за полноту власти в новых государствах. Региональные, местные силы возобладали, их соперничество охватывало все сферы общественной жизни. Движение к примирению был возможным лишь при условии признания за существующими кланами их власти на местах и достигением баланса на уровне верховных органов государственной власти.

Радикальные группы, возникшие в Центральной Азии в начале 1990-х гг. не получили существенной поддержки со стороны общества. Однако интерес населения к радикальным группировкам частично стал результатом непродуманной политики, а также недостаточных демократических реформ. Простой люд был недоволен длительным переходом от советского строя. Жесткая политика прави-

тельств центральноазиатских республик была одним из основных факторов роста радикализма в регионе.

Ислам, кроме того, что он представляет собой свод нормативных положений религиозного, правового, экономического и обрядово-культового характера, представляет еще и систему государственно-правовых учреждений и институтов. Политика, в свою очередь, выполняет функцию связующего звена между составляющими религиозной системы. Вопрос политизации религии весьма сложен, особенно, когда это касается ислама. Мнения ученых по этому поводу распределялись на две группы: одна считала, что нет такого «политического ислама» из-за того, что нет «неполитического» [10; 18], другая группа претендовала на признание существования политического ислама [11; 14; 20]. Поэтому, с целью определения сущности этого процесса, прежде всего, следует определить особенности такого процесса, как политизация. Этот термин имеет три основных значения. Первое – это увеличение интереса к участию в политике отдельных социальных групп и индивидов; второе – это усиление значения государственной (политической) сферы по отношению к другим сферам. И третье значение – изменения в сознании и поведении индивидов и групп, которые происходят в результате доминирующего влияния политики на все сферы их жизнедеятельности [7].

Политика и религия имеют некоторые общие черты: обе представляют собой идеологические системы; они имеют общий объект воздействия – это массы; религиозные деятели представляют свои интересы через политиков, в то время как политические деятели обращаются к религиозным нормам, догмам и организации для осуществления своей деятельности. Изменения в религии, например появление новых религиозных организаций и течений, могут стать причинами изменений в политике [2].

Таким образом, религия и политика находятся в тесной взаимосвязи, дополняя друг друга в зависимости от ситуации. Для стран Центральной Азии таким переломным моментом оказался распад Советского Союза. Как следствие, состоялось усиление факторов нестабильности в регионе: нарушение экономических связей и систем безопасности, а также увеличение роли ислама.

Ислам начал укрепляться в Центральной Азии именно после распада СССР, как объединяющая сила, основанная на высоких моральных ценностях и общих социальных интересах. В это время было намного легче насадить новую идеологию, когда люди были растеряны, а их идеалы устарели. Поэтому само по себе возрождение ислама в странах Центральной Азии не имело негативного контекста. Но важным был тот факт, что миссионеры, которые вербовали новых сторонников ислама в свои круги рассчитывали преимущественно на молодое население, особенно на невежественную его часть, вводя в заблуждения и формируя действительно неверное мировоззрение [8, с. 27].

Среди причин исламизации стран Центральной Азии можно назвать рост фундаменталистских настроений из-за того, что в некоторых странах региона не были реализованы экономические реформы, было приостановлено решение экономических проблем, неэффективное управление, отсутствие экономической программы, нехватка ресурсов, коррупция. К другим факторам исламизации государств региона можно отнести бедность подавляющей части населения региона, а также безработицу. Все

это создавало почву для распространения радикальных идей; концентрации политической власти в руках региональных элит и репрессии по отношению к оппозиции, увеличивало уровень политического напряжения и опасность появления радикальных происламски настроенных политических сил. Отсутствие социальных программ для молодежи также создавало напряженную атмосферу социальных взаимоотношений и обществе. Особенно этот процесс отличался в Таджикистане. Присущей ему чертой был региональный сепаратизм и, как следствие, потеря контроля над собственными территориями [3].

По мнению ряда западных экспертов, руководители государств Центральной Азии, оказавшись перед выбором между позициями «нация против демократии» или «нация и демократия», выбрали первый, не отдав предпочтение демократии [23, с. 29].

Что касается форм политического возрождения ислама в центральноазиатских странах, то в первые годы после обретения ими независимости, их можно условно разделить на три течения. Первое – ультрарадикалы. Они выступали за немедленные действия, направленные на создание исламского государства и за провозглашение шариата нормой и законом общества (Партия исламского возрождения Таджикистана). Вторая группа – радикалы. Они также провозглашали нормы шариата с целью создания исламского общества и последующего провозглашения исламского государства. К третьей группе относились умеренно настроенные исламисты. Они ратовали за культурно-просветительскую деятельность и исламскую пропаганду, за постепенную интеграцию ислама в политический процесс. К этому течению принадлежали Исламская партия Туркестана (Ташкент), Лига мусульманских женщин (Казахстан) и Исламский культурный центр (Кыргызстан) [1, с. 61 – 67].

Полиэтничность населения, сохранение клановой структуры титульных этносов, условность границ, экономическая зависимость от бывшей метрополии, отсутствие единой государственной идентичности и исторические традиции национальной государственности ставили на повестку дня вопрос о перспективах дальнейшего существования государств Центральной Азии. В Таджикистане всю остроту этносоциальных проблем выявила гражданская война, которая стала следствием внутренней раздробленности таджикского этноса. Похожие проблемы были характерны для всех стран региона и были перманентным фактором общественно-политической нестабильности [22].

Процессы исламизации киргизского общества и политизация ислама после распада Советского Союза начались в южных районах республики. Эти процессы проходили под влиянием роли радикального ислама, влияние которого все усиливалось. Прежде всего это были международные исламские организации радикального толка, которые начали свою деятельность в южных, а затем и в северных районах Киргизии.

Изучая проблемы развития «политического ислама» и его радикализации в регионе Центральной Азии, отечественные и зарубежные исследователи считали важным внешнее воздействие на эти процессы. Одна группа ученых приводила многочисленные примеры финансирования радикальных групп Центральной Азии зарубежными исламскими фондами, мусульманскими странами, диас-

порами мусульман, которые жили в благоприятных экономических зонах [12]. Другая группа исследователей в усилении исламского радикализма видела игру двойных стандартов США, которые посредством своих спецслужб и спецслужб союзных государств финансировали определенные террористические группировки, прикрываясь борьбой за сферы влияния в Центральной Азии, которая владела энергоносителями и дешевой рабочей силой [16].

Запад мог сделать многое по отношению вопроса ислама в центральноазиатских странах, но это должно было быть связано с более широкими реформами и созданием демократических стандартов, которые бы создавали среду благоприятную для умеренного ислама. Соединенные Штаты, в частности, подчеркивали свою поддержку демократизации на Ближнем Востоке, как важной составной части более широкой политики, направленной на борьбу с радикализмом и терроризмом. Подобный подход был бы эффективным и в Центральной Азии, где плохое правление, несправедливость и репрессии способствовали разрастанию радикализма и подрывали поддержку демократических решений. Идеи, представления и политика должны быть пересмотрены таким образом, чтобы меньшинство, которое поддерживало радикальные исламские идеи не превратилось в большинство, которое бы не принимало светское правление и демократические идеалы [13].

Запад пытался опираться на умеренные мусульманские круги, дружелюбно настроены по отношению к политике Запада и ее целям. Соединенные Штаты и другие страны Запада все больше пытались использовать механизмы публичной дипломатии с целью завоевания «сердце и умов» мусульман Центральной Азии. Но публичная дипломатия это не только одно из средств достижения изменений. Ее успех связан с куда более значительными программами по поддержке демократических реформ, направленных на создание более открытых и справедливых обществ, в которых люди как верующие, так и неверующие стремились бы к достижению этих целей.

Западные дискуссии о совместимости ислама и демократии не воспринимались большинством мусульман, которые не понимали сущности противоречий. Они считали, что «ислам это и есть демократия» и ислам и демократия могут легко сосуществовать. Главным вопросом было не то, демократическим или нет является ислам, а как реализовать светские демократии в постсоветских переходных государствах, сохраняя плюралистическую идентичность, которая включала в себя религию [13].

В распространении религиозных учений в республиках Центральной Азии значительную роль сыграл внешний фактор. Где к борьбе за эти республики, за их будущий путь развития приобщалось все больше государств, которые условно можно разделить на две группы. В первую входили страны, которые хотели бы преобразования

центральноазиатских стран в исламские государства. Ко второй – страны или межгосударственные объединения, которые делали все, чтобы республики региона стали светскими государствами, где ислам играл бы только роль культурного наследия и не вмешивался в политическую и экономическую сферы. К этой группе стран принадлежали и Соединенные Штаты [17]. США также пытались противодействовать политическому сближению стран региона со странами, которые проводили антиамериканскую политику и радикально-исламскими организациями [19].

Активность политического ислама сдерживалась отсутствием руководящего и координационного центра в масштабах каждой из стран, не говоря о Центральной Азии в целом. Одной из главных проблем этого явления было то, что страны не действовали консолидированно, и каждая из них, сталкиваясь с тождественными проблемами, и из-за собственных властных амбиций не использовала опыт соседей, а проходила этот путь самостоятельно, что и сдерживало страны региона в их развитии.

Ислам и клановая структура общества существенно влияли на политические традиции государств региона, несмотря на то, что во времена Советского Союза это влияние было минимализовано путем притеснений, репрессий, гонений и антирелигиозной пропаганды советской власти против ислама на всех уровнях. В свою очередь, СССР предлагал своим гражданам коммунистическую идеологию. С распадом bipolarной системы и дискредитацией коммунистической идеологии населения бывших республик Советского Союза вообще, и государств Центральной Азии в частности осталось без своеобразных идеалов и примеров для подражания, что наполняло их жизнь определенным смыслом. Именно поэтому в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане начались процессы исламизации населения, а как следствие и политизации ислама. Процесс политизации религии в государствах региона сочетался с клановой структурой общества, которая проявлялась в том, что руководство государственным аппаратом осуществлялось исключительно кругами, близкими к семьям президентов республик, и не имело никакой альтернативы. Однако после победы при поддержке определенного клана каждый из президентов центральноазиатских государств прибегал к ограничению клановых отношений, ведь они регрессивно влияли на развитие новых независимых государств. Конечно, Соединенным Штатам было не только сложно, а иногда даже невозможно сотрудничать со странами, которые были не только не демократическими, но и имели подобный политико-религиозный строй. Именно поэтому первоочередной задачей американского политикума в государствах Центральной Азии была демократизация стран региона.

Литература

1. Абазов Р. Ф. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах // Полис (Политические исследования). 1995. № 3. С. 61 – 67.
2. Актакулова Б., Сапанова С. О политизации ислама в Центральной Азии: сущность, причины, последствия // Вестник КазНУ. (Сер.: Востоковедение). 2012. № 1. С. 3 – 8.
3. Байдаров Е. Исламизация государств Центральной Азии: тенденции и перспективы // 21-й ВЕК. № 4(29). 2013. С. 73 – 96.
4. Белоглазов А. В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т, 2013. 294 с.

5. Бобохонов Р. Ислам в постсоветском Узбекистане // Центр изучения Центральной Азии и Кавказа Российской академии наук. Режим доступа: <http://www.central-eurasia.com/?uid=2598> (дата обращения: 04.07.2014).
6. Бобохонов Р. Ислам и политическая борьба в Центральной Азии // Центр изучения Центральной Азии и Кавказа Российской академии наук. Режим доступа: <http://www.central-eurasia.com/?uid=2466> (дата обращения: 02.07.2014).
7. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норит, 1998. 1536 с.
8. Мельков С. Трансформация военной политики России под влиянием исламского фактора. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М.: Фонд Карнеги за международный Мир, 2003. С. 27.
9. Мирзо С. Исламизация Центральной Азии как элемент глобальных геополитических интересов // ЦентрАзия. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1378745460> (дата обращения: 2014.07.06).
10. Моххамед М., Наумкин В. В. В исламе не существует понятия секуляризация // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. Т. 11. С. 160 – 168.
11. Нанева А. Исламский фундаментализм и политический ислам в странах Центральной Азии // Обозреватель. 2008. № 10. С. 87 – 96.
12. Наумкин В. В. Ислам и мусульмане культура и политика // Радикальный ислам в Центральной Азии: опыт, состояние и перспективы: материалы Международной конференции. Алматы. 2007. С. 534 – 550.
13. Неизбежен ли радикальный ислам в Центральной Азии? Приоритеты действия // International Crisis Group. Отчет по Азии № 72. Ош; Брюссель, 2003. С. II.
14. Ниязи А. Возрождение ислама в Таджикистане: традиция и политика // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5.
15. Олкотт М. Б. Второй шанс для Центральной Азии // Московский Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Международный Мир. М.; Вашингтон, 2005. 487 с.
16. Рахматов И. Внешний фактор развития и радикализации ислама в регионе Центральной Азии // Ислам в СНГ. 13.11.2010. Режим доступа: <http://www.islamsng.com/tjk/opinion/473> (дата обращения: 2014.07.06).
17. Сидоров О. Исламский фактор во внутривосточной стабильности государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 1(49). С. 15 – 24.
18. Тиби Б. Является ли ислам политической религией? Возможность межрелигиозного плюрализма в условиях цивилизационного конфликта // Неприкосновенный запас. 2002. № 6(26).
19. Тошмухаммадов М. Гражданская война в Таджикистане и постконфликтное восстановление // Университет Хоккайдо. Центр Славянских исследований. 21st Century COE Program "Making a Discipline of Slavic Eurasian Studies: Meso-Areas and Globalization". Саппоро, 2004. С. 10.
20. Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / отв. ред. В. М. Плоских. М.; Бишкек: КРСУ, 2005. 206 с.
21. Хохлов И. И. Исламское движение Узбекистана: история, финансовая база и структура // Библиотека Национальной безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/-00016/00016idu.htm> (дата обращения: 2014.07.06).
22. Шустов А. В. Становление независимых государств Центральной Азии. Этносоциальные проблемы: 1991 – 2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. 23 с.
23. Landau J. M., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States: Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan. London: Horst and Company, 2001. P. 29.

THE SIGNIFICANCE OF ISLAM IN THE POLICY FORMATION IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Julia J. Komlyakova^{1,*}

¹ Donetsk State University of Management, 58 Karpinsky street, Mariupol, Ukraine, 87513
* jkomlyakova@gmail.com

Received 15.04.2016.
Accepted 26.05.2016.

Keywords: Central Asia, Islam, politicization, political elite, clans.

Abstract: During the existence of the Soviet Union the influence of Islam on politics was minimized. In Soviet times, Islam in the Central Asian republics felt some oppression until the late 1950s. It was due to constant persecution and anti-religious propaganda within the framework of the Soviet policy of atheism. After Khrushchev's thaw there began a reverse process of gradual release of Islam from the underground, which culminated in the era of perestroika and glasnost. The weakening of the central government and the struggle of the foreign forces against the USSR instigated the development of radical Islamism in the region. This period was characterized by the revival, politicization and radicalization of Islam.

For citation: Komlyakova J. J. Znachenie islama v formirovanii politicheskogo kursa gosudarstv Tsentral'noi Azii [The significance of Islam in the policy formation in the countries of central Asia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 46 – 50. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-46-50.

References

1. Abazov R. F. Islamskoe vozrozhdenie v tsentral'noaziatskikh novykh nezavisimyykh gosudarstvakh [The Islamic revival in the Central Asia New Independent States]. *Polis (Politicheskie issledovaniia) = Political research*, no. 3 (1995): 61 – 67.
2. Aktakulova B., Sapanova S. O politizatsii islamav Tsentral'noi Azii: sushchnost', prichiny, posledstviia [On the politicization of Islam in Central Asia: the nature, causes, effects]. *Vestnik KazNU. Seriya: Vostokovedenie = Vestnik KazNU. Series: Oriental Studies*, no. 1 (2012): 3 – 8.
3. Baidarov E. Islamizatsiia gosudarstv Tsentral'noi Azii: tendentsii i perspektivy [Islamization of Central Asia: Trends and Prospects]. *21-i VEK = 21st century*, no. 4(29) (2013): 73 – 96.
4. Beloglazov A. V. *Vliianie islama na politicheskie protsessy v Tsentral'noi Azii* [The influence of Islam on the political processes in Central Asia]. Kazan': Kazan. Un-t, 2013, 294.
5. Bobokhonov R. *Islam v postsovetском Uzbekistane* [Islam in the Post-Soviet Uzbekistan]. Available at: <http://www.central-eurasia.com/?uid=2598> (accessed 04.07.2014).
6. Bobokhonov R. *Islam i politicheskaia bor'ba v Tsentral'noi Azii* [Islam and the Political Struggle in Central Asia]. Available at: <http://www.central-eurasia.com/?uid=2466> (accessed 02.07.2014).
7. Kuznetsov S. A. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Great Dictionary of Russian language]. 1st ed. Saint-Petersburg: Norit, 1998, 1536.
8. Mel'kov S. *Transformatsiia voennoi politiki Rossii pod vlianiem islamskogo faktora. «Islam na postsovetском prostranstve: vzgliad iznutri»* [Transformation of Russian military policy under the influence of the Islamic factor. "Islam in post-Soviet space: a view from the inside"]. Moscow: Fond Karnegi za mezhdunarodnyi Mir, 2003.
9. Mirzo S. *Islamizatsiia Tsentral'noi Azii kak element global'nykh geopoliticheskikh interesov* [Islamization of Central Asia as a part of the global geopolitical interests]. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1378745460> (accessed 06.07.2014).
10. Mokhkhmad M., Naumkin V. V. V islame ne sushchestvuet poniatiiia sekularizatsiia [There is no concept of secularization in Islam]. *Rossia v global'noi politike = Russia in global Affairs*, 11, no. 3 (2013): 160 – 168.
11. Naneva A. Islamskii fundamentalizm i politicheskii islam v stranakh Tsentral'noi Azii [Islamic fundamentalism and political Islam in Central Asia]. *Obozrevatel' = Observer*, no. 10 (2008): 87 – 96.
12. Naumkin V. V. Islam i musul'mane kul'tura i politika [Islam and Muslim culture and politics]. *Radikal'nyi islam v Tsentral'noi Azii: opyt, sostoiianie i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Almaty, 3 dekabria 2007* [Radical Islam in Central Asia: experience, status and prospects: Proc. Intern. Conf. Almaty, 3 Dec 2007]. Almaty, 2007, 534 – 550.
13. Neizbezhen li radikal'nyi islam v Tsentral'noi Azii? Prioritety deistviia [Is Radical Islam Inevitable in Central Asia? Priorities for action]. *International Crisis Group. Otchet po Azii no. 72* [The Asia report no. 72]. Osh/Briussel', 2003, ii.
14. Niiazi A. Vozrozhdenie islama v Tadjikistane: traditsiia i politika [The Revival of Islam in Tajikistan: Tradition and Politics]. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*, no. 5 (1999).
15. Olcott M. B. *Vtoroi shans dlia Tsentral'noi Azii* [Second chance for Central Asia]. Moscow/Vashington, 2005, 487.
16. Rakhmatov I. Vneshnii faktor razvitiia i radikalizatsii islama v regione Tsentral'noi Azii [External factor in the development and radicalization of Islam in Central Asia]. *Islam v SNG = Islam in CIS*, 13.11.2010. Available at: <http://www.islamsng.com/tjk/opinion/473> (accessed 06.07.2014).
17. Sidorov O. Islamskii faktor vo vnutripoliticheskoi stabil'nosti gosudarstv Tsentral'noi Azii [The Islamic factor in political stability in the Central Asian states]. *Tsentral'naia Aziia i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*, no. 1(49) (2007): 15 – 24.
18. Tibi B. Iavliaetsia li islam politicheskoi religiei? Vozmozhnost' mezhreligioznogo pliuralizma v usloviakh tsivilizatsionnogo konflikta [Is Islam a political religion? The possibility of inter-religious pluralism in terms of civilizational conflict]. *Neprikosnovennyi zapas = Emergency ration*, no. 6(26) (2002).
19. Toshmukhammadov M. Grazhdanskaia voina v Tadjikistane i postkonfliktnoe vosstanovlenie [The civil war in Tajikistan and post-conflict reconstruction]. *21st Century COE Program "Making a Discipline of Slavic Eurasian Studies: Meso-Areas and Globalization"*, Saporro, 2004.
20. Ushakov V. N. *Politicheskii islam v Tsentral'noi Azii: osnovnye faktory i perspektivy* [The Political Islam in Central Asia: major factors and prospects]. Ed. Ploskikh V. M. Moscow-Bishkek: KRSU, 2005, 206.
21. Khokhlov I. I. *Islamskoe dvizhenie Uzbekistana: istoriia, finansovaia baza i struktura* [Uzbekistan Islamic Movement: history, financial background and structure]. Available at: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016idu.htm> (accessed 06.07.2014).
22. Shustov A. V. *Stanovlenie nezavisimyykh gosudarstv Tsentral'noi Azii. Etnosotsial'nye problemy: 1991 – 2005 gg.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Formation of independent states in Central Asia. Ethnosocial problems: 1991 – 2005 years. Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Iaroslavl', 2006, 23.
23. Landau J. M., Kellner-Heinkele B. *Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States: Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan*. London: Horst and Company, 2001.

УДК 94(571.1)

ФОРМИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ИРТЫШСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ В СЕРЕДИНЕ 1740-Х ГГ.*Аркадий В. Контев^{1, @}*¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
[@] arkkont@mail.ru*Поступила в редакцию 14.06.2016.
Принята к печати 12.09.2016.***Ключевые слова:** крепости, Джунгария, Иртышская пограничная линия, картография, вооруженные силы.**Аннотация:** В статье рассматривается вопрос формирования оборонительных сооружений на Иртышской пограничной линии и введения в Сибирь регулярных армейских частей. Детально прослежено передвижение военных подразделений в регион и их передислокация на юге Западной Сибири. Данный процесс представлен в контексте действий российской администрации по созданию в Сибири единой линии укреплений. Эти события во многом были связаны с осложнением геополитической обстановки на российско-джунгарской границе в связи с развитием горно-металлургического производства на Алтае. Изучен вклад в формирование пограничных укреплений Западной Сибири оренбургского губернатора И. И. Неплюева, сибирского губернатора А. Сухарева и первого командира Сибирского корпуса генерала Х. Киндермана. На основе изучения материалов центральных и местных архивов автор освещает вопросы картографирования проектируемых и реально созданных укреплений Иртышской линии, приводит численность вооружений в форпостах и крепостях в середине 1740-х годов.**Для цитирования:** Контев А. В. Формирование вооруженных сил на Иртышской пограничной линии в середине 1740-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 51 – 56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

Инициатива переустройства и укрепления южных границ Западной Сибири принадлежала Ивану Ивановичу Неплюеву (1693 – 1773), назначенному в 1742 г. руководителем Оренбургской экспедиции. В именных указах императрицы Елизаветы Петровны при назначении ему поручалось «крайнее и радетельное тщание прилагать» к обустройству границ «с московской сибирской сторон» [27, с. 462].

17 марта 1743 г. в уральском городе Шадринск состоялась встреча тайного советника Ивана Неплюева и сибирского губернатора генерал-майора Алексея Сухарева. Руководители двух соседних регионов обсудили вопросы охраны южных границ Западной Сибири от Урала до Алтая. Было признано необходимым создание новой линии укреплений от Тобола до Иртыша, которая должна была выйти к Чернолуцкой слободе, прикрыв с юго-запада Тарский уезд. «От Чернолуцкой слободы, куды придет от Тоболу линия, – говорилось далее в итоговом документе, – вверх по Иртышу, до Семиполатной крепости, прибавить между настоящих другие крепости и редуты, чтоб формальную линию содержать». От Семиполатной крепости предполагалось «вести линию чрез Демидова Колывана-Воскресенские заводы... до помянутого Теляуцкого озера... строя крепости и редуты» [9, с. 162]. Копия общего мнения за подписями И. Неплюева и А. Сухарева была послана в Сенат для принятия государственного решения.

29 июля 1743 г. сенаторы заслушали документ и решили, «чтоб для такого велико важнаго начинания в строении оных линий и на них крепостей все те дистан-

ции акуратно осмотрены и описаны были» [19, л. 14 об.; 25, с. 621]. Для этого рекомендовалось отправить из Санкт-Петербурга опытного инженера в ранге штаб-офицера с помощниками. Поскольку речь шла о пограничных делах, сенаторы решили отправить все материалы и «присланную ланкарту» Сибири в Коллегию иностранных дел для экспертной оценки, с требованием прислать мнение в Сенат.

Спустя три месяца, 28 октября, Коллегия иностранных дел представила своё заключение, в котором указывала, что строительство новых линий «весьма нужно», но может привести к военной конфронтации с Ойратским («Зенгорским») государством. Поэтому «для закрытия той линии», по мнению Иностранной коллегии, необходимо «иметь тамо знатный корпус войска», поскольку «без знатного числа российского войска оное дело производить небезопасно» [19, л. 37]. Этот документ не обсуждался в Сенате до тех пор, пока 14 мая 1744 г. из Коллегии иностранных дел не поступило новое доношение, в котором объявлялось, что «зенгорский владелец Галдан Чирин... на тамошние места и народы чинит претензии, а именно: все места по реке Иртышу с вершины оной по устью реки Черной Оми, а под городом Кузнецким по речку Уень (которая впадает в Обь реку)». Через 4 дня, 18 мая, в Сенате вновь заслушали вопрос о проведении сибирских линий. Было решено собрать сведения обо всех имеющихся в Сибири крепостях и вооружённых силах, после чего вернуться к рассмотрению вопроса [19, л. 48; 26, с. 69].

Неизвестно, как долго продолжалась бы бюрократическая переписка между столичными ведомствами, если бы летом из Сибири не стали поступать тревожные сведения о намерениях ойратов напасть на российские приграничные укрепления по Верхнему Иртышу и Верхней Оби. 7 июня 1744 г. из Кузнецка сообщили приказчиком Колывано-Воскресенского завода Акинфия Демидова, что ойратский правитель Галдан-Цэрэн собирает войско и «в нынешнем месяце не будет мешкать ни одного дни, пойдет войною на серебряной и Колыванской завод». Причиной обострения российско-ойратских противоречий стало строительство демидовскими людьми крепости около Чагирского рудника на Алтае, где начали добывать серебросодержащую руду [23, л. 4 – 4 об.; 24, л. 2 – 3].

10 июля оренбургский губернатор Иван Неплюев уведомил Сенат и Коллегию иностранных дел о том, что им получено известие «о собрании зюнгорских войск 30 тысяч или для нападения киргиз-кайсаков [казахов] или для наступления под новопостроенные в Сибири российские крепости». Сенат отреагировал на такое известие традиционно, предписав сибирским и оренбургским властям «иметь накрепчайшую и твердую предосторожность» [26, с. 152, 156].

Тем временем, 4 августа 1744 г. из Ямышевской крепостной канцелярии в Тобольск было послано доношение командующего Иртышской линией полковника Новоучреждённого драгунского полка Тимофея Зарина о невозможности противостоять неприятелю в случае возникновения военного конфликта с ойратами [2, л. 21]. По словам полковника, к нему поступило известие, что Галдан-Цэрэн принял решение «осенним временем, как лед на Иртыше станет», напасть на российские пограничные гарнизоны. Прибывшие в Усть-Каменогорскую крепость джунгары причину нового обострения российско-ойратских отношений объясняли следующим образом: «Завелся вновь на нашей земле на Чарыше завод, и от того де подымается ссора» [18, л. 3]. Зарин всерьёз отнёсся к угрозе возможной войны и представил в Сибирскую губернскую канцелярию подробные сведения о числе и размещении войск, находящихся под его командованием.

В Ямышевской крепости числилось по списку 403 человека. Из них две команды по 50 человек были отправлены в Коряковский и Чернорецкий форпосты, расположенные ниже по Иртышу. Ещё 60 человек находились на сенокосе, 20 пастухов казённых лошадей, 50 казаков были заняты в ежедневном патрулировании вдоль Иртыша, а 62 человека «при крепости в разных караулах». За вычетом нескольких больных, свободными оставалось всего 102 человека.

В Семипалатной крепости числилось по списку 304 солдата и казака. Из них две команды по 50 человек находились в Семиярском станце и в «новопостроенной на Убе реке заставе», ещё 50 человек были на сенокосе, 51 – «при крепости в караулах» и две конные команды по 25 человек патрулировали границу вдоль Иртыша. Свободными оставалось только 53 человека. В Усть-Каменогорской крепости по списку значился 141 человек.

Зарин определённо предупреждал тобольские власти: «А ежели будет нападение неприятельское, то никоими мерами за оным малолюдством будет дать отпор и сикурсу [подкрепления. – Авт.]». Полковник требовал, «чтоб сообразовано было в здешнюю Ямышевскую крепость и

в прочие в верхиртышские крепости ж прислать конницы со удовольствием... бес которых, воистинну, за малолюдством пробывать невозможно» [18, л. 4 – 5].

С численностью гарнизонов Иртышской линии, названной полковником Зариным, полностью согласуются сведения, выписанные в XIX в. Г. Н. Потаниным из архивного документа от 25 августа 1744 г. В то время в Омской крепости служило 267 человек и стояло на вооружении 20 пушек; в Железенской – 72 человека и 6 пушек; Ямышевской – 303 человека и 12 пушек; Семипалатной – 204 человека и 8 пушек; Усть-Каменогорской – 141 человек и 9 пушек. Между этими крепостями располагались форпосты: Ачаирский (54 человека), Черлаковский (55 человек), Осморыжский (52 человека), Чернорецкий (59 человек), Коряковский (48 человек), Семиярский (51 человек), и «новопостроенный на реке Убе» (50 человек). Во всех этих форпостах артиллерии не было [11, с. 18].

Как видно из документа, гарнизоны Ямышевской и Семипалатной крепостей уменьшены на 100 человек по сравнению с ведомостью Зарина, поскольку эти люди учтены в составе войск Коряковского, Чернорецкого, Семиярского форпостов и Убинской заставы. Гарнизоны Осморыжского, Черлаковского и Ачаирского форпостов, вероятно, комплектовались из числа солдат и казаков Железенской и Омской крепостей.

Сведения «о намерении зенгорского войска идти под российские жила и крепости» поступили в Сенат из Тобольска 30 августа. 11 сентября 1744 г. на совместном заседании Сената и членов Иностранной коллегии было определено, что в случае строительства новой линии туда необходимо послать «корпус регулярных войск до десяти тысяч» [26, с. 175 – 176]. Предполагалось послать в Сибирь три драгунских полка, находящихся в распоряжении оренбургского губернатора И. Неплюева, и два пехотных полка, выведенных из Персии в середине 1730-х гг. [10, с. 95, 99]. Одновременно Сенат решил обратиться к императрице с предложением набрать из числа сибирских рекрутов два гарнизонных пехотных полка, которые вместе с выведенными из Персии, «содержать всегда по зенгорской границе». Состояние дел на сибирской русско-ойратской границе Сенат оценил настолько неудовлетворительно, что предложил Елизавете Петровне сменить сибирского губернатора, определив генерал-майора Сухарева «к другим делам». Руководителем будущего сибирского корпуса Сенат рекомендовал назначить селенгинского коменданта бригадира Варфоломея Якоби, повысив его в чине до генерал-майора [26, с. 183].

Конкретные меры по укреплению западносибирской границы были изложены в определении Сената, составленном 18 сентября и посланном на утверждение императрице [20, л. 270]. В нём предлагалось немедленно перевести в Сибирь три драгунских полка – Олонский, Луцкий и Вологодский, которые разместить в форпостах по рекам Тоболу и Ишиму, а также в Тобольске. Кроме того, в Сибирь планировалось отправить тысячу яицких казаков. Освобождающиеся по мере прибытия новых частей сибирские гарнизонные полки (драгунские Сибирский и Новоучреждённый, пехотные Тобольский и Енисейский) и Новоучреждённый пехотный батальон предписывалось передвинуть в верхиртышские крепости [1, с. 99 – 100].

24 сентября Елизавета Петровна собственноручно утвердила определение Сената, а кроме того подписала особый указ об отправке в Сибирь двух пехотных полков из числа ранее выведенных из Персии. Определить конкретные подразделения должна была Военная коллегия [14, с. 198]. В указе коллегии от 4 октября 1744 г. уже содержались конкретные распоряжения: «Из выведенных из Персии пехотным двум полкам, то есть Нашебургскому и Ширванскому, которые до того обретались в крепости Святыя Анны, а потом выведены в Острогжск, следовать в Сибирскую губернию в крайней скорости» [20, л. 270 об. – 271]. Эти полки ранее находились в составе Украинского корпуса [15, с. 389 – 390].

Вместо Олонецкого, Луцкого и Вологодского драгунских полков, взятых из Оренбургской губернии, решением Сената туда полагалось срочно передислоцировать три других полевых драгунских полка. Военная коллегия решила направить к Неплюеву «из Алатурской правинции три ж полка, то есть Ревельской, Троицкой и Московской» [20, л. 271]. Причём Ивану Неплюеву предписывалось в случае необходимости немедленно послать и этих конников на сибирские линии «не требуя о том от Военной коллегии указу» [20, л. 270 – 270 об.; 26, с. 197 – 198].

Командиром создаваемого в Сибири армейского корпуса из пяти отправленных за Урал полевых полков императрица назначила генерал-майора Христиана Киндермана, до этого служившего в Олонецком уезде [25, с. 70, 155]. Ему же должны были подчиняться сибирские гарнизонные войска [26, с. 197 – 199]. 22 ноября Киндерман выехал из Москвы в Сибирь [7].

Согласно плану, утверждённому в Петербурге, Сибирский и Новоучреждённый драгунские полки под командованием своих командиров полковника Якова Степановича Павлуцкого и полковника Тимофея Зарина должны были следовать в Ямышевскую крепость (заместителем Зарина был подполковник Яков Карпович Деграве [4, л. 266]). Другие верхиртышские крепости планировалось усилить тремя ротами из состава Тобольского и Енисейского пехотных полков, располагавшихся в ишимских форпостах, и пятью ротами из тобольского гарнизона (включая большую часть Новоучреждённого пехотного батальона). Весь этот контингент был отдан в распоряжение командира Сибирского драгунского полка Я. С. Павлуцкого [6, с. 45].

В октябре 1744 г. полковнику Павлуцкому было приказано со своими войсками «выступить в марш и следовать прямо на Коркину слободу и даже до Ямышевской крепости». Когда в декабре войска прибыли в Тару, Павлуцкий получил известие из губернской канцелярии о том, что угрозы нападения на иртышские крепости пока нет. Поскольку в крепостях имелся недостаток корма для лошадей, полковнику предписывалось оставить драгун на зиму в Тарском уезде, в том числе в Таре и в Омской крепости. Самому Павлуцкому вместе с пехотным батальоном в сопровождении 270 казаков («служилых русских и татар») полагалось следовать в Ямышевскую крепость и сменить полковника Тимофея Зарина на посту командира верхиртышских крепостей [11, с. 7 – 8; 26, с. 255 – 256, 298].

Одновременно началась передислокация драгунских полков из Оренбургской губернии в Сибирь. 9 ноября Неплюев доносил Сенату, что он приказал командиру

Олонецкого драгунского полка полковнику Ивану Крафту [8, с. 221], «чтоб он с Олонецким, Луцким и Вологодским полками следовал в Кунгур, а оттоль в Екатеринбургское ведомство, откуда уже иметь вступать в Тюменский уезд, в ведомство Сибирской губернии». Яицкие казаки выступили 20 октября, в начале ноября достигли Оренбурга и сразу отправились в Сибирь [26, с. 263]. Из числа бывших персидских полков в Сибирь было решено отправить Ширванский и Нашебургский (бывший Ленкоранский) пехотные полки, которые дислоцировались в западных губерниях России [10, с. 95, 99; 26, с. 389].

11 января 1745 г., получив из Сибирской губернии известие об отсутствии опасности нападения со стороны Галдан-Цэрэна, Сенат приказал Киндерману остановить движение армейских полков в Сибирь «дабы в нынешнее зимнее время люди и лошади не понесли крайней нужды» [26, с. 299]. Когда этот указ поступил в Тобольск, три конных армейских полка уже прибыли в Сибирь и были расквартированы: Вологодский полк расположился в Тюменском, Луцкий – в Туринском, Олонецкий – в Краснослободском уездах. Два пехотных полка тоже дошли до Сибирской губернии «и для близости Ширванский полк остановлен для отдыха в Екатеринбурге, а Нашебургский в Тюмени» [26, с. 376]. Согласно расписанию Киндермана, Ширванский полк предполагалось расположить в Тобольске, а Нашебургский – «в Тобольском подгородном дистрикте». Яицкие казаки зимовали в Ялуторовском уезде [11, с. 33; 17, с. 46 – 48].

В начале весны 1745 г. генерал-майор Киндерман выехал из Тобольска в верхиртышские крепости. 14 марта он прибыл в Тару. На следующий день генерал приказал оставленным там зимовать Сибирскому и Новоучреждённому драгунским полкам готовиться к маршу «в Ямышеву и в Семиполатную крепость в команду полковника Павлуцкого». Полки выступили из Тары только 14 мая [26, с. 406, 501]. Тогда же Киндерман отправил Якову Павлуцкому своё мнение об усилении Иртышской линии, в котором предлагал «за дальним расстоянием между крепостями по реке Иртышу и за малоимеющими форпостами, ... между крепостями по 2 главных форпоста сделать, и к тому еще на обе стороны по 2 малых заставы сделать же» [11, с. 37].

3 апреля из Тары Киндерман послал свой проект в Сенат. «Намерен он в прибавку между крепостями форпосты учредить таким образом, чтоб в 60 верстах один большой форпост, а между оными в 20 верстах малые форпосты распределить», – пояснялось в документе [26, с. 581].

8 июля из Омской крепости Киндерман рапортовал в Сенат, что посланный ранее вверх по Иртышу инженер-прапорщик И. Долбилов представил ему описание мест, лежащих между Омской и Усть-Каменогорской крепостями (имя Долбилова нам неизвестно, инициал приводит А. Ю. Огурцов [13, с. 55]). Долбилов предложил на этом отрезке границы построить 16 редутов или форпостов и 27 маяков. Сенат, рассмотрев 15 ноября 1745 г. рапорт Киндермана, приказал «назначенным по описи инженера-прапорщика Долбилова между Иртышскими крепостями вновь строением форпостов и маяков... обожждать». Генералу приказывалось отправить вверх по Иртышу геодезистов для подробного описания реки, её берегов и островов, «и оное все положить на карту», которую прислать в Сенат [26, с. 583].

Не дожидаясь резолюции Сената, Киндерман летом 1745 г. сам обследовал верхиртышские крепости и берега Иртыша, а находящийся с ним инженер-прапорщик Долбилов занимался съёмками течения реки от Омской до Усть-Каменогорской крепости, куда Киндерман прибыл 9 сентября 1745 года [19, л. 597 – 602; 20, л. 59; 26, с. 658]. Результаты личной поездки Киндермана по Иртышу отразились в списке, составленном, по всей видимости, осенью 1745 г.

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится «Карта реки Иртыша от Омской до Устькаменогорской крепости. Сочинена 1745 года». Автор чертежа не указан. В нижнем правом углу помещён автограф «Инженер подпоручик Андрей Селиверстов», на обороте листа запись: «По реэстру генеральному № 24. Прислана при доношении от генерала мазора Киндермана с сержантом Соколовым 17 мая 1746 году» [22]. Очевидно, чертёж был выполнен Андреем Селиверстовым в начале 1746 г. Это могла быть или копия карты Долбилова, или самостоятельная карта Селиверстова на основании съёмки 1745 г.

В Российском государственном архиве древних актов удалось выявить подлинный «Реэстр посланным в Высокоправительствующий Сенат ланткарте реки Иртышу и по ней крепостям и редутам», подписанный тем же инженером-подпоручиком Андреем Селиверстовым. В перечне названы: карта, типовые проектные планы большого и малого редуты и маяка, «Опись назначенным на карте реки Иртыша крепостям», смета, мнение и две ведомости [19, л. 619]. Сопоставление описи с картой из РГВИА позволяет считать их единым комплексом документов.

На карте подробно показано русло Иртыша от Омской крепости до Усть-Каменогорской. Вдоль правого берега реки отмечены существующие и проектируемые объекты Иртышской пограничной линии. Для обозначения разного вида сооружений использовано четыре знака: крепости нарисованы квадратами с бастийными выступами по углам, большие редуты на месте форпостов – большими квадратами, малые редуты на месте учреждаемых станцев – малыми квадратами, маяки – треугольниками в виде вышки. Все они соединены линейной дорогой.

В отличие от реэстра Киндермана, составленного осенью 1745 г., в проекте начала 1746 г., присланном в Сенат, маяки предполагалось построить не только на середине пути между укреплениями, но и при каждой крепости, форпосте, станце. Рядом, как и у других укреплений по всей линии, был назначен маяк. В то время маяк, вероятно, представлял собой вышку для обзора и подачи

сигнала. При опасности караульный поджигал хворост, лежавший наверху вышки. Маяки ставились возле каждой крепости и редута, а также на полпути между ними. В последнем случае рядом с вышкой возводили казарму для размещения воинской команды, охраняющей границу. Такие казармы укреплялись палисадом, надолбами, рогатками. Образовавшийся укреплённый пункт, как и вышку с хворостом, называли маяком [12, с. 50, прим. 2].

К началу июля 1745 г. масштабная военная передислокация близилась к завершению. 8 июля Киндерман рапортовал в Сенат, «что Олонецкий, Вологодский драгунские, Ширванский пехотный полки и яицкая казачья команда из Ишимского дистрикта в Омск благополучно прибыли». Далее войска должны были «следовать к Железенской крепости, где удобное и способное место имеется» [26, с. 536].

О составе войскового корпуса, разместившегося летним лагерем около Железенской крепости, можно получить представление из рапорта коменданта крепости, полковника Ширванского полка Хосе де Гарриги [5] от 23 августа 1745 г., сохранившегося в бумагах комиссии А. В. Беэра [3, л. 300]. Согласно этому документу, в лагере при Железенской крепости находились представители всех переведённых в Сибирь частей: пяти армейских полков и яицких казаков. Вологодский, Олонецкий и Ширванский полки, видимо, стояли в полном составе, а от Луцкого и Нашебургского в Железенском лагере имелось по роте. Функции комендантов иртышских крепостей в этот период выполняли штаб-офицеры, возглавлявшие один из расквартированных там полков [16, с. 150]. Как свидетельствуют документы, в конце лета 1745 г. такими начальниками были: в Семипалатной – подполковник Михаил Окунков, в Ямышевской – полковник Сибирского драгунского полка Яков Павлуцкий, в Железенской – полковник Ширванского пехотного полка Хосе де Гаррига [3, л. 289–292, 301–303]. Венным начальником Омской крепости, по всей видимости, в это время был премьер-майор Иван Нелюбов, а представителем Тарской уездной канцелярии приказчик Козьма Кулишкин [3, л. 303–304; 26, с. 65]. Генерал-майор Х. Киндерман, вернувшись из поездки по Иртышу, расположился в Таре, а затем уехал в Тобольск, где проживал «даже по смерть свою» в 1752 г. [21, л. 57]

Никаких серьезных столкновений на южных рубежах Западной Сибири после введения армейских войск на Иртышскую линию не произошло. Тем не менее, построенные в 1740-е гг. форпосты и редуты сформировали оборонительную линию, позволив начать заселение приграничной полосы российским крестьянством.

Литература

1. Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным собранием законов. Т. 3: Елизаветинский период 1742 – 1762 года / сост. В. К. Андриевич. Томск, 1887. 352 с.
2. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1136.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10.
4. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
5. Дмитриев А. В. Иностранные офицеры на службе в полевых и гарнизонных войсках на территории Сибири (середина XVIII в.) // Путь в Сибирь / Тюменский научный центр СО РАН. Тюмень, 2009. Режим доступа: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/dmitriev-a.-v.-inostrannye-oficery-na-sluzhbe-v> (дата обращения: 29.01.2016).
6. Дмитриев А. В. К вопросу о причинах и обстоятельствах переброски на российские границы в Западной Сибири армейских частей в середине XVIII в. (1744 – 1745 гг.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII – XX веках: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011.

7. Дмитриев А. В. Регулярные полки русской армии в Сибири по второй четверти XVIII века: дислокация, комплектование и личный состав // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2012/07/regulyarnye-polki-v-sibiri> (дата обращения: 29.01.2016).
8. Дмитриев А. В. Драгунские полки русской армии на службе в Сибири в середине XVIII века (1740-е годы) // Исторический ежегодник. 2009: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 216 – 229.
9. История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII — начале XX в.: сб. док. / под ред. Т. К. Щегловой, А. В. Контева, Г. Е. Отеповой. Барнаул; Павлодар, 2013.
10. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). Москва, 2010. 384, [16] с.
11. Материалы для истории Сибири / сост. Г. Н. Потанин // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва, 1866. Кн. 4: Октябрь – декабрь. Раздел II: Материалы отечественные.
12. Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг.: краткие очерки. Ч. 4. Омск, 1996. 163 с.
13. Огурцов А. Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2007. Вып. 9.
14. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. Т. 3: 1740–1762 / сост. П. Баранов. СПб., 1878. XXXI, 513, [4] с.
15. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 12: 1744 – 1748. 960 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 17: 1765 – 1766. 1135 с.
17. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина). Томск, 2013. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/-M.Asien/XVIII/1740-1760/Potantin_G_N/index.htm (дата обращения: 29.01.2016).
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 29.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1584.
20. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 479.
22. РГВИА. Ф. 420. Оп. 1. Д. 4.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 8.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 14.
25. Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892. [1], 681, 48 с.
26. Сенатский архив. Т. 6. СПб., 1893. [1], 802, 38 с.
27. Сенатский архив. Т. 8. СПб., 1897. [1], 746, 32 с.

FORMATION OF MILITARY FORCES ON THE IRTYSH BOUNDARY LINE IN THE MIDDLE 1740s

Arkadiy V. Kontev¹, @

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja street, Barnaul, Russia, 656031

@ arkkont@mail.ru

Received 14.06.2016.

Accepted 12.09.2016.

Keywords: Fortress, Dzungaria, Irtysh boundary line, cartography, armed forces.

Abstract: The article discusses the formation of the Fortress on the Irtysh boundary line of fortifications and introduction to Siberia regular army units. It introduces a detailed study of the movement of military forces to the region and their redeployment to the south of Western Siberia. This process is presented in the context of the actions of the Russian administration aimed at building a single line of fortifications in Siberia. These events were largely related to the complication of the geopolitical situation on the Dzungar-Russian state border in connection with the development of mining and metallurgical industry in the Altai. The article examines the contribution to the formation of the border fortifications in Western Siberia by the Governor of Orenburg krai Ivan Neplyuev, Governor of Siberia Alexander Sukharev and the first commander of the Siberian Corps general H. Kindermann. On the basis of materials of central and regional archives the author covers the issues of mapping of the planned and actually built fortifications on the Irtysh line; the article states the number of weapons in the outposts and fortresses in the middle of 1740s.

For citation: Kontev A. V. Formirovanie vooruzhennykh sil na Irtyshskoi pogranichnoi linii v seredine 1740-kh gg. [Formation of military forces on the Irtysh boundary line in the middle 1740s]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 51 – 56. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-51-56.

References

1. Andrievich V. K. *Istoricheskii ocherk Sibiri po dannym, predstavliaemym Polnym sobranie zakonov. T. 3: Elizavetinskii period 1742 – 1762 goda* [Historical sketch of Siberia according to the data, presented by the Complete collection of laws. Vol. 3: The Elizabethan period 1742 – 1762]. Ed. Andrievich V. K. Tomsk, 1887, 352.
2. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN* [Scientific and Historical archive of Saint-Petersburg Institute of History of the Academy of Sciences]. Kollektion 115, List 1, File 1136.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [The State Archive of Altai Region]. Found 1, List 1, File 10.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [The State Archive of Altai Region]. Found 1, List 1, File 12.
5. Dmitriev A. V. Inostrannye ofitseri na sluzhbe v polevykh i garnizonykh voiskakh na territorii Sibiri (seredina XVIII v.) [Foreign officers serving in field and garrison troops in Siberia (the middle of XVIII)]. *Put' v Sibir'* [The way to Siberia]. Tumen, 2009. Available at: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2009/dmitriev-a.-v.-inostrannye-oficery-na-sluzhbe-v> (accessed 29.01.2016).
6. Dmitriev A. V. K voprosu o prichinakh i obstoiatel'stvakh perebroski na rossiiskie granitsy v Zapadnoi Sibiri armeiskikh chastei v seredine XVIII v. (1744 – 1745 gg.) [To the question about the causes and circumstances of the transfer to the Russian border in the West Siberia army units in the middle of the XVIII century (1744–1745)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priirtysh'e v XVII – XX vekakh: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Socio-economic and ethno-cultural processes in the Upper Irtysh in XVII – XX centuries: Proc. Intern. Sc. Conf.]. Novosibirsk, 2011.
7. Dmitriev A. V. Reguliarnye polki russkoi armii v Sibiri po vtoroi chetverti XVIII veka: dislokatsiia, komplektovanie i lichnyi sostav [Regular regiments of the Russian army in Siberia for the second quarter of the XVIII century: the deployment, recruitment and personnel]. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Journal*, no. 6 (2012). Available at: <http://history.milportal.ru/2012/07/regulyarnye-polki-v-sibiri> (accessed 29.01.2016).
8. Dmitriev A. V. Dragunskie polki russkoi armii na sluzhbe v Sibiri v seredine XVIII veka (1740-e gody) [Dragoon regiments of the Russian army for service in Siberia in the middle of XVIII century (1740s)]. *Istoricheskii ezhegodnik. 2009* [Historical Yearbooks. 2009]. Novosibirsk, 2009, 216 – 229.
9. *Istoriia Kazakhstana i Rossii v dokumentakh: Priirtysh'e i Priob'e v XVIII – nachale XX v.* [History of Kazakhstan and Russia in the documents: Irtysh and Ob in XVIII – the beginning of the XX]. Ed. Shcheglova T. K., Kontev A. V., Otepova G. E.. Barnaul; Pavlodar, 2013.
10. Kurukin I. V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722 – 1735)* [Persian campaign of Peter the Great. The local corps on coast of the Caspian Sea (1722 – 1735)]. Moscow, 2010, 384, 16.
11. *Materialy dlia istorii Sibiri* [Materials for history of Siberia]. Comp. Potanin G. N. *Chteniiia v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete* [Lectures at the Imperial Society of History and Antiquities of Russian in Moscow University]. Book 4, part II: domestic materials. Moscow, 1866.
12. Nedbai Iu. G. *Istoriia kazachestva Zapadnoi Sibiri 1582 – 1808 gg.: kratkie ocherki* [History of the Cossacks of Western Siberia 1582–1808: short essays]. Omsk, 1996, Part 4, 163.
13. Ogurtsov A. Iu. Na Kuznetskoi linii [On the Kuznetsk line]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk antiquity*, no. 9 (2007), Novokuznetsk.
14. *Opis' vysochaishim ukazam i poveleniiam, khраниashchimsia v Sankt-Peterburgskom senatskom arkhive, za XVIII vek* [The list of the royal decrees and commands which are stored in the St. Petersburg senatorial archive, for the XVIII]. Comp. P. Baranov. Saint-Petersburg, 1878: XXXI, vol. 3 (1740 – 1762), 513, 4.
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, 1830, vol. 12 (1744 – 1748), 960.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 1-st coll. Saint-Petersburg, 1830, vol. 17 (1765 – 1766), 1135.
17. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospektive XVIII v. (po dokumental'nykh publikatsiiam G. N. Potanina)* [Space of Northern Kazakhstan and Siberia in a historical retrospective of the XVIII (according to documentary publications of G. N. Potanin)]. Tomsk, 2013. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1740-1760/Potanin_G_N/index.htm (accessed 29.01.2016).
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 24, List 1, File 29.
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 248, List 113, File 1584.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 248, List 113, File 1607.
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military History Archive]. Found 20, List 1/47, File 479.
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military History Archive]. Found 420, List 1, File 4.
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archives]. Found 468, List 18, File 8.
24. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [The Russian State Historical Archives]. Found 468, List 18, File 14.
25. *Senatskii arkhiv* [Archive of the Governing Senate]. Saint-Petersburg, 1892, Vol. 5, 681, 48.
26. *Senatskii arkhiv* [Archive of the Governing Senate]. Saint-Petersburg, 1893, Vol. 6, 802, 38.
27. *Senatskii arkhiv* [Archive of the Governing Senate]. Saint-Petersburg, 1897, Vol. 8, 746, 32.

УДК 39(571)

ТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА НА КАРТАХ ИЗ АТЛАСОВ С. У. РЕМЕЗОВА

Аркадий В. Контев^{1, @1}, Вадим Б. Бородаев^{1, @2}¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

@1 arkkont@mail.ru

@2 borodaev@uni-altai.ru

Поступила в редакцию 14.06.2016.

Принята к печати 12.09.2016.

Ключевые слова: С. У. Ремезов, карты, волости, Кузнецкий уезд, Алтай, Верхняя Обь, тюркоязычные народы.

Аннотация: В статье представлена краткая история формирования картографических источников, составивших атласы тобольского картографа С. У. Ремезова, а также обстоятельства создания самих атласов. На основе анализа трёх атласов и общей карты Сибири, хранящейся в Эрмитаже, определены места обитания народов Кузнецкого уезда, плативших дань русскому царю, а также соседних тюркоязычных народов, не являвшихся русскими данниками. Подробно рассмотрен вопрос о географии расположения ясачных волостей и границах расселения податных народов в бассейне Верхней Оби. Авторами представлена сложная картина разграничения сфер влияния двух соседних стран – России и Ойратского государства. Результаты исследования отражены на специально составленной исторической карте. К карте приложен полный перечень тюркоязычных и монголоязычных народов Верхнего Приобья, места обитания которых отмечены на чертежах, созданных или скопированных С. У. Ремезовым в конце XVII – начале XVIII века.

Для цитирования: Контев А. В., Бородаев В. Б. Тюркское население Кузнецкого уезда на картах из атласов С. У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 57 – 62. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-57-62.

В течение XVII в. в уездных городах Сибири, наряду с многочисленной делопроизводственной документацией, по заданию русской администрации создавались чертежи различных территорий. В то время в России ещё не было профессиональных картографов, поэтому чертежи XVII в. не являются в полном смысле топографическими планами или географическими картами. Для их составления не определялись координаты отдельных пунктов, у них нет градусной сетки, отсутствует фиксированный масштаб. Однако, несмотря на схематичность, такие чертежи являются для нас важным историческим источником. Они отражают пространственно-географическое восприятие Сибири русскими и показывают многочисленные реалии, о которых говорится в архивных документах.

Российских карт Сибири первой половины XVII в. до наших дней не дошло. Наиболее ранний известный чертёж, изображавший все восточные земли Русского государства, от Волги до Тихого океана, был составлен только при царе Алексее Михайловиче [1, с. 414; 11, с. 25]. Работу по изготовлению карты в 1667 г. организовал и контролировал тобольский воевода Пётр Иванович Годунов. Поэтому наиболее ранний известный нам русский обзорный чертёж Сибирских земель и сопредельных территорий в литературе принято называть «Годуновским чертежом» или «картой Годунова». Оригинал карты не сохранился, две русские копии чертежа дошли до нас только в рукописных атласах Семёна Ремезова [4, л. 31; 8, с. 34 – 35; 10, цв. вкладка].

В конце XVII в. московские власти почувствовали необходимость в создании более подробного общего черте-

жа Сибири. 10 января 1696 г. боярской думой было принято решение: «Велеть всем сибирским городам и с уезды, русских деревень, и волостей, и с ясачными волостями написать чертежи на холстине...». В свою очередь, тобольским властям предписывалось «велеть сделать доброму и искусному мастеру чертежи всей Сибири ... и уезды всякому городу определить, и описать, в котором месте какие народы кочуют и живут» [7, с. 217]. Выполнить это задание доверили опытному тобольскому чертёжнику Семёну Ульяновичу Ремезову (1642 – после 1720).

Свой первый картографический сборник С. У. Ремезов сделал в 1697 – 1698 гг. по имеющимся в Тобольске материалам. Рукописному атласу он дал название «Хорографская чертежная книга» (от греческого термина «хорография» – описание местности). Чертежи сибирских земель составитель сгруппировал в две подборки: по течению рек и по уездам. Сначала в атласе в виде отдельных пронумерованных глав показаны бассейны основных сибирских рек (главы 19 – 61) [10, л. 11 – 160]. Поскольку градусная сетка на всех исходных чертежах отсутствовала, соединить разрозненные изображения С. У. Ремезову помогала гидросеть. Система рек и озёр являлась своеобразной «сеткой координат» на сборных чертежах того времени. Каждая глава была посвящена одной из крупных сибирских рек и состояла из нескольких листов, сопрягающихся друг с другом.

В главе 38 «Обь река с устья и до вершины со всеми урочищи и до степи» на тринадцати листах [13, л. 116 – 128] была изображена крупнейшая река Западной Сибири от Ледовитого океана до реки Бердь и расположенной

южнее неё «межи с телеутами». Таким образом, «вершина Оби» в главе 38 соответствует участку реки в пределах современной Новосибирской области. Бассейн Верхней Оби, расположенный южнее русско-телеутской межи, Ремезов изобразил в отдельной главе 45 «Вершина Оби реки». Фактически эта глава, состоящая из одного листа 129, является продолжением последнего чертежа главы 38. Разделяющие их главы 39 – 44 изображают бассейны крупных притоков Оби в последовательности с севера на юг (реки Сосьва, Вах, Васюган, Кеть, Чулым, Томь), причём листы с главами 39 – 43 подклеены к чертежам соответствующих участков Оби в главе 38. Очевидно, что Бию и Катунь Ремезов рассматривал как самые южные притоки Оби. Чертёж с этими реками (гл. 45) в авторском оглавлении завершал его обскую подборку карт (с главы 46 начинался Енисей). Однако позднее Ремезов изменил свой замысел и поместил в атласе после верховий Оби (гл. 45, л. 129) два чертежа с рекой Томь (гл. 44, л. 130 – 131). На последнем из них показана часть территории Кузнецкого уезда.

Вторая подборка карт «Херографской чертежной книги» в оглавлении имеет общий заголовок «Чертежи многие, описаны по грамотам великому государю со 176 году» [10, л. 6]. Сюда вошли карты, составленные по указам из Москвы после 1667 (1716) года, то есть после изготовления годуновского чертежа. Основную часть подборки составили «городовые» чертежи.

Каждому уездному центру в Сибири была подчинена определённая территория, поэтому на «городовых» чертежах изображался не только сам город-крепость, но и обширные земли подведомственного ему уезда, в том числе ясачные волости. По боярскому приговору от 10 января 1696 г. такие уездные чертежи полагалось делать на ткани всем сибирским городам. На картах пограничных уездов следовало показывать «порубежные места» и называть соседние народы. В отличие от общих чертежей Сибири, скопированные Ремезовым уездные карты не датированы. В атласе они имеют однотипные названия: «Чертеж грани ... города с уездами». Вероятно, это те чертежи, которые были присланы в Тобольск из уездных городов по указу от 10 января 1696 г. Территория Верхнего Приобья изображена на картах Томского и Кузнецкого уездов.

В сентябре 1697 г. из Сибирского приказа последовало распоряжение отправить С. У. Ремезова в Москву. Среди прочих поручений ему предписывалось, «на Москве бывше», нарисовать два общих чертежа Сибири на ткани – «на белой китайке, другой на лошеной бязи» размером 6 х 4 аршина (примерно 430 х 290 см) [12, л. 43]. Изограф прибыл в столицу в августе 1698 г. [2, с. 43 – 45]. Позднее сам Семён Ульянович сообщал, что, будучи в Москве, они вместе со своим сыном Семёном сняли «преводы с парчей со всех городовых чертежей 18, привезенных к Москве» – то есть скопировали восемнадцать уездных чертежей, сделанных в сибирских городах на ткани в соответствии с январским указом 1696 г. После того, как эти изображения были уменьшены и приведены к единому масштабу («в меру убравши»), на их основе чертёжник к 18 сентября 1698 г. создал единую карту Сибири, которую 8 ноября передал в Сибирский приказ дьяку Андрею Андреевичу Виниусу [12, л. 43]. Этот огромный чертёж, нарисованный на белой хлопчатобу-

мажной ткани («китайке») размером 3 х 4 аршина сохранился до наших дней. Сейчас он экспонируется в одном из залов Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге [6].

После создания сводного чертежа Сибири Ремезов вернулся в Тобольск, где с 30 января 1699 г. приступил к созданию своего второго рукописного атласа – «Чертежной книги Сибири». Этот сборник, законченный им 1 января 1701 года, состоял из двадцати трёх карт. (Прим. авторов: В оглавлении книги автор перечислил 23 чертежа, которые и составили атлас. Но в предисловии («Писание до ласкового читателя») Семён Ульянович сообщал, что он «по допросам написал вновь 7 листов, да с прежних образцов городовых сибирских низовых чертежей, с привозных и снятых на Москве, 17 листов» [12, л. 2]. Вероятно, первоначально предполагалось, что «Чертежная книга» будет состоять из большего количества листов.) Первый лист был посвящён городу Тобольску с пригородами. Следующие 18 изображали земли сибирских уездов. Вслед за ними Ремезов поместил составленный им по расспросным данным новый чертёж «безводной и малопроездной каменной степи» – схематичную карту обширных земель, расположенных к югу от российской Сибири. На листе 21 изограф представил уменьшенную копию карты Сибири на белой китайке, выполненной им в Москве в сентябре 1698 г. За этой картой помещён новый составленный Ремезовым чертёж земель Приуралья и Поморья. Последний, 23 лист «Чертежной книги Сибири» являлся копией карты, созданной в Тобольске в 1673 г., которая показывала расселение различных народов на огромной территории от Ледовитого океана до Китая, от Тихого океана до Поволжья и Каспийского моря. Это единственный тематический чертёж ремезовского атласа, фактически являющийся этнографической картой. Сам автор называл его «Чертеж сходство и наличие земель всей Сибири...».

В Москве, куда С. У. Ремезов в ноябре 1701 г. отправил свой второй рукописный атлас, русские надписи «Чертежной книги Сибири» продублировали по-голландски. По мнению большинства исследователей, рукописный атлас первоначально готовился для типографского издания в Голландии, но этот проект так и не был осуществлён [2, с. 92 – 94]. Карты переплели в один том, который потерялся в столичных архивохранилищах и был обнаружен лишь в середине XIX века в Румянцевском музее (сейчас атлас хранится в собрании Российской государственной библиотеки) [13].

Сразу же после завершения «Чертежной книги», С. У. Ремезов приступил к составлению нового рукописного атласа, названного им «Служебной чертежной книгой». Первоначальную основу этого сборника составили копии, которые Семён Ульянович снял ранее в Сибирском приказе «с привозных 23-х городовых сибирских картин, каковы привезены в 206-м и в 205-м гг. [сентябрь 1696 – август 1698. – Авт.] к Москве в разных числах» [3, с. 12; 8, л. 1].

Среди таких копий, вошедших в новый атлас, имеются «Чертеж земли Томского города», «Чертеж земли Кузнецкого города» и «Чертеж всех с камней потоки рек...», аналогичные тем, которые вошли в «Чертежную книгу Сибири». В дальнейшем пополнение «Служебной чертежной книги» продолжалось как самим С. У. Реме-

зовым, так и его сыновьями вплоть до конца 1720-х гг., однако новых карт Верхней Оби и Алтая в атласе не прибавилось. Оригинал «Служебной чертежной книги» хранится в Санкт-Петербурге в Российской национальной

библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этот последний атлас С. У. Ремезова был опубликован только в 2006 г. тем же фондом «Возрождение Тобольска» [3; 8].

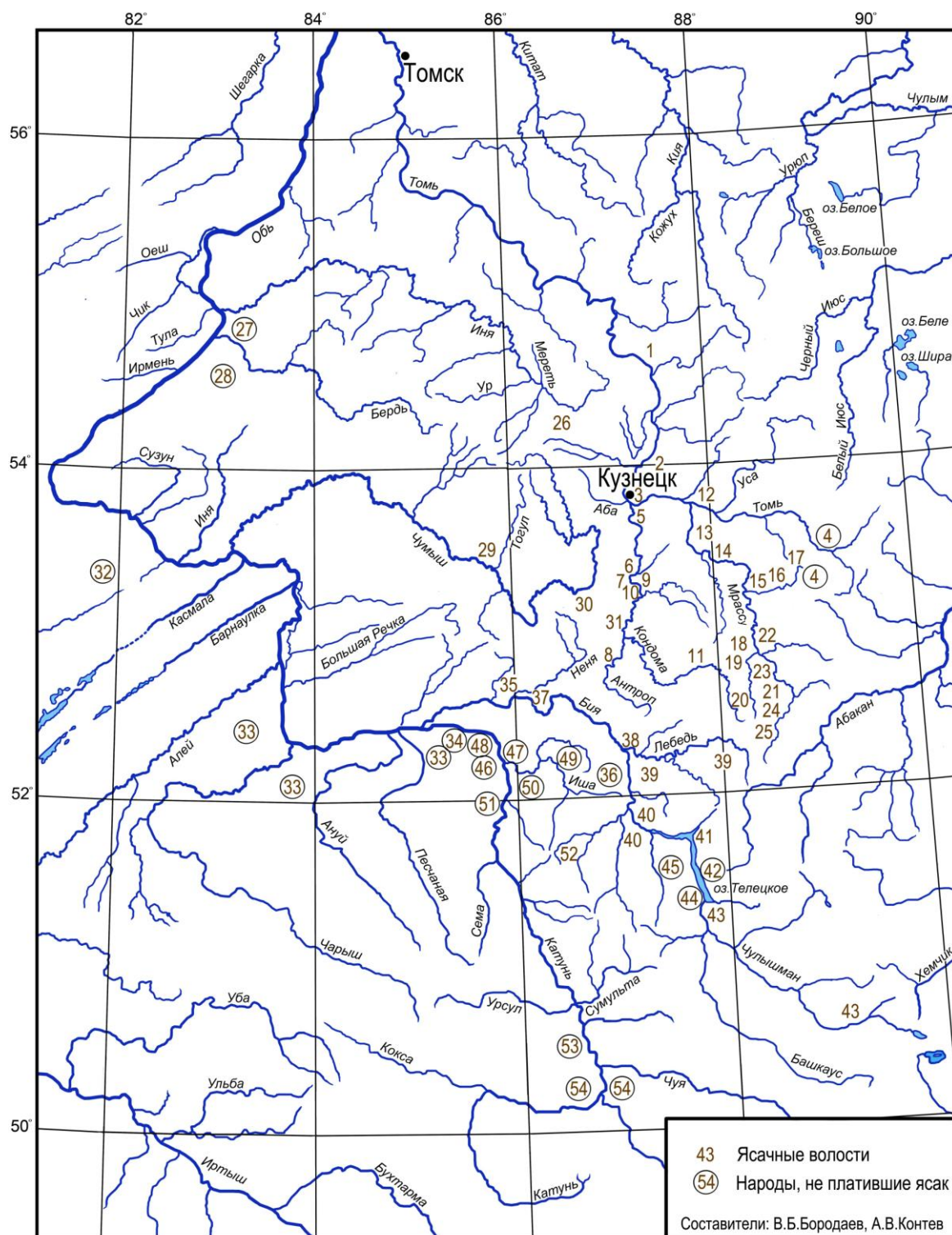

Рис. 1. Карта расположения ясачных волостей Кузнецкого уезда и необъясаченных тюркских народов на сопредельных территориях в конце XVII в., показанных на чертежах из атласов С. У. Ремезова. Составлена авторами

Fig. 1. Location map of the tributaries of Kuznetsk district and untributed Turkic peoples on the neighboring territories at the end of the XVII century, shown on the drawings from the atlases of S. U. Remezov. Compiled by the authors

Таким образом, в начале XXI в. у историков появилась возможность изучить всё сохранившееся картографическое наследие знаменитого сибирского чертежника: три рукописных атласа и сводную карту Сибири на ткани. Территория Томь-Иртышского междуречья показана в атласах как на общих картах Сибири, так и на семи специальных чертежах отдельных рек, уездов и земель. Эти чертежи имели разных авторов и были созданы в разное время (с 1667 г. по 1700 г.).

Наиболее ранним картографическим документом, по которому можно получить представление о расселении народов в бассейне Верхней Оби, является этнографическая карта 1673 г. из «Чертежной книги Сибири». В соответствии с русской картографической традицией XVII в., карта ориентирована по сторонам света, но север расположен внизу, юг («полдень») — вверху. Это объяснялось тем, что основным ориентиром для составителей был не компас, а полуденное солнце в точке зенита. Алтайские и Саянские горы не подписаны, они показаны в верхней части чертежа как водораздел, с которого начинают свое течение вниз, в северный океан, реки. Хотя они не названы, крупные реки легко узнаваемы.

Судя по этой весьма схематичной карте, территория Кузнецкого уезда включала в себя земли киштымов (шорцев и других тюркоязычных народов междуречья Оби и Томи), а также северную часть земли «Алтырцов и теленбинцов» (бассейн р. Бия). Западными соседями Кузнецкого уезда показаны белые калмыки, жившие на левом берегу Оби и левобережье Катунь. На востоке уезд граничил с землей «Кыргызы белых и черных».

Гораздо более подробно места расселения отдельных родов и племен аборигенов Верхней Оби отмечены на картах вершины Оби из «Херографической книги» и на чертежах Томского и Кузнецкого уездов, которые имеются во всех трёх атласах С. У. Ремезова. Составители чертежей, скопированных Ремезовым, различали народы, платившие ясак русскому царю, от тех, кто не считался подданными России. Плательщики ясака составляли волости. На карте они обозначались специальным значком (буква «В» в круге) или словом «волость». Разграничение ясачных волостей и народов, не плативших ясак, позволяет определить территорию, на которую распространялась власть администрации Кузнецкого уезда.

Составленный нами список тюркских народов бассейна Верхней Оби, названных на картах из атласов С. У. Ремезова, и выполненные на его основе исторические карты (рис. 1) показывают, что почти всё тюркское население, обозначенное на Томи, Кондоме и Мрассу (№ 1 – 25), являлось данниками русского царя. Исключение составляли только жившие в истоках Томи сагайцы (№ 4).

Обозначенные на рисунке 1 ясачные волости Кузнецкого уезда и соседние необязанные тюркские народы (по чертежам из атласов С. У. Ремезова)

По Томи:

1. Тюлюберская, волость; 2. Етиберцов, юрт;
3. Телеуты подгородные ясашные; 4. Юссагаи.

По Кондоме:

5. Абинские, юрты; 6. Барсаяки, волость; 7. Кузедеева, волость; 8. Етиберская, волость; 9. Катунская, волость; 10. Елейская, волость; 11. Шорская, волость.

По Мрассу:

12. Верхотомская, волость; 13. Кузнетеева, волость; 14. Изнерчева, волость; 15. Баадаева, волость; 16. Каргинская горная, волость; 17. Саинская, волость; 18. Елейская, волость; 19. Каргинская, волость; 20. Тазаши, волость; 21. Шоры, волость; 22. Кавинская, волость; 23. Туранская, волость; 24. Кызыл Карга, волость.

По Оби:

25. Ашкыштымцы, волость; 26. Телеуты; 27. Телеуты; 28. Тогульская, волость; 29. Нижние Таганцы, волость; 30. Верхние Тага[н/п]цы, волость; 31. Белые калмыки Табуновы; 32. Белые калмыки Шадаевы; 33. Черные калмаки.

По Бии и Телецкому озеру:

34. Карсапалы; 35. Карсагалы; 36. Нижна Куманда, волость; 37. Верхняя Куманда, волость; 38. Шалкалы, волость; 39. Кергешы, волость; 40. Тележцы, волость; 41. Царство Алтырско; 42. Саянцы, волость; 43. Телень орда; 44. Теленбуты.

По Катунь:

45. Карасакалы; 46. Таиша Тархан; 47. Манжи Тархат; 48. Шаражматулы; 49. Тау-телеуты; 50. Тайша Ламашы; 51. Комляши, волость; 52. Карабатцы; 53. Долон Катай, улус.

По правому берегу Оби, выше устья р. Уень (совр. Иня) отмечены телеуты (№ 27, 28), а вдоль левого берега Оби от устья Чумыша до Катунь, судя по картам, проживали «белые калмыки Табуновы» (32) и «белые калмыки Шадаевы» (33), то есть теленгеты князей Табуна (правил с 1670-х гг. до 1697 г.) и его двоюродного брата Шаада (правил с 1688 до середины 1690-х гг.) [9, с. 113, 151, 166 – 167]. Кроме того, в нижнем течении Катунь показаны тау-телеуты, то есть горные телеуты (50). Примечательно, что автор чертежа в конце XVII в. различал левобережных белых калмыков от правобережных телеутов.

Из документов известно, что в 1685 г. граница («межа с телеутами») на правом берегу Оби проходила по реке Ине. Южнее, в междуречье Ини и Берди, в лесах, которые назывались «Таволган», находились охотничьи угодья «белых калмыков князя Табуна с улусными ево людьми». После того, как Табун откочевал за Обь, в эти леса стали проникать охотники из Томского и Кузнецкого уездов. В 1685 г. кузнецкий воевода Иван Конищев предложил томскому воеводе перенести «межу с телеутами» с Ини на Бердь: «... А межа, господине, положить промышленным всяких чинов людям за Таволган по Бердь реку и Чернолесье. А та межа от Кузнецкого не в дальних местах, з запасом ехать из Кузнецкого два днища». А. П. Уманский предполагал, что «по этой рекомендации в конце XVII в. межа с Телеутской землицей на русских чертежах была перенесена к югу, с Ини на Бердь, и междуречье последних включено в состав Томского уезда» [9, с. 143 – 144].

Чертеж Кузнецкого уезда, включённый в атласы С. У. Ремезова, датируется временем с конца 1680-х по середину 1690-х гг., поскольку на нём названы «белые калмыки Шадаевы». Пограничной рекой на обском правобережье здесь показана река Уень (Иня), у которой изображены только левые притоки. Правобережье Ини считалось частью Томского уезда, а на левобережье (в междуречье Ини и Берди) показаны телеуты. Вероятно, составитель чертежа считал, что «межа с телеутами» всё ещё проходила по Ине.

Чертеж Томского уезда из тех же атласов тобольского картографа явно более поздний. На нём в вершине речки Коштат (совр. Коштак) имеется надпись «серебряна руда». Коштакское месторождение русские впервые обследовали в начале 1696 года. Осенью следующего года там был построен острог [4], который на чертеже Томского города ещё не отмечен. Таким образом, эта карта, по-видимому, создана в 1696 – 1697 гг. На ней вдоль левого берега реки Бердь помещена надпись «межа с Телеуцкой з[емлёй]».

Выше устья Берди по берегам Оби российских подданных не было. Лишь в верхнем течении рек Иня и Чумыш проживали ясачные азиштымцы (26), тогульцы (29) и тагапцы (30, 31), места обитания которых составляли западную окраину Кузнецкого уезда.

Жителями нижнего течения Бии у Ремезова названы «карсапалы» (35) и «карсагалы» (36). Это керсагалы, подданные ойратского правителя, с которых кузнецким казакам несколько раз удавалось собрать ясак во второй половине XVII века [5, с. 106]. Видимо, поэтому лишь на одной карте из «Чертежной книги Сибири» карсапалы отмечены как волость.

Северные алтайцы, обитавшие в среднем и верхнем течении Бии, – куманда (37, 38), шалкалы (39), кергеши (40) и комяши (52) – на всех чертежах Ремезова обозначены ясачными волостями. Тюркские народы, жившие вокруг Телецкого озера, за редким исключением, объясаченными не показаны (42, 44, 45). Как волости изредка подписаны только тележцы (41) и саянцы (43). Характерно, что на «Чертеже земли безводной и малопроездной каменной степи», составленном самим Семёном Ульяновичем по расспросным сведениям, на восточном берегу Телецкого озера нарисован знак города и подписано «Царство Алтырско» [12, л. 41 об. – 42]. Алтырцы – одно из племён енисейских кыргызов, проживавшее в бассейне р. Абакан [12, л. 31 об. – 32]. Судя по русским чертежам конца XVII в., эта ветвь кыргызов собирала дань с других тюркских народов в окрестностях Телецкого озера.

Обитатели Алтайских гор, населявшие бассейн Катуня и районы к югу от Телецкого озера, кузнецкой администрации не подчинялись. Эти территории к началу XVIII в. оставались за пределами досягаемости русских ясатчиков.

Литература

1. Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. 899 с.
2. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. М.: Наука, 1965. 262 с.
3. Дергачева-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Комментарии. Сочинения С. У. Ремезова: в 4 т. Т. 4. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. 170 с.
4. Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической Чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Вып. 3(59). Т. 2. С. 170 – 175.
5. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 624 с.
6. Карта Сибири. XVII век. Исполнена на холсте С. У. Ремезовым. Из фондов Русского географического общества. [2010]. Отпечатано в Италии: фирма «График», Верона. 1 л.: цв. 116х97 см (по рамке 110х85 см).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 3. СПб., 1830. 670 с.
8. Служебная чертежная книга: Факсимильное издание. Сочинения С. У. Ремезова: в 4 т. Т. 3. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. 338 с., ил.
9. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII – XVIII веках. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-е, 1980. 296 с.
10. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова: в 2 т. Т. 1: Факсимильное издание. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. 350 с.
11. Чертеж всей Сибири, збираный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича (по рукописи Румянцевского музея № 294, л. 19 – 24) // Титов А. Сибирь в XVII веке: сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
12. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: в 2 т. Т. 1: Факсимильное издание. 2-е изд. М.: Картография, 2007. [48] л. карт.
13. Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году / Археографическая комиссия. СПб., 1882. 16 с.; 23 л. карт.

THE TURKIC POPULATION OF KUZNETSK DISTRICT ON THE MAPS FROM THE ATLASES OF S. U. REMEZOV

Arkadiy V. Kontev^{1, @1}, Vadim B. Borodaev^{1, @2}

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja street, Barnaul, Russia, 656031

@1 arkkont@mail.ru

@2 borodaev@uni-altai.ru

Received 14.06.2016.

Accepted 12.09.2016.

Keywords: S. U. Remezov, maps, volosts, Kuznetsk district, Altai, The Upper Ob, Turkic peoples.

Abstract: The article presents a brief history of the formation of cartographic sources which make the atlases of the Tobolsk cartographer S. U. Remezov, as well as the circumstances of the creation of the atlases themselves.

Based on the analysis of three atlases and General maps of Siberia kept in the Hermitage collection, the authors define the habitats of the peoples of the Kuznetsk district, which paid tribute to the Russian Tsar, and the neighboring Turkic peoples, who were not Russian tributaries. The geographic mapping of yasak townships and resettlement of tax-paying people in the middle basin of Upper Ob are discussed here in detail. The article features the geography of the tributaries in the Upper Ob region. The authors give a complex picture of the distribution of influences between two neighboring states – Russia and Oyratia. The results of the study are reflected on a specially compiled historical map. The map includes a complete list of the Turkic and Mongolian peoples of the Upper Ob, whose habitats are marked on the drawings created or copied by Semyon Remezov in late XVII – early XVIII centuries.

For citation: Kontev A. V., Borodaev V. B. Tiurkskoe naselenie Kuznetskogo uezda na kartakh iz atlasov S. U. Remezova [The Turkic population of Kuznetsk district on the maps from the atlases of S. U. Remezov]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 57 – 62. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-57-62.

References

1. Vostokov A. Kh. *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumiantsevskogo muzeuma* [Description of Russian and Slovenian manuscripts of the Rumyantsev Museum]. Saint-Petersburg, 1842, 899.
2. Gol'denberg L. A. *Semen Ulyanovich Remezov, sibirskii kartograf i geograf. 1642 – posle 1720 gg.* [Semyon Ulyanovich Remezov, Siberian cartographer and geographer. 1642 – after 1720]. Moscow: Nauka, 1965, 262.
3. Dergacheva-Skop E., Alekseev V. *Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. Semen Remezov i synov'ya. Tekst rukopisi Rossiiskoy natsional'noi biblioteki (Sankt-Peterburg). Kommentarii* [Office Drawing Book. Semyon Remezov and sons. The text of the manuscript of the Russian national library (Saint-Petersburg). Comments]. Tobol'sk, 2006, 170.
4. Dobzhanskiy V. N., Ermolaev A. N. Risunok Kashtakskogo ostroga i rudnika iz «Khorograficheskoi Chertezhnoi knigi» S. U. Remezova [Figure Kashtakskiy jail and mine from «Cartographical sketch-book of Siberia» by S. U. Remezov]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Kemerovo state university*, 2, no. 3 (2014): 170 – 175.
5. Dolgikh B. O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Family and tribal composition of peoples of Siberia in XVII century]. Moscow, 1960, 624.
6. *Karta Sibiri. XVII vek. Ispolnena na kholste S. U. Remezovym. Iz fondov Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Map of Siberia. XVII century. Carried out on the canvas by S. U. Remezov. From the funds of Russian geographical society]. Otpечатano v Italii: firma «Grafik», Verona, 2010.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st collection]. Sankt-Peterburg, 1830, Vol. 3, 670.
8. *Sluzhebnaia chertezhnaia kniga: Faksimil'noe izdanie* [Office Drawing Book: facsimile edition]. Tobol'sk, 2006, 338.
9. Umanskii A. P. *Teleuty i russkie v XVII – XVIII vekakh* [Teleuts and Russians in XVII–XVIII centuries]. Novosibirsk, 1980, 296.
10. *Khorograficheskaya chertezhnaia kniga Sibiri S. U. Remezova* [Cartographical sketch-book of Siberia by Remezov S. U.]. Vol. 1: Faksimil'noe izdanie. Tobolsk, 2011, 350.
11. Titov A. *Sibir' v XVII veke: sb. starinnykh russkikh statei o Sibiri i prilozhashchikh k nei zemliakh* [Siberia in XVII century. The collection of ancient Russian articles about Siberia and the lands belonging to it]. Moscow (1890): 19 – 24.
12. *Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennoia tobol'skim synom boiarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* [The Siberian Drawing Book, worked out by the boyar's son from Tobolsk Semyon Remezov in 1701]. Vol. 1. Faksimil'noe izdanie. 2nd ed. Moscow, 2007.
13. *Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennoia Tobol'skim synom boiarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* [The Siberian Drawing Book, worked out by the boyar's son from Tobolsk Semyon Remezov in 1701]. Sankt-Peterburg, 1882, 231.

УДК 930.2

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*Александр С. Кузнецов^{1, @, *}*¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
@ hist-kas@mail.ru*Поступила в редакцию 13.05.2016.**Принята к печати 20.06.2016.***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, документы личного происхождения, фронтовые письма, антропологическое содержание истории.**Аннотация:** В последние десятилетия в отечественной исторической науке активно развивается направление, исследующее антропологическое содержание Великой Отечественной войны. В связи с этим в поле зрения ученых попадают эго-документы – воспоминания (мемуары), дневники и письма. Целью данной статьи является выявление репрезентативности фронтовых писем для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. Исследование структуры фронтового письма производилось на основе методики формулярного анализа, представляющей эпистолярный текст в виде системной совокупности взаимосвязанных элементов. Автор приходит к выводу, что обращение исследователей к эпистолярным источникам позволяет осветить малоизученные аспекты Великой Отечественной войны, увидеть события глазами их непосредственных очевидцев и участников, но при этом отмечает, что полноценное изучение антропологического содержания войны возможно только при комплексном использовании всех видов документов личного происхождения.^{*} Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-01019 а1.**Для цитирования:** Кузнецов А. С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 63 – 68. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68.

В последние десятилетия в отечественной исторической науке активно развивается направление, опирающееся на нетрадиционный ракурс изучения Великой Отечественной войны – исследование так называемого «человеческого содержания» этого исторического события. В связи с этим в поле зрения ученых попадают не совсем «классические» источники – эго-документы – воспоминания (мемуары), дневники и письма, которые позволяют увидеть войну не с позиции учебников и маршальских мемуаров, а глазами рядовых участников, изучаемого события.

В настоящей статье в виду обширности проблемы автор обращается только к фронтовым письмам как источнику для изучения «антропологического содержания» Великой Отечественной войны.

Традиционно письма советского периода разделяют на несколько видов: 1) как газетный жанр; 2) как разновидность делопроизводственных документов, т. е. послание в государственные и общественные учреждения; 3) письма известным политическим деятелям, артистам, писателям и т. д.; 4) как разновидность эпистолярного жанра, т. е. частная переписка [24, с. 641].

Фронтовые письма включают в себя все вышеуказанные виды, но для нашего исследования наиболее важен последний – частная переписка, то есть письма с фронта, адресованные родным и близким, находящимся в тылу, а также воюющим на других фронтах. В качестве источниковой базы данной работы выступает коллекция (около 600 единиц хранения) солдатских писем периода

Великой Отечественной войны военно-исторического отдела Алтайского государственного краеведческого музея. Некоторые из этих писем частично или полностью были опубликованы в научных журналах и сборниках [22; 29; 31].

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу содержания писем автору хотелось бы отметить некоторые особенности эпистолярного жанра как части группы источников личного происхождения (эго-документов). Л. Г. Захарова обосновывает достоинства писем как источников для исторических исследований по сравнению с другими источниками личного происхождения, в частности с мемуаристикой: «При всей общности писем с дневниками (и в гораздо меньшей степени с воспоминаниями) особенности этого жанра позволяют выделить их в особый вид источников личного происхождения и частного характера. И дневник, и тем более воспоминания – это нечто цельное, пронизанное определенной единой идеей, целью, замыслом автора, пишущего для потомства и для себя. Даже самые разрозненные дневниковые записи объединяются концепцией автора в целостное произведение. Письма, написанные по конкретному частному поводу конкретному лицу, своему современнику, отличаются большей непосредственностью, – это как бы задержанный на миг момент времени» [26, с. 395].

Крупнейший отечественный специалист в области изучения эпистолярного жанра Е. Н. Марасинова также сравнивает письма с мемуарами: «Письма содержат информацию о таких явлениях человеческой психологии,

которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения. Мемуары, например, в значительной степени подтверждены влиянию социальных ценностей и ориентаций периода их создания, а также деформированы особенностями человеческой памяти и авторским знанием конечного исхода событий. Письмам же присуща быстрота реакции, спонтанность формулировки важнейших для автора жизненных проблем, учет восприятия адресата и непосредственная ориентация на его личность» [28, с. 93]. Как мы видим, исследователи в качестве достоинства эпистолий выделяют их синхронность с изучаемыми событиями.

Рассматривая содержание фронтовых писем, нужно помнить о военной цензуре в период Великой Отечественной войны. Во многих письмах закрашены географические названия, названия фронтов. Также цензура влияла на содержание писем. Солдаты не могли писать подробно о своём быте, страхах, о превосходстве противника (что было актуально в начальный период войны), поскольку это могло быть расценено как панические настроения, трусость [30, с. 146]. Также действия цензоров были направлены на недопущение утечки секретной информации и проникновения нежелательных настроений из фронта в тыл [23, с. 21]. При этом, по мнению автора, не нужно забывать о внутренней цензуре авторов писем. Солдаты, пишущие с фронта своим родным и близким, старались их не расстраивать, преуменьшать степень опасности, вселить надежду на их возвращение домой.

Продолжая данную тему, нужно отметить, что письма из тыла имели огромное значение для поддержания боевого духа солдат. Они являли собой единственную связующую нить с родными и близкими бойцам людьми. Наиболее ярко это характеризуют письма командира отделения разведки Александра Андреевича Архипова к своей возлюбленной: «Лена, недавно я читал небольшую статью, о том как действует на бойца письмо, написанное его дорогой и любимой девушкой. И действительно письмо, написанное девушкой с большим стремлением, ласками, любовью согревают человека, дает ему бодрость, дух, мужество. На сердце становится весело, веришь в себя, веришь в близкую победу над заклятым врагом. Так получается у меня. Я очень рад, что получаю такие письма» [17] (*здесь и далее сохранена орфография и пунктуация писем – Прим. автора*), – пишет Александр Андреевич в письме, датированном декабрем 1941 года. В письме от 18 ноября 1943 года А. А. Архипов снова возвращается к данной теме: «<...> получу одно «индивидуальное» письмо и твои фотографии – вот все моё развлечение. Письма хранить на фронте не разрешается, так что бывает большая радость и радостный день тогда, когда держишь свое милое письмо в руках» [15].

Исследование структуры фронтового письма производилось на основе методики формулярного анализа, представляющей эпистолярный текст в виде системной совокупности взаимосвязанных элементов, сгруппированных в три части: начальный протокол, основная часть и конечный протокол [27, с. 80 – 81]. Но нужно отметить, что существуют и другие точки зрения на выделение смысловых частей во фронтовой корреспонденции. Так, А. Ю. Иванов выделяет пять логических смысловых частей военных эпистолий: вводная; автобиографическая часть; основная часть сообщения; часть, в которой обра-

щаются с просьбами, жалобами к конкретным лицам в тыл; заключительная часть [25, с. 40 – 41].

Большинство, рассмотренных автором писем, имеет довольно шаблонный заголовок. Сначала идет дата написания письма, а затем приветствие: «Здравствуйте дорогие родители!», «Здравствуй сестренка Саша!», «Здравствуй Лена!». После этого следует благодарность за письмо и краткое описание своего быта и здоровья. Очень распространена фраза: «Жив-здоров».

Далее солдаты начинают расспрашивать о состоянии дел дома, дают советы. Капитан Иван Тихонович Гулькин спрашивает у отца: «Хочется знать положение дома. Больше всего интересует один вопрос: есть ли у тебя в погребе картошка, хватит ли ее до осени, посадил ли огород и сколько» [18].

В заключительной части письма бойцы передают привет знакомым и близким, поздравления, пожелания благополучия, а также надежды фронтовика на скорую встречу, на победу в войне, «тем самым, раскрывая особенности представлений солдат относительно личных перспектив и планов» [25, с. 41]. Также нередко авторы эпистолий в самом конце ставят дату написания сообщения.

Тем не менее, несмотря на вышеуказанные особенности, из солдатских писем можно извлечь информацию по интересующим исследователя вопросам, касательно определенного круга проблем. Фронтовое письмо – ценный источник по изучению военного быта. «Я тебе писал, что живу хорошо. Что я могу сказать кроме этого? Но однако ты не знаешь, что значит это хорошо. Вот, например, сейчас пишу письмо в «комнате», которая представляет из себя растянутую палатку в 3 метра. [Посуду – А. К.] замещает термос, в котором носили суп и кашу. На воле дует ветер, метет снег. Что еще можно сказать? Для тебя все ясно. И вот в такой обстановке прожить чуть ли не 3 года!» [15], – описывает свой быт А. А. Архипов в письме от 1 апреля 1944 года.

Нередко в письмах солдаты описывают окружающую их природу, климат: «Погода здесь стоит неважная идут часто дожди. Ночью холодно, одни болота, да проклятые комары. В несколько раз хуже, чем наша Сибирь. Даже и сравнивать нельзя» [14], – пишет матери 2 июня 1943 года старший лейтенант Александр Павлович Баталов. Также в письмах бойцов присутствует описание сел, через которые проходило их подразделение: «Природа хорошая, у каждой деревни в садах имеются яблоки, груши, вишни <...>. Из огородных культур родится все, что и у нас, за исключением арбузов и дынь. Огурцы пустили по третьему листику, всходит картофель <...>. Жители здешние живут хорошо. У большинства есть мясо, масло, сало и др. <...> Что мне не нравится в этой обл. это почти в каждой хате, в каждом доме земляной пол. Сами хаты есть деревянные, глиняные, некирпичные. Сам народ хороший, вежливый» [13], – пишет родным в письме от 21 июня 1942 года старший лейтенант Илья Захарович Шуклин.

Также в письмах можно встретить описание нечастого солдатского досуга: «Свободное время, которое бывает только ночью, а когда и вечером, использую когда как. Вчера, например, мой заместитель по н/ч получил хорошую посылку от девушки из тыла, где было горячее, и мы на помин души заправились немножко, и время прошло у нас весело» [7], – описывает родным свой отдых все тот

же И. З. Шуклин в письме от 17 мая 1943 г. Помимо рассказов о своем досуге солдаты отмечают саму экстремальную обстановку его проведения: «Играет баян, а под звуки баяна рвутся мины и снаряды. Но люди привыкли, они верят в победу. А привычка здесь играет большую роль. Вспомню первый раз пошел в бой, было как-то не по себе, т. е. страшно. А сейчас как будто так и надо» [9], – пишет матери 27 июня 1943 г. А. П. Баталов. Вероятно, описание фронтового быта, окружающей природы и климата, досуга позволяло солдатам не только удовлетворить свою потребность в общении с родными и близкими, но давало возможность абстрагироваться от экстремальной военной действительности, выступало своего рода психологической разрядкой.

Письма являются ценным источником по изучению восприятия противника фронтовиками, в них очень ярко прослеживается так называемый «образ врага». Эпистолярные источники позволяют, если переписка ведется довольно продолжительное время, проследить эволюцию и трансформацию взглядов автора по отношению к противнику: «Учусь по-прежнему, готовлюсь к практическим боям с этими противными, отвратительными псами, обжорами, которым не только не хватает Европы, но им подавайте Советскую землю. <...> Известие о начавшихся военных действиях произвели на меня ужасное впечатление. Я всегда ненавидел этих паразитов, которые хотят жить на чьей-то шее, которым жутко хочется положить свою дохлую лапу на наш священный народ» [6], – пишет 23 июня 1941 г. отцу Иван Тихонович Гулькин. И. Т. Гулькин в тот момент находился в летном училище, столкновений с немецкими войсками не имел, поэтому вероятно предположить, что образ врага у будущего летчика сформирован в основном посредством органов пропаганды.

Теперь обратим внимание на другое письмо Ивана Тихоновича, датированное 12-м марта 1944 г., то есть автор почти два года находится на фронте (воевал с мая 1942 г.), образ врага для него стал четким, увиденным собственными глазами: «Война пошла по графику: намечено убить немца – убьешь. Гоним его, а что более приятно – истребляем его, сукина сына, потому что если не истребить его сегодня, а только выгонишь со своей земли, он соберет своих людей и снова полезет. А убитый никогда не полезет. Папа. Расскажу тебе как сегодня истреблял. ...Потом смотрю два грузовика встали, и люди с них упали на землю. Хотел выстрелить, но раз там были две бабы – думаю, не надо, мирные. А мой стрелок по ним, как даст очередь. «Зачем, – спрашиваю, – бабу трогаешь?» А он отвечает: «Блядь немецкая вместе с ними удирает от наших войск». Я аж засмеялся. Правильно он сделал. На своих предателей злоба еще больше» [11]. Через восприятие предателей, своих, которые перешли на сторону врага, ярко рисуется и образ самого противника. Для Ивана Тихоновича хуже немцев могут быть только русские, которые преклонились перед врагом.

Иван Иванович Григорьев в письме от 17 января 1944 г. называет противника «погаными фрицами» [4], а в своем сообщении родителям от 19 марта 1945 г. торжествует по поводу скорого завершения войны и унижения Германии: «Вот сейчас я вижу пожарища и руины, развалины городов уже не родной русской земли, а презренной Фрицландии. Эта поганая страна с собачьим наречи-

ем напоминает только о диком <...> и сами фрицы и гансы и их фрау <...> так животное воспитаны и смотрят на жизнь.

Здесь нет прекрасного, кроме «прекрасных» застенок для скорби людей. Вот Вам, Раса! Германия какой я вижу ее сейчас. Большая часть ее уже поставлена на колени. А что думали эти пошлые завоеватели! Горе-воины, только так их можно называть. Как они противны и жалки, <...> Пусть они сами несут тяжкое бремя, которое хотели дать нам» [5]. Как мы видим, автор письма вполне справедливым считает возмездие за те действия, которые совершал враг на территории Советского Союза.

В годы войны, когда люди, составляющие одну семью, могли быть разбросаны в разных частях Советского Союза, а позднее и европейских государств, письма были практически единственным способом сообщения родных и близких, поэтому эпистолярный жанр является важным источником для изучения семейных взаимоотношений в годы Великой Отечественной войны. Выше уже было сказано, что бойцы всегда интересуются положением дел дома, дают советы, помогают финансово. Содержание фронтовых писем является доказательством о денежных переводах солдатами своим родным. «Здравствуй папаша! Посылаю тебе в подарок одну тысячу рублей. Делай огородное хозяйство и прочее» [20].

Нередко в переписке встречается обида фронтовиков на то, что про них редко вспоминают родные и близкие. «Меня интересует Таня. Как она учится? Мне почему-то, когда я уезжал из дому – запомнился один только отец. Запомнилось и резко врезалось в память наше с тобой прощанье на пути к станции, когда ночью в эту лютую пургу я зашагал на вокзал, а отец на работу в ночную смену. Запомнилась колючая борода отца, его жгучие слезы. Вот поэтому я и пишу только отцу, а всем остальным только приветы. Хочется хотя бы на несколько часов попасть в родной дом к отцу – да теперь нельзя, немца надо бить» [19], – пишет Иван Тихонович Гулькин отцу.

В следующем письме домой И. Т. Гулькин продолжает эту тему: «Очень обидно, что меня вспоминают, когда я нужен. Тебя, например, я не только вспоминал, но и никогда не забывал. В самые страшные дни, когда жизнь моя болталась на волоске, когда немец был сильнее нас – я усиливал переписку с тобой. А вот Таня меня вспомнила только сейчас. Пусть еще кто вспомнит когда-нибудь, кроме вас двоих – для них буду быком, даже хуже» [21].

Аналогичные чувства испытывает Иван Иванович Григорьев: «Очень рад, что хоть ты одна осталась прежней. Все несмотря на долгие годы моего отсутствия, мне кажется, стали меня забывать. Быть может я и ошибаюсь, но мне кажется, что это все так и есть. Саша! это я пишу тебе, поэтому ты сама знаешь с тобою как ни с кем я откровенен во многом» [4]. По мнению автора, подобные ситуации неприятны для любого человека, а для солдат, постоянно рискующих жизнью на передовой, это вдвойне обидно. Но возможно предположить, что авторы писем предъявляют завышенные требования к своим родным и близким. Участвуя непосредственно в боевых действиях с противником, фронтовики могли несколько преувеличенно оценивать свой вклад в успешное завершение войны, при этом не обладая достоверной информацией, принижали заслуги тыловых районов Советского

Союза во вклад в победу над врагом, что имело некоторое влияние и на содержание писем родным и близким, которые находились в глубоком тылу.

Представляется интересным обратить внимание на содержание переписки И. И. Григорьева с сестрой Александрой. Иван Иванович рассказывает сестре про свои отношения с противоположным полом, и при этом просит Александру не говорить об этом родителям: «Ты вспоминать о Резановой. Поверь я не могу писать ей. Правда я был знаком, но знаком как товарищ. Если писать, то только вызвать излишние чувства. Да и зачем беспокоить, когда я знаком с девушкой, которая пишет письмо за письмом. Мы знакомы с ней еще с 1938 г. и она упорно не хочет забыть меня. Что же мне делать? Она просила меня, дала слово, я согласился. Если тебя интересует я могу познакомить, как на это ты смотришь Саша? Она живет в Барнауле. Вот лишь поэтому я не хочу писать да и не имею ничего милого к Р. Саше. Саша! что я тебе написал это только для тебя. Родители не могут сейчас знать этого» [4].

Довольно редким случаем является переписка, длящаяся всю войну между Александром Андреевичем Архиповым и его возлюбленной Еленой. В данных письмах помимо традиционных бытовых и военных тем присутствует описание чувств – любви, ревности, а вследствие этого и выяснение отношений. А. А. Архипов свою защиту и спасение видит в любви к своей девушке Елене: «Ты живешь в моем сердце, ты со мною там, где грозит мне опасность, я знаю, что ты меня любишь, ждешь, мы знаем, что впереди <...>. Там смерти не боятся, <...> любовь сильнее смерти, и если я погибну, то буду знать, что там, в Алтае, меня помнит та, кому принадлежала вся нежность моего сердца, которую я отдал тебе» [2]. Интересным фактом, связанным с А. А. Архиповым, является то, что он один из немногих авторов писем пережил войну и прожил долгую жизнь.

Особого внимания заслуживает отношение фронтовиков к родственникам, оставшимся в тылу: «Получил так же и от Михаила Тихоновича письмо, полное прелести и мирозерцания. Эх, как он хорошо устроился – мало кто так сейчас живет. Ну, ничего, пусть устраивается, кто может, но мне ужасно хотелось бы таких посадить под свист авиационных бомб и разрывов, послушать стон смертельно раненых и умирающих солдат» [10], – пишет отцу про брата И. Т. Гулькин. Аналогично рассуждает замполит Евгений Васильевич Ватрухин: «Получил сегодня письмо от Владимира. Чудак он. Уж больно он все идеализирует, ему однако кажется, что немцы сейчас отступают исключительно из-за того, что наши бойцы кричать: «Ура!». Не мешало бы ему съездить, посмотреть. Ну, ничего, пусть там получше очищает тыл от всякой нечисти» [1]. Отношение к тем, кто отсиживается в тылу, когда нужно убивать немцев на передовой, для солдат, воевавших по несколько лет, было однозначным.

Довольно резко о взаимоотношениях полов в тылу отзывается И. Т. Гулькин: «Мне почему-то сейчас смутно представляется тыловая жизнь. Говорят трудно жить. А почему же тогда девки замуж выходят, а мужики женятся? От скуки? А может быть боятся не хватит им мужей, ребят после войны? Или из блядства? Нет, папаша. Я видно к тебе не приеду жениться, а приеду с женой. Найду себе на белом свете жену. Неправда, не все бляди»

[19]. Что можно объяснить, как свойствами характера и взглядами на жизнь автора письма, так и увиденным и услышанным на войне.

Фронтовые письма являются ценным источником для изучения психологии солдат, ее особенностей. Например, довольно часто в фронтовых письмах фигурируют рассуждения солдат о смерти своей или близких. И. И. Григорьев 20 августа 1944 г. о своей возможной гибели пишет равнодушно: «Папа! четыре года как я оставил ваш дом. Четыре года меня нет у вас. Уезжая, я не думал о том, что так долго не буду видеть вас. Но что можно сделать, если так получилось. <...> Я не жалею того, что семейный очаг наш получил уединение. И прошу вас обо мне не беспокоиться. Боевые будни мои разнообразны, полны неожиданных опасностей. И почему-то то, что для меня опасно, мне кажется совершенно обыденным, и я ищу встреч с ним. Смерть уже не страшна, только жаль вас. Горе, которое я видел уже не увидеть в таких масштабах. Слезы, а сколько их. Радость, горе, нужда, блаженство – все это выражается слезами. Прошу вас. Если меня не станет, то не станет героем» [3]. По мнению автора, у Ивана Ивановича за три года участия в военных действиях произошло привыкание к экстремальным условиям войны, а некоторой степени даже зависимость к чувству опасности.

Баталов Александр Павлович сообщает матери о своей возможности гибели так: «Ну, мамочка милая, прощай еду защищать свою родину отчизну. Живи спокойно, не горюй... А если придется умереть, то умру героем. Не может быть, чтобы я был последним. Я иду на одно из двух: умру или буду героем» [8]. К этой теме он возвращается много раз в своих письмах. Это можно объяснить высоким патриотическим настроением «свежеиспеченного» офицера, а также желанием убедить мать в том, что ее сын даже, если погибнет, то она им будет гордиться.

Как справедливо заметил Д. И. Варшавский: «Если сравнивать письма с воспоминаниями в качестве источника по истории повседневности, то у первых есть значительное преимущество в точности датировки описываемых событий, зато воспоминания предоставляют более подробную информацию. Из всех источников личного происхождения письма играют скорее второстепенную роль, однако без их использования исследование фронтовой жизни не будет полным и всесторонним» [23, с. 21].

Таким образом, обращение исследователей к эпистолярным источникам позволяет открыть еще одну малоизученную страницу Великой Отечественной войны, увидеть события глазами их непосредственных очевидцев и участников. Фронтовые письма – ценный источник для изучения фронтового быта, семейных взаимоотношений в изучаемый период, а также психологии общества, оказавшегося в экстремальных военных условиях, и непосредственных участников боевых действий. «Военные письма имеют еще колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, пережившего такое страшное событие» [23, с. 21 – 22], но при работе с эпистолярными источниками нужно учитывать их особенности. Но, несмотря на все вышеперечисленное, по мнению автора, полноценное изучение «антропологического содержания» войны возможно только при комплексном использовании всех видов источников личного происхождения.

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ. 16475/ 7.
2. АГКМ. ОФ. 16682/ 79.
3. АГКМ. ОФ. 10022/ 14з.
4. АГКМ. ОФ. 10022/14е.
5. АГКМ. ОФ. 10022/14и.
6. АГКМ. ОФ. 10600/16.
7. АГКМ. ОФ. 14154/47.
8. АГКМ. ОФ. 16177/ 8.
9. АГКМ. ОФ. 16177/21.
10. АГКМ. ОФ. 18029/ 34.
11. АГКМ. ОФ. 18029/27.
12. АГКМ. ОФ. 10022/14е.
13. АГКМ. ОФ. 14154/35.
14. АГКМ. ОФ. 16177/18.
15. АГКМ. ОФ. 16682/72.
16. АГКМ. ОФ. 16682/77.
17. АГКМ. ОФ. 16682/84.
18. АГКМ. ОФ. 18029/15.
19. АГКМ. ОФ. 18029/19.
20. АГКМ. ОФ. 18029/20.
21. АГКМ. ОФ. 18029/36.
22. Альбом-каталог «Жди меня... Солдатские письма Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Барнаул: Алтапресс, 2015. 224 с.
23. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник МГОУ. 2012. № 4. С. 18 – 22.
24. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
25. Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашиского университета. 2008. № 4. С. 37 – 41.
26. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в.: учебное пособие / отв. ред. И. А. Федосов. М.: Изд-во МГУ, 1970. 470 с.
27. Касимов Р. Н. Приемы анализа фронтовых писем как дополнительного источника изучения отдельных аспектов Великой Отечественной войны (по материалам книги К. А. Пономарева «150 дней красноармейца Пономарева» // Индакар. 2014. № 5(22). С. 78 – 95.
28. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 460 с.
29. Письма с фронта любимым: сборник писем и воспоминаний военных лет / сост.-ред. Г. Н. Белоглазова. Барнаул: А. Р. Т., 2007. 384 с.
30. Сениянская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Росспэн, 2006. 288 с.
31. Экзамен на жизнь... Письма Героя Советского Союза И. Т. Гулькина. 1941 – 1945 гг. // Краеведческие записки. 2005. Вып. 6. С. 18 – 38.

LETTERS FROM THE FRONT AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE ANTHROPOLOGICAL CONTENT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alexandr S. Kuznetsov¹, @, *

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja street, Barnaul, Russia, 656031

@ hist-kas@mail.ru

Received 13.05.2016.

Accepted 20.06.2016.

Keywords: the Great Patriotic War, the documents of personal origin, letters from the front, the anthropological content of history.

Abstract: In recent decades the direction of the domestic historical science exploring the anthropological content of the Great Patriotic War is actively developing. In this regard ego-documents come into the view of scientists – memories (memoirs), diaries and letters. The purpose of this article is to identify the representativeness of letters from the front for the anthropological study of the content of the Great Patriotic War. The investigation of the letters from the front was made on the basis of formulary analysis, which represents an epistolary text as a system of interrelated elements. The author concludes that the researchers' reference to epistolary sources

* The paper was written with the support of the Russian Humanitarian Science Foundation grant No. 15-31-01019 A1.

makes it possible to illuminate the little-known aspects of the Great Patriotic War, to see events through the eyes of their direct witnesses and participants. However, it is pointed out that a full study of the anthropological content of the war is possible only with the integrated use of all types of documents of personal origin.

For citation: Kuznetsov A. S. Frontovye pis'ma kak istochnik dlia izucheniia antropologicheskogo soderzhaniia Velikoi Otechestvennoi voiny [Letters from the front as a source for the study of the anthropological content of the Great Patriotic War]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 63 – 68. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68.

References

1. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16475/ 7.
2. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/ 79.
3. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/ 14z.
4. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/14e.
5. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/14i.
6. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10600/16.
7. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 14154/47.
8. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16177/ 8.
9. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16177/ 21.
10. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/ 34.
11. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/27.
12. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 10022/14e.
13. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 14154/35.
14. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16177/18.
15. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/72.
16. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/77.
17. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 16682/84.
18. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/15.
19. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/19.
20. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/20.
21. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 18029/36.
22. *Al'bom-katalog «Zhdi menia... Soldatskie pis'ma Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg.» k 70-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [The album-catalog "Wait for me... The soldiers' letters of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. "70 – year anniversary of Victory in Great Patriotic War]. Barnaul: Altapress, 2015, 224.
23. Varshavskii D. I. *Memuary, dnevniki i pis'ma kak istoricheskii istochnik v voprose izucheniia frontovogo byta sovetskikh soldat v Velikoi Otechestvennoi voine* [Memoirs, diaries and letters as a historical source on the issue of the study life of the front of the Soviet soldiers in the Great Patriotic War]. *Vestnik MGOU* = *Bulletin of Moscow state regional University*, no. 4 (2012): 18 – 22.
24. Danilevskii I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumiantseva M. F. *Istochnikovedenie: Teoriia. Istoriia. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Chronology: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow: RGGU, 1998, 702.
25. Ivanov A. Iu. *Analiz frontovykh pisem perioda Velikoi Otechestvennoi voiny v svete innovatsionnykh istochnikovedcheskikh podkhodov* [An analysis of letters from the front during World War II in the light of source of innovative approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = *Bulletin of Chuvash University*, no. 4 (2008): 37 – 41.
26. *Istochnikovedenie istorii SSSR XIX – nachala XX v.* [Chronology of Soviet history XIX – early XX century]. Ed. Fedosov I. A. Moscow: Izd-vo MGU, 1970, 470.
27. Kasimov R. N. *Priemy analiza frontovykh pisem kak dopolnitel'nogo istochnika izucheniia otdel'nykh aspektov Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam knigi K. A. Ponomareva «150 dnei krasnoarmeitsa Ponomareva»)* [Methods of analysis of letters from the front as an additional source of study of certain aspects of the Great Patriotic War (on materials of the book of Ponomarev K. A. "The 150 days of the Red Army man Ponomarev")]. *Indakar* = *Indakar*, no. 5(22) (2014): 78 – 95.
28. Marasimova E. N. *Vlast' i lichnost': ocherki russkoi istorii XVIII veka* [The power and personality: Essays on Russian history of XVIII century]. Moscow: Nauka, 2008, 460.
29. *Pis'ma s fronta liubimym: sbornik pisem i vospominanii voennykh let* [Letters from the Front's favorite: a collection of letters and memories of the war years]. Comp and ed. Beloglazova G. N. Barnaul: A. R. T., 2007, 384.
30. Seniavskaya E. S. *Protivniki Rossii v voynakh KhKh veka: evoliutsiia «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva* [Russian opponents in the wars of the twentieth century: the evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society]. Moscow: Rosspehn, 2006, 288.
31. *Èkzamen na zhizn'... Pis'ma Geroia Sovetskogo Soiuz I. T. Gul'kina. 1941 – 1945 gg.* [Examinations for life... Letters of the Hero of the Soviet Union of Gulkin I. T., 1941 – 1945]. *Kraevedcheskie zapiski* = *Local history notes*, no. 6 (2005): 18 – 38.

УДК 94(470.67)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕРБЕНТА ПЕТРОВСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Назим А. Магомедов^{1, @, *}, Шарафетдин А. Магарамов^{1, @, *}¹ Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75

@sharafetdin80@mail.ru

Поступила в редакцию 15.04.2016.

Принята к печати 26.05.2016.

Ключевые слова: Петр Великий, Каспийский поход, Дербент, торговая гавань, модернизация, экономическая интеграция.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00118.

Аннотация: В статье поставлена задача – показать политику петровского правительства по модернизации природно-экономических ресурсов Дербента и его окружи. На основе анализа письменных и литературных источников изучены основные мероприятия по освоению и модернизации природных и экономических ресурсов Дербентского региона Дагестана. Более масштабный и последовательный характер носили планы по реконструкции дербентской торговой гавани ввиду важного экономического и стратегического значения Дербента. Исследование показывает, что бывшее торговое значение города было восстановлено – он оказался вовлеченным в орбиту российской восточной торговли на западном берегу Каспия. Кроме того, в результате проводимых комплексных мер экономика прикаспийского Дагестана и Дербента в частности получила новый импульс развития, отдельные перспективные отрасли хозяйства (виноградарство, производство шафрана, добыча нефти) были усовершенствованы с учетом последних достижений, в том числе зарубежных. Немало усилий в этом плане прилагал непосредственно сам Петр I, заинтересованный в развитии отечественного производства вина, нефти, пряностей, шерсти.**Для цитирования:** Магомедов Н. А., Магарамов Ш. А. Модернизация экономической деятельности Дербента петровским правительством // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 69 – 73. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-69-73.

Петр Великий успешно реализовав внешнеполитические задачи на западном направлении, решил организовать марш на Восток, ставший началом длительного и сложного процесса присоединения Кавказа. Не вдаваясь в подробности этого масштабного мероприятия, остановимся лишь на более значимых проектах императорского правительства, предпринятых в процессе подготовки и во время самой каспийской кампании, по освоению природных ресурсов Западного Прикаспия, и особенно Дербента, модернизации хозяйственного уклада города и его окружи, и их последствиях.

В петровских планах на Востоке Дербенту уделялось особо важное значение ввиду его стратегической (*контролировал сухопутную дорогу вдоль западного побережья – авт.*) и экономической значимости на торговых путях по Каспию. Помимо сухопутных и морских торговых путей царя интересовали природные ресурсы и экономические возможности прикаспийских провинций. По инициативе Петра в 1715 – 1719 гг. в Западный Прикаспий были отправлены военные специалисты с целью тщательного изучения его топографии, внутри- и внешнеполитического положения, экономических возможностей и этнокультурного состава региона. Среди них были – М. Травин, К. П. фон Верден, Ф. И. Соймонов, В. А. Урусов и др., которыми были собраны подробные сведения о прикаспийских землях [16, с. 36].

Более масштабный характер носили планы петровского двора по укреплению Дербента и реконструкции его торговой гавани. Дербенту царское правительство придавало немаловажное значение в силу его значимой роли как связующего звена в российской восточной торговле на западном берегу Каспийского моря. Поскольку дербентская гавань была не приспособлена для причаливания торговых судов в силу мелководности и открытости всем ветрам (даже небольшие суда с большим трудом могли туда входить, они часто садились на мель, и купцы часто свои плоскодонные суденышки «с великою нуждой по песку тягивали»), А. Волынский получил наказ, «...иное место для пристании оных судов чтобы отыскать (ибо от того им, купцам, великие изъязы чинятся), и дабы было повелено морскую иную пристань и караван-сарай построить, и торг учинить, чтоб их судам приставать было свободно и купечеству бы их изъязу и убытков не было...» [2, с. 112].

Изучив выгодность географического положения Дербента и торговое значение дербентского порта, обуславливающего исключительно благоприятные условия во внешнеторговых связях России со странами Востока, А. Волынский высказался за построение в Дербенте новой пристани для больших морских судов [11, с. 535]. Приступив к реализации грандиозных планов по развитию морской торговли по Каспийскому морю, Петр I «изволил ездить по берегу морскому для осмотра

места, где строить гавань» [3, с. 174]. Перед отъездом из Дербента император приказал «цитадель сделать к морю и гавань делать по чертежу» [6, с. 86], который предполагал «построить на продолжении городских стен два мола, причем южный мол вывести в море более чем на 400 метров и по кривой линии приблизить к северному, оставив между ними проход для судов» [18, с. 22; 14, с. 335].

Работы по реконструкции гавани производились в течение 1723 – 1724 гг. о чем, ознакомившись с ситуацией на месте, Матюшкин докладывал императору в январе 1725 г.: «в Дербенте все благополучно, и по указу вашего императорского величества крепость приказал я делать; а гавен делают, и на дело оной берут с босурманских могил камень» [10, с. 133].

О масштабах проводимых работ в Дербенте свидетельствует участие в них двух с половиной тысячи украинских и донских казаков. Более того, Матюшкин дополнительно требовал для привлечения на «гаванные работы» в городе еще шесть тысяч каменщиков и семьсот кузнецов. По решению Верховного совета для осмотра фортификационных работ туда был послан опытный инженер, генерал-майор Андриан де Бриньи [10, с. 164].

В результате принятых мер вырос объем товарооборота Дербента. По данным Астраханской таможни, в 1725 г. из Астрахани в Дербент было вывезено 98 партий товаров. Из них 28 партий было вывезено собственно дербентскими купцами, 24 – купцами-армянами и 46 партий – индийскими купцами [8, с. 216 – 217; 1, с. 8]. Учитывая важную роль Дербента в торговой деятельности России на востоке, в частности персидском направлении, Петр Великий дарует дербентским купцам право беспошлинной торговли в Российском государстве и уравнивает их в правах с русскими купцами.

Любопытного императора заинтересовали и экономические ресурсы региона. Благоприятные природно-климатические условия Дербента и его округа содействовали развитию здесь многоотраслевого хозяйства. Ф. И. Соймонов характеризуя окрестности Дербента, подчеркивал, «что хотя горы от Дербента идут к югу, однако до берега не касаются, но от одного в некоторых местах на 50 верст отстоят... между горами и морем находится обширная равнина, многими реками и лесами испещренная, и по ее плодородию бесчисленными населенная деревнями, там имеются хорошие скотские заводы, пашни и сады с изрядными плодами. Сию страну можно почесть за наилучшую при всем Каспийском море» [17, с. 38 – 39].

Как известно, одно из ведущих мест в хозяйстве жителей Дербента занимали виноградарство и виноделие. Участник Петровского похода, англичанин Бель писал: «В восточной стороне города множество находится винограда, коих вино может стоять многие годы, когда оное, налив во глиняные сосуды, зароят в землю» [3, с. 177]. Высокое качество вина отмечал также Г. Гербер, который указывал на то, что дербентский «чихирь» не только имеет хороший вкус, «но также нарочито крепко и не скоро портится. Оно здесь трех сортов, красное, белое, и красно-белое». Издавна дербентцы выработали свои традиционные способы изготовления и хранения вина.

Описывая хозяйство дербентцев и окрестных сел, Гербер сообщает о наличии здесь «добрых виноградных

и других садов, всяких овощей также дыни и арбузы около города везде имеются бесчисленно» [6, с. 56]. Внимание императора привлекали богатые с плантациями винограда и шафрана дербентские земли. Хозяйственный Петр дал указание улучшить данный вид хозяйства. Покидая Дербент, император приказал беречь «Хаджи Аслан-бека огород, в котором мы ныне стояли», и оставил там «мастера» – разводить виноградные поля [10, с. 71]. По императорскому распоряжению из Астрахани в Дербент приезжали мастера-виноделы, которым поручено было приступить к работе по организации казенного виноградарства и виноделия совместно с местными «садовниками» и посланными им в помощь сорока казаками. Кроме того, император прислал еще одного «мастера» – Пастьяна, который скоропостижно скончался по прибытии, как доложил комендант города Юнгер в январе 1723 г. [10, с. 256].

В созданном в городе государственном хозяйстве под присмотром коменданта из местного винограда изготавливали вино, «подобное персидскому чихиру». Делали его двух сортов: красное и белое, причем вино лучшего сорта отправляли в Россию, а худшего качества продавали на месте. Здешние виноградники были усовершенствованы усилиями присланных иностранных мастеров-виноделов и обученной ими команды (в 1723 г. под началом главного венгерского винодела, майора Турколя, работали прапорщик, три капрала и 14 солдат) [10, с. 273]. После отбытия императора комендант Юнгер рапортовал государю, что «оставленный виноградный мастер ныне в садах старый виноград подчищает и на свободных местах новый виноград рассаживает, а с ними ежедневно работают 40 казаков и 4 наемных дербентских садовника. За сезон 1724 г. было посажено 13000 виноградных лоз» [17, с. 183].

Производительность дербентского («чихирного») завода уже в 1724 г. составляла 60 бочек вина белого и красного сортов, (примерно 2000 ведер), продажа которого принесла доход в размере 1521 руб. Виноделие стало одной из доходных статей военных властей. Однако основным потребителем продукции оставалась сама же российская армия, местные жители по религиозным убеждениям его не употребляли. Открывались в городе т. н. «кружечные дворы», служившие для российского командования источником экстренного финансирования в случаях запоздалой присылки денег из казны. Но спрос был невысок вследствие уступки местного вина вкусовым качествам российских и европейских вин, к которым более привыкли служивые люди российского командования. Они предпочитали отечественные напитки, привозимые неутомимыми маркитантами, которым торговля с 1724 г. разрешалась всем по «вольной цене». С целью улучшения качества вин привлекались на русскую службу новые мастера из числа европейских виноделов. Уже к лету 1723 г. в Дербенте стояло готовым к отправке в Астрахань «учиненное для пробы» виноградное вино трех мастеров: «француза, венгра и цесарца» [10, с. 274]. Посетившему в ноябре 1724 г. Дербент по пути в Решт командующему Низовым корпусом генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину посчастливилось оценить изготовленное венгерскими мастерами-виноделами из местного сырья вино, которое оказалось гораздо лучшего качества, чем обычный кавказский «чихирь» [17, с. 182 – 186].

Принимались меры для дальнейшего качественного и количественного роста производства винограда. Комендант Дербента – полковник Юнгер должен был «присылать ко двору его величества» виноград из дербентских садов» [5, с. 292], что свидетельствует о широкой популярности дербентского винограда.

Более успешными оказались усилия Петра Великого по налаживанию производства в окрестностях Дербента одной из самых дорогих пряностей – шафрана. Прикаспийская зона Дагестана, в частности округа Дербента, издавна славилась возделыванием шафрана. «Все окрестности города (*Дербента – авт.*), – отмечал С. Бронеvский, – покрыты сим растением», жители города «разводят его весьма достаточно так, что оным снабжают не только внутренние Ширвана и Дагестана округа, но и знатное количество оного отпускают в соседние области» [4, с. 282]. Петр I старался улучшить качества кавказского шафрана. Низкое качество местного шафрана объяснялось тем, что его преждевременно собирали и неправильно сушили. В этих целях император приказал прислать в Дербент и Баку образцы высококачественного шафрана. В 1723 г. начались работы в «садах и огородах его императорского величества», где трудились казаки под наблюдением специалистов по разведению шафрана, из числа дербентских жителей. Кроме конфискованных у «неблагонадежных» дербентцев, возделывались еще «новозаведенные шафрановые огороды» [17, с. 183].

Шафран употреблялся в пищу как пряность, являлся прекрасным естественным красителем оранжевого цвета шелковых и шерстяных тканей и ковров, а также лекарственным растением. В Россию красящие вещества привозились из восточных стран. Петр I же был заинтересован в производстве отечественных более дешевых натуральных красителей высокого качества и поэтому повелел возделывание шафрана «рачительно одобрять», так как первые опыты «не без плода были». В результате принятых мер не только улучшилось качество, но и расширились площади под шафраном. Часть дербентского шафрана стала вывозиться в Петербург к императорскому двору, часть – в Гилян и Шемаху. Гербер отмечал, что из Дербента в Гилян и Шемаху «много возится шафрану, которого здесь «в Дербенте в садах очень много» [6, с. 86].

В 1723 г. с одних дворцовых огородов Дербента было собрано 420 фунтов шафрана и «несколько жестяных ящичков с шафраном, уродившимся того года, в тамошних старых и новозаведенных шафрановых садах»; в 1724 г. к императорскому двору поступило 119 фунтов шафрана европейского качества, в апреле 1726 г. бригадир Шипов из Баку отправил 30 фунтов шафрана, «готовленного по-европейски», и 14 фунтов «в лепешках», то есть сделанного по местной технологии в смеси с воском или бараньим жиром [15, л. 718].

Планы Петра по изучению и освоению природных богатств Прикаспийской зоны были продиктованы его стремлением обеспечить источниками сырья российские мануфактуры, производящие цветные металлы, сукно, шерстяные и шелковые ткани, краски и пр. Видный кавказовед В. Г. Гаджиев считает, что стремление царизма обеспечить русскую мануфактурную промышленность сырьем из прикаспийских областей Кавказа и присоединить к России важные для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийские провинции послу-

жило одной из основных причин Персидского похода [5, с. 110]. Возвратившись из похода в Прикаспий, император стал энергично требовать от высших военных чинов освоения «новозавоеванных провинций». Царское внимание привлекали богатые земли и города прикаспийского Дагестана, Ширвана, Гиляна, откуда хозяйственный царь требовал присылки образцов нефти, полезных ископаемых, овчин, фруктов.

Принимались меры по налаживанию заготовки дагестанской шерсти в промышленных масштабах для российских мануфактур. В 1717 г. А. П. Волынский получил наказ узнать о вариантах приобретения «испанской» шерсти в прикаспийских областях Персии, что вынудило его и А. И. Лопухина ознакомиться с шерстяным рынком кавказских провинций Персии, в частности Дагестана. Как выяснил А. И. Лопухин, жители Дербента имеют у себя значительное количество шерсти, из которой «сукна делают сами», причем по «их мастерству не худо делают. А шерсть у них изрядная и мягка... и складывана та шерсть с гишпанскою шерстью, хороша. А такова не будет, токмо ис тамошних шерстей лутче ее нигде не сыщется» [12, с. 55 – 56].

Наблюдения А. И. Лопухина были подтверждены чуть позже находившимся при российской армии в Каспийском походе Петра Великого шотландским медиком Дж. Беллом оставившим запись в своем дневнике о том, что на дагестанских овцах шерсть «столь хороша», что он такой шерсти больше «нигде не видывал» [3, с. 180]. Другой современник И. И. Голиков отмечал, что в прилегающих к Дербенту землях, «особливо к горам, имеются многочисленные овечьи заводы, шерсть оных весьма хороша..., а сие и было одним из главнейших и нашего Ироя (Петра I) попечений, то есть, чтобы употребить оную в пользу своих суконных и шерстяных мануфактур» [7, с. 257 – 258]. Получив донесение А. И. Лопухина, что жители Кубачи имеют «немалое довольство шерсти», царь распорядился А. П. Волынскому завести в Астрахани отары из белых овец, а также приложить усилия «чтоб достать несколько овец ис Кубеши» [3, с. 109].

В 1722 г. Петр, осведомленный в искусстве дербентцев в изготовлении лучшего качества шерсти, увез с собой из Дербента технолога «смягчения шерсти и поташу» мастера-армянина Карапета Хачатурова. В 1724 г. Матюшкин будучи в Москве на коронации императрицы Екатерины Алексеевны – жены Петра Великого, получил образцы качественной черной и белой шерсти с заданием «против оной приискать» в подчиненных ему прикаспийских областях. Вместе с генералом в Дагестан отправились два мастера «с суконной фабрики», которым в Дербенте удалось обнаружить хорошего качества шерсть. Хотя и удалось отыскать удовлетворительную по качеству шерсть в Дагестане, однако организовать ее систематические поставки из Кубачи не представлялось возможным.

Нефтяные богатства Прикаспия не могли не привлечь внимание любопытного Петра I. В распоряжении петровского правительства имелись сведения о наличии многочисленных нефтеносных источников в прикаспийском Дагестане, в частности в уезде Дербентском. Особенно много нефти было севернее Дербента. «Подле нашего стана (севернее Дербента) находится множество колодцев с жидкой смолой, которую именуют нефтью. Цветом

она черновата и чрезвычайно загорающееся существо», – свидетельствовал Дж. Бель [3, с. 174].

В 1724 г. Матюшкину, возвращавшемуся из Петербурга на Западный Прикаспий, Петр наказал «выслать тысячу пуд, или сколько возможно, белой нефти» [9, с. 559]. В то время в России нашли хозяйственное применение нефти, и поэтому принимались меры по увеличению объемов добычи нефти в Прикаспии. Однако в последующий период в силу политических неурядиц, военные власти сами не в состоянии были контролировать нефтяные колодцы, некоторые из них уже сдавали в аренду, а другие вовсе оказались заброшенными.

Литература

1. Абдурахманова М. С. Роль армянского купечества в развитии транзитной торговли через Дагестан в XVII – XVIII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. № 2(62). Т. 4. 2015. С. 7 – 11.
2. Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства А. П. Волынского в Азербайджане. Баку, 1979. 121 с.
3. Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / пер. с фр. М. Попова. Ч. III. СПб., 1776. 247 с.
4. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823. 471 с.
5. Гаджиев В. Г. Роль России и истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
6. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С. 60 – 124.
7. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VI. М., 1839. 268 с.
8. Киласов Р. К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII – начало XVIII в.) // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР. Т. XX. Махачкала, 1970. С. 212 – 224.
9. Комаров В. Персидская война, 1722 – 1725 гг. // Оттиск из «Русского вестника». Т. 68. б. г. С. 553 – 616.
10. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735). М., 2010. 381 с.
11. Лебедев В. И. Посольство А. Волынского в Персию // Известия АН СССР. № 6. М., 1948. С. 528 – 549.
12. Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С. 6 – 59.
13. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722 – 1723 гг. М., 1951. 247 с.
14. Магарамов Ш. А. Дербент в развитии каспийской торговли петровского правительства // Дербент в историческом процессе Кавказа и России: материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2015. С. 232 – 237.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. II. Д. 78.
16. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. XVII – XVIII. М., 1963. 700 с.
17. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб.: Тип. Импер. АН, 1763. 380 с.
18. Хан-Магомедов С. О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана: художественные памятники VI – начала XX века. М., 1958. 286 с.

Итак, проведенное исследование показывает, что принимались активные меры под непосредственным руководством Петра Великого по экономической интеграции «новозавоеванных» территорий, в частности Дербента и его окружи, в пространство России. Несмотря на непоследовательность отдельных проектов, в целом в результате принятых комплексных мер, экономика прикаспийского Дагестана и Дербента получила новый импульс развития, город оказался вовлеченным в орбиту международной транзитной торговли на западном берегу Каспия.

MODERNIZATION OF ECONOMIC ACTIVITY OF DERBENT BY THE GOVERNMENT OF PETER THE GREAT

Nazim A. Magomedov^{1, @, *}, Sharafetdin A. Magaramov^{1, @, *}

¹ The Institute of History, Archeology and Ethnography at Dagestani Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragsky Str., Makhachkala, Russia, 367030

@sharafetdin80@mail.ru

Received 15.04.2016.

Accepted 26.05.2016.

Keywords: Peter the Great, Caspian campaign, Derbent, trade harbor, modernization, economic integration.

Abstract: In aim of the article is to show the policy of the government of Peter the Great in modernization of natural and economic resources of Derbent and its district. On the basis of the analysis of written and literary references the main actions for the development and modernization of the natural and economic resources of the Derbent region of Dagestan are studied. Plans for reconstruction of Derbent

trade harbor in view of its important economic and strategic importance had a more large-scale and consecutive character. The research shows that former trade value of the city was restored, it became involved in the Russian east trade on the west bank of the Caspian Sea. Besides, as a result of complex measures, the economy of Caspian Dagestan and Derbent in particular received a new impulse for development, separate perspective branches of economy (wine growing, saffron and oil production) were improved with the consideration of the last achievements, including foreign. Many efforts in this aspect were made directly by Peter I, who was interested in the development of domestic production of wine, oil, spices, wool.

* The publication was prepared within the framework supported by the Russian Foundation for Humanities, research project No. 14-01-00118.

For citation: Magomedov N. A., Magaramov Sh. A. Modernizatsiia ekonomicheskoi deiatel'nosti Derbenta petrovskim pravitel'stvom [Modernization of economic activity of Derbent by the government of Peter the Great]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 69 – 73. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-69-73.

References

1. Abdurakhmanova M. S. Rol' armianskogo kupechestva v razvitii tranzitnoi trgovli cherez Dagestan v XVII – XVIII vv. [Role of the Armenian merchants in development of transit trade through Dagestan in the XVII – XVIII centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 2 (2015): 7 – 11.
2. Aliev F. M. *Missiia poslannika Russkogo gosudarstva A. P. Volynskogo v Azerbaidzhane* [Mission of the envoy of the Russian state A. P. Volynsky in Azerbaijan]. Baku, 1979, 121.
3. Bell Dzh. *Belevy puteshestviia cherez Rossiiu v raznye Asiat'skie zemli, a imenno: Ispagan, v Pekin, v Derbent i Konstantinopol'* [Belev of travel through Russia to different Asiatic lands, namely: Ispahan, to Beijing, to Derbent and Constantinople]. Transl. Popova M. Chapter III. Saint-Petersburg, 1776, 247.
4. Bronevskii S. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiia o Kavkaze* [The latest geographical and historical news of the Caucasus]. Chapter II. Moscow, 1823, 471.
5. Gadzhiev V. G. *Rol' Rossii i istorii Dagestana* [Role of Russia and history of Dagestan]. Moscow, 1965, 392.
6. Gerber I.-G. *Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiiskogo moria. 1728 g.* [The description of the countries and the people along the west bank of the Caspian Sea. 1728.]. *Istoriia, geografiia i etnografiia Dagestana XVIII – XIX vv.* [History, geography and Ethnography of Dagestan in the XVIII – XIX centuries]. Moscow, 1958, 60 – 124.
7. Golikov I. I. *Deianiia Petra Velikogo, mudrago preobrazitelia Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennye po godam* [Peter the Great's acts, wise preobrazitel of Russia collected from reliable sources and located by years]. Chapter VI. Moscow, 1839, 268.
8. Kilasov R. K. *Iz istorii ekonomicheskikh svyazei Dagestana s Rossiei (konets XVII – nachalo XVIII v.)* [From history of economic relations of Dagestan with Russia (the end of XVII – the beginning of the 18th century)]. *Uchenye zapiski Instituta istorii, iazyka i literatury Dagestana AN SSSR* = *Scientific notes of the Institute of history, language and literature of the USSR Academy of Sciences Galiilei*, vol. XX (1970): 212 – 224.
9. Komarov V. *Persidskaia voina, 1722 – 1725 gg.* [Persian war, 1722 – 1725]. *Ottisk iz «Russkogo vestnika»* = *Impression of the "Russian messenger"*, vol. 68: 553 – 616.
10. Kurukin I. V. *Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiia (1722 – 1735)* [Persian campaign of Peter the Great. The local case on coast of the Caspian Sea (1722 – 1735)]. Moscow, 2010, 381.
11. Lebedev V. I. *Posol'stvo A. Volynskogo v Persiiu* [A. Volynsky's embassy to Persia]. *Izvestiia AN SSSR* = *Proceedings of the USSR Academy of Sciences*, no. 6 (1948): 528 – 549.
12. Lopukhin A. I. *Zhurnal puteshestviia cherez Dagestan. 1718 g.* [The magazine of travel through Dagestan. 1718.]. *Istoriia, geografiia i etnografiia Dagestana XVIII – XIX vv.* [History, geography and ethnography of Dagestan XVIII – XIX centuries]. Moscow, 1958, 6 – 59.
13. Lystsov V. P. *Persidskii pokhod Petra I. 1722 – 1723 gg.* [Persian campaign of Peter I. 1722 – 1723]. Moscow, 1951, 247.
14. Magaramov Sh. A. *Derbent v razvitii kaspiiskoi trgovli petrovskogo pravitel'stva* [Derbent in development of the Caspian trade of the Petrovsky government]. *Derbent v istoricheskom protsesse Kavkaza i Rossii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Derbent in the historical process of the Caucasus and Russia: Proc. Intern. Sci. Conf.]. Makhachkala, 2015, 232 – 237.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian state archive of ancient acts]. Found 9, Department II, File 78.
16. Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since the most ancient times]. Moscow, book IX, vol. XVII – XVIII (1963): 700.
17. Soimonov F. I. *Opisanie Kaspiiskogo moria i chinennykh na onom Rossiiskikh zavoevaniakh, iako chast' istorii Petra Velikogo* [The description of the Caspian Sea and the chinennykh on it the Russian gains, a yak part of history of Peter the Great]. Saint-Petersburg: Tip. Imper. AN, 1763, 380.
18. Khan-Magomedov S. O. *Derbent. Gornaia stena. Auly Tabasarana: khudozhestvennye pamiatniki VI – nachala XX veka* [Derbent. Mountain wall. Auls of Tabasarana: art monuments of VI – the beginning of the 20th century]. Moscow, 1958, 286.

УДК 93

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 ГГ.)

Мирзабек Я. Мирзабеков^{1, @}

¹ Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
[@] yash831@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2016.
Принята к печати 31.05.2016.

Ключевые слова: страна, Дагестан, республика, война, мобилизация, действующая армия, фронт, тыл, военнослужащий, помощь, здравоохранение, эвакуированное население, государственный заем, декадник, шефство, патриотизм, колхоз, совхоз.

Аннотация: Всестороннее объективное научное осмысление политических процессов и изменений в многонациональном Российском государстве на современном этапе невозможно без обращения к историческому опыту и анализа ее национально-регионального составляющего. В этом контексте особого внимания обществоведов заслуживает рассмотрение экономического, социально-культурного и политического развития Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945).

В статье прослежены коррективы в конструирование и организацию работы органов государственной власти и управления в Дагестане с началом Великой Отечественной войны. Показаны мобилизация дагестанцев призывного возраста на фронт, основные направления политической работы среди населения республики в новых экстремальных условиях, нацеленные на мобилизацию материальных ресурсов, духовно-нравственного потенциала народов региона на достижение скорейшего разгрома врага.

Автор приходит к обоснованному выводу, что усилия властных структур, самоотверженный труд тружеников города и села, в условиях войны целенаправленная политическая работа в условиях войны в многонациональном регионе, как и стране в целом, способствовала отражению агрессии и достижению Победы над фашистской Германией.

Для цитирования: Мирзабеков М. Я. Дагестан в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 74 – 87. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-74-87.

События Великой отечественной войны занимают особое место в истории страны, вызывают неослабевающий интерес широких кругов общественности, имеют огромное значение в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Ратный и трудовой подвиг народов СССР и Дагестана в годы Великой Отечественной войны является одной из самых активно разрабатываемых в отечественной и региональной историографии. Весомый вклад показу ратного подвига дагестанцев на полях сражений, самоотверженного труда трудящихся республики в годы суровых испытаний вносят труды Г. Ш. Каймарзова, И. К. Керимова, Г. С. Койстинен, А. Г. Мелешко, А.-М. Б. Бабаева, А. И. Османова и др. [3; 4; 17; 19]. Однако настоятельной является задача продолжения исследовательской работы в этом направлении.

Экстремальные условия войны обусловили необходимость внесения коррективов в конструирование и организацию работы органов государственной власти и управления, сложившейся в стране после принятия Конституции СССР 1936 г., последующих конституций союзных и автономных республик, подчинения их деятельности мобилизации материальных ресурсов, духовно-нравственного потенциала советских людей на отпор вероломному агрессору и достижение скорейшей Победы.

Грозная опасность, нависшая над страной в результате вероломного нападения фашистской Германии, вынудила партийно-государственное руководство СССР прибегнуть к адекватным ответным действиям. На всей территории страны было введено военное положение, созданы чрезвычайные органы государственной власти и управления, прежде всего Государственный Комитет Обороны (ГКО) и его органы на местах. Создание их было продиктовано грозной опасностью, нависшей над страной, которая диктовала необходимость централизации и концентрации государственной власти и управления. Чрезвычайные органы государственной власти и управления полностью себя оправдали и сыграли огромную роль в мобилизации экономических ресурсов, духовно-нравственного потенциала народов страны на отпор фашистской агрессии и достижение Победы.

Важнейшей функцией ГКО являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действующий и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание уделялось вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Сов-

наркома СССР как орган общегосударственного руководства развитием экономики [18, с. 439].

При ГКО и Совнаркоме возник ряд новых общесоюзных органов: Совет по эвакуации промышленности, Управление по эвакуации населения, Комитет по учету и распределению рабочей силы, Центральное управление по делам репатриации, Совинформбюро и т. д. Все они имели подчиненные им органы или своих уполномоченных в союзных и автономных республиках, краях и областях. Была учреждена Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. С началом массового изгнания врага с территории нашей страны в августе 1943 г., при СНК был образован Комитет по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от захватчиков.

Были образованы новые общесоюзные наркоматы, связанные с военным производством (наркоматы танковой промышленности, минометного вооружения), во многих союзных наркоматах (связи, путей сообщения, здравоохранения, торговли) создавались специальные военизированные главные управления для обслуживания нужд вооруженных сил [14, с. 62 – 63].

В октябре 1941 г. был создан Махачкалинский комитет обороны под председательством первого секретаря Дагестанского обкома партии Н. И. Линкуна (с осени 1942 г. А. М. Алиева). Заместителем председателя комитета обороны был назначен председатель СНК ДАССР А. Д. Даниялов [16, с. 56 – 57].

Наряду с Махачкалинским комитетом обороны, решением ГКО от 13 сентября 1942 г. был создан Дербентский городской комитет обороны под председательством первого секретаря горкома партии Р. М. Остремского [24, с. 265].

Городские комитеты обороны являлись чрезвычайными органами власти. Им были предоставлены широкие полномочия по обороне городов, организации строительства оборонительных рубежей, подготовке резерва для армии, созданию частей народного ополчения, перестройке промышленных предприятий на выпуск военной продукции и освоения ими новых видов вооружения, организации истребительных батальонов, разработке специальных планов по распределению в городах продовольственных запасов и созданию неприкосновенных запасов [40, с. 36; 42, с. 84].

Не имея специального собственного аппарата управления, комитеты обороны в своей деятельности опирались на советские, хозяйственные управленческие структуры.

Мобилизация огромного количества военнообязанных в действующую армию с началом Великой Отечественной войны потребовала усиления внимания властных структур к удовлетворению материально-бытовых запросов их семей. С учетом этого весной 1943 г. при СНК ДАССР и исполкомах городских и районных Советов депутатов трудящихся были организованы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. На них были возложены обязанности обеспечения пособиями и пенсиями семей рядового и младшего начальствующего состава армии и флота, трудоустройства и удовлетворения их материально-

бытовых запросов в соответствии с установленными государством льготами, рассмотрения и принятия соответствующих мер по удовлетворению обращений и жалоб семей военнослужащих.

За короткое время своего функционирования отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при помощи партийных, советских организаций и общественности районов завершили работу по уточнению контингента семей военнослужащих, были упорядочены дела получателей пособий и пенсий [6, с. 654].

Во многих районах и городах Дагестана была организована целенаправленная работа по удовлетворению материально-бытовых запросов семей военнослужащих. В мае 1943 г. по призыву колхозников Лакского района в республике был проведен декадник по сбору средств и продуктов для оказания помощи семьям военнослужащих.

В ходе декадника была проведена подписка государственного займа на общую сумму 1442300 руб., из которых 705 тыс. руб. поступили в Госбанк; собрано зерна 210,2 тонны, картофеля – 13,3 тонны, обуви – 270 пар, одежды – 9647 штук, шерсти – 423 кг, овчин – 298 штук, кож – 28 штук, масла – 10,5 кг, сыр – 501 кг, яиц – 316 штук, крупы – 5,2 тонны, молока – 611 литров, мяса сушеного – 77 кг, фруктов – 818 кг, овощей – 3 тонны, муки – 160 кг, овец и коз – 95 и др. При проведении декадника наиболее отличились труженики Лакского и Буйнакского районов [10, с. 436 – 437].

В Дагестане было немало промышленных предприятий, колхозов, совхозов, которые оказывали большую помощь семьям военнослужащих. На Махачкалинском рыбоконсервном заводе за короткое время 9 семей фронтовиков были прикреплены к столовой и магазину, дети их устроены в дошкольные учреждения. Из собственных фондов завода каждой семье с учетом иждивенцов выдавалось дополнительное питание из столовой и сухой паек, была оказана денежная помощь в сумме 12125 руб. Передовые производственницы – жены фронтовиков получили 3280 руб. премии. Для индивидуальных огородов было выделено и обработано 7 га земли. На заботу завода семьи фронтовиков отвечали достойным трудом на производстве. Они вносили значительный вклад в выполнение производственных планов предприятия.

По далеко не полным данным, поступившим из 14 районов Дагестана, к маю 1943 г. было выдано семьям военнослужащих 71454 руб. деньгами, 232,5 т. зерна, 2269 пар обуви, 5289 штук одежды, 167 голов скота, 44 тонны кормов для скота, 1111939 кубометров топлива, много мануфактуры, продуктов питания [6, с. 655 – 656].

Война поставила перед органами социального обеспечения задачу по трудоустройству инвалидов войны, обучению их новым профессиям, оказанию им помощи в материальном и бытовом устройстве. Эта задача вызвала необходимость создания в мае 1942 г. в отделах социального обеспечения особых секторов по трудоустройству инвалидов Великой Отечественной войны. С этой целью при исполкомах Советов депутатов трудящихся были созданы особые комиссии [41, с. 189].

Деятельность этих комиссий находилась под пристальным вниманием республиканского руководства.

Так, в постановлении СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» руководители предприятий, учреждений и организаций обязывались «в кратчайшие сроки, без задержек, предоставлять инвалидам Отечественной войны, направленным органами социального обеспечения, соответствующую работу, обеспечив при этом индивидуальный подход к инвалидам Отечественной войны при определении их на работу» [30, с. 619].

Были открыты дома инвалидов Великой Отечественной войны в городах: Хасавюрт, Буйнакск, Дербент на 325 коек. Расходы на содержание этих домов составили в 1942 г. 1343 тыс. руб. и в дальнейшем продолжали расти. На обучение инвалидов в том же году было затрачено 220 тыс. руб. Обучением новым профессиям инвалидов занимались в Дагестанском учебном комбинате, на курсах Наркомата социального обеспечения ДАССР, при 15 госпиталях, при домах инвалидов и кооперативах инвалидов. На этих курсах одновременно обучалось свыше тысячи человек [41, с. 189].

В начале Великой Отечественной войны органам власти Дагестана, как и других тыловых районов страны, наряду с другими вопросами пришлось заниматься приемом, размещением, трудоустройством эвакуированного населения в республике, оказанием помощи семьям, следовавшим транзитом в Азербайджан и Среднюю Азию.

На первых порах эта работа была поручена переселенческому отделу при СНК ДАССР. В 1942 г. в связи с увеличением потока эвакуированного населения был создан специальный отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения при СНК республики. Помимо него, большое внимание решению материально-бытовых и иных проблем эвакуированного населения уделялось и другими звеньями государственной власти и управления, трудовыми коллективами, общественными формированиями.

По данным на 15 июня 1942 г., только по отделу хозяйственного устройства эвакуированного населения при СНК ДАССР было выдано остро нуждающимся эвакуированным 365 тыс. руб. Фабрика им. 111 Интернационала выдала эвакуированным семьям безвозмездно денежную помощь в размере около 20 тыс. руб. [10, с. 411].

Всесторонняя помощь тылу фронту проявилась в повседневной заботе трудящихся о раненых и больных бойцах и командирах Красной Армии, находившихся на излечении в госпиталях. Вскоре после начала войны (8 октября 1941 г.) было принято решение ЦК партии о создании комитетов помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров. В задачу этих комитетов входила организация широкой общественной помощи органам здравоохранения, повседневный контроль за работой госпиталей, создание на всех предприятиях шефских комитетов по организации шефства над госпиталями. Постановлением бюро обкома партии от 11 октября 1941 г. в Дагестане был создан Республиканский комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров, находившихся на излечении, под председательством одного из секретарей обкома партии [17, с. 346].

Республиканский комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии призван был организовать широкую общественную помощь здравоохранению в деле обслуживания больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, находившихся в госпиталях республики.

Комитет осуществлял повседневный контроль и наблюдение за работой госпиталей, оказывал помощь в организации шефства предприятий, учреждений над госпиталями. Собирал средства для проведения ремонта госпиталей, оборудовывал палат, столовых, ленинских уголков. Организовывал прием и распределение подарков для больных и раненых, продуктов питания для госпиталей. Помогал органам здравоохранения в приеме на железнодорожных вокзалах и в Махачкалинском морском порту прибывших в госпитали республики больных и раненых бойцов и командиров. Содействовал проведению культурно-массовой и политической работы среди раненых (лекции, доклады, концерты, кино).

В целях организации полноценной шефской работы при предприятиях, учреждениях, колхозах и совхозах создавались шефские комиссии [22, с. 597]. По инициативе и при участии Республиканского комитета были проведены обследования госпиталей, в результате чего были выявлены и устранены серьезные недостатки в хозяйственной и лечебной работе. Все госпитали были охвачены постоянным культурным обслуживанием, налажена связь коллективов предприятий, учреждений и колхозов с подшефными госпиталями. Как вспоминает директор детского дома № 2 г. Буйнакск Х. И. Алиева: «Во время войны наш детский дом шефствовал над госпиталем, помещавшимся в школе им. Ленина. Госпиталь не имел места для прачечной, — мы предоставили им свою прачечную, наши девочки часто помогали гладить для раненых белье. Очень любили раненые, когда дети приходили их навещать. Дети выступали на вечерах художественной самодеятельности, дежурили в палатах, читали раненым книги ...» [39, с. 62].

Работа, развернутая Республиканским комитетом в городах и районах по оказанию помощи госпиталям, позволила собрать на 1 января 1942 г. 140 тыс. руб., 222 головы крупного рогатого скота, 2320 овец и коз, 414 свиней, 6173 курицы и другой птицы, десятки тысяч яиц, сотни центнеров картофеля и овощей [9, с. 614]. Всего в годы войны колхозное крестьянство и колхозы Дагестана сдали государству и продали по госзакупочным ценам 57,3 тыс. тонн мяса, 1680 тонн масла, более 21,1 тыс. тонн шерсти и много других продуктов [16, с. 575].

Систематическую повседневную помощь госпиталям Махачкалы оказывали труженики промышленных предприятий, учреждений и организаций, квартальные комитеты города. Шефская комиссия завода им. М. Гаджиева серьезно помогла в улучшении организации работы подшефного госпиталя. Силами работников завода была собрана посуда, налажено обеспечение раненых предметами первой необходимости, создана госпитальная библиотека, организован сбор подарков для раненых бойцов и командиров [17, с. 346].

В Дагестане стали проводиться недели помощи эвакогоспиталю по улучшению быта раненых и больных

бойцов и командиров Красной Армии. Так, в неделю помощи эвакуогоспиталям, проведенной в республике с 20 октября по 10 ноября 1944 г., приняло участие 869 человек. Для завоза топлива было выделено 12 лошадей, 1 автомашина, 210 литров бензина, 50 литров керосина и 5 тонн мазута. Для улучшения обеспечения госпиталей посудой было собрано: кружек – 865, ложек – 288, тарелок – 317, банок – 126, ведер, тазов и баков – 14, простыней – 15, тапочек – 40 пар, электрических лампочек – 11 штук, бязи – 140 м, репродуктор – 1. В порядке шефства было отремонтировано значительное количество белья.

Всего только за один 1944 г. профессиональными художественными коллективами, кружками художественной самодеятельности учебных заведений, учреждений и предприятий республики в порядке шефской помощи было дано по госпиталям более 1500 концертов. Поступило от населения 5548 руб., из которых израсходовано на усиление питания раненым и больным бойцам и командирам, проведение праздничных мероприятий 4279 руб., на выдачу единовременных пособий бойцам и офицерам Красной Армии, на приобретение култинвентаря госпиталям 1089 руб. и т. д. [8, с. 713].

Важнейшим направлением деятельности комитетов обороны являлось развертывание работы по удовлетворению растущих запросов действующей армии в вооружении, боеприпасах, обмундировании, продуктах питания. Для руководства этой работой в отраслях индустрии и сельском хозяйстве и принятия оперативных мер по устранению возникающих затруднений назначались уполномоченные Махачкалинского и Дербентского комитетов обороны. Их информация регулярно заслушивалась на заседаниях городских комитетов обороны, по результатам которых принимались те или иные конкретные решения. Так, 5 ноября 1941 г. в дополнение к решению бюро обкома партии и СНК ДАССР от 24 октября 1941 г. Махачкалинский городской комитет обороны обязал директора завода № 182 Алферова изготовить 20 тыс. больших лопат для производства оборонительных работ из материала, передаваемого заводу в порядке распределения эвакуированных грузов [5, с. 249].

29 августа 1942 г. решением Военного совета 44-й армии и Махачкалинского городского комитета обороны в целях централизации местной промышленности, приспособления ее для выполнения военных заказов, изыскания резервов и правильного использования производственных мощностей была создана комиссия по оборонной промышленности [5, с. 249]. Эта комиссия развернула большую работу по военной перестройке местной промышленности Дагестана, увеличению выпуска продукции для нужд Красной Армии.

Постановлением СНК ДАССР от 2 июля 1941 г. была введена всеобщая обязательная подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне. В Дагестане, как и по всей стране, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, жилых домах создавались группы самозащиты местной противовоздушной обороны. В составе исполкомов Советов депутатов трудящихся были созданы службы МПВО, начальниками которых назначались председатели исполкомов Советов, а начальниками спецслужб МПВО являлись заведующие

отделами исполкомов советов депутатов трудящихся [1, с. 237].

По данным на 19 ноября 1941 г. в г. Махачкала было обучено по сокращенной 15-часовой программе 58504 человека, из которых полностью закончили курс подготовки 1-й ступени 6832 человека. Была развернута работа по подготовке населения к ПВХО по 28-часовой программе. Подготовлены 373 инструктора противовоздушной обороны на краткосрочных курсах и 149 инструкторов по полному курсу обучения [20, с. 393]. Всего за годы войны в республике было обучено в кружках ПВХО свыше 600 тыс. человек [17, с. 272].

Наряду с мобилизацией экономических ресурсов, важной задачей органов власти республики в условиях грозной опасности, нависшей над страной, стало развертывание работы с целью создания резервов для Красной Армии. Огромную роль в развертывании работы по военному обучению взрослого населения страны сыграло постановление Государственного Комитета Обороны от 18 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Все граждане мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет должны были пройти обязательное военное обучение без отрыва от производства. В Дагестане, как в стране в целом, оно началось 1 октября 1941 г. В Махачкале был открыт Дом обороны, усилилась работа оборонных кружков.

По инициативе комсомола в г. Махачкала, Дахадаевском, Левашинском, Хунзахском, Ботлихском, Курахском, Кайтагском, Лакском и других районах республики были созданы комсомольско-молодежные подразделения подготовки снайперов, пулеметчиков, минометчиков и бойцов других военных специальностей. Только с октября 1941 г. по март 1942 г. в Дагестане военное обучение прошли свыше 8 тыс. человек [13, с. 363].

Значительную работу по подготовке среднего и младшего медицинского персонала для военно-санитарной службы в армии проводил Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Было определено, что в учебные санитарные дружины и на курсы медицинских сестер, организуемые комитетами Красного Креста и Красного Полумесяца, принимались девушки в возрасте от 18 до 35 лет. Общеобразовательная подготовка для приема в санитарные дружины должна была быть не ниже 4 классов и для приема на курсы медицинских сестер – не ниже 7 классов [25, с. 403].

С первых же дней войны в республике началась запись добровольцев на курсы медицинских сестер и младшего медицинского персонала. В октябре 1941 г. Союзом обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в г. Дербент было организовано 3 курса медицинских сестер с охватом 61 человека. В ноябре 1941 г. в г. Махачкала функционировали 12 курсов медицинских сестер, в которых обучалось 355 человек, и 7 курсов санитарных дружинниц с количественным составом 202 человека. Всего в Дагестане с начала войны по 25 ноября 1942 г. было подготовлено 632 медицинские сестры и 1068 санитарных дружинниц [36, с. 390, 393, 420 – 421].

С ухудшением ситуации на фронтах Великой Отечественной войны и приближением немецко-фашистских войск к границам Дагестана все более настоятельной

становилась задача борьбы с немецкими диверсантами, организованными в отдельных районах республики бандами, проявлениями дезертирства. В помощь силам НКВД было решено создать в республике истребительные отряды. В этой связи в письме-обращении начальника обороны зоны ДАССР председателю СНК ДАССР А. Д. Даниялову и секретарю обкома партии Н. И. Линкуну от 25 августа 1941 г. «О создании истребительных батальонов на территории республики» указывалось: «Хотя на территорию ДАССР не распространяется военное положение, но, все же, учитывая наличие в республике элементов бандитизма, а также вполне возможных выбросов парашютных авиа и морских десантов противника, считаю необходимым формирование на всей территории Дагестана групп, подразделений истребительных батальонов» [21, с. 381].

Истребительные отряды в республике были созданы приказом Народного комиссара внутренних дел ДАССР от 15 октября 1941 г. [34, с. 387]. По данным на 15 июля 1942 г. в Дагестане имелось 37 истребительных отрядов с 2050 бойцами [38, с. 407 – 408]. Бойцы истребительных отрядов на первых порах продолжали свою производственную деятельность на предприятиях, в организациях, колхозах. Летом 1942 г. в связи с приближением к границам Дагестана линии фронта и участвовавшей заброской диверсантов на территорию республики объем работы истребительных отрядов значительно увеличился, поэтому Махачкалинский городской комитет обороны в октябре 1942 г. перевел часть личного состава истребительных отрядов на казарменное положение.

Оперативное руководство истребительными батальонами в масштабе республики осуществляли ответственные работники органов государственной безопасности и милиции – А. А. Медведев, М. Н. Калининский, Г. А. Абакаров, М. М. Меджидов, М. Д. Адуков, Я. И. Ровинский, Д. Х. Сурхаев, М. М. Гудиев, Г. К. Алиев, А. Абакаров и др., а в городах и районах – начальники РО НКВД.

Личный состав истребительных батальонов, несмотря на трудности военного времени, безусловно нес службу по охране тыла от вражеских парашютистов, соблюдению законности и общественного порядка. Практически во всех крупных операциях, проводимых сотрудниками дагестанской милиции по ликвидации бандформирований, активное участие принимали бойцы истребительных батальонов. За проявленное мужество и героизм многие из них были отмечены правительственными наградами. Среди них Айшат Амирова, Абдулкерим Базаев, Дади Курбанов, Бажа Магомедов, Расул Исаев, Гази Омаров, Курбан Андийский, Хизри Чупанов, Газимагомед Алиев и многие другие [20, с. 124 – 125].

В связи с изменением военной обстановки и улучшением общественно-политической ситуации в республике число истребительных батальонов и контингент их бойцов был существенно сокращен. Многие из них были переведены на неказарменное положение. В марте 1943 г. в истребительных отрядах Дагестана уже насчитывалось всего 415 бойцов [27, с. 432].

В условиях войны, когда значительная часть работников отраслей индустрии была мобилизована в действующую армию, были приняты дополнительные организационные меры по удовлетворению их потребностей в

рабочей силе, укреплению трудовой дисциплины. 13 февраля 1942 г. СНК СССР принял постановление о мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет. Для выполнения задач, поставленных этим постановлением, при СНК ДАССР был создан отдел по учету и распределению рабочей силы, занимавшийся учетом трудоспособного населения и проведением его мобилизации. При некоторых исполкомах Советов депутатов трудящихся находились представители этого отдела [41, с. 187 – 188].

Вопросам обеспечения промышленных предприятий рабочей силой большое внимание уделяли СНК ДАССР, обком партии, Махачкалинский и Дербентский городские комитеты обороны. Так, решением СНК республики от 14 апреля 1942 г. было намечено мобилизовать 300 человек для работы на заводе № 182 из числа трудоспособного населения, проживавшего в рабочем поселке «Двигательстрой». За уклонение от данной мобилизации было предусмотрено привлечение к принудительным работам по месту жительства на срок до 1 года [28, с. 107 – 108].

В постановлении бюро Дагестанского обкома партии от 10 июня 1942 г. указывалось на необходимость проведения мобилизации 150 грузчиков для постоянной работы в Махачкалинском порту из районов: Левашинского – 40 человек, Лакского – 20 человек, Акушинского – 50 человек, Унцукульского – 20 человек, Чародинского – 20 человек [24, с. 168].

Приближение фронта к Дагестану обусловило необходимость строительства оборонительных рубежей непосредственно на территории республики, что потребовало отвлечения значительного числа трудоспособного населения городов и районов республики от работы на промышленных предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах.

Строительство оборонительных сооружений на территории Дагестана было проведено в два этапа. Первый этап начался осенью 1941 г. и продолжался до лета 1942 г. Второй этап охватил вторую половину 1942 г., когда прямая угроза нависла над Дагестаном, а в последующем и угроза захвата немецко-фашистскими агрессорами основного нефтеносного района страны – Азербайджана.

СНК ДАССР и бюро обкома партии срок начала строительства оборонительных рубежей в районе реки Терек был определен на 25 октября 1941 г. Туда сроком на 40 дней было мобилизовано из городов и районов республики 45 тыс. человек [33, с. 179]. Из лиц, мобилизованных на строительство оборонительных рубежей, формировались взводы, роты, батальоны, назначались командиры из числа секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Так, командиром рабочего батальона Лакского района был утвержден М. Тумалаев. Из района на строительство оборонительных рубежей было мобилизовано 790 человек [11, с. 303].

Осенью и зимой 1941 – 1942 гг. на этих работах было занято более 150 тыс. человек. Несмотря на тяжелые условия, граждане, трудившиеся на строительстве, показывали образцы патриотизма, сплоченности, самоотверженности, энтузиазма и высокой сознательности. На

строительстве было организовано издание многотиражной газеты, выпускались боевые листки, оформлялись витрины с плакатами «Окна ТАСС», Доски почета.

Для ведения массово-политической и пропагандистской работы на строительство было направлено 1413 агитаторов, создано 14 батальонных агитпунктов. Для строителей выписывались республиканские и районные газеты. Основными формами агитмассовой работы были митинги, собрания, беседы, индивидуальная агитация и лекции, которые за короткий срок прослушало около 20 тыс. строителей [1, с. 239].

С началом войны было усилено внимание к охране военных объектов, обеспечению безопасности гражданских сооружений и мирного населения от налетов вражеской авиации. Этим целям отвечало введение светомаскировки в городах и сельских населенных пунктах республики. Приказом штаба МПВО г. Махачкалы от 26 июня 1941 г. предписывалось руководителям учреждений, промышленных предприятий, колхозов, общественных организаций, учебных и лечебных заведений, рыбных промыслов, торговых предприятий, комендантам домов, частным домовладельцам и всем гражданам, проживающим на территории г. Махачкала, окрестных населенных пунктов, с 18.00 до полного рассвета. 26 июня 1941 г. ввести полную светомаскировку [35, с. 305]. С 21 октября 1941 г. светомаскировка была введена в остальных городах и рабочих поселках в следующих районах: Бабаюртовском, Хасавюртовском, Казбековском, Кулинском, Кайтагском, Дербентском, Касумкентском [29, с. 318].

Одновременно были приняты меры по усилению общественного порядка и безопасности в республике. 27 октября 1941 г. было принято постановление Махачкалинского городского комитета обороны «О мероприятиях по обеспечению в г. Махачкала общественного порядка и государственной безопасности». Движение транспорта и жителей города, за исключением имевших специальные пропуска, с 24-х часов до 5-ти часов утра запрещалось. Руководителям предприятий, учреждений и организаций предлагалось установить время работы ночных смен с таким расчетом, чтобы они начинались не позже 24-х часов и заканчивались не раньше 5-ти часов утра. Зрелищные организации, предприятия общественного питания и коммунального обслуживания должны были заканчивать свою работу не позже 23-х часов [26, с. 319 – 320].

Ввиду нарастающей военной угрозы был разработан детальный план на случай захвата Махачкалы, которым предусматривалась своевременная эвакуация промышленных предприятий и населения. В связи с резким осложнением ситуации на фронте Совнарком ДАССР и Дагестанский обком партии 10 августа 1942 г. приняли постановление о мобилизации жителей г. Махачкала на строительство оборонительных сооружений на Махачкалинском оборонительном рубеже. Постановлением впервые разрешалась мобилизация рабочих промышленных предприятий города на оборонительное строительство. Махачкалинский горисполком и Махачкалинский горком партии обязывались довести ежедневную численность мобилизуемых на строительство оборонительных рубежей до 4 тыс. человек. На руководителей предприятий и

учреждений возлагалась обязанность обеспечить выполнение производственных планов за счет уплотнения рабочего дня и остающейся на работе части рабочих и служащих [19, с. 239].

С началом войны значительная часть зерновых районов страны была оккупирована врагом или оказалась в зоне непосредственных военных действий. Такое положение и мобилизация, имеющихся хлебных ресурсов, на удовлетворение потребностей Красной Армии вызвали затруднения с обеспечением гражданского населения продуктами питания.

В этих условиях в Дагестане, как и во всей стране, пришлось отказаться от системы свободной торговли продуктами питания и перейти к нормированному снабжению ими населения по карточкам. Руководство этим делом находилось в компетенции местных органов государственной власти. Было создано республиканское карточное бюро при СНК ДАССР. Карточные бюро были созданы и при всех горисполкомах Советов депутатов трудящихся. С августа 1943 г. они перешли в ведение торговых отделов исполкомов. В сельских районах распределением карточек занимались торговые отделы исполкомов Советов депутатов трудящихся. Карточные бюро имели на каждом предприятии и учреждении своих уполномоченных.

С ноября 1942 г. в ДАССР были созданы также контрольно-учетные бюро продовольственных и промышленных карточек. Их обязанностью было вести учет населения, снабжаемого нормированными товарами, и наблюдать за правильностью расходования этих товаров розничной торговой сетью [41, с. 187].

Решением СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома партии от 31 июля 1942 г. выдача прибывающим эвакуированным контингентам по городам Махачкале и Хасавюрту талонов на получение хлеба и горячей пищи была возложена на областное карточное бюро. В этих целях карточному бюро было разрешено временно создать аппарат при эвакуопункте и городских карточных бюро штатом до 15 человек [31, с. 621 – 622].

В годы войны остройшей социальной проблемой стало устройство детей, оставшихся без родителей, и проведение мероприятий по предупреждению детской безнадзорности. Решением СНК ДАССР от 12 февраля 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» была создана Республиканская комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей. При исполкомах городских и районных Советов депутатов трудящихся были созданы аналогичные комиссии в составе заместителя председателя исполнительного комитета и председателей профсоюзов, ВЛКСМ, органов НКВД, народного образования и здравоохранения [32, с. 136]. Эти комиссии вместе с органами народного образования развернули большую работу по расширению числа детских домов в республике, улучшению в них учебно-воспитательного процесса.

Детские дома создавались как на государственные, так и на колхозные средства. Колхозы выделяли под детские дома самые лучшие помещения, заботились о том, чтобы дети воинов Советской Армии были обеспечены полноценным питанием. К концу 1943 г. в республике насчитывалось 16 детских домов, в которых воспитывалось 1913 детей. К 1946 г. число детских домов в Даге-

стане увеличилось до 55, а количество воспитанников в них до 6046 человек [44, л. 59].

Война нарушила конституционный порядок работы Советов депутатов трудящихся всех уровней республики. В связи с истечением срока полномочий местных Советов Дагестанской АССР и невозможностью ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени провести новые выборы Президиум Верховного Совета ДАССР отложил в декабре 1941 г. проведение выборов на один год и на этот срок были продлены полномочия местных Советов депутатов трудящихся республики первого созыва. Обстоятельства военного времени не позволили провести выборы ни в Верховный Совет ДАССР, ни в местные советы и в последующие годы войны. Указами Президиума Верховного Совета ДАССР полномочия Верховного Совета республики и местных Советов депутатов трудящихся Дагестана соответственно продлевались. В период войны Верховный Совет ДАССР собрался на сессию только один раз: 19 – 21 апреля 1944 г. Верховный орган власти рассмотрел бюджет республики на 1944 г. и вопрос о состоянии всеобщего обязательного обучения в школах Дагестанской АССР [45, л. 35 – 36].

Важная роль в руководстве промышленностью и сельским хозяйством принадлежала городским и районным Советам депутатов трудящихся и их исполкомам. Формы руководства отраслями народного хозяйства местными советами и их исполкомами были разнообразны. Рассматривались вопросы развития промышленности и сельского хозяйства, ход и итоги социалистического соревнования и др. Так, Махачкалинские городские партийные и советские органы уделяли большое внимание развитию нефтедобывающей промышленности. Эти вопросы рассматривались на заседаниях горисполкома, на пленумах горкома партии [17, с. 100].

Работа Советов депутатов трудящихся была осложнена мобилизацией значительного числа депутатов, работников советских органов в действующую армию. В годы войны на фронте сражалось 5239 депутатов советов Дагестана (57,2 % состава). На фронт ушло 51,2 % (1145) советских работников местных органов власти и управления республики [12, с. 40]. В этих условиях в республике, как и в других регионах страны, применялась практика кооптирования новых членов в состав исполнительных органов Советов депутатов трудящихся. Так, в 1944 г. 71,8 % председателей районных исполкомов, 75 % городских исполкомов, 57,6 % сельских исполкомов Советов депутатов трудящихся не являлись депутатами [42, л. 6].

Важную роль в решении многообразных задач, стоящих перед Советами народных депутатов, играли постоянные комиссии. При районных советах депутатов тру-

дящихся республики в январе 1945 г. насчитывалось 205 постоянных комиссий, в которых плодотворно работало 726 активистов и 233 депутата [43, л. 113]. Высокую активность в развитии общественного производства проявляли депутаты Муцалаульского сельского Совета Хасавюртовского района. Постоянно действующая комиссия сельского хозяйства указанного совета проводила большую работу по мобилизации рабочих совхоза и сельской общественности по восстановлению виноградников и садов. Депутаты сумели решить многие вопросы благоустройства и другие социальные проблемы сельчан [46, л. 19; 44, л. 59].

Большую помощь в улучшении работы Советов депутатов трудящихся республики оказывали квартальные комитеты, которые были созданы с началом войны. Квартальные комитеты избирались на собраниях жителей квартала в количестве 5 – 9 человек и утверждались горисполкомом. В их обязанности входило: установление ночных дежурств активистов по охране в квартале общественного порядка и спокойствия, создание в кварталах пожарных, санитарных, химических постов и проведение мероприятий по всеобщей обязательной подготовке населения жилых домов для выполнения общественных работ по устройству газоубежищ, бомбоубежищ и других видов самозащиты.

На XI Махачкалинской городской партийной конференции, состоявшейся в январе 1944 г., в отчетном докладе горкома сообщалось, что в городе имеется 89 квартальных комитетов, насчитывающих 450 человек. За 1943 г. квартальными комитетами было собрано среди населения в Фонд обороны и на строительство боевой техники для действующей армии свыше 200 тыс. руб. Квартальные комитеты организовали помощь домохозяек семьям фронтовиков, шитье белья для армии, стирку белья для госпиталей и сбор теплых вещей и металлолома. Во всех квартальных комитетах было организовано обучение домохозяек противовоздушной обороне по 15-часовой программе [17, с. 322 – 323].

Таким образом, общественно-политическая ситуация в Дагестане в годы Великой Отечественной войны, как и стране в целом, претерпела значительные изменения. Деятельность властных структур и общественных формирований многонационального региона в годы суровых испытаний была нацелена на мобилизацию материальных ресурсов, духовно-нравственного потенциала тружеников города и села на достижение скорейшего разгрома врага.

Литература

1. Ананьева Е. С. Общественно-политическая жизнь Дагестана в годы войны // Народы Кавказа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. 26 – 27 апреля 2005 г. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. С. 233 – 245.
2. Архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 4304.
3. Бабаев А.-М. Б. Кавказ в захватнических планах фашистской Германии. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. 42 с.

4. Бабаев А.-М. Б. Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX века. Махачкала. Дагкнигоиздат, 2008. 328 с.
5. Докладная записка секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) А. А. Агабабова в ЦК ВКП(б) «О причинах задержки в выполнении плана поставок свежих овощей и картофеля Красной Армии» от 1 декабря 1944 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 249 – 251.
6. Из доклада заместителя Председателя Совнаркома Дагестанской АССР М. Меджидова на XVII пленуме обкома ВКП(б) о ходе выполнения решения ЦК ВКП(б) от 21 января 1943 г. «О мерах улучшения работы Советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» 27 мая 1943 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 654 – 656.
7. Из докладной записки военным отделом Махачкалинского горкома ВКП(б) Богданова «О соростоянии оборонно-массовой работы в условиях Отечественной войны» от 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 391 – 393.
8. Из отчета Республиканской комиссии помощи раненым бойцам и офицерам Красной Армии. Представленный в ЦК ВКП(б) «О работе Дагестанского Республиканского Комитета помощи больным и раненым бойцам и офицерам Красной Армии за 1944 г.» от 20 февраля 1945 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 708 – 716.
9. Из постановления бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «О работе Республиканского комитета помощи раненым бойцам и командирам Красной Армии» от 17 января 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 613 – 615.
10. Из постановления Совнаркома Дагестанской АССР. 15 июня 1942 г. «О результатах проверки трудоустройства и создании материально-бытовых условий эвакуированному населению, размещенному в ДАССР» // Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы (сост.: Бутаев М. Д., Гасанов Ш. Г., Джамбулатова Р. И., Какагасанов Г. И.). Махачкала: ДГУ, 1995. С. 410 – 411.
11. Из протокола объединенного заседания бюро Лакского райкома ВКП(б) и исполкома райсовета депутатов «Телегамма Дагковнаркома, обкома ВКП(б) и Дагвоенкомата от 6 октября 1941 г. о выделении 450 колхозников на оборонные работы» от 7 октября 1941 г. // Трудовой подвиг народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (отв. редактор и составитель Г. И. Какагасанов). Махачкала: АЛЕФ, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. Т. 1. 368 с.
12. Исмаилов А. Р. Военно-организаторская работа Советов Дагестана в годы войны // Тезисы докладов региональной научной сессии «Народы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (25 – 26 апреля 1985 г.). Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 39 – 40.
13. История Дагестана: в 4-х т. М.: Наука, 1968. Т. 3. 417 с.
14. История национально-государственного строительства в СССР 1917 – 1978: в 2-х т. М.: Мысль, 1979. Т. 2. С. 62 – 63.
15. История советского крестьянства Дагестана. 1917 – 1980: в 2-х т. (Авторский коллектив: Османов А. И., Зулпукаров З. Г., Умарханов М. И., Мирзабеков М. Я., Искендеров Г. А., Гасанов Ш. Г.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. Т. 2. 392 с.
16. Каймаразов Г. Ш. Вклад трудящихся Северного Кавказа в победу над фашистской Германией // Очерки истории культуры народов Дагестана нового и новейшего времени. Махачкала: АЛЕФ, 2013. С. 567 – 580.
17. Каймаразов Г. Ш., Керимов И. К., Койстинен Г. С., Мелешко А. Г. Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963. 471 с.
18. Куманев Г. А. О мобилизации экономики Советского государства и ее военной перестройке в первый год Великой Отечественной войны (с 22 июня 1941 г. – июнь 1942 г.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции (Москва, 4 – 5 декабря 2012 г.). М.: ИПК Парето-Принт, 2013. С. 433 – 457.
19. Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития: в 2-х кн. Махачкала: Юпитер, 2006. Кн. 1. 600 с.
20. Пирбудагов Н. П. Дагестанская милиция в годы Великой Отечественной войны // Дагестанцы на фронте и в тылу: материалы республиканской научной конференции «Немеркнувший подвиг народа», посвященной 55-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. С. 121 – 127.
21. Письмо-Обращение начальника обороны зоны ДАССР полковника Соколова Председателю СНК ДАССР от 15 июля 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 381 – 382.

22. Постановление бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «Решение ЦК ВКП(б) от 8/X-41г. «О комитетах помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии» от 11 октября 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 596 – 597.

23. Постановление бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «О мобилизации грузчиков для постоянной работы в Махачкалинский порт» от 10 июня 1942 г. // Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы (сост.: Бутаев М. Д., Гасанов Ш. Г., Джамбулатова Р. И., Какагасанов Г. И.). Махачкала: ДГУ, 1995. С. 168 – 169.

24. Постановление бюро Дагестанского обкома ВКП(б). 15 сентября 1942 г. Постановление ГКО № 2291 от 13.09.1942 г. о создании в г. Дербенте городского комитета обороны // Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы (сост.: Бутаев М. Д., Гасанов Ш. Г., Джамбулатова Р. И., Какагасанов Г. И.). Махачкала: ДГУ, 1995. С. 265.

25. Постановление бюро Дагестанского обкома ВЛКСМ «О подготовке медицинских сестер и санитарных дружинниц» от 20 апреля 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 403 – 404.

26. Постановление Махачкалинского городского комитета обороны «О мероприятиях по обеспечению в г. Махачкала общественного порядка и государственной безопасности» от 27 октября 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 319 – 321.

27. Постановление Махачкалинского городского комитета обороны «О сокращении контингента истребительных батальонов, находящихся на казарменном положении» от 28 марта 1943 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 432 – 433.

28. Постановление особого задания Совета Народных Комиссаров ДАССР «О мобилизации трудоспособного населения для работы на заводе «182» от 14 апреля 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 107 – 108.

29. Постановление Совета Народных Комиссаров ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «О введении полной светомаскировки в городах, рабочих поселках и отдельных районах ДАССР» от 26 октября 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 318 – 319.

30. Постановление СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «Постановление СНК Союза ССР от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов отечественной войны» от 15 мая 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 619 – 620.

31. Постановление СНК ДАССР и бюро Дагестанского обкома ВКП(б) «Об организации добровольного сбора подарков для бойцов, командиров и политработников действующей Красной Армии» от 12 июня 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 621.

32. Постановление Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР 12 февраля 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» (Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г.) // Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы (сост.: Бутаев М. Д., Гасанов Ш. Г., Джамбулатова Р. И., Какагасанов Г. И.). Махачкала: ДГУ, 1995. С. 136 – 138.

33. Постановление СНК ДАССР и бюро обкома ВКП(б) «О проведении оборонительных работ в районах Дагестанской АССР» от 24 октября 1941 г. // Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Документы и материалы (сост.: Бутаев М. Д., Гасанов Ш. Г., Джамбулатова Р. И., Какагасанов Г. И.). Махачкала: ДГУ, 1995. С. 179 – 181.

34. Приказ народного комиссара внутренних дел ДАССР «Об организации истребительных отрядов НКВД на территории ДАССР» от 25 октября 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 387 – 388.

35. Приказ штаба МПВО города Махачкала «О приведении города Махачкала-2, поселка Махачкала 1-я, прилегающих аулов к полной светомаскировке» от 26 июня 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 305 – 306.

36. Справка заведующего военным отделом Дербентского горкома ВКП(б) «О состоянии оборонной работы в городе от 30 октября 1941 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 389 – 390.

37. Сведения об оборонной работе Дагестанского обкома Красного Креста за 1941 – 1942 гг. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 420 – 421.
38. Сведения об укомплектовании истребительных батальонов НКВД ДАССР на 15 июля 1942 г. // Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.). Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 407 – 408.
39. Постановление Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР и бюро обкома ВКП(б) «О бытовом обслуживании детей фронтовиков и мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1943 г.» от 29 мая 1943 г. // Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941 – 1945 гг. Воспоминания (сост.: Амирханова М. М., Каймаразова Л. Г., Лысенко Ю. М.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Мавраевъ, 2015. 464 с.
40. Синицын А. М. Чрезвычайные органы власти советского государства в годы войны // Вопросы истории. 1955. № 2. С. 36.
41. Увайсов Б. З. Советы Дагестанской АССР в годы Великой Отечественной войны // Патриотический и трудовой подвиг трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.); сб. статей / редкол.: Каймаразов Г. Ш. (отв. ред.) и др. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1983. С. 183 – 199.
42. Усиков Р. Городские комитеты обороны Крыма, Поволжья и Северного Кавказа в годы войны // Военно-исторический журнал. 1971. № 2. С. 84.
43. Школьное образование в Дагестане / под ред. д-ра ист. наук Г. Ш. Каймаразова. Махачкала: Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 1968. 268 с.
44. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-168. Оп. 29. Д. 41.
45. ЦГА РД. Ф. Р-352. Оп. 3. Д. 23.
46. ЦГА РД. Ф. Р-352. Оп. 4. Д. 21, 47.

DAGESTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)

Mirzabek Ya. Mirzabekov^{1, @}

¹ The Institute of History, Archeology and Ethnography at Dagestani Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragsky Str., Makhachkala, Russia, 367030
@ yash831@mail.ru

Received 28.04.2016.

Accepted 31.05.2016.

Keywords: Country, Dagestan, republic, war, mobilization, active army, front, rear, serviceman, help, health care, evacuees, State loan, ten-day, patronage, patriotism, farm, State Farm.

Abstract: A comprehensive objective scientific understanding of political processes and changes in the multinational Russian state at the present stage is impossible without reference to the historical experience and the analysis of its national and regional components. In this context, the economic, social, cultural and political development of Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945) deserves special attention of social scientists.

The article traced the adjustments to the design and organization of the work of public authorities and management in Dagestan that started at the beginning of the Great Patriotic War. The article features Dagestani mobilization of military age people, the main directions of the political work among the population of the republic in the new extreme conditions aimed at the mobilization of material resources, spiritual and moral potential of the peoples of the region in order to achieve a speedy defeat of the enemy.

The author comes to the reasonable conclusion that the efforts of the authorities, the selfless labor of workers in towns and villages, purposeful political work in a multinational region in time of war, as well as all over the country, helped repel the aggression and achieve victory over Nazi Germany.

For citation: Mirzabekov M. Ya. Dagestan v period Velikoi Otechestvennoi voyny (1941 – 1945 gg.) [Dagestan during the Great Patriotic War (1941 – 1945)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 74 – 87. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-74-87.

References

1. Anan'eva E. S. Obshchestvenno-politicheskaia zhizn' Dagestana v gody voyny [Social and political life of Dagestan during the war]. *Narody Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg.* [Caucasian peoples in the

Great Patriotic War of 1941 – 1945: Proc. Intern. Sc. Conf. devoted to the 60th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941 – 1945. April 26 – 27. 2005]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2005, 233 – 245.

2. *Arkhiv Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk (IIAE DNTs RAN)* [Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences]. Found 3, List 2, File 4304.

3. Babaev A.-M. B. *Kavkaz v zakhvatnicheskikh planakh fashistskoi Germanii* [Caucasus in the aggressive plans of Nazi Germany]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1963, 42.

4. Babaev A.-M. B. *Kavkaz v geopolitike mirovykh derzhav v pervoi polovine XX veka* [Caucasus in the geopolitics of the world powers in the first half of the twentieth century]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2008, 328.

5. Dokladnaia zapiska sekretaria Dagestanskogo obkoma VKP(b) A. A. Agababova v TsK VKP(b) «O prichinakh zaderzhki v vypolnenii plana postavok svezhikh ovo-shchei i kartofelia Krasnoi Armii» ot 1 dekabria 1944 g. [Memorandum of the Secretary of the Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) A. A. Agababov the Central Committee of the CPSU (b) "On the reasons for the delay in the implementation of the plan of supply of fresh vegetables and potatoes Red Army" dated 1 December 1944]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 249 – 251.

6. Iz doklada zamestitelia Predsedatelia Sovnarkoma Dagestanskoi ASSR M. Medzhidova na KhUII plenum obkoma VKP(b) o khode vypolneniia resheniia TsK VKP(b) ot 21 ianvaria 1943 g. «O merakh uluchsheniia raboty Sovetskikh organov i mestnykh partorganizatsii po okazaniu pomoshchi sem'iam voennosluzhashchikh» 27 maia 1943 g. [From the report of the Deputy Chairman of People's Commissars of the Dagestan ASSR M. Medzhidova HUII at the plenum of the regional committee of the CPSU (b) on the implementation of the decision of the Central Committee of the CPSU (b) on January 21, 1943 "On measures to improve the work of Soviet authorities and local party organizations to assist military families" May 27, 1943 Mr.]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 654 – 656.

7. Iz dokladnoi zapiski voennym otdelom Makhachkalinskogo gorkoma VKP(b) Bogdanova «O sorstoyanii oboronno-massovoi raboty v usloviakh Otechestvennoi voiny» ot 1941 g. [From the memorandum of the Military Department of Makhachkala City Committee of the CPSU (b) Bogdanova "On sorstoyanii defense-mass work in the conditions of World War II" from 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 391 – 393.

8. Iz otcheta Respublikanskoi komissii pomoshchi ranenym boitsam i ofitseram Krasnoi Armii. Predstavlenyi v TsK VKP(b) «O rabote Dagestanskogo Respublikanskogo Komiteta pomoshchi bol'nym i ranenym boitsam i ofitseram Krasnoi Armii za 1944 g.» ot 20 fevralia 1945 g. [From the report of the National Commission assistance to wounded soldiers and officers of the Red Army. Introduced to the Central Committee of the CPSU (b) "On the work of the Committee of the Dagestan Republican aid to the sick and wounded soldiers and officers of the Red Army for 1944" dated February 20, 1945]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 708 – 716.

9. Iz postanovleniia biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b) «O rabote Respublikanskogo komiteta pomoshchi ranenym boitsam i komandiram Krasnoi Armii» ot 17 ianvaria 1942 g. [From the decision of the Bureau Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) "On the work of the National Committee of assistance to the wounded soldiers and commanders of the Red Army" of 17 January 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 613-615.

10. Iz postanovleniia Sovnarkoma Dagestanskoi ASSR. 15 iyunia 1942 g. «O rezul'tatakh proverki trudoustroistva i sozdaniia material'no-bytovykh uslovii evakuirovannomu naseleniiu, razmeshchennomu v DASSR». [From the decision of People's Commissars of the Dagestan ASSR. June 15, 1942 "On the results of the verification of employment and the creation of the material and living conditions of the evacuated population, placed in DASSR"]. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945 gg.). Dokumenty i materialy* [Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945). Documents and Materials]. Comp. Butaev M. D., Gasanov Sh. G., Dzhambulatova R. I., Kakagasanov G. I. Makhachkala: DGU, 1995, 410 – 411.

11. Iz protokola ob"edinennogo zasedaniia biuro Lakskogo raikoma VKP(b) i ispolkoma raisoveta deputatov «Telegamma Dagkovnarkoma, obkoma VKP(b) i Dagvoenkomata ot 6 oktiabria 1941 g. o vydelenii 450 kolkhoznikov na oboronnye raboty» ot 7 oktiabria 1941 g. [From the transcript of the meeting of the Joint Bureau Lak District Committee of the CPSU (b), and the executive committee of the regional council of deputies "Telegamma Dagkovnarkoma, Regional Committee of the CPSU (b) and Dagvoenkomata of 6 October 1941 on the allocation of 450 farmers on defense-WIDE operation" on October 7, 1941]. *Trudovoi podvig narodov Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The labor feat of the peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic war 1941 – 1945. Documents and materials]. Ed. and comp. Kakagasanov G. I. Makhachkala: ALEF, IIAE DNTs RAN, vol. 1 (2015): 368.

12. Ismailov A. R. *Voenno-organizatorskaia rabota Sovetov Dagestana v gody voiny* [Military organizational work of Dagestan Soviets during World War II]. Tezisy dokladov regional'noi nauchnoi sessii «Narody Severnogo Kavkaza v Velikoi

Otechestvennoi voine 1941-1945 gg.» [Abstracts of the regional scientific session "The peoples of the North Caucasus in the Great Patriotic War of 1941 – 1945" (April 25 – 26 1985)]. Makhachkala: Tipografiia Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1985, 39 – 40.

13. *Istoriia Dagestana* [History of Dagestan]. Moscow: Nauka, vol. 3 (1968): 417.

14. *Istoriia natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR 1917 – 1978* [The history of nation-building in the USSR 1917 – 1978]. Moscow: Mysl', vol. 2 (1979): 62 – 63.

15. *Istoriia sovetskogo krest'ianstva Dagestana. 1917 – 1980* [The history of the Soviet peasantry Dagestan. 1917 – 1980]. Makhachkala: Dagknigoizdat, vol. 2 (1989): 392.

16. Kaimarazov G. Sh. Vklad trudiashchikhsia Severnogo Kavkaza v pobedu nad fashistskoi Germaniei. [The contribution of the workers of the North Caucasus in the victory over Nazi Germany]. *Ocherki istorii kul'tury narodov Dagestana novogo i noveishego vremeni* [Sketches of the history of culture of the peoples of Dagestan modern and contemporary]. Makhachkala: ALEF, 2013, 567 – 580.

17. Kaimarazov G. Sh., Kerimov I. K., Koistinen G. S., Meleshko A. G. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg.* [Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1963, 471.

18. Kumanev G. A. O mobilizatsii ekonomiki Sovetskogo gosudarstva i ee voennoi perestroike v pervyi god Velikoi Otechestvennoi voiny (s 22 iunია 1941 g. – iun' 1942 g.) [On the mobilization of the economy of the Soviet state and its military restructuring in the first year of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – the June 1942)]. *Rossiiskaia gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian statehood: the experience of the 1150-year history: Proc. Intern. Sc. Conf. (Moscow, December 4 – 5 2012)]. Moscow: OOO «IPK Pareto-Print», 2013, 433 – 457.

19. Osmanov A. I. *Dagestan v XX veke: istoricheskii opyt regional'nogo razvitiia* [Dagestan, in the twentieth century: the historical experience of regional development]. Makhachkala: Iupiter, 2006, book 1, 600.

20. Purbudagov N. P. Dagestanskaia militsiia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Dagestan police during the Great Patriotic War]. *Dagestantsy na fronte i v tylu: Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii «Nemerknushchii podvig naroda», posviashchennoi 55-letiiu pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg.* [Dagestantsy at the front and in the rear: Proc. Republ. Sc. Conf. "The immortal feat of the people", dedicated to the 55th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941 – 1945]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2000, 121 – 127.

21. Pis'mo-Obrashchenie nachal'nika oborony zony DASSR polkovnika Sokolova Predsedateliu SNK DASSR» ot 15 iulia 1942 g. [Letter of Appeal Chief of Defence Colonel Sokolov DASSR Zone Chairman SNK DASSR" dated July 15, 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 381 – 382.

22. Postanovlenie biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b) «Reshenie TsK VKP(b) ot 8/Kh-41g. «O komitetakh pomoshchi po obsluzhivaniu bol'nykh i ranenyykh boitsov i komandirov Krasnoi armii» ot 11 oktiabria 1941 g. [Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) "The decision of the Central Committee of the CPSU (b) of 8 / X-41g. "On the Committees assistance in maintenance of sick and wounded soldiers and commanders of the Red Army" of 11 October 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 596 – 597.

23. Postanovlenie biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b) «O mobilizatsii gruzchikov dlia postoiannoї raboty v Makhachkalinskii port» ot 10 iunია 1942 g. [Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) "On mobilization loaders for continuous operation in Makhachkala port" on June 10, 1942]. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945 gg.). Dokumenty i materialy* [Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945). Documents and Materials]. Comp. Butaev M. D., Gasanov Sh. G., Dzhambulatova R. I., Kakagasanov G. I. Makhachkala: DGU, 1995, 168 – 169.

24. Postanovlenie biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b). 15 sentiabria 1942 g. Postanovlenie GKO № 2291 ot 13/IX-1942 g. o sozdanii v g. Derbente gorodskogo komiteta oborony.) [Resolution of the Bureau of the Dagestan Regional Committee of the CPSU (b). September 15, 1942 GKO Resolution № 2291 of 13 / IX-1942 on the creation in Derbent City Defense Committee]. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945 gg.). Dokumenty i materialy* [Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945). Documents and Materials]. Comp. Butaev M. D., Gasanov Sh. G., Dzhambulatova R. I., Kakagasanov G. I. Makhachkala: DGU, 1995, 265.

25. Postanovlenie biuro Dagestanskogo obkoma VLKSM «O podgotovke medi-tsinskikh sester i sanitarnyykh družinnits» ot 20 apreliia 1942 g. [Resolution of the Office of the Dagestan Regional Committee of the Komsomol "On the preparation of nurses and health družinnits" of 20 April 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 403 – 404.

26. Postanovlenie Makhachkalinskogo gorodskogo komiteta oborony «O meropriiatiakh po obespecheniiu v g. Makhachkala obshchestvennogo poriadka i gosudarstvennoi bezopasnosti» ot 27 oktiabria 1941 g. [Resolution of the city of Makhachkala Defense Committee "On measures to ensure that in Makhachkala public order and national security" of 27 October 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in

the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 319 – 321.

27. Postanovlenie Makhachkalinskogo gorodskogo komiteta oborony «O sokra-shchenii kontingenta istrebitel'nykh batal'onov, nakhodiaschikhsia na kazarmennom polozenii» ot 28 marta 1943 g. [Resolution of the city of Makhachkala Defence "On the reduction of contingent destruction battalions located in barracks" Committee of 28 March 1943]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 432 – 433.

28. Postanovlenie osobogo zadaniia Soveta Narodnykh Komissarov DASSR «O mobilizatsii trudosposobnogo naseleniia dlia raboty na zavode «182» ot 14 aprelia 1942 g. [Resolution of the special task of the Council of People's Commissars DASSR "On mobilization of the working population to work at the "182" of 14 April 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 107 – 108.

29. Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov DASSR i biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b) «O vvedenii polnoi svetomaskirovki v gorodakh, rabochikh poselkakh i otdel'nykh raionakh DASSR» ot 26 oktiabria 1941 g. [Resolution of the Council of People's Commissars and DASSR Bureau Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) "On the introduction of a complete blackout in the cities, workers in some areas and selkies DASSR" of 26 October 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 318 – 319.

30. Postanovlenie SNK DASSR i biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b) «Postanovlenie SNK Soiuza SSR ot 6 maia 1942 g. «O trudovom ustroistve invalidov otechestvennoi voiny» ot 15 maia 1942 g. [Decision of the CPC and the Bureau DASSR Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) "Regulation of the People's Commissars of the USSR, May 6, 1942" On the employment of persons with disabilities device Patriotic War "on May 15, 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 619 – 620.

31. Postanovlenie SNK DASSR i biuro Dagestanskogo obkoma VKP(b) «Ob organizatsii dobrovol'nogo sbora podarkov dlia boitsov, komandirov i politrabotnikov deistvuiushchei Krasnoi Armii» ot 12 iunია 1942 g. [Decision of the CPC and the Bureau DASSR Dagestan Regional Committee of the CPSU (b) "On the organization of the voluntary collection of gifts for the soldiers, commanders and political workers of the Red Army," dated June 12, 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 621.

32. Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov Dagestanskoi ASSR 12 fevralia 1942 g. «Ob ustroistve detei, ostavshikhsia bez roditel'ei» (Postanovlenie SNK SSSSR ot 23 ianvaria 1942 g.) [Resolution of the Council of People's Commissars of the Dagestan ASSR February 12, 1942 "On the placement of children left without parents' (Decree SNK on January 23, 1942)]. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945 gg.). Dokumenty i materialy* [Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945). Documents and Materials]. Comp. Butaev M. D., Gasanov Sh. G., Dzhambulatova R. I., Kakagasanov G. I. Makhachkala: DGU, 1995, 136 – 138.

33. Postanovlenie SNK DASSR i biuro obkoma VKP(b) «O provedenii oboronitel'nykh rabot v raionakh Dagestanskoi ASSR» ot 24 oktiabria 1941 g. [Decision of the CPC and the regional committee of the CPSU DASSR Bureau (b) "On conducting defensive operations in the areas of Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic" dated October 24, 1941]. *Dagestan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941 – 1945 gg.). Dokumenty i materialy* [Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945). Documents and Materials]. Comp. Butaev M. D., Gasanov Sh. G., Dzhambulatova R. I., Kakagasanov G. I. Makhachkala: DGU, 1995, 179 – 181.

34. Prikaz narodnogo komissara vnutrennikh del DASSR «Ob organizatsii istrebitel'nykh otriadov NKVD na territorii DASSR» ot 25 oktiabria 1941 g. [Order of People's Commissar of Internal Affairs DASSR "On the organization of the NKVD extermination squads in the territory DASSR" from October 25, 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 387 – 388.

35. Prikaz shtaba MPVO goroda Makhachkala «O privedenii goroda Makhachkala-2, poselka Makhachkala 1-ia, prilagaiushchikh ulov k polnoi svetomaskirovke» ot 26 iunია 1941 g. [Order of the Staff MoEHE Makhachkala "On the reduction of the city of Makhachkala-2 village Makhachkala 1st adjacent villages to the complete blackout" of June 26, 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 305 – 306.

36. Spravka zaveduiushchego voennym otdelom Derbentskogo gorkoma VKP(b) «O sostoianii oboronnoi raboty v gorode ot 30 oktiabria 1941 g. [Help Head of the Military Department of the Derbent City Committee of the CPSU (b) "State defense work in

the city from October 30, 1941]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 389 – 390.

37. Svedeniia ob oboronnoi rabote Dagestanskogo obkoma Krasnogo Kresta za 1941 – 1942 gg. [Information on the work of the defense Dagestan Regional Committee of the Red Cross for the 1941 – 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 420 – 421.

38. Svedeniia ob ukomplektovanii istrebitel'nykh batal'onov NKVD DASSR na 15 iulia 1942 g. [For information on the staffing of the NKVD destruction battalions DASSR July 15, 1942]. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941 – 1945 gg. Dokumenty i materialy* [The peoples of Dagestan in the years of the Great Patriotic War of 1941 – 1945. Documents and Materials]. Comp. Kakagasanov G. I., Butaev M. D., Dzhambulatova R. I., Chekulaev N. D. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2005, 407 – 408.

39. Postanovlenie Soveta Narodnykh Komissarov Dagestanskoi ASSR i biuro obkoma VKP(b) «O bytovom obsluzhivanii detei frontovikov i meropriiatiakh po ukrepleniiu zdorov'ia detei v letnii period 1943 g.» ot 29 maia 1943 g. [Resolution of the Council of People's Commissars of the Dagestan ASSR and the Regional Committee of the CPSU Bureau (b) "On the domestic service of children soldiers and activities to strengthen the health of children in the summer 1943" dated 29 May 1943]. *Detstvo, opalennoe voinoi. Dagestan. 1941 – 1945 gg. Vospominaniia* [Childhood, scorched by war. Dagestan. 1941 – 1945 years. Memories]. Comp. Amirkhanova M. M., Kaimarazova L. G., Lysenko Iu. M. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, Mavraev, 2015, 464.

40. Sinitsyn A. M. Chrezvychainye organy vlasti sovetskogo gosudarstva v gody voyny [Emergency authorities of the Soviet state power during the war]. *Voprosy istorii = Questions of history*, no. 2 (1955): 36.

41. Uvaisov B. Z. Sovety Dagestanskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Tips Dagestan ASSR during the Great Patriotic War]. *Patrioticheskii i trudovoi podvig trudiashchikhsia Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941 – 1945 gg.)* [Patriotic and heroic labor of the working people of Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941 – 1945 gg.)]. Ed. Kaimarazov G. Sh. Makhachkala: Tipografiia Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1983, 183 – 199.

42. Usikov R. Gorodskie komitety oborony Kryma, Povolzh'ia i Severnogo Kavkaza v gody voyny [Urban Crimea defense committees, the Volga region and the North Caucasus during the war]. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History magazine*, no. 2 (1971): 84.

43. *Shkol'noe obrazovanie v Dagestane* [School education in Dagestan]. Ed. Kaimarazov G. Sh. Makhachkala: Dagestanskoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1968, 268.

44. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan (TsGA RD)* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Found R-168, List 29, File 41.

45. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Found R-352, List 3, File 23.

46. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan* [The Central State Archive of the Republic of Dagestan]. Found R-352, List 4, File 21, 47.

УДК 572.08

АРХЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Марина О. Павлёнок^{1,*}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@v8osminog.pav@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.03.2016.
Принята к печати 19.09.2016.

Ключевые слова: антропология, археология, археоантропологическая реконструкция, реконструкция.

Аннотация: В статье проводится феноменологический и методологический анализы, а также даётся определение археоантропологической реконструкции как метода исследования, результаты которого используются в археологии, истории, антропологии, этнографии. Характеризуются три основных уровня археоантропологической реконструкции:

- 1) реконструкция с целью восстановления антропологических особенностей и характеристик полученного с помощью археологических процедур *материала* (скелета, мумии, кремированных останков);
- 2) воссоздание *события* (в хронологическом, биологическом, социальном, этническом, культурном контексте которого существовали индивиды, останки, обнаруженные в результате археологических работ);
- 3) выявление этногенетических, эволюционных и др. *процессов* (частью которых являлся палеоантропологический материал).

Автор выделяет четыре этапа археоантропологической реконструкции:

- 1) выделение и описание палеоантропологического материала;
- 2) анализ палеоантропологического материала, на основе которого производится расшифровка информации;
- 3) создание «реконструкта» (модели);
- 4) историко-антропологическая интерпретация объекта.

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 15-11-42003.

Каждый из этапов, в зависимости от целей и методики исследования, может быть самодостаточным.

Для цитирования: Павлёнок М. О. Археоантропологическая реконструкция как междисциплинарный метод исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 88 – 93. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-88-93.

Антропологический материал уже с середины XIX в. представлял собой неотъемлемый элемент исторических и антропологических реконструкций. Обширная *практика применения* приемов и методов изучения палеоантропологического материала в целях исторической, археологической или антропологической реконструкции в отечественной науке сложилась в комплексные методики исследования и была описана В. П. Алексеевым, [1987], Г. Ф. Дебецом [Алексеев, Дебец, 1964], Н. Н. Мамоновой, Г. П. Романовой, В. М. Харитоновым [1989], В. Н. Федосовой [1995], М. Б. Медниковой [1998], А. П. Бужиловой и М. В. Козловской [1998], Н. А. Балабановой [1998], В. Г. Меренковым [2008], Н. В. Добровольской [2010] и др. Однако рассредоточенность сведений о результатах междисциплинарного археолого-антропологического сотрудничества в отдельных публикациях не позволяет оценить его масштабы, охарактеризовать основные направления, выявить проблемы.

Цель предлагаемой статьи – произвести теоретическую рефлексию *археологической реконструкции* на основе анализа *антропологического материала* как способа, метода и методики исследования, осуществляемого в

отечественной науке на стыке археологии, антропологии, истории и этнографии.

Рассмотрение слова «реконструкция», восходящего к латинским морфемам со значением «восстановление, возобновление расположения частей, устройства чего-либо» (лат. «re-construction»), позволяет установить, что оно обладает двумя основными значениями: во-первых, это *действия*, направленные на воссоздание какого-либо объекта; во-вторых, это *результат* таких действий.

Именно *практический характер* «реконструкции» как *деятельности* или *результата деятельности* предопределяет способность этого явления переходить в *процедуру* или *прием* (комплекс приемов) в исследовательской практике разных наук.

Анализ научной литературы показывает, что понятие «реконструкция» оказывается слабо эксплицированным в методологических концепциях отечественной истории и археологии как *отдельный предмет изучения*, но выступает часто как *составной элемент* более сложных теоретических конструкторов и в их составе подвергается научно-методическому осмыслению. Например, в «Методических рекомендациях по реконструкции и реставрации археологических находок» В. В. Зверева и Л. А. Лелекова

«историческая реконструкция» осмысливается как синоним «археологической реконструкции» и понимается:

1) как восстановление археологических находок путем «теоретического конструирования памятника прошлого в его прежнем виде с точки зрения формы»;

2) «метод изучения прошлого, когда на основе собранных данных восстанавливаются полно или фрагментарно памятники культуры, а также факты, явления или процессы истории» [12, с. 61].

По мнению авторов, «реконструкция, в отличие от реставрации, не предполагает практического восстановления памятника, а представляет собой результат научного исследования, опирающегося на вещественные остатки, письменные свидетельства и может выражаться в научном описании памятника, рисунке, чертеже, макете, модели».

Эта трактовка предлагает взгляд на *археологическую реконструкцию* как на *метод изучения прошлого* человека, то есть в данном истолковании «археологическая реконструкция» охватывается целями и задачами истории как науки. Специфика палеоантропологического материала как вещественного источника при этом не осмысливается. Противоположное истолкование данного термина предлагал И. Г. Глушков, трактовавший понятие «*реконструкция*» как способ изучения «огрубленной модели» прошлого в рамках так называемой «экспериментальной археологии» *через создание современных аналогов* археологических объектов [9, с. 107]. Это толкование также не учитывает специфику палеоантропологического материала как археологического источника. Еще один термин – «полевая реконструкция» – возник в практике так называемой «полевой антропологии», воссоздающей изначальное положение погребенного тела в захоронении «на основании исследования всех обстоятельств, приведших к наблюдаемым в захоронении положению и состоянию» [11, с. 353]. «Полевая реконструкция», как можно видеть, представляет собой промежуточный уровень между реконструкцией физического объекта и реконструкцией виртуального события, учитывающей иную информацию, кроме погребенного тела (например особенности культурной атрибутики как компонента захоронения).

Краткий обзор содержания терминов свидетельствует о том, что «проблемы реконструкции» в археологии носят, прежде всего, теоретико-методологический характер: «реконструкция» в археологии понимается в широком диапазоне значений от конкретного, «эмпирического» уровня (воссоздание разными способами деталей или целостности *физического объекта*) до уровня воссоздания «больших пространственно-временных динамических систем, дошедших до нас в неполном виде» [8, с. 3].

Причина подобного расширительного истолкования термина «реконструкция» кроется, по-видимому, в специфике археологии как науки: объект ее исследования, согласно определению А. И. Мартынова, «это прежде всего вещественные источники, являющиеся основой для исторических реконструкций», но предмет – «само древнее общество во всей его совокупности аспектов: материального, духовного, бытового, этногенетического, социального» [15, с. 15].

Если рассматривать проблемы некоторой терминологической анархии, связанные с понятием «археологическая

реконструкция», по отношению к такому объекту исследования, как палеоантропологический материал, можно увидеть дальнейшее умножение терминологических вариантов.

Так, устоявшимся в советской археологии было понятие «антропологическая реконструкция (лица по черепу)», введенное М. М. Герасимовым и активно использовавшееся его последователями (например Г. В. Лебединской). Источник археологической реконструкции в данном случае – краниологические элементы ископаемых останков, а целью реконструкции является «схематичное» воссоздание внешнего облика для идентификации объекта.

Очевидно, что данный термин не имеет содержательного пересечения с таким распространенным в археологии термином, как «биоархеологическая реконструкция». Это словосочетание используется для обозначения *процедур*, проводимых с *комплексом* «ископаемых скелетных материалов из одного памятника с целью полной антропологической характеристики» [5]. Альтернативой данному термину является словосочетание «палеоантропологическая реконструкция», которое, однако, в работах некоторых исследователей понимается как содержательно не совпадающее с ним (например название сборника научных трудов «Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций» (1992) свидетельствует о дифференциации двух понятий). Если судить по широкому кругу работ, авторы которых оперируют двумя данными терминами, смысловые отношения между ними неоднозначны.

В археологии *термин* «биоархеологическая реконструкция» нередко употребляется как содержательно *более узкое* понятие, чем «палеоантропологическая реконструкция». Это происходит в тех случаях, когда «биоархеологическая реконструкция» понимается как процесс исследования, цель которого – изучение характеристик (антропологических, социокультурных) ископаемых останков из конкретного памятника [19, с. 275 – 278].

В то же время *термин* «биоархеологическая реконструкция» *может* быть полностью тождествен *одному из значений* понятия «палеоантропологическая реконструкция». Выявляется это тогда, когда «биоархеологическая реконструкция» понимается как исследование, цель которого – «подробное изучение экологии отдельных палеопопуляций или их объединений в рамках археологических культур, исторических эпох и т. п.» [5]. С другим значением термина «палеоантропологическая реконструкция» подобная синонимия невозможна, поскольку, по мнению некоторых исследователей, этот термин может применяться для обозначения процесса исследования, проводимого *только* на материале ископаемых человеческих окаменелостей каменного века, и не может быть применен к исследованиям костных останков людей более поздних исторических периодов [6, с. 94 – 96].

Итак, подведем некоторые итоги. Анализ границ понятий, соотносимых с термином «реконструкция» в исторической науке, показал, что сочетание с ним уточняющих терминов «историческая», «археологическая» не ведет к образованию словоупотребления, точно соотносящего явление, понятие и термин. Отчасти это связано, например, с разными представлениями о месте археоло-

гии в конгломерате исторических наук, отчасти – со спецификой археологии как науки.

Другой важной причиной, по-видимому, является сложившаяся на протяжении XX в. ситуация, характеризующаяся *пересечением* объекта и даже предмета таких областей знания, как археология, этнография, антропология, – явлением, которое в последние десятилетия приобрело концептуальный характер. Терминологический плюрализм не устраняется, но еще более усугубляется динамичным развитием междисциплинарных исследований и постоянным заимствованием приемов, методов, методик из смежных областей. Рассмотрим подробнее эту проблему.

Как мы показали выше, *палеоантропологический материал* не только имеет традицию использования в качестве *источника* в археологии и истории, но в отношении него уже сложились некоторые методы изучения, получившие ряд устоявшихся названий («полевая», «биоархеологическая», «палеоантропологическая реконструкция»). Однако палеоантропологический материал предоставляет информацию для реконструкции обрядов (погребального например), и поэтому может привлекаться археологией и становиться основой уже *этнографической реконструкции*. Особенную значимость палеоантропологический материал представляет для антропологии. Разные подходы к осмыслению антропологии как науки отдают должное методу реконструкции на основе палеоантропологического материала и формируют собственную терминологию для обозначения этого явления. Остановимся кратко на тех понятиях, которые находятся в точке пересечения интересов антропологии и археологии.

Определение антропологии, характерное для советской антропологической школы, как известно, делало акцент на биологической природе человека и целью своей ставило «изучение происхождения и эволюции физической организации человека и его рас» [18, с. 7]. На этом этапе метод «реконструкции» на основе палеоантропологического материала понимался как способ восстановления физического облика или моделирования структуры развития физического объекта. Примером является уже упоминавшаяся «реконструкция внешности по черепу», производимая на палеоантропологическом материале, а также теория разделения расовых стволов и этногенеза [13, с. 43; 7, с. 174 – 271]. В результате корректировки представлений об антропологии как науке впоследствии было определено, что она включает в себя комплекс дисциплин, среди которых находится и так называемая «историческая антропология». Поскольку «историческая антропология» интересуется возможностью извлечения информации из палеоантропологического материала, некоторые ученые именуют ее «палеоантропологией». Например, М. А. Балабанова утверждает, что «под палеоантропологией в отечественной традиции подразумевают науку, объектом исследования которой являются костные остатки, характеризующие историю ископаемых форм человека и древних народов» [3, с. 184].

Дальнейшая спецификация антропологических дисциплин привела к выделению в рамках «исторической антропологии» такого направления, как «*историческая антропозология*». Именно оно находится в точке бли-

жайшего схождения антропологии и археологии, и именно в этой сфере, по-видимому, необходимо искать концептуальные основания для непротиворечивого определения метода «археологической реконструкции на палеоантропологическом материале».

Определение «исторической антропозологии» дают антропологи Д. В. Богатенков и С. В. Дробышевский, опираясь на объект исследования данной дисциплины («экология древнего населения, образ жизни и динамика адаптивных процессов у человека и его эволюционных предшественников») и делая акцент на ее предмете («изучает приспособительную изменчивость палеопопуляций; рассматривает взаимодействие биологических характеристик древнего населения с факторами среды и качественными свойствами самих популяций – типами хозяйства, социальной организацией, популяционной структурой») [5].

Однако очевидно, что «историческая антропозология» вынуждена *реконструировать* изучаемый материал и на уровне взаимодействия с эмпирическими объектами (антропологические остатки), и на уровне изучения событий, и на уровне осмысления процессов. Именно поэтому, а также «в силу того, что антропология владеет естественными методами исследования, оставаясь при этом исторической наукой, А. П. Бужилова и М. П. Козловская настаивают на том, что палеоэкологическое направление должно именоваться «биоархеологической реконструкцией» [6, с. 9].

Здесь снова обнаруживается терминологическое и содержательное различие: понятие «историческая антропозология» включает в себя такие семантические элементы, которые делают акцент на самом антропологическом материале, а также на необходимости рассматривать отношения человека со средой, и на диахроническом аспекте, традиционно интересующем антропологию. Термин «биоархеологическая реконструкция» расширяет материал исследования от палеоантропологического до палеобиологического вообще, но оговаривает специфику способа познания («реконструкция»).

Помимо проанализированных выше проблем определения понятийных границ «реконструкции» в рамках разных наук, важный аспект представляет собой и очевидная необходимость разграничения «реконструкции»:

1) как одного из этапов выделения и описания палеоантропологического материала (например так называемая «полевая реконструкция» в археологии);

2) как этапа анализа палеоантропологических данных, на основе которых производится декодирование информации;

3) как создания «реконструкта» (модели);

4) как историко-антропологической интерпретации объекта.

Анализ уже известных и широко применяемых методов исследования палеоантропологического материала показал, что некоторые из них опираются преимущественно на процедуры первого и второго этапа. В отечественных археологических и антропологических исследованиях они часто выступают как *отдельные разновидности* «археоантропологических реконструкций» (например «датировка» может быть не только методом анализа хронологических данных, но и целью «археоантропологической реконструкции»).

При определении реконструкции необходимо, на наш взгляд, разделять также и разные «объекты» реконструкции: в археологической и исторической науках она может быть направлена не только на сохранившиеся *фрагменты* объектов *действительности*, но и на *события*, в контексте которых существовали эти объекты, а также на *процессы*, с которыми были сопряжены эти объекты. Эти объекты реконструкции, производимой в процессе исследования палеоантропологического материала, мы предлагаем обозначить как «*уровни*» *реконструкции*.

Итак, проведённый теоретико-методологический анализ термина и понятия позволяет нам сформулировать следующее определение: **археоантропологическая реконструкция** – это комплексный междисциплинарный (историко-археолого-антропологический) метод исследования палеоантропологических *объектов*, а также *собы-*

тий человеческого прошлого (на уровне популяций и этносов) и *процессов* эволюции (на уровне вида). Он опирается на точное и верифицируемое воссоздание информации методами разных наук по фрагментам палеоантропологических объектов. Воссоздание как объектов, так событий и процессов производится поэтапно: от выделения и описания палеоантропологического материала к декодированию информации на основе изучения материала, созданию реконструкта (образа объекта, события, явления, восстанавливающего и / или воспроизводящего его свойства, позволяющего исследовать его морфологию, свойства, генетику, контекстуальное окружение, парадигму и т. д.) и интерпретации. В зависимости от качества и количества исследуемого материала, а также конечной цели реконструкции, на различных этапах и уровнях используется комплексное сочетание методов.

Литература

1. Алексеев В. П. Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований // Советская этнография. 1987. № 5. С. 17 – 30.
2. Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 130 с.
3. Балабанова М. А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (проверка антропологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Волгоград, 2010. С. 184 – 230.
4. Балабанова М. А. Методика палеоантропологических исследований: учебно-методическое пособие. Волгоград, 1998. 84 с.
5. Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Биоархеологическая реконструкция (глоссарий) // Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Антропология: учебно-методический комплекс / ред. Т. И. Алексеева. М.: Институт дистантного образования российского университета дружбы народов, 2004. 459 с. Режим доступа: <http://www.ido.rudn.ru/psychology/anthropology/index.html> (дата обращения: 25.09.2015).
6. Бужилова А. П. Палеоантропология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: методика биологических исследований / под ред. А. П. Бужиловой, М. В. Козловской. М.: Старый Сад, 1998. С. 87 – 146.
7. Бунак В. В. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М.: Наука, 1965. 416 с.
8. Васильевский Р. С., Холушкин Ю. П. Проблемы реконструкций в археологии // Проблемы реконструкций в археологии: сборник статей. Новосибирск, 1985. С. 3 – 5.
9. Глушков И. Г. Этноархеология как область экспериментальной археологии // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Ч. 2. Омск, 1994. С. 107 – 109.
10. Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85 – 97.
11. Зайцева О. В., Ражев Д. И. «Полевая антропология»: перспективы и возможности при исследовании древних погребений // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 3. М.: ИА РАН, 2008. С. 353 – 356.
12. Зверев В. В., Лелеков Л. А. Методические рекомендации по реконструкции и реставрации археологических находок // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация: сборник научных трудов. М.: ВНИИР, 1989. Внеоч. вып. С. 61 – 65.
13. Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу: методическое руководство. М.: Старый сад, 1998. 125 с.
14. Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.: Наука, 1989. С. 50 – 83.
15. Мартынов А. И. Археология в системе исторических знаний // Археология: учебник для бакалавров, 7-е изд. М.: Юрайт, 2013. С. 15 – 47.
16. Медникова М. Б. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. С. 33 – 86.
17. Меренков В. Г. Системный анатомический и физико-антропологический анализ костных останков X – XVIII веков. Из археологических коллекций Смоленского государственного музея-заповедника, найденных на территории Верхнего Поднепровья: дис. ... канд. биол. наук. Смоленск, 2008. 259 с.
18. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
19. Савенкова Т. М., Рейс Е. С., Стрелкович Н. Н., Медведева Н. Н. Возможности использования палеоантропологического материала в биоархеологических реконструкциях на примере православного Покровского некрополя г. Красноярск XVII – XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2013. № 3(23). С. 275 – 278.
20. Федосова В. Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // Российская антропология. 1995. № 2. С. 11 – 21.

ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL RECONSTRUCTION AS INTERDISCIPLINARY METHOD OF RESEARCH

Marina O. Pavlenok^{1, @, *}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

@v8osminog.pav@yandex.ru

Received 10.03.2016.

Accepted 19.09.2016.

Keywords: anthropology, archeology, archeological and anthropological reconstruction, reconstruction.

Abstract: The article analyzes, as well as gives the definition to archaeo-anthropological reconstruction as a method of research, the results of which are used in archeology, history, anthropology, ethnography. Three main levels of archaeo-anthropological reconstruction are characterized:

1) reconstruction aimed at restoring anthropological features of materials received with the help of archeological procedures (skeleton, mummy, cremated remains);
2) reconstruction of events (whose chronological, biological, social, ethnic, cultural context individuals and remains discovered through archaeological excavation existed in);

3) identification of ethno-genetic, evolutionary, and other processes (paleoanthropological material being its part).

The author identifies four stages of archaeo-anthropological reconstruction:

1) Isolation and description of paleoanthropological material;
2) Analysis of paleoanthropological material, which serves as basis for decoding;
3) Creating a reconstruction (model);
4) Historical and anthropological interpretation of the object. Each of the stages, depending on the purposes and research techniques, can be self-sufficient.

* The work was supported by the Russian Foundation for Humanities, project num. 15-11-42003.

For citation: Pavlenok M. O. Arkheoantropologicheskaya rekonstruktsiya kak mezhdistsiplinarnyi metod issledovaniia [Archaeological and anthropological reconstruction as interdisciplinary method of research]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 88 – 93. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-88-93.

References

1. Alekseev V. P. Antropologiya SSSR: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniia [Anthropology USSR: some results and perspectives]. *Sovetskaya etnografiya* = *Soviet Ethnography*, no. 5 (1987): 17 – 30.
2. Alekseev V. P., Debets G. F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia* [Cranimetry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964, 130.
3. Balabanova M. A. Problema proiskhozhdeniia naseleniia pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ia i sopredel'nykh territorii po dannym antropologii (proverka antropologicheskikh gipotez) [The origin of the population Late Sarmatian time, the Lower Volga region and adjacent territories according to anthropology (anthropological verification of hypotheses)]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoi kul'tury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym)* [Formation and the Late development of culture (on archaeological and natural science data)]. Volgograd, 2010, 184 – 230.
4. Balabanova M. A. *Metodika paleoantropologicheskikh issledovaniia* [Methods Paleoanthropological research]. Volgograd, 1998, 84.
5. Bogatenkov D. V., Drobyshevskii S. V. *Antropologiya* [Anthropology]. Ed. Alekseeva T. I. Moscow: Institut distantnogo obrazovaniia rossiiskogo universiteta družby narodov, 2004, 459. Available at: <http://www.ido.rudn.ru/psychology/anthropology/index.html> (accessed 25.09.2015).
6. Buzhilova A. P. Paleoantropologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiiakh [Paleoanthropology in bioarchaeological reconstruction]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovaniia* [Historical human ecology: Methods of biological research]. Ed. Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V. Moscow: Staryi Sad, 1998, 87 – 146.
7. Bunak V. V. *Proiskhozhdenie i etnicheskaya istoriya russkogo naroda po antropologicheskim dannym* [The origin and the ethnic history of the Russian people on the anthropological data]. Moscow: Nauka, 1965, 416.
8. Vasil'evskii R. S., Kholiushkin Iu. P. *Problemy rekonstruktsii v arkheologii* [Problems reconstructions in archeology]. Novosibirsk, 1985, 3 – 5.
9. Glushkov I. G. Etnoarkheologiya kak oblast' eksperimental'noi arkheologii [Ethnoarchaeology as an area of experimental archeology]. *Arkheologicheskie mikroraiony Zapadnoi Sibiri* [Archaeological districts of Western Siberia]. Omsk, 1994, Part 2, 107 – 109.
10. Dobrovol'skaya M. V. *K metodike izucheniia materialov krematsii* [To study the method of cremation materials]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* = *Brief reports of the Institute of archaeology*, no. 224 (2010): 85 – 97.

11. Zaitseva O. V., Razhev D. I. Polevaia antropologiya: perspektivy i vozmozhnosti pri issledovanii drevnikh pogrebenii [Field Anthropology: prospects and opportunities in the study of ancient burials]. *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* [Proc. II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Moscow: IA RAN, 2008, Vol. 3, 353 – 356.
12. Zverev V. V., Lelekov L. A. Metodicheskie rekomendatsii po rekonstruktsii i restavratsii arkheologicheskikh nakhodok [Guidelines for the reconstruction and restoration of archaeological finds.]. *Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovanie, restavratsiia* [Artistic Heritage. Storage, research, restoration]. Moscow: VNIIR, 1989, 61 – 65.
13. Lebedinskaia G. V. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu* [Reconstruction of the facial skull]. Moscow: Staryi sad, 1998, 125.
14. Mamonova N. N., Romanova G. P., Kharitonov V. M. Pervichnaia obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviakh [Primary processing and determination of anthropological material in the field]. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Methods field of archaeological research]. Leningrad: Nauka, 1989, 50 – 83.
15. Martynov A. I. Arkheologiya v sisteme istoricheskikh znaniy [Archaeology in the system of historical knowledge]. *Arkheologiya* [Archaeology]. 7th ed. Moscow: Iurait, 2013, 15 – 47.
16. Mednikova M. B. Osteometricheskaya metodika v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Osteometric technique in bioarchaeological]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical reconstructions of human ecology. Methods of biological research]. Moscow: Staryi sad, 1998, 33 – 86.
17. Merenkov V. G. *Sistemnyi anatomicheskii i fiziko-antropologicheskii analiz kostnykh ostankov X – XVIII vekov. Iz arkheologicheskikh kollektsii Smolenskogo gosudarstvennogo muzeia-zapovednika, naidennykh na territorii Verkhnego Podneprov'ia*. Diss. kand. biol. nauk [System anatomical, physical and anthropological analysis of bone remains X – XVIII centuries. From the archaeological collections of Smolensk State Museum-Reserve, found on the territory of the Upper Dnieper. Cand. biol. Sci. Diss.]. Smolensk State. Univ. Smolensk, 2008, 259.
18. Roginskii Ia. Ia., Levin M. G. *Osnovy antropologii* [Fundamentals of anthropology]. Moscow: Vysshaia shkola, 1978, 528.
19. Savenkova T. M., Reis E. S., Strelkovich N. N., Medvedeva N. N. Vozmozhnosti ispol'zovaniia paleoantropologicheskogo materiala v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh na primere pravoslavnogo Pokrovskogo nekropolia g. Krasnoyarska XVII – XVIII vv. [The possibility of using the material in paleoanthropological bioarchaeological reconstructions of Intercession on the example of the Orthodox cemetery in Krasnoyarsk XVII – XVIII centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii = Bulletin of the Tomsk State University. History*, no. 3(23) (2013): 275 – 278.
20. Fedosova V. N. O vozmozhnostiakh ispol'zovaniia antropologicheskikh dannyykh dlia paleosotsial'nykh rekonstruktsii [On the possibilities of the use of anthropological data for paleo reconstructions of social]. *Rossiiskaya antropologiya = Russian anthropology*, no. 2 (1995): 11 – 21.

УДК 94(57)

«МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ» КАК ПАРАМЕТР АНАЛИЗА ОБРАЗОВ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА, СОЗДАНЫХ УЧЕНЫМИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ В XIX В.

Татьяна Н. Соболева^{1, @1, *}, Алексей Е. Кухаренко^{1, @2, *}

¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@1 tansoboleva@mail.ru

@2 lexx-1984@mail.ru

Поступила в редакцию 31.08.2016.

Принята к печати 13.10.2016.

Ключевые слова: историко-географические образы, Семенов-Тянь-Шанский П. П., Брем А., Небольсин П. И., Алтайский округ, история Алтая.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-22005.

Аннотация: Авторы статьи ставят своей задачей создание рабочей методики анализа историко-географических образов определенной территории на примере представлений ученых и путешественников об Алтае. Она включает такой обязательный параметр, как «местоположение человека в общественной системе». Под этим термином понимается вся совокупность большого количества разнообразных факторов, связанных непосредственно с личностью создателя источника и его положением в обществе. Для иллюстрации данного параметра в статье анализируются впечатления об Алтае различных путешественников и ученых с акцентом на положительные отзывы о горнозаводском районе и его администрации. При этом констатируется, что в отношении территории Алтая в конце XIX – начале XX вв. наибольшей известностью пользовались негативные характеристики местных порядков и деятельности кабинетских чиновников, что до сих пор отрицательно сказывается на объективности даже современных научных исследований. Авторы делают вывод о необходимости принимать во внимание разные историко-географические образы, анализировать местоположение их создателей в общественной системе и не давать образам замещать научное исследование.

Для цитирования: Соболева Т. Н., Кухаренко А. Е. «Местоположение в общественной системе» как параметр анализа образов Алтайского горного округа, созданных учеными и путешественниками в XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 94 – 98. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-94-98.

Пространственно-географические параметры общественного развития на определенной местности являются важнейшим элементом комплексного исторического изучения территории. Для его успешного проведения потребуется не только проанализировать представления людей о пространстве и географии, в которых они находились, рассмотреть процессы в их исторической динамике, но и выявить влияние сложившихся историко-географических образов на дальнейшее развертывание общественных событий и на взаимодействие природы и человека.

Одним из аспектов предлагаемого исследовательского направления является изучение историко-географических образов Алтая, которые сложились у ученых и путешественников, посещавших горный округ в XIX в. Речь идет о их личностных представлениях, взглядах, впечатлениях, мыслях, терминах, смысловых конструкциях в отношении исторического развития и взаимодействия природно-географических явлений, объектов и условий с жизнедеятельностью человеческого общества, процессов управления и организации пространства на определенной территории. Доступность текстовой информации в виде нарративных источников, высокая степень формализованности созданных в них историко-географических образов стимулирует желание разобраться в данной проблеме.

Однако для успешной реализации этого направления необходимо решение более общей задачи по разработке рабочей методики изучения историко-географических образов и их использования в комплексных исторических исследованиях. На наш взгляд, анализ историко-географических образов следует начинать исходя из важнейшего критерия положения субъекта в пространстве и его маршрута по территории, который позволял ему познакомиться с географией и природными условиями пространства. Положение и движение субъекта по территории определяет не только географические впечатления, но и представления, которые человек получал от встреченных или сопровождавших его людей, от увиденной инфраструктуры и другого антропогенного воздействия на пространство. Таким образом, важно реконструировать не только маршрут субъекта, но и сопутствующие ему факторы. Условно данный параметр анализа можно назвать «местоположение и движение субъекта в пространстве».

Другой важнейший параметр, который также можно отнести к «местоположению» и определить, как «местоположение в общественной системе», достаточно редко привлекает к себе внимание исследователей. Дело в том, что образы пространства чаще всего неразрывно связаны с комплексом масштабных проявлений человеческой деятельности на определенной территории, а также с па-

параметрами самой личности. Тем более, что речь идет именно об историко-географических образах. По той же самой причине на восприятие человеком территории, чьи представления о ней мы пытаемся анализировать и осмысливать, оказывает воздействие огромное количество факторов, связанных непосредственно с его личностью и с его положением в обществе.

Составить даже примерный перечень таких факторов не представляется возможным по двум причинам. Во-первых, мы не можем описать всю совокупность личностного и общественного многообразия, а также реконструировать их взаимодействие, так как это увело бы нас в бесконечность. Во-вторых, нам приходится иметь дело с формальными источниками и ограниченными данными о субъекте, оставшимися после него, иначе говоря, мы связаны формой, в которой нам передано содержание историко-географических образов. На него могут влиять политические и другие взгляды субъекта, его мировоззренческие установки, взаимоотношения с обществом, властью, определенными организациями или группами, социальная и сословная роль личности в обществе, степень ее доступа к определенной информации, неприятные или позитивные события в жизни, экономическое положение и деловые задачи, ситуативные моменты взаимодействия с властью или населением, болезни, отклонения, проблемы или какие-то другие ограничения.

Из этого, мы предлагаем на данный момент ограничиться использованием общего параметра выявления и анализа историко-географических образов, обобщив возможные факторы их взаимодействия, вытекающие из фактического потенциала привлеченных нарративных источников, под следующей формулировкой – «местоположение субъекта в общественной системе». В данной статье мы постараемся кратко проиллюстрировать использование этого параметра для анализа образов Алтая, созданных учеными и путешественниками в XIX в.

В историографии по истории региона широкое распространение получили негативные отзывы об округе и алтайской администрации как наиболее коррумпированной части российского чиновничества. Основным источником таких оценок являлись общественные деятели с либеральными и демократическими взглядами, а также сибирская пресса, «под прицелом» которой с 70 – 80-х гг. XIX в. оказалось горнозаводское хозяйство Алтая. При этом понятны истоки такого повышенного внимания к деятельности кабинетской бюрократии – самодержавная власть монарха, от имени которого Алтайским горным округом управлял Кабинет и подчиненный ему местный административно-хозяйственный аппарат.

Ключевыми аспектами критики обычно становились коррупция, злоупотребление властью по отношению к населению, обогащение чиновников, несправедливые порядки и общая неспособность администрации обеспечить процветание региона. В начале XX в. контекст негативных оценок приобрел новую направленность на несправедливое землеустройство, достаточно жесткое отстаивание Кабинетом своих интересов в вопросах земле- и лесопользования, организации земельно-арендных отношений.

Сложившаяся устойчивая традиция критического отношения определенной части российского образованного общества к описанию процессов, которые характеризова-

ли внутреннее состояние окружного хозяйства, благосостояние жителей региона на протяжении второй половины XIX – начала XX в., и особенно к тем, кто руководил горно-металлургической промышленностью Алтая, а затем инициировал перемены по диверсификации экономики кабинетского территориально-производственного комплекса, успешно перекочевала сначала в советскую, а затем и в современную историографию. При этом можно отметить односторонность и ангажированность критики, абстрактность и масштабное экстраполирование выводов, преобладание оценочных суждений над фактами, игнорирование контекста и даже обстоятельных опровержений «другой» стороной огульных обвинений в свой адрес. Перечисленные черты, к сожалению, свойственны не только современникам событий, чей полемический задор вполне понятен, но и исследователям разных поколений.

Это не означает, что мы отрицаем злоупотребления алтайской бюрократии, довольно значительный, но вряд ли «беспрецедентный» масштаб их, повседневность данного явления, особенно в период спада и кризиса горно-металлургического производства в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. и признаем, что истоки бюрократических пороков в окружной системе управления следует отнести к периоду господства подневольного труда в регионе. Однако это лишь один из штрихов к портрету алтайской элиты, а не ее цельный образ [7]. При воссоздании полной и исчерпывающей картины как самого края, так и характеристики тех, кто управлял им, недостаточно опираться только на критические материалы, отложившиеся в делопроизводственных источниках и прессе. Такой подход не приближает нас к задачам научного исследования, искажает существовавшую в то время реальность и формирует тенденциозные историко-географические образы, которые оказываются очень устойчивыми и востребованными даже на современном научном уровне [2]. Указанная тенденция подтверждает необходимость изучения историко-географических образов, их существование в обществе и обязательный учет при проведении исторических исследований «местоположения человека в общественной системе».

Не претендуя на решение глобальной задачи в одной статье, считаем целесообразным уделить внимание мотивам и обстоятельствам, которые способствовали созданию учеными и путешественниками XIX в. прямо противоположных образов региона и его управленческого персонала.

Общеизвестны сравнительные оценочные суждения 40-х гг. XIX в. историка, этнографа, журналиста Павла Ивановича Небольсина или выдающегося географа, статистика, государственного и общественного деятеля Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского о Барнауле в сопоставлении с Тобольском, Томском, Омском. Первый отнес Томск и Тобольск к настоящим сибирским городам, в то время как Барнаул в его представлении был «чистым уголком Петербурга», похожим «на заграничный европейский городок» [5, с. 226]. Второй «прозвал его сибирскими Афинами», считая «самым культурным уголком Сибири», особенно на фоне Омска, который по грубости и воинственности нравов сравнил со Спартой [6, с. 56 – 57]. Не менее интересна довольно высокая оценка Барнаула как центра духовной жизни всего За-

падносибирского генерал-губернаторства, которой удостоил уездный город в 1876 г. немецкий зоолог Альфред Брем [1, с. 103].

Путешественников поражал не столько внешний облик горнозаводских центров, сколько местная элита, ее образовательный уровень; вовлеченность в масштабное промышленное производство; образ жизни; организацию досуга; наличие культурных заведений в виде библиотеки, музея, минералогического кабинета, ботанического сада, обсерватории и пр.; тесная связь с Петербургом, проявлявшаяся в различных мелочах: модном убранстве домов, нарядах дам, разнообразных и экзотических блюдах, подававшихся на обедах и ужинах, новинках литературы, развлечениях и т. п.

Положительные отзывы имели под собой и другое немаловажное, но не доминирующее основание. Радужный прием вновь прибывших, стремление всячески способствовать выполнению их научных замыслов, обеспечивать им комфортное проживание и времяпровождение, которое могло контрастировать с тем, что они наблюдали и с чем сталкивались в других сибирских городах. В Барнауле ученые и путешественники встречали образованное общество, которое разделяло их увлечения, было способно участвовать в обсуждении серьезных научных проблем и в случае необходимости содействовать реализации намеченных исследований. Это обстоятельство, на наш взгляд, было одним из важных факторов смягчения или даже отсутствия в их трудах критического настроения.

Однако, если какая-то особенность внутренней жизни округа привлекала внимание ученого, он, как правило, не стеснялся указывать на нее. Например П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах не удержался от утверждения, «что все это интеллигентное и культурное общество ... жило выше средств, доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем», и отметил способ «самовознаграждения», получаемого «самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [6, с. 126]. При этом он посчитал нужным отделить данный способ от грубой формы обогащения чиновников, «распространенной в русских провинциальных захолустьях», и подчеркнуть его необременительность для алтайских крестьян, «которые пользовались благосостоянием и не жаловались на притеснения горной администрации» [6, с. 126].

О роскошной жизни местной элиты в своих дневниках упоминал А. Брем, но как о прошедших временах, когда горное дело находилось в расцвете [1, с. 106]. Ссылаясь на рассказы, которые якобы ходили в других городах Сибири о сверхвысоких доходах горнозаводской бюрократии, он тем самым снимал с себя ответственность за достоверность приводимых им сведений. Тем не менее он взял под сомнение якобы существовавшую по слухам у горных чиновников привычку посылать «свое белье стирать в Париж», а вот заказывать в столице Франции и в Петербурге многие предметы, «чтобы жить со всеми удобствами», признал настоящей потребностью. Причем объяснил сложившуюся традицию не какими-то сверхдоходами и барскими замашками, а, исходя уже из своих наблюдений. По его мнению, к этому подталкивали отсутствие на месте искусных мастеров, дороговизна изготовления изделий в округе и необходимость забо-

титься о сохранности вещей [1, с. 106]. В такой оценке присутствует не только констатация реального состояния сферы услуг, но и желание иностранца подчеркнуть ее низкий уровень в российской провинции, с которым экспедиция постоянно сталкивалась во время путешествия. Некоторое превосходство сквозит в описании А. Бремом внутренней обстановки домашних апартаментов верхнего слоя горной администрации, где эпитет «роскошная» он адресует в первую очередь обилию прекрасных листоватых растений в комнатах и одновременно указывает на отсутствие уюта, наличие «неважных и даже просто плохих картин», на однообразие интерьеров, обилие разномастных стульев и столов, предназначенных «для собраний и вечеринок, когда собираются прежде всего для карточной игры, поскольку все столы здесь – игорные» [1, с. 108].

Примечательна еще одна черта, свойственная дневникам А. Брема. Как иностранец, не знавший русского языка, он в основном получал информацию от тех, кто владел немецким языком: горных инженеров, имевших определенную языковую подготовку, полученную в вузе, но прежде всего обрусевших немцев, служивших на различных должностях в округе. Эти люди явно пытались снять с себя ответственность за производственные просчеты и злоупотребления, переводя стрелки на Кабинет, примером чего может служить интерпретация причин закрытия Змеиногорского рудника [1, с. 98 – 99]. Во многом такая тактика увенчалась успехом, поскольку А. Брем разделил консолидированное мнение алтайской администрации о вине Кабинета в неудовлетворительном состоянии горно-металлургической промышленности из-за его противодействия всем нововведениям, недофинансирования производства, незнания местных проблем [1, с. 113].

Большое влияние на путешественников оказывала профессиональная направленность их интересов и деятельности. Например Карл Фридрих Ледебур, Александр Андреевич Бунге, Карл Антонович Мейер, участвовавшие в ботанической экспедиции 1826 г., или минералог и геолог Григорий Ефимович Щуровский, совершивший восьмимесячное путешествие по Алтаю в 1844 г., были явно поглощены решением стоявших перед ними научных задач и в меньшей степени отвлекались на описание сопутствующих впечатлений. Тем не менее они создали в своих сочинениях привлекательный образ местного горнозаводского офицерства [3, с. 153 – 155; 8, с. 164]. К. Ф. Ледебур, вероятно, удивленный материальным достатком и даже роскошью, с какой жила местная административная элита, выяснил и раскрыл законные источники ее благосостояния за счет дешевизны продуктов питания, доступности колониальных товаров и целого ряда льгот и преимуществ, которые давала служба [3, с. 153 – 154].

Стоит отметить свойственное многим представителям естественных наук отсутствие в их трудах каких-либо личных оценок наблюдаемых явлений или объектов промышленного производства, стремление к точной и буквальной передаче увиденного. В центре их внимания находились природные богатства Алтая, география и история формирования данной территории, уникальные экспонаты.

Иначе смотрят на дневник А. Брема и «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» П. И. Небольсина, написан-

ные им по итогам своего частного путешествия и опубликованные отдельной книгой в 1850 г. [4] А. Брем, будучи зоологом, на удивление много писал об удручающем положении окружного хозяйства, причинах, мешавших его развитию, и процветанию Барнаула, ответственности Кабинета за социально-экономическую ситуацию в округе; наличии перспектив развития для этой благодатной территории Сибири, если не произойдет упадок горного дела. Остается открытым важный вопрос, почему вместо выполнения своей научной программы он сделал акцент на изучении далеких ему проблем? Более того, проявил в этом направлении повышенную любознательность, собрал за короткое время пребывания в округе значительный объем разнообразных сведений, в том числе по истории региона, проанализировал их, активно участвовал в коммуникативном взаимодействии не только с горными чиновниками, но и с барнаульским исправником, являвшимся представителем гражданской власти. Учитывая, что публикация его дневника на русском языке не предусматривалась, сам он хранился в немецком архиве, то возможно предположить выполнение А. Бремом заказа, который мог исходить от кампании немецких и русских купцов, финансировавших поездку ученого, или от каких-то других заинтересованных лиц.

Путевые заметки П. И. Небольсина, напротив, отражали его пристрастие к истории и журналистике. В них присутствуют не только личностные наблюдения, но и очерк истории округа; положение его основных категорий населения; действовавшая система управления окружным хозяйством, восстановленная им преимущественно на основе законодательства. Автор заметок отдал дань журналистике, попытавшись через свои впечатления убедить читателя в процветании региона и благосостоянии его жителей. Он приложил максимальные усилия, чтобы реализовать намерение опровергнуть распространенную в России «ложную мысль, что в сибирских рудниках живут не люди, а несчастные мученики, вечные страдальцы, которые всю жизнь свою проводят в недрах земли, никогда не видят Света Божьего и изнуряются тяжкими трудами» [4, с. 110]. В результате избранного ориентира на опровержение якобы устоявшихся неверных стереотипов в общественном сознании, мировоззренческой близости П. И. Небольсина к людям, состав-

лявшим горнозаводскую элиту Алтая, родилось произведение, где личные наблюдения, достоверная информация причудливо соединились с авторской их интерпретацией, придав путевым заметкам неизбежную двойственность.

На примере П. И. Небольсина хорошо видна определяющая роль в восприятии и оценке административных и социальных реалий мировоззрения ученого, особенно если его интересы были связаны с исследованиями в гуманитарной сфере и с журналистикой. «Заметки» П. И. Небольсина демонстрируют еще одну важную черту трудов ученых и путешественников, когда они распространяли личные впечатления, полученные ими от посещения какой-то части окружной территории, на регион в целом, делая на этом основании сомнительные выводы.

Таким образом, созданный учеными и путешественниками положительный образ алтайского региона, во-первых, – результат восприятия ими окружавшей действительности, сравнительного анализа различных регионов Сибири и позитивного отношения к тем людям, которые во многом способствовали реализации их исследовательских и иных планов; во-вторых, ориентации на конкретную, достаточно узкую область своего исследования; в-третьих, идейных установок, которыми они руководствовались, если желали высказать то или иное личное мнение о наблюдаемых явлениях; в-четвертых, следствие их комплексного «местоположения в общественной системе», определенных «настроек» восприятия, а также поставленных целей.

Следует признать, что характер и направленность впечатлений напрямую могут зависеть от совокупности параметров, которые мы относим к местоположению человека в общественной системе, точно также как нам приходится исходить из возможности определения этих параметров, не задавая их заранее. Данный критерий должен войти в методику работы с историко-географическими образами, так как его отсутствие и желание научно работать с таким хрупким объектом, как представления людей о пространстве приводят к исследованиям, которые искажают историческую картину, а также являются примером воспроизводства историко-географических образов, но никак не научных данных.

Литература

1. Брем А. Путешествие по Алтаю (Отрывки из дневника) / пер. Л. В. Малиновского // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 97 – 127.
2. Должиков В. А. Системно-институциональные истоки коррупции в алтайском «кабинетском» хозяйстве (1830-е – начало 1860-х гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1(88). С. 104 – 108.
3. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / пер. с нем. В. В. Завалишина, Ю. П. Бубенкова. Новосибирск: Наука, 1993. 415 с.
4. Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850.
5. Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 209 – 226.
6. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. М., 1946. Т. 2.
7. Соболева Т. Н., Осипова М. А. Алтайская бюрократия 60-х – начала 80-х гг. XIX в. (Негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в.: сб. науч. статей. Барнаул, 2003. С. 109 – 137.
8. Щуровский Г. Ф. Геологическое путешествие по Алтаю // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 164 – 206.

"LOCATION IN THE SOCIAL STRUCTURE" AS A PARAMETER FOR IMAGE ANALYSIS OF THE ALTAI MINING DISTRICT CREATED BY SCIENTISTS AND TRAVELERS IN THE XIX CENTURY

Tatiana N. Soboleva^{1, @1, *}, Aleks E. Kukhareno^{1, @2, *}

¹ Altai national history ASU, 61, Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049

@1 tansoboleva@mail.ru

@2 lexx-1984@mail.ru

Received 31.08.2016.

Accepted 23.10.2016.

Keywords: historical and geographical images, Semenov-Tyan-Shanskiy P. P., Brehm A., Nebolsin P. I., Altai district, the history of Altai.

* The paper was written within the framework of the scientific project supported by Russian Humanitarian Science Foundation grant № 15-11-22005.

Abstract: The authors see their task in creating an analytical procedure for historical and geographic images connected with a certain area. The concepts of Altai shaped by scientists and explorers serve as an example. One of the parameters required by such a procedure is "the location of the person in the social structure." This term refers to a large variety of factors related directly to the personality of the author of the source and his position in the society. To illustrate this option, the article analyzes the experience of numerous Altai travelers and scientists, with emphasis on positive reviews of mining and metallurgical area and its administration. It was found out that most characteristics of local orders and Cabinet officials in the end of the XIXth – beginning of the XXth century were negative, which still affects the objectivity of modern scientific research. The authors conclude that it is necessary to take into account different historical and geographical images, analyze the place of their creators in the social structure and not to allow images to replace scientific research.

For citation: Soboleva T. N., Kukhareno A. E. «Mestopolozhenie v obshchestvennoi sisteme» kak parametr analiza obrazov Altaiskogo gornogo okruga, sozdannykh uchenymi i puteshestvennikami v XIX v. ["Location in the social structure" as a parameter for image analysis of the Altai mining district created by scientists and travelers in the XIX century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 94 – 98. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-94-98.

References

1. Brehm A. Puteshestvie po Altaiu (Otryvki iz dnevnika) [Altai Travel (Excerpts from a diary)]. Transl. Malinowski L. V. *Altaiskii sbornik* [Altai collection]. Barnaul, Iss. XV (1992): 97 – 127.
2. Dolzhikov V. A. Sistemno-institutsional'nye istoki korruptsii v altaiskom «kabinetnom» khoziaistve (1830-e – nachalo 1860-kh gg.) [System-institutional sources of corruption in the Altai Cabinet economy (1830s – early 1860s.)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *News of Altai State University*, no. 4/1(88) (2015): 104 – 108.
3. Ledebour K. F., Bunge A. A., Meyer K. A. *Puteshestvie po Altaiskim goram i dzhungarskoi Kirgizskoi stepi* [Journey through the Altai mountains and Junggar Kirghiz steppe]. Transl. Zavalishin V. V., Bubenkov Y. P. Novosibirsk: Nauka, 1993, 415.
4. Nebolsin P. I. *Zametki na puti iz Peterburga v Barnaul* [Notes on the way from St. Petersburg to Barnaul]. Saint-Petersburg, 1850.
5. Nebolsin P. I. *Zametki na puti iz Peterburga v Barnaul* [Notes on the way from St. Petersburg to Barnaul]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers XVIII – early XX centuries]. Barnaul, 2005, 209 – 226.
6. Semenov-Tyan-Shan P. P. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, 1946, vol. 2.
7. Soboleva T. N., Osipova M. A. Altaiskaia biurokratiia 60-kh – nachala 80-kh gg. XIX v. (Negativnye shtrikhi k portretu kabinetnoi gornozavodskoi administratsii) [Altai bureaucracy 60's – early 80-ies XIX century (Negative touches to the portrait of the mining administration of Cabinet)]. *Naselenie, upravlenie, ekonomika, kul'turnaia zhizn' Sibiri XVII – nachala XX v.* [Population, management, economics, cultural life of Siberia XVII – beginning of XX century]. Barnaul, 2003, 109 – 137.
8. Shchurovsky G. F. *Geologicheskoe puteshestvie po Altaiu* [Geological journey through the Altai]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers XVIII – early XX centuries]. Barnaul, 2005, 164 – 206.

УДК 94 (470) «16\18»

«СИБИРСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ» О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕСТ И ЛИЦ КРЕСТЬЯНСКОГО (ИНОРОДНОГО) ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ОКРУЖНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В 1822 – 1898 гг.

Евгений А. Съёмщиков^{1, @}

¹ Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Россия, 197101, г. Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49

@ kasha366@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2016.

Принята к печати 31.05.2016.

Ключевые слова: государственное управление, взаимоотношения, места и лица, характеристика, порядок.

Аннотация: Статья посвящена вопросам взаимоотношений между учреждениями системы местного государственного управления Сибири с местами и лицами крестьянского общественного управления. Верховная власть в «Сибирском учреждении» установила способы и формы служебных отношений между установлениями и учредила порядок взаимных отношений между ними. Приведены характеристика способов взаимоотношений и примеры их обращения из архивных источников. На примерах обращений доказано, что места и лица крестьянского общественного управления общались в учреждения местного государственного управления только установленным для них верховной властью порядком.

Для цитирования: Съёмщиков Е. А. «Сибирское учреждение» о взаимоотношениях мест и лиц крестьянского (иностранного) общественного управления с окружными учреждениями системы местного государственного управления Сибири в 1822 – 1898 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 99 – 103. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-99-103.

Указ Александра I Павловича Правительствующему Сенату от 26 января 1822 г. кардинально изменил контуры политики имперского Центра в отношении окраинной территории Российской империи – Сибири. Законоположение предусматривало учреждение в Сибири как самой крупной окраинной территории Российской империи «...управление Сибирских губерний на правилах отдаленности края, пространству его и роду населения свойственных» [19, л. 1 – 11].

Впервые в период империи в России была разработана, одобрена на высшем уровне и введена на огромной окраинной территории нормативная база, которая существенно отличалась от законодательства, учрежденного для Великорусских губерний. Эти отличия касались в основном «...порядка управления Сибирских губерний, областей, приморских и пограничного управлений».

В принятых верховной властью в июле 1822 г. нормативных актах [19, л. 15 – 361] были «...изображены главные основания... в порядке управления Сибирских губерний» [1, л. 3 – 5 об.].

«Учреждение. Для управления Сибирских губерний» [19, л. 15 – 120] установило четыре степени в управлении Сибири: управление главное, управление губернское, управление окружное [19, л. 54 об. – 73], управление волостное и иностранное [21, ст. 136 – 153].

Объектом внимания автора являются окружные (уездные) учреждения (установления) в местном государственном управлении Сибири системы государственного управления Российской империи в период с 1822 г. по февраль 1917 г.

Предметом внимания данной статьи стали способы и формы взаимных отношений мест и лиц крестьянского

(иностранного) общественного управления Сибири и окружных учреждений (установлений) в местном государственном управлении в период с 1822 по 1898 гг., до переименования округов Сибири в уезды. Ранее автором была предпринята попытка проанализировать систему служебных отношений, установленных имперской властью для государственных структур управления. Места и лица крестьянского (иностранного) общественного управления в структуру государственного управления Российской империи не входили.

В статье «Местные органы и учреждения государственного управления Сибири 1822 – 1898 гг.: способы взаимоотношений» был показан весь спектр способов служебных отношений, учрежденных верховной властью в основном для установлений и учреждений местного государственного управления Сибири системы государственного управления Российской империи. Статья вышла в 2011 г. в «Известиях Российского государственного университета им. А. И. Герцена» [22, с. 22 – 26].

Рамки рассматриваемого вопроса в статье совпадают по времени с введением «Учреждения Сибирского» и переименованием округов Сибири в уезды, обретением Сибири статуса «Азиатской России» и введением в Азиатской России, «Временного положения о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской» [18].

Согласно введённому законоположению, надзор за волостными судами, вопросы рассмотрения, утверждения и отмены их решений были изъяты из ведения уездных полицейских управлений и переданы ведомству «Крестьянских начальников и уездным съездам сих начальников». У полиции были изъяты функции контроля над крестьян-

ским (иностраным) общественным управлением по хозяйству и суду, но сохранена была функция осуществления надзора по полиции. Изъятие у полиции хозяйственных и судебных функций контроля явилось продолжением политики центра по окончательному освобождению учреждений полиции от несвойственных ей судебных функций.

В соответствии с «Учреждением. Для управления Сибирских губерний» 1822 г. [2, л. 4 – 54] состав, структура, предметы ведения и полномочия учреждениям в местном государственном управлении Сибири были сформулированы в первой [20, ст. 1 – 310] и во второй [20, ст. 311 – 435] частях Сибирского учреждения.

Табели разделения Сибири узаконили «Расписание губерний, областей и округ», входивших в состав обеих частей Сибири – Западной и Восточной, и «Расписание городов по их разрядам», присвоенных им верховной властью.

Расписание округ по их разрядам, составлявших губернии, области и приморские управления установило поименованный перечень окружных управлений, в которых полагалось иметь общее и частное окружное управление, только одно частное окружное управления, управления отделения округа и управление, соединенное в одном знании исправника [19, л. 72 – 83]. Такое разнообразие в формах управления предусматривало и соответствующую структуру в управлении как округом, так и округами.

Расписание волостей, иностранных управ и отдельных мест в учреждении не были показаны. Этот предмет ведения имперской властью был вменён губернскому (областному) Правлению под надлежащий надзор губернатора как «хозяина губернии».

Состав, предметы ведения и обязанности властей и мест сельскому (крестьянскому) и иностранному управлениям в Сибирском учреждении были изложены общим правилом без детализации прав, обязанностей и ответственности для должностных лиц и мест волостного и сельского управлений [21, ст. 136 – 139] и управлений иностранцев [21, ст. 140 – 153].

Взаимоотношения мест и лиц крестьянского (сельского) общественного управления и иностранного с окружными учреждениями в местном государственном управлении Сибири были законодательно определены в третьей части «Учреждения. Для управления Сибирских губерний»: в «Общем Наказе управлению» [22, л. 32 – 39]. Образ сношений для всех степеней в управлении, установленный в «Учреждении. Для управления Сибирских губерний», был однообразным [20, ст. 203].

Нормативный акт «Учреждение. Для управления Сибирских губерний» законодательно:

- определил сущность власти вообще и ее пределы;
- вменил полномочия учреждениям различных степеней в местном и местном государственном управлениях;
- установил образ сношений учреждений (установлений) и должностных лиц различных уровней (степеней) в местном государственном управлении между собой и с крестьянским (иностраным) общественным управлением;
- назначил меру и степени ответственности должностным лицам и учреждениям (установлениям) в местном государственном и крестьянском (иностранном) общественном управлениях Сибири [20, ст. 555 – 585].

Согласно «Учреждению. Для управления Сибирских губерний» места и лица волостного (иностранного) общественного управления были подведомственны учреждениям окружного управления, в котором общее окружное управ-

ление **осуществляло надзор** над правильным и успешным течением дел в местах ему подчиненных как окружного, так и городского и волостного (иностранного) управлений и несло ответственность за их деятельность. Общее окружное управление подчинялось общему губернскому управлению и представляло ему на утверждение предварительную раскладку городских, земских, волостных и иностранных повинностей [21, ст. 1246] и ряд других обязанностей.

Частное окружное управление **осуществляло контроль**, рассматривало и разрешало практические вопросы, подлежащие ведению [20, ст. 69 – 99]:

- *окружным судом*, гражданские тяжёлые и уголовные дела. Жалобы на управления волостные и иностранные окружный суд разрешал окончательно на основе простых, но не апелляционных жалоб, с соблюдением годового срока подачи и в ряде других случаев;
- *земским судом*, по земской полиции, по хозяйству и по суду;
- *окружным казенным управлением*, сбор всякого рода доходов по окладным книгам и расписаниям и некоторые др.;
- *медицинской частью*, выявление и борьбу с заразными и повальными болезнями и ряд других мер;
- *окружным стряпчим*, представление замечаний, сведений и ведомостей по делам надзора во всех местах окружного, крестьянского и иностранного управлений и в других случаях.

В основание взаимоотношений мест и лиц волостного (иностранного) общественного управления с окружными учреждениями местного государственного управления Сибири верховная власть положила следующие принципы:

- принцип «места», который означал изыскание наилучших способов к удобнейшему разрешению дел и исполнению предписаний высшего начальства на существующем уровне (степени) в местном государственном управлении Сибири, например на окружном уровне или областном, и в местном управлении – волостном (иностранном);
- принцип «единства» обеспечил общность способов и методов разрешения вопросов на всех степенях (уровнях) в местном и местном государственном управлениях Сибири;
- принцип «иерархичности» заложил строгий порядок соподчиненности учреждений местного управления местам и лицам установлений государственного управления Сибири «снизу-вверх». Места и лица крестьянского (иностранного) общественного управления были подчинены окружным учреждениям;
- окружные учреждения и лица подчинялись общему губернскому (областному) управлению;
- губернские и областные учреждения были подведомственны своим главным управлениям;
- главные управления были подчинены подлежащим министерствам и Правительствующему Сенату;
- принцип «обязательности» закрепил беспрекословность и обязательность в исполнении предписаний и указаний высшего начальства учреждениями каждой степени (уровня) как в местном, так и местном государственном управлениях Сибири;
- принцип «определенности» фактически исключил для любого уровня (степени) управления возможность перемены или отмены постановления высшего начальства или равного ему.

По «Учреждению. Для управления Сибирских губерний» волостные Правления и иностранные Управы были

подчинены частному окружному управлению, сельские старшины и родовые – волостным Правлениям и инородным Управам соответственно, и направляли им *рапорты, донесения и представления* об исполнении полученных ими указов, предписаний и распоряжений.

Установления частного окружного управления подчиненным им местам и лицам посылали указы, между собою сносились сообщениями, высшим местам и лицам делали донесения и представления [20, ст. 207].

Все выше поставленные правила по порядку и способам взаимных отношений мест и лиц крестьянского (сельского) и инородного общественного управлений с учреждениями местного государственного управления нашли свое подтверждение в документах фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК), Государственного исторического архива Иркутской области (ГИАИО), Государственного исторического архива Новосибирской области (ГИАНО), Государственного архива Омской области (ГИАОО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива в Тобольске (ГА в Тобольске) и Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК).

Для мест и лиц крестьянского (инородного) общественного управления основными формами документов были *рапорты, донесения, представления* и, крайне редко, *прошения*.

Так, в деле 37, описи 1, фонда 282 Государственного архива Томской области отложились *рапорты* волостных Правлений Томской округи об исполнении повинностей за 1834 г. и о текущих ценах на продукты питания за январь 1835 г. [15, л. 1 – 8].

В деле 12, описи 1, фонда 9 Государственного архива Омской области сохранены рапорты Кулачинского волостного Правления Омскому земскому суду с приложением ведомостей о ценах на хлеб и фураж. Рапорты были подписаны председателями волостных Правлений и писарями [17, л. 123 – 128].

В деле 659, описи 1, фонда 117 Архивного агентства Администрации Красноярского края сосредоточены рапорты Низовского крестьянского старшины П. Сухина Туруханскому отдельному заседателю об исполнении его указа о взыскании с крестьян Верхне – Бацкого участка государственной подати [12 л. 30].

В деле 3086, описи 2, фонда Д. 1 Центра хранения архивного фонда Алтайского края сохранены рапорта Бухтарминского волостного Правления начальнику Бухтарминского края о выгоне в августе на выпас лошадей деревень Семёновской и Бочкарёво [1, л. 14].

В деле 56, описи 1, фонда Д. 78 Государственного архива Новосибирской области собраны рапорты Кайлинского волостного Правления за 1825 – 1827 гг. о проезде через селения волости должностных лиц. Рапорты были подписаны старостами селений.

На рапортах приложены оттиски печатей волостных Правления [13, л. 4 – 7].

В деле 79, описи 1, фонда 464 Государственного архива в Тобольске собраны рапорты Кугаевского волостного Правления Тобольской округи об исполнении государственной подати и земских повинностей крестьянами селений волости [5, л. 118 – 121]. К рапортам были приложены ведомости с росписями подавших подати.

Приведённые выше документы подтверждают факты надлежащего исполнения волостными Правлениями кре-

стьянского (инородного) общественного управления правил взаимных отношений, установленных в Сибирском учреждении.

Донесения, присылаемые подчинёнными местами и лицами, в окружные управления, являлись важнейшей формой обратной связи мест и лиц крестьянского (инородного) общественного управления и чиновников окружных управлений (установлений).

Так, в январе 1825 г. Туруханскому отдельному заседателю поступило донесение Верхнее-Избачкого родового управления князя С. Синякина о взыскании с остяков за 1824 г. мягкой рухляди соболиными и горностаевыми шкурами [11, л. 53].

К донесению были приложены ведомости с фамилиями остяков, сдавших шкуры.

В январе 1829 г. Киренское волостное Правление в Киренское окружное управление Иркутской губернии прислало донесение и поимённые списки 30 человек, заболевших оспой [9, л. 18 – 20].

В мае 1853 г. Агинская степная Дума в донесении от 20.05. известило Читинского окружного исправника об убийстве инородца Буртаева [6, л. 64 – 65].

В январе 1854 г. Кайлинское волостное Правление в донесении в Томскую округу от 11 января сообщило об открытии переправы от Ояшкино до Барнаула. Первым переправой воспользовался сотник Карп Елагин [14, л. 46], о чём в журнале была оставлена соответствующая запись.

В январе 1915 г. Уватовское волостное Правление в донесении крестьянскому начальнику 3 участка Тобольского уезда сообщило о состоянии и движении местных продовольственных запасов по волости за пять подведомственных ему крестьянских обществ [4, л. 4 – 5].

Как видно из приведённых архивных данных, и этот способ взаимных отношений места и лица крестьянского (инородного) общественного управления в отношении высших мест применяли в соответствии с требованиями имперского законоположения.

Представления мест и лиц крестьянского (инородного) общественного управления чиновным особам округ являлись обязательным элементом установленной верховной властью системы служебных отношений низших мест с высшими.

Так, в январе 1826 г. Нижне-Бацкое родовое управление Енисейской округи в представлении на имя Туруханского отдельного заседателя Воскобойникова известило о сборе податей на сумму 230 руб. К представлению были проложены ведомости с росписями сдавших подати [10, л. 5 об. – б]. Представление было подписано родовым старшиной и скреплено печатью управы. Подпись писаря отсутствовала.

В январе 1866 г. Успенское волостное Правление в представлении № 14 от 04.01.1866 г. подало в Нерчинский земский суд отчёт о состоянии дел по волости в установленной правилами форме. Первом в перечне мест значились дворяне, за ними следовали духовенство, городские обыватели, сельские общества и прочие.

На последнем месте значились осуждённые.

Представление было подписано старостой Голобоковым и писарем Шаровым [7, л. 4 – 6].

В декабре 1876 г. Тальминское волостное Правление в представлении Иркутскому окружному полицейскому управлению сообщило данные о числе магометан, количестве мечетей и духовенстве, состоящих на учёте в правле-

нии волости насчитывалось одна мечеть и два служителя культа [9, л. 5 – 5 об.].

В августе 1904 г. Чатское инородное управление в представлении на имя Томского уездного распорядительного комиссариата подало списки солдаток для получения соли, круп, капусты и других продуктов питания. Представление подписано было старшиной Управы Мухаметшиным и приложена была печать [16, л. 1 – 4]. Подпись писаря отсутствовала.

В мае 1913 г. Карагайское волостное Правление в представлении на имя Тобольского уездного начальника подало списки крестьян волости, кои могли по своим свойствам состоять присяжными заседателями при отправлении правосудия в волостном суде [4, л. 1 – 5]. Представление подписали староста и писарь правления.

Как видно из приведённых выше примеров, этот способ служебных отношений мест и лиц общественного крестьянского (инородного) управления с окружными учреждениями местного государственного управления применялся надлежащим образом.

Прошения – редкий вид и форма служебных отношений, который применялся между местами общественного и учреждениями окружного управления системы местного государственного управления Сибири. В основном прошения носили личностный характер и подавались физическими лицами, состоящими на службе... Однако автору удалось найти пример иного действия. В сентябре 1836 г. крестьянские общества Верхнее-Бацкое и Дудинское обратились к Туруханскому отдельному заседателю Воскобойникову с прошением об открытии для их сёл волостного Правления [12, л. 1 – 9]. Документальных подтверждений, состоялось ли открытие, автором не обнаружено. Все перечисленные выше примеры убедительно подтверждают

применение местами и лицами общественного (инородного) и чинами окружного управления местного государственного управлений Сибири установленных для них верховной властью, способов и форм взаимных отношений.

Таким образом, взаимные отношения мест и лиц крестьянского (инородного) общественного управления и окружных учреждений в местном государственном управлении Сибири в период с 1822 г. по 1898 г., носили чётко очерченный законоположением порядок субординации.

Порядок и состояние дел в управлениях (волостных и инородных), содержание и состояние служебного делопроизводства в Правлениях и Управах, систематически проверялись стряпчими и заседателями земских судов (приставами), а также окружными начальниками в периоды их ревизий. Безобразий было много, но по мере продвижения реформы, их становилось всё меньше. Практика и опыт функционирования волостных Правлений и инородных Управ в Сибири, расширение системы начального образования в сельских обществах, способствовало привлечению грамотных лиц в местное управление и улучшению самого управления.

Приведённые выше архивные документы, подтверждают факты строгого, точного и неукоснительного исполнения местами и лицами крестьянского (инородного) общественного управления порядка и правил взаимных отношений с учреждениями местного государственного управления Сибири, установленных имперским центром в отношении окраинной территории Российской империи.

Нормативная база, принятая для Сибири в 1822 г., без каких-либо существенных изменений, устойчиво функционировала вплоть до марта 1917 г. – Февральской революции.

Литература

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д. 1. Оп. 2. Т. 2. Д. 3086.
2. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3042.
3. Государственный архив в Тобольске (ГА в Тобольске). Ф. 346. Оп. 1. Д. 22.
4. ГА в Тобольске. Ф. 348. Оп. 1. Д. 64.
5. ГА в Тобольске. Ф. 464. Оп. 1. Д. 79.
6. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 47.
7. ГАЗК. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 474. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАИО. Ф. 90. Оп. 3. Д. 4.
10. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 117. Оп. 1. Д. 282.
11. ГА КК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 423.
12. ГА КК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 659.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д. 78. Оп. 1. Д. 56.
14. ГАНО. ФД – 78. Оп. 1. Д. 116.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 282. Оп. 1. Д. 37.
16. ГАТО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 79.
17. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 12.
18. Полное Собрание Законов Российской империи. ПСЗ – 3. Т. 18. 15503.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Д. 411.
20. Свод законов Российской Империи (СЗ РИ). Ч. II. Особенные губернские учреждения. Кн. I. Учреждение для управления Сибирских губерний и областей. СПб., 1842.
21. СЗ РИ. Ч. II. Учреждения губернские. Кн. VI. Свод учреждений для управления Сибирских губерний и областей. СПб., 1832.
22. Съёмщиков Е. А. Местные органы и учреждения государственного управления Сибири 1822 – 1898 гг.: способы взаимоотношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 143. С. 22 – 26.

THE «SIBIRSKOE UCHREZHDIENIE» SET OF LAWS OF MUTUAL RELATIONS BETWEEN LOCAL STATE BODIES OF SIBIRIAN MANAGEMENT AND PEASANTRY PUBLIC AUTHORITIES IN 1822 – 1898

Yevgeny A. Syemshchikov^{1, @}

¹ Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics, 49, Kronverksky pr., Saint-Petersburg, Russia, 197101

@ kasha366@yandex.ru

Received 28.04.2016.

Accepted 31.05.2016.

Keywords: state management, mutual correspondence, bodies and places, characteristic, order.

Abstract: The article deals with the problems of mutual relations between Siberian local state bodies system and public peasantry authorities' places. In the a set of laws called «Sibirskoe Uchrezhdenie» the supreme authorities set up methods and forms of work relations between bodies and places and gave order of mutual correspondence. The author characterizes forms of mutual correspondence, based on archive documents. The author proves with examples that public peasantry authorities addressed local state bodies only in accordance with the formal procedure prescribed for them by the supreme authorities.

For citation: Syemshchikov E. A. «Sibirskoe uchrezhdenie» o vzaimootnosheniakh mest i lits krest'ianskogo (inorodnogo) obshchestvennogo upravleniia s okruzhnymi uchrezhdeniiami sistemy mestnogo gosudarstvennogo upravleniia Sibiri v 1822 – 1898 gg. [The «Sibirskoe uchrezhdenie» set of laws of mutual relations between local state bodies of Siberian management and peasantry public authorities in 1822 – 1898]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 99 – 103. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-99-103.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [The State Archives of the Altai Territory]. Found 1, List 2, vol. 2, File 3086.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [The State Archives of the Altai Territory]. Found 1, List 2, File 3042.
3. Gosudarstvennyi arkhiv v Tobol'ske (GA v Tobol'ske) [The State Archives in Tobolsk]. Found 346, List 1, File 22.
4. Gosudarstvennyi arkhiv v Tobol'ske [The State Archives in Tobolsk]. Found 348, List 1, File 64.
5. Gosudarstvennyi arkhiv v Tobol'ske [The State Archives in Tobolsk]. Found 464, List 1, File 79.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia (GAZK) [The State archive of the Trans-Baikal Territory]. Found 10, List 1, File 47.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia [The State archive of the Trans-Baikal Territory]. Found 92, List 1, File 3.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO) [State Archives of the Irkutsk region]. Found 474, List 1, File 2.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archives of the Irkutsk region]. Found 90, List 3, File 4.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiar'skogo kraia (GA KK) [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 117, List 1, File 282.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiar'skogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 117, List 1, File 423.
12. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiar'skogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Found 117, List 1, File 659.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO) [State Archives of Novosibirsk Region]. Found 78, List 1, File 56.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State Archives of Novosibirsk Region]. Found 78, List 1, File 116.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State Archives Tomsk region]. Found 282, List 1, File 37.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archives Tomsk region]. Found 113, List 1, File 79.
17. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (GIAOO) [The State Historical Archive of Omsk Region]. Found 9, List 1, File 12.
18. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZ – 3, vol. 18, 15503.
19. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [The Russian State Historical Archive]. Found 1329, List 1, File 411.
20. Svod zakonov Rossiiskoi Imperii (SZ RI). Ch. II. Osobennye gubernskie uchrezhdeniia. Kn. I. Uchrezhdenie dlia upravleniia Sibirskikh gubernii i oblastei [The Code of Laws of the Russian Empire. Part II. Special provincial institutions. Book I. Establishment of the management of the Siberian provinces and regions]. Saint-Petersburg, 1842.
21. Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. Ch. II. Uchrezhdeniia gubernskie. Kn. VI. Svod uchrezhdenii dlia upravleniia Sibirskikh gubernii i oblastei [The Code of Laws of the Russian Empire. Part II. Provincial agencies. Book VI. Set of facilities for managing the Siberian provinces and regions]. Saint-Petersburg, 1832.
22. S'emshchikov E. A. Mestnye organy i uchrezhdeniia gosudarstvennogo upravleniia Sibiri 1822 – 1898 gg.: sposoby vzaimootnoshenii [The tenant EA local authorities and government agencies in Siberia in 1822 – 1898 years: how relations]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = News of the Russian State Pedagogical University named A. I. Herzen*, no. 143 (2011): 22 – 26.

УДК 904

ЕГИПЕТ. ОТКРЫТ НЕИЗВЕСТНЫЙ ТИП ПОРТКУЛИСЫ В ЛОМАННОЙ ПИРАМИДЕ СНЕФРУ В ДАШУРЕ

Александр М. Ярошук^{1, @}

¹ Кемеровское отделение Союза писателей России, Россия, 650000, г. Кемерово, Советский пр-т, 40

@ ketprosaik@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2016.

Принята к печати 21.06.2016.

Ключевые слова: порткулиса, горизонтальный коридор.

Аннотация: Статья посвящена исследованию устройства и принципа действия порткулисы, перекрывшей коридор в Ломаной пирамиде. Доказывается, что схема сработавшей порткулисы, приведённая исследователем Д. Перингом (1839 г.), ошибочна. На неё ссылаются в своих работах египтологи на протяжении многих лет. Автор делает вывод: при попытке проникновения в пирамиду расхитителей пришла в действие порткулиса нового типа.

Для цитирования: Ярошук А. М. Египет. Открыт неизвестный тип порткулисы в ломаной пирамиде Снефру в Дашуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 104 – 107. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-104-107.

Немецкий писатель К. Керам (Марек) в своей книге «Боги, гробницы, учёные» отвёл грабителям египетских пирамид целую четырнадцатую главу – «Грабители в Долине Царей» [2]. И на это есть веские причины: что ни захоронение, то ограблено. Автору статьи представляется, что именно воры вынудили фараонов строить громадные пирамиды, совершенствовать способы защиты, ускоряя технический прогресс. У каждой пирамиды есть своя неповторимая конструкция защиты и история ограбления. Не стала исключением и пирамида Снефру, что в Дашуре (рис. 1).

Рис. 1. Ломаная пирамида Снефру и её спутница [4]
Fig. 1. The Bent Pyramid of Sneferu and its satellite [4]

Ломаную пирамиду (рис. 2) впервые описал в 1737 г. английский юрист Р. Покок (1704 – 1769). В 1892 г. обстоятельно исследовал Д. Перринг (1813 – 1865) [4]. А. Хусейн (1846 – 1937) проработал у пирамиды в 1946 – 1949 гг., а позднее египетский археолог А. Фахри (1905 – 1973) [9].

Внутреннее устройство Ломаной пирамиды сложное и запутанное [6]. Вход с западной стороны в верхний ярус помещений намного выше, чем с северной [10]. Внутри камеры несколько колодцев, похожих на ловушки. В верхнем ярусе две многотонные порткулисы, одна сработала, другая в насторожённом положении, как капкан, подперта брусками [5].

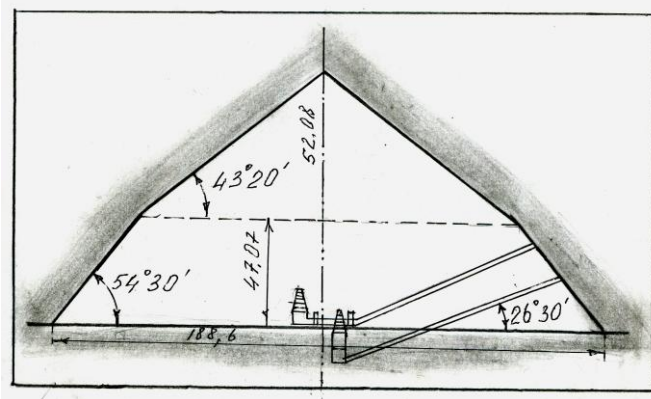

Рис. 2. Схема Ломаной пирамиды (рис. автора) [1]
Fig. 2. The scheme of the Bent Pyramid (author's sketch) [1]

Сработавшая порткулиса представляет собой каменную заслонку с размерами: высота – 2,10; ширина – 0,73 (в метрах) [5]. Два противоположных угла срезаны. Плоскости срезов параллельны, но отличаются размерами. Длина не дана, но если её условно принять равной высоте, то вес порткулисы составит никак не менее шести тонн. Принцип её действия по схеме Д. Перринга, как считается, вполне очевиден – срабатывает сторожок, и она под собственным весом скользит по наклонной плоскости вниз, перекрывая коридор. Так и должна была работать вторая порткулиса, подпертая брусками. Эти порткулисы напоминают каменные заслонки Предкамеры в пирамиде Хеопса [1; 11].

А. Пучков по результатам своих исследований в составе группы ИСИДА (исследовательское сообщество по изучению древних артефактов) [5] в 2013 г. опубликовал

статью «Комплекс Ломаной пирамиды. Факты, идеи, гипотезы», где привёл схему порткулисы, изложенную Д. Перрингом. В разделе 12 «Почему сработала только одна порткулиса?» высказывает идею, что её опустили

сами строители, чтобы избежать сквозняков, которые указали бы вход в усыпальницу. Но тогда зачем пробили проход в самой порткулисе?

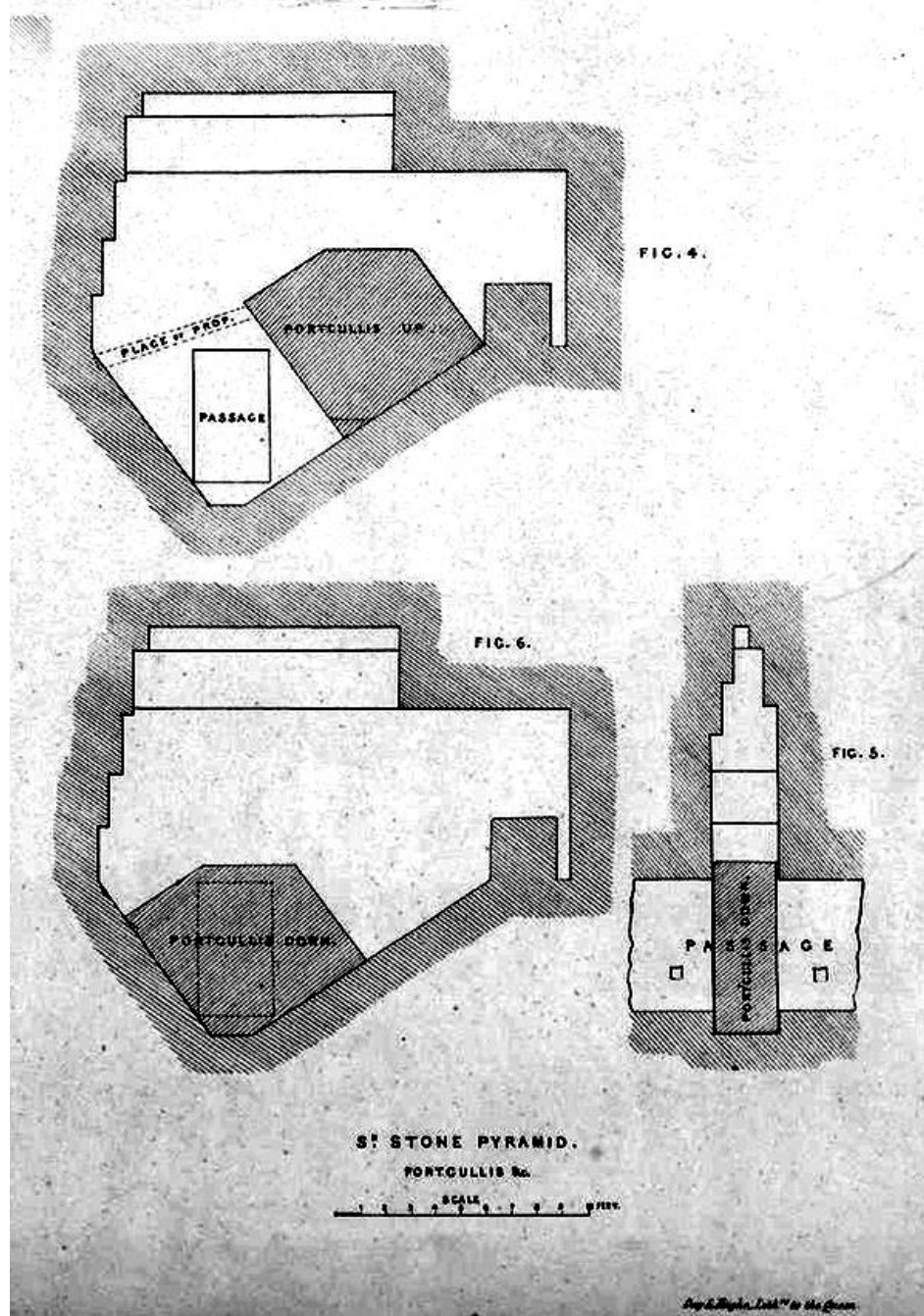

Рис. 3. Порткулиса. Схема Д. Перринга [3]

Fig. 3. The portcullis. D.Perring's scheme [3]

А. Пучков, как и все предыдущие авторы: П. Томпкинс [7], Д. Унис [8], Э. Лауэр [3], так и не понял, что перед ним новая, неизвестная до сих пор конструкция порткулисы, которая оказалась неожиданной и для грабителей пирамиды.

При изучении схемы Д. Перринга обращает на себя внимание несоразмерно высокий потолок ниши, где помещается порткулиса (справа поперечный её разрез). Далее – непонятно, с какой целью срезаны углы порткули-

сы. На второй, насторожённой, срезов нет. Но главным является несоответствие сопряжения опущенной порткулисы с полом коридора на схеме Д. Перринга (рис. 3) и на снимке А. Пучкова (рис. 4).

Д. Перринг в чём-то сомневался, вырисовывая сопряжение порткулисы с полом. Он обозначил срез нижнего угла, но не удалил его. Очевидно, истинное сопряжение порткулисы с полом коридора он не видел, так как оно в то время было завалено обломками из пробитого

лаза, но логично предположил, что нижний срез должен точно соответствовать профилю пола коридора.

Порткулиса, перекрывшая коридор, работает иначе – она *опрокидывается* (рис. 5). Теперь становится понятно назначение верхнего среза – чтобы при опрокидывании порткулиса не зацепилась ни за противоположную стенку, ни за потолок ниши.

Рис. 4. Снимок опущенной порткулисы со стороны коридора [5]

Fig. 4. Photo of the lowered portcullis as seen from the corridor [5]

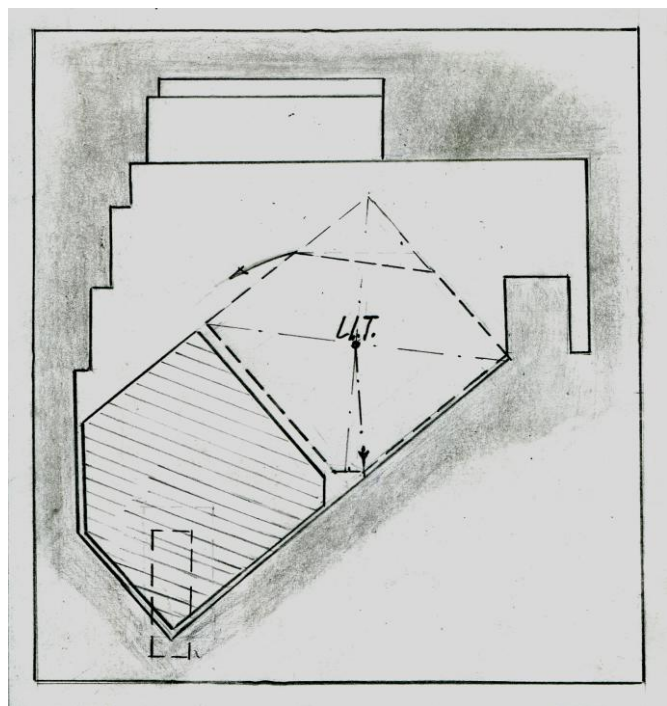

Рис. 5. Схема опрокидывания порткулисы (рис. автора)
Fig. 5. The scheme of the turnover of the portcullis (author's sketch)

Из схемы Д. Перринга можно предположить, что строители изначально изготовили порткулису квадратной; по диагоналям графически определили центр тяжести. Затем, чтобы не нарушать центровку, параллельно друг другу срезали углы. Также графически вычислили и

угол наклона плоскости с таким расчётом, чтобы центр тяжести (ЦТ) порткулисы лежал на одной вертикальной прямой с её нижним передним краем (рис. 5). Эта порткулиса имела теперь только одну точку (линию) опоры. Ловушка готова! При малейшем толчке центр тяжести порткулисы смещался, она теряла устойчивость и, поворачиваясь вокруг точки опоры, опрокидывалась в сторону коридора. То есть принципиальная разница в работе порткулис определялась наличием срезов в верхней и нижней части порткулисы. Гениальное изобретение!

Очевидно, спровоцировали её падение сами грабители попыткой подпереть порткулису. Вот и ответ на вопрос раздела 12 в статье А. Пучкова. То, что грабители попались, красноречиво говорит пробитый лаз через порткулису для освобождения пойманных в ловушку грабителей (рис. 6). Иначе его назначение никак не объяснить.

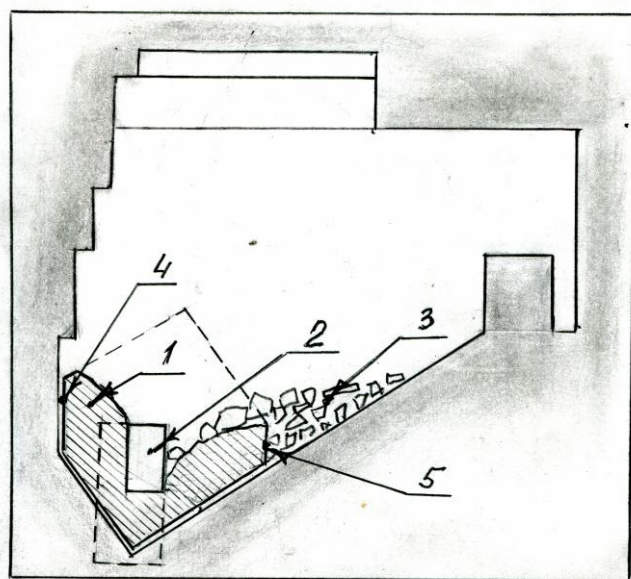

Рис. 6. Состояние порткулисы на сегодня (рис. автора)
Fig. 6. Present condition of the portcullis (author's sketch)

Где:

1. Оставшаяся часть порткулисы.
2. Сквозной проход через неё в коридор.
3. Обломки от порткулисы.
4. Край верхнего среза.
5. Край нижнего среза.

Приходим к выводу, что в Ломаной пирамиде Снефру нашли применение два вида запорных устройств:

- порткулиса, скользящая по наклонной плоскости (которая не сработала),
- порткулиса, опрокидывающаяся – поворачивающаяся вокруг точки опоры.

Примечание: снимки взяты из материалов ИСИДА. [5]. Рисунки автора.

Литература

1. Египет: земля фараонов. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». М.: Наука. 2001.
2. Керам К. Боги, гробницы, учёные. М.: Издательство иностранной литературы. 1963. 400 с.
3. Лауэр Э. Загадки египетских пирамид. М., 1966.
4. Перринг Д. Пирамиды в Гизе. Ч. III: Пирамиды южнее Гизе. Лондон, 1837.
5. Пучков А. Комплекс Ломаной Пирамиды. Факты, идеи, гипотезы. 2013 // Исида. Режим доступа: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_gipotezy/6-1-0-8
6. Скляр А. Ю. Пирамиды. Загадки строительства и назначения. М.: Вече. 2013. 288 с.
7. Томпкинс П. Тайны Великой пирамиды Хеопса. Загадки двух тысячелетий. М.: Центрполиграф, 2008. 480 с.
8. Унис Д. Отчёт об экспедиции в Египет. 2012 // Исида. Режим доступа: <http://isida-project.ucoz.com/forum/31-18-1>
9. Фахри А. Древние загадки Фараонов. М.: Центрполитиздат, 2008. 256 с.
10. Шалаби А. Весь Египет. От Каира до Абу-Симбела и Синай. Флоренция, 2003. 128 с.
11. Ярошук А. Грузовой лифт пирамиды Хеопса // News of science: Proceedings of materials the international scientific conference, 30 – 31 августа 2015 г. / ред. Н. П. Несговорова. М.; Карловы Вары. С. 139 – 156.

EGYPT. AN UNKNOWN PORTCULLIS TYPE IS DISCOVERED IN THE BENT PYRAMID OF SNEFERU IN DUSHORE

Alexandr M. Yaroschuk^{1,*}

¹ Kemerovo Union of Russian Writers, 40, Sovetskii prospect, Kemerovo, Russia, 650000
* kemprosaik@mail.ru

Received 28.04.2016.
Accepted 21.06.2016.

Abstract: The article analyzes the design and operation of the portcullis blocking the corridor in the Bent Pyramid. It proves that the drawing of an activated portcullis demonstrated by D. Perring in 1939 is wrong. Egyptologists have been making references to the drawing for many years. The author concludes that a new type of portcullis was activated in the attempt of the robbers to enter the pyramid.

Keywords: portcullis, horizontal corridor.

For citation: Yaroschuk A. M. Egipet. Otkryt neizvestnyi tip portkulisy v lomanoi piramide Snefru v Dashure [Egypt. An unknown portcullis type is discovered in the Bent Pyramid of Sneferu in Dushore]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 104 – 107. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-104-107.

References

1. *Egipet: zemlia faraonov. Entsiklopediia "Ischeznuvshie tsivilizatsii"* [Egypt: land of the pharaohs. Encyclopedia "Lost civilization"]. Moscow: Nauka, 2001.
2. Ceram K. *Bogi, grobnitsy, uchenye* [Gods, tombs, scientists]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1963, 400.
3. Lauer E. *Zagadki egipetskikh pyramid* [Riddles of the Egyptian pyramids]. Moscow, 1966.
4. Perring D. *Piramidy v Gize. Chast' III. Piramidy Gize* [The pyramids of Giza. Part III. The pyramids South of Giza]. London, 1837.
5. Puchkov A. *Kompleks Lomanoi Piramidy. Fakty, idei, gipotezy* [Complex Sloping Pyramid. Facts, ideas, hypotheses]. 2013. Available at: http://isida-project.org/publ/stati/drevnie_sooruzhenija/kompleks_lomanoj_piramidy_fakty_idei_gipotezy/6-1-0-8
6. Skliarov A. Iu. *Piramidy. Zagadki stroitel'stva i naznacheniiia* [Pyramid. Riddle construction and purpose]. Moscow: Vechе, 2013, 288.
7. Tompkins P. *Tainy Velikoi piramidy Kheopsa. Zagadki dvukh tysiacheletii* [The mystery of the great pyramid of Cheops. Mysteries of two thousand years]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008, 480.
8. Younis D. *Otchet ob ekspeditsii v Egipet* [The report on the expedition to Egypt]. 2012. Available at: <http://isida-project.ucoz.com/forum/31-18-1>
9. Fakhry A. *Drevnie zagadki Faraonov* [The ancient mysteries of the Pharaohs]. Moscow: Tsentrpolitizdat, 2008, 256.
10. Shalabi A. *Ves' Egipet. Ot Kaira do Abu-Simbela i Sinai* [The Whole Of Egypt. From Cairo to Abu Simbel and Sinai]. Florentsiia, 2003, 128.
11. Iaroshchuk A. Gruzovoi lift piramidy Kheopsa [The freight Elevator of the pyramid of Cheops]. *News of science: Proc. Intern. Sc. Conf.*, August 30 – 31 2015, Ed. Nesgovorova N. P. Moscow – Karlovy Vary, 139 – 157.

УДК 159.96

ОСОБЕННОСТИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕНЩИН НА КАЖДОМ ТРИМЕСТРЕ БЕРЕМЕННОСТИ

Любовь А. Агаркова^{1, @, *1}, Ирина Ю. Бухарина^{1, @2, *}, Анна Л. Ульянич^{2, @, *3}, Елена М. Вершкова^{3, @4, *}, Иван В. Толмачев^{4, @5, *}

¹ Томский научно-исследовательский институт акушерства, гинекологии и перинатологии, Россия, 634063, г. Томск, ул. Сергея Лазо, 5

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а

³ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, 634034, г. Томск, пр-т Ленина, 30

⁴ Сибирский государственный медицинский университет, Россия, 634050, г. Томск, Московский тр., 2

@¹ perinat@tomsk.net

@² bukhariirina@yandex.ru

@³ FiALe@yandex.ru

@⁴ vem@tpu.ru

@⁵ ivantolm@mail.ru

Поступила в редакцию 06.07.2016.

Принята к печати 16.09.2016.

Ключевые слова: беременность, психологическое состояние, качество жизни, физиологическое протекание беременности, репродуктивное здоровье, психологическое благополучие.

* Исследование поддержано грантом РГНФ 15-06-10666а «Оценка влияния психоэмоционального состояния, уровня качества жизни и городской среды на физиологическое протекание беременности, родов у женщины и состояние новорожденного».

Аннотация: В статье описана актуальность изучения качества жизни как интегративного фактора, оказывающего влияние на психоэмоциональное состояние женщин в период беременности. В соответствии с методологией изучения качества жизни его содержание раскрыто в показателях физического и психологического компонентов здоровья. С помощью метода описательной статистики и анализа достоверных различий представлено общее содержание и раскрыты специфические особенности качества жизни у женщин в период первого, второго и третьего триместров беременности. Установлено, что от первого триместра к третьему содержание компонентов качества жизни характеризуется возрастанием ограничений в выполнении физических нагрузок, улучшением общего эмоционального состояния и ростом жизненной силы и энергии. Раскрыты и описаны особенности психоэмоционального состояния женщин в период первого, второго и третьего триместров беременности. Установлено, что состояние большинства женщин на каждом триместре беременности характеризуется как благоприятное, однако в первом и в последнем триместре для женщин в большей степени характерны: повышенная тревожность, неуверенность в себе, ригидность, невозможность удовлетворения своих потребностей, чем в период второго триместра беременности. На основании результатов проведенного корреляционного анализа показана и описана взаимосвязь показателей качества жизни с показателями психоэмоционального состояния беременных женщин, определены условия физического и психологического благополучия на каждом триместре беременности.

Установлено, что в период первого и второго триместров беременности условиями физического и психологического благополучия выступают – готовность женщин к гибкому реагированию в новой жизненной ситуации, устойчивость к неудачам, уверенность в себе и оптимальный уровень тревожности; в период третьего триместра беременности – хорошее самочувствие, позитивное настроение, активность, устойчивость к неудачам и уверенность в себе.

Для цитирования: Агаркова Л. А., Бухарина И. Ю., Ульянич А. Л., Вершкова Е. М., Толмачев И. В. Особенности качества жизни во взаимосвязи с показателями психоэмоционального состояния женщин на каждом триместре беременности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 108 – 119. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-108-119.

Неблагоприятная демографическая ситуация в России обуславливает необходимость проведения социологических, психологических и клинико-медицинских исследований причин низкой рождаемости и осложнений беременности. Известно, что на физиологическое протекание беременности влияет множество факторов. Наряду с медико-биологическими факторами осложнения беременности исследователи отмечают социально-экономические и психологические факторы. К социально-экономическим относят условия, в которых находится женщина во время беременности – это экономический уровень жизни, условия профессиональной деятельности, семейное положение и др. [1; 5; 15]. Среди психологических факторов исследователи выделяют личностную зрелость, адекватную половозрастную идентификацию, интернальный локус контроля, адекватную самооценку, зрелую мотивацию рождения ребенка и оптимальный уровень реактивной и личностной тревожности [2 – 3; 6; 10 – 11; 13 – 14]. В том числе, согласно современным данным, выделяют такой интегративный фактор, как качество жизни, который также оказывает определенное влияние на психоэмоциональное состояние человека, его образ жизни и состояние здоровья [8 – 9]. В отношении качества жизни беременных женщин данная проблема рассматривается в контексте изучения содержания показателей физического и психологического компонентов здоровья у женщин с различными соматическими патологиями, сопровождающими процесс вынашивания беременности [4; 7; 9].

Качество жизни определяется как интегральная характеристика физического, психологического и социального функционирования человека, основанная на его субъективном восприятии [9]. Понятие «качество жизни» сочетает в себе условия жизнеобеспечения и состояния здоровья, позволяющие достичь физического, психологического и социального благополучия и самореализации. Качество жизни также определяет одновременную оценку человеком объективных условий его существования и субъективную оценку удовлетворенности этими условиями [8]. В связи с этим, мы полагаем, что оценка качества жизни может быть связана с формированием определенных физических и психоэмоциональных состояний у женщин в период беременности и выступать условием физического и психологического благополучия.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи показателей субъективного качества жизни и психоэмоционального состояния женщин в каждый период беременности в качестве условий физического и психологического благополучия.

Выборка исследования

В исследовании принимали участие 293 женщины: 108 женщин в первом триместре беременности (группа 1), 102 женщины во втором триместре беременности (группа 2) и 83 женщины – в третьем триместре беременности (группа 3). Сбор данных проходил на базе НИИ акушерства, гинекологии и перинатологии г. Томск. Основные демографические и клинические характеристики эмпирических групп представлены в таблице 1.

Таблица 1. Демографические показатели выборки исследования

Table 1. Demographic characteristics of the sample of the study

<i>Демографические показатели</i>	<i>Кол-во женщин 1 группы</i>	<i>Кол-во женщин 2 группы</i>	<i>Кол-во женщин 3 группы</i>
Возраст 19 – 25 лет	33 %	32 %	26 %
Возраст 26 – 33 лет	53 %	49 %	57 %
Возраст 34 – 43 лет	14 %	19 %	17 %
Гражданский брак	43 %	49 %	83 %
Зарегистрированный брак	57 %	51 %	17 %
Средний уровень образования	14 %	21 %	13 %
Средне-специальный уровень образования	28 %	27 %	25 %
Высшее образование	58 %	52 %	62 %

Методы исследования

Для оценки психоэмоционального состояния беременных женщин были использованы: методика оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (САН) и методика «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка.

Методика САН с помощью 30 полярных признаков, закодированных в цифры, позволяет описать актуальное состояние испытуемого. По результатам выполнения методики подсчитываются баллы, набранные по шкалам, и соотносятся с критериями оценки. Средний балл шкалы равен 4. Оценки, ниже 4 баллов свидетельствуют о негативном состоянии, от 4,0 – 5,5 баллов – о благоприятном эмоциональном состоянии испытуемого, а от 2,0 – 4,0 баллов – о неблагоприятном эмоциональном состоя-

нии испытуемого, связанного с психологическим напряжением, внутренними конфликтами или тяжелым соматическим состоянием.

Методика Г. Айзенка «Самооценка психических состояний» позволяет изучить уровень выраженности таких психических состояний, как тревожность, агрессивность, фрустрация, ригидность. Для каждого психического состояния определены уровневые показатели: от 0 до 7 баллов – низкая, от 8 до 14 баллов – допустимого уровня, от 15 до 20 баллов – высокая.

Качество жизни женщин изучалось с помощью Методики «Качество жизни» SF-36. Данная методика адаптирована «Институтом клинико-фармакологических исследований» (Санкт-Петербург) и включает 36 пунктов, которые сгруппированы в восемь шкал: «Физическое

функционирование» (PF), «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» (RPP), «Интенсивность боли» (BP), «Общее состояние здоровья» (GH), «Жизненная активность» (VT), «Социальное функционирование» (SF), «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE) и «Психическое здоровье» (MH). Показатели каждой шкалы варьируются между 0 и 100, где 100 представляет полное здоровье. Внутри методики выделены два компонента, первый – физический компонент здоровья, в его состав входят шкалы: «Физическое функционирование», «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием», «Интенсивность боли» и «Общее состояние здоровья». Второй компонент – психологический компонент

здоровья, его составляют шкалы: «Психическое здоровье», «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием», «Социальное функционирование» и «Жизненная активность».

Использованы методы статистической обработки: описательная статистика, анализ частотных таблиц, анализ достоверных различий, корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования с помощью метода описательной статистики и анализа достоверных различий получено представление о содержании показателей качества жизни в группах женщин первого, второго и третьего триместров беременности (таблицы 2 – 6).

Таблица 2. Описательная статистика показателей качества жизни на выборке первого триместра беременности (n = 108)

Table 2. Descriptive statistics of quality of life indicators on a sample of the first trimester of pregnancy (n = 108)

	Минимум	Максимум	Ср. значение	Станд. откл.	Дисперсия	Асимметрия / Станд. ошибка		Экцесс / Станд. ошибка	
PF	35	100	81,417	14,80	218,985	-,834	,221	,057	,438
RPP	0	100	62,083	37,09	1375,350	-,468	,221	-1,132	,438
BP	22	100	79,180	22,42	502,487	-,918	,221	,303	,438
GH	22	100	75,092	15,19	230,639	-,694	,221	,483	,438
VT	20	100	61,667	18,22	332,073	-,474	,221	-,319	,438
SF	25	100	77,708	21,20	449,536	-,651	,221	-,479	,438
RE	0	100	72,225	33,35	1112,495	-,809	,221	-,659	,438
MH	32	100	70,833	14,90	221,955	-,560	,221	-,135	,438

По данным таблицы 2 видно, что качество жизни женщин в период первого триместра беременности характеризуется высокими значениями по шкалам: «Физическое функционирование» (PF), «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» (RPP), «Социальное функционирование» (SF), «Рольное функ-

ционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE), «Общее состояние здоровья» (GH) и «Интенсивность боли» (BP). Средние значения получены по шкалам: «Жизненная активность» (VT) и «Психическое здоровье» (MH).

Таблица 3. Описательная статистика показателей качества жизни на выборке второго триместра беременности (n = 102)

Table 3. Descriptive statistics of quality of life indicators on a sample of the second trimester of pregnancy (n = 102)

	Минимум	Максимум	Ср. значение	Станд. откл.	Дисперсия	Асимметрия / Станд. ошибка		Экцесс / Станд. ошибка	
PF	0	100	73,16	18,747	351,444	-1,119	,226	2,028	,449
RPP	0	100	64,25	38,063	1448,775	-,526	,226	-1,257	,449
BP	32	100	80,74	21,817	475,966	-,656	,226	-,968	,449
GH	25	105	76,82	16,066	258,111	-,821	,226	,422	,449
VT	25	100	67,46	16,147	260,728	-,557	,226	-,213	,449
SF	37,5	100,0	82,566	17,5693	308,679	-,589	,226	-,884	,449
RE	0	100	76,05	33,660	1132,988	-1,175	,226	,080	,449
MH	36	100	74,74	13,602	185,010	-,623	,226	,093	,449

По данным таблицы 3 видно, что качество жизни женщин во втором триместре беременности определяется высокими показателями по шкалам: «Физическое функционирование» (PF), «Интенсивность боли» (BP), «Общее состояние здоровья» (GH), «Социальное функционирование» (SF), «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE) и «Психическое

здоровье» (MH). Средние значения получены по шкалам: «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» (RPP) и «Жизненная активность» (VT).

Таблица 4. Описательная статистика показателей качества жизни на выборке третьего триместра беременности (n = 83)

Table 4. Descriptive statistics of quality of life indicators on a sample of the third trimester of pregnancy (n = 83)

	Минимум	Максимум	Среднее значение	Станд. откл.	Дисперсия	Асимметрия / Станд. ошибка	Экссесс / Станд. ошибка
PF	10	100	70,36	17,717	313,892	-,947 ,264	1,474 ,523
RPP	0	100	55,72	38,319	1468,373	-,188 ,264	-1,359 ,523
BP	0	100	77,05	23,628	558,290	-,857 ,264	,096 ,523
GH	17	100	74,34	18,081	326,934	-,909 ,264	,623 ,523
VT	0	90	64,94	16,352	267,374	-1,509 ,264	3,402 ,523
SF	25	100	82,38	19,031	362,180	-1,036 ,264	,576 ,523
RE	0	100	77,54	34,198	1169,471	-1,326 ,264	,402 ,523
MH	20	100	74,70	15,743	247,847	-1,246 ,264	2,256 ,523

По данным таблицы 4 видно, что качество жизни женщин третьего триместра беременности также в большинстве своем характеризуются высокими показателями по шкалам: «Физическое функционирование» (PF), «Интенсивность боли» (BP), «Общее состояние здоровья» (GH), «Социальное функционирование» (SF), «Роль в функционировании, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE), «Психическое здоровье» (MH) и «Жизненная активность» (VT). Однако на данной выборке мы видим еще большее снижение значений по шкале «Роль в функционировании, обусловленное физическим состоянием» (RPP).

Данные таблиц описательной статистики свидетельствуют о том, что значение показателей асимметрии и

экссесса не по всем шкалам приближается к нулю, что свидетельствует об отклонении от нормального распределения признаков. В связи с этим для получения достоверных различий по показателям качества жизни между группами женщин был использован анализ достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни. Проведенный сравнительный анализ выявил достоверные различия в показателях качества жизни между группами первого и второго триместров беременности (таблица 5) и первого и третьего триместров беременности (таблица 6), достоверных различий между группами второго и третьего триместров беременности выявлено не было.

Таблица 5. Результаты анализа достоверных различий в показателях качества жизни между женщинами первого и второго триместров беременности

Table 5. The results of the analysis of significant differences in indicators of personality traits between women in the first and second trimesters of pregnancy

	U Манна-Уитни	W Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
PF	4487,000	9638,000	-3,344	,001*
RPP	5812,000	13072,000	-,545	,585
BP	5884,500	13144,500	-,388	,698
GH	5399,000	12659,000	-1,402	,161
VT	4808,000	12068,000	-2,657	,008*
SF	5436,500	12696,500	-1,357	,175
RE	5778,000	13038,000	-,654	,513
MH	4996,000	12256,000	-2,257	,024*

Примечание: * p < 0.05, ** p < 0.01.

Таблица 6. Результаты анализа достоверных различий в показателях качества жизни между женщинами первого и третьего триместров беременности

Table 6. The results of the analysis of reliable differences in the indicators of quality of life between women in the first and third trimesters of pregnancy

	U Манна-Уитни	W Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
PF	3088,500	6574,500	-4,626	,000**
RPP	4517,000	8003,000	-1,157	,247
BP	4756,000	8242,000	-,563	,573
GH	4946,500	12206,500	-,082	,935
VT	4407,000	11667,000	-1,400	,162
SF	4373,000	11633,000	-1,520	,128
RE	4462,000	11722,000	-1,398	,162
MH	4136,500	11396,500	-2,059	,039*

Примечание: * p < 0.05, ** p < 0.01.

Анализ средних значений и достоверных различий показателей качества жизни позволяют раскрыть содержание физического и психологического компонентов здоровья на выборках первого, второго и третьего триместров беременности.

Содержание шкал физического компонента здоровья оценивают уровень физического функционирования и степень влияния болевого симптома на общий уровень функционирования. Высокие средние значения по шкалам «Физическое функционирование» (PF), «Общее состояние здоровья» (GH), «Интенсивность боли» (BP) и средние значения по шкале «Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием» (RPP) во всех трех группах свидетельствует о том, что большинство женщин в каждый триместр беременности не испытывают ограничения в своем физическом функционировании, не чувствуют ограничивающих болезненных проявлений, удовлетворены общим состоянием здоровья и высоко оценивают его ресурсы.

Содержание шкал психологического компонента здоровья раскрывают особенности эмоционального состояния и оценивают степень его влияния на функционирование. Высокие средние значения по шкалам «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE) и «Социальное функционирование» (SE) свидетельствуют о том, что женщины всех трех групп не чувствуют ограничений для эффективного взаимодействия с окружающими в выполнении своих ежедневных ролевых задач. Средние значения шкал «Психическое здоровье» (MH) и «Жизненная активность» (VT) во всех группах женщин говорят о том, что для большинства женщин на протяжении всего периода беременности характерно ухудшение эмоционального состояния, повышение тревожности, снижение общего фона настроения и активности, что может быть обусловлено постоянными

гормональными и физическими изменениями организма, связанными с развитием беременности и ростом внутриутробно развивающегося ребенка.

Достоверное снижение значений по шкале «Физическое функционирование» (PF) от первой ко второй группе $U = 4487,000$, $p = 0,001$ и от первой к третьей группе $U = 3088,500$, $p = 0,000$ говорит о том, что с развитием беременности женщины достоверно сильнее ощущают ограничения в выполнении физических нагрузок (самообслуживание, ходьба, подъем по лестнице, переноска тяжестей и т. п.). При этом достоверное увеличение значения по шкале «Психическое здоровье» (MH) от первой ко второй группе $U = 4996,000$, $p = 0,024$ и от первой к третьей группе $U = 4136,500$, $p = 0,039$ свидетельствует о том, что с развитием беременности улучшается эмоциональное состояние и благополучие женщин. Достоверно высокие значения по шкале «Жизненная активность» (VT) у женщин второй группы $U = 4808,000$, $p = 0,008$ говорит о том, что женщины второго триместра беременности более положительно оценивают свое психическое состояние и в большей степени чувствуют свою внутреннюю энергию и жизненную силу.

Следующий этап исследования посвящен изучению особенностей психоэмоционального состояния женщин на каждом триместре беременности. Результаты описательной статистики показателей психоэмоционального состояния представлены в таблицах 7 – 9.

По данным таблицы 7 видно, что на выборке женщин первого триместра беременности средние значения по шкалам «Самочувствие» и «Настроение» находятся на уровне высоких значений, а по шкале «Активность» – на уровне средних значений. По шкалам «Тревожность», «Фрустрация» и «Агрессивность» средние значения соответствуют низким показателям, по шкале «Ригидность» – средним.

Таблица 7. Описательная статистика показателей психоэмоционального состояния женщин первого триместра беременности ($n = 108$)

Table 7. Descriptive statistics of the indicators of the psychoemotional state of women in the first trimester of pregnancy ($n = 108$)

	Ми- нимум	Мак- симум	Ср. значение	Станд. откл.	Дис- пер- сия	Асимметрия Стати- стика / Станд. ошибка		Экссесс Стати- стика / Станд. ошибка	
Самочувствие	0,0	9,7	5,210	1,6718	2,795	-1,023	,227	2,819	,451
Активность	0,0	8,6	4,481	1,6763	2,810	-,482	,227	1,588	,451
Настроение	0,0	9,7	5,751	1,7174	2,950	-1,695	,226	4,926	,449
Тревожность	0,0	15,0	6,321	4,4393	19,70 8	,109	,441	-1,213	,858
Фрустрация	0,0	15,0	5,857	4,2051	17,68 3	,230	,441	-,944	,858
Агрессивность	0,0	15,0	7,036	3,6361	13,22 1	,288	,441	-,419	,858
Ригидность	1,0	20,0	8,357	4,3903	19,27 5	,581	,441	,450	,858

Таблица 8. Описательная статистика показателей психоэмоционального состояния женщин на втором триместре беременности (n = 102)

Table 8. Descriptive statistics of the indicators of the psychoemotional state of women in the second trimester of pregnancy (n = 102)

	<i>Ми- нимум</i>	<i>Мак- симум</i>	<i>Среднее значение</i>	<i>Станд. откл.</i>	<i>Дис- персия</i>	<i>Асимметрия Статистика / Станд. ошибка</i>	<i>Экссесс Статисти- ка / Станд. ошибка</i>
Самочувствие	0,0	9,4	5,389	1,7049	2,907	-1,355 ,243	3,434 ,481
Активность	0,0	9,9	4,692	1,7286	2,988	-,507 ,243	1,841 ,481
Настроение	0,0	9,7	5,869	1,7134	2,936	-1,793 ,243	5,468 ,481
Тревожность	0,0	14,0	5,859	4,0077	16,061	,072 ,243	-1,145 ,481
Фрустрация	0,0	16,0	4,788	3,5865	12,863	,561 ,243	-,108 ,481
Агрессивность	0,0	20,0	7,667	4,2330	17,918	,149 ,243	,093 ,481
Ригидность	0,0	20,0	7,485	3,9289	15,436	,118 ,243	,318 ,481

По данным таблицы 8 видно, что на выборке женщин второго триместра беременности средние значения по шкалам «Самочувствие» и «Настроение» находятся на уровне высоких значений, а по шкале «Активность» – на уровне средних значений. По шкалам «Тревожность», «Фрустрация» и «Агрессивность» средние значения соответствуют низким показателям, по шкале «Ригидность» – средним.

Результаты таблицы 8 говорят о том, что на выборке женщин третьего триместра беременности средние значения по шкалам «Самочувствие», «Активность» и «Настроение» находятся на уровне высоких значений. По шкалам «Тревожность», «Агрессивность» и «Ригид-

ность» средние значения соответствуют средним показателям, по шкале «Фрустрация» – низким.

Для сравнительного анализа по показателям психоэмоционального состояния также был использован анализ достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни. Сравнительный анализ выявил достоверные различия в показателях психоэмоционального состояния между группами женщин первого и второго триместров беременности (таблица 10) и второго и третьего триместров беременности (таблица 11), достоверных различий между показателями групп женщин первого и третьего триместров беременности выявлено не было.

Таблица 9. Описательная статистика показателей психоэмоционального состояния женщин на третьем триместре беременности (n = 83)

Table 9. Descriptive statistics of the indicators of the emotional state of women in the third trimester of pregnancy (n = 83)

	<i>Ми- нимум</i>	<i>Мак- симум</i>	<i>Среднее значение</i>	<i>Станд. откл.</i>	<i>Дис- персия</i>	<i>Асимметрия Статистика / Станд. ошибка</i>	<i>Экссесс Статистика / Станд. ошибка</i>
Самочувствие	1	10	5,674	1,206	1,455	-,232 ,272	5,017 ,538
Активность	1	9	4,806	1,357	1,841	-,010 ,272	1,292 ,538
Настроение	2	11	5,868	1,236	1,528	,029 ,272	4,093 ,538
Тревожность	0	17	8,289	3,459	11,964	-,118 ,264	,090 ,523
Фрустрация	0	17	6,325	3,656	13,368	,386 ,264	-,019 ,523
Агрессивность	0	18	8,169	4,167	17,361	,128 ,264	-,496 ,523
Ригидность	0	16	8,819	3,558	12,662	-,425 ,264	,254 ,523

Таблица 10. Результаты анализа достоверных различий в показателях психоэмоционального состояния между женщинами первого и второго триместров беременности

Table 10. The results of the analysis of reliable differences in the indicators of the psychoemotional state between women in the first and second trimesters of pregnancy

	Самочувствие	Активность	Настроение	Тревожность	Фрустрация	Агрессивность	Ригидность
U Манна-Уитни	5023,000	5150,000	5156,500	5069,000	4556,500	5697,000	5337,000
W Вилкок-сона	11464,000	11591,000	11711,500	10019,000	9506,500	13572,000	10287,000
Z	-1,281	-,996	-1,086	-2,329	-3,397	-1,022	-1,773
Асимпто-тическая значимость (2 - сторонняя)	,200	,319	,278	,020*	,001**	,307	,076

Примечание: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Таблица 11. Результаты анализа достоверных различий в показателях психоэмоционального состояния между женщинами второго и третьего триместров беременности

Table 11. The results of the analysis of reliable differences in the indicators of the psychoemotional state between women in the second and third trimesters of pregnancy

	Самочувствие	Активность	Настроение	Тревожность	Фрустрация	Агрессивность	Ригидность
U Манна-Уитни	3624,000	3786,000	3441,000	3241,000	3775,000	4425,500	3836,000
W Вилкок-сона	8574,000	8736,000	6522,000	9569,000	10103,000	10753,500	10164,000
Z	-,701	-,222	-1,242	-3,622	-2,249	-,573	-2,092
Асимпто-тическая значимость (2-сторонняя)	,483	,825	,214	,000**	,025*	,567	,036*

Примечание: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Анализ средних значений и достоверных различий показателей психоэмоционального состояния на каждой выборке показали, что большинство женщин всех трех групп находятся в благоприятном эмоциональном состоянии, о чем свидетельствуют высокие значения по шкалам «Самочувствие», «Активность» и «Настроение».

Достоверные различия по шкалам «Тревожность» между первой и второй группой $U = 5069,000$ при $p = 0,020$ и между второй и третьей группой $U = 3241,000$, $p = 0,000$ и «Фрустрация» между первой и второй группой $U = 4556,500$ при $p = 0,001$ и между второй и третьей группой $U = 3775,000$, $p = 0,025$ свидетельствуют о том, что на первом и на последнем этапе беременности психоэмоциональное состояние женщин в большей степени отличается повышенной тревожностью, неуверенностью в себе, невозможностью удовлетворения своих потребностей, чем в период второго триместра беременности. Полученные закономерности могут быть

связаны с особенностями проживания процесса адаптации женщины к физиологическим изменениям организма, связанным с наступлением беременности в первом триместре и формированием нового образа себя как будущей матери и тревогой относительно предстоящих родов и ухода за новорожденным ребенком, в третьем триместре.

Достоверные различия по шкале «Ригидность» между второй и третьей группами $U = 3836,000$, $p = 0,036$ говорят о том, что женщины третьего триместра беременности в большей степени отличаются неизменностью взглядов и форм поведения, они более последовательны и тугоподвижны.

На следующем этапе исследования с помощью корреляционного анализа по Спирману была выявлена взаимосвязь между показателями качества жизни и психоэмоционального состояния у женщин на первом триместре беременности (таблица 12).

Таблица 12. Результаты корреляционного анализа показателей качества жизни и психоэмоционального состояния на выборке первого триместра беременности (n = 108)

Table 12. The results of correlation analysis of the indicators the quality of life and psychoemotional state on a sample of the first trimester of pregnancy (n = 108)

Показатели /	PF	RPP	BP	GH	VT	SF	RE	MH
Самочувствие	,071	,187	,067	,135	,283**	,146	-,020	,204*
Активность	-,032	,047	-,099	-,024	,109	,113	-,079	,084
Настроение	-,066	-,176	-,163	-,133	-,045	-,089	-,128	,171
Тревожность	-,091	-,061	-,250**	-,228*	-,272**	-,213*	-,214*	-,349**
Фрустрация	-,043	-,164	-,196*	-,287**	-,304**	-,209*	-,218*	-,307**
Агрессивность	-,085	-,122	-,137	-,059	-,123	-,132	-,380**	-,196*
Ригидность	-,042	-,059	-,182	-,212*	-,326**	-,192*	-,197*	-,287**

Примечание: * p < 0.05, ** p < 0.01.

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 12, наглядно показывают, что шкалы качества жизни имеют отрицательную взаимосвязь преимущественно со шкалами «Тревожность», «Фрустрация» и «Ригидность». Рассмотрим то, как данные связи отражаются на содержании физического и психологического компонентов здоровья.

Содержание взаимосвязей показателей физического компонента здоровья с психоэмоциональным состоянием. Отрицательные взаимосвязи шкалы «Интенсивность боли» (BP) с «Тревожностью» ($r = -0,250$) и «Фрустрацией» ($r = -0,196$) и шкалы «Общее состояние здоровья» (GH) с «Тревожностью» ($r = -0,228$) и «Фрустрацией» ($r = -0,287$) говорят о том, что чем выше женщины оценивают состояние своего здоровья, его ресурсы, возможности к обычной жизнедеятельности, даже при наличии болезненных симптомов на первом триместре беременности, тем меньше тревоги и невозможности удовлетворения собственных потребностей они испытывают.

Отрицательная взаимосвязь показателя «Общее состояние здоровья» (GH) и шкалы «Ригидность» ($r = -0,212$) говорит о том, что положительная оценка ресурсов своего здоровья в данный период беременности связана с состоянием готовности женщин к гибкому реагированию на изменение условий жизни и к формированию новых эффективных форм поведения.

Содержание взаимосвязей показателей психологического компонента здоровья с психоэмоциональным состоянием. Положительная взаимосвязь шкалы «Жизнен-

ная активность» (VT) с показателями «Самочувствие» ($r = 0,283$) и отрицательная связь с «Тревожностью» ($r = -0,272$), «Фрустрацией» ($r = -0,304$) и «Ригидностью» ($r = -0,326$) говорит о том, что жизненная активность и энергия в первый триместр беременности связаны с готовностью женщин гибко изменять поведение в новых условиях жизни, с низкой тревогой, хорошим самочувствием и устойчивостью к неудачам.

Отрицательная взаимосвязь показателя «Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE) и «Социальное функционирование» (SF) со шкалами «Тревожность», «Фрустрация», «Ригидность» и «Агрессивность» говорят о том, что высокая оценка успешности выполнения своих социальных ролей у женщин в первом триместре беременности связан с сохранением самооценки и уверенности в себе, с гибкостью реагирования на изменения внешней среды, с низкой тревожностью и агрессивностью.

Взаимосвязь показателя «Психическое здоровье» (MH) со шкалами «Тревожность» ($r = -0,349$), «Фрустрация» ($r = -0,307$), «Ригидность» ($r = -0,287$) и «Самочувствие» ($r = 0,204$) подтверждает гипотезу о том, что общий показатель психического здоровья связан с благоприятным психоэмоциональным состоянием.

На следующем этапе исследования с помощью корреляционного анализа по Спирману была выявлена взаимосвязь между показателями качества жизни и показателями психического состояния у женщин на втором триместре беременности (таблица 13).

Таблица 13. Результаты корреляционного анализа показателей качества жизни и показателей психического состояния на выборке второго триместра беременности (n = 102)

Table 13. The results of correlation analysis of the indicators of the quality of life and indicators of mental status on a sample of the second trimester of pregnancy (n = 102)

Показатели /	PF	RPP	BP	GH	VT	SF	RE	MH
Самочувствие	,192	,198	,147	,286**	,393**	,127	,082	,277**
Активность	,137	,119	,152	,227*	,353**	,117	,020	,209*
Настроение	,073	,061	,009	,269**	,227*	,047	,001	,231*
Тревожность	-,194	-,157	-,253*	-,176	-,324**	-,300**	-,215*	-,507**
Фрустрация	-,146	-,104	-,127	-,223*	-,152	-,197	-,245*	-,454**
Агрессивность	-,142	-,094	-,127	-,135	-,134	-,217*	-,201*	-,391**
Ригидность	-,227*	-,113	-,145	-,119	-,117	-,208*	-,206*	-,346**

Примечание: * p < 0.05, ** p < 0.01.

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 13, наглядно показывают, что на выборке второго триместра беременности шкалы психологического компонента здоровья имеют взаимосвязь преимущественно с показателями психоэмоционального состояния. Рассмотрим то, как данные связи отражаются на содержании физического и психологического компонентов здоровья.

Содержание взаимосвязей показателей физического компонента здоровья с психоэмоциональным состоянием. Взаимосвязи шкал «Интенсивность боли» (VT) с «Тревожностью» ($r = -0,253$) и «Общее состояние здоровья» (GH) с «Самочувствием» ($r = 0,286$) и «Настроением» ($r = 0,269$) говорят о том, что ощущение болезненных симптомов у женщин на втором триместре беременности связаны с высоким уровнем тревоги, а высокая оценка состояния здоровья и его ресурсов – с более благоприятным эмоциональным состоянием.

Содержание взаимосвязей показателей психологического компонента здоровья с психоэмоциональным состоянием.

Взаимосвязь шкал «Жизненная активность» (VT) и «Психическое здоровье» (MH) со шкалами «Самочувствие», «Активность» и «Настроением» доказывает закономерность о том, что общее состояние физического и психического здоровья связано с высоким уровнем жизненной активности и благоприятным эмоциональным состоянием.

Отрицательные взаимосвязи шкал «Физическое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (RE) и «Социальное функционирование» (SF) со шкалами «Тревожность», «Фрустрация», «Агрессивность» и «Ригидность» говорят о том, что эффективное социальное функционирование во втором триместре беременности (так же как и в первом триместре) связано с гибкостью в выборе способов взаимодействия, устойчивостью к неудачам, отказом от агрессивных способов взаимодействия и оптимальным уровнем тревоги.

На следующем этапе исследования с помощью корреляционного анализа по Спирману была выявлена взаимосвязь между показателями качества жизни и показателями психического состояния у женщин на третьем триместре беременности (таблица 14).

Таблица 14. Результаты корреляционного анализа показателей качества жизни и показателей психического состояния на выборке третьего триместра беременности ($n = 83$)

Table 14. The results of correlation analysis of the indicators of quality of life and indicators of mental status on a sample of the third trimester of pregnancy ($n = 83$)

Показатели /	PF	RPP	BP	GH	VT	SF	RE	MH
Самочувствие	,172	,404**	,307**	,398**	,534**	,578**	,280*	,492**
Активность	,214	,244*	,252*	,279*	,368**	,474**	,205	,355**
Настроение	,204	,335**	,232*	,398**	,374**	,447**	,178	,457**
Тревожность	,123	-,095	-,022	-,264*	-,245*	-,133	-,315**	-,434**
Фрустрация	,105	-,127	-,015	-,247*	-,198	-,195	-,249*	-,336**
Агрессивность	,029	,043	-,047	-,115	-,114	-,093	-,124	-,172
Ригидность	,124	-,144	-,029	-,199	-,111	-,055	-,020	-,211

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Данные таблицы 14 наглядно показывают, что содержание физического и психологического компонентов здоровья у женщин в период третьего триместра беременности в большей степени взаимосвязано с показателями «Самочувствия», «Активности», «Настроения» и «Тревожности». Общая оценка состояния здоровья, жизненная энергия, психологическое благополучие, низкая интенсивность болезненных проявлений и отсутствие ограничений в своей обычной жизнедеятельности у женщин данный период беременности в большей степени взаимосвязаны с хорошим самочувствием, позитивным настроением, работоспособностью и низким уровнем тревожности.

Отрицательная связь шкалы «Фрустрация» с показателями «Общее состояние здоровья» (GH) ($r = -0,247$), «Ролевое функционирование, связанное с эмоциональным состоянием» (RE) ($r = -0,249$) и «Психическое здоровье» (MH) ($r = -0,336$) свидетельствует о том, что высокая оценка своего физического и психического здоровья и их положительное влияние на эффективное выполнение социальных ролей у женщин на третьем триместре беременности в большей степени свя-

зано с формированием устойчивости к неудачам и уверенности в себе.

Выводы

1. Выявлены особенности качества жизни и психоэмоционального состояния женщин на каждом триместре беременности. Установлено, что от первого триместра к третьему содержание качества жизни определяется возрастанием ограничений в выполнении физических нагрузок, улучшением общего эмоционального состояния и ростом жизненной силы и энергии. Психоэмоциональное состояние большинства женщин в период каждого триместра характеризуется как благоприятное. При этом установлено, что на первом и на последнем триместре беременности для женщин в большей степени характерны повышенная тревожность, неуверенность в себе, ригидность, невозможность удовлетворения своих потребностей, чем в период второго триместра беременности.

2. Определено содержание взаимосвязей показателей качества жизни с психоэмоциональным состоянием женщин в первом триместре беременности. Установлено, что положительная оценка ресурсов своего здоровья и преодоление болезненных симптомов, высокий уровень

жизненной энергии и активная реализация социальных ролей в первый триместр беременности связаны преимущественно с готовностью женщин к гибкому реагированию на изменение условий жизни, устойчивостью к неудачам и оптимальным уровнем тревоги.

3. Выявлено содержание взаимосвязей показателей качества жизни с психоэмоциональным состоянием женщин во втором триместре беременности. Установлено, что высокая оценка физического компонента здоровья у женщин во втором триместре беременности в большей степени связана с благоприятным самочувствием и настроением. Эффективное социальное функционирование во втором триместре беременности связано с гибкостью в выборе способов взаимодействия, устойчивостью к неудачам, отказом от агрессивных способов взаимодействия и оптимальным уровнем тревоги.

4. Установлено, что большинство показателей качества жизни, раскрывающие содержание физического и психологического компонентов здоровья у женщин в

третьем триместре беременности связаны в большей степени с хорошим самочувствием, позитивным настроением, работоспособностью и низким уровнем тревожности, а эффективность выполнения обычной жизнедеятельности – с готовностью к изменению способов поведения в новых условиях жизнедеятельности.

5. На основании анализа результатов исследования определены условия физического и психологического благополучия на каждом триместре беременности. В период первого и второго триместров беременности условиями физического и психологического благополучия выступают готовность женщин к гибкому реагированию в новой жизненной ситуации, устойчивость к неудачам, уверенность в себе и оптимальный уровень тревожности; в период третьего триместра беременности условиями физического и психологического благополучия выступают хорошее самочувствие, позитивное настроение, активность, устойчивость к неудачам и уверенность в себе.

Литература

1. Агаркова Л. А., Михеенко Г. А., Габитова Н. А., Бухарина И. Ю. Акушерство и гинекология. Неотложные состояния // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 9. С. 20 – 22.
2. Бохан Т. Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости: дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008. 394 с.
3. Ветчанина Е. Г. Особенности психологических состояний беременных при остром и хроническом стрессе и возможности их коррекции на основе современных методов психологической диагностики // Аспирант и соискатель. 2003. № 2. С. 169 – 172.
4. Гайсин И. Р., Лещинский Л. А. Качество жизни беременных женщин с артериальной гипертензией // Казанский медицинский журнал. 2005. № 5. Т. 86. С. 368 – 371.
5. Гацаева Л. Т., Торчинов А. М., Филиппова Г. Г., Цахилова С. Г. Особенности течения беременности, родов и послеродового периода у женщин на фоне смешанных тревожных и депрессивных расстройств в условиях социально-экономической нестабильности // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2011. № 3. С. 66 – 73.
6. Завгородная И. В., Кирюшина Е. В. Мотивация рождения ребенка в связи с социально-психологическими условиями жизни беременной женщины // Перинатальная психология и психология родительства. 2008. № 3. С. 51 – 59.
7. Куприянова И. Е., Чуйкова К. И., Ковалева Т. А., Алексеева Е. А. Психическое здоровье и качество жизни беременных женщин с хроническими вирусными гепатитами В и С // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 6. С. 63 – 65.
8. Новик А. А., Ионова Т. И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / под ред. Ю. Л. Шевченко. 2-е изд. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 320 с.
9. Панкратов В. В., Ягудаева И. П., Давыдов А. И. Качество жизни, связанное со здоровьем: терминология, методология, особенности оценки в акушерско-гинекологической практике // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. 2012. № 2. Т. 11. С. 22 – 33.
10. Проконич О. А., Яницкий М. С., Браун О. А. Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1(52). С. 185 – 192.
11. Твердохлебова Н. В., Бохан Т. Г. Структурно-содержательные характеристики самосознания у лиц юношеского возраста с разной выраженностью пивной аддикции // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 64 – 75.
12. Филиппова Г. Г. Нарушение репродуктивной функции и ее связь с нарушениями в формировании материнской сферы // Перинатальная психология и психология родительства. 2003. № 4 – 5. С. 145 – 149.
13. Филоненко А. Л. Базисные убеждения, особенности состояния и переживания беременных женщин // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 13 – 20.
14. Хломов К. Д., Ениколопов С. Н. Исследование психоэмоциональных и индивидуально-характерологических особенностей беременных женщин с угрозой прерывания беременности // Перинатальная психология и психология родительства. 2007. № 3. С. 38 – 49.
15. Чернова Е. П. Демографическая ситуация и репродуктивный кризис современной семьи в России: экономические и социально-психологические аспекты // Перинатальная психология и психология родительства. 2008. № 1. С. 18 – 28.

FEATURES OF QUALITY OF LIFE INTERRELATED WITH INDICATORS OF PSYCHOEMOTIONAL STATE OF WOMEN IN THE PERIOD OF EVERY TRIMESTRE OF PREGNANCY

Lubov' A. Agarkova^{1, @, *1}, Irina Yu. Buharina^{1, @2, *}, Anna L. Ulianich^{3, @, *3}, Elena M. Bershkova^{4, @4, *}, Ivan V. Tolmachev^{4, @5, *}

¹ Gynecology and Perinatology Research Institute (Tomsk), 5, Sergey Lazo street, Tomsk, Russia, 634063

² National Research Tomsk State University, 34a, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050

³ National Research Tomsk Polytechnic University, 30, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050

⁴ Siberian State Medical University of Ministry of Healthcare of the Russian Federation, 2, Moscovski Trakt, Tomsk, Russia, 634050

@¹ perinat@tomsk.net

@² bukhariirina@yandex.ru

@³ FiALe@yandex.ru

@⁴ vem@tpu.ru

@⁵ ivantolm@mail.ru

Received 06.07.2016.

Accepted 16.09.2016.

Keywords: pregnancy, psychological state, quality of life, physiological course of the pregnancy, reproductive health, psychological well-being.

Abstract: In the article the actuality of study of quality of life is described as an integrative factor which influences the psychoemotional state of women in the period of pregnancy. According to the study methodology, the content of quality of life is disclosed in the indicators of physical and psychological components of health. By means of method of descriptive statistics and analysis of reliable differences general content is presented and specific features of quality of life in women in the period of the first, second and third trimesters of pregnancy are disclosed. It is found that from the first trimester to the third one the content of components of quality of life is characterized by increase of limitations in performing the physical load, improvement of general emotional state and increase of vital force and energy. Features of psychoemotional state of women in the period of the first, second and third trimesters of pregnancy are disclosed and described. It is revealed that the state of most women in every trimester of the pregnancy is characterized as a favourable one, however, in the first and last trimester for women a heightened anxiousness, lack of self-confidence, rigidity, inability to satisfy their own needs are more typical than in the period of the second trimester of pregnancy. On the ground of results of the conducted correlational analysis the interrelationship of indicators of quality of life with indicators of psychoemotional state of pregnant women is shown and described, conditions of physical and psychological well-being in every trimester of pregnancy are identified. It was revealed that in the period of the first and second trimesters of pregnancy the conditions of physical and psychological well-being are as follows: readiness of women to respond flexibly in the new life situation, resistance towards failures, self-confidence and optimal level of anxiousness; in the period of the third trimester of pregnancy: feeling of well-being, positive mood, activity, resistance towards failures and self-confidence.

* The study was supported by the grant of RSHF 15-06-10666a "Assessment of the impact of psychoemotional state, quality of life and urban environment for the physiological process of pregnancy, childbirth in women and the condition of the newborn".

For citation: Agarkova L. A., Buharina I. Yu., Ulianich A. L., Bershkova E. M., Tolmachev I. V. Osobennosti kachestva zhizni vo vzaimosvazi s pokazatelyami psikhoeemotsional'nogo sostoianiia zhenshchin na kazhdom trimestre beremennosti [Feature of quality of life interrelated with indicators of psychoemotional state of women in the period of every trimestre of pregnancy]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 108 – 119. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-108-119.

References

1. Agarkova L. A., Mikheenko G. A., Gabitova N. A., Bukharina I. Iu. Akusherstvo i ginerologiya. Neotlozhnye sostoianiia [Obstetrics and gynecology. Emergency obstetrics]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanij = International journal of the applied and fundamental research*, no. 9 (2012): 20 – 22.
2. Bohan T. G. Kul'turno-istoricheskii podhod k stressu i stressoustoichivosti. Diss. doktora psikh. nauk [Cultural-historical approach to stress and stress resistance. Dr. psych. Sci. Diss]. Tomsk State University, Tomsk, 2008, 394.
3. Vetchanina E. G. Osobennosti psikhologicheskikh sostoianii beremennykh pri ostrom i khronicheskom stresse i vozmozhnosti ikh korrektsii na osnove sovremennykh metodov psikhologicheskoi diagnostiki [Characteristics of the psychological state of pregnant women in acute and chronic stress, and possibilities of their correction on the basis of modern methods of psychological diagnostics]. *Aspirant i soiskatel' = Graduate student and competitor*, no. 2 (2003): 169 – 172.

4. Gaisin I. R., Leshchinskii L. A. Kachestvo zhizni beremennykh zhenshin s arterial'noi gipertoniei [The quality of life of pregnant women with arterial hypertension]. *Kazanskii meditsinskii zhurnal = Kazan medical journal*, 86, no. 5 (2005): 368 – 371.
5. Gatsaeva L. T., Torchinov A. M., Filippova G. G., Tsakhilova S. G. Osobennosti techeniia beremennosti, rodov i poslerodovogo perioda u zhenshin na fone smeshannykh trevozhnykh i depressivnykh rasstroistv v usloviakh social'no-ekonomicheskoi nestabil'nosti [Features of pregnancy, childbirth and the postpartum period in women mixed anxiety and depressive disorders in terms of socio-economic instability]. *Reproduktivnoe zdorov'e detei i podrostkov = Reproductive health of children and adolescents*, no. 3 (2011): 66 – 73.
6. Zavgorodnaia I. V., Kirushina E. V. Motivatsiia rozhdeniia rebenka v sviazi s social'no-psikhologicheskimi usloviiami zhizni beremennoi zhenshchiny [Motivation is the birth of a child in connection with the socio-psychological conditions of life of the pregnant woman]. *Perinatal'naia psikhologiya i psikhologiya roditel'stva = Perinatal psychology and psychology of parenthood*, no. 3 (2008): 51 – 59.
7. Kupriianova I. E., Chujkova K. I., Kovaleva T. A., Alekseeva E. A. Psikhicheskoe zdorov'e i kachestvo zhizni beremennykh zhenshchin s khronicheskimi virusnymi gepatitami B i C [Mental health and quality of life of pregnant women with chronic viral hepatitis B and C]. *Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii = Siberian Bulletin of psychiatry and narcology*, no. 6 (2012): 63 – 65.
8. Novik A. A., Ionova T. I. *Rukovodstvo po issledovaniiu kachestva zhizni v medicine* [A guide to the study of quality of life in medicine]. Ed. and comp. Shexchenko Iu. L. 3th ed. Moscow: OLMA Media Grupp, 2007, 320.
9. Pankratov V. V., Iagudaeva I. P., Davydov A. I. Kachestvo zhizni, svyazannoe so zdorov'em: terminologiya, metodologiya, osobennosti otsenki v akushersko-ginekologicheskoi praktike [Quality of life related to health: terminology, methodology, features of assessment in obstetric practice]. *Voprosy ginekologii, akusherstva i perinatologii = Questions of gynecology, obstetrics and perinatology*, 11, no. 2 (2012): 22 – 33.
10. Prokonich O. A., Yanitskiy M. S., Braun O. A. Osobennosti vremennoi perspektivy razlichnykh kul'turno-tsennostnykh tipov [The peculiarities of temporal perspective of different cultural and value types]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 1 (2014): 185 – 192.
11. Tverdokhlebova N. V., Bokhan T. G. Strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki samosoznaniia u lits iunoshego vozrasta s raznoi vyrazhennost'iu pivnoi addiksii [Structural characteristics of consciousness, at persons of yputhful age with varying degrees of beer addiction]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal*, no. 41 (2011): 64 – 75.
12. Filippova G. G. Narushenie reproduktivnoi funktsii i ee svyaz' s narusheniami v formirovanii materinskoi sfery [Reproductive disorders and its relationship with abnormalities in the formation of the parent scope]. *Perinatal'naia psikhologiya i psikhologiya roditel'stva = Perinatal psychology and psychology of parenthood*, no. 4 – 5 (2003): 145 – 149.
13. Filonenko A. L. Bazyisnye ubezhdeniia, osobennosti sostoianiia i perezhivaniia beremennykh zhenshin [Basic beliefs, particularly in the state and experiences of pregnant women]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian psychological journal*, no. 37 (2010): 13 – 20.
14. Khlomov K. D., Enikolopov S. N. Issledovanie psikhoemotsional'nykh i individual'no-kharakterologicheskikh osobennostei beremennykh zhenshin s ugrozoi preryvaniia beremennosti [The study of psychoemotional and individual-characteristic features of pregnant women with threatened miscarriage]. *Perinatal'naia psikhologiya i psikhologiya roditel'stva = Perinatal psychology and psychology of parenthood*, no. 3 (2007): 38 – 49.
15. Chernova E. P. Demograficheskaiia situatsiia i reproduktivnyi krizis sovremennoi sem'i v Rossii: ekonomicheskie i social'no-psikhologicheskie aspekty [Demographic situation and reproductive crisis of the modern family in Russia: economic and socio-psychological aspects]. *Perinatal'naia psikhologiya i psikhologiya roditel'stva = Perinatal psychology and psychology of parenthood*, no. 1 (2008): 18 – 28.

УДК 159.9 + 316.6

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Ольга О. Андронникова^{1, @1}, Полина С. Герасимова^{1, @2}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилнойская, 28

@1 andronnikovaO@gmail.com

@2 gerasimovapolina@gmail.com

Поступила в редакцию 15.03.2016.

Принята к печати 20.04.2016.

Ключевые слова: социальный интеллект, виктимность, компетентность, социально-психологическая компетентность, социализация, социальная адаптация.

Аннотация: В данной статье представлен анализ конструкта «социальный интеллект» в контексте исследования нарушения процессов социализации и адаптации, а также формирования виктимности личности в современных социокультурных условиях. В работе представлен анализ основных подходов к пониманию социального интеллекта, его соотношения с различными видами компетентности личности. С точки зрения потенциальной возможности прояснения причин нарушения процесса социализации и развития виктимности личности, а также дезадаптационных стратегий поведения, рассмотрены причины и последствия затруднения социального функционирования личности. Осуществлен ретроспективный анализ развития понятия «социальный интеллект» в отечественной и зарубежной психологической науке, его связь с такими понятиями, как «коммуникативная компетентность», «социальная компетентность», «социально-перцептивная компетентность». Анализ и синтез рассмотренных подходов позволили сделать предположения о роли социального интеллекта в детерминации процесса социализации и предложить новый подход к решению проблемы нарушения социального функционирования человека.

Для цитирования: Андронникова О. О., Герасимова П. С. К вопросу о роли социального интеллекта в социализации личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 120 – 125. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-120-125.

В конце XX – начале XXI вв. стремительные изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах приводят к значительным трансформациям условий развития личности и осложняют процессы социализации и социальной адаптации. Эти дисфункции обуславливают снижение уровня социализированности, затрудняют возможность функционирования человека в обществе и формируют состояние личной виктимности [15, с. 217].

Согласно определению Е. В. Руденского, синдром личной виктимности – это система взаимосвязанных социальных и психологических качеств личности, так называемых дефицитов компетентностей, формирующих социальную уязвимость, проявляющуюся в снижении потенциала адаптивности и риске нарушения социализации и адаптации. Таким образом, затруднение социального функционирования происходит за счет нарушения формирования и развития ряда компетентностей, в том числе и *социально-психологической компетентности*, позволяющей человеку взаимодействовать с окружающими людьми в системе межличностных отношений и являющейся базовым условием социализации [15, с. 218].

Нарушение данной компетентности является одним из факторов нарушения процесса социализации, выражающегося в социальной дезадаптации индивида, несоответствия его поведения нормам и требованиям той сис-

темы общественных отношений, в которую он включен. Обозначим при этом, что нарушения социализации могут приобретать формы, при которых социальная дезадаптация не носит асоциального и противоправного характера, а могут приобретать и такие формы, при которых нарушения социализации носят антиобщественный характер.

В настоящее время поиск путей снижения уровня социальной дезадаптации и её предупреждение являются одними из приоритетных задач, но традиционные методы, использующиеся для решения данной проблемы в современных социокультурных условиях, малоэффективны. Это приводит к необходимости радикального изменения подходов и проведения дополнительных исследований в контексте решения возникших затруднений [1].

В данном контексте вновь становятся актуальными исследования, начавшиеся в начале двадцатого века, рассматривавшие способности, связанные как с социальной, так и эмоциональной сферами психики, и позволяющие личности строить систему межличностных отношений и быть эффективным в социуме. Именно к ним относится проблема исследования социального интеллекта.

Понятие «интеллект» трактуется совершенно по-разному каждым научным направлением или школой. По мнению большинства ученых, интеллект можно рассматривать как способность человека к обучению и развитию когнитивной сферы [8, с. 18]. Однако помимо этого, та-

кие исследователи, как В. Штерн, Л. Поллани, Ж. Пиаже, Г. Ю. Айзенк, Р. Стернберг и др., указывают на роль интеллекта в адаптации и регуляции поведения и трактуют интеллект как общую успешность адаптации человека к новым ситуациям посредством решения определенной задачи во внутреннем плане действия при доминировании сознания [18].

В зарубежной психологической науке исследования социального интеллекта были связаны с попыткой выделить способности, позволяющие действовать в ситуациях межличностного общения и эффективно управлять ими. Разрабатывая различные модели интеллекта такие авторы, как Э. Торндайк, Ч. Спирмен, Д. Векслер, Дж. Гилфорд, Р. Стернберг, Г. Ю. Айзенк, Х. Гарднер, обозначали способности, имеющие отношение к поведению человека, и считали, что способности людей понимать другого могут быть выражены больше или меньше, равно как и способность оказывать на людей влияние, т. е. «действовать разумным образом в человеческих отношениях» [25, с. 227].

Первую модель, содержащую социальный интеллект, предложил Э. Л. Торндайк в 1920 г. и описал его как способность человека понимать других людей, управлять ими и быть успешным в рамках системы межличностных отношений [25, с. 228].

По мнению исследователя Г. Оллпорта, социальный интеллект выступает в качестве «социального дара», позволяющего строить комфортные межличностные отношения, результатом которого является не глубина отношений, а социальное приспособление [21]. Следует заметить, что в своих работах Г. Оллпорт впервые поставил акцент на межличностном взаимодействии, а отмеченные им качества личности дают представление о социальных способностях, играющих ведущую роль в понимании другого [11].

Несколько позже рядом исследователей проводились работы, направленные на уточнение представления об этом конструкте. Так, Ф. Мосс и Е. Хант в 1927 г. [23] обозначили его как способность ладить с другими людьми, П. Е. Вернон обозначил социальный интеллект как «способность человека ладить с людьми в целом, обладание социальными техниками, легкость в общении, знания социальных вопросов, восприимчивость к стимулам со стороны других членов группы, а также понимание переменчивости настроений или основных черт личности незнакомых людей» (цит. по: [23]), Д. Векслер начал рассматривать социальный интеллект в контексте понимания социальных ситуаций [4, с. 22].

Дальнейшая разработка этой проблемы О'Салливан позволила обозначить категории поведенческого познания, представляющие собой способность понимать различные аспекты личности, влияющие на поведение в социуме [7, с. 5].

После работ Дж. Гилфорда и О'Салливана, несмотря на спад интереса к этой проблематике, некоторые ученые продолжили попытки выделить способности в этой области, провели более детальную разработку терминологического аппарата и старались определить место этих способностей в структуре общего интеллекта. В результате исследований были предложены следующие

термины: «социальная интуиция» (Ф. С. Чапин), «невербальная чувствительность» (Р. Розенталь), «социальная интерпретация» (Д. Арчер и Р. М. Акерт). Наиболее перспективными были исследования Р. И. Риггю, предложившего оценивать социальный интеллект с помощью выделенных им социальных навыков, а также А. К. Джонс и Дж. Д. Дэй, представивших в своих исследованиях такие факторы, как «кристаллизованные социальные знания» и «социально-когнитивную гибкость» [24].

В отечественной психологической науке первые упоминания о социальном интеллекте появились лишь в последней трети двадцатого столетия, но разработка этого конструкта фокусировалась в основном на когнитивных и социально-перцептивных особенностях человека, а также на приобретенном социальном опыте. Однако дальнейшая разработка позволила включить в содержание социального интеллекта личностные характеристики [6].

Так, в работах Ю. Н. Емельянова и Л. И. Анцыферовой социальный интеллект связывается с понятием «социальная сензитивность» и рассматривается как «...устойчивая, основанная на специфике мыслительных процессов, аффективного реагирования и социального опыта способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события» [19, с. 7; 3, с. 54].

В исследованиях Н. А. Кудрявцевой *социальный интеллект* рассматривается как способность к мыслительным операциям, направленная на процессы взаимодействия в системе межличностных отношений и преодоление эмоционального заражения [11].

Исследователи Н. В. Бачманова и Н. А. Стафурина понимают под социальным интеллектом практическую способность к решению задач на межличностное общение и сам талант общения. А. Л. Южанинова предлагает рассматривать социальный интеллект как способность, содержащую такие компоненты, как социально-перцептивные способности, социальное воображение и социальную технику общения, оказывающую влияние на успешность адаптации человека к социокультурным условиям [20].

М. И. Бобнева рассматривает социальный интеллект как способность, которая формируется и развивается при включении человека в сферу социальных взаимодействий [5].

По мнению Е. С. Михайловой (Алешиной), исследуемый феномен является интеллектуальной способностью, лежащей в основе как эффективного общения, так и успешной социальной адаптации, и связанной с прогнозированием поведения и распознаванием намерений, чувств и эмоций посредством интерпретации невербальной и вербальной экспрессии [14].

В. Н. Куницына, рассматривая социальный интеллект как способность, предполагает, что в её основе лежит комплекс черт как интеллектуальных, так личностных и поведенческих, позволяющих интерпретировать информацию и осуществлять прогностическую функцию в ситуациях социального взаимодействия [12, с. 50].

По мнению О. Б. Чесноковой, социальный интеллект выступает в качестве познавательной способности, по-

звляющей личности понимать и ориентироваться в конкретных ситуациях, отражающих отношения личности с социальной действительностью [19, с. 54].

В исследованиях Д. В. Ушакова и его коллег социальный интеллект определяется как способность понимать внутренний мир других людей, а также их поведение, способность к познанию социальных явлений, которая составляет один из компонентов социальных умений и компетентности, но не исчерпывает их [19, с. 15], и обладает рядом характерных структурных особенностей: континуальным характером; использованием невербальной репрезентации; потерей точности социального оценивания при вербализации; формированием в процессе имплицитного научения; использованием «внутреннего» опыта [17, с. 5].

В работах другого отечественного исследователя А. И. Савенкова социальный интеллект предлагается рассматривать как совокупность двух факторов: «кристаллизованных социальных знаний», полученных в результате социального научения и в ходе собственной исследовательской практики, и социально-когнитивной гибкости, проявляющейся в способности применять социальные знания при решении неизвестных проблем [16].

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить, что в настоящее время, несмотря на большое количество исследований, посвященных данной проблеме, понятие «социальный интеллект» не имеет однозначного определения и рассматривается с различных методологических позиций.

Рассматривая интересующий нас феномен в рамках компетентностного подхода и в соотношении с такими понятиями, как «коммуникативная компетентность», «социальная компетентность», «социально-перцептивная компетентность», можно увидеть, что исследователи не дают однозначного ответа на вопрос об их взаимосвязи и места способностей в области поведения для формирования и развития указанных компетентностей.

Так, рассматривая взаимосвязь коммуникативной компетентности и социального интеллекта, Ю. Н. Емельянов в своей работе рассматривает социальный интеллект в качестве психологической основы формирования коммуникативной компетентности. Однако отмечает исследователь, не следует рассматривать социальный интеллект в качестве предиктора коммуникативной компетентности [9].

Связь понятий «социальная компетентность» и «социальный интеллект», по мнению Е. В. Коблянкой, выражается в том, что высокий уровень компетентности обеспечивается высоким уровнем способностей в области социального интеллекта.

Согласно исследованиям В. Н. Куницыной, социальный интеллект является способностью, позволяющей воспринимать и понимать социальную реальность, а социальная компетентность в данном контексте выступает в качестве результата этого восприятия и понимания. Данные способности позволяют эффективно адаптироваться в изменяющихся условиях социального взаимодействия, позволяют адекватно оценивать ситуацию и принимать оптимальное решение. Однако их различие состоит в функциях и особенностях развития. Исследова-

тель указывает, что социальную компетентность возможно развивать через расширение представлений и формирование и развитие навыков. Социальный интеллект совершенствуется через развитие личностных свойств, таких как самоконтроль, саморегуляция и стрессоустойчивость [12, с. 138].

В отечественной психологической науке ученые также соотносят понятия социально-перцептивной компетентности и социального интеллекта, связывая по принципу того, какой тип задач в сфере межличностных отношений они позволяют решать. Например, способность к социальной проницательности необходима для быстрого понимания и прогнозирования поведения партнера и складывающихся отношений. В этом контексте социальный интеллект выступает в качестве способности, позволяющей видеть и понимать сложные отношения и зависимости в системе социальных связей, интерпретировать действия партнера по общению и социальную ситуацию [13].

Представленные подходы к определению места социального интеллекта в структуре компетентности демонстрируют вариативность и неоднозначность теоретико-методологических позиций.

Мы предлагаем рассматривать социальный интеллект в связи с социально-психологической компетентностью личности, которая является базовым условием эффективности функционирования личности в социуме (следовательно, социализации и адаптации) и понимается как способность индивида эффективно взаимодействовать в системе межличностных отношений. Структуру социально-психологической компетентности составляют следующие способности: ориентироваться в социальных ситуациях, определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия.

В данном контексте мы предлагаем рассматривать социальный интеллект как интегральную, интеллектуальную способность, определяющую успешность функционирования личности в системе межличностных отношений, позволяющей прогнозировать как свое собственное поведение, так и поведение других людей в ситуациях межличностного общения, и лежащей в основе социально-психологической компетентности личности, обеспечивающей социализацию и социальную адаптацию личности.

Предложенные определения позволяют рассмотреть социальный интеллект как способность, определяющую формирование и развитие социально-психологической компетентности и оказывающую влияние на эффективность социализации и социальной адаптации. Данные предположения о роли социального интеллекта в функционировании личности в ситуации межличностного взаимодействия и его связи с социально-психологической компетентностью позволяют пересмотреть теоретико-методологические подходы, определить проблемное поле исследования, выдвинуть ряд гипотез об особенностях феноменов в сфере социального познания, выделить и экспериментально обосновать структурные компоненты, а также обозначить основные направления

исследований в этой области: дальнейшее определение онтологического статуса и содержания понятия «социальный интеллект», разработка модели социального интеллекта в рамках компетентностного подхода, проблема соотношения биологической и социокультурной обусловленности социального интеллекта и разработка психодиагностического инструментария [7].

Исследования, проведенные в рамках новых подходов, позволят раскрыть факторы детерминации процесса социализации и, как следствие, помогут определить, влияние каких факторов оказывает определяющее воздействие на нарушение процесса социализации и соци-

альной адаптации личности на различных возрастных этапах; раскрыть роль социального интеллекта в формировании и развитии социально-психологической компетентности.

Проведенные исследования позволят предложить новый подход к решению проблемы нарушения социального функционирования человека, будут являться научным обоснованием и позволят разработать новые методы, методики и технологии профилактики и коррекции нарушений процесса социализации, социальной дезадаптации и виктимного поведения на различных возрастных этапах и в различных социальных институтах [2].

Литература

1. Андронникова О. О. Влияние индивидуального опыта на виктимизацию личности подростка // *Философия образования*. 2015. № 1(58). С. 58 – 69.
2. Андронникова О. О. Возможности трансформации дезадаптивных форм виктимного поведения подростков в образовательном пространстве // *Философия образования*. 2014. № 1(52). С. 178 – 184.
3. Анцыферова Л. И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования // *Психологический журнал*. 1980. № 2. С. 52 – 60.
4. Белова С. С. Вербализованный и невербализованный компоненты социального интеллекта: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 25 с.
5. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 311 с.
6. Герасимова П. С. Роль личностных характеристик в контексте анализа социального интеллекта // *СМАЛЬТА*. 2015. № 6. С. 21 – 24.
7. Герасимова П. С. Основные направления исследования социального интеллекта // Развитие человека в современном мире: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 16 – 18 апреля 2013 г.) / под ред. Н. Я. Большуновой. О. А. Шамшиковой. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2013. С. 165 – 168.
8. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999. 368 с.
9. Емельянов Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. М.: Просвещение, 1995. 183 с.
10. Кудинова И. Б. Психологические условия становления социального интеллекта личности: на примере старшеклассников и студентов: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2006. 220 с.
11. Кудрявцева Н. А. Единство интеллекта. Научный отчет (Грант РФФИ 1993 – 1994). СПб., 1995.
12. Куницына В. Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение // *Теоретические и прикладные вопросы психологии*. 1995. С. 48 – 61.
13. Лабунская В. А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. М.: Академия, 2001. 288 с.
14. Михайлова (Алешина) Е. С. Методика исследования социального интеллекта. Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливана: руководство по использованию. СПб., 1996. 53 с.
15. Руденский Е. В. Дефицит социально-психологической компетентности как триггер онтогенетической виктимизации личности // *Сибирский педагогический журнал*. 2013. № 1. С. 217 – 222.
16. Савенков А. И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2005. № 4. С. 94 – 101.
17. Ушаков Д. В. Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2004. 176 с.
18. Челомбицкая М. П., Подопригра А. С. Интеллект как способ социальной адаптации и самоактуализации человека // *Вестник ДГТУ*. 2008. № 5. С. 57 – 66.
19. Чеснокова О. Б. Изучение социального познания в детском возрасте // *Познание. Общество. Развитие*. М.: ИПРАН, 1996. С. 54 – 75.
20. Южанинова А. Н. К проблеме диагностики социального интеллекта личности // *Проблемы оценивания в психологии*. Саратов, 1984. С. 63 – 67.
21. Allport G. W. Pattern and grow thin personality. New York: Holt Rinehart and Winston, 1961. 593 p.
22. Guilford J. P. Three faces of intellect // *The American Psychologist*. 1959. № 8.
23. Kihlstrom J. F., Cantor N. Social Intelligence // R. J. Sternberg (Ed.), *Hand book of intelligence*, 2nd ed. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press. 2000. P. 359 – 379.
24. Lowman R. L., Leeman G. E. The dimensionality of social intelligence: social abilities, interests, and needs // *Journal of Psychology*. 1988. № 122. P. 279 – 290.
25. Thorndike E. L. Intelligence and its use // *Harper's Magazine*. 1920. № 140. P. 227 – 235.

THE ROLE OF SOCIAL INTELLIGENCE IN THE SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL

Olga O. Andronnikova^{1, @1}, Polina S. Gerasimova^{1, @2}

¹ Novosibirsk Pedagogical State University, 28, Vilyuyskaya street, Novosibirsk, Russia, 630126

@1 andronnikovaO@gmail.com

@2 gerasimovapolina@gmail.com

Received 15.03.2016.

Accepted 20.04.2016.

Keywords: social intelligence, victimization, competence, social and psychological competence, socialization, social adaptation.

Abstract: The article presents an analysis of the construct of "social intelligence" in the context of investigation of violation of socialization and adaptation processes, as well as formation of victimization of the individual in contemporary socio-cultural catches. The paper presents an analysis of the main approaches to the understanding of social intelligence, as well as its relations with various kinds of competence of the individual. The article considered causes and effects of difficulties in social functioning of the individual. A retrospective analysis of development of the concept of "social intelligence" in domestic and foreign psychological science, its relationship with such concepts as "communicative competence", "social competence", "social and perceptual competence" is presented. Analysis and synthesis of these approaches has led to the assumption of the role of social intelligence in determining the socialization process, and makes it possible to offer a new approach to solving the problem of violations of human social functioning.

For citation: Andronnikova O. O., Gerasimova P. S. K voprosu o roli sotsial'nogo intellekta v sotsializatsii lichnosti [The role of social intelligence in the socialization of the individual]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 120 – 125. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-120-125.

References

1. Andronnikova O. O. Vliianie individual'nogo opyta na viktimizatsiiu lichnosti podrostanta [The impact on the individual experience of victimization of adolescent's personality]. *Filosofia obrazovaniia* = *Philosophy of education*, no. 1(58) (2015): 58 – 69.
2. Andronnikova O. O. Vozmozhnosti transformatsii dezadaptivnykh form viktimnogo povedeniia podrostantov v obrazovatel'nom prostranstve [The possibilities of transformation maladaptive forms of victim behavior of teenagers in educational space]. *Filosofia obrazovaniia* = *Philosophy of education*, no. 1(52) (2014): 178 – 184.
3. Antsyferova L. I. Psikhologicheskie zakonomernosti razvitiia lichnosti vzroslogo cheloveka i problema nepreryvnogo obrazovaniia [Psychological regularities of the personality of an adult and the problem of continuing education]. *Psikhologicheskii zhurnal* = *Psychological journal*, no. 2 (1980): 52 – 60.
4. Belova S. S. *Verbalizovannyy i neverbalizovannyy komponenty sotsial'nogo intellekta*. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk [Verbalize and un verbalized components of social intelligence. Cand. psych. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2004.
5. Bobneva M. I. *Sotsial'nye normy i reguliatsiia povedeniia* [Social norms and regulation of behavior]. Moscow, Nauka, 1978, 311.
6. Gerasimova P. S. Rol' lichnostnykh kharakteristik v kontekste analiza sotsial'nogo intellekta [The role of personality characteristics in the context of the analysis of social intelligence]. *SMAL'TA* = *SMALT*, no. 6 (2015): 21 – 24.
7. Gerasimova P. S. Osnovnye napravleniia issledovaniia sotsial'nogo intellekta [The main directions of research of social intelligence]. *Razvitie cheloveka v sovremennom mire: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Novosibirsk, 16 – 18 apreliia 2013 g.)* [Human development in the modern world: Proc. IV All-Russian Sc.-Prac. Conf. with intern. participation (April 16 – 18 2013)]. Ed. Bol'shunova N. Ia., Shamshikova O. A. Novosibirsk: Izd. NGPU, 2013, 165 – 168.
8. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostei* [Psychology of general abilities]. Saint-Petersburg: Piter, 1999, 368.
9. Emel'ianov Iu. N. *Teoriia formirovaniia i praktika sovershenstvovaniia kommunikativnoi kompetentnosti* [Theory and practice of perfection of formation of communicative competence]. Moscow: Prosveshchenie, 1995, 183.
10. Kudinova I. B. *Psikhologicheskie usloviia stanovleniia sotsial'nogo intellekta lichnosti: na primere starsheklassnikov i studentov*. Diss. kand. psikh. nauk [Psychological conditions of development of social intelligence and personality: for example, seniors and students. Cand. psych. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2006, 220.
11. Kudriavtseva N. A. *Edinstvo intellekta* [Unity intelligence]. Saint-Petersburg, 1995.

12. Kunitsyna V. N. Sotsial'naiia kompetentnost' i sotsial'nyi intellekt: struktura, funktsii, vzaimootnoshenie [Social competence and social intelligence: structure, function, relationship]. *Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii = Theoretical and practical questions of psychology*, 1995, 48 – 61.
13. Labunskaiia V. A. *Psikhologiiia zatrudnennogo obshcheniia: Teoriia. Metody. Diagnostika* [Psychology hindered communication: Theory. Methods. Diagnostics]. Moscow: Akademiia, 2001, 288.
14. Mikhailova (Aleshina) E. S. *Metodika issledovaniia sotsial'nogo intellekta. Adaptatsiia testa J. Guilford and M. Sullivan: rukovodstvo po ispol'zovaniiu* [Methods of study of social intelligence. Adaptation test J. Guilford and M. Sullivan: On the use of guidance]. Saint-Petersburg, 1996, 53.
15. Rudenskii E. V. Defitsit sotsial'no-psikhologicheskoi kompetentnosti kak trigger ontogeneticheskoi viktimizatsii lichnosti [The deficit of the social-psychological competence as a trigger developmental victimization personality]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no 1 (2013): 217 – 222.
16. Savenkov A. I. Sotsial'nyi intellekt kak problema psikhologii odarennosti i tvorchestva [Social intelligence as a problem of the psychology of talent and creativity]. *Psikhologiiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, no. 4 (2005): 94 – 101.
17. Ushakov D. V. *Sotsial'nyi intellekt: teoriia, izmerenie, issledovaniia* [Social Intelligence: Theory, measurement, research]. Ed. Liusin D. V., Ushakov D. V. Moscow: Izd-vo Instituta psikhologii RAN, 2004, 176.
18. Chelombitskaia M. P., Podoprighora A. S. Intellekt kak sposob sotsial'noi adaptatsii i samoaktualizatsii cheloveka [Intelligence as a means of social adaptation and self-actualization of the person]. *Vestnik DGTU = Vestnik DSTU*, no. S (2008): 57 – 66.
19. Chesnokova O. B. Izuchenie sotsial'nogo poznaniia v detskom vozraste [The study of social cognition in childhood]. *Poznanie. Obshchestvo. Razvitie* [Cognition. Society. Development]. Moscow: IPRAN, 1996, 54 – 75.
20. Iuzhaninova A. N. K probleme diagnostiki sotsial'nogo intellekta lichnosti [By diagnosing the problem of social intelligence of the person]. *Problemy otsenivaniia v psikhologii* [Estimation problems in psychology]. Saratov, 1984, 63 – 67.
21. Allport G. W. *Pattern and grow thin personality*. New York: Holt Rinehart and Winston, 1961, 593.
22. Guilford J. P. Three faces of intellect. *The American Psychologist*, no. 8 (1959).
23. Kihlstrom J. F., Cantor N. Social Intelligence. *Hand book of intelligence*. Ed. Sternberg R. J. 2nd ed. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 2000, 359 – 379.
24. Lowman R. L., Leeman G. E. The dimensionality of social intelligence: social abilities, interests, and needs. *Journal of Psychology*, no. 122 (1988): 279 – 290.
25. Thorndike E. L. Intelligence and its use. *Harper's Magazine*, no. 140 (1920): 227 – 235.

УДК 159.97+616.89

ПРОЯВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА-ИНДИВИДУАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ДЕПРЕССИИ

Татьяна Г. Бохан^{1,*}, Ольга В. Терехина^{1,2,*}, Николай А. Бохан^{2,3,*}, Алексей В. Немцев^{1,*}, Оксана Н. Галажинская^{1,*}, Урсула В. Танабасова^{1,4,*}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а

² Научно-исследовательский институт психического здоровья, Россия, 634014, г. Томск, ул. Алеутская, 4

@¹ btg960@sibmail.com

@² doterekhina@mail.ru

@³ redo@mail.tomsknet.ru

@⁴ u.tanabasova@mail.ru

Поступила в редакцию 07.06.2016.

Принята к печати 07.09.2016.

Ключевые слова: культуральная психопатология, депрессия, психо-социальная модель, культурная валидизация, коллективизм-индивидуализм, традиционные народы Сибири, психо-социальные факторы.

* Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-06-00113 «Влияние культуры на субъективное переживание депрессии и экспрессию ее признаков (на примере представителей народов Сибири)».

Аннотация: В статье показано, что проблема гипо- и гипердиагностики депрессии связана с различиями в ее проявлениях у представителей разных стран, а также этнических меньшинств, проживающих в одной и той же стране. В связи с этим возникает проблема культурной валидизации симптомов депрессии. Ценности коллективизма-индивидуализма как одно из измерений культур, определяющих их различия, связывают с возможностями формирования психопатологии. В статье представлены результаты исследования особенностей проявления коллективизма-индивидуализма у респондентов этнических групп Сибири в контексте изучения проблемы факторов депрессии. Был использован опросник «Шкалы индивидуализма-коллективизма» (Г. Триандис). В исследовании принимали участие представители этнических групп Сибири. В результате установлено, что проявления коллективизма-индивидуализма различным образом представлены в группах по этническому и нозологическому критериям; отмечается предпочтение ценностей коллективизма в группах «Алтайцев» и «Якутов», в остальных группах не выявлена выраженная ориентация на полюсы коллективизма-индивидуализма; вне зависимости от этнической принадлежности респонденты с проявлениями симптомов депрессии более ориентированы на взаимную зависимость людей друг от друга и по соотношению выраженности ценностей коллективизма-индивидуализма характеризуются тремя типами; респонденты без симптомов депрессии по критерию коллективизма-индивидуализма характеризуются двумя типами.

Для цитирования: Бохан Т. Г., Терехина О. В., Бохан Н. А., Немцев А. В., Галажинская О. Н., Танабасова У. В. Проявления коллективизма-индивидуализма в контексте проблемы этнокультуральных факторов депрессии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 126 – 133. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-126-133.

Проблема депрессии в связи с распространенностью среди населения во всем мире и мультифакторностью своей этиологии стала предметом междисциплинарных исследований. Мировые тенденции свидетельствуют о необходимости и значимости *этноцентризма* – тенденции воспринимать реальность с позиции индивидуального опыта. Исследования, выполненные в рамках культуральной психопатологии (cultural psychopathology), новой области научных знаний, изучающей взаимовлияние культуры и психопатологии, показали отличия в распространенности депрессии в разных странах или среди представителей различных этнических меньшинств, проживающих в одной и той же стране [7]. Результаты многочисленных эмпирических исследований, проводимых в последнее время в рамках методологии культуральной психопатологии, ставят под сомнение валидность биомедицинской модели депрессии и рекомендуют

не забывать о позитивном вкладе психосоциальной модели, которая более успешно, чем биомедицинская объясняет стереотипы предъявления соматических жалоб, варианты определения плохого настроения в различных культурах, уникальные идиомы, описывающие настроение и признаки дистресса [19]. Формирование психопатологии в психосоциальной модели психопатологии связывают с типичными поведенческими ответами на физические и психологические стрессоры, предпочитаемыми копинг-стратегиями, представлениями о самом себе и окружающем мире, основными мотивациями, структурой ценностей [15].

Исследователи вводят такие измерения культур, которые позволяют акцентировать существующие в них различия, в том числе связанные с ценностями и социальными установками, например, такие как индивидуализм – коллективизм, взаимозависимость – независи-

мость, проницаемость – плотность групповых границ и т. д. [7; 18; 19]. Marsella [21 – 22] предполагает, что одним из наиболее значимых факторов, влияющих на переживание депрессии, является культурально-обусловленная концепция личности. На одном полюсе континуума, по его мнению, располагаются культуры с индивидуалистической репрезентацией личности, оперирующие абстрактными понятиями и лексическими моделями, четко отражающими реальность. В таких культурах индивидум, обладающий «объективными знаниями о реальности», предъявляет аффективные, экзистенциальные, когнитивные и соматические симптомы депрессии, переживает чувство изоляции и отдаленности. Западные культуры высоко ценят индивидуальность и ответственность и зачастую связывают депрессивные признаки с потерей контроля над происходящим, беспомощностью и бессилием. На другом полюсе континуума представлены культуры с неиндивидуалистической структурой лично-

сти, образно переживающем реальность. Представители этих культур обладают «субъективными знаниями о реальности» и зачастую переживают депрессию через призму соматических симптомов и межличностных взаимодействий, то есть через «*симптоматический фонд*», включающий набор наиболее приемлемых для сообщества признаков предъявления серьезного дистресса. Например, некоторые азиатские культуры (китайская, японская, корейская) уделяют особое внимание личностной субординации, взаимодействию с другими и гораздо меньшее значение придают потере контроля над происходящим вне границ собственной личности [23]. Поэтому ощущение собственной беспомощности не предъявляется как симптом депрессии [23].

«Индивидуализм-коллективизм» выделяется теоретиками разных дисциплин (Г. Хофстеде, Х. Маркус, С. Китама, К. Канджицбаси, Г. Триандис) как одно из главных измерений культур [13; 14; 20; 24].

Таблица 1. Характеристики ценностей индивидуалистической и коллективистской культур

Table 1. Characteristics of values of individualist and collectivist cultures

<i>Индивидуалистическая культура</i>	<i>Коллективистская культура</i>
Индивидуальные цели ее членов не менее (если не более) важны, чем групповые	Групповые цели превалируют над индивидуальными
Поведение определяется ее мотивацией к достижению	Поведение определяется принадлежностью к группе
Ценность «Я могу делать то, что мне надо»	Ценность «Я не являюсь обузой для своей группы»
Поведение объясняется личностными особенностями и установками самого индивида	Поведение людей трактуется с позиций норм, принятых в данной культуре
Успех приписывается способностям личности	Успех приписывается помощи других людей, богатству и т. д.
Неудача – результат неблагоприятного стечения обстоятельств	Неудача – следствие лени
Человек стремится изменить ситуацию «в свою пользу»	Человек чаще сам приспосабливается к ситуации, чем меняет ситуацию «под себя»
Склонность знать (и говорить) о себе, чем о других	Склонность знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе

В каждой культуре люди имеют как индивидуалистические, так и коллективистские тенденции сознания и поведения. Помимо этого современные исследователи [24] разделяют коллективизм и индивидуализм на два типа: горизонтальный (характеризует взаимную зависимость/независимость людей друг от друга) и вертикальный (означает служение-направленность индивида группе/себе).

К недостаткам коллективизма относят: авторитаризм и давление на личность (например, детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям); высокая вероятность установления автократических режимов; низкая ценность отдельной человеческой личности и даже человеческой жизни. Недостатками индивидуализма являются одиночество, семейные конфликты, разводы. Свобода приводит к отчуждению, детской преступности, наркотикам. Моральные авторитеты отсутствуют, и все держится на законах. Возрастает риск сердечно-сосудистых заболеваний. Исследования показали, что высокая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием. Оказалось, что поведенческие нарушения и преступления выше среди «материалистов» [12; 14; 16]. С

высоким стремлением к власти, желанием контролировать, подавлять других (комплекс мотивов, свойственных индивидуалистическим культурам) связан высокий уровень дистрессов.

В то же время исследователями показано, что со временем общества и культуры претерпевают значительные изменения. Например, в обществе с коллективистской культурой возникают новые тенденции, ориентированные на индивидуалистические ценности [5]. Такие трансформации могут сопровождаться ценностными конфликтами, трудности разрешения которых, по мнению многих исследователей, приводят к формированию разного рода психических и психосоматических расстройств [9 – 10].

В связи с культуральными различиями возникает проблема культурной валидации симптомов депрессии. На актуальность ее разработки указывает проблема гиподиагностики депрессии в культурах национальных меньшинств. При этом одной из причин называется «западная» модель болезни, не всегда подходящая для представителей других культур [7; 19; 23]. В западной культуре и в странах, активно адаптирующих универсальный понятийный аппарат идентификации депрессии, отмеча-

ется иная тенденция. Исследование, проведенное в госпиталях первичной медицинской сети (Таррагона, Испания), четко вывило, что каждому шестому пациенту без признаков депрессии был выставлен диагноз и назначен антидепрессант [11]. Результаты проведенного исследования доказали различия в депрессивных переживаниях у представителей разных этнических групп, проживающих в одном государстве [17]. При этом исследователи замечают, что в мультикультурных сообществах возникает проблема существования в двух мирах – в одном, общем для всех членов сообщества, и в другом, разделяемом только представителями своего культурного круга. Свободный переход из одного культурного поля в другой обеспечивает приемлемый уровень адаптации как в рамках общего – широкого поля с проницаемыми границами, так и плотно ограниченного – (условно «узкого») пространства традиций и ритуалов [17].

Россия по числу традиционных народов занимает одно из первых мест в мире, однако, обращения к анализу культуральных социально-психологических факторов и механизмов формирования психопатологии не многочисленны в медицине, а в клинической психологии – единичны. Исследований кросс-культурального характера, которые подтвердили бы эти различия на эмпирическом уровне, в России проводилось крайне мало [1 – 4]. Что касается Сибирского федерального округа с его населенностью традиционными народами Сибири, то объективация проблемы культуральной обусловленности депрессии у представителей этнических групп Сибири связана с тем, что у них отмечается «пограничное» состояние между уже размытой, но еще не вполне разрушенной традиционностью, с одной стороны, и ускоренной модернизацией, с другой [6]. Возникающий психологический «разрыв» ценностного мира, присущего этим культурам, проявляется в формировании системы этно-психологических свойств, способных, по словам А. Р. Лурия, отражать внешнюю действительность, мир социальных отношений и в конечном счете свой собственный внутренний мир, сформированный в отношениях к объектам этнического мира и этническим субъектам [8].

Цель исследования: выявить особенности проявления коллективизма-индивидуализма у респондентов этнических групп Сибири в контексте изучения проблемы факторов депрессии. Методы исследования: психодиагностический опросник «Шкалы индивидуализма-коллективизма» (Г.Триандис) [24]; методы статистической обработки: описательная статистика, критерий Краскела-Уоллиса, критерий Манна-Уитни. Опросник «Шкалы индивидуализма-коллективизма» содержит 32 утверждения, которые позволяют получить представления о выраженности проявлений горизонтального и вертикального индивидуализма и горизонтального и вертикального коллективизма. Выраженность оценивается по сумме баллов, оценивающих степень согласия респондентов с предложенными утверждениями. Каждая шкала представлена восемью утверждениями.

Результаты. Согласно литературным данным, Восточная культура, к которой принадлежат исследуемые этнические группы, рассматривается как коллективистская культура. Исследовательская задача предполагала выявить выраженность коллективистских и индивидуалистических ценностей у респондентов. Результаты описательной статистики (таблица 2), представленные средними значениями показателей шкал, всех групп указывают на не однозначную выраженность проявлений коллективизма-индивидуализма у респондентов – средние показатели шкал соответствуют континууму от «нейтрально» до «слегка согласен», исключение составляют средние значения вертикального коллективизма в группах «Алтайцы» и «Якуты», которые находятся в пределе «очень согласен». В группе «Алтайцы» результаты описательной статистики указывают, что у респондентов более выражены показатели вертикального и горизонтального коллективизма по сравнению с показателями индивидуализма. В меньшей степени выражено среднее значение вертикального индивидуализма. В группах «Якуты» и «Тувинцы» отмечается также выраженность показателей коллективизма, по сравнению с индивидуализмом.

Таблица 2. Средние значения показателей коллективизма-индивидуализма в этнических группах
Table 2. Average indicator values of collectivism-individualism in ethnic groups

	<i>Алтайцы</i>	<i>Ительмены. Чукчи</i>	<i>Коряки</i>	<i>Тувинцы</i>	<i>Якуты</i>
Горизонтальный индивидуализм	37,09 ± 1,23	37,40 ± 0,98	32,10 ± 0,69	36,80 ± 1,67	30,64 ± 1,15
Вертикальный индивидуализм	29,29 ± 1,32	33,84 ± 1,23	32,28 ± 0,63	34,45 ± 1,64	29,52 ± 1,16
Горизонтальный коллективизм	42,70 ± 1,14	31,59 ± 1,16	31,15 ± 0,98	38,85 ± 1,61	37,88 ± 1,19
Вертикальный коллективизм	42,07 ± 1,25	33,44 ± 1,98	32,60 ± 1,61	38,30 ± 1,61	41,76 ± 1,23

В группе «Ительмены. Чукчи» самый высокий показатель среднего значения приходится на горизонтальный индивидуализм, самый низкий – на горизонтальный коллективизм. Что касается средних значений вертикального индивидуализма и вертикального коллективизма, то они примерно идентичны. В группе «Коряки» – примерно

равная выраженность средних значений индивидуализма, не значительно выше среднее значение вертикального коллективизма, самое низкое среднее значение приходится на горизонтальный коллективизм.

На основании средних значений баллов оценки утверждений опросника выявлены наиболее выраженные

(то есть те, которым присваивалось более 5 баллов) проявления индивидуализма-коллективизма. В группе «Алтайцев» такими оказались традиционные для этнокультуры ценности, которые относятся к горизонтальному коллективизму: «Если родственники окажутся в затруднительном финансовом положении, я помогу им своими средствами насколько смогу», «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом», «Мне нравится делиться с соседями», «Если сотрудник получает приз, я буду радоваться этому и гордиться им». Среди наиболее выраженных проявлений вертикального коллективизма – «Я сделал бы что-то ради моей семьи, даже если бы мне не нравилось это дело», «Детей нужно учить ставить долг выше удовольствий», «Наши стареющие родители должны жить с нами», «Дети должны чувствовать гордость, если их родители получают важную награду». В то же время многие респонденты полностью согласны с такими проявлениями горизонтального индивидуализма, как: «Нужно жить своей жизнью независимо от других», «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов».

В группе «Якуты» наиболее выраженными традиционными установками, с которыми согласны респонденты, остаются те, которые относятся к вертикальному и горизонтальному коллективизму. Среди установок вертикального коллективизма – «Я сделал бы что-то ради моей семьи, даже если бы мне не нравилось это дело», «Я терпеть не могу разногласий с людьми в моем коллективе», «Наши стареющие родители должны жить с нами». Горизонтальный коллективизм у многих проявляется в следующем: «Если сотрудник получает приз, я буду радоваться этому и гордиться им», «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом».

В группе Тувинцев среди проявлений вертикального коллективизма, с которыми согласны многие респонденты: «Я сделал бы что-то ради моей семьи, даже если бы мне не нравилось это дело», «Прежде чем принимать решения на счет поездок, я консультируюсь с большинством членов моей семьи и моими друзьями», «Наши стареющие родители должны жить с нами», «Дети должны чувствовать гордость, если их родители получают важную награду». Горизонтальный коллективизм представлен следующими вариантами: «Если сотрудник получает приз, я буду радоваться этому и гордиться им», «Если родственники окажутся в затруднительном финансовом положении, я помогу им своими средствами насколько смогу», «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом». Наряду с ценностями коллективизма, более высокие баллы имеют те, которые относятся к горизонтальному индивидуализму – это «Нужно жить своей жизнью независимо от других», «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов», а также к вертикальному индивидуализму – «Для меня важно выполнять свою работу лучше, чем другие», при этом многие из респондентов не «любят подчеркивать свои победы».

Для респондентов групп «Коряки» и «Ительмены. Чукчи» средние значения показателей коллективизма-индивидуализма в оценке утверждений не превышают 5 баллов, то есть находятся в диапазоне оценки «нейтрально». Так, многие респонденты группы «Коряки» выражают определенную степень своего согласия (в диа-

пазоне от 4,7 до 4,9) с такими проявлениями горизонтального коллективизма, как «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом», вертикального коллективизма – «Дети должны чувствовать гордость, если их родители получают важную награду», горизонтального индивидуализма – «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов», вертикального индивидуализма – «Когда другой человек добивается большего, чем я, я раздражаюсь и напрягаюсь». В группе «Ительмены. Чукчи» многие респонденты выразили свое согласие (в диапазоне 4,7 – 4,9) с установками горизонтального индивидуализма – «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов», «Когда мне что-то удастся, как правило, это из-за моих способностей», «Мне нравится по-разному быть уникальным и не похожим на других», а также вертикального индивидуализма – «Когда другой человек добивается большего, чем я, я раздражаюсь и напрягаюсь», «Некоторые люди любят подчеркивать свои победы, я не являюсь одним из них».

Выявление статистически значимых различий с помощью критерия Краскела-Уоллиса показало, что различия существуют между группами по всем шкалам коллективизма-индивидуализма. Для попарного сравнения был использован критерий Манна-Уитни. В результате по характеристикам коллективизма по сравнению с характеристиками индивидуализма выявлено больше значимых различий между группами. Проявления горизонтального коллективизма значимо более выражены в группах «Алтайцев» ($U = 307,500$, $p = 0,00$), «Якутов» ($U = 373,000$, $p = 0,020$), «Тувинцев» ($U = 368,500$, $p = 0,002$), чем у «Коряков», а также в группах «Алтайцев» ($U = 163,500$, $p = 0,000$), «Якутов» ($U = 294,00$, $p = 0,010$), «Тувинцев» ($U = 297,000$, $p = 0,001$), чем в группе «Ительмены. Чукчи». Показатель горизонтального коллективизма в клинической группе «Русских» значимо выше, чем в группах «Коряки» ($U = 441,50$, $p = 0,000$) и «Ительмены. Чукчи» ($U = 775$, $p = 0,000$).

Показатели вертикального коллективизма значимо более выражены в группах «Алтайцев» ($U = 448,500$, $p = 0,000$), «Якутов» ($U = 207,500$, $p = 0,000$), «Тувинцев» ($U = 374,0$, $p = 0,015$), чем в группе «Ительмены. Чукчи». Значимо выше данный показатель в группах «Алтайцы» ($U = 536,000$, $p = 0,000$), «Якуты» ($U = 272,000$, $p = 0,001$), «Тувинцы» ($U = 438,000$, $p = 0,013$), чем он выражен у респондентов группы «Коряки». Таким образом, вертикальный коллективизм меньше выражен у представителей «Коряк» и «Ительменов. Чукчей».

Показатель горизонтального индивидуализма значимо ниже в группе «Якутов», чем у «Алтайцев» ($U = 223,000$, $p = 0,032$), «Тувинцев» ($U = 104,500$, $p = 0,046$), «Ительменов. Чукчей» ($U = 245$, $p = 0,001$), «Русских» ($U = 364$, $p = 0,010$). Показатель горизонтального индивидуализма значимо ниже у «Коряков» ($U = 1189$, $p = 0,012$), чем у «Алтайцев» и «Ительменов. Чукчей» ($U = 1057,5$, $p = 0,000$), однако, вертикальный индивидуализм значимо выше проявляется в группе «Ительменов. Чукчей», чем у «Коряков» ($U = 834,5$, $p = 0,008$) и «Алтайцев» ($U = 1063$, $p = 0,030$).

Обсуждение. На основании описательной статистики и сравнительного анализа можно отметить, что проявления коллективизма более выражены в группах «Алтай-

цев» и «Якутов». В остальных группах результаты не позволяют определить явные предпочтения, так как проявления как индивидуализма, так и коллективизма многие респонденты оценивают у себя нейтрально либо слегка согласны с ними. Однако, следует отметить, что все национальные группы, включая «Русских», которые были отнесены к клиническим группам, различаются по горизонтальному коллективизму с группами «Ительмены. Чукчи» и «Коряки», которые к клиническим группам не относятся. То есть вне зависимости от этнической принадлежности респонденты с проявлениями симптомов депрессии более ориентированы на взаимную зависимость людей друг от друга. Что касается вертикального коллективизма, то различия установлены только между этническими группами, где данный показатель значимо менее выражен у «Коряк» и «Ительменов. Чукчей». На основании этих данных можно предположить, что для представителей «Алтайцев» и «Якутов», а также «Тувинцев» служение и подчинение групповым ценностям остается более значимым. Такой зависимости не отмечается в группах «Коряков» и «Ительменов. Чукчей». Выявленный факт, возможно, объясняется тем, что этнические представители Камчатского края более тесно проживают на единой территории (село, район) и более интегрированы в процесс своей жизнедеятельности в межэтническое взаимодействие. Алтайцы и якуты имеют свою республиканскую и территориальную автономию, что поддерживает и усиливает их этническое самосознание, ориентируя на групповые ценности.

Меньше различий между группами выявлено по шкалам индивидуализма. Установлено, что проявления горизонтального индивидуализма в меньшей степени характерны для «Якутов», чем для респондентов всех других этнических групп. Можно предположить, что представители «Якутов» в меньшей мере, по сравнению со всеми другими группами, стремятся быть самостоятельными в жизни, открыто заявлять свою позицию при обсуждении вопросов. Представители «Алтайцев» и «Ительменов. Чукчей», по сравнению с «Коряками», более выражают свою готовность к самостоятельности. При этом «Ительмены. Чукчи» более стремятся к самоутверждению, по сравнению с респондентами групп «Алтайцы» и «Коряки». Несмотря на общий показатель горизонтального индивидуализма, который не значительно выражен у представителей «Алтайцев», у многих из них отмечается тенденция роста индивидуализма, проявляющаяся в стремлениях жить своей жизнью независимо от других, быть прямыми и откровенными при обсуждении вопросов. При этом у многих из них сохраняется значимость традиционных ценностей, связанных с горизонтальным и вертикальным коллективизмом. Что касается группы «Тувинцев», то можно отметить, что наряду с несколько более выраженными, по сравнению с индиви-

дуалистическими, ориентациями на коллективистские ценности отмечается тенденция, что значимыми для многих становятся ценности, связанные с самостоятельностью, независимостью, самоутверждением в делах, в работе. В группе «Якутов» можно отметить, что при сохранении традиционной ориентации на групповые ценности, особенно стремления что-то делать ради других, снижены стремления к собственной независимости и самоутверждению.

Выводы

1. Проявления коллективизма-индивидуализма различным образом представлены в группах по этническому и нозологическому критериям.

2. Установлена выраженность тенденций коллективизма в группах «Алтайцев» и «Якутов», в остальных группах не отмечается явно выраженная ориентация на полюсы коллективизма-индивидуализма. Более «сглаженное» проявление индивидуализма-коллективизма в группах представителей Камчатки, относимых к группам «норма».

3. Вне зависимости от этнической принадлежности респонденты с проявлениями симптомов депрессии более ориентированы на взаимную зависимость людей друг от друга.

4. В этнических группах, не относящихся к клиническим группам, т. е. без признаков симптомов депрессии, проявления коллективизма-индивидуализма можно охарактеризовать двумя типами: первый – отсутствие явных предпочтений ценностей индивидуализма-коллективизма, т. е. гибкий вариант; второй – стремление к некоторой самостоятельности при отсутствии предпочтений ценностей самоутверждения и коллективизма.

5. В клинических этнических группах соотношение проявлений коллективизма-индивидуализма можно представить тремя типами: сохранение значимости ценностей, связанных с проявлениями горизонтального и вертикального коллективизма и нарастание тенденции стремления к самостоятельности; сохранение ценностей коллективизма, особенно вертикального коллективизма, и отсутствие стремления к самостоятельности и самоутверждению; при предпочтении ценностей коллективизма появление стремления к самостоятельности и самоутверждению в работе и делах.

6. Выявленные типы тенденций соотношения коллективизма-индивидуализма в клинических группах могут проявляться в виде ценностных конфликтов в системе факторов формирования депрессии у представителей этнических групп, что требует дальнейшего более углубленного анализа во взаимосвязи с другими данными, полученными в результате выполнения исследовательского проекта.

Литература

1. Бохан Н. А., Мандель А. И., Пешковская А. Г., Бохан Т. Г., Бадырғы И. О. Этнокультуральные особенности отношения к болезни и когнитивных дисфункций при алкоголизме в контексте предметного поля личностно-ориентированной психотерапии // Психотерапия. 2011. № 4(100). С. 49 – 55.
2. Бохан Н. А., Мандель А. И., Пешковская А. Г., Бохан Т. Г., Бадырғы И. О., Монгуш Ч. К. Этнокультуральные различия клинко-психологических взаимосвязей при алкогольной зависимости: возможности пиктографической идентификации // Психотерапия. 2011. № 9. С. 55 – 59.

3. Бохан Н. А., Терехина О. В., Танабасова У. В., Заикина М. Д. Этнопсихологические особенности когнитивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций // Понять другого: межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире: сборник материалов конференции. Москва, МГППУ, 2015. С. 20 – 22.
4. Бохан Т. Г., Галажинская О. Н., Терехина О. В., Аксенов М. М., Мандель А. И., Семке А. В., Счастный Е. Д., Кургак Д. И., Матвеева Н. П., Бадырғы И. О., Санашева И. Д. Особенности проявления депрессии у представителей этнических групп Сибири // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 1(90). С. 86 – 92.
5. Жарова Е. И. Основные подходы к изучению индивидуализма-коллективизма в зарубежной психологии // Этнопсихология: вопросы теории и практики. 2010. № 3. Режим доступа: http://psyjournals.ru/ethnopsy-teor/issue/40352_full.shtml (дата обращения: 01.12.2014).
6. Кригер Г. Н. Особенности структурно-содержательных характеристик этнического самосознания коренных малочисленных народов Сибири (на примере телеутского этноса): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 18 с.
7. Леон Ф., Калибацева З., Молчанова Е. Культура и депрессия: определение, диагностические сложности и рекомендации // Медицинская психология в России. 2012. № 6(17). Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprj/-archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer03.php (дата обращения: 01.12.2014).
8. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. 172 с.
9. Татарко А. Н., Лебедева Н. М., Козлова М. А. Этническая идентичность и ценностные ориентации представителей традиционных культур в условиях модернизации общества // Журнал прикладной психологии. 2004. № 4 – 5. С. 120 – 128.
10. Эммонс Р. Психология высших устремлений. Мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. 416 с.
11. Aragone's E, Pin' ol J. L., Labad A. The overdiagnosis of depression in non-depressed patients in primary care. *Family Practice*, no. 23 (2006): 363 – 368.
12. Berry J. W. Ecology and individualism. In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994.
13. Hofstede G. *Culture's consequences*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
14. Kagitcibasi C. *A critical appraisal of individualism-collectivism: Toward a new formulation*. In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994, 52 – 65.
15. Keitner G. I., Miller I. W. Family Functioning and Major depression: An overview. *Am. J. of Psychiatry*, no. 147:9 (1990): 1128 – 1138.
16. Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. Individualism and collectivism: Theory, method, and applications. Newbury Park, CA: Sage, 1994.
17. Kirmayer L. Culture, context, and experience in psychiatric diagnosis. *Psychopathology*, no. 38 (2005): 192 – 196.
18. Kleinman A. *Culture and Depression: Studies in the Anthropology and Cross-cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. University of California Press, 1985, 535.
19. Kleinman A., Good B. *Culture and depression*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.
20. Markus H. R., Kitayama S. Culture and self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review*, no. 17 (1991): 224 – 253.
21. Marsella A. J. Depressive experience and disorder across cultures. *Handbook of cross-cultural psychology: Psychopathology*. Boston, MA: Allyn & Bacon, vol. 6 (1980): 237 – 289.
22. Marsella A. J. The measurement of depressive experience and disorder across cultures. In A. J. Marsella, R. M. A. Hirschfeld & M. M. Katz (Eds.). *The measurement of depression*. New York: Guilford Press, 1987: 376 – 397.
23. Ryder A. G., Yang J., Zhu X., Yao S., Yi J., Heine S., Bagby R. M. The cultural shaping of depression: Somatic symptoms in China, psychological symptoms in North America? *Journal of Abnormal Psychology*, no. 117 (2008): 300 – 313.
24. Triandis H. C. Interpersonal relations in international organizations. *Organizational Behavior and Human Performance*, no. 2 (1967): 26 – 55.

MANIFESTATIONS OF COLLECTIVISM-INDIVIDUALISM IN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL FACTORS OF DEPRESSION

Tatiana G. Bokhan^{1, @1, *}, Olga V. Terekhina^{1, @2, *}, Nikolay A. Bokhan^{2, @3, *}, Aleksey V. Nemtsev^{1, *}, Oksana N. Galazhinskaya^{1, *}, Ursula V. Tanabasova^{1, @4, *}

¹ National Research Tomsk State University, 34a, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050

² Mental Health Research Institute, 4, Aleutskaya street, Tomsk, Russia, 634014

@1 btg960@sibmail.com

@2 doterekhina@mail.ru

@3 redo@mail.tomsknet.ru

@4 u.tanabasova@mail.ru

Received 07.06.2016.

Accepted 07.09.2016.

Keywords: cultural psychopathology, depression, psycho-social model, cultural validation, collectivism-individualism, the traditional peoples of Siberia, psycho-social factors.

* The study was supported by the RHSF grant no. 14-06-00113 "The impact of culture on the subjective experience of depression and the expression of its characteristics (on the example of representatives of the Siberian peoples)".

Abstract: The article shows that the problem of hypo- and hyperdiagnostic of depression is related to the differences in its manifestations among representatives of different countries, as well as ethnic minorities living in the same country. This raises the issue of cultural validation of the depression symptoms. The values of collectivism-individualism as one of the dimensions of cultures that defines their differences, is associated with the possibilities of the formation of psychopathology. The article presents the results of the study of manifestation peculiarities of collectivism-individualism among the respondents of ethnic groups of Siberia in the context of studying the problems of depression factors. The questionnaire "Scale of individualism-collectivism" (Triandis H. C.) is used. The study features representatives of the ethnic groups of Siberia. The results revealed that the manifestations of collectivism-individualism are presented in different ways in groups according to ethnic and nosologic criteria; the preference values of collectivism in the group "Altai" and "Yakut" is marked, in the other groups no pronounced orientation towards the poles of collectivism-individualism is revealed; the respondents with the manifestations of the depression symptoms are more focused on the mutual dependence of people from each other regardless of the ethnicity, and they are characterized by three types of the ratio of intensity values of collectivism-individualism; respondents without depressive symptoms according to the criterion of collectivism-individualism are characterized by two types.

For citation: Bokhan T. G., Terekhina O. V., Bokhan N. A., Nemtsev A. V., Galazhinskaya O. N., Tanabasova U. V. Proïavleniia kollektivizma-individualizma v kontekste problemy etnokul'tural'nykh faktorov depressii [Manifestations of collectivism-individualism in the context of ethnocultural factors of depression]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 126 – 133. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-126-133.

References

1. Bokhan N. A., Mandel' A. I., Peshkovskaia A. G., Bokhan T. G., Badyrgy I. O. Etnokul'tural'nye osobennosti otnosheniia k bolezni i kognitivnykh disfunktsii pri alkogolizme v kontekste predmetnogo polia lichnostno-orientirovannoi psikhoterapii [Ethnocultural features of the relation to illness and cognitive dysfunction in alcoholism in the context of the subject field of personality-oriented psychotherapy]. *Psikhoterapiia* = *Psychotherapy*, no. 4 (100) (2011): 49 – 55.
2. Bokhan N. A., Mandel' A. I., Peshkovskaia A. G., Bokhan T. G., Badyrgy I. O., Mongush Ch. K. Etnokul'tural'nye razlichii kliniko-psikhologicheskikh vzaimosvyezai pri alkogol'noi zavisimosti: vozmozhnosti piktograficheskoi identifikatsii [Ethnocultural differences in clinical and psychological relationships in alcohol dependence: the possibility of pictorial identification]. *Psikhoterapiia* = *Psychotherapy*, no. 9 (2011): 55 – 59.
3. Bokhan N. A., Terekhina O. V., Tanabasova U. V., Zaikina M. D. Etnopsikhologicheskie osobennosti kognitivnykh strategii preodoleniia trudnykh zhiznennykh situatsii [Ethnopsychological features of cognitive strategies to overcome difficult life situations]. *Poniat' drugogo: mezhkul'turnoe vzaimoponimanie v sovremennom global'nom mire: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20 – 21 noiabria 2015)* [Understanding an Other: cross-cultural understanding in the global world: Proc. V All-Russian Sc.-Prac. Conf. (November 20 – 21, 2015)]. Moscow, no. 1 (2015): 20 – 22.
4. Bokhan T. G., Galazhinskaya O. N., Terekhina O. V., Aksenov M. M., Mandel' A. I., Semke A. V., Schastnyi E. D., Kurgak D. I., Matveeva N. P., Badyrgy I. O., Sanasheva I. D. Osobennosti proïavleniia depressii u predstavitelei etnicheskikh grupp Sibiri [Features of manifestation of depression in representatives of ethnic groups of Siberia]. *Sibirskii vestnik psikhiiatrii i narkologii* = *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, no. 1(90) (2016): 86 – 92.

5. Zharova E. I. Osnovnye podkhody k izucheniiu individualizma-kollektivizma v zarubezhnoi psikhologii [The main approaches to the study of individualism-collectivism in foreign psychology]. *Etnopsikhologiya: Voprosy Teorii i Praktiki = Ethnopsychology: Theory and Practice*, no. 3 (2010). Available at: http://psyjournals.ru/ethnopsy_teor/issue/40352_full.shtml (accessed 01.12.2014).
6. Kriger G. N. *Osobennosti strukturno-soderzhatel'nykh kharakteristik etnicheskogo samosoznaniia korennykh malochislennykh narodov Sibiri (na primere teleutskogo etnosa)*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Features of structurally-substantial characteristics of ethnic consciousness of indigenous peoples of Siberia (based on the Teleut ethnic group). Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Khabarovsk, 2005, 18.
7. Leon F., Kalibatseva Z., Molchanova E. Kul'tura i depressiia: opredelenie, diagnosticheskie slozhnosti i rekomendatsii [Culture and Depression: definition, diagnostic difficulties and recommendations]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*, no. 6(17) (2012). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer03.php (accessed 01.12.2014).
8. Lurii A. R. *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov* [The historical development of cognitive processes]. Moscow, 1974, 172.
9. Tatarko A. N., Lebedeva N. M., Kozlova M. A. Etnicheskaya identichnost' i tsennostnye orientatsii predstavitelei traditsionnykh kul'tur v usloviakh modernizatsii obshchestva [Ethnic identity and values of the representatives of traditional cultures in the conditions of modernization of the society]. *Zhurnal Prikladnoi Psikhologii = Journal of Applied Psychology*, no. 4-5 (2004): 120 – 128.
10. Emmons R. *Psikhologiya vysshikh ustremlenii. Motivatsiya i dukhovnost' lichnosti* [Psychology of ultimate concerns: Motivation and spirituality in personality]. Moscow: Smysl, 2004, 416.
11. Aragone's E, Pin~ol J. L., Labad A. The overdiagnosis of depression in non-depressed patients in primary care. *Family Practice*, no. 23 (2006): 363 – 368.
12. Berry J. W. Ecology and individualism. In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994.
13. Hofstede G. *Culture's consequences*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
14. Kagitcibasi C. *A critical appraisal of individualism-collectivism: Toward a new formulation*. In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994, 52 – 65.
15. Keitner G. I., Miller I. W. Family Functioning and Major depression: An overview. *Am. J. of Psychiatry*, no. 147:9 (1990): 1128 – 1138.
16. Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Newbury Park, CA: Sage, 1994.
17. Kirmayer L. Culture, context, and experience in psychiatric diagnosis. *Psychopathology*, no. 38 (2005): 192 – 196.
18. Kleinman A. *Culture and Depression: Studies in the Anthropology and Cross-cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. University of California Press, 1985, 535.
19. Kleinman A., Good B. *Culture and depression*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.
20. Markus H. R., Kitayama S. Culture and self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review*, no. 17 (1991): 224 – 253.
21. Marsella A. J. Depressive experience and disorder across cultures. *Handbook of cross-cultural psychology: Psychopathology*. Boston, MA: Allyn & Bacon, vol. 6 (1980): 237 – 289.
22. Marsella A. J. The measurement of depressive experience and disorder across cultures. In A. J. Marsella, R. M. A. Hirschfeld & M. M. Katz (Eds.). *The measurement of depression*. New York: Guilford Press, 1987: 376 – 397.
23. Ryder A. G., Yang J., Zhu X., Yao S., Yi J., Heine S., Bagby R. M. The cultural shaping of depression: Somatic symptoms in China, psychological symptoms in North America? *Journal of Abnormal Psychology*, no. 117 (2008): 300 – 313.
24. Triandis H. C. Interpersonal relations in international organizations. *Organizational Behavior and Human Performance*, no. 2 (1967): 26 – 55.

УДК 159.9.072.43

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

Геннадий Г. Буторин^{1, @1}, Лариса А. Бенько^{2, @2}

¹ Челябинский государственный педагогический университет, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

² Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия, 454092, г. Челябинск, ул. Воровского, 64

@¹ g1966@mail.ru

@² larisbenco@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2016.

Принята к печати 16.06.2016.

Ключевые слова: психологическое здоровье семьи, вынужденная миграция, социально-психологический кризис, модель семьи.

Аннотация: Полидисциплинарной группой специалистов, в которой участвовали педиатры, детские неврологи и психиатры, школьные психологи, логопеды, дефектологи, а также специалисты по социальной работе, была изучена динамика психологического здоровья 121 семьи русскоговорящих мигрантов из бывших советских республик в условиях миграции. Был проанализирован характер семейного общения и стиль взаимоотношений родителей и детей в данной группе, как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях. В большинстве случаев в семьях до миграции можно было констатировать вполне приемлемые, адекватные условия и стиль воспитания, которые характеризовали семью как стабильную и благополучную. Оценивая ретроспективно все позитивные психологические отношения родителей к детям в этих семьях, нами условно были выделены несколько их моделей. Как показали исследования, социально-психологический кризис семьи приводит к изменению ее структуры, к смене общего психологического статуса семьи и сказывается, прежде всего, на системе воспитания. В семьях мигрантов был отмечен значительный рост разводов. В остальных семьях, сохранивших свою структуру, нарушения социального статуса сопровождались изменениями общей атмосферы семьи с более или менее выраженными признаками психологической напряженности. Во многих семьях была отмечена смена воспитательных подходов. Как результат психологического напряжения резко возросло число конфликтных ситуаций, свидетелями которых становились дети. Результаты исследования свидетельствуют, что число распавшихся семей увеличилось почти в 8 раз. Кроме того, в семьях, находящихся на грани развода, стали отмечаться конфликтные взаимоотношения. Неспособность семей эффективно приспособиться к новым условиям стала причиной асоциальных форм поведения у детей.

Для цитирования: Буторин Г. Г., Бенько Л. А. Патологическая трансформация структуры семьи в условиях вынужденной миграции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 134 – 141. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-134-141.

“Любовь, нежность и забота, полученные в семье в детстве, позволяют человеку стать сильным духом, стойко переносить тяготы жизни и проявлять себя незаурядной личностью...”

Т. Уайлдер

Введение

Проблема миграции всегда остается актуальной не только для социологии или истории, но во многом находит свое отражение и в психологической науке. Сегодня становится очевидным, что психологи столкнулись с целым рядом проблем, которые требуют немедленного и кардинального решения. Перемещения и переселения больших масс людей затронули не только политические и экономические, но и социально-психологические основы многих государств. Историю миграции в определенном смысле можно рассматривать как часть истории че-

ловечества. Поэтому понятно, почему двадцатый век получил название «века мигрантов». В конце XX – начале XXI вв. мы наблюдаем нарастание процессов глобализации, которые так или иначе затрагивают все сферы общественной жизни и создают беспрецедентную по своим проявлениям систему взаимозависимости стран и народов в мире. В последние годы и сам процесс миграции населения и попытка его регулирования становятся объектом самых разнообразных наук: истории, политологии, социологии. Её вынуждены изучать экономисты, психологи и даже психиатры. Во многих странах мира проблемы миграции стали актуальными настолько, что повысился спрос со стороны органов власти на рекомендации по поводу миграционной политики и учету миграций в социально-экономическом развитии стран и регионов.

Распад союзного советского государства в 90-х гг. XX в. поставил новые задачи изучения миграционных

процессов. На ряде конференций и «круглых столов» высказывалось мнение, что исследование истории миграции поможет уяснить механизм конфликтных ситуаций и будет способствовать их урегулированию в новых политических и социально-экономических условиях.

Следует признать, что процессы миграции в нашей стране во многом отличаются от таковых в других странах, даже от тех, что происходят у наших ближайших соседей – в Европе. В свое время после распада союзного государства Россия объявила о готовности принять всех бывших своих граждан, которые захотят принять российское подданство. Как результат в период с 1992 г. согласно официальной статистике Федеральной миграционной службы России по причинам национальной дискриминации, а также политических и экономических причин на территорию России из различных регионов постсоветского пространства переселилось более 3 млн человек, которым требуется жилье, рабочие места, социальное обеспечение, образование и т. д. [6].

Материал и методы исследования

Мультидисциплинарной бригадой специалистов, в которую входили врачи (педиатры, неврологи, психиатры), психологи и специалисты по социальной работе, было прослежено изменение психологического здоровья 121 русскоговорящей семьи, после того как они были вынуждены переехать в Россию из бывших советских республик. Был использован комплекс как клинических, так и параклинических, а также психологических методов. В работе с родителями и детьми применялись структурированное интервью и опросники. При обработке данных обязательно учитывались сведения, предоставленные педагогами, родителями, и полученные из медицинских карт и педагогических характеристик. Настоящее исследование явилось продолжением ряда исследований, проведенных авторами в составе мультидисциплинарной группы в 2000-х гг. [4]. Как показал анализ последних результатов, выводы и предположения, сделанные по итогам предыдущих исследований, нашли свое подтверждение в рамках вновь полученных данных, а деструктивная динамика семейной структуры во многом оправдала негативные ожидания.

Сравнительно-возрастной метод оценки особенностей психического развития был продиктован онтогенетическим направлением исследования. Клинические методы в патопсихологических исследованиях считаются основными, поэтому наблюдаемые нами психические состояния изучались клинко-анамнестическими, клинко-психопатологическими и клинко-динамическими методами, во многом мы опирались на анамнестическую таблицу А. К. Панасюка [11]. По такой таблице определялось суммарное количество патологических факторов, а также их комбинации.

В последние годы в психологическую практику вошел термин «психологическое здоровье семьи». При этом нужно понимать, что он не совпадает по значению с понятием «психическое здоровье». Его содержание более многогранно и представляет собой многоуровневые качества семейного функционирования [1; 5; 10, с. 191]. «Психологическое здоровье семьи» зависит от многих факторов: социальных, экономических, биологических, психологических и т. д., одним из определяющих факторов рассматривается физическое здоровье членов семьи.

Любые отклонения от нормы на любом уровне отражаются на психическом здоровье не только самого человека, но и на психологическом здоровье всей семьи в целом. Мультидисциплинарный состав бригады позволил провести уникальную комплексную оценку показателей психологического здоровья семьи.

Первое, что обращало на себя внимание – неготовность административных районов, куда переселялись семьи. Это способствовало возникновению сложных и нередко кризисных социально-психологических условий с дальнейшим комплексом негативных последствий. Психическое состояние ребенка, качество его адаптации во многом зависели от того, как складывались отношения внутри семьи, от ее воспитательного потенциала, который определялся как семейной структурой, так и социальным, материальным и образовательным статусами родителей. Все это подвергалось серьезным испытаниям в ситуации миграции. Было принято решение проанализировать характер семейного общения и стиль взаимоотношений родителей и детей как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях.

Результаты и обсуждение

Анализ социально-психологической документации, сведения, полученные при беседе с родителями и детьми, а также от смежных специалистов, позволили установить характер материально-бытовых и социально-психологических условий, в которых происходило формирование и психическое развитие детей до миграции.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что у подавляющей части семей (59,3 %) материально-бытовые условия отличались достаточно высоким уровнем: отдельное жилье, материальный достаток, хороший профессиональный статус родителей с постоянной и высокооплачиваемой работой. Только 7,2 % родителей не могли сказать, что они были полностью удовлетворены своим материальным и бытовым положением на прежнем месте жительства.

Следует подчеркнуть, что в семьях данной группы отмечался довольно высокий образовательный уровень. У большинства родителей было высшее (58,6 %) или неоконченное высшее (25,5 %) образование. При этом, как считают многие исследователи, материальные, бытовые, или другие «престижные» показатели не могут в полной мере отразить степень благополучия или неблагополучия в семье. Главный показатель – отношение к ребенку [7; 15; 16]. Однако нельзя было игнорировать указанные факты и систему ценностей семьи в ситуации резких социальных изменений, поскольку ценностные ориентации выступают значимым условием восприятия человеком жизненной ситуации [14].

Исходя из этого, был проанализирован характер внутри семейных отношений в данной группе как до миграции, так и в изменившихся социально-психологических условиях. Обращает на себя внимание, что до миграции социально-психологические характеристики 46,6 % семей соответствовали критериям, которые позволяли отнести их к категории «благополучных». Достаточно часто понимание «неблагополучной» семьи основывается на таких показателях, как внутрисемейные отношения и тип воспитания. Мы также разделяем такой подход, т. к. он в достаточной мере соответствует характеру проведенного исследования.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что в большинстве случаев внутрисемейные отношения можно было назвать эмоционально-положительными. Как родители, так и дети отмечали конструктивный характер общения, они хотели общаться и получали от этого взаимное удовлетворение.

В процедуре психологического интервью 21,4 % детей отмечали особо, что родители поддерживали высокий уровень включенности в общение с ними. Совершенно естественным были ситуации обсуждения проблем. Более того, 39,1 % детей говорили о том, что их мнение учитывалось, а они сами всегда чувствовали готовность родителей прийти им на помощь, если потребуется. С другой стороны, это сопровождалось высоким уровнем доверия к ребенку и успешности его деятельности.

У таких детей до переселения отмечались умеренно выраженные тенденции к лидерству, время от времени они могли контролировать других, но избегали грубости и некорректности. При этом сами дети не всегда отличались послушанием и их нельзя было назвать полностью контролируруемыми. Кроме того, они были хорошо физически развиты, социально активны, легко устанавливали социальные контакты со сверстниками. Отличались определенными чертами альтруизма, сензитивности и эмпатии.

Родители 27,2 % семей, характеризуя свои воспитательные подходы, отмечали вводимые существенные ограничения в поведение детей. При этом они всегда пытались разъяснить суть и причину ограничений, что способствовало хорошему взаимопониманию с ребенком. А сами дисциплинарные меры не вызывали разногласий между родителями и детьми. К основным характеристикам таких детей можно отнести послушание, внушаемость, иногда даже робость. Они были не слишком настойчивы в достижении своих целей и избегали проявления агрессивности. Следует отметить отдельные ситуативные проявления неблагоприятных воспитательных приемов. Они не носили системного или грубого характера и не отражались на общей психологической атмосфере семьи.

Особое внимание обратили на себя семьи (12,3 %), которые уже в то время практиковали патологические подходы в воспитании. Прежде всего это проявления гиперпротекции (6,1 %), скрытой гипопротекции (2,9 %) и воспитание в условиях повышенной моральной ответственности (3,3 %).

Таким образом, можно было констатировать, что в большинстве семей до миграции были сформированы вполне приемлемые, благоприятные условия и стиль воспитания, что характеризовало семью как стабильную и благополучную. Исходя из этого, ретроспективно оценив весь комплекс позитивных психологических взаимоотношений в этих семьях, которые составили 87,7 % от общего числа, мы условно выделили несколько их моделей.

Первая модель отражала гибкое, поддерживающее поведение родителей, с определенной степенью свободы в отношении детей, что позволяло им достаточно легко учитывать и реализовывать потребности ребенка, если это было необходимо. В такой семье дети чувствовали, что они принимаемы, любимы и защищены. Они знали, что их всегда поддержат и поймут. Требования, которые предъявляли родители к ребенку, были последовательны, а в воспитательных приемах практически не было излишнего давления и стремления сформировать те навыки, которые

опережали бы его психическое развитие. Контроль осуществлялся в необходимой мере, родители старались, чтобы он не был жестким и мелочным, а запреты и поощрения были оптимально сбалансированы. В такой ситуации родители, с одной стороны, могли адекватно и своевременно реагировать на потребности ребенка, а с другой – ребенок был готов проявлять самостоятельность и инициативу, что помогало формировать уверенность в своих силах и адекватную самооценку. В дальнейшем именно такие дети продемонстрировали наибольшую стойкость к стрессу социальных изменений. Устойчивость отношений, которая проявлялась в таких семьях при различных неблагоприятных воздействиях, семейная идентичность помогало сохранить её единство и целостность. Ребенок чувствует и воспринимает себя как часть целого, системы, а не противопоставляет свое «Я» семье. Характерологические особенности, которые формировались у детей в таких условиях, можно охарактеризовать как стеничность, самостоятельность, инициативность. При этом у них отмечался высокий уровень адаптационных возможностей. Такой характер семейных взаимоотношений, выявленный в 29,8 % случаев, позволил определить данную модель как «функционально-самодостаточную».

Во второй модели также отмечалась достаточно успешная адаптация поведения родителей к потребностям детей. Контроль был более выражен, а для того, чтобы вникнуть в переживания ребенка и сохранить состояние «включенности в его проблемы», от родителей требовались дополнительные усилия и старание. Это получалось не всегда, что нарушало спонтанность и непосредственность общения, а во внутрисемейную коммуникацию вносило некоторое напряжение. Такая воспитательная ситуация отличалась тем, что, находясь в центре внимания, личная свобода ребенка подчинялась довольно твердой регламентации. Излишняя опека родителей проявлялась категоричностью их позиций, требований, тенденциями навязать своё мнение и готовые решения, а заведённые в доме порядки и правила подлежали неукоснительному выполнению. Система запретов и поощрений строго контролировалась. Дети не чувствовали в полной мере идентичность семьи как системы. Это иногда приводило к внутреннему противопоставлению ребёнком чувств «Я» и «Мы». Строгая дисциплина и определенное ограничение самостоятельности привели к тому, что у детей формировались характерологические особенности. Они были достаточно общительны, с лидерскими тенденциями в поведении, но при этом были несколько эмоционально неустойчивы, что, впрочем, не влияло фатально на формирование адаптационных механизмов. Такие воспитательные подходы обнаружились у 21,9 % семей. Указанные характеристики в полной мере соответствовали определению их как «функционально-ригористической» модели (от лат. *rigor* – строгость, соблюдение правил, нравственности, предписаний).

В третьей модели (20,3 %) внимание родителей к проблемам детей было можно было назвать ограниченным. Проявление заботы в большей мере было результатом заостренного чувства долга и повышенной принципиальности (или гиперсоциальности). Это в свою очередь определяло некоторую «заданность» в отношениях с детьми. Родители не отличались высоким уровнем педагогических знаний и их недостаток стремились компенсировать информацией из средств массовой информации,

публичных лекций или бесед с другими родителями. Этим можно объяснить тот факт, что не был сформирован единый родительский воспитательский стиль. Он зависел от тех рекомендаций, которые они считали наиболее актуальными в данный момент. Вновь полученные сведения или рекомендации могли легко поменять стиль воспитания. Нередко родители были непостоянны в своем поведении, а требования отличались амбивалентностью.

Выработанная и устоявшаяся система запретов также была противоречивой. В семейной идентичности существенно противопоставлялись «Я» и «Мы». Это объясняло низкую стабильность и способность противостоять дестабилизирующим воздействиям таких семей.

В данной модели происходило формирование как стеничных, так и астеничных радикалов детей. Дети со стеничными чертами были активны, общительны, эмоционально контактными. В своих поступках, как правило, руководствовались принятыми правилами и ограничениями. У астеничных детей отмечались робость, замкнутость, тревожность, повышенная впечатлительность, лёгкая ранимость. Таким образом, комплекс социальных и психолого-педагогических характеристик, описанных семей, дали основание обозначить эту модель как «*функционально-конформистскую*» (от лат. *conformis* – подобный, соответствующий, стремление к единомыслию).

Поведение родителей в четвертой модели (15,7 %) отличалось непоследовательным характером. Воспитательные ресурсы были ограниченными. Это приводило к тому, что требования, которые предъявляли родители к своим детям, не всегда соответствовали их возрастным возможностям, что резко снижало степень доверительности в отношениях. Родители в таких семьях стремились развивать и формировать психику ребенка исключительно согласуясь с собственными представлениями, а не с реальными его потребностями. Чрезмерный контроль они объясняли тревогой за детей, желанием оградить их от возможных неудач и т. д. В таких семьях затруднительно было выявить явного лидера. Внешнее социальное взаимодействие также выглядело ограниченным. Семьи неохотно устанавливали новые знакомства и избегали формировать новые взаимоотношения, но родственные связи и отношения с друзьями поддерживались охотно и регулярно. Отсюда отдых подразумевал исключительно семейный круг лиц. Если возникала необходимость расширить социальные контакты, то неизбежно нарастало психологическое напряжение. Локус контроля семьи – внешний. Значимыми всегда рассматривались мнения окружающих людей, знакомых, «старались, чтобы их дети выглядели не хуже других». Идентичность и устойчивость такой системы к неблагоприятным социальным изменениям оказалась самой низкой из всех моделей. В такой внутрисемейной атмосфере дети формировали астеничные черты личности. Они жаловались на беспокойный сон, плохой аппетит, отмечались повышенная тревожность и впечатлительность. Их психическая адаптивность и стрессоустойчивость в психогенных условиях резко ослаблялись. Такие общие характеристики, как низкая толерантность к социальным изменениям, ограниченный и инертный характер социально-психологической активности, подверженность деструктивным воздействиям и т. д., дают основание рассматривать данную модель как «*функционально-реверсивную*» (от лат. *reversus* – обратный, здесь: у которых можно изменять направление).

Если первую модель можно считать формирующей достаточно здоровые отношения в семье и гармоничный стиль воспитания, то в трех других отмечаются некоторые отрицательные тенденции, которые создавали условия для нарушения психологического здоровья семьи в стрессовых условиях. Вместе с тем, если социальные условия сохраняли стабильность, то дети не проявляли признаков девиаций, а сами семьи выглядели полностью социально адаптированными.

Описанные проявления можно с полным основанием определить как своеобразную акцентуацию семьи. Даже в относительно нормальных условиях, когда уровень жизнедеятельности достаточно высокий, они демонстрировали определённое несовершенство психологического взаимодействия. Такие недостатки проявлялись исключительно внутри семейной системы и только в определенных условиях, что не препятствовало нормальному социальному функционированию. Несмотря на некоторую акцентуированность, описанные семьи несомненно должны рассматриваться в рамках нормы.

Таким образом, учитывая рассмотренные социально-психологические характеристики, можно утверждать, что первая модель образует тип семей, который можно обозначить как «*благополучный – психологически устойчивый*», а следующие три – «*относительно благополучный, или акцентуированный*» тип.

Представляя указанные выше модели семей как «благополучные», необходимо отметить значительное многообразие в проявлении такого благополучия. Проведенный анализ показал, что различная степень психологической устойчивости напрямую связана и с потенциальными возможностями семьи противостоять деструктивным воздействиям, сохранять свою идентичность, стабильность и функциональную полноценность. Исходя из практического опыта работы, представляется целесообразным выделить отдельную шкалу успешности социально-психологического функционирования. Такая шкала поможет наглядно проследить постепенное изменение структуры семьи от стабильного и благополучного к определенным степеням акцентуации и, наконец, к нарушенным, патологическим дисфункциональным состояниям.

Такая шкала могла бы иметь серьезное прикладное значение. Опираясь на её различные уровни, достаточно легко определить риск возникновения дестабилизации или нарушения структуры любой семьи. Такое положение свидетельствует о том, что совершенно неправомерно почитать «благополучие» и «неблагополучие» семьи как статичные, неизменные, и тем более фиксированные состояния. В то же время континуум «благополучие – неблагополучие» позволяет воспринимать их как непрерывный динамический процесс, в котором заложено и понимание качества семьи как системы, и ее устойчивости к патогенным воздействиям, и адаптационный уровень.

Как свидетельствует проведенное исследование, снижение уровня жизни, изменение политической обстановки, потеря чувства защищенности граждан в тех странах, где проживали изученные семьи, создавали возможность их разнообразной дискриминации. Это во многом определило необходимость вынужденного переселения. При этом в 38 наблюдениях (65,5 %) решение принималось семьи взвешенно. Насколько позволяли возможности, переезд был подготовлен заранее: было найдено жилье, работа и т. д. Более того, 12 семей (20,7 %) поселили

у себя близкие родственники. Они оказали им временную поддержку. Другие 20 семей (34,5 %) были вынуждены в спешке покидать дом. Имущество продавалось по заниженным ценам, ясных перспектив на новом месте не было. Именно такие семьи попадали в ситуацию социально-психологического кризиса.

Несомненно, любая миграция, изменяя природно-климатических условий, жизненного стереотипа, социально-экономического статуса, системы взаимодействия в семье, межличностных контактов предъявляют повышенные требования к защитным и адаптационным механизмам индивида [2; 9; 13; 17; 18]. На новом месте родители неизбежно испытывали психическое перенапряжение, вызванное вынужденной сменой места жительства, материальными трудностями, бытовой неустроенностью, неопределенными перспективами. Такие социальные изменения не только ломали привычный жизненный стереотип семьи, но и связанные с этим внутрисемейные отношения. Наши наблюдения подтверждают данные других научных исследований [4; 15; 19], утверждающих, что эти обстоятельства существенно влияют на психическое состояние детей. Кардинально меняется вся их мотивационно-потребностная сфера, установки, отношения, интегрированность поведения, механизмы психологической защиты и т. д. Это приводит к тому, что ребенок оказывается в ситуации длительной адаптационной напряженности. И чем дольше сохраняется такая напряженность, тем выше риск срыва механизмов адаптации – «психоадаптационных состояний», как их определял академик В. Я. Семке [12].

Полученные результаты подтвердили наши предположения о том, что социально-психологический кризис семьи приведет к изменению ее структуры, общего психологического статуса и главным образом скажется на системе воспитания.

Прежде всего, как показали исследования, в семьях мигрантов значительно вырос процент разводов. Так, в момент миграции распалось 19 семей (16,4 %), еще 7 (6,0 %) находились в процессе распада. Нарастал уровень конфликтности между супругами и напряженность во взаимоотношениях с детьми.

В семьях, которые сохранили свою структуру, социальный статус также был нарушен. Менялась общая атмосфера семьи, появлялись выраженные признаки психологической напряженности. Во многих семьях стали меняться воспитательные подходы. В результате психологического напряжения участились конфликты, которые происходили на глазах у детей. Анализ ситуации говорит о том, что число распавшихся семей увеличилось почти в 8 раз. В то время как до миграции не было семей, которым угрожал развод, то в первый год после переезда их отмечалось почти 6,0 %, в 46,6 % семей резко усилились конфликтные взаимоотношения. Это почти в 3 раза выше, чем до миграции. В результате того, что некоторые семьи не смогли приспособиться к новым условиям, в 7,8 % наблюдений появились асоциальные формы поведения.

В последние годы в терминологическое пространство психологической науки прочно вошло понятие «виктимизация». Первоначально оно относилось исключительно к юридической психологии и обозначало различные процессы превращения человека в жертву обстоятельств или других людей. В связи с проблемами неблагоприятных обстоятельств социализации ребенка появилось по-

нятие социально-педагогической виктимологии. Сегодня она определяется как отрасль знания, входящая составной частью в социальную педагогику, изучающую различные категории людей – реальных и потенциальных жертв неблагоприятных условий социализации. При этом наличие условий, которые способствуют процессу превращения человека в жертву социализации, называется виктимогенностью, сам же процесс и результат такого превращения – виктимизацией [3; 4; 8].

Постановка целей и задач в проводимом исследовании требовали конкретных характеристик микросоциально-психологических проявлений, которые напрямую были бы связаны с влиянием такого специфического социального фактора, как вынужденное переселение. Незнакомая социальная среда, в которую попали семьи в силу сложившихся обстоятельств, стресс, связанный с непредвиденным структурным переформированием семьи, оказались теми факторами, которые позволили обобщить их в понятии «виктимогенные семьи».

Результаты углубленного обследования свидетельствовали о том, что именно эта трансформация семейного статуса лежала в основе причин формирования депривационного развития детей. Более того, обследованные дети мигрантов представляли собой уникальную модель для изучения депривационных состояний, возникших как следствие виктимизации жизни. Этот процесс оказался представленным множеством взаимообусловленных неблагоприятных ситуаций, которые выглядели для испытуемых трудноразрешимыми.

Самой острой для всех семей оказалась проблема жилья, нередко она воспринималась как экстремальная. При этом отсутствие в течение длительного времени постоянной работы приводило к резкому снижению материального обеспечения.

Дополнительные сложности для успешной адаптации на новом месте возникали у лиц с высшим и средним специальным образованием в условиях значительного уровня безработицы. Так, лишь 5,3 % из них смогли работать по специальности, при том что 80,7 % получили ту или иную работу, обеспечивающую их минимальный прожиточный уровень. Социально-правовая незащищенность, частичное или полное выпадение из социального поля, подверженность т. н. информационной психической травматизации, резкое ухудшение социального статуса способствовали формированию разнообразных депривационных условий в семье, в которые попадал ребенок.

Были все основания предположить, что глубина нарушения функциональной структуры семьи в новых условиях будет зависеть от изначального её потенциала, от степени прежней гармоничности отношений, а также от тяжести и продолжительности переживаемого критического периода трудностей, с которыми они столкнулись. Выделенные основные показатели представляются очень важными для понимания того, что семьи и в «неблагополучной» оси континуума располагаются динамично и не могут быть жестко фиксированы. Степень неблагополучия в данном случае определялась глубиной ущерба и лишений, которые несла семья, попав в неблагоприятные условия. Исходя из вышесказанного, мы попытались проанализировать эти отрицательные последствия. Согласно всем полученным определениям, которые адресовались к таким семьям, можно было сформулировать их общие основные черты.

Семьи, структура которых после миграции претерпела максимальные аномальные изменения, понесли наибольший урон во всех отношениях. Анализ результатов свидетельствует, что в этих семьях стремительно нарастало как социальное, так и эмоциональное напряжение. Это напряжение усиливалось и легко передавалось детям. Если семья не могла справиться с массой проблем, то возрастала частота конфликтов, участниками которых становились и дети. Взрослые по мере сил пытались решать возникшие бытовые и материальные проблемы, но если они сталкивались с хроническими неудачами, то неизбежно возникало чувство безнадежности, снижалось настроение вплоть до депрессий, а в семье падала дисциплина, терялась способность к конструктивным действиям. Нередко происходило и морально-нравственное падение с полной дисгармонией и педагогической несостоятельностью, а дети страдали от многообразных лишений. Гнев нередко сопровождался актами физического, вербального насилия, выкрикивались оскорбительные и непростительные слова. Дети, как правило, были свидетелями таких конфликтов, испытывали чувство растерянности, заброшенности. Именно среди них появлялись конфликтные, асоциальные семьи и семьи с наркологическими проблемами. Как представляется, характеристика таких семей ближе всего стояла к пониманию их как *деструктивных* (25,9 %). Эту группу, как правило, составляли семьи, которые трансформировались из функционально-реверсивных и функционально-ригористических моделей, а также и прежде бывших неблагополучными.

Другая модель аномального семейного взаимодействия была связана с серьезными изменениями самой структуры семьи. В этих случаях родители не смогли совместно справиться с многообразием трудностей. Они лишались способностей слушать друг друга и адекватно реагировать на взаимные просьбы и желания. Чаще всего это было следствием высокого уровня эмоционального напряжения, раздражения друг к другу, что разрушало взаимные контакты и достаточно быстро приводило к разрыву. Наблюдался и другой характер аномальности, когда детей при переезде на длительное время оставляли у бабушек и дедушек «пока все не устроится». Этот прием чаще использовался в неполных семьях одинокой матерью. Он оказывался малоперспективным, так как дети надолго выпадали из-под родительского контроля. После стабилизации жизненной ситуации возвращенные в семью дети оказывались либо в неполной семье, либо с появившимся отчимом. Лишившись прародительского внимания, заботы и определенной системы воспитания, ребенок мог столкнуться либо с условиями отвержения, либо с завышенными требованиями. Возникали переживания утраты родительской любви, помощи, ожиданий. Потери сопровождалась снижением доверия, беспокойством, тревогой, неумением устанавливать контакты, обидой на родителей. В рамках подобных трансформаций семейной атмосферы находились чаще всего разведенные и разводящиеся семьи, неполные, семьи с деформированной структурой. Они достаточно обоснованно определялись как *диссоциированные* (27,6 %). В этой группе аномальной структуры чаще можно было наблюдать семьи как уже бывшие неблагополучными, так и функционально-ригористические и функционально-конформистские ранее.

К самостоятельной модели были отнесены семьи, в которых тягостный переходный период сопровождался

высоким напряжением всех семейных функций. Тяжелому испытанию подвергалось семейное взаимодействие. Первые трудности обустройства с переживанием определенной изоляции и недопониманием нередко представлялись почти не решаемыми. Некоторое снижение социальной компетентности, неоправданность надежд и устремлений действовали дестабилизирующим образом. Вместе с тем относительная согласованность взаимодействия, аутентичность отношений и поддержка членов семьи друг другом в большинстве случаев предопределили характер нарушений, связанных с тяжелыми последствиями миграционного периода. Чем труднее была жизненная ситуация, тем больше в семье росло напряжение, тревога, чувство вины, ответственность за неудачу и опасные негативные взаимодействия. При этом дети попадали в конфликт между ценностями семьи и новыми социальными требованиями и установками. Эмоциональная напряженность воспитательной функции приводила к эмоциональному ущемлению детей. Эти семьи можно было определить как *декомпенсированные* (30,2 %), которые в основном оказались представлены в прошлом функционально-самодостаточными и функционально-ригористическими. Несмотря на переживаемый стресс социальных изменений, большинство таких семей стремилось общими усилиями преодолеть трудности и выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями. Успех достигался быстрее, если такой семье была оказана своевременная морально-психологическая поддержка, особенно со стороны родственников.

Успешнее всего проходили миграционный период и стабилизацию жизнедеятельности семьи функционально-самодостаточной модели. Они увереннее справлялись с возникающими проблемами, что было типично для любой семьи, столкнувшейся с переменами и переживаниями, которые приносила в жизнь миграция (16,3 %).

Заключение

Указанные факторы, которые с полным правом можно определить как виктимогенные, имели фатальное влияние на процесс семейного воспитания. Понятно, что большинство семей в стрессовой ситуации вынужденной миграции направили все свои основные усилия на выживание. Это привело к тому, что резко упал их воспитательный потенциал. Еще Ц. П. Короленко [8, с. 97] отмечал, что в виктимогенной семье часто формируется особый механизм аномальной социализации – т. н. «созависимость» родственников. В этих случаях у детей формируются специфические психические комплексы, которые впоследствии заставляют воспроизводить усвоенные от родителей шаблоны поведения и построения отношений. Очевидно, что именно такие отношения наблюдались нами среди семей мигрантов, и в первую очередь там, где отмечался относительно низкий уровень культурного, экономического развития и социального статуса. Совершенно очевидно, что нельзя понять и оценить состояние и перспективы адаптации ребенка, игнорируя перемены, происходившие с семьей после иммиграции. В результате потерь, которые несет семья и возникновение новых и неотложных проблем, связанных с устройством новой жизни, в большинстве семей приводит к структурной дезорганизации. Весь комплекс негативных влияний подвергает испытаниям в первую очередь систему отношений и воспитания детей в новых условиях. А характер трансформации семейной струк-

туры в значительной мере зависит от тяжести переживаемого кризиса и выбранного пути по его преодолению.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что нарушение социально-психологических условий и психологического здоровья семьи в результате

миграции может фатальным образом повлиять на ее структуру и систему воспитания. При этом степень деформации будет во многом определяться прежней готовностью семьи к стрессу социальных изменений и качеством внутрисемейного взаимодействия.

Литература

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2000. 264 с.
2. Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92 – 100.
3. Бодалёв А. А., Столин В. В. О перестройке в психологии // Психол. журнал. 1988. № 3. Т. 9. С. 16 – 25.
4. Буторин Г. Г. Психические состояния депривационного генеза в структуре школьной дезадаптации: дис. ... д-ра психол. наук. Челябинск, 2004. 363 с.
5. Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи. М.: Просвещение, 1988. 207 с.
6. Дмитриева Т. Б., Иммерман К. Л., Мухамадиев Д. М. О факторах социально-психологической дезадаптации беженцев в местах их временного пребывания // Рос. психиатр. журн. 2000. № 6. С. 53 – 56.
7. Захаров А. И. Неврозы у детей и подростков. Л.: Медицина, 1988. 248 с.
8. Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе. Новосибирск, 1990. 224 с.
9. Красик Е. Д. Этнокультуральные вопросы адаптации мигрантов из различных возрастных групп // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии. Вып. 10. Томск, 2001. С. 51 – 52.
10. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. М., 1997. 365 с.
11. Панасюк А. Ю. Разработка и практическое применение таблицы для оценки общей степени вредности в пре-, интра- и постнатальный периоды развития детей по анамнестическим данным // Проблемы общего психического недоразвития. Л., 1976. С. 155 – 160.
12. Семке В. Я. Клиническая персонология. Томск: РАСКО, 2001. 376 с.
13. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. № 43. Т. 8. С. 12. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 28.02.2016).
14. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как фактор обуславливания сложной жизненной ситуации человека // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С. 134 – 141.
15. Торохтий В. С. Психология социальной работы с семьей. М., 1996. 218 с.
16. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 512 с.
17. Garralda M., Rangel L. Chronic fatigue syndrome in children and adolescent // Journal of child and adolescent psychiatry, 2000. 43:2. P. 169 – 176.
18. Harbauer H., Lemmp R., Nissen G. Lehrbuch der speziellen Kinder- und Jugendpsychiatrie. Berlin: Heidelberg: New York: Springer, 1971. 392 s.
19. Schneider K. Die Psychopathischen Persönlichkeiten. Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1928. 87 s.

PATHOLOGICAL TRANSFORMATION OF FAMILY STRUCTURE UNDER CONDITIONS OF FORCED MIGRATION

Gennady G. Butorin^{1, @1}, Larisa A. Benko^{2, @2}

¹ Chelyabinsk State Pedagogical University, 69, Lenina prospect, Chelyabinsk, Russia, 454080

² South Ural State Medical University, 64, Vorovsky street, Chelyabinsk, Russia, 454092

@¹ g1966@mail.ru

@² larisbenko@mail.ru

Received 22.03.2016.

Accepted 16.06.2016.

Keywords: psychological health of the family, forced migration, socio-psychological crisis, family model.

Abstract: A multi-disciplinary team of pediatricians, child neurologists and psychiatrists, school psychologists, speech therapists, speech pathologists, and specialists in social work explored the dynamics of psychological health of 121 families of Russian-speaking migrants from the former Soviet republics in conditions of migration. The nature of family communication and the relationships of parents and children in this group were analyzed, both prior migration, and in the changed socio-psychological conditions. In most cases, in the families before the migration it was possible to state adequate conditions and parenting style which characterized the family as stable and prosperous. Evaluating retrospectively all positive mental attitude of parents to the children in these families, we allocated some models of them.

As the research has shown, a social-psychological crisis of the family causes change in its structure, in the general psychological status of the family and affects primarily the system of upbringing. In migrants' families there was a significant increase in divorces. In those families that preserved their structure disturbances of social status were accompanied by changes in the general atmosphere of the family with a more or less pronounced signs of psychological tension. In many families a change educational approaches was detected. As a result of psychological stress, the number of conflict situations witnessed by children dramatically increased. The results of the study show that the number of divorced families has increased by almost 8 times. In addition, families on the verge of divorce have been identified with a more conflict relationship. The inability of families to effectively adapt to new conditions became the cause of antisocial behavior in children.

For citation: Butorin G. G., Benko L. A. Patologicheskaya transformatsiya struktury sem'i v usloviyakh vynuzhdennoi migratsii [Pathological transformation of family structure under conditions of forced migration]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 134 – 141. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-134-141.

References

1. Andrienko E. V. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Ed. Slavenin V. A. Moscow: Izd. tsentr «Akademii», 2000, 264 s.
2. Ball G. A. Poniatie adaptatsii i ego znachenie dlia psikhologii lichnosti [Concept of adaptation and its value for psychology of the personality]. *Voprosy psikhologii* = *Questions of psychology*, no. 1 (1989): 92 – 100.
3. Bodalev A. A., Stolin V. V. O perestroike v psikhologii [About reconstruction at Psychology]. *Psikhol. Zhurnal* = *Journal of Psychology*, 9, no. 3 (1988): 16 – 25.
4. Butorin G. G. *Psikhicheskie sostoyaniya deprivatsionnogo geneza v strukture shkol'noi dezadaptatsii*. Diss. doktora psikhol. nauk [Mental conditions of deprivational genesis in structure of school disadaptation. Dr. psychol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2004, 363.
5. Buianov M. I. *Rebenok iz neblagopoluchnoi sem'i* [The child from a dysfunctional family]. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 207.
6. Dmitrieva T. B., Immerman K. L., Mukhamadiev D. M. O faktorakh sotsial'no-psikhologicheskoi deza-daptatsii bezhentsv v mestakh ikh vremennogo prebyvaniia [About factors of social and psychological disadaptation of refugees in places of their temporary stay]. *Ros. Psikhiatr. Zhurn* = *Russian journal of psychiatry*, no. 6 (2000): 53 – 56.
7. Zakharov A. I. *Nevrozy u detei i podrostkov* [Neuroses at children and teenagers]. Leningrad: Meditsina, 1988, 248.
8. Korolenko Ts. P., Donskikh T. A. *Sem' putei k katastrofe* [Seven ways to accident]. Novosibirsk, 1990, 224 c.
9. Krasik E. D. Etnokul'tural'nye voprosy adaptatsii migrantov iz razlichnykh vozrastnykh grupp [Ethnocultural questions of adaptation of migrants from various age groups]. *Aktual'nye voprosy psikhiatrii i narkologii* = *Topical issues of psychiatry and narcology*, no. 10 (2001): 51 – 52.
10. Mudrik A. V. *Vvedenie v sotsial'nuiu pedagogiku* [Introduction to social pedagogics]. Moscow, 1997, 365.
11. Panasiuk A. Iu. Razrabotka i prakticheskoe primenenie tablitsy dlya otsenki obshchei stepeni vredno-sti v pre-, intra- i postnatal'nyi periody razvitiya detei po anamnestichestkim dannym [The development and practical application of tables to assess the overall degree of hazard in the pre-, intra- and postnatal periods of development of children according to anamnestic data]. *Problemy obshchego psikhicheskogo nedorazvitiia* [Problems General mental underdevelopment]. Leningrad, 1976, 155 – 160.
12. Semke V. Ia. *Klinicheskaya personologiya* [Clinical Personology]. Tomsk: MGP «RASKO», 2001, 376.
13. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Smyslovye aspekty perezhivaniia krizisa sotsial'noi identichnosti pri vynuzhdennoi smene zhiznennoi situatsii [Semantic aspects of experience of crisis of social identity at the compelled change of a life situation]. *Psikhologicheskie issledovaniya* = *Psychological research*, 8, no. 43 (2015): 12. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 28.02.2016)
14. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak faktor obuslovlivaniya slozhnoi zhiznennoi situatsii cheloveka [Value orientations of personality as a factor conditioning a difficult situation man]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh* [Personality in extreme conditions]. Iss. 2, part 2 (2012): 134 – 141.
15. Torokhtii V. S. *Psikhologiya sotsial'noi raboty s sem'ei* [Psychology of social work with family]. Moscow, 1996, 218.
16. Shneider L. B. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii* [Psychology of family relations]. Moscow: Aprel'-Press, Izd-vo EKSMO-Press, 2000, 512.
17. Garalda M., Rangel L. Chronic fatigue syndrome in children and adolescent. *Journal of child and adolescent psychiatry*. 43:2 (2000): 169 – 176.
18. Harbauer H., Lemmp R., Nissen G. *Lehrbuch der speziellen Kinder- und Jugendpsychiatrie*. Berlin: Heidelberg: New York: Springer, 1971, 392.
19. Schneider K. *Die Psychopathischen Persönlichkeiten*. Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1928, 87.

УДК 159.9.07:316.6:37.04

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ И МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ И ФОРМИРОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА СТАРШЕКЛАССНИКОВ ИНТЕРНАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Эдуард М. Казин^{1, @1}, Юлия А. Птахина^{2, @2}, Ольга Г. Красношлыкова^{2, @3}, Ирина А. Свиридова^{3, @4}, Наталья Н. Кошко^{3, @4}, Тамара И. Шерер^{2, @5}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Россия, 650070, г. Кемерово, ул. Заузелкова, 3

³ Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Россия, 650023, г. Кемерово, пр. Ленина, 126а

@1 kazin_valeol@mail.ru

@2 yuliya.kemerovo@mail.ru

@3 ipk@kuz-edu.ru

@4 opvc@mail.ru

@5 ipk@kuz-edu.ru

Поступила в редакцию 29.03.2016.

Принята к печати 09.09.2016.

Ключевые слова: социальный опыт, психологическая устойчивость, здоровье, адаптация.

Аннотация: Показано, что в интернатных учреждениях дети, как правило, характеризуются ограниченными возможностями социального, психологического и соматического здоровья, существенным снижением показателей специфической и неспецифической резистентности к различным средовым условиям, влияющей на формирование социального опыта выпускников на этапе их жизненного и профессионального самоопределения.

Представленные материалы указывают на то, что формирование социального опыта старшеклассников интернатных учреждений с учетом групп психосоматического здоровья должно быть основано на совокупности целенаправленных последовательных действий психолого-педагогического и медико-социального характера, направленных на повышение адаптивных возможностей индивида (психологической устойчивости, физической подготовленности, коммуникативного поведения, морально-нормативных показателей социализации) и обеспечивающих самоопределение обучающихся.

Для цитирования: Казин Э. М., Птахина Ю. А., Красношлыкова О. Г., Свиридова И. А., Кошко Н. Н., Шерер Т. И. Особенности взаимосвязей между психолого-педагогическими и медико-социальными характеристиками и формированием социального опыта старшеклассников интернатных учреждений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 142 – 151. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-142-151.

Под социальным опытом в современном обществе понимается способность человека выстраивать стратегии взаимодействия с другими людьми в окружающей его изменяющейся социальной реальности, предполагающей в равной степени освоение вариантов взаимодействия с окружающими, понимание сути происходящего, предвидение последствий собственных действий. Особенно важен "ментальный" аспект социального опыта – осмысление социальной среды, осознанное выстраивание отношений с окружающими людьми [1].

Формирование самой личности, усвоение и последующее воспроизводство социального опыта связано с социальной адаптацией, которая предполагает активность субъекта в направлении выработки стратегии поведения в различной социальной среде [8; 12].

Проводя теоретический анализ литературных источников, мы обратили внимание на то, что отечественные психологи и педагоги, изучая социальное и личностное развитие, образ жизни, состояние здоровья, учебную на-

грузку, успешность обучения, показали, что личность учащегося в системе интернатного обучения развивается по своим определенным законам [9 – 11].

В научных исследованиях З. Матейчек, Й. Лангмейер отмечено, что на индивидуальные особенности детей оказывают воздействие депривационные факторы, определяя психическую деривацию как психическое состояние, возникающее в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных жизненных психических потребностей в достаточной мере и в течение длительного времени. Как следствие психической депривации возникают тревожность, депрессия, страх, интеллектуальные расстройства, затруднено овладение правилами поведения, возникает неуправляемость, возможны агрессивные действия, что существенно затрудняет процесс усвоения социального опыта.

В концепции депривации (А. Адлер, Дж. Боулби, Й. Лангмейер и З. Матейчик, М. Мид, М. Монтессори,

Э. Пиклер, М. Раттер) личность ребенка, воспитывающегося вне семьи, рассматривается как особое качество человека, интегрирующее его нужды, инстинкты, влечения. С этих позиций развитие «человека нуждающегося» (термин З. Фрейда) идет через конфликты, разворачивающиеся одновременно во внешнем и внутреннем планах: во внешнем – между личностью и обществом, во внутреннем – между тремя такими субстанциями личности, как «Сверх Я» (социальные нормы, запреты, цензура совести), «Я» (осознаваемый мир личности) и «Оно» (неосознаваемые, нереализованные и подавленные влечения). Исходя из этого, закономерности развития личности ребенка, утратившего семью, либо имеющего с ней ограниченные контакты, выводятся из исследования динамики и удовлетворения различных потребностей и мотивов. В качестве личностной доминанты сторонники этой концепции выделяют депривацию как особое психическое состояние ребенка, возникающее в результате длительного ограничения основных психических потребностей в условиях интернатных учреждений.

Крайне остро проблема социальной адаптации, проявляющаяся в социальной неготовности личности взаимодействовать с окружающим миром, встает в старших классах, в период юношеского возраста, когда старший подросток сталкивается с выбором профессии, входит в мир новых отношений в профессиональном учебном заведении и трудовом коллективе.

Методология исследования

С учетом сформулированных концептуальных положений нами в течение ряда лет (2007 – 2015 гг.) были изучены особенности взаимоотношений между социально-педагогическими, социально-психологическими и медико-социальными характеристиками у обучающихся, воспитанников 9 – 11 классов с ограниченными возможностями здоровья.

В экспериментальной деятельности приняли участие 781 человек: 438 обучающихся, 300 родителей, 43 педагога. Изучение осуществлялось по трем направлениям: социально-педагогическому, психолого-педагогическому и медико-социальному.

Для изучения совокупности личностных качеств, обеспечивающих уровень личностного адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативного, морально-нормативного и совладающего (копинг-поведения в стрессовых ситуациях) поведения, использовались методики А. Г. Маклакова «Адаптивность» [4], Роджерса и Даймонда [7], Д. Амерхана [6], тест К. Томаса [7], тест Кноблоха-Фальконетта [2].

Также у всех обследуемых старшеклассников проводилась оценка уровня стрессоустойчивости с использованием теста Немчина и Тейлора [7], Л. П. Пономаренко, Р. В. Белоусовой [5, с. 187 – 188] и тревожности Филлипса [7]. Мотивационно-ценностные характеристики обучающихся были изучены с помощью методики М. Рокича [7]. Готовность старшеклассников к выбору профессии определялась с помощью анкеты «Что ты знаешь о себе и о мире профессий?», *дифференциально-диагностического опросника (ДДО) Е. А. Климова* [7].

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием пакета программ «STATISTICS 6.0».

Результаты исследования и их обсуждение

Рассматривая социальную адаптацию индивида в широком смысле слова с точки зрения взаимодействия экзогенных (внешних) и эндогенных (внутренних) факторов, мы проанализировали с помощью методики А. Г. Маклакова «Адаптивность» совокупность личностных качеств, обеспечивающих уровень личностного адаптационного потенциала, поведенческой регуляции, коммуникативного, морально-нормативного поведения (рис. 1).

В ходе изучения адаптивности обучающихся нами установлено, что только 14 % старшеклассников характеризуются высоким уровнем личностно-адаптационного потенциала: они легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро входят в новый коллектив, легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения и социализации, обладают высокой эмоциональной устойчивостью, не конфликтны. В период адаптации функциональное состояние организма остается в норме, работоспособность сохраняется. 15 % обучающихся обладают удовлетворительными способностями к адаптации: у них имеются признаки акцентуаций характера, которые в привычных условиях частично компенсированы и могут проявляться при смене деятельности, условий проживания и обучения; успех адаптации зависит от условий внешней среды; эмоциональная устойчивость невысокая, поэтому возможны асоциальные срывы, проявление агрессивности и конфликтности; в связи с нарушением функционального состояния в первые 2 – 3 месяца адаптации необходим контроль со стороны педагога.

Результаты анкетирования указывают на то, что у подавляющего числа старшеклассников (71 %) процесс социально-психологической адаптации протекает крайне тяжело: они склонны к конфликтам, у них наблюдается низкая нервно-психическая устойчивость, склонность к деликвентным поступкам; возможны нервно-психические срывы, длительные нарушения функционального состояния организма.

Анализируя *поведенческую регуляцию*, т. е. способность человека регулировать взаимодействие со средой, мы получили следующие данные: 17 % обучающихся имеют высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, характеризуются адекватной самооценкой, адекватным восприятием действительности; у 43 % старшеклассников выявляется средний уровень психологической устойчивости, что свидетельствует о нервно-психологической резистентности; низкий уровень поведенческой регуляции отмечается у 40 % респондентов: у этих лиц возможны нервно-психические срывы, отсутствуют адекватная самооценка и адекватное восприятие действительности.

В процессе изучения *коммуникативного потенциала* у 70 % старшеклассников регистрируются высокие и хорошие коммуникативные способности: они умеют быстро устанавливать контакты с окружающими, но не конфликтны; 30 % старшеклассников имеют затруднения в построении контактов с обучающимися, у них наблюдается повышенная агрессивность.

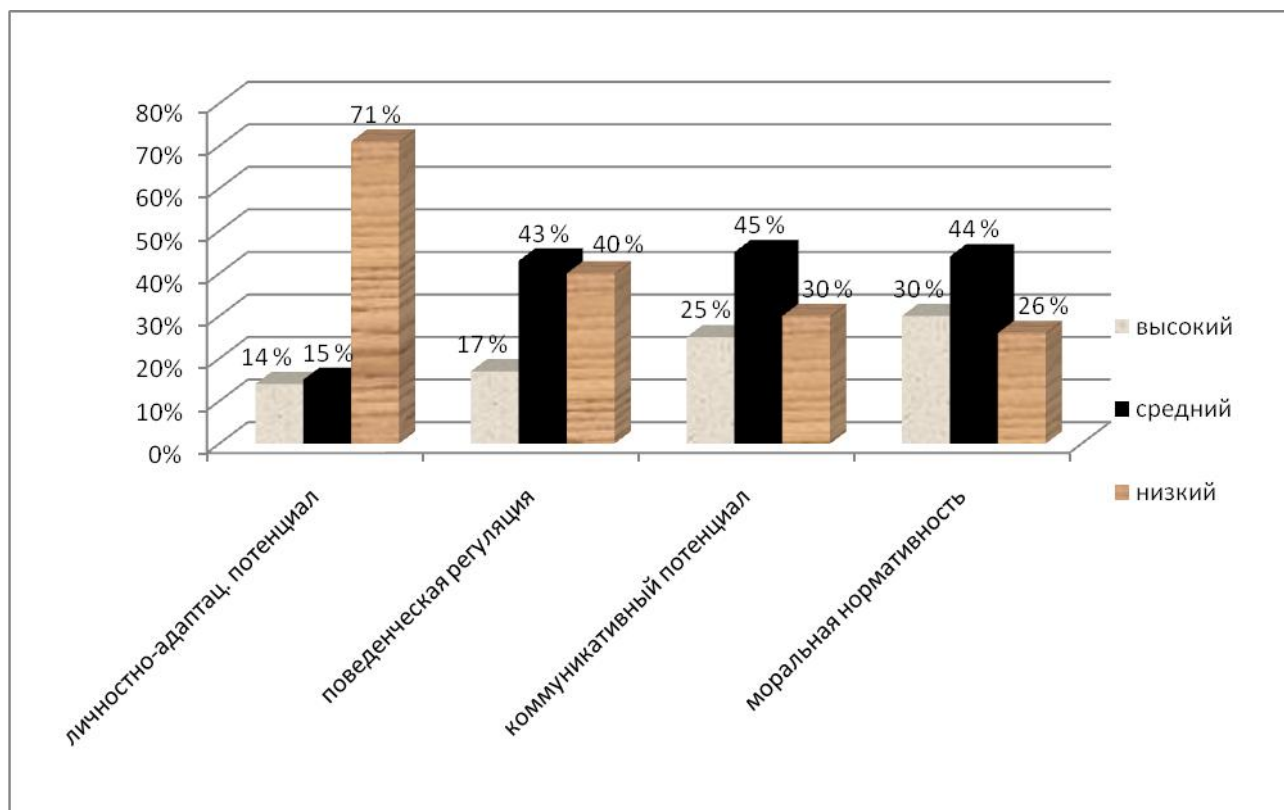

Рис. 1. Показатели личностных качеств старшеклассников

Fig. 1. Factors of personal qualities of senior pupils

По показателю *моральной нормативности* у 47 % старшеклассников отмечается ориентация на соблюдение общепринятых норм, адекватная самооценка своей роли в коллективе, у 26 % регистрируется неадекватная оценка своего места и роли в коллективе, отсутствие стремления соблюдать общепринятые нормы поведения.

Сопоставляя результаты проведенного исследования по различным личностным качествам старшеклассников,

следует указать на наличие выраженного рассогласования *между параметрами*, характеризующими в подавляющем числе случаев высокий и средний уровень коммуникативного поведения, морально-нравственными показателями социализации и доминированием в исследуемой микропопуляции учащихся с низким уровнем нервно-психической устойчивости к воздействиям образовательной среды в интернатных учреждениях.

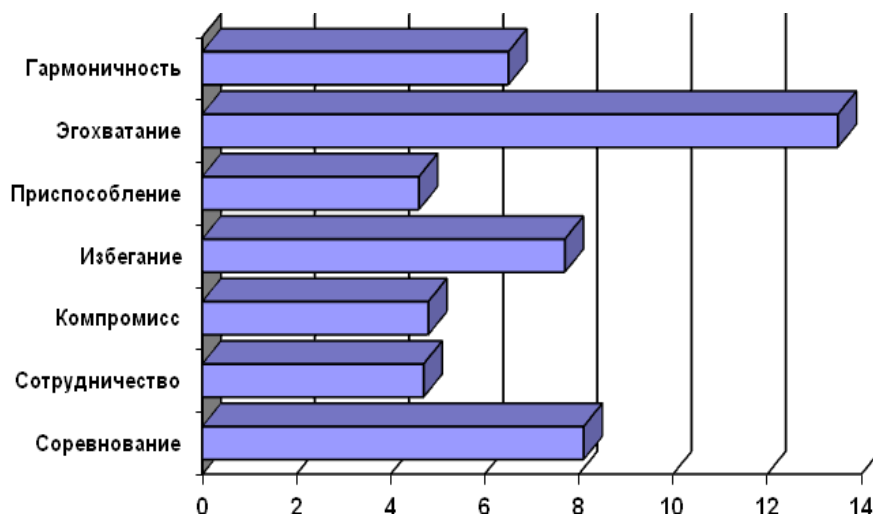

Рис. 2. Результаты тестирования по методикам К. Томаса и Кноблоха-Фальконетта

Fig. 2. Test results by K. Thomas and Knobloch-Falconetti procedure

Выявленный в рамках исследования психологический симптомокомплекс оказывает существенное влияние на инструментальные и терминальные ценности.

Согласно данным, полученным в результате анкетирования по методике М. Рокича, большинство респондентов на *первое место* ставят: отношения с близким человеком (духовную и физическую близость), отсутствие материальных затруднений, наличие хороших и верных друзей; в то же время практически все опрошенные старшеклассники на *последнее место* ставят ценности гуманитарной направленности, такие как здравый смысл, здоровье (психическое и физическое), красоту природы, счастье других, креативность, честность, заботливость, терпимость к взглядам и мнению других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения.

Выявленные нами личностные и мотивационно-ценностные характеристики обучающихся интернатных учреждений позволяют прийти к закономерному выводу о достаточно низком уровне социального опыта выпуск-

ников интернатных учреждений и высказать предположение о *сочетанном негативном воздействии комплекса факторов, обусловленных как условиями обучения в образовательном учреждении, так и особенностями психосоматического состояния и здоровья.*

Данное предположение подтверждается показателями здоровья учащихся старших классов: у 10 % респондентов выявлена IV группа здоровья; 73 % относятся к III группе здоровья и 17 % характеризуются принадлежностью ко второй группе здоровья.

В ходе исследования нами были выделены три экспериментальные группы:

- *первая группа* (21 % от общего числа) с преобладанием соматических нарушений;
- *вторая группа* (30 %) – смешанная, в которой выявляются лица с соматическими и поведенческими нарушениями;
- *третья группа* (49%) – с доминированием поведенческих рисков (таблица 1, рис. 3).

Таблица 1. Показатели социальной адаптации обучающихся интернатных учреждений с учетом распределения соматических и поведенческих нарушений
Table 1. Factors of social adaptation of boarding school pupils in terms of somatic and behavioral disorders

Показатель	I группа (n 30) $M \pm m$	II группа (n 44) $M \pm m$	III группа (n 72) $M \pm m$	P
Социальная адаптация	113,3 ± 4,49	80,8 ± 3,89	58,2 ± 2,32	1, 2, 3
Дезадаптация (РД)	51,1 ± 2,34	76,2 ± 4,97	118,9 ± 2,91	1, 2, 3
Принятие себя	21,0 ± 1,64	19,4 ± 1,19	22,5 ± 1,25	1-3
Социальный комфорт	21,6 ± 0,59	15,8 ± 0,25	7,4 ± 0,20	1, 2, 3
Доминирование	7,7 ± 0,99	6,9 ± 0,68	5,8 ± 0,56	1-3
Ведомость	20,2 ± 1,74	20,7 ± 1,33	20,7 ± 1,04	
Эгохватание	7,1 ± 0,69	9,8 ± 0,35	14,6 ± 0,23	1, 2, 3
Гармоничность	12,9 ± 0,69	10,2 ± 0,35	5,4 ± 0,23	1, 2, 3
Агрессивность	12,8 ± 0,95	22,5 ± 2,41	76,9 ± 1,93	1, 2, 3
Враждебность	14,4 ± 0,89	22,98 ± 2,06	66,9 ± 1,79	1, 2, 3
Стрессоустойчивость	25,9 ± 1,89	30,9 ± 0,82	30,6 ± 1,14	1, 2, 3

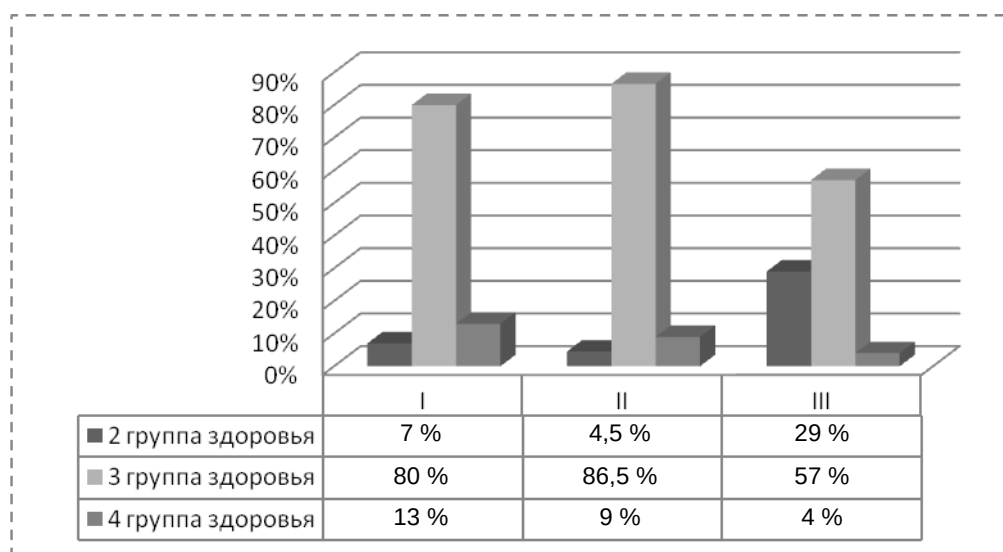

Рис. 3. Распределение групп здоровья по соматическим и поведенческим нарушениям
Fig. 3. Distribution of health groups according to somatic and behavioral disorders

Оценка комплекса показателей социальной адаптации позволила нам дифференцировать *стратегию поведения* в выделенных группах по совокупности личностных качеств, характеризующих интегральные показатели адаптационного потенциала обучающихся – уровню психической устойчивости, коммуникативного поведения, морально-нравственным характеристикам, социализации [4].

Как видно из таблицы, у старшеклассников первой группы (с доминирующими соматическими нарушениями) регистрируются наиболее высокие показатели социальной адаптации, социального комфорта, гармонично-

сти и выявляются более низкие параметры, характеризующие дезадаптивные сдвиги, внутреннюю конфликтность, агрессивность, враждебность при сопоставлении с лицами, относящимися ко второй и третьей группе. Несмотря на выраженные нарушения физического здоровья у респондентов данной группы в подавляющем большинстве случаев (59 %) регистрируется активная копинг-стратегия поведения в стрессовых ситуациях (разрешение проблем), либо она направлена на поиск социальной поддержки и отсутствуют лица с пассивной стратегией избегания (рис. 4).

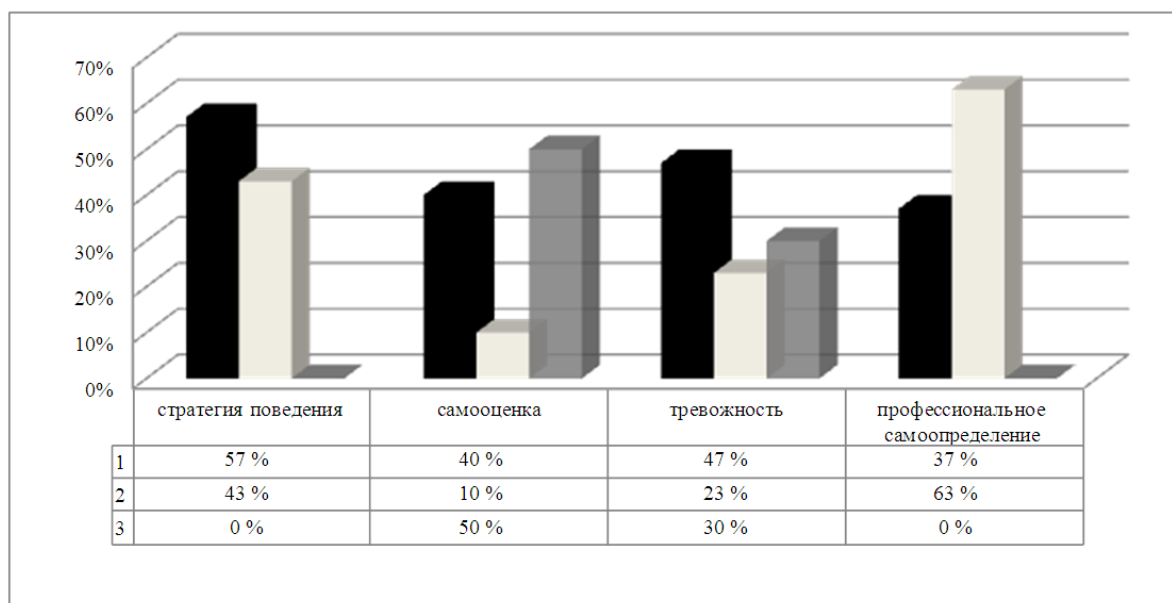

Рис. 4. Характеристика личностных и социальных качеств у старшеклассников с преобладанием соматических нарушений

Fig. 4. Characteristics of personal and social qualities of senior pupils with dominant somatic disorders

Стратегия поведения: 1 разрешение проблемы, 2 поиск социальной поддержки, 3 избегание.

Самооценка: 1 адекватная, 2 заниженная, 3 завышенная.

Тревожность: 1 повышенная, 2 высокая, 3 низкая.

Профессиональное самоопределение: 1 определились, 2 не определились.

Старшеклассники, включенные в первую группу, демонстрируют в значительном числе случаев адекватную либо заниженную самооценку (40 % и 10 % соответственно), повышенный либо высокий уровень тревожности (70 % от числа обследованных).

У выпускников данной группы сформированы знания по будущей профессии и практически отсутствуют затруднения при выборе профессии. Вместе с тем мы предположили, что значительный уровень тревожности и низкой самооценки является препятствием для оконча-

тельного составления профессиональных планов – только 37 % от числа обследуемых самоопределились со сферой будущей профессиональной деятельности (рис. 6).

Анализ совокупных личностных и социальных качеств позволил нам охарактеризовать стратегию поведения выпускников первой группы как *условно адаптивную*.

В группе старшеклассников с доминированием поведенческих нарушений отсутствуют лица с разрешающей копинг-стратегией и более 30 % учащихся демонстрируют «избегание»; 100 % респондентов имеют повышенный и высокий уровень тревожности на фоне доминирования (84 %) заниженной либо повышенной самооценки.

Несмотря на выявленные показатели профессионального самоопределения, в 44 % случаев у 70 % респондентов знания о будущей профессии либо не сформированы (в 53 % случаев), либо имеют место затруднения при оценке знаний по данному вопросу (рис. 5).

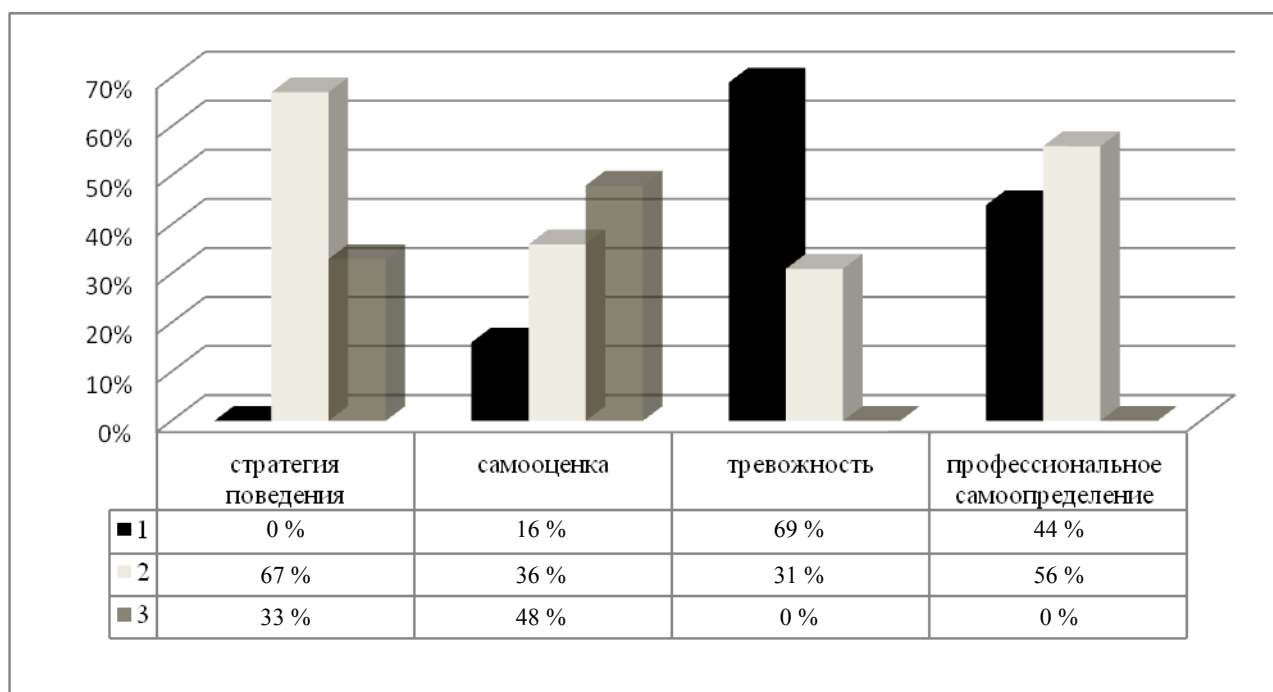

Рис. 5. Характеристика личностных и социальных качеств у старшеклассников с преобладанием поведенческих нарушений

Fig. 5. Characteristics of personal and social qualities of senior pupils with dominant behavioral disorders

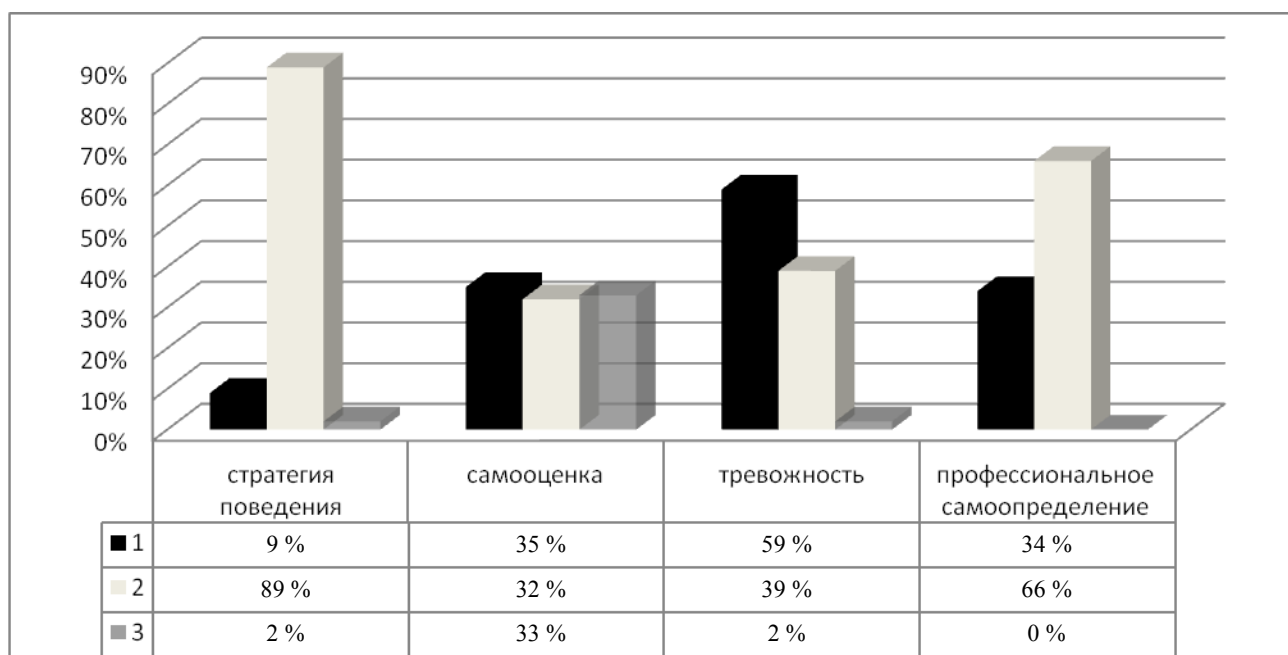

Рис. 6. Характеристика личностных и социальных качеств у старшеклассников со смешанными нарушениями

Fig. 6. Characteristics of personal and social qualities of senior pupils with mixed disorders

У лиц, относящихся к третьей группе (с преобладанием поведенческих нарушений), характер индикаторов, отражающих уровень интегрального адаптационного потенциала, свидетельствует о **выраженной дезадаптивной стратегии поведения**: у старшеклассников данной группы выявляются наиболее высокие значения параметров дезадаптации, агрессивности, враждебности, конфликтности; отмечаются статистически более низкие

показатели социальной адаптации, гармоничности в сравнении с обучающимися первой и второй групп.

Совокупность выявленных личностных и социальных качеств у выпускников смешанной (второй) группы позволяет констатировать наличие **пограничной стратегии поведения** по отношению к социально-адаптивным и дезадаптивным поведенческим маршрутам (рис. 6).

При сопоставлении совокупности личностных качеств у старшеклассников, относящихся к различным группам здоровья, обращает на себя внимание идентичность параметров, характеризующих такие особенности, как «ведомость» и «стрессоустойчивость», у всех обследуемых лиц, свидетельствующая о наличии выраженных лимитирующих звеньев социальной адаптации в условиях интернатных учреждений.

Обсуждая в целом полученные результаты, можно утверждать, что совокупность факторов, влияющих на формирование социального опыта старшеклассников интернатных учреждений, выявляет определенную зависимость показателей социально-психологической устойчивости и физической подготовленности от выявленных групп здоровья.

Рассматривая интегрально показатели, характеризующие социальные и личностные качества и состояние психосоматического здоровья, можно констатировать, что только у 20 % старшеклассников регистрируется высокий уровень социально-адаптивного и здоровьесберегающего поведения, и почти 50 % респондентов демонстрируют дезадаптивную стратегию поведения.

Результаты ретроспективного анализа, проведенного нами в рамках констатирующего эксперимента, согласуются с данными целого ряда авторов, которые указывают на то, что такие факторы, как недостаток и некачественность общения с взрослыми, режимность интернатного учреждения, некомпетентность кадрового состава, грубость, монотонность жизни, интенсификация учебного процесса, оказывают существенное влияние на формирование личности учащихся, их социальную адаптацию, накопление ими социального опыта.

Исходя из выше сказанного, условия обучения детей в системе интернатного обучения не дают возможности самостоятельно регулировать ритм и частоту контактов со средой в соответствии с собственными потребностями, поэтому как следствие возникают проблемы нарушения социальной адаптации, социализации личности, психосоматического и социального здоровья индивида.

Полученные нами результаты и данные литературы позволили выделить следующие группы факторов, способствующих и препятствующих формированию социального опыта старшеклассников интернатных учреждений с учетом групп здоровья:

- **организационно-педагогические** – характеризуют профессиональные компетенции педагогических работников интернатных учреждений в вопросах формирования социального опыта; степень согласованности системы взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса по формированию социального опыта обучающихся;

- **социально-педагогические** – характеризуют уровень интереса к получению новых знаний по будущей профессии, здоровому образу жизни, социально значимой деятельности, личным жизненным планам, жизненным стратегиям;

- **психологические** – характеризуют личностные показатели, отражающие уровень психологической устой-

чивости к средовым воздействиям, коммуникативного поведения, морально-нормативного потенциала социализации, уровень мотивации к социально-адаптивному и здоровьесберегающему поведению, выраженность стратегии поведения (адаптивного, пограничного, дезадаптивного);

- **медики-социальные** – характеризуют морфофункциональное состояние, наличие или отсутствие хронических заболеваний, уровень стрессоустойчивости, употребление вредных для организма веществ.

С учетом выявленных факторов выделены основные компоненты формирования социального опыта обучающихся интернатных учреждений с учетом групп здоровья: **когнитивный, деятельностный, личностный**, а также **критерии, показатели и индикаторы** уровня сформированности социального опыта старшеклассников интернатных учреждений различных групп здоровья: адаптивно-ресурсный, когнитивный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, деятельностный.

С целью реализации маршрута психолого-педагогического и медико-социального процесса нами был проведен корреляционный анализ взаимосвязи между группой здоровья, личностными качествами и социальными характеристиками. Результаты исследования лиц, относящихся к группе с *преобладанием соматических нарушений*, позволяют констатировать:

1. Тесную связь между стратегией поведения и параметрами, характеризующими знания о здоровье, группой здоровья, самооценкой здоровья, уровнем тревожности и стрессоустойчивости;

2. Позитивное влияние на процесс профессионального самоопределения и сформированность знаний о профессии, выраженных лидерских качеств обучающихся.

Характер корреляционной плеяды со всей очевидностью указывает на необходимость повышения в данной группе уровня социальной активности, физической подготовленности, уровня стрессоустойчивости с помощью целенаправленных и последовательных социально-педагогических и медико-социальных действий (рис. 7).

Анализ корреляционных связей так называемой *смешанной группы*, характеризующейся нарушениями как соматического, так и психологического здоровья, выявил наличие тесной связи между комплексом параметров, характеризующих уровень здоровьесберегающего потенциала (группа здоровья, стрессоустойчивость, самооценка здоровья, тревожность) и выраженностью дезадаптивных поведенческих сдвигов (враждебность, агрессивность, внутренняя конфликтность), негативно отражающихся на формировании социального опыта (сформированности знаний о профессии и возможности составления плана о будущей профессии) (рис. 8), что позволяет охарактеризовать данную группу как дезадаптивную.

С учетом выявленных связей необходимо осуществление комплексного целенаправленного и последовательного воздействия на обучающихся специалистов социально-педагогического, медико-социального и социально-психологического профиля.

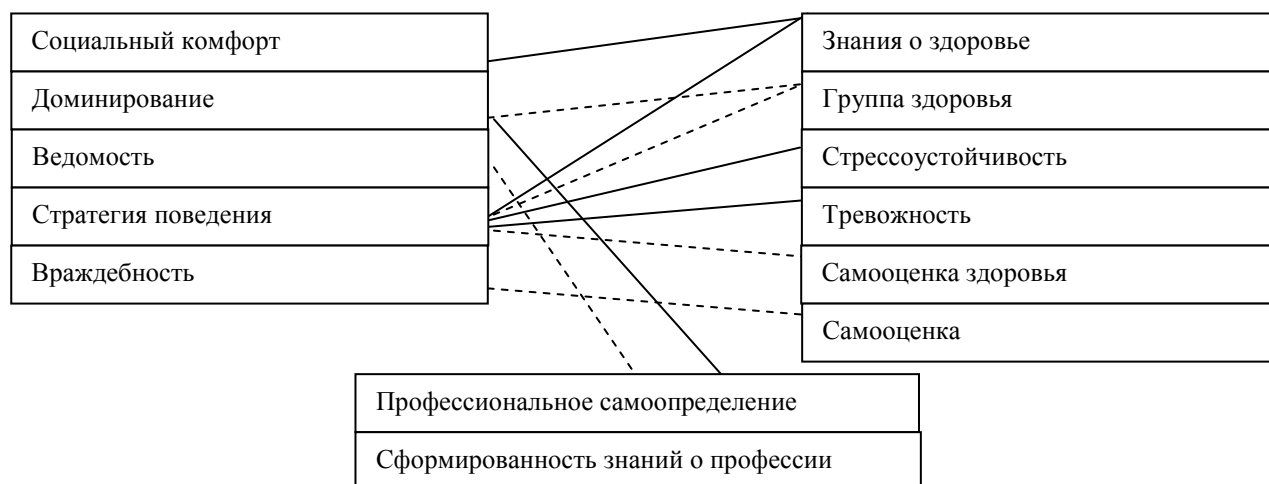

Рис. 7. Характер корреляционных связей между разноуровневыми показателями у лиц с соматическими нарушениями с преобладанием у них 3-й и 4-й групп здоровья

Fig. 7. The character of correlation relationships between split-level factors in individuals with somatic disorders with dominant 3d and 4th health groups

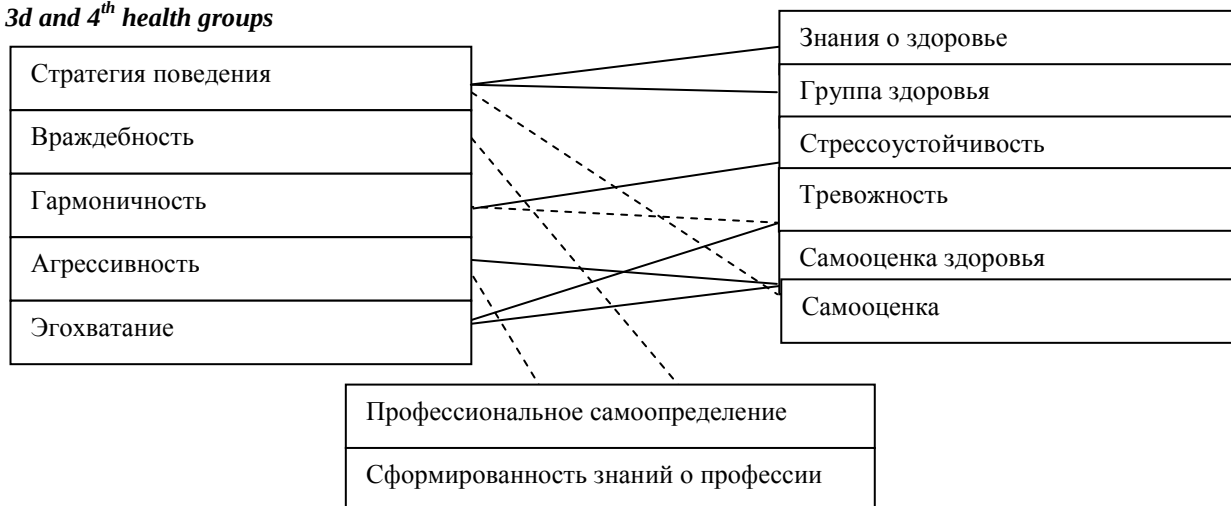

Рис. 8. Характер корреляционных связей между разноуровневыми показателями у лиц смешанной группы с преобладанием у них 3-ей группы здоровья

Fig. 8. The character of correlation relationships between split-level factors in individuals from the mixed group with dominant 3d health group

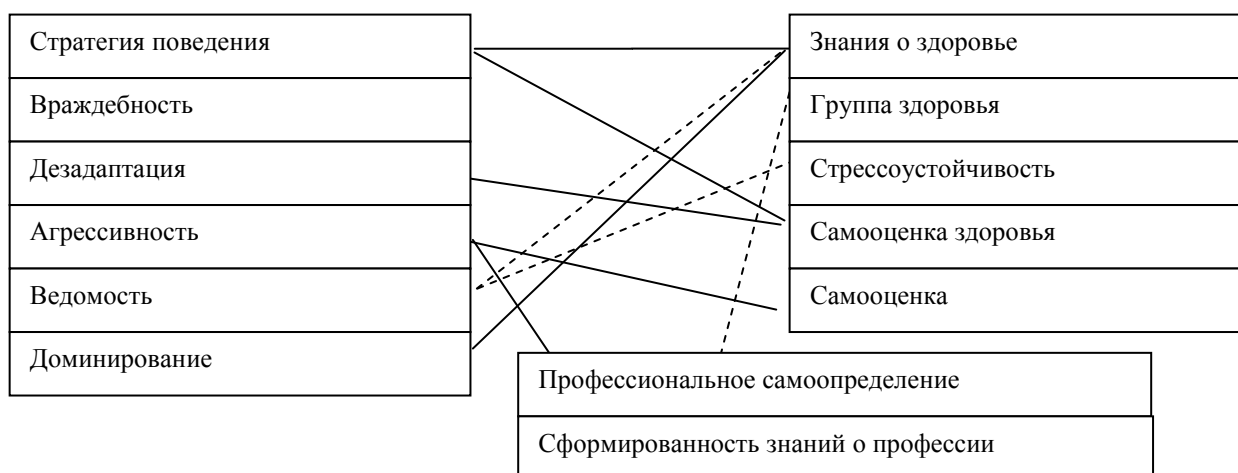

Рис. 9. Характер корреляционных связей между разноуровневыми показателями у лиц с нарушениями психического здоровья с преобладанием у них 2-й и 3-й групп здоровья

Fig. 9. The character of correlation relationships between split-level factors in individuals with psychological disorders with dominant 2nd and 3d health groups

Степень дезадаптивного поведения *старшеклассников с выраженными нарушениями психического здоровья* в области социальной адаптации и формирования социального опыта в сфере профессионального самоопределения чрезвычайно актуализирует психолого-педагогические мероприятия, которые должны носить релаксационный характер в направлении гармонизации развития личности как интегрированной целостности за счет снижения уровня агрессивности, конфликтности, враждебности; повышения комфортности в межличностных взаимоотношениях обучающихся (рис. 9).

Заключение

Таким образом, теоретико-практический анализ проблемы исследования влияния психолого-педагогических факторов на формирование социального опыта старшеклассников интернатных учреждений с учетом групп здоровья позволяет сделать следующие выводы.

1. Формирование социального опыта старшеклассников интернатных учреждений с учетом групп здоровья является *совокупностью целенаправленных, последовательных действий психолого-педагогического и медико-социального характера, направленных на повышение адаптивных возможностей индивида (психологической устойчивости, физической подготовленности)*.

2. В основе взаимосвязи между показателями социальной адаптации и здоровья с междисциплинарной точки зрения лежит представление об индивидуальных динамических резервах систем организма, обеспечивающих

устойчивость физического, биологического, психологического и социокультурного развития личности с учетом взаимодействия факторов внутренней и внешней среды.

3. В условиях интернатной системы обучения, характеризующейся социальной и психологической депривацией, у обучающихся формируются специфические защитные механизмы и личностные качества, которые, вступая в противоречие с природной индивидуальностью ребенка, провоцируют возникновение и развитие внутриличностных конфликтов, проявляющихся в поведенческих отклонениях и различных формах дезадаптации.

4. Выделены три стратегии поведения – *условно адаптивная, пограничная и дезадаптивная*, отражающие специфические особенности распределения совокупных личностных и социальных качеств, оказывающих существенное влияние на формирование социального опыта старшеклассников интернатных учреждений с различными психосоматическими нарушениями здоровья.

5. Представленные материалы указывают на то, что формирование социального опыта старшеклассников интернатных учреждений с учетом групп психосоматического здоровья должно быть основано на совокупности целенаправленных последовательных действий психолого-педагогического и медико-социального характера, направленных на повышение адаптивных возможностей индивида (психологической устойчивости, физической подготовленности, коммуникативного поведения, морально-нормативных показателей социализации) и обеспечивающих самоопределение обучающихся.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высш. учеб. заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 363 с.
2. Иванова О. А., Суртаева Н. Н. Конфликтология в социальной работе: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 282 с.
3. Лаптева Н. Д. О способах и механизмах формирования компетентности социального взаимодействия (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 123 – 127.
4. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.
5. Пономаренко Л. П., Белоусова Р. В. Основы психологии для старшеклассников: пособие для педагога: в 2 ч. Ч. 1. Основы психологии: 10 класс. М.: ВЛАДОС, 2001. 224 с.
6. Практическая психодиагностика. Тесты и методики / Авт.-сост. Надеждина В. Минск: Харвест, 2011. 640 с.
7. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методика и тесты: учебное пособие. Самара: БАХРАХ-М, 2011. 672 с.
8. Социология: учебник / под ред. Ю. Г. Волкова. М.: Гардарики, 2003. 120 с.
9. Сакварелидзе Е. В. Особенности социального сиротства в современной России // Отечественный журнал социальной работы. 2008. № 3. С. 52 – 55.
10. Трошихина Е. Г. Влияние ранней социальной депривации на развитие личности и психическую адаптацию детей с интеллектуальной недостаточностью: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 219 с.
11. Фурманов И. А., Аладьин А. А., Фурманова Н. В. Психологические особенности детей, лишенных родительского попечительства. Минск: Тесей, 1999. 158 с.
12. Шабанова О. А. Социология: учебник для вузов / под ред. В. Н. Лавриненко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 407 с.

THE INTERACTIONS BETWEEN THE PSYCHO-PEDAGOGICAL AND MEDICO-SOCIAL CHARACTERISTICS AND THE FORMATION OF SOCIAL EXPERIENCE OF SENIOR PUPILS OF BOARDING SCHOOLS

Edward M. Kazin^{1, @1}, Yuliya A. Ptahina^{2, @2}, Olga G. Krasnoshlikova^{2, @3}, Irina A. Sviridova^{3, @4},
Nataliya N. Koshko^{3, @4}, Tamara I. Sherer^{2, @5}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

² Kuzbass Regional Institute of Skills Improvement and Retraining for Educators, 3, Zauzelkova street, Kemerovo, Russia, 650070

³ Kuzbass Regional Centre of Psychology-Pedagogical, Medical and Public Assistance, 126a, Lenina prospect, Kemerovo, Russia, 650023

@¹ kazin_valeol@mail.ru

@² yuliya.kemerovo@mail.ru

@³ ipk@kuz-edu.ru

@⁴ opvc@mail.ru

@⁵ ipk@kuz-edu.ru

Received 29.03.2016.

Accepted 09.09.2016.

Keywords: social experience, psychological stability, health, adaptation.

Abstract: The article shows that children in boarding institutions are generally characterized by limited possibilities of social, psychological and physical health, a significant reduction in indicators of specific and non-specific resistance to different settings that affect the formation of social experience of graduates during their life and professional self-determination.

These submissions indicate that the formation of the social experience of senior residential care tailored to the psychosomatic health should be based on a set of focused consistent action of psycho-pedagogical and medico-social nature, aimed at enhancing the adaptive capacity of the individual (psychological stability, physical readiness, communicative behavior, moral and normative indicators of socialization) and providing self-determination of students.

For citation: Kazin E. M., Ptahina Yu. A., Krasnoshlikova O. G., Sviridova I. A., Koshko N. N., Sherer T. I. Osobennosti vzaimosviazei mezhdru psikhologo-pedagogicheskimi i mediko-sotsial'nymi kharakteristikami i formirovaniem sotsial'nogo opyta starsheklassnikov internatnykh uchrezhdenii [The interactions between the psycho-pedagogical and medico-social characteristics and the formation of social experience of senior pupils of boarding schools]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 142 – 151. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-142-151.

References

1. Andreeva G. M. *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. 5th ed. Moscow: Aspekt Press, 2007, 363.
2. Ivanova O. A., Surtaeva N. N. *Konfliktologiya v sotsial'noi rabote* [Conflictology in social work]. Moscow: Izdatel'stvo Iurait, 2015, 282.
3. Lapteva N. D. O sposobakh i mekhanizmax formirovaniia kompetentnosti sotsial'nogo vzaimodeistviia (okonchanie) [About the ways and mechanisms of formation of competence of social interaction (the end)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* = *Knowledge. Understanding. The ability*, no. 3 (2006): 123 – 127.
4. Maklakov A. G. *Obshchaia psikhologiya* [The general psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 592.
5. Ponomarenko L. P., Belousova R. V. *Osnovy psikhologii dlia starsheklassnikov. Ch. 1. Osnovy psikhologii: 10 klass* [Foundations of psychology for high school students. Part 1. Fundamentals of psychology: grade 10]. Moscow: VLADOS, 2001, 224.
6. *Prakticheskaiia psikhodiagnostika. Testy i metodiki* [Practical psychodiagnostics. Tests and methods]. Author-comp. Nadezhkina V. Minsk: Kharvest, 2011, 640.
7. Raigorodskii D. Ia. *Prakticheskaiia psikhodiagnostika. Metodika i testy* [Practical psychodiagnostics. Methodology and tests]. Samara: Izdatel'skii dom «BAKhRAKh-M», 2011, 672.
8. *Sotsiologiya* [Sociology]. Ed. Volkov Iu. G. Moscow: Gardariki, 2003, 120.
9. Sakvarelidze E. V. Osobennosti sotsial'nogo sirotstva v sovremennoi Rossii [Features of social orphanhood in modern Russia]. *Otechestvennyi zhurnal sotsial'noi raboty* = *Russian journal of social work*, no. 3 (2008): 52 – 55.
10. Troshikhina E. G. *Vliianie rannei sotsial'noi deprivatsii na razvitie lichnosti i psikhicheskuiu adaptatsiiu detei s intellektual'noi nedostatochnost'iu*. Diss. kand. psikhol. nauk [The influence of early social deprivation on personality development and psychological adaptation of children with intellectual disabilities. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 1997, 219.
11. Furmanov I. A., Alad'in A. A., Furmanova N. V. *Psikhologicheskie osobennosti detei, lishennykh roditel'skogo popechitel'stva* [Psychological characteristics of children deprived of parental care]. Minsk: Tesei, 1999, 158.
12. Shabanova O. A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Ed. Lavrinenko V. N. 2nd ed. Moscow: IuNITI-DANA, 2001, 407.

УДК 159.923.2

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АГРЕССИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Надежда И. Корытченкова^{1, @1}, Ольга А. Ахвердова^{2, @2}, Светлана С. Смагина^{1, @3}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Ставропольский государственный медицинский университет, Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Мира, 310

@1 psychology@kemsu.ru

@2 axverdova61@mail.ru

@3 Kennedy22.1963@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.04.2016.

Принята к печати 20.06.2016.

Ключевые слова: агрессивность, семейные отношения, модель агрессивности, генерализованная агрессия, творческая агрессия.

Аннотация: В статье рассмотрены основные детерминанты агрессивности личности. Разработана четырехуровневая модель агрессивности личности в зависимости от характера поведенческой регуляции и способов переработки информации: генерализованная агрессия; избирательная, локальная агрессия; адаптивная и творческая агрессия. Выделены стадии протекания агрессивности: накопления негативных эмоций; напряжения или перенапряжения; разрядки психоэмоционального напряжения. Уровни и стадии агрессивного поведения различаются степенью проявления агрессивности. Обнаружен ряд тесных корреляционных связей между факторами, полученными по конкретным диагностическим методикам, и агрессивностью.

Для цитирования: Корытченкова Н. И., Ахвердова О. А., Смагина С. С. Интегральные характеристики агрессивности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 152 – 156. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-152-156.

Агрессивность – отражение тех кризисных явлений, которые переживает наше общество. Возрастает духовная деградация общества, утрачиваются нравственные ценности, образуется вакуум в сфере идеологии, наблюдается утрата уважения к нравственным ценностям. Возрастает уровень взаимной агрессии в семье в связи с потерей материального благополучия и политической нестабильностью в обществе. Семьи легко распадаются, дети становятся добычей криминальных элементов. В такой обстановке человек становится беззащитным и беспомощным и агрессивное поведение воспринимается им как обретение свободы, как ответная реакция на фрустрированность его потребностей [4; 7; 8].

В ситуации социального кризиса большинство людей растерялись, одни стали депрессивными, другие агрессивными. Отношения между людьми резко обострились: появились озлобленность, эгоизм, пренебрежение к интересам окружающих, вседозволенность в выборе средств поведения, потеря уважения к другим.

Искажение системы ценностных ориентаций дезориентирует и дезорганизует личность, делает ее эмоционально неустойчивой, ведет к конфликтному поведению. Стало опасным жить в обществе. Вытекает логический вывод – деформация общества ведет к деформации личности. Встает вопрос: как снизить уровень агрессивности в обществе, которое находится в глубоком кризисе? Мы считаем, что ответ можно найти в маленькой ячейке общества – семье, в которой как в капле воды отражается весь океан, а именно массовый всплеск насилия в обществе, дегуманизация социальных связей.

О. А. Ахвердова отмечает, что авторитарные родители формируют тип агрессивного ребенка, у которого не складываются отношения с окружающими людьми [2].

По мнению В. П. Михайловой, Н. И. Корытченковой, агрессия является неконструктивной формой адаптации человека к неблагоприятным ситуациям. Она выражается в вербальной агрессии (частых ссорах с коллегами, друзьями, членами семьи и т. д.), а иногда и в физической агрессии. Неконструктивность агрессивных реакций, по мнению авторов, выражается в неумении устанавливать контакты с социальным окружением, в отсутствии гибкости, пластичности при решении любых проблем, в наличии большого количества неразрешенных конфликтов. Для них характерны: высокая эмоциональная неустойчивость, подозрительность. Такие личностные характеристики снижают уровень психической адаптации из-за доминирующей эго-защитной направленности. Субъекты с такой направленностью предъявляют гораздо более высокие требования к окружающим людям, чем к себе, всегда оправдывают собственные неудачи вмешательством других людей. Они легко впадают в аффективное состояние даже при решении простых задач. Человек должен знать о том, что агрессивность, когда теряется контроль над собой, демонстрируется импульсивными действиями – всё это приводит к саморазрушению личности [5 – 6].

Изучение личности как целостного образования представляет собой не анализ её составляющих, а влияние её ведущего качества, обладающего возможностями системообразования на поведение в целом. Таким качеством может быть, например, агрессивность, которая

определяет направленность личности, её восприятие и характер поведения.

Являясь сущностью личности, данное свойство становится причиной преступного поведения, причиной конфликта человека с его окружением. Агрессивность стала подлинным социальным злом нашего времени во всех возрастных группах, особенно молодежных.

Детерминантами агрессивного поведения могут быть как социальные, так и биологические факторы. Как показывают результаты исследований, эмоциональная окраска и тон взаимоотношений между родителями и детьми оказывают решающее влияние на формирование характера ребенка. Отсутствие в семье терпимости, любви и снисходительности к детским шалостям формирует специфические личностные качества – агрессивность, замкнутость, подозрительность, эмоциональную холодность, чувство отвержения.

Природные основы агрессивности коренятся в холерическом типе темперамента, которому присущи большая раздражительность, беспокойство, трудности приспособления к ограничениям, необузданность и стремление к лидерству любой ценой.

Но следствием таких устойчивых характеристик являются взаимоотношения с родителями в детском возрасте, когда ребенок перегружен негативными эмоциями, когда для переживаний характерна амбивалентность: одновременное наличие противоположных чувств – ненависти и любви, привязанности и враждебности, благодарности и гнева. Ребенку трудно разобраться в океане собственных чувств и способах их выражений. Этот внутренний дискомфорт усиливается в сторону негативных проявлений, если ребенок находится в неблагоприятной семейной атмосфере, где практикуется унижение и оскорбление, это мобилизует его враждебность, закладывает фундамент для агрессивности [5 – 6].

Б. Г. Ананьеву принадлежит постановка вопросов о социальной детерминации биофизических механизмов развития, слияния натурального и культурного развития человека в становлении его индивидуальности. Сущностную сторону индивидуальности составляют личностные характеристики, в которых соединяются как биологические, так и социальные особенности. Именно личностные структуры синтезируют в себе онтогенетические и филогенетические тенденции и становятся основными факторами индивидуальной изменчивости. Это связано «...с активным воздействием социальных свойств личности на структурно-динамические особенности индивидуума, являющиеся их генетическими источниками» [1].

Агрессивность отражает способ взаимодействия человека с миром, иногда конструктивный, но чаще деструктивный. Истоки этой агрессивности усматриваются во внутрисемейных отношениях. Матери, снисходительно относящиеся к агрессивным действиям своих детей и даже их поощряющие, провоцируют агрессивные действия, усиливают агрессивность ребенка.

Наибольшую агрессивность дают дети из семей, где постоянно ссорятся, воспитывают наказанием и страхом, открыто отвергают ребенка.

Нами была разработана модель уровней агрессивности в зависимости от характера поведенческой регуляции и способов переработки информации.

Самый низший уровень – уровень генерализованной агрессии («агрессия против «всех и вся»). Как правило, эти дети используют формы физической агрессии для удовлетворения своих примитивных потребностей. Они неуживчивы, эгоистичны, равнодушны к чужим переживаниям, не терпят замечаний в свой адрес, любят делать назло. У таких детей постоянны конфликты как в семье, так и в школе. Отсутствует контроль за своим поведением, ссорятся и дерутся со всеми. Их гнев направлен как против людей, так и против вещей.

Неконтролируемая агрессия, как правило, наблюдается в раннем детстве вследствие слабости механизмов интеграции поведения, отсутствия механизма переработки информации.

Главная характеристика людей, принадлежащих к этому уровню генерализованной агрессии – это отсутствие альтернативных способов поведения, отвержение всяческих авторитетов, подозрительность и эмоциональная черствость, фиксация на негативных сторонах действительности.

На уровне генерализованной агрессии поведение управляется только эгоистическими интересами и потребностями, и это приводит к разрыву с окружающими. Его никто не обижает, но ему кажется, что все против него. У человека, принадлежащего к этому уровню, обостренное восприятие мелочей. Он понимает, что сжигает за собой мосты, но ничего не может с собой поделаться. Формируется тип человека-мизантропа, ожидающего от людей только неприятности. Постепенно он испытывает отчуждение не только к окружающим людям, но и к самому себе. Он находится в раздоре со всем миром, не умея решить ни одну из жизненных проблем, и тогда добивается признания агрессивностью, высокомерием, хвастливостью.

Второй уровень – уровень избирательной, локальной агрессии. Примером могут служить агрессивные подростки, они выборочно агрессивны по отношению к тем, кто их слабее. На этом основана «дедовщина», имеющая место уже в детском саду. «Козлов отпущения» можно найти почти в каждом классе – когда «сильные» обижают «слабых». Но иногда мишенью для нападок становится физически слабый, но преуспевший в учебе, и тогда возникает чувство зависти, недоброжелательности к тем, кто их «обгоняет». Это дети с ярко выраженной конкурентной позицией, им хочется быть первыми, но от неудач они теряются, перестают себя контролировать, становятся раздражительными, импульсивными. Как правило, такие дети – из распавшихся семей либо из семей с двойной моралью. Они имеют авторитет у небольшой группы подростков, имеющих общие интересы с ними. От детей, принадлежащих к первому уровню, его отличает любовь к себе, и из-за чрезмерной любви к себе он становится агрессивным. Люди с генерализованной агрессией обмануты в ожиданиях, они ждут от всех людей только плохого и не любят ни себя, ни людей. Объединяет тех и других тяга к острым ощущениям.

Третий уровень – уровень адаптивной агрессии. Отличительным признаком защитной или адаптивной агрессии является наличие действительной, непосредственной угрозы жизни или здоровью, для сохранения ко-

торых предпринимаются соответствующие насильственные действия. Эти действия иногда могут содержать в себе признаки криминального поведения.

Защитная агрессия возникает как компенсаторная реакция на жесткое к себе отношение или как результат формирования стереотипной антисоциальной линии поведения.

Как правило, дети, находящиеся на этом уровне агрессивного поведения, имеют навыки социального поведения в отсутствии стрессовой ситуации. В конфликте же они становятся неуправляемыми: либо падают на пол, визжат, либо топают ногами.

Такие дети не уверены в себе, общаются с очень узким кругом сверстников, выслушивают замечания взрослых, но их не выполняют, отличаются узким кругом интересов, заискивают перед сильными, не имеют собственного мнения.

В семье отношения между родителями удовлетворительные, но с ребенком конфликтные.

Любое свойство личности может проявляться через некоторые автоматизмы: привычки, навыки и установки, которые человек слабо осознает. Поэтому иногда у ребенка даже положительное отношение к другим людям может быть выражено в грубой, нелюдской форме. Сказывается стереотип поведения в семейной ситуации конфликта.

Четвертый уровень творческой агрессии встречается среди интеллектуальной элиты. Для таких людей характерны: умение наблюдать, анализировать, прогнозировать, стремление понять, о чем думают другие люди, каковы их переживания, самочувствие и состояния [4].

Для высокого уровня творческой агрессивности характерно тонкое проникновение в мир чувств и мыслей другого человека, точное попадание в эмоциональную волну людского горя и радости, стратегия гибкого поведения с учетом его последствий.

Есть варианты творческой агрессии, направленные на присвоение продуктов чужого труда («интеллектуальное воровство»), самоутверждение любой ценой, ценой нравственных потерь. Такое поведение можно объяснить наличием тщеславия и отсутствием творческих способностей. Это наиболее распространенный вариант творческой агрессии, которому учат со школьной скамьи – переписывают целые страницы чужого текста, не ставя кавычек при написании рефератов.

Эти уровни могут переходить друг в друга, условность этих границ очевидна, но они необходимы для построения коррекционной работы, так как специфика ее будет зависеть именно от принадлежности к тому или иному уровню.

Для всех этих уровней характерна общая черта – накопление отрицательных эмоций, которые приводят к этапу разрядки эмоционального напряжения, спада эмоционального напряжения и его последствий.

Нами были выделены стадии протекания агрессивности [4].

Начальная стадия накопления негативных эмоций, которая проявляется в недовольстве всем, что окружает, повышенной раздражительности. Источниками недовольства могут быть: фрустрированность – неудовлетворенность основных потребностей, повышенная напря-

женность в связи с неуверенностью в себе, ситуация неопределенности своего настоящего и будущего, такие свойства личности, как подозрительность и враждебность, потеря близких людей, потеря смысла жизни, эмоциональные и интеллектуальные перегрузки.

Вторая стадия – *напряжения или перенапряжения*, которая выражается либо в скованности позы и движений, либо в повышенной суетливости, несдержанности в общении. Наблюдается тенденция к снижению устойчивости психических процессов, которая может проявляться в «блокаде» восприятия, мышления, памяти и практических действий. Детерминанты данной стадии – длительные психотравмирующие ситуации, например, ситуация унижения или отвержения близкими людьми, неожиданная угроза собственной жизни или жизни близкого человека с потерей власти над своими эмоциями; сильное стремление к предмету своего влечения.

Степень напряжения измеряется объективными методами – скоростью восстановления пульса после стандартной нагрузки, временем восстановления участка кожи после холодовой нагрузки (терморегуляционный рефлекс), баллистокardiографией и так далее.

Третья стадия – *разрядки психоэмоционального напряжения*, сброс негативных эмоций по механизму проекции: избивание японцами «чучела» – копии их начальника, или по механизму сублимации: перевод активности по творческим каналам – создание произведений искусства, литературных произведений, танцевальных мелодий и так далее. Это конструктивный путь освобождения от негативного напряжения. Имеется и деструктивный путь, ведущий к насильственным действиям, к агрессии. Он характеризуется дезорганизацией психики: появлением состояния сильного возбуждения или депрессии, заторможенности, нарушения сознания, потерей волевого контроля, появления автоматизмов и т. д. [4].

Выделенные нами уровни и стадии агрессивного поведения различаются степенью проявления агрессивности, разным качеством дисгармонии психики.

Разработанная четырехуровневая модель агрессивности основана на экспериментальных данных, полученных при обследовании студентов Кемеровского государственного университета.

Целью экспериментального исследования является выявление взаимных связей между факторами, детерминирующими агрессивность личности.

Гипотеза исследования: существует тесная взаимная связь между такими факторами, как: «доминирование», «дружелюбие», «эгоистичность», «отзывчивость» и другими, являющимися основными детерминантами агрессивности личности.

Для исследования были использованы методики: Басса-Дарки для выявления агрессивного поведения личности и ДМО Т. Лири.

Экспериментальная группа включает 45 студентов, исследование проводилось в два этапа.

Первый этап – сбор данных исследования, второй этап – обработка и интерпретация результатов.

На основании полученных результатов нами выявлены восемь статистически достоверных коэффициентов корреляции по Спирмену.

Статистическая достоверность определялась путем сравнения полученных коэффициентов корреляции с критическим коэффициентом (*при* $n = 45$, $r_{кр} = 0,30$).

При этом обнаружена тесная взаимосвязь между уровнем враждебности по Бассу-Дарки и уровнями по Т. Лири: I, II и III, соответственно: авторитарный, эгоистичный и агрессивный. Наряду с этим положительная корреляция (статистически достоверная) обнаружена между факторами доминирования (Т. Лири) и враждебностью (Басс-Дарки) ($r = +0,53$ *при* $p \leq 0,05$). Соответственно получены коэффициенты корреляции между факторами: «авторитарность» – «враждебность» ($r = +0,44$ *при* $p \leq 0,05$); «эгоистичность» – «враждебность» ($r = +0,36$ *при* $p \leq 0,05$); «агрессивность» (Т. Лири) – «враждебность» ($r = +0,56$ *при* $p < 0,05$). Обратная корреляционная связь обнаружена между факторами: «зависимость» – «враждебность» ($r = -0,41$ *при* $p \leq 0,05$); «уступчивость» – «враждебность» ($r = -0,39$ *при* $p \leq 0,05$); «отзывчивость» – «враждебность» ($r = -0,42$ *при* $p \leq 0,05$). Наконец, связь между интегральным фактором по Т. Лири «дружелюбие» имеет обратный коррелят с «враждебность» по Басу-Дарки ($r = -0,38$ *при* $p < 0,05$).

Все полученные корреляционные плеяды статистически достоверны, так как критический коэффициент ниже численных значений выше приведенных коэффициентов ($r_{кр} = 0,30$).

Студенты, показавшие высокий уровень агрессивности, враждебности и авторитарности, имеют высокие баллы по опроснику приспособленности (Х. Белл) в шкале «Семейные отношения». Это указывает на наличие проблем в семье: нарушение личных контактов с родителями и другими членами семьи, необоснованные ограничения и требование дисциплины без родительской любви, авторитарность родителей и т. д.

Таким образом, все разнообразие агрессивного поведения можно свести к четырем уровням: низший уровень

– генерализованной агрессии – и высший уровень – творческая агрессия. Промежуточные уровни – уровни ситуативной и адаптивной агрессии.

Уровни агрессивности в рамках интегрального подхода представляются на основе критериальных характеристик, реализуемых в социальном поведении. В качестве таковых выступает сознание и социальное поведение. К интегральным характеристикам агрессивности личности следует отнести также враждебность, эгоистичность, авторитарность (властность, доминирование).

На первом уровне агрессивности отмечается осознание себя как «центральной» части мира, данная личность вступает в отношения с окружающими с позиции силы, принцип: кто сильнее, тот и прав.

На высшем уровне агрессивности – проявляется полностью сознательно – существо распространяет свое «Я» на весь мир, неся ответственность за происходящее. Промежуточные уровни агрессивности отмечены ориентацией на установки значимого окружения.

Функции, которые выполняет агрессия, – это уровни ее проявления. На уровне генерализованной агрессии – функция самообороны, когда лучший способ защиты – нападение. Они основаны на достижении чувства безопасности. В других уровнях агрессии – она выполняет функцию адаптации и самореализации.

Таким образом, каждая личность должна обладать определенной степенью агрессивности, ведь её отсутствие приведет к конформности и подчинению, к неспособности преодолевать препятствия на пути к достижению целей, а чрезмерное присутствие отразится на конфликтности личности, враждебности и неспособности на сознательную кооперацию с другими.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980.
2. Ахвердова О. А., Волоскова Н. Н., Белых Т. В. Дифференциальная психология. СПб.: Речь, 2004. 168 с.
3. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2014. 494 с.
4. Коротченко Н. И. Влияние стилей семейных отношений на агрессивность личности ребенка: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2000. 197 с.
5. Михайлова В. П., Коротченко Н. И., Александрова Л. А. Юридическая психология. М.: Флинта: МПСИ, 2008. 392 с.
6. Михайлова В. П., Коротченко Н. И., Матюшенко Л. М. Типы отношений и психологические защиты // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014. № 2(58). Т. 2. С. 162 – 168.
7. Трифонов А. Л. Психология агрессивности. М.: Лаборатория книги, 2012. 151 с.
8. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Институт психологии РАН, 2014. 352 с.

INTEGRAL CHARACTERISTICS OF PERSONAL AGGRESSIVENESS

Nadezhda I. Korytchenkova^{1, @1}, Olga A. Akhverdova^{2, @2}, Svetlana S. Smagina^{1, @3}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

² Stavropol State University, 310, Mira street, Stavropol, Russia, 355017

@1 psychology@kemsu.ru

@2 axverdova61@mail.ru

@3 Kennedy22.1963@yandex.ru

Received 21.04.2016.

Accepted 20.06.2016.

Keywords: aggression, family relationships, model of aggression, generalized aggression, creative aggression.

Abstract: The article describes the main determinants of aggressiveness of personality. It introduces a four-level model of aggressiveness of personality depending on the type of behavioral regulation and ways of information processing: generalized aggression; selective, local aggression; adaptive and creative aggression. Selected stages of aggression: accumulation of negative emotions; stress or strain; discharge of emotional stress. Levels and stages of aggressive behavior differ in the degree of manifestation of aggressiveness. The article features a number of close correlations between aggressiveness and the factors obtained by specific diagnostic techniques.

For citation: Korytchenkova N. I., Akhverdova O. A., Smagina S. S. Integral'nye kharakteristiki agressivnosti lichnosti [Integral characteristics of personal aggressiveness]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 152 – 156. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-152-156.

References

1. Anan'ev B. G. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1980.
2. Akhverdova O. A., Voloskova N. N., Belykh T. V. *Differentsial'naya psikhologiya* [Differential psychology]. Saint-Petersburg: Speech, 2004, 168.
3. Enikolopov S. N., Kuznetsova Iu. M., Chudova N. V. *Agressiya v obydennoi zhizni* [Aggression in everyday life]. Moscow: ROSSPEN (Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya), 2014, 494.
4. Korytchenkova N. I. *Vliyanie stilei semeinykh otnoshenii na agressivnost' lichnosti rebenka*. Diss. kand. psikh. nauk [The Influence of styles of family relations on aggression of the child's personality. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Novosibirsk, 2000, 197.
5. Mikhailova V. P., Korytchenkova N. I., Aleksandrova L. A. *Iuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow: Flinta: MPSI, 2008, 392.
6. Mikhailova V. P., Korytchenkova N. I., Matiushenko L. M. Tipy otnoshenii i psikhologicheskie zashchity [Types of relationships and psychological protection]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2, no. 2 (2014): 162 – 168.
7. Trifonov A. L. *Psikhologiya agressivnosti* [The Psychology of aggression]. Moscow: Laboratoriya knigi, 2012, 151.
8. Iurevich A. V. *Psikhologiya sotsial'nykh yavlenii* [Century Psychology of social phenomena]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2014, 352.

УДК 159.9

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА НАРКОЗАВИСИМЫХ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ**Татьяна В. Кошельская^{1, @}**¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а @koshelskaya@mail.ru**Поступила в редакцию 16.03.2016.**Принята к печати 22.04.2016.***Ключевые слова:** временная перспектива, время, прошлое, настоящее, будущее, наркозависимые, реабилитация наркозависимых.**Аннотация:** В статье представлены результаты феноменологического исследования временной перспективы наркозависимых, проходящих реабилитацию. В качестве материала для исследования использовались тексты стенограмм занятий, проведенных в реабилитационном центре. Выявлены следующие особенности временной перспективы наркозависимых:

- 1) нарушение хронологической перспективы;
- 2) нарушение смысловой перспективы;
- 3) нарушение конкретики проживания времени.

Рассмотрена роль этих особенностей в процессе реабилитации.

Для цитирования: Кошельская Т. В. Временная перспектива наркозависимых и ее роль в процессе реабилитации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 157 – 161. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-157-161.

Известно, что особенности временной перспективы человека отражаются на всех сферах его жизни. В частности, установлена связь между нарушением временной перспективы и различными видами зависимостей – табачной, алкогольной, наркотической [2; 10]. Пытаясь определить характер нарушений временной перспективы, исследователи обычно рассматривают временную перспективу как линейную последовательность прошлого, настоящего и будущего. Выявление особенностей временной перспективы при таком подходе сводится к выяснению, в какой мере решения и поступки человека определяются событиями прошлого, настоящего и будущего. Например, установлено, что наркозависимые склонны к ориентации на наслаждение настоящим моментом и к сниженной ориентации на будущее [1; 10].

Недостаток такого подхода заключается в том, что он не учитывает реальную сложность психологического времени – наличие у него не только горизонтального, но и вертикального измерения [6 – 7], наличие различных форм времени, а также более и менее живых уровней временного спектра [8]. Временная перспектива человека включает в себя темпоральности различных уровней – циклическое время закономерностей, линейное время жизненных историй, мгновения принимаемых решений и т. д. [3; 5]. Поэтому, пытаясь описать нарушения временной перспективы только в категориях линейного времени, мы неизбежно упускаем из виду те их особенности, которые принадлежат другим уровням темпоральностей, а, следовательно, не можем получить и целостную картину нарушений временной перспективы.

В настоящем исследовании использовался транстемпоральный подход, позволяющий учитывать различные формы и уровни психологического времени и исследовать временную перспективу в ее целостности [4].

Данное исследование проводилось среди наркозависимых, проходящих реабилитацию в загородном реабилитационном центре. Исследование было проведено с целью ответить на вопросы, какие особенности имеет временная перспектива наркозависимых, и какое влияние эти особенности могут оказывать на успешность реабилитации.

Материалы и методы исследования

Данные собирались в виде текстов стенограмм групповых занятий, проведенных автором с июня по октябрь 2015 г. в загородном центре реабилитации наркозависимых. Занятия были посвящены теме жизненного пути, во время занятий участники рассказывали свои жизненные истории, обсуждали различные ситуации и планы на будущее. По ходу беседы участникам задавались уточняющие вопросы, направленные на выяснение субъективного отношения к прошлому, настоящему и будущему. Группа состояла из нарко- и алкозависимых, и в разное время включала от 8 до 15 человек, около половины из них являлись наркозависимыми мужчинами в возрасте от 20 до 48 лет.

Полученные данные подвергались феноменологическому анализу. Тексты интерпретировались в соответствии с процедурой феноменологического анализа на основе процедуры, предложенной А. Giorgi [9], включающей следующие этапы:

- выделение смысловых единиц текста;
- преобразование выделенных смысловых единиц;
- группировка смысловых единиц;
- формулировка феноменологического описания.

Результаты и их обсуждение

Анализ текстов позволил выделить следующие особенности временной перспективы наркозависимых, проходящих реабилитацию:

- 1) нарушение хронологической перспективы. Зависимыми время не осознается как необратимо текущее;
- 2) нарушение смысловой перспективы. Для зависимых будущее не имеет конкретных очертаний и границ;
- 3) нарушение конкретики времени. Для зависимых характерна отчужденность от жизни в настоящем. Настоящее время не переживается ими как подлинное, действительное.

Время не осознается как необратимо текущее, а представляет собой бесконечное и бессмысленное повторение

Участники группы единодушно говорят о том, что их жизнь в период употребления наркотиков была очень однообразной, не происходило ничего нового, дни были бесконечным повторением друг друга: «Совершенно одно и то же, правду вам говорю, скучная очень, назойливая жизнь, тупая. Просто деградирование, животные так живут».

Зависимость от наркотиков была для наркозависимых центром, вокруг которого организовывалось их время. Типичный распорядок дня был определен заботами о том, «где бы взять»: «Проснулся, украл, продал, съездил за наркотиками. То есть только нюансами дни отличались».

В бесконечном однообразии время как бы и не шло. Самый старший из участников группы, мужчина 48 лет, говорит, что «жизнь прошла незаметно», и он «не чувствует своего возраста».

Однообразие и бессмысленность жизни, связанной с употреблением наркотиков, проявляется не только в словах, но и в образах. Во время занятия участников попросили нарисовать «карту своего жизненного пути», изобразив на ней важные периоды и события их жизни. Один из участников вместо того, чтобы изобразить свою жизнь как последовательность событий, изобразил ее метафорически в виде едущего по дороге автомобиля и пояснил свой рисунок так: «Едешь по дороге. Жизнь – это движение... Родился на свет, пошел... Можно сказать – поехал. И так движение это идет. А перспективы у него особо я не вижу. Но и минусов тоже в этом нет. Это жизнь». Не менее выразительный образ назвал другой участник, он сказал, что представляет свой жизненный путь как ленту Мёбиуса – бесконечную, пустую, замкнутую поверхность.

Надо отметить, что негативная оценка своей жизни участниками группы связана не с однообразием жизни как таковым, вызванным недостатком внешних событий и перемен, а именно с пустотой и бессмысленностью жизни. Распорядок жизни в реабилитационном центре по своей внешней форме не менее однообразен – день здесь расписан почти по минутам. Однако помимо формального однообразия, эта жизнь включает в себя и более живые смыслы – работа над собой, помощь другим. «Здесь совершенно другое. Здесь пользу приносишь людям, сам в чистоте живешь. Смысл есть».

Будущее не имеет конкретных позитивных содержаний, а определяется через отрицание прошлого

Отвечая на вопросы о своем предполагаемом будущем, многие участники группы не могут назвать каких-либо конкретных позитивных содержаний, будущее описывается ими через отрицание прошлого. Типичные ответы участников на вопрос о том, есть ли у них мечта – «не доставлять неприятностей семье», «не пить и не употреблять наркотики», чтобы все было «хорошо», «как у людей». Большинство участников группы не могут представить себе образ жизни, существенно отличающийся от того, который они вели до поступления в реабилитационный центр. Будущее представляется им как «возвращение», как прошлое минус наркотики.

В жизни этих людей не возникает ничего нового взамен искореняемой зависимости. Их жизнь, как вспаханное поле, на котором ничего не посеяно, снова зарастает сорняками. Они хотят стать нормальными, обыкновенными, «как все», а надо стать живыми.

Часто само по себе нахождение в реабилитационном центре, «жизнь в чистоте», воспринимается наркозависимым человеком как достижение. В этом случае, переместив себя в среду, где для него создают внешние ограничения, не позволяющие принимать наркотики, человек далее пассивно пребывает в этой среде в течение установленного срока, не делая внутренних усилий. На вопрос, что он намерен делать для того, чтобы измениться: «Я ведь уже здесь. Не употребляю наркотики, не пью». При этом он искренне сожалеет о прошлом и хочет изменить свою жизнь, однако в отсутствии внешних ограничений отказаться от наркотиков не может.

Отчужденность от жизни в настоящем

Участники группы говорят о бессмысленности и однообразии жизни в то время, когда они употребляли наркотики. Однако для некоторых из них однообразие и бессмысленность продолжаются и в реабилитационном центре. Для них это такая же тяжкая и бессмысленная жизнь, как и «дома», только по другим правилам. Эти люди чувствуют себя чужими в центре реабилитации: «Своего у меня здесь ничего нет, только мои мысли».

У них нет ответственности за свою жизнь в реабилитационном центре, за дело, которое они там выполняют, за других людей. Они, как правило, не собираются оставаться в реабилитационном центре надолго, приезжают «на месяц», чтобы только прийти в себя и вернуться домой. В то время как сообщество живет долгосрочными заботами и делами, они живут как в гостях и в общих делах участвуют формально. Когда осенью они помогают утеплять дом, то сами не собираются жить в нем зиму, поэтому работа для них бессмысленна, «все чужое».

Если «нет ничего своего» здесь и сейчас, то где и когда у них сможет появиться это «свое»? Можно предположить, что безответственность вообще характерна для этих участников группы. Однажды я наблюдала сцену, хорошо иллюстрирующую подобное безответственное отношение к жизни. Трое реабилитантов стояли во дворе центра и обсуждали просмотренный фильм. Рядом с ними стояла скамейка, на которой сушилась подушка. Когда пошел мелкий дождь, никому из них не пришло в голову унести подушку в дом. Дождь понемногу усили-

вался, ребята беседовали, подушка мокла, и только «старший», наконец увидев, что происходит, прибежал и подхватил подушку. Также небрежно, как они отнеслись к этой подушке, ребята относятся и к своей жизни.

Часто реабилитанту мешает вина перед теми, кого он оставил дома. Большинство участников группы испытывают вину перед близкими, особенно, перед родителями и детьми: «перед мамой виноват... все время она из-за меня плачет», «у меня ведь дочка, а я ничего не могу ей дать».

Казалось бы, вина должна способствовать изменению жизни наркозависимого. Однако на деле не всегда получается так. Испытывая вину и мучаясь, человек действительно хочет искупить вину как можно скорее, чтобы вина отпустила, и ему стало легче. «Я сам сюда приехал, сейчас сам себя казню за это. Семью свою разваливаю... Мне зачем это все? Зачем этот фестиваль песни и пляски?... Что я тут делаю?..». Он порывается прямо сейчас уйти из реабилитационного центра и вернуться домой, к близким, даже не имея представления о том, что он будет делать дальше. Наркозависимого убеждают, что возвращаться домой прямо сейчас неразумно. Как правило, он и сам понимает это и соглашается остаться, но в душе продолжает метаться и это мешает ему включаться в ту жизнь, которая есть у него сейчас. «Там я с ними, но там я жить не могу, вот в чем прикол. А здесь я живу, я есть, но без них. А там я могу быть с ними, но я там живу максимум год. Только чего-то добьюсь, и опять... В себя прихожу, опять весь исколотый, опять сорок килограмм, и у меня опять ничего, все проколол... Да в том-то и дело, что нет у меня уверенности ни в чем... Как пластилиновый какой-то стал...».

Этот человек никому не доверяет. Внешне он послушен, выполняет поручения, старается говорить то, что от него хотят услышать. Однако на самом деле он закрыт ото всех и погружен в свои сомнения, которые не дают жить. «И слушать никого неохота. Я послушаю, покываю, а у меня там все равно своя каша», «я никому здесь не верю».

Как «появляется» будущее?

Исследование показало, что наркотическая зависимость связана с тем, что человек перестает осознавать необратимость течения времени, временная перспектива выглядит как некоторая повторяемость, исключая самую возможность будущего как возникновения чего-то нового, чего раньше не было и вообще структуры жизни. В связи с этим возникают вопросы, каким образом все же удастся вырваться из этой бесконечной повторяемости и начать жить по-другому? Как у наркозависимого человека в процессе реабилитации «появляется» будущее?

Те из участников группы, которые положительно оценивают влияние реабилитационного центра на их состояние и всерьез настроены на прохождение программы реабилитации в полном объеме, говорят о том, что для них это время – возможность получить новый опыт, выйти за рамки привычной жизни: «Пока живешь здесь, можно попробовать то, чего раньше не делал. Я, например, никогда раньше землю не копал». Большинство реабилитантов – городские жители, и в загородном реабилитационном центре для них многое ново – деревенский труд, уход за животными, необходимость много времени

проводить под открытым небом. В результате они начинают задумываться о том, чтобы и после прохождения реабилитации, вернувшись домой, попробовать что-то новое – поменять род занятий, получить образование, сделать то, на что не могли решиться раньше.

Еще одна важная особенность жизни в реабилитационном центре, о которой говорят участники группы, – возможность побыть в тишине, вдали от соблазнов города, остановить инерцию прошлого и освободиться для новой жизни. В городе, в привычной обстановке, сделать это не получается. А здесь, без наркотиков, алкоголя, телевизора, интернета – всего того, что погружает нас в сон, – человек получает возможность наконец встретиться с собой, со своей жизнью. Когда затихают голоса мучающих человека желаний, привычек, эмоций, в наступившей тишине появляется место для чего-то нового, настоящего.

Один из участников, мужчина 24 лет, около года живущий в центре реабилитации, задумывается о будущем, однако конкретных планов у него пока нет, поэтому он не спешит покидать реабилитационный центр. Пока не определился со своими планами, он активно участвует в жизни сообщества, трудится в подсобном хозяйстве, помогает новичкам. «Цели у меня пока как таковой нет. Мне интересно работать самому с собой. Я смотрю на людей, которые приходят сюда зависимые, и наша задача научить их хорошей трезвой жизни. Важно, чтобы у людей была какая-то мечта жить в трезвой жизни. Да, бывают люди, у которых нет мечты, и после реабилитации они просто выходят и начинают все сначала. А люди, у которых есть заветная мечта, они задумываются о будущем и доводят свою мечту до конца... Но у меня мечты пока нет. Мне интересно продвижение центра, и я никуда пока не хочу уходить после реабилитации. Мне нравится помогать людям, которым интересна трезвая жизнь».

Другой участник группы, мужчина 30 лет, в течение полугода живущий в реабилитационном центре, однажды рассказал о своей мечте: «Я хотел бы связать свою жизнь с какой-то помощью людям, волонтерством... Мне это нравится, как-то душа лежит. Потому что возвращаться к тому, чем я занимался, это однообразие – дом, развлечения, – ну сколько можно. Зарисовки есть в голове, но как-то цепью связать не могу. Но как-то тянет... давно причем. Возможно, что-то получится. Буду медленно, но верно идти».

Замысел о будущем возникает по мере того, как человек видит, как меняется его жизнь и жизнь других зависимых, учится новому, ответственно и честно трудится, помогает другим. К жизни добавляется новое измерение, позволяющее не бороться бесконечно с проблемой зависимости, а подняться над ней. В результате появляется намерение и дальше жить чем-то большим, чем собственные потребности и развлечения – участвовать в жизни других людей, помогать. Появляются мечты, планы, «зарисовки» будущего.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что наркотическая зависимость тесно связана с нарушением присутствия во времени. Это отражается в следующих особенностях временной перспективы наркозависимых людей:

– человек перестает осознавать необратимость течения времени, а живет в бесконечной повторяемости одних и тех же событий. Потребность в приеме наркотиков является центром, вокруг которого организуется время наркозависимого. В то время как все сферы его жизни (отношения с близкими, работа, здоровье и т. д.) разрушаются, потребность в наркотиках остается постоянной и регулярной, создавая среди общего разрушения болезненную повторяемость;

– временная перспектива наркозависимого не содержит будущего как такового, поэтому в процессе реабилитации ему как бы некуда меняться. Нет необратимого течения времени, есть лишь различные правила жизни – «дома» и в центре реабилитации;

– вовлеченность в жизнь реабилитационного центра дает возможность «оторваться» от прошлого и начать жить по-другому. Наркозависимый человек получает новый опыт, связанный с коренным изменением образа жизни, приобретением новых знаний и навыков, участием в общих делах. Добавляются новые измерения жизни, новые смыслы.

Для того чтобы реабилитация проходила более успешно, важно учитывать особенности временной перспективы наркозависимых при оказании им психологической помощи. Нарушение хронологической и смысло-

вой перспективы проявляется в том, что у наркозависимых отсутствует ясное представление о будущем как таковом. Поэтому при оказании психологической помощи наркозависимым неэффективно опираться на какие-либо события будущего, локализованные в периоде времени, последующем реабилитации – планы, цели и т. д. Часто это только уводит наркозависимого человека от реальности и провоцирует на необдуманные поступки.

Более эффективным представляется акцентирование внимания наркозависимых на периоде их жизни в реабилитационном центре. В частности, поощрение интереса к новому опыту, предоставление возможностей во время реабилитации попробовать себя в новых видах деятельности, общаться с людьми, чей образ жизни отличается от образа жизни наркозависимых, воспитание у наркозависимых ответственности. Таким образом, не обращаясь напрямую к перспективе будущего, можно создать условия для восстановления присутствия наркозависимого человека во времени, что, в свою очередь, способствует восстановлению временной перспективы будущего и, следовательно, изменению образа жизни наркозависимого, т. е. способствует успеху его реабилитации.

Литература

1. Зенцова Н. И. Системная модель психологического этапа реабилитации больных наркоманией: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 621 с.
2. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
3. Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9 – 20.
4. Лукьянов О. В. Готовность быть: Введение в транстемпоральную психологию. М.: Смысл, 2009. 231 с.
5. Лукьянов О. В. Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59 – 66.
6. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 46 – 63.
7. Лукьянов О. В. Экзистенциально-феноменологическое исследование в социальной психологии. Проблема современности и ответственности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 29. С. 41 – 46.
8. Розеншток-Хюсси О. Временной спектр // Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 412 – 453.
9. Giorgi A. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure // Journal of Phenomenological Psychology. 1997. Vol. 28. № 2. P. 235 – 260.
10. Keough K. A., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Who's smoking, drinking and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use // Basic and Applied Social Psychology. 1999. Vol. 21. № 2. P. 149 – 164.

THE TIME PERSPECTIVE IN DRUG ADDICTS AND ITS ROLE IN REHABILITATION

Tatyana V. Koshelskaya^{1, @}

¹ Tomsk State University, 34a, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050

@ koshelskaya@mail.ru

Received 16.03.2016.

Accepted 22.04.2016.

Keywords: time perspective, past, present, future, time, drug addicts, rehabilitation.

Abstract: The paper presents the results of the phenomenological study focused on the time perspective in drug addicts. Phenomenological analysis of verbatim reports of group sessions, which were held at the rehabilitation center, allows one to reveal the following features of the time perspective in drug addicts:

- 1) disturbance in the chronological perspective;
- 2) disturbance in the meaning perspective;
- 3) disturbance in the specifics of time; and to show the part of this features in rehabilitation.

For citation: Koshelskaya T. V. Vremennaya perspektiva narkozavisimykh i ee rol' v protsesse reabilitatsii [The time perspective in drug addicts and its role in rehabilitation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 157 – 161. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-157-161.

References

1. Zentsova N. I. *Sistemnaya model' psikhologicheskogo etapa reabilitatsii bol'nykh narkomaniei*. Diss. doktora psikh. nauk [System model of the psychological stage of rehabilitation of drug addicts. Dr. psych. Sci. Diss.]. Moscow, 2015, 621.
2. Zimbardo F., Boyd J. *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [The time paradox: the new psychology of time that will change your life]. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 352.
3. Klochko V. E., Galazhinskii E. V., Krasnoriadtseva O. M., Luk'ianov O. V. Sistemnaya antropologicheskaya psikhologiya: poniatiinyi apparat [System anthropological psychology: framework of categories]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* = *Siberian psychological journal*, no. 56 (2015): 9 – 20.
4. Luk'ianov O. V. *Gotovnost' byt': Vvedenie v transtemporal'nuyu psikhologiyu* [Willingness to be: Introduction to transtemporal psychology]. Moscow: Smysl, 2009, 231.
5. Luk'ianov O. V. Printsip transtemporal'nosti v reshenii voprosa uspekhov i aktual'nosti psikhologicheskoi praktiki [Principle of transtemporality in actual psychological practice]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* = *Siberian psychological journal*, no. 25 (2007): 59 – 66.
6. Luk'ianov O. V. Faktor vremeni v sisteme psikhologicheskikh interpretatsii [Time factor in the system of psychological interpretations]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* = *Psychology. Journal of Higher school of Economics*, 7, no. 2 (2010): 46 – 63.
7. Luk'ianov O. V. Ekzistentsial'no-fenomenologicheskoe issledovanie v sotsial'noi psikhologii. Problema sovremennosti i otvetstvennosti [Existential and phenomenological research in social psychology. The problem of modernity and responsibility]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* = *Siberian psychological journal*, no. 29 (2008): 41 – 46.
8. Rosenstock-Huussy E. *Izbrannoe: Iazyk roda chelovecheskogo* [Favorites: The language of the human race]. Moscow; Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000, 412 – 453.
9. Giorgi A. The theory, practice, and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure. *Journal of Phenomenological Psychology*, 28, no. 2 (1997): 235 – 260.
10. Keough K. A., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Who's smoking, drinking and using drugs? Time perspective as a predictor of substance use. *Basic and Applied Social Psychology*, 21, no. 2 (1999): 149 – 164.

УДК 316.642.3

САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРАРОДИТЕЛЕЙ (БАБУШЕК): ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Галина Н. Кригер^{1, @}

¹ Беловский институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Россия, г. Белово, ул. Советская, 41
@ kgn10@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016.

Принята к печати 01.06.2016.

Ключевые слова: самосознание, бабушка, семья, структура, уровень субъективных ощущений.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования самосознания женщин, выполняющих роль бабушек. Сделан акцент на изучении «образа Я» сегодняшних бабушек, выявлении преобладающих ощущений субъективного благополучия и выделении места внуков в структуре самосознания. Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на изучение удовлетворенности занимаемой роли «бабушка» в семье и описание самооценочных структурных характеристик самосознания бабушек. Выявлено, что образ современных бабушек изменился и отличается удовлетворенностью собой, настоящей жизнью, занимаемой позицией в семье в связи с рождением внуков.

Для цитирования: Кригер Г. Н. Самосознание современных родителей (бабушек): психологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 162 – 165. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-162-165.

Не так уж много исследований, посвященных изучению проблемы самосознания женщин, выполняющих роль бабушек. У каждого человека в памяти остается свой образ бабушки, который ассоциируется с понятиями: добрая, мягкая, ласковая, старенькая, седовласая, в белом платочке, непременно чем-то увлеченная (печет, вяжет, поет и т. д.). Но в условиях современной жизни семьи этот образ меняется.

Общеизвестно, семья является одним из главных социальных институтов общества. Поэтому то, что происходит в обществе, влияет на состояние семьи. М. Боуэн создал теорию семейных систем, в которой описал, что на эмоциональном уровне все члены семьи взаимосвязаны и что в семье формируется «Я» человека. В свою очередь, социальная ситуация в стране детерминирует успешность или не успешность адаптации человека к внешнему миру. Следуя позициям данного автора, М. И. Постникова рассматривает отношения между поколениями как главную характеристику и отмечает, что каждое поколение включает в себе определенные нормы, обычаи и традиции. Взаимоотношения между представителями разных поколений предполагают передачу детям знаний, умений и навыков в различных формах трансляции опыта (чаще всего как оказание помощи) и при этом могут сопровождаться определенными сложностями, конфликтами, ссорами и непониманием друг друга [5]. В продолжение этой мысли мы исследовали место и роль ритуала в семье и пришли к выводу, что ритуалы создают возможность сближения, более тесного контакта между членами семьи, способствуют становлению самосознания как личностного, так и семейного [4].

В зависимости от преобладающего типа культуры в семье формируется самосознание её членов. В традиционной культуре изменения происходят медленно, постепенно, прародители, держа на руках маленьких внуков, представляют их будущее по образу собственного прошлого, как схему будущего для них. Взаимоотношения возрастных слоев четко регламентированы, каждый знает свое

место. В культуре современного типа совместно проживают два поколения, прародители живут отдельно. Роли в семье меняются, знания и опыт старших часто не могут найти применения, а иногда становятся даже вредными в силу совершенно изменившихся условий, обстоятельств, законов. Авторитет старших уже не может служить главной опорой для молодых. В постмодернистском типе культуры события, изменившие отношение человека к миру природы и к человеку (компьютеризация, атомная энергетика, глобальная информатизация, открытия в области генетики вплоть до клонирования живых существ, космические исследования и оружие массового уничтожения), привели к разрыву преемственности жизни, к конфликту между поколениями. Дети сосуществуют на одной территории, стремятся быстрее получить самостоятельность. Семья связана кровными узами, но не эмоциональными связями. Свой очевидный и весомый вклад в новую социальную ситуацию: культ индивидуализма, отсутствие критериев правильности и неправильности вносят и информационные технологии, породившие новые проблемы. Они складываются на фоне повышенной включенности человека в виртуальный мир Интернет-пространства, где живые социальные контакты заменяются контактами виртуальными. В сети зарождаются новые солидарности, объединяющие новое самосознание [2; 6]. Обобщая изложенные факты, следует отметить, что в психологической литературе немало исследований, посвященных изучению семьи, описанию ролевых позиций, раскрывающих проблемы личности в малой группе, семейных взаимоотношений между взрослыми и детьми в изменяющихся условиях жизни. Но на наш взгляд недостаточно освещены вопросы, с одной стороны, объясняющие чувства привязанности бабушек к внукам, почему так интенсивны эти проявления, но с другой стороны, почему часто современных бабушек собственные «дети» называют «эгоистами».

Поэтому мы поставили в качестве цели исследования: изучить самосознание сегодняшних бабушек, определить преобладающие у них ощущения субъективного благополу-

чия, а также выделить, какое место занимают внуки в структуре самосознания. Для решения поставленных задач использовали метод анкетного опроса с целью изучения удовлетворенности занимаемой роли «бабушка» в семье, тест «Кто Я?» М. Куна, Г. Макпартленда, изучение самооценочных структурных характеристик самосознания бабушек. Эмпирическую базу исследования составили бабушки детей дошкольного возраста, посещающих детские сады г. Белова. В исследовании приняли участие 60 бабушек в возрасте от 39 до 72 лет (средний возраст – 53,86).

Самосознание – это интегрированное, многослойное понятие. Мы выделяем следующие функциональные характеристики феномена «самосознания»: осознание представлений о самом себе; понимание самого себя; образ себя; отношение к себе; признание себя на индивидуальном, субъектном, личностном уровнях; ощущение себя, своих состояний; переосмысление жизни; определение мотивов действий, новых связей между различными функциями. При рассмотрении данного понятия с точки зрения структурного анализа, самосознание – устойчивая система представлений во времени; существования в пространстве; система установок, направленных на самого себя; система множественных «Я».

Самосознание – это динамическая система, которая на разных возрастных этапах имеет свои особенности. Например, вот как проявляется самосознание у женщины, ставшей бабушкой в 60 лет. Свои переживания по поводу рождения внуки она отразила в письмах, назвав их «Книгой радости». В них она описала свои чувства в отношении к внучке, её процесс развития, считая, что когда девочка научится читать, она осознает все переживания бабушки, поймет ее личностное самосознание, то, как много места занимает в нем малышка. Вот некоторые строки из этих писем «...люблю тебя очень-очень! Люблю смотреть, как ты кушаешь. Ты с первых дней, молодец! Активно, с усердием, со старанием добывала себе пищу. Люблю тебя носить на руках! Ты засыпала, уткнувшись головкой в плечо. Люблю, когда ты рассматриваешь все! Ты делаешь это очень внимательно, продолжительно, как «прилежная ученица». Как-то я делала

зарядку, а ты не шелохнувшись, смотрела на движения рук. Я заметила, как тебе нравятся движения рук «фонарики» и ритм, тебе только 3 месяц пошел. Ты все запоминаешь, а потом сама поднимаешь ручки и начинаешь поворачивать их в разные стороны, как в танце, у тебя так красиво это получается! Мы играли с тобой в золотые ворота с атласными лентами, и тебе понравилась эта игра, ты стала громко смеяться. Люблю наблюдать, когда ты купаешься. Тебе это занятие тоже очень нравится! А как ты со смыслом играешь со своими первыми игрушками! Особенно очень нравится разноцветный жук (мамочка тебе купила твою первую любимую игрушку). Он тебя везде сопровождает. Ты просыпаешься и разговариваешь с ним!...»; «...я благодарна тебе, моя внученька, за твои тонкие ощущения, богатые чувства, которые в тебе формируются, глубокие познания, которые проявляются в тебе! Ты даришь здоровье, хорошее самочувствие, энергию все нам, я тебе благодарна! Как интересно ты играешь с игрушками! Вот что ты делаешь сама: перекладываешь, вытаскиваешь, ищешь понравившуюся игрушку, стучишь, прячешься, приплясываешь под хлопки и песни (лежа на животике, твои ручки и ножки активно двигаются). Любишь слушать чтение книжек. Участвуешь в процессе (издаешь звуки, слоги, ручками трогаешь). Ты исследуешь этот мир, потому что он тебе нравится!!! Пусть он тебе всегда несет радость и счастье, а мы будем с тобой рядом, твои близкие люди! Спасибо тебе, родная, наша девочка!...».

Самосознание бабушки, описанное в данном примере, отражает функциональные характеристики, оно наполнено личностным смыслом переживаний, выраженным уровнем субъективного благополучия.

Исходя из поставленной цели исследования, мы выявили отношение женщин к позиции «бабушка» и преобладающий у них уровень субъективного благополучия. Субъективное благополучие мы понимаем как удовлетворенность собой, настоящей жизнью, занимаемой позицией в семье в связи с рождением внуков. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Отношение женщин к занимаемой позиции «бабушка», %
Table 1. Women's attitude to their role of a grandmother, %

Вопросы анкеты	Варианты ответов		
	да	нет	затрудняются ответить
Я – счастливая бабушка	86,6	5	8,3
Внуки привязаны ко мне больше, чем к своим родителям	35	51,6	13,3
Я часто провожу время с внуками (будни, выходные, праздники)	71,6	21,6	6,7
Я согласна с выражением, что бабушки любят больше внуков, чем своих детей	53,3	40	6,6
Роль бабушки мне нравится	83,6	3,4	11,6

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что роль бабушки очень значима для респондентов, которые приняли участие в опросе. Большинство опрошенных утверждают, что роль бабушки вызывает приятные ощущения, появляются новые желания, потребности «быть значимой, нужной». По первой позиции «Я – счастливая бабушка» 52 человека испытывают преобладающее субъективное благополучие (86,6 %), то есть удовлетворены настоящим временем, собой, отношениями в семье. Вторая позиция «Внуки привязаны ко мне больше, чем к своим родителям» ответы распределились в сторону родителей

(51,6 %), привязанность к бабушкам составляет (35 %), что свидетельствует о нормальных, адекватных формах проявления поведения детей и самоощущений бабушек. Позиция респондентов на вопрос «Я часто провожу время с внуками (будни, выходные, праздники)» обобщает большинство взглядов бабушек, что они занимают преобладающую позицию в воспитании детей дошкольного возраста (71,6 %).

На этот факт указывают и другие авторы, объясняя, что люди пожилого возраста весьма озабочены жизнью и судьбой детей и внуков, считают их проблемы собствен-

ными. Высказывания людей старшего поколения свидетельствуют о том, что они вовлечены в проблемы близких, часто соотносят цели и планы своей жизни с событиями более молодых («хочу помочь в уходе за внуками», «хочу накопить денег на обучение внука», «дожить до свадьбы внуки») [6].

С позицией «Я согласна с выражением, что бабушки любят больше внуков, чем своих детей» мнение респондентов разделилось (да ответили 32 человека (53,3 %); нет – 24 человека (40 %); затрудняются – 4 человека (6,6 %). Но преобладающее количество респондентов все-таки дали утвердительный ответ, объясняя свою позицию желанием удовлетворять потребность в физической, телесной близости с внуками, так как с собственными детьми эту связь потеряли. И наконец, вопрос «Роль бабушки мне нравится» характеризуется приоритетным количеством голосов в пользу удовлетворенности занимаемой роли (83,6 %), что свидетельствует о высокой заинтересованности бабушек быть вместе с внуками и ощущать от этого позитивные эмоции. Возможно, бессознательно они хотят вернуться к родительской позиции и реализовать то, что когда-то было упущено, например, любовь, привязанность, внимание, ласка.

Обобщая результаты проведенного анкетирования, можно констатировать, что большинство современных бабушек удовлетворены тем местом, которое занимают в семье. Испытывают положительные эмоции от контактов с внуками дошкольного возраста. Им нравится заботиться о них, осуществлять совместное времяпровождение. Хотя среди ответов незначительно есть и отрицательные значения.

Анализ результатов по методике «Кто Я?» обнаруживает, что среднее количество ответов равно 10, этот факт указывает на невысокую продуктивность испытуемых, сниженный уровень личностного самосознания. Перечень полученных самоописаний представлен в таблице 2.

Таблица 2. Содержание самоописаний по методике «Кто Я?», %

Table 2. Contents of self-descriptions by “Who am I?” procedure, %

Категории	Частота упоминаний
Родственные связи (бабушка и др.)	63,3
Социальные характеристики	46,6
Личностные характеристики	45
Увлечения	41,6
Гражданство	38,3
Прочие ответы	25

Как следует из таблицы, респонденты наиболее часто упоминают родственные связи отношений в семье, отмечают свой родительский статус и то, что они являются бабушкой, но не указывают при этом, в каких взаимоотношениях они с ними находятся. Осознание представлено на уровне восприятия себя как анкетные данные (мать, жена, сестра, бабушка, супруга, свекровь, теща и др.). Значимыми в ответах испытуемых являются социальные роли, связанные с социальными контактами (соседка, покупатель, пешеход, Интернет-пользователь, воспитатель, коллега, пассажир, грамотный специалист, добросовестный работник и др.). Раскрывая свои личностные особенности, отмечают только положительные свойства своего

характера, внешности, качеств (красивая, ласковая, добрая, внимательная, веселая и др.). Значительное место в самоописаниях занимают увлечения, хобби (садовод, рукодельница, любительница кошек, кулинарка, путешественница, цветочница, туризм и др.). Категория «Гражданство» отражает идентификацию со своей страной (россиянка, гражданка России), при этом отсутствуют в описаниях региональные аспекты проживания, типа сибирячка, беловчанка, жительница Кузбасса и др. Среди единичных суждений в категории «Прочие ответы» отражены: божье создание, одуванчик, ветеран труда, курильщица, противная, политик, пенсионерка, леди, я люблю дом, семью, я не считаю себя бабушкой. В самооценочных характеристиках респондентов не нашлось места для выделения таких суждений, как «Я рада, что у меня есть внуки», «Я имею достаточно опыта и времени, чтобы заниматься с внуками», «Я чувствую, как хорошо внукам со мной» и других подобных утверждений.

Исходя из цели и полученных результатов исследования, можно сформулировать следующие выводы.

«Образ Я» современных бабушек складывается из позитивных установок, мыслей, чувств.

Эмоционально-оценочное отношение выражено в принятии себя, своей семьи, страны.

Преобладает позитивный уровень субъективного благополучия. Интенсивные чувства привязанности бабушек к внукам в условиях культуры нашего времени отражают их желания заботиться о благополучии следующего поколения.

Структура самосознания отражает ориентации на внешние границы личности, это объясняется возрастом респондентов и присвоенной культурой в течение жизни.

В структуре самосознания бабушек не обозначено место для внуков, хотя свою личную позицию «бабушка» большинство респондентов отметили.

Нарушена идентификация со своим именем, из 60 опрошенных бабушек никто не представил свое собственное имя, ограничившись только принятыми терминами родства.

Не описаны взаимоотношения, предпочитаемые занятия, интересы с внуками, что мотивирует бабушек в этой жизни, также не отражено.

Представленный ряд самоописаний (из 20 предлагаемых утверждений среднее количество ответов составило 10 по всей выборке) характеризуется когнитивной простотой, ригидным восприятием себя, своего возраста и тех ролей, которые на данном этапе являются доминирующими.

Полученные результаты эмпирического исследования позволяют нам утверждать, что образ современной бабушки изменился, это уже не та седовласая, старенькая и т. д., отмеченный в начале статьи. Это бабушка, ощущающая себя благополучной, радостной, счастливой (несмотря на трудности времени), занимающаяся уходом за собой и маленькими внуками.

В заключении отметим, что предполагается дальнейшая работа в данном направлении с учетом влияния таких факторов, как возраст внуков, этничность, культура, социализация и т. д. Изучение данного аспекта имеет несомненную практическую значимость, особенно в практике семейного консультирования и оказания психологической поддержки женщинам, выполняющим роль бабушек.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996. 375 с.
2. Короленько Ц. П., Дмитриева Н. В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. 248 с.
3. Кригер Г. Н. Самосознание телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики. Кемерово: КемГУ, 2010. 126 с.
4. Кригер Г. Н. Ритуал как способ развития детей дошкольного возраста: региональный аспект. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2014. 100 с.
5. Постникова М. И. Психология отношений между поколениями в современной России: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 53 с.
6. Силиева Е. Г. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. М.: Академия, 2002. 192 с.
7. Столин В. В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. 286 с.
8. Хухлаева О. В. Психология развития: молодость, зрелость, старость. М.: Академия, 2002. 208 с.
9. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997. 608 с.
10. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 2000. 415 с.

SELF-CONSCIOUSNESS OF MODERN PRIMOGENITORS (GRANDMOTHERS): PSYCHOLOGICAL ASPECT

Galina N. Kriger^{1,*}

¹ Belovo Institute (branch) Kemerovo State University, 41, Sovetskaya street, Belovo, Russia
*kgn10@yandex.ru

Received 01.02.2016.

Accepted 01.06.2016.

Keywords: consciousness, grandmother, family, structure, level of subjective feelings.

Abstract: The women who are carrying out the role of grandmothers were under study for the aim of their self-consciousness. The results of this research are presented in this article. The emphasis is placed on the self-image of today's grandmothers, identification of the feelings of subjective wellbeing prevailing at them and in allocation of the place of grandchildren in the structure of their consciousness. The article describes the results of empirical research which was aimed at studying the satisfaction with the "grandmother" role occupied in a family by women. There is also a description of self-assessment and structural characteristics of grandmothers' self-consciousness. It was found that the image of today's grandmothers had changed and demonstrates satisfaction with themselves, their present life, their position in the family caused by the birth of grandchildren.

For citation: Kriger G. N. Samosoznanie sovremennykh praroditelei (babushek): psikhologicheskii aspekt [Self-consciousness of modern primogenitors (grandmothers): psychological aspect]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 162 – 165. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-162-165.

References

1. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press, 1996, 375.
2. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Homo Postmodernus. Psikhologicheskie i psikhicheskie narusheniia v postmodernistskom mire* [Homo Postmodernus. Psychological and psychiatric disorders in the postmodern world]. Novosibirsk: Izd. NGPU, 2009, 248.
3. Kriger G. N. *Samosoznanie teleutskogo etnosa: kul'turno-istoricheskie determinanty i strukturno-soderzhatel'nye kharakteristiki* [Self-awareness Teleut ethnic group: the cultural and historical determinants and the structural and substantive characteristics]. Kemerovo: KemGU, 2010, 126.
4. Kriger G. N. *Ritual kak sposob razvitiia detei doskol'nogo vozrasta: regional'nyi aspekt* [Ritual as a means of early childhood development: a regional perspective]. Kemerovo: Izd-vo KRIPIKIPRO, 2014, 100.
5. Postnikova M. I. *Psikhologiya otnoshenii mezhdu pokoleniiami v sovremennoi Rossii*. Avtoref. diss. doktora psikh. nauk [Psychology of relations between the generations in modern Russia. Dr. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2011, 53.
6. Siliaeva E. G. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii s osnovami semeinogo konsul'tirovaniia* [Psychology of family relations with the basics of family counseling]. Moscow: Akademiia, 2002, 192.
7. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* [The self-consciousness of the individual]. Moscow: MGU, 1983, 286.
8. Khukhlaeva O. V. *Psikhologiya razvitiia: molodost', zrelost', starost'* [Developmental Psychology: youth, maturity, old age]. Moscow: Akademiia, 2002, 208.
9. Kh'ell L., Zigler D. *Teorii lichnosti* [Theories of Personality]. Saint-Petersburg, 1997, 608.
10. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Saint-Petersburg: Rech', 2000, 415.

УДК 159.9

ЗНАНИЕ БЕЗ ОСОЗНАНИЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМПЛИЦИТНОГО НАУЧЕНИЯ

Алена П. Крюкова¹, @ *

¹ Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королёва, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34
@ kryukova.1991@bk.ru

Поступила в редакцию 29.04.2016.
Принята к печати 06.06.2016.

Ключевые слова: имплицитное знание, имплицитное научение, сознание, когнитивное бессознательное.

* Статья подготовлена в рамках выполнения исследовательских проектов, поддержанных РФФИ (грант № 16-06-00110) и РГНФ (грант № 16-16-63002).

Аннотация: В статье представлен обзор исследований по проблеме имплицитного научения. Данный феномен определяют как знание, которое во многом не осознается и довольно сложно вербализуется, но существенно влияет на познавательную деятельность. Целью настоящего анализа научно-психологической литературы, посвященной имплицитному научению, является описание эффектов, поиск подходящего метода изучения. В результате исследования обнаружено противоречие в имеющемся экспериментальном материале, отсутствие общепризнанного научного объяснения феномена. Можно сделать вывод, что необходима более подходящая теория, чтобы разработать методы и объяснить данные. Намечен путь проведения дальнейших исследований: понимать имплицитное научение как единый процесс взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого.

Для цитирования: Крюкова А. П. Знание без осознания: опыт исследований имплицитного научения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 166 – 170. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-166-170.

Под имплицитным научением традиционно понимают неосознаваемый процесс познания, то есть способность использовать информацию в когнитивной деятельности без осознанного знания о наличии этой информации или в чем она состоит. Проблематика имплицитного научения предполагает выделение некоторых аспектов этой способности: знание «как», знание «почему» [4; 5; 22]. В литературе указывают, что имплицитное научение проявляется, прежде всего, когда происходит оперирование довольно сложной организацией стимулов (например, усвоение правил родного языка, управление автомобилем, формирование экспертного знания) [6; 14; 15].

Следует отметить, что изучение данного когнитивного феномена – это только одна линия исследования бессознательной работы психики [1; 10]. В этом проблемном поле можно назвать, например, изучение подпорогового восприятия, прайминг-эффектов, автоматизмов, установок [8].

Направление исследований получило развитие в 1967 г., когда А. Ребер предложил сам термин «имплицитное научение» и экспериментальный прием – «научение искусственным грамматикам». Согласно теории А. Ребера, неосознаваемые механизмы, лежащие в основе имплицитного научения, являются чувствительными к абстрактной информации, что в данном случае означает структуру материала. Исследователь подтверждал это тем, что усвоение естественного языка во многом имплицитно. Таким образом, Ребер стремился с помощью своего метода, во-первых, экспериментально воспроизвести условия для протекания неосознаваемых процессов, во-вторых, его метод был направлен на изучение способности имплицитного понимания абстрактных правил (пра-

вил искусственной грамматики). Во время эксперимента предъявлялись наборы букв, составленные по правилам искусственной грамматики, имеющей конечное число состояний. Испытуемых просили запомнить эти строки (например, MVNTX). После сообщалось о соответствии стимульных последовательностей неким правилам. На следующем этапе эксперимента испытуемые определяли, какие из новых строк созданы по грамматическому правилу, а какие ему не отвечают. Результаты показали, что испытуемые выше случайного угадывания правильно классифицировали, не имея при этом способности верно рассказать правила. А. Ребер объясняет полученные данные тем, что «филогенетически более ранние» бессознательные процессы перерабатывают информацию независимо от осознаваемых. Поэтому предполагается, что человек не может контролировать проявление имплицитных знаний и вербализовать их [22; 23].

Дальнейшее применение экспериментальной техники «научения искусственным грамматикам» обнаружило факты, противоречащие гипотезам Ребера. Критики утверждали, что успешное выполнение тестового задания может быть связано с запоминанием буквенных биграмм и триграмм обучающих последовательностей. Так, Д. Дюлейни предлагал испытуемым подчеркивать «грамматические», по их мнению, части тестовых строк и зачеркивать «аграмматические». Оказалось, что большинство испытуемых смогли правильно определить фрагменты. Однако А. Ребер с коллегами указали, что такая процедура отражает имплицитное научение, так как содержит свойственное ему узнавание, а не экспликацию [21].

Вместе с тем результаты Д. Дюлейни сочетаются с данными, полученными П. Перруше и Ш. Пакто. В эксперименте испытуемые первой группы проходили стандартную процедуру с искусственными грамматиками. Обучающий этап второй группы включал запоминание серии грамматических биграмм вместо строчек. Сравнение результатов показало, что испытуемые в этих двух условиях одинаково правильно классифицировали строчки. В другом случае во время тестового этапа часть аграмматических последовательностей была составлена путем расположения грамматических биграмм на неправильных местах. По сообщению исследователей, участники выбирали в качестве соответствующих правилу и эти аграмматические строчки [20].

Схожим образом трактуется эффект переноса. Он был зафиксирован, когда А. Ребер проверял предположение, что синтетическая грамматика имеет абстрактное свойство, то есть не зависит от определенных стимулов. По своему дизайну эксперимент построен так, что строки обучающего и тестового этапов продуцированы при помощи одного и того же правила, но с использованием разных букв. Обнаружено, что испытуемые могут выполнять классификацию строк с новыми буквами, свидетельствуя об имплицитном научении абстрактной информации. В последующих экспериментах с различным стимульным материалом эффект неосознаваемого переноса структуры правила повторился. Противники же заявляют, что эти результаты говорят лишь о внимании испытуемых к внешнему виду последовательностей, количеству одинаковых знаков [21; 22].

В 1984 г. Д. Берри и Д. Бродбент описали другой метод исследования имплицитного научения – «управление динамическими системами». Авторы разработали компьютерную модель, при помощи которой испытуемые должны были имплицитно научиться управлять интерактивной системой. Она состоит из двух видов переменных: на входе в систему – переменные, которые испытуемый может комбинировать, изменять их значения; на выходе из системы – переменные, изменяющиеся в соответствии с заложенной экспериментатором достаточно сложной формулой, не раскрываемой испытуемому. По ней программа, подставляя полученные от испытуемого значения «входных» переменных, высчитывает результат и сообщает его. Задача испытуемого: научиться контролировать уровень переменных системы «на входе» так, чтобы получать и удерживать определенный уровень переменных «на выходе». Например, в системе «сахарная фабрика» входными переменными являются число работников, продолжительность рабочего дня, а результатом – количество произведенного сахара. Часто испытуемые не могли объяснить свою стратегию и указывали, что не поняли принцип функционирования системы, хотя развили довольно хорошее умение управления ею. Но уже в 1989 г. было проведено исследование, которое опровергло такие результаты. Испытуемых попросили рассказать другим участникам, как эффективно выполнить задание. Применяя составленные правила, вторая группа смогла сразу управлять системой немногим хуже, чем первые испытуемые [11].

Порой считавшиеся не вполне соответствующими методики не только вызвали нарекания по отношению к себе, но и ставили под сомнение само существование

имплицитного познания. Поэтому поиск более подходящих процедур продолжался.

Следуя общей специфике экспериментов по имплицитному научению, в 1987 г. был введен метод «выучивания последовательностей». Процедура заключается в том, что на экране монитора, подчиняясь неявной закономерности, появляются стимулы (например, поочередно загораются сектора экрана). Испытуемые не знают про правило, определяющее место возникновения сигнала. Им нужно как можно быстрее реагировать на появление целевого стимула, нажимая соответствующую клавишу. Имплицитное научение выявляют по уменьшению времени реакции, увеличению правильных ответов, а также по отсутствию способности сформулировать, при помощи чего выполнено задание. Изменение в течение эксперимента закономерности приводит к замедлению реакции и уменьшению количества верных ответов. Близок к данному метод П. Левицки по перцептивному научению. Эти техники получили, пожалуй, меньше всего критики [15].

Один из новых методов предложили Г. Нейл и Ф. Хигхем в 2012 г. – «наборы соединенных правил». Способ создания стимульного материала представляет собой соединение в слове двух категорий (например, категориям «распространенное слово» и «глагол» соответствуют слова «идти», «смотреть», «говорить»). В эксперименте испытуемым предъявили для чтения обучающий список, состоящий из слов, относящихся к категориям «распространенные конкретные слова» или «редкие абстрактные». После испытуемым говорили о том, что слова подобраны по некому правилу. Правило не сообщалось. В тестовом списке были слова как отвечающие правилу, так и составленные по несоответствующим категориям («редкие конкретные»). Испытуемые классифицировали слова по соответствию правилу. Оказалось, что участники успешно справляются с заданием, не обнаруживая правило, что, однако, пока не имеет проверки [19].

Важной теоретической проблемой является соотношение эксплицитное-имплицитное в познавательной деятельности. Многие ученые, кому принадлежат ранние исследования имплицитных феноменов, считали независимыми осознаваемые и неосознаваемые процессы [7; 18; 23; 24]. Понимая отдельным имплицитное научение, противопоставляя его эксплицитному, признавалось их совместное присутствие. Л. Джакоби ввел процедуру диссоциации процессов для того, чтобы отдельно оценить степень влияния каждого из них на ход решения когнитивных задач. То есть экспериментальные процедуры должны включать как «прямые» методы для изучения осознанной переработки информации, так и «косвенные» задания, изучающие неосознаваемую работу с ней [17].

В случае исследований имплицитного научения для измерения осознанности, применяют так называемые субъективные методы. Прежде всего, меру осознанности определяют в постэкспериментальных отчетах испытуемых. Несмотря на весьма частое использование этого способа, критики подвергают сомнению его надежность, приводя следующие аргументы: ко времени проведения интервью испытуемые могут забыть некоторые детали своей стратегии; испытуемым может быть лишь трудно сформулировать правила, но они их понимают и применили. Чтобы повысить точность выявления соотношения эксплицитное/имплицитное в знании при экспериментах

по имплицитному научению, совершенствуется метод вербальных отчетов и разрабатываются другие подходы. Например, в исследованиях с использованием искусственных грамматик применяется техника генерации участниками строчек, отвечающих грамматическому правилу, и строчек, не соответствующих ему. Здесь критерием того, что научение является имплицитным, выступает отсутствие верно составленных последовательностей. Также результаты генерации дают материал для анализа того, на что обращают внимание испытуемые при классификации, что принимают за правила [14]. Предлагаются методы, замысел авторов которых состоит в том, что уровень уверенности говорит о степени осознанности. Испытуемых просят после каждого ответа указывать, насколько они уверены в своем решении. Если наблюдается положительная корреляция между точностью ответов и уверенностью в них, то человек осознает правила. Когда правильные ответы оцениваются как угадывание, то человек действует под влиянием знания, находящегося ниже субъективного порога понимания, то есть научение является имплицитным [15]. В научной литературе описан и такой субъективный метод, как «ставки на собственный ответ». В этом случае испытуемым нужно после каждого ответа делать ставку на его правильность. Чем больше будет в результате «выигрыш», тем более выражено у испытуемого эксплицитное знание [6]. Проведенное сравнение субъективных методов выявило, что лучше измеряется осознанность, если испытуемые указывают вместе с обнаруженными правилами также и уровень уверенности в ответе. При этом одним из худших методов являются «ставки на собственный ответ», так как испытуемые обучаются меньше рисковать, больше выигрывать, а не указывают истинное состояние [25].

Главным эмпирическим маркером собственно имплицитного научения называют сочетание двух эффектов: повышение эффективности решения при невозможности дать вербальный отчет о сформированном знании. Также зафиксировали «косвенные» эмпирические индикаторы имплицитного научения, такие как эмоциональные и соматические изменения: чувство умения, знакомости, приятность, ощущение теплоты, беглого просмотра [12; 21]. Очень информативно время реакции. Например, провели исследование, где по количеству верных

ответов научения не наблюдалось. Однако время неправильных решений значительно превышало время правильных, что обнаружило скрытый феномен [3].

Экспериментальные данные говорят, что осознаваемые и неосознаваемые процессы не изолированы друг от друга. Установлено влияние эксплицитных процессов на имплицитное научение, хотя, в частности, не ясна роль осознанного контроля. Так, эксперименты с искусственными грамматиками привели к противоположным результатам, когда испытуемых информировали перед обучающим этапом о наличии правил: в одном случае целенаправленный поиск правил уменьшил число верных решений [5]; в другом – увеличилось количество правильных ответов и возросла уверенность в них [13]. Существуют феномены, которые ярко свидетельствуют о взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого. Н. В. Морощкина и И. И. Иванчей сообщают, что противоречие в имплицитных знаниях влечет за собой избрание эксплицитной информации при принятии решения [5]. Исследовательский коллектив под руководством А. Ю. Агафонова обнаружил различные эффекты в условиях действия эксплицитной переменной (обратная связь) на имплицитную когнитивную активность (см. обзор исследований [2]). Зафиксированы некоторые положительные результаты социального влияния (работа в парах) на имплицитное научение [9].

Таким образом, проведенный обзор по проблеме имплицитного научения показывает, что, несмотря на огромный экспериментальный материал, собранный за столетия, по сей день не существует общепризнанного в психологической научной среде объяснения этого феномена. Возможный путь разрешения противоречий предполагается в признании неоднородности имплицитного научения. Хотя в современных теоретических подходах, так или иначе, прослеживается понимание, что имплицитное научение – это не полностью латентный процесс, в нем присутствуют и осознаваемые элементы [4; 14; 16]. Но преобладает представление, что эти типы знания являются отдельными и независимыми друг от друга. Здесь же предлагается, на основании теории А. Ю. Агафонова [1], понимать имплицитное научение как единый процесс взаимодействия и взаимовлияния осознаваемой и неосознаваемой информации.

Литература

1. Агафонов А. Ю. Бессознательные обертоны осознания // По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общ. ред. А. Ю. Агафонова. Самара: Бахрах-М, 2012. С. 6 – 53.
2. Агафонов А. Ю., Бурмистров С. Н., Козлов Д. Д., Шилов Ю. Е. Исследования влияния обратной связи на эффективность научения и когнитивной деятельности (обзор экспериментальных результатов) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 1(2). С. 293 – 296.
3. Агафонов А. Ю., Крюкова А. П., Бурмистров С. Н. Имплицитное научение искусственным грамматикам: установка vs обратная связь // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 1(3). С. 620 – 625.
4. Иванчей И. И. Теории имплицитного научения: противоречивые подходы к одному феномену или непротиворечивые описания разных? // Российский журнал когнитивной науки. 2014. Т. 1(4). С. 4 – 30.
5. Иванчей И. И., Морощкина Н. В. Взаимодействие имплицитных и эксплицитных знаний при научении искусственным грамматикам // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 2 – 17.
6. Иванчей И. И., Морощкина Н. В. Измерение осознанности. Старая проблема на новый лад // Когнитивная психология сознания / под ред. В. М. Аллахвердова и О. В. Защириной. СПб.: ЛЕМА, 2011. С. 39 – 53.
7. Пономарёв Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 304 с.
8. По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / под общ. ред. А. Ю. Агафонова. Самара: Бахрах-М, 2012. 192 с.

9. Тихонов Р. В., Морошкина Н. В. Влияние диадного взаимодействия на применение имплицитных знаний // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции 16 июня 2015 г. / под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: Буки Веди, ИППКиП. 2015. С. 428 – 433.
10. Шилов Ю. Е. Когнитивные аспекты изучения бессознательного в современной психологии // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 1(4). С. 907 – 912.
11. Berry D. C., Broadbent D. E. Implicit learning in the control of complex systems // Complex problem solving: The European perspective. Ed. P. A. Frensch, J. Funke. 1995.
12. Bierman D., Destrebecqz A., Cleeremans A. Intuitive decision making in complex situations: somatic markers in an artificial grammar learning task // Cognitive, affective and behavioral neuroscience. 2005. 5(3). P. 297 – 305.
13. Chan C. Implicit cognitive processes: theoretical issues and applications in computer design systems // Unpublished doctoral dissertation. Oxford: University of Oxford, 1992.
14. Cleeremans A. Conscious and unconscious processes in cognition // In International encyclopedia of the social and behavioral sciences. 2001. Vol. 4. P. 2584 – 2589.
15. Dienes Z., Berry D. Implicit learning: below the subjective threshold // Psychonomic bulletin & review. 1997. 4(1). P. 3 – 23.
16. Dienes Z., Scott R. Measuring unconscious knowledge: Distinguishing structural knowledge and judgment knowledge // Psychological Research. 2005. Vol. 69. № 5 – 6. P. 338 – 351.
17. Jacoby L. L., Lindsay D. S., Toth J. P. Unconscious influences revealed. Attention, awareness and control // American Psychologist. 1992. № 47(6). P. 802 – 809.
18. Lewicki P., Hill T., Sasaki I. Self-perpetuating development of encoding biases // Journal of Experimental Psychology: General. 1989. P. 323 – 337.
19. Neil G. J., Higham P. A. Implicit learning of conjunctive rule sets: an alternative to artificial grammars // Consciousness and Cognition. 2012. 21. P. 1393 – 1400.
20. Perruchet P., Vinter A. The Self-Organizing consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 2002. Vol. 25. № 3. P. 297 – 388.
21. Pothos E. M. Theories of artificial grammar learning // Psychological Bulletin. 2007. № 133. P. 227 – 244.
22. Reber A. S. Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious. N. Y.: Oxford University Press, 1993.
23. Reber A. S. Implicit learning of artificial grammars // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1967. 6(6). P. 855 – 863.
24. Schacter D. Implicit memory: history and current status // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1987. Vol. 13. № 3. P. 501 – 518.
25. Wierchon M., Asanowicz D., Cleeremans A. Subjective measures of consciousness in artificial grammar learning task // Consciousness and Cognition. 2012. 21. P. 1141 – 1153.

KNOWLEDGE WITHOUT CONSCIOUSNESS: RESEARCHES OF IMPLICIT LEARNING

Alyona P. Kryukova^{1, @, *}

¹ Samara State Aerospace University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, Russia, 443086
 @ kryukova.1991@bk.ru

Received 29.04.2016

Accepted 06.06.2016

Keywords: implicit knowledge, implicit learning, consciousness, cognitive unconsciousness.

** The article was written in the framework of the research projects supported by the Russian Foundation for Basic Research (№ 16-06-00110) and the Russian Humanitarian Science Foundation (№ 16-16-63002).*

Abstract: The article presents a review of researches of implicit learning. This phenomenon is defined as knowledge which is mostly unconscious and difficultly verbalized but has a significant impact on cognitive activity. The aim of current analysis of scientific literature is the description of effects, the search of relevant study method. The results have shown both inconsistencies in experimental materials and lack of the conventional scientific explanation for implicit learning. The conclusion is that more relevant theory is necessary to create methods and to explain the data. The following way of study has been proposed: implicit learning should be understood as an indivisible process of an interaction between the conscious and the unconscious.

For citation: Kryukova A. P. Znanie bez osoznaniia: opyt issledovaniia implitsitnogo naucheniia [Knowledge without consciousness: researches of implicit learning]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 166 – 170. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-166-170.

References

1. Agafonov A. Iu. Bessoznatel'nye obertony osoznaniia [Unconsciousness obertons of consciousness]. *Po obe storony soznaniia. Eksperimental'nye issledovaniia po kognitivnoi psikhologii* [At both sides of consciousness. Experimental researches of cognitive psychology]. Ed. Agafonov A. Iu. Samara: Bakhrakh-M, 2012, 6 – 53.
2. Agafonov A. Iu., Burmistrov S. N., Kozlov D. D., Shilov Iu. E. Issledovanie vliianiia obratnoi sviazi na effektivnost' naucheniia i kognitivnoi deiatel'nosti (obzor eksperimental'nykh rezul'tatov) [Researches of feedback effects on learning Efficacy and cognitive activity (review of experimental results)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = News of Samara scientific centre RAS*, 17, no. 1(2) (2015): 293 – 296.
3. Agafonov A. Iu., Kriukova A. P., Burmistrov S. N. Implitsitnoe nauchenie iskusstvennym grammaticheskimi: ustanovka vs obratnaia sviaz' [Implicit learning of artificial grammars: cognitive set vs feedback]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = The News of Samara scientific centre RAS*, 17, no. 1(3) (2015): 620 – 625.
4. Ivanchey I. I. Teorii implitsitnogo naucheniia: protivorechivye podkhody k odnomu fenomenu ili neprotivorechivye opisanii raznykh? [Theories of implicit learning: contradictory approaches to the same phenomenon or consistent descriptions of different types of learning?]. *Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki = The Russian journal of cognitive science*, 1(4), (2014): 4 – 30.
5. Ivanchey I. I., Moroshkina N. V. Vzaimodeistvie implitsitnykh i eksplitsitnykh znanii pri nauchanii iskusstvennym grammatikam [Interaction of implicit and explicit knowledge by learning of artificial grammars]. *Psikhologicheskie issledovaniia = Psychological researches*, 6, no. 32 (2013): 2 – 17.
6. Ivanchey I. I., Moroshkina N. V. Izmerenie osoznannosti. Stapaia problema na novyi lad [Measure of consciousness]. *Kognitivnaia psikhologiya soznaniia* [Cognitive psychology of consciousness]. Ed. Allakhverdov V. M., Zashchirinskaia O. V. Saint-Petersburg: LEMA, 2011, 39 – 53.
7. Ponomarev Ia. A. *Psikhologiya tvorchestva* [Psychology of creativity]. Moscow: Nauka, 1976, 304.
8. *Po obe storony soznaniia. Eksperimental'nye issledovaniia po kognitivnoi psikhologii* [At both sides of consciousness. Experimental researches of cognitive psychology]. Ed. Agafonov A. Iu. Samara: Bakhrakh-M, 2012, 192.
9. Tikhonov R. V., Moroshkina N. V. Vliianie diadnogo vzaimodeistviia na primenenie implitsitnykh znanii [The effect of dyadic interaction on the use of implicit knowledge]. *Kognitivnaia nauka v Moskve: novie issledovaniia: Materialy konferentsii 16 iunia 2015 g. Moskva* [Cognitive science in Moscow: new researches: Proc. conf. (16 June 2015)]. Ed. Pechebkova E. V., Falikman M. V. Moscow: OOO "Buki Vedi", IPPiP, 2015, 428 – 433.
10. Shilov Iu. E. Kognitivnye aspekty izucheniia bessoznatel'nogo v sovremennoi psikhologii [Cognitive aspects in researches of unconsciousness in contemporary psychology]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN = News of Samara scientific centre RAS*, 17, no. 1(4) (2015): 907 – 912.
11. Berry D. C., Broadbent D. E. Implicit learning in the control of complex systems. *Complex problem solving: The European perspective*. Ed. P. A. Frensch, J. Funke. 1995.
12. Bierman D., Destrebecqz A., Cleeremans A. Intuitive decision making in complex situations: somatic markers in an artificial grammar learning task. *Cognitive, affective and behavioral neuroscience*, no. 5(3) (2005): 297 – 305.
13. Chan C. Implicit cognitive processes: theoretical issues and applications in computer design systems. *Unpublished doctoral dissertation*. Oxford: University of Oxford, 1992.
14. Cleeremans A. Conscious and unconscious processes in cognition. *In International encyclopedia of the social and behavioral sciences*, vol. 4 (2001): 2584 – 2589.
15. Dienes Z., Berry D. Implicit learning: below the subjective threshold. *Psychonomic bulletin & review*, no. 4(1) (1997): 3 – 23.
16. Dienes Z., Scott R. Measuring unconscious knowledge: Distinguishing structural knowledge and judgment knowledge. *Psychological Research*, 69, no. 5-6 (2005): 338 – 351.
17. Jacoby L. L., Lindsay D. S., Toth J. P. Unconscious influences revealed. Attention, awareness and control. *American Psychologist*, no. 47(6) (1992): 802 – 809.
18. Lewicki P., Hill T., Sasaki I. Self-perpetuating development of encoding biases. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1989, 323 – 337.
19. Neil G. J., Higham P. A. Implicit learning of conjunctive rule sets: an alternative to artificial grammars. *Consciousness and Cognition*, no. 21 (2012): 1393 – 1400.
20. Perruchet P., Vinter A. The Self-Organizing consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*, 25, no. 3 (2002): 297 – 388.
21. Pothos E. M. Theories of artificial grammar learning. *Psychological Bulletin*, no. 133 (2007): 227 – 244.
22. Reber A. S. *Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious*. N.Y.: Oxford University Press, 1993.
23. Reber A. S. Implicit learning of artificial grammars. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, no. 6(6) (1967): 855 – 863.
24. Schacter D. Implicit memory: history and current status. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 13, no. 3 (1987): 501 – 518.
25. Wierzbichon M., Asanowicz D., Cleeremans A. Subjective measures of consciousness in artificial grammar learning task. *Consciousness and Cognition*, no. 21 (2012): 1141 – 1153.

УДК 316.6-057.87-054.6

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Елена Д. Максимчук^{1, @}

¹ Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
[@] Len4ik101@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.03.2016.
Принята к печати 17.05.2016.

Ключевые слова: межкультурная адаптация, социально-психологическое сопровождение, культурный шок, этническая толерантность, этническая идентичность, культурная дистанция, субъективное благополучие, тревожность.

Аннотация: В статье представлены результаты статистического анализа эмпирических данных, полученных по итогам реализации авторской программы социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов. Среди основных направлений программы выделяются: развитие социальных и бытовых навыков, преодоление негативных явлений, развитие социально-психологических особенностей личности иностранного студента. Статистический анализ выявил значимые изменения в социально-психологических особенностях межкультурной адаптации иностранных студентов по итогам применения программы сопровождения: ситуативная тревожность, субъективное благополучие, культурная дистанция, этническая толерантность, культурный шок, аффективный компонент этнической идентичности, адаптивность, интерактивность, депрессивность, отчужденность.

Для цитирования: Максимчук Е. Д. Применение программы социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 171 – 175. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-171-175.

Проблема

Современная система высшего образования идет по пути усиления тенденции к международному сотрудничеству и интернационализации образования. По данным статистики на 2015 – 2016 учебный год в России обучается 157,5 тыс. иностранных студентов (очная форма обучения). Уже к 2025 г. число желающих получить высшее профессиональное образование в нашей стране будет составлять 264,6 тыс. человек, а в 2030 г. – 354 тыс. человек [9]. Однако, как отмечает С. С. Захарченко, чтобы составить достойную конкуренцию другим странам по предоставлению образовательных услуг, Россия должна принять соответствующие меры по совершенствованию системы подготовки иностранных граждан [2]. Одним из направлений укрепления позиций нашей страны в мировом образовательном пространстве является создание поликультурного образовательного пространства, способствующего процессу межкультурной адаптации визитеров.

Процесс межкультурной адаптации иностранных студентов в новой социокультурной среде является достаточно сложным. Получение профессионального образования проходит в абсолютно новых условиях, среди которых можно отметить такие как незнакомая культура страны пребывания, сложный язык коммуникации, отсутствие близких и родных людей рядом, специфические особенности партнеров по общению, суровые погодные условия, новые методы обучения и т. д. Помимо вышеназванных, иностранные студенты испытывают трудности, с которым и сталкивается каждый студент вне зависимости от страны обучения и национальной принадлежности (бытовые, материальные, учебные). В большинстве случаев получение профессионального образования ино-

странными гражданами в другой стране сопровождается невротическими и психосоматическими расстройствами, отклоняющимся поведением, ностальгией и другими проблемами (так называемым «культурным шоком») [3]. Это, в свою очередь, может привести к невозможности полноценного процесса межкультурной адаптации, и как следствие прекращению получения образования в нашей стране.

Анализ межкультурной адаптации иностранных студентов показал наличие у них следующих социально-психологических особенностей: несформированность навыков социально-бытового обеспечения себя в новых социокультурных условиях, навыков планирования и организации своей деятельности; культурная дистанция с представителями принимающей стороны; недостаточный уровень развития межкультурной компетентности; ограниченность контактов с широкой социальной средой; средний уровень выраженности удовлетворенности повседневной деятельностью; сформированность устойчивого отношения к будущей профессии; устойчивый интерес к предметной области и желание полностью овладеть языком специальности; повышенный уровень тревожности; наличие выраженных симптомов культурного шока; удовлетворительное состояние субъективного благополучия, сопровождающееся состоянием напряженности, признаками, сопровождающими психоэмоциональную симптоматику; повышенный уровень этнической идентичности.

По результатам эмпирического исследования и теоретического анализа зарубежной и отечественной литературы нами была выдвинута гипотеза о том, что адаптационный процесс иностранных студентов к новой социокультурной среде будет успешнее при организации соци-

ально-психологического сопровождения, в котором будет реализован учет выделенных социально-психологических особенностей иностранных студентов.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в 2014 – 2015 учебном году. В нем участвовали 40 студентов лечебного факультета Курского государственного медицинского университета (20 человек – экспериментальная группа, 20 человек – контрольная группа). Среди участников эксперимента были представители Азии, Америки, Африки в каждой группе.

Для оказания помощи иностранным студентам в процессе межкультурной адаптации была разработана авторская программа социально-психологического сопровождения, в основу которой взяты гуманистический, личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Программа включает в себя такие направления, как развитие социальных и бытовых навыков, развитие социально-психологических особенностей, преодоление негативных явлений и, как следствие, формирование и развитие межкультурной компетентности иностранных студентов.

В качестве средства получения эмпирических данных использовался комплекс методик: Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова) [1]; Методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности личности [7]; Шкала субъективной культурной дистанции (шкала Богардуса, вариант Л. Г. Почебут) [6]; Методическая разработка анализа уровня выраженности культурного шока (И. А. Мнацаканян) [3]; Авторский опросник И. А. Шолохова [10]; Методика диагностики самооценки Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина (оценка ситуационной и личностной тревожности) [5]; Шкала субъективного благополучия (М. В. Соколова) [8]; Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л. В. Янковского) [4].

Результаты исследования

По всем изучаемым особенностям иностранных студентов статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группой выявлено не было (претест), что послужило основанием для проведения программы социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов в экспериментальной группе. Эмпирическое исследование социально-психологических особенностей межкультурной адаптации иностранных студентов на формирующем этапе позволило установить следующее.

По результатам диагностики тревожности по Ч. Д. Спилбергеру, Ю. Л. Ханину было установлено, что на этапе постэкспериментального тестирования в экспериментальной группе уровень личностной тревожности снизился на 0,2 балла, уровень ситуативной тревожности снизился на 3,35 баллов. Количество студентов экспериментальной группы с высоким уровнем тревожности уменьшилось на 15 %. По шкале личностной тревожности изменения незначительны (увеличение на 5 %), по шкале ситуативной тревожности также произошел сдвиг в сторону уменьшения показателя на 35 %.

Уровень субъективного благополучия (общий показатель) при первичном тестировании составил: в контрольной группе 61,15 баллов, в экспериментальной

группе 61,4 балла; при повторном тестировании: 62,55 балла – в контрольной группе, 56,95 – в экспериментальной группе соответственно. По итогам пост-теста в экспериментальной группе наблюдается снижение процента испытуемых с высоким уровнем по следующим шкалам: «Напряженность и чувствительность» (10 %), «Признаки, сопровождающие психоэмоциональную симптоматику» (20 %), «Степень удовлетворенности повседневной жизнью» (5 %).

Средняя величина культурной дистанции в контрольной и экспериментальной группах (претест) составляет 3,85 баллов и 3,81 балл соответственно. По итогам посттеста величина культурной дистанции с представителями принимающей стороны в экспериментальной группе уменьшилась на 0,6 балла, в контрольной увеличилась на 0,12 баллов. Также следует отметить, что посттест в экспериментальной группе показал снижение количества выборов испытуемых таких утверждений, как «предпочел бы не видеть россиян в своей стране» – 5 %, «согласен воспринимать как граждан моей страны» – 7,6 %, а также увеличение выборов на утверждения «принятие как близких родственников посредством брака» – 2,4 %, «принятие как личных друзей» – 3,5 %, «принятие как соседей, проживающих на моей улице» – 3,5 %, «принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я» – 2,3 %.

Изучение особенностей проявления толерантных установок иностранных студентов (Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова) выявило преобладание в контрольной группе по итогам претеста и посттеста шкалы «толерантность как черта личности» (27,35 баллов и 27,75 баллов соответственно). В экспериментальной группе по итогам претеста наибольший показатель также был выявлен по шкале «толерантность как черта личности» (27,55 баллов), по итогам посттеста доминирующей выявлена этническая толерантность – 28,45 баллов.

В результате изучения уровня выраженности культурного шока (претест) было установлено, что среднegrupповой показатель в контрольной группе по изучаемому параметру составил 4,245 баллов, в экспериментальной – 4,215 баллов. По итогам социально-психологического сопровождения посттест выявил снижение выраженности высоких показателей культурного шока в экспериментальной группе на 15 %, увеличение показателей слабой выраженности на 5 % и средней выраженности на 10 %. В контрольной группе также произошло снижение высокой выраженности культурного шока (10 %), увеличение средней выраженности на 15 %.

По итогам выявления уровня межкультурной адаптации с помощью авторского опросника И. А. Шолохова установлено, что по шкале межкультурной адаптации (посттест) наблюдается увеличение количества испытуемых с высоким уровнем на 5 % и уменьшение количества испытуемых с низким уровнем межкультурной адаптации на 5 %. По шкале «проблемы в межкультурной адаптации» также установлено уменьшение количества испытуемых с высоким уровнем на 10 %. Среднegrupповой показатель в экспериментальной группе по шкале «межкультурная адаптация» по итогам посттеста увеличился на 1,55 балла, по шкале «проблемы в межкультурной адаптации» уменьшился на 1,2 балла.

Уровень этнической идентичности (претест) у иностранных студентов является высоким как в контрольной, так и экспериментальной группах (25,4 балла и 24,2 балла соответственно). В процентном соотношении преобладающим уровнем этнической идентичности является «очень высокий» – гиперидентичность (60 % испытуемых в контрольной группе и 50 % – в экспериментальной). По итогам применения программы социально-психологического сопровождения в экспериментальной группе наблюдается снижение количества испытуемых с гиперидентичностью на 25 %, увеличение количества иностранных студентов с высоким уровнем идентичности на 30 %. Также следует отметить, что по итогам постэкспериментального тестирования в экспериментальной группе отмечается значительное снижение уровня аффективного компонента этнической идентичности на 2,05 балла.

По итогам применения теста Л. В. Янковского в экспериментальной и контрольной группе выявлен средний уровень выраженности по каждой из шкал. Наименьшая выраженность по итогам первичного тестирования как в экспериментальной, так и контрольной группе обнаружена по шкале «депрессивность» (7,35 баллов и 6,95 баллов соответственно), наивысшая – по шкале «интерактивность» (9,25 баллов и 9,4 баллов соответственно). По итогам применения программы было установлено, что: испытуемых с высокими показателями по шкалам «отчужденность» и «депрессивность» нет (показатель сни-

зился на 15 % и 10 % соответственно); по шкале «интерактивность» не выявлено испытуемых с низким уровнем; по шкале адаптивность количество испытуемых с низким уровнем снизилось на 20 %. По итогам постэкспериментального тестирования отмечается увеличение количества испытуемых, с адаптивным (на 10 %) и интерактивным (на 10 %) стилями межкультурной адаптации в экспериментальной группе. В контрольной группе, напротив, количество испытуемых с интерактивным стилем адаптации значительно снижается (на 15 %). Интересным представляется тот факт, что адаптивный стиль присутствует у всех испытуемых, у которых выявлен смешанный тип адаптации по итогам посттеста в экспериментальной группе.

Результаты статистического анализа социально-психологических особенностей межкультурной адаптации иностранных студентов без программы сопровождения (контрольная группа) и с использованием программы сопровождения в экспериментальной группе представлены ниже. С целью получения более точных результатов исследования в статистическом анализе изучаемых показателей использовались одновременно параметрические и непараметрические критерии: T – критерий Вилкоксона, t – критерий Стьюдента (для зависимых выборок), t – критерий Стьюдента (для независимых выборок), U – критерий Манна-Уитни.

Таблица 1. Результаты статистического анализа результатов предэкспериментального и постэкспериментального исследований

Table 1. Results of the statistic analysis of the results of the pre-experimental and post-experimental researches

№	Показатель	Значение							
		КГ (претест/ посттест)		ЭГ (претест/ посттест)		КГ/ЭГ (претест)		КГ/ЭГ (посттест)	
		T	t	T	t	t	U	t	U
1	Тревожность	-0,150	0,500	-2,600*	3,046*	0,000	197,500	0,613	159,000
	Личностная тревожность	-0,505	0,777	-0,395	0,357	-0,403	173,000	-0,788	169,500
	Ситуативная тревожность	-0,182	-0,230	-2,687*	3,311*	0,426	176,000	2,154**	107,500*
2	Субъективное благополучие	-1,395	-1,210	-2,040**	2,392**	0,063	191,500	-2,121**	133,500
	Напряженность и чувствительность	-0,905	-1,065	-2,612*	3,093**	-0,33	195,500	-2,477**	116,000*
	Признаки, сопровождающие психоэмоциональную симптоматику	-1,784	-2,009	-2,648*	3,042**	-0,188	200,000	-2,753*	106,000*
	Изменения настроения	-0,575	-0,677	-0,746	0,677	0,196	195,500	-0,791	162,500
	Значимость социального окружения	-0,044	0,307	-2,654*	3,146**	0,518	177,500	-1,055	167,500
	Самооценка здоровья	-1,606	1,810	-1,074	0,984	0,295	199,500	-0,257	198,000
	Степень удовлетворенности повседневной жизнью	-0,667	-0,298	-2,317**	-2,930**	0,702	195,500	2,062**	120,500*
3	Культурная дистанция	-0,854	-0,719	-2,590*	2,856*	0,100	199,000	2,054**	116,000*

Продолжение таблицы 1

4	Толерантность	-0851	0,795	-3,012*	-3,897*	0,112	194,000	-1,850	129,000
	Толерантность как черта личности	-0,433	-0,456	-0,863	0,846	-0,118	187,500	0,626	179,000
	Этническая толерантность	-0,648	0,671	-3,452*	-5,213*	0,438	189,000	-2,122**	127,000*
	Социальная толерантность	-1,031	1,119	-1,474	-1,678	-0,236	189,000	-1,880	140,000
5	Культурный шок	-0,590	0,201	-3,236*	4,464*	0,299	187,500	2,186**	137,000
6	Межкультурная адаптация	-1,276	-1,352	-2,522**	-2,895*	0,162	190,000	-2,250**	123,000*
	Проблемы в межкультурной адаптации	-1,371	1,308	-2,157**	2,303**	-0,053	196,000	2,172**	135,500
7	Этническая идентичность	-1,145	-1,116	-0,828	0,715	0,546	179,500	1,355	133,500
	Когнитивный компонент	-0,266	0,199	-2,071**	-2,077	0,186	199,000	-1,416	152,000
	Аффективный компонент	-1,645	-1,620	-2,474**	2,954**	0,740	169,000	3,045*	87,000**
8	Адаптивность	-0,242	0,346	-2,040**	-2,304**	0,148	197,000	-2,129**	132,000
	Конформность	-0,733	-1,135	-2,234**	-2,604**	0,583	185,000	0,066	196,500
	Интерактивность	-0,058	0,326	-2,204**	-2,483**	-0,149	198,500	-2,205**	122,000*
	Депрессивность	-1,356	-1,453	-1,865	2,042	0,390	187,000	2,458**	140,000
	Ностальгия	-1,711	-1,697	-0,387	-0,411	1,222	156,000	1,905	132,500
	Отчужденность	-0,555	-0,476	-2,972*	3,842**	-0,564	184,000	2,826*	116,500*

Примечание: (*) – уровень значимости 0,01; (**) – уровень значимости 0,05; ^(a) – используются отрицательные ранги; ^(b) – используются положительные ранги.

По итогам реализации программы социально-психологического сопровождения было установлено, что в экспериментальной группе уровень межкультурной адаптации достоверно возрос. Статистически значимые изменения также были выявлены по следующим особенностям: ситуативная тревожность, субъективное благополучие (шкалы «Напряженность и чувствительность», «Признаки, сопровождающие психоэмоциональную симптоматику», «Степень удовлетворенности повседневной жизнью»), культурная дистанция, этническая толерантность, культурный шок, аффективный компонент этнической идентичности, адаптивность, интерактивность, депрессивность, отчужденность.

Выводы

Полученные количественные результаты изучения особенностей межкультурной адаптации иностранных

студентов служат основанием для вывода о подтверждении выдвинутой гипотезы. При естественном ходе процесса межкультурной адаптации достаточно сложно говорить о статистически значимых положительных его изменениях, а также положительном развитии социально-психологических особенностей межкультурной адаптации иностранных студентов. При использовании программы социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов этот процесс носит более эффективный характер. Об этом свидетельствуют установленные статистически значимые показатели по изучаемым параметрам. Разработанная программа социально-психологического сопровождения межкультурной адаптации иностранных студентов доказала свою эффективность.

Литература

1. Емельянова Е. В. Практикум по этнической психологии: учеб. пособие. Иркутск: ИГУ, 2015. 158 с.
2. Захарченко С. С. Подготовка иностранных специалистов в отечественной системе профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 22 с.
3. Мнацаканян И. А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 191 с.
4. Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
5. Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: учеб. пособие: в 2 кн. 2-е изд., перераб. и доп. Кн. 1: Система работы психолога с детьми разного возраста. М.: ВЛАДОС, 1999. 384 с.
6. Сонин В. А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. 408 с.
7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Практикум: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2013. 224 с.
8. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.

9. Шереги Ф. Э., Рыбаковский Л. Л., Арефьев А. Л., Савинков В. И. Численность учащихся и персонала образовательных учреждений Российской Федерации (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 164 с.

10. Шолохов И. А. Психологические особенности адаптации учащейся молодежи за рубежом: дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 235 с.

THE APPLICATION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF INTERCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Elena D. Maksimchuk^{1, @}

¹ Kursk State University, 33, Radishcheva street, Kursk, Russia, 305000

@ Len4ik101@yandex.ru

Received 25.03.2016.

Accepted 17.05.2016.

Keywords: intercultural adaptation, social-psychological support, culture shock, ethnic tolerance, ethnic identity, cultural distance, subjective well-being, anxiety.

Abstract: This paper presents the results of a statistical analysis of empirical facts obtained on the basis of the implementation of the author's program of social and psychological support of foreign students' intercultural adaptation. The main directions of the program are: the development of social and personal skills, the overcoming of the negative phenomena, the development of social and psychological characteristics of a foreign student's personality. Statistical analysis revealed significant changes in the social and psychological aspects of foreign students' intercultural adaptation on the basis of the application of support program: situational anxiety, subjective well-being, cultural distance, ethnic tolerance, culture shock, affective component of ethnic identity, adaptability, interactivity, depression, estrangement.

For citation: Maksimchuk E. D. Primenenie programmy sotsial'no-psikhologicheskogo soprovozhdeniia mezkul'turnoi adaptatsii inostrannykh studentov [The application of social and psychological support of intercultural adaptation of foreign students]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 171 – 175. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-171-175.

References

1. Emel'ianova E. V. *Praktikum po etnicheskoi psikhologii* [Workshop on ethnic psychology]. Irkutsk: IGU, 2015, 158.
2. Zakharchenko S. S. *Podgotovka inostrannykh spetsialistov v otechestvennoi sisteme professional'nogo obrazovaniia*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Training of foreign specialists in the national system of vocational education. Cand. Pedagog. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2007, 22.
3. Mnatsakanyan I. A. *Adaptatsiya uchashchysya v novykh sotsiokul'turnykh usloviyakh*. Diss. kand. psikh. nauk [Adaptation of pupils in new sociocultural conditions. Cand. psych. Sci. Diss.]. Yaroslavl', 2004, 191.
4. Pochebut L. G. *Kross-kul'turnaia i etnicheskaia psikhologiya* [Cross-cultural and ethnic psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2012, 336.
5. Rogov E. I. *Nastol'naya kniga prakticheskogo psikhologa. Kn. 1: Sistema raboty psikhologa s det'mi raznogo vozrasta* [Handbook of practical psychologist. Book 1: The system of work of psychologist with children of different ages]. 2nd ed. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1999, 384.
6. Sonin V. A. *Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional'noi deiatel'nosti* [Psychodiagnostic knowledge of professional activity]. Saint-Petersburg, 2004, 408.
7. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Aspekt-Press, 2013, 224.
8. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiia lichnosti i malyykh grupp* [Social and psychological diagnostics of development of the personality and small groups]. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002, 490.
9. Sheregi F. E., Rybakovskii L. L., Arefev A. L., Savinkov V. I. *Chislennost' uchashchikhsia i personala obrazovatel'nykh uchrezhdenii Rossiiskoi Federatsii (Prognoz do 2020 goda i otsenka tendentsii do 2030 goda)* [The number of pupils and personnel of educational institutions of the Russian Federation (The forecast up to 2020 year and score trends up to the year 2030)]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga, 2013, 164.
10. Sholohov I. A. *Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii uchashchysya molodezhi za rubezhom*. Diss. kand. psikh. nauk [Psychological features of adaptation of the studying youth abroad. Cand. psych. Sci. Diss.]. Moscow, 2002, 235.

УДК 159.9

ПАРАМЕТРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Елена А. Панасенко^{1, 2, @1}, Ирина С. Морозова^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет), Россия, 650056, г. Кемерово, б-р Строителей, 47

@1 spl-kemtipp@yandex.ru

@2 ishmorozova@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.01.2016.

Принята к печати 14.04.2016.

Ключевые слова: механизмы психологической защиты личности, студенты первого курса, личностные особенности, самоактуализация, личностный потенциал.

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимосвязи параметров психологических защит и личностных особенностей студентов. Выявлено, что если личность при разрешении трудных жизненных ситуаций прибегает к использованию таких защитных механизмов, как вытеснение, регрессия, компенсация, замещение или реактивное образование, это приводит к уменьшению гибкости поведения, отказу принимать себя таким, какой есть, увеличивает зависимость от мнения окружающих, препятствует адекватному восприятию времени. Определены доминирующие механизмы психологической защиты среди студентов первого курса: механизм «проекции», «отрицание» и «интеллектуализация». Доказано, что для самоактуализирующейся личности характерны изменения своего поведения в соответствии с ситуацией, естественное проявление эмоций и чувств, обращение за поддержкой к окружающим.

Для цитирования: Панасенко Е. А., Морозова И. С. Параметры психологических защит студентов первого курса во взаимосвязи с личностными особенностями // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 176 – 180. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-176-180

Система современного российского высшего образования претерпевает изменения в связи с реформированием всей образовательной структуры. В процессе этих изменений возникает необходимость учитывать существующие тенденции всего современного мира, в том числе и интенсивность протекания всех экономических, социальных и политических процессов. Ведь задача каждого образовательного учреждения заключается в обеспечении условий для подготовки компетентного специалиста, который в будущем эффективно решит необходимые производственные или иные трудовые задачи. В данной ситуации немаловажное значение приобретает и личностное становление студента.

Обучаясь на первом курсе вуза, студент уже имеет некоторые сформированные в рамках общего или среднего профессионального образования не только определенные понятия и представления об окружающем мире, но и жизненные цели, установки и принципы, руководствуясь которыми молодой человек и выбирает соответствующую его взглядам профессию, а также направление подготовки. В дальнейшем личностные структуры претерпевают изменение, и на данный процесс оказывает влияние среда, сформированная в рамках вуза, в том числе сам процесс подготовки будущего специалиста, учебный график, ближайшее окружение и т. д. При этом психика студента-первокурсника (большинство относятся к возрастной категории 17 – 19 лет) достаточно пластична, что позволяет воздействовать не только на объем знаний по конкретной специальности, но и формировать лично-

стные характеристики. Значимым понятием в этой связи становится понятие «самоактуализации».

Концепция самоактуализирующейся личности возникла в психологии в XX веке в рамках гуманистического направления. Впервые термин «самоактуализация» встречается в трудах Абрахама Маслоу, где автор пытается уточнить его понимание как «стремление к самореализации, точнее, тенденцию актуализировать то, что содержится в качестве потенций. Эту тенденцию можно назвать стремлением человека стать все более и более тем, кем он способен стать» [4].

Но определение самоактуализации по-прежнему не однозначно. В психологических и философских работах по настоящее время ведутся дискуссии по поводу определения содержания данного понятия. Здесь сталкиваются понимание самоактуализации как глубоко внутреннего процесса (А. Маслоу [4]) в противоположность внешнему проявлению в деятельности (Е. Е. Вахромов [2]), акцентируется внимание на статических характеристиках или процессных аспектах самоактуализации (Э. П. Бакшеева [1]), уделяется внимание семантическому различению сходных понятий (Е. В. Селезнева [8]), проводится комплексный анализ понятия с точки зрения философии образования (Н. В. Овчаренко [7]) т. д.

Мы считаем важным подчеркнуть, что процесс самоактуализации обеспечивает становление таких личностных характеристик (в том числе ценностных, временных, творческих и т. д.), которые позволяют не просто загадывать будущие пути развития, но и соотносить их в на-

стоящем времени в контексте жизненного пространства с тем, чего уже добился человек и чем он будет обладать в ближайшей перспективе. Все это в совокупности позволит не просто совершить ряд определенных действий, требуемых системой, в которую попадает человек, но и определяет возможность человека в полной мере проявить собственный внутренний потенциал [5].

Исследование показателей самоактуализации проводилось среди студентов первого курса Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП). Общее число студентов в исследовании – 109 человек. В качестве методики для изучения показателей самоактуализации использовался опросник личностных ориентаций Э. Шострома (Personal Orientation Inventory, E. Shostrom), созданный в 1963 г. Данная диагностическая методика была адаптирована в МГУ (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, М. В. Загика, М. В. Кроз) и получила название «Самоактуализационный тест» (САТ) [3]. Опросник включает в себя 126 пунктов, каждый из которых предполагает выбор одного суждения из пары представленных. В результате выявляются 2 базовые и двенадцать дополнительных шкал самоактуализации.

Базовые шкалы включают в себя следующие:

1. Шкала ориентации во времени (балл по этой шкале позволяет судить о способности человека жить в настоящем времени, то есть насколько четко личность определяет протекающую событийность, не затягивая себя как прошлыми, уже пережитыми фактами, так и будущими, еще не свершившимися, о чем могут свидетельствовать низкие баллы).

2. Шкала поддержки (определяет степень необходимости сторонней поддержки для личности. Чем выше балл, тем более независим субъект от внешних опор, сам свободен определять свое направление. Такая позиция вовсе не предполагает конфронтационного поведения личности).

Дополнительные шкалы, позволяющие более глубоко охарактеризовать личностные особенности, обеспечи-

вающие самоактуализацию личности, разделены на шесть блоков.

Блок ценностей:

– шкала ценностной ориентации (позволяет судить о степени соответствия ценностей данной личности с ценностями самоактуализирующейся личности);

– шкала гибкости поведения (насколько пластично поведение человека для адаптации к меняющимся условиям для реализации своих целей).

Блок чувств:

– шкала сензитивности (анализ чувств, в том числе с позиции потребностей личности);

– шкала спонтанности (определяет выражение чувств, способность вести себя непосредственно).

Блок самовосприятия:

– шкала самоуважения (определяет человека с позиции оценки самого себя и умения уважать себя);

– шкала самопринятия (отражает степень принятия личностью себя как таковой).

Блок концепции человека:

– шкала представлений о природе человека (склонность в целом воспринимать природу человека, чем выше балл по данной шкале, тем человек более склонен к положительной оценке);

– шкала синергии (способность человека к целостному восприятию всего мира и людей в нем).

Блок межличностной чувствительности:

– шкала принятия агрессии (принятие своего раздражения и агрессии как части себя);

– шкала контактности (способность человека к налаживанию глубоких связей с другими людьми).

Блок отношения к познанию:

– шкала познавательных потребностей (показывает стремление к познанию, приобретению нового знания);

– шкала креативности (творческая направленность личности).

Полученные данные по методике САТ выявили личностные особенности студентов-первокурсников КемТИПП (таблица 1).

Таблица 1. Результаты исследования студентов первого курса по методике САТ

Table 1. Results of the examination of first-year students by the Self-Actualisation Test (SAT) procedure

<i>Шкала</i>	<i>Среднее значение (студенты первого курса)</i>	<i>Максимальные значения по методике САТ</i>
Ориентация во времени	7,4	17
Поддержка	46	91
Ценностная ориентация	11,6	20
Гибкость поведения	12	24
Сензитивность	6,3	13
Спонтанность	6,9	14
Самоуважение	8,7	15
Самопринятие	10,1	21
Представления о природе человека	5,4	10
Синергия	3,9	7
Принятие агрессии	7,8	16
Контактность	9,3	20
Познавательные потребности	4,9	11
Креативность	6,7	14

Согласно полученным данным, студенты первого курса по всем шкалам имеют средний уровень показателей. Несколько ниже среднего – «ориентация во времени» (7,4 из 17), «познавательная потребность» (4,9 из 11). На уровне выше средних показателей представлены параметры «ценностная ориентация» (11,6 из 20), «самоуважение» (8,7 из 15). Результаты показывают достаточно высокий уровень самоактуализации, оценки себя, своего творческого потенциала. Студенты-первокурсники, только поступившие в высшее учебное заведение, имеют высокую степень оценки реализации своих возможностей. Им пока не достаёт более четкой ориентации во времени, что, возможно, связано с быстропротекающими событиями в данный возрастной период (окончание школы/техникума, поступление в вуз, приобретение новых знакомств и др.). А также снижена познавательная потребность, что, вероятно, связано с усталостью от эмоционально и психологически тяжелого процесса подготовки к поступлению в вуз. Отмечаем, что шкала «ценностная ориентация», то есть в какой степени человек разделяет ценности, присущие самоактуализирующейся личности, выше среднего показателя. Это даёт широкие перспективы для дальнейшего становления личности студента-первокурсника, что подкрепляется высоким показателем по шкале «самоуважение».

В процессе становления личность не только переживает положительные аспекты учебной и иной деятельности, а также преодолевает ряд трудностей, которые в свою очередь влияют и на определение личностных особенностей, отвечающих за самоактуализацию. При этом в процессе преодоления трудностей используются различные сознательные и бессознательные стратегии поведения. Одним из таких механизмов являются механизмы психологической защиты личности [6].

Среди испытуемых студентов было также проведено исследование психологических защит личности (таблица 2).

Таблица 2. Механизмы психологической защиты студентов 1 курса

Table 2. Mechanisms of psychological defence demonstrated by the first-year students

Механизмы психологической защиты	Количество баллов (студенты 1 курс)
Отрицание	6,1
Вытеснение	3,9
Регрессия	5,6
Компенсация	4,4
Проекция	8,8
Замещение	4,4
Интеллектуализация	6,0
Реактивное образование	4,0

Согласно полученным данным, наиболее выраженным механизмом психологической защиты среди студентов первого курса выступает механизм проекции (8,8 баллов). Менее выраженными являются такие механизмы, как «отрицание» и «интеллектуализация» (6,1 и 6,0 баллов соответственно). Далее в порядке уменьшения выраженности следуют механизмы регрессии (5,6 баллов), компенсации и замещения (4,4 балла). Наименее выраженными являются «реактивное образование» (4,0 балла) и вытеснение (3,9 балла).

Механизмы психологической защиты личности, используемые в процессе преодоления жизненных ситуаций студентами, бессознательно взаимосвязаны с личностными особенностями, в том числе и в процессе самоактуализации (таблица 3).

Таблица 3. Значимые корреляционные связи между шкалами САТ и механизмами психологической защиты
Table 3. Important correlation relationships between the SAT scale and the self-defence mechanisms

Шкалы САТ	Механизмы психологической защиты						
	отрицание	вытеснение	регрессия	компенсация	проекция	замещение	реактивное образование
Ориентация во времени	0,18	-0,14	-0,35	-0,34	-0,04	-0,19	0,09
Поддержка	0,02	-0,00	-0,29	-0,30	-0,13	-0,03	-0,22
Ценностная ориентация	0,19	-0,17	-0,27	-0,14	-0,10	-0,15	0,03
Гибкость поведения	-0,08	0,02	-0,28	-0,33	-0,28	-0,12	-0,33
Сензитивность	0,21	-0,02	-0,02	-0,11	0,12	0,06	-0,07
Спонтанность	-0,07	-0,02	-0,14	-0,27	-0,13	-0,05	-0,37
Самоуважение	0,22	-0,12	-0,38	-0,18	-0,18	-0,30	-0,08
Самопринятие	-0,10	0,14	-0,22	-0,32	-0,14	-0,00	-0,25
Представление о природе человека	0,22	-0,21	-0,25	-0,02	-0,02	-0,17	0,14
Синергия	-0,03	0,04	-0,21	-0,16	-0,03	-0,02	-0,05
Принятие агрессии	-0,02	0,13	-0,11	-0,20	0,04	0,18	-0,01
Контактность	-0,20	0,07	-0,14	-0,14	-0,06	0,10	-0,14

Механизм психологической защиты «отрицание» прямо коррелирует со шкалами САТ: сензитивность ($r = 0,21$), самоуважение ($r = 0,22$), представление о природе человека ($r = 0,22$); и обратно коррелирует со шкалой контактности ($r = -0,2$). Чем более выражено отрица-

ние, тем выше сензитивность, самоуважение, представление о природе человека и ниже контактность студента. Таким образом, когда студент отказывается от своих чувств, прежде всего негативных, он лучше анализирует ситуацию и все с ним происходящее, лучше способен

проанализировать и свои потребности, которые тесно взаимосвязаны с чувствами, в связи с чем повышается самоуважение к себе, при этом оценка окружающих более позитивная, акцентируется внимание на положительных сторонах. Но при этом утрачивается способность к установлению более близких отношений, по принципу – «все люди хороши на расстоянии».

Механизм вытеснения связан только со шкалой «представление о природе человека» ($r = -0,21$). Чем более выражен этот механизм, тем ниже шкала «представление о природе человека». Попытка забыть, вытеснить неприемлемые мысли или события приводит личность и к неспособности адекватно оценить аналогичные события в жизни других людей, что и приводит к более низкой оценке природы человека.

Механизм защиты «регрессия» обратно коррелирует со шкалами: ориентации во времени ($r = -0,35$), поддержки ($r = -0,29$), ценностной ориентации ($r = -0,27$), гибкости поведения ($r = -0,28$), самоуважения ($r = -0,38$), самопринятия ($r = -0,22$), представления о природе человека ($r = -0,25$) и синергии ($r = -0,21$). Чем менее выражен у испытуемого этот механизм защиты, тем более выражены у него перечисленные шкалы. Следовательно, чем реже личность обращается к простым формам реакции (например, обидеться, уйти, не разговаривать и т. п.), тем более высокий уровень самоактуализации проявляет в процессе жизнедеятельности.

«Компенсация» обратно коррелирует с ориентацией во времени ($r = -0,34$), поддержкой ($r = -0,3$), гибкостью поведения ($r = -0,33$), спонтанностью ($r = -0,27$), самопринятием ($r = -0,32$) и принятием агрессии ($r = -0,2$). Чем выше у студента ориентация во времени, поддержка, гибкость поведения, спонтанность, самопринятие и принятие агрессии, тем менее выражен у него механизм психологической защиты «компенсация». Таким образом, чем меньше человек стремится найти замену недостающим явлениям в своей жизнедеятельности, тем лучше личность оценивает свои шансы на реализацию возможностей благодаря принятию себя «как есть», независимости своей позиции, большей гибкости поведения, более адекватной оценки настоящего.

Механизм защиты «проекция» обратно коррелирует с гибкостью поведения ($r = -0,28$). Чем более выражена проекция, тем ниже гибкость поведения. Вместо того чтобы изменить свое поведение, человек просто приписывает негативные явления другим людям.

Замещение обратно коррелирует с самоуважением ($r = -0,3$). Чем более выражена шкала самоуважения, тем реже используется данная защита, то есть личность, уважающая себя, понимает, что в ней присутствуют как положительные, так и негативные черты, принимая себя такой, какая есть, не пытаясь выместить на другом.

Реактивное образование обратно коррелирует со шкалами поддержки ($r = -0,22$), гибкости поведения ($r = -0,33$), спонтанности ($r = -0,37$), самопринятия ($r = -0,25$). Чем менее выражен этот механизм защиты, тем более выражены поддержка, гибкость поведения, спонтанность, самопринятие. Для самоактуализирующейся личности характерно не подавление неприемлемых мыслей с созданием противоположных, а изменение своего поведения в соответствии с ситуацией, естественное проявление эмоций и чувств, обращение за поддержкой к окружающим.

Обобщая результаты проведенного исследования, можем отметить тесную взаимосвязь используемых механизмов психологической защиты с личностными особенностями. При обучении студента в вузе возможно учитывать взаимовлияние этих параметров с целью преодоления неосознаваемых психологических защит, которые создают препятствия на пути самоактуализации личности, блокируя такие важные характеристики, как «принятие себя», «принятие других», «адекватная оценка ситуации» и др. Не имея возможности напрямую воздействовать на бессознательные защитные механизмы, мы способны регулировать среду с целью изменения показателей, входящих в процесс самоактуализации, это в свою очередь позволит преодолеть принятие неконструктивных методов преодоления трудных ситуаций, что будет способствовать становлению самоактуализирующейся личности, проявляющей себя в соответствии со своими потребностями и возможностями.

Литература

1. Бакшеева Э. П. Опыт реализации педагогической поддержки самоактуализации студентов в условиях педвуза // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 39 – 44.
2. Вахромов Е. Е. Вершины жизни и пути их достижения. Самоактуализация, акме и жизненный путь человека // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 18 – 23.
3. Гозман Л. Я., Кроз М. В., Латинская М. В. Самоактуализационный тест. М.: Рос. пед. агентство, 1995. 43 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2010. 352 с.
5. Морозова И. С., Киенко Е. В. Структурные компоненты самореализации личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. (Серия: Педагогика, психология). 2011. № 3. С. 207 – 210.
6. Морозова И. С., Панасенко Е. А. Взаимосвязь механизмов психологических защит с копинг-стратегиями у студентов-первокурсников // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 345 – 349.
7. Овчаренко Н. В. Сравнительный анализ понятий «самореализация» и «самоактуализация» как составляющих категориального аппарата философии образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-3(53). С. 141 – 144.
8. Селезнева Е. В. Самоактуализация как интегративная личностная компетентность // Мир психологии. 2011. № 1. С. 179 – 192.

THE PARAMETERS OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE OF FIRST-YEAR STUDENTS IN CORRELATION TO THEIR PERSONAL CHARACTERISTICS

Elena A. Panasenko^{1, 2, @1}, Irina S. Morozova^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya street, Kemerovo, Russia, 650000

² Kemerovo Technological Institute of Food Industry (University), 47, Stroitelei, Kemerovo, Russia, 650056

@1 spl-kemtipp@yandex.ru

@2 ishmorozova@yandex.ru

Received 29.01.2016.

Accepted 14.04.2016.

Keywords: mechanisms of psychological defense, first-year students, personal characteristics, self-actualization, personal potential.

Abstract: The article features the problem of correlation between the parameters of psychological defenses and personality characteristics of students. It was found that if the person, when resolving difficult life situations, has resorted to the use of defense mechanisms, such as repression, regression, compensation, substitution or jet formation, this leads to a decrease of flexibility of behavior and refusal to accept themselves as is, an increase of the dependence on the opinion of others, and prevents adequate perception of time. The article defines the dominant mechanisms of psychological defenses among first-year students, such as the mechanism of "projection", "denial" and "intellectualization". It is proved that self-actualized individuals change their behavior in accordance with the situation and demonstrate a natural expression of emotions and feelings, asking others for support.

For citation: Panasenko E. A., Morozova I. S. Parametry psikhologicheskikh zashchit studentov pervogo kursa vo vzaimosvazi s lichnostnymi osobennostyami [The parameters of psychological defense of first-year students in correlation to their personal characteristics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 176 – 180. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-176-180.

References

1. Baksheeva E. P. "Opyt realizatsii pedagogicheskoi podderzhki samoaktualizatsii studentov v usloviakh pedvuza" [The experience of realizing pedagogical support to students' self-actualisation at a higher education establishment]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Surgut State Teachers Training University*, no. 1 (2010): 39 – 44.
2. Vakhromov E. E. "Vershiny zhizni i puti ikh dostizheniya. Samoaktualizatsiya, akme i zhiznennyi put' cheloveka" [The top life and ways to achieve them. Self-actualization, and the Acme and the life path]. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* = *Applied psychology and psychoanalysis*, no. 4 (2001): 18 – 23.
3. Gozman L. Ia., Kroz M. V., Latinskaia M. V. *Samoaktualizatsionnyi test* [Test of self-actualisation]. Moscow: Ros. ped. agentstvo, 1995, 43.
4. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint-Petersburg: Piter, 2010, 352.
5. Morozova I. S., Kienko E. V. "Strukturnye komponenty samorealizatsii lichnosti" [Structural components personal fulfillment]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. (Seriya: Pedagogika, psikhologiya)* = *Vector of science of Togliatti State University (Series: Pedagogics, psychology)*, no. 3 (2011): 207 – 210.
6. Morozova I. S., Panasenko E. A. "Vzaimosvaz' mekhanizmov psikhologicheskikh zashchit s koping-strategiyami u studentov-pervokursnikov" [Correlation of psychological defense mechanisms with coping strategies of first-year students]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = *Theory and practice of social development*, no. 18 (2015): 345 – 349.
7. Ovcharenko N. V. "Sravnitel'nyi analiz poniatii «samorealizatsiya» i «samoaktualizatsiya» kak sostavlyayushchikh kategorial'nogo apparata filosofii obrazovaniya" [Comparative analysis of conceptions "self-realization" and "self-actualization" as elements of categorial apparatus of philosophy of education]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 3-3(53) (2015): 141 – 144.
8. Selezneva E. V. "Samoaktualizatsiya kak integrativnaya lichnostnaya kompetentnost'" [Self actualization as an integrative personal competence]. *Mir psikhologii* = *The world of psychology*, no. 1 (2011): 179 – 192.

УДК 159.9

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОЛЕВЫХ ИМПОЗИТОВ В ДИАГНОСТИКЕ И КОНСУЛЬТИРОВАНИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Людмила В. Паньшина^{1, @1}, Юлия М. Перевозкина^{1, @2}, Наталья В. Дмитриева^{2, @3}¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28² Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, 199178, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 12-ая линия, 13 "А"@¹ lvpansh@gmail.com@² per@bk.ru@³ dnv2@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2016.

Принята к печати 16.09.2016.

Ключевые слова: девиантное поведение, глубинный мотив, диагностика, консультирование, ролевые импозиты, образ, сфера межличностных отношений.

Аннотация: В статье рассматриваются положения отечественных и зарубежных исследований, определяющих важность изучения категорий, которые являются основополагающими для культурных стереотипов поведения. Такие категории, по мнению исследователей, служат ориентирами, на основе которых можно выстраивать систему ценностей, смыслов и отношений к миру. Предложена авторская проективная техника работы с использованием ролевых импозитов как глубинных основ ролевых моделей, задающих направленность поведения личности и проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности. Приводятся результаты диагностики и консультирования подростка группы риска с негативной формой поведения в сфере межличностных отношений. Авторами сделано предположение, что глубинные представления субъекта, сформированные в процессе культурно-исторического опыта, становятся материалом для формирования возможной интерпретации символов в ситуации взаимодействия, на основе чего бессознательно складывается подходящий социальный сценарий образа ролевого поведения как формы структурирования межличностных отношений в различных сферах жизнедеятельности.

Для цитирования: Паньшина Л. В., Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В. Опыт использования ролевых импозитов в диагностике и консультировании девиантного поведения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 181 – 186. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-181-186.

Девиантное поведение на современном этапе развития общества представляет собой сложную форму социального поведения, детерминированного системой взаимосвязанных биологических, психологических и социальных факторов.

Е. В. Змановская определяет девиантное поведение как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [3].

В отечественной психологии достаточно четко сформулировано положение о том, что условия жизни, психологическая атмосфера, характер взаимоотношений людей во многом определяют их поведение и деятельность. Субъект, совершив преступление, вступив таким образом в самый острый конфликт с обществом, отличается присущими ему психологическими особенностями; наличием антиобщественных взглядов; отрицательным отношением к нравственным ценностям; выбором опасного общественного пути для удовлетворения своих потребностей.

Психологический компонент в структуре личности с девиантным поведением, по мнению А. И. Ушатикова и Б. Б. Казака, включает следующие системы:

– системы ценностных ориентаций личности (личностных установок по отношению к существующим в обществе ценностям) и их связи с главными жизненными функциями;

– системы основных жизненных функций индивида, которые выражаются в соответствующих потребностях и являются внутренними детерминантами его поведения;

– системы внутреннего социально-личностного контроля индивида, отраженной в сознании информации о реакции других людей на его поведение.

В сферу анализа поведения и переживаний человека, возникающих в результате обострения конфликтных ситуаций, вовлекаются компоненты, связанные со скрытыми мотивами поведения человека в конкретных ситуациях. Это поставило многих ученых перед необходимостью изучения глубинных структур личности, поскольку при анализе и оценке человеческой деятельности исследователь сталкивался с такими поведенческими характеристиками, которые выходят за пределы сознательного и рационального в человеке.

Л. С. Выготский отмечал, что существует постоянная, ни на минуту не прекращающаяся, живая динамическая связь между сферами бессознательного и сознания. Процессы, начинающиеся бессознательно, часто имеют

свое продолжение в сознании, и, наоборот, многое сознательное вытесняется нами в подсознательную сферу. Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им [1].

Современные отечественные исследователи (С. А. Маленко, Е. Ю. Зарубко) определяют важность изучения категорий, которые являются основополагающими для культурных стереотипов поведения. Такие категории, по мнению исследователей, служат ориентирами, на основе которых можно выстраивать систему ценностей, смыслов и отношений к миру [2; 4].

Дж. Мид, М. Дойч, Р. Краусс описывают девиантное поведение через понятие «социальная роль», или «социальная функция личности». Исследователи понимают роль как систему ожиданий относительно поведения человека, представление человека о модели собственного поведения и соответствие поведения занимаемому положению или статусу. Таким образом, человек может принимать на себя различные роли, в том числе роль девианта [5].

Анализ исследований позволяет прийти к выводу, что глубинные представления субъекта, сформированные в процессе культурно-исторического опыта, становятся материалом для формирования возможной интерпретации символов в ситуации взаимодействия, на основе которой бессознательно складывается подходящий социальный сценарий образа ролевого поведения как формы

структурирования межличностных отношений в различных сферах жизнедеятельности.

Через призму теоретических концепций К. Г. Юнга [9], Д. Хиллмана и других исследователей в области аналитической психологии, предполагающей наличие глубинного слоя в структуре личности, который содержит прототипы образов, сюжетов, ролей, имеющих культурно-историческое происхождение и относящихся к ситуациям, принципиально значимым для любого сообщества людей (рождение, брачный союз, материнство, утрата, смерть), мы пришли к определению ролевых импозитов (*impositio* – лат., первичный, основной) как глубинных основ ролевых моделей, задающих направленность поведения личности и проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности [8].

В своем исследовании мы предполагаем наполненность образов ролевыми представлениями, которые несут глубинный мифологический мотив, а также дифференцированы на мужские и женские доминанты, распределенные по возрастной категории и направленности личности. В соответствии с основными ролевыми позициями, которые субъект принимает и реализует на протяжении жизненного цикла, нами были определены следующие образы: Мать, Отец, Старуха, Старец, Дева, Герой, Ведьма, Трикстер, Ребенок – и обозначены устойчивые характеристики в соответствии с образом и мифологическим мотивом. В таблице 1 представлена структура ролевых импозитов.

Таблица 1. Структура ролевых импозитов
Table 1. Structure of role impositions

Пол	Установка	Ранний возраст	Молодость	Взрослость	Старость
Женский	созидательная	Ребенок (девочка) ММ-играть	Дева ММ-подчиняться	Мать ММ-заботиться	Старуха ММ-помогать
	деструктивная	Ведьма ММ-околдовывать			
Мужской	созидательная	Ребенок (мальчик) ММ-играть	Герой ММ-преодолевать	Отец ММ-управлять	Старец ММ-наставлять
	деструктивная	Трикстер/Враг ММ-дурачиться/бунтовать			

Примечание: ММ – мифологический мотив.

В процессе психотерапевтической работы данные образы рассматриваются в аспекте *предпочитаемый* или *отвергаемый*. При идентичности субъекта к когерентному (согласованному с полом и возрастом) импозиту происходит адекватное восприятие своей личности, социальной роли и в конечном итоге успешной социализации. Иначе говоря, ролевые импозиты представлены в структуре личности в равной степени, но при этом может быть выражен один импозит, соответствующий полу и возрасту субъекта, который является ведущим импозитом. В случае несовпадения ведущего импозита половозрастному диапазону возможна деформация личности, невротизация, расстройства, деструкции [8].

Кроме теоретического обоснования ролевых импозитов, мы приходим к их использованию в практике психологической диагностики и коррекции как одного из про-

ективных методов работы. Приведем способ использования ролевых импозитов в практике диагностики и консультирования случая межличностных конфликтов.

Клиент: юноша, школьник, учится в 9 классе, полная семья, по сведениям социального педагога поставлен на учет как подросток группы риска, имеет академическую неуспеваемость, асоциальное поведение, случаи конфликтных ситуаций с педагогами и сверстниками, вовлечение в драки ради забавы, демонстративное поведение.

Диагностический блок включает анализ психосоциального профиля в различных сферах жизнедеятельности субъекта (личностная, семейная, межличностная, профессиональная, интимно-сексуальная), то есть определение ведущего импозита – наиболее часто выбираемая клиентом фигура, тот основной ролевой образ, который доминирует в личности и постоянно «выходит на сцену»,

при этом зачастую субъекту доставляет удовольствие позиционировать окружающим данный ролевой образ; сопутствующих импозитов – вспомогательных ролевых образов, которые отражают определенные стили поведения и взаимодействия с окружающими, применяемые в отдельных ситуациях или сферах; а также подавляемого импозита, который отражает более иррациональные, негативные, не принимаемые характеристики личности, несущие в себе социально-негативную оценку, зачастую неосознанные, проецируются на окружающих, актуализируются в стрессовых для индивида ситуациях.

В данной статье мы приводим результаты диагностической и консультационной работы личностной сферы и сферы межличностных отношений подростка, не представляя подробно результаты по другим рассматриваемым сферам. Однако отметим, что для качественного анализа психосоциального профиля клиента важна комплексная оценка всех сфер.

Процедура исследования личностной сферы заключалась в следующем: перед клиентом располагается поле из четырех цветовых квадратов (синий, желтый, зеленый, красный), которое в ходе исследования может быть повернуто клиентом в соответствии с предпочтением. Затем предлагается из фигурного ряда выбрать наиболее приятную в данный момент фигуру и определить ей место на поле в соответствии с субъективным предпочтением. Таким же образом выбираются последующие две фигуры и последняя, четвертая фигура выбирается клиентом по критерию субъективной неприятности. Психологом на специальном бланке фиксируется номер фигуры, ее положение и цвет на поле. Выбранные клиентом фигуры представлены на рисунке 1. В таблице 2 представлен порядок выбора и расстановка фигур.

Таблица 2. Порядок выбора и расстановка фигур
Table 2. The order of selection and arrangement of pieces

№ n/n	Импозит	Цвет	Положение	Балл
1	Трикстер	синий	лево верх	4
2	Герой	красный	право низ	3
3	Ведьма	желтый	право верх	2
4	Старец	зеленый	лево низ	1

Рис. 1. Выбранные фигуры
Fig. 1. Selected pieces

Процедура исследования межличностной сферы заключалась в следующем: перед клиентом располагается поле из четырех цветовых квадратов (синий, желтый, зеленый, красный), которое в ходе исследования может быть повернуто клиентом в соответствии с предпочтением. Затем предлагается из фигурного ряда выбрать четыре наиболее значимых для клиента в его ближайшем окружении фигуры. Затем по критерию субъективной неприятности последовательно определить двум первым фигурам место на поле. Из оставшихся двух фигур выбрать одну наиболее неприятную для клиента фигуру и определить ей место на поле. Последняя, четвертая фигура устанавливается на оставшийся один из четырех цветовых квадратов на поле. Диагностом на специальном бланке фиксируется номер фигуры, ее положение и цвет на поле. Выбранные клиентом фигуры представлены на рисунке 2. В таблице 3 представлен порядок выбора и расстановка фигур.

Таблица 3. Порядок выбора и расстановка фигур
Table 3. The order of selection and arrangement of pieces

№ n/n	Импозит	Цвет	Положение	Балл
1	Старуха	желтый	право верх	4
2	Мать	зеленый	лево низ	3
3	Старик	красный	право низ	2
4	Герой	синий	лево верх	1

Рис. 2. Выбранные фигуры
Fig. 2. Selected pieces

Интерпретационные положения включали оценку половозрастной когерентности ведущего импозита; внутриличностной конфликтности; сопоставление выбранной клиентом фигуры с ее положением на цветовом поле. В соответствии с положениями цветовой диагностики М. Люшера предпочтение цвета может указывать на определенную потребность личности: синий – потребность в покое, удовлетворении и сопричастности; зеленый – в самоутверждении; красный – в активности, доминантности; желтый – потребность в экспансии, расширении горизонтов.

В данном случае мы видим, что в большинстве сфер в качестве ведущего импозита в структуре личности подростка представляется Трикстер (фигура на первом месте).

Данный импозит несет мифологический мотив «бунтовать/дурачиться» и содержит такие характеристики, как: спонтанность, экспрессивность, лукавство, изворотливость; конфликтность, характерно открытое выражение гнева, агрессии и конфликтных интеракций; подверженность влиянию чувств, случая и обстоятельств; отсутствие согласия с общепринятыми моральными нормами; беспринципность и склонность к асоциальному поведению.

Наряду с ведущим, мы видим подавляемый импозит. В большинстве сфер, в данном случае, подавляемый импозит представляет фигуру Отца (фигура на последнем месте). Данный импозит несет мифологический мотив «управлять» и содержит такие характеристики, как: стабильность, уравновешенность, ответственность, настойчивость, сильная воля, контроль и организация, покровительство, следование социальным правилам. Можно предположить, что у подростка наблюдается конфликт в отношениях с отцом, стремление уйти от опеки, контроля, что выражается в асоциальной направленности поведения.

Таким образом, была диагностирована неудовлетворенная потребность в спокойствии, обусловленная бессилием и хаотичной активностью, посредством которой клиент находит самоутверждение, имея иллюзорные ожидания добиться успеха в межличностных отношениях.

Консультационный блок направлен на проработку проблем в межличностной сфере по технике четырех квадратов. Предлагается определить качество, которое, по мнению подростка, помогает, а также качество, которое мешает ему во взаимоотношениях с окружающими. Далее клиент выбирает из фигурного ряда соответствующую данному качеству фигуру. Устанавливается беседа, в ходе которой предлагается относительно каждой выбранной фигуры описать образ фигуры, отношение к цвету, какие чувства вызывает данная импозит-композиция. Завершение техники осуществляется вопросом о том, могут ли в одной личности актуализироваться различные ролевые импозиты. В таблице 4 представлены этапы и процедура техники четырех квадратов.

Таблица 4. Техника четырех квадратов
Table 4. The four squares technique

<i>I этап</i>	<i>II этап</i>
– назвать качество, которое нравится (помогает), – написать на отрезке бумаги, – поместить на один из 4 цветных квадратов в поле, – выбрать фигуру (ролевой импозит), – поместить в тот же квадрат, – описать импозит (какой), – какое чувство вызывает, – как связано с клиентом	– назвать качество, которое не нравится (мешает), – написать на отрезке бумаги, – поместить на один из 4 цветных квадратов в поле, – выбрать фигуру (ролевой импозит), – поместить в тот же квадрат, – описать импозит (какой), – какое чувство вызывает, – как связано с клиентом
<i>III этап</i>	<i>IV этап</i>
– определить качество, противоположное привлекаемому, – написать на отрезке бумаги, – поместить на один из 4 цветных квадратов в поле, – выбрать фигуру, – поместить в тот же квадрат	– определить качество, противоположное непривлекаемому, – написать на отрезке бумаги, – поместить на один из 4 цветных квадратов в поле, – выбрать фигуру, – поместить в тот же квадрат
<i>V этап</i>	<i>VI этап</i>
– оставить отрицательные импозиты, – описать (что это за человек), – какое чувство вызывает, – как связано с клиентом	– оставить положительные импозиты, – описать (что это за человек), – какое чувство вызывает, – как связано с клиентом
<i>VII этап</i>	
– объединить все 4 импозита – могут ли они существовать в одном человеке	

Обозначенные клиентом характеристики, а также соответствующие им фигуры, выбранные клиентом в процессе консультации, представлены на рисунке 3.

Заметим, что и в консультационном блоке ведущее место по-прежнему занимает ролевой импозит Трикстера, при этом он выбран клиентом как соответствующий его положительному качеству, которое помогает ему в межличностных отношениях – «открытость» – и характе-

ризуется клиентом как «открытый», «веселый, дружелюбный, такой добивается успеха, мимо него не пройдет, он вызывает интерес».

Наряду с этим подросток осознает «задиристость» как черту, которая мешает ему в межличностном взаимодействии. Был выбран соответствующий данному качеству ролевой импозит Героя, который характеризуется активностью, своенравием и упрямством. Фигура симво-

лично ставится испытуемым на красный цвет, что в данном случае связано с перевозбуждением и эмоциональным истощением.

В то же время подросток определяет противоположное «задиристости» качество – «самоуверенность», выбирает соответствующую, по его мнению, фигуру – Отца, характеризуя его как «всегда уверен, добивается успеха, солидный, друзей не бросает первым в драку полезет», мы видим, что данная модель поведения свойственна самому подростку, т. к. он добивается успеха в межличностных отношениях демонстративным поведением, вовлечением в драки ради забавы, компульсивно утверждая себя.

Заметим, что противоположным «открытости», клиент называет качество «закрытость» и выбирает ролевой импозит Ведьмы, характеризуя фигуру как «грустный, печальный, у такого нет друзей, он плохой, унылый, поникший, такие не живут». В данном случае не принимается собственная потребность в уединении (синий), при этом имеют место депрессивные переживания вплоть до суицидальных тенденций.

В результате консультационной работы с использованием ролевых импозитов в качестве проективной техники подросток пришел к осознанию и принятию свойственных ему деструктивных тенденций, которые при ус-

ловии дальнейшего психологического сопровождения могут быть преодолены.

Рис. 3. Обозначенные клиентом характеристики и соответствующие фигуры

Fig. 3. The characteristics pointed out by the client and the corresponding pieces

Литература

1. Выготский Л. С. История развития высших психических функций / под ред. А. М. Матюшкина // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
2. Зарубко Е. Ю. Архетипы в обыденном сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 27. С. 37 – 43.
3. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения: учебное пособие для изучающих психологию, социальную работу и социальную педагогику. 5-е изд. доп. М.: Академия, 2008. 288 с.
4. Маленко С. А. Архетипические сценарии социального взаимодействия: дис. ... д-ра филос. наук; НовГУ им. Я. Мудрого. Великий Новгород, 2010. 451 с.
5. Мид Дж. Г. Избранное: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. Психологии / сост. и переводчик В. Г. Николаев / отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. 290 с.
6. Паньшина Л. В. Подходы к коррекции девиантного поведения подростков в аспекте психологических теорий // СМАЛЬТА. 2015. № 4. С. 35 – 39.
7. Паньшина Л. В., Первозкина Ю. М. Имагинативно-ролевые импозиты как детерминанты негативных паттернов поведения // Философия образования. 2015. № 4. С. 45 – 53.
8. Первозкина Ю. М. Импазо-ролевая социализация личности // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск: НГПУ. 2015. № 6. С. 173 – 177.
9. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2007. 303 с.
10. Neville B. The charm of Hermes: Hillman, Lyotard and the post-modern condition. Journal of Analytical Psychology. July 1992. № 37(3). P. 337 – 353.
11. Ryan M. L. Beyond myth and metaphor: The case of narrative in digital media. Game Studies. The International Journal of Computer Game Research. July, 2001. № 1(1). Retrieved from <http://www.gamestudies.org/0101/ryan/> (accessed 04.04.2016).
12. Savett S.M. Games as theater for soul: an archetypal psychology perspective of virtual games: Doctoral dissertation; Pacifica Graduate Institute 2014. Retrieved from ProQuest Dissertation and Theses Global (3686802). Available at: <http://www.proquest.com/products-services/dissertations/> (accessed 08.09.2015).

EXPERIENCE IN THE USE OF ROLE IMPOSITIONS IN DIAGNOSING AND COUNSELING OF DEVIANT BEHAVIOR

Liudmila V. Panshina^{1, @1}, Yulia M. Perevozkina^{1, @2}, Natalia V. Dmitrieva^{2, @3}

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya street, Novosibirsk, Russia, 630126

² St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 13 "A", Vasilevskiy ostrov, 12-aia liniya, Saint-Petersburg, Russia, 199178

@1 lvpansh@gmail.com

@2 per@bk.ru

@3 dnv2@mail.ru

Received 09.06.2016.

Accepted 16.09.2016.

Keywords: deviant behavior, deeper motive, survey, unconscious, role identity, role imposition, counseling and psychotherapy, interpersonal relationships, image.

Abstract: The article analyzes different scientific foreign and Russian approaches which state the importance of basic unconscious roles that define cultural behavioral stereotypes. Scientists believe that deeper behavioral stereotypes are used to create an individual value system and personal attitudes. Authors propose a new way of diagnosing and counseling of deviant behavior by actualizing unconscious role mechanisms. The article presents results of diagnostics and counseling of a teenager with negative behavior in interpersonal relations field. Authors suppose that deeper unconscious representations of individuals that result from their cultural and historical experience become a stereotype of interpersonal role behavior. These roles are presented as deep patterns which differ by gender, age and mythological motive aspects.

For citation: Panshina L. V., Perevozkina Y. M., Dmitrieva N. V. Opyt ispol'zovaniia rolevykh impozitov v diagnostike i konsul'tirovaniia deviantnogo povedeniia [experience in the use of role impositions in diagnosing and counseling of deviant behavior]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 181 – 186. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-181-186.

References

1. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vygotsky L. S.]. Moscow: Pedagogika, vol. 3 (1983): 368.
2. Zarubko E. Iu. Arkhetipy v obydenom soznanii [The archetypes in ordinary consciousness]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University*, no. 27 (2010): 37 – 43.
3. Zmanovskaia E. V. *Deviantologiya: psikhologiya otkloniaiushchegosia povedeniia* [Deviantology: Psychology of deviant behavior]. 5th ed. Moscow: Akademiia, 2008, 288.
4. Malenko S. A. *Arkhetipicheskie stsennarii sotsial'nogo vzaimodeistviia*. Diss. doctora filos. nauk [The archetypal scenarios of social interaction. Dr. philos. Sci. Diss.]. NovGU im. Ia. Mudrogo, Velikii Novgorod, 2010, 451.
5. Mid Dzh. G. *Izbrannoe* [Favorites by Mid Dzh. G.]. Comp. and transl. Nikolaev V. G. Ed. Efremenko D. V. Moscow, 2009, 290.
6. Pan'shina L. V. Podkhody k korrektsii deviantnogo povedeniia podrostkov v aspekte psikhologicheskikh teorii [Approaches to a correction of teen's deviant behavior in psychological theories aspect]. *SMALTA = SMALTA*, no. 4 (2015): 35 – 39.
7. Pan'shina L. V. Perevozkina Iu. M. Imazhinativno-rolevye impazity kak determinanty negativnykh patternov povedeniia [Role-image settings as a determinant of patterns deviant behavior]. *Filosofia obrazovaniia = Philosophy of education*, no. 4 (2015): 45 – 53.
8. Perevozkina Iu. M. Impazo-rolevaia sotsializatsiia lichnosti [Impaza-role socialization of the individual]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*, no. 6 (2015): 173 – 177.
9. Jung K. G. *Struktura psikhiki i arkhetipy* [The structure of the Psyche and the archetypes]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007, 303.
10. Neville B. The charm of Hermes: Hillman, Lyotard and the post-modern condition. *Journal of Analytical Psychology*, no. 37(3) (July 1992): 337 – 353.
11. Ryan M. L. Beyond myth and metaphor: The case of narrative in digital media. *Game Studies. The International Journal of Computer Game Research*, no. 1(1) (July 2001). Available at: <http://www.gamestudies.org/0101/ryan/> (accessed 04.04.2016).
12. Savett S. M. *Games as theater for soul: an archetypal psychology perspective of virtual games*: Doctoral dissertation; Pacifica Graduate Institute 2014. Retrieved from ProQuest Dissertation and Theses Global (3686802). Available at: <http://www.proquest.com/products-services/dissertations/> (accessed 08.09.2015).

УДК. 159.937.7

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ У ЛИЦ С СИНЕСТЕЗИЕЙ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Антон В. Сидоров-Дорсо^{1, @1}, Валентина И. Волохова^{2, @2}¹ Московский педагогический государственный университет, Россия, 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1² Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28@¹ anton.dorso@gmail.com@² nargizal13@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.03.2016.

Принята к печати 21.09.2016.

Ключевые слова: синестезия, психологические границы личности, методика Э. Хартманна, дифференциальные свойства.

Аннотация: Приводится краткий анализ ранее проведенных исследований взаимосвязи синестезии естественного развития и дифференциальных свойств личности и познавательной сферы. Представлены результаты проведенного авторами эмпирического исследования по выявлению у лиц с синестезией особенностей психологических границ, измеряемых русскоязычной версией опросника Психологические границы личности (Е. Hartmann) и понимаемых как базовое "измерение" личности, отражающее степень легкости взаимопереходов ("проницаемость") между психическими функциями, процессами, состояниями и т. д. Полученные данные на выборке респондентов-синестетов и людей, синестезией не обладающих, (N = 102) указывают на то, что имеется значительная положительная корреляция между наличием синестетических особенностей восприятия и большей степенью проницаемости границ. В заключение обсуждается значимость этих результатов для разрешения противоречий между полученными ранее данными относительно дифференциальных свойств, сопряженных с синестезией естественного развития, и для уточнения статуса феномена синестезии в контексте системного понимания психики.

Для цитирования: Сидоров-Дорсо А. В., Волохова В. И. Особенности психологических границ у лиц с синестезией естественного развития // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 187 – 192. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-187-192.

Несмотря на обширную разработку вопроса синестезии естественного развития (*developmental synesthesia*) как в нейрофизиологии, так и психологии, до сих пор отсутствует полная ясность в том, является ли этот феномен узкоспецифической, парциальной, "независимой" особенностью восприятия со сверх-избирательными реакциями, влияющими на когнитивные процессы опосредованно, т. е. путем включения в них особого синестетического "содержания" [4], или же у лиц с синестезией имеются пока еще эмпирически не вскрытые индивидуальные различия и в других, более широких психологических сферах: личностно-типологических, темпераментальных, когнитивно-стилистических и т. д. Поэтому на текущий момент одной из насущных задач в мировой практике исследования синестезии является выявление у синестетов индивидуальных особенностей не только в аттенциональных и мнестических процессах, но и в когнитивно-познавательной сфере, темпераментально-характерологическом и личностно-типологическом проявлениях.

Понятие синестезия в самом широком его использовании на текущий момент охватывает несколько групп психофизиологических феноменов, основное подобие между которыми заключается в том, что все они в той или иной мере отражают функциональное взаимодействие сенсорных систем в когнитивной сфере человека [2; 7 – 8; 10]. В отечественной психологической науке под синестезией традиционно понимается как межмодальные коорди-

нации, переносы и ассоциации, в основе порождения и возможного гибкого изменения которых лежит познавательный опыт (см., например, [1; 3], так и онтогенетически сверххраняемые спонтанные "явления возникновения в ответ на раздражение вторичных ощущений и представлений другого качества" [2], которые обладают *постоянством и произвольностью* [2]. В то же время необходимо подчеркнуть, что в устоявшейся на сегодняшний день терминологии некоторые отечественные [7] и большинство зарубежных исследователей, говоря о синестезии, имеют в виду только последнее – предположительно врожденное (т. е. условно врожденное) – проявление [2; 7 – 8; 10]. Подчеркнем, что феноменологический анализ обеих форм генезиса синестезии (ассоциативно-познавательного, основанного на опыте и произвольного, порождаемого эндогенно неосознаваемыми процессами физиологической природы) убедительно показывает как качественные, так и количественные различия между ними [2; 7; 19].

В предлагаемой нами публикации представлены результаты исследования лиц с синестезией (синестезией естественного развития) графемно-цветовой разновидности, и следовательно термин *синестезия* используется нами исключительно для обозначения синестезии данной *формы проявления* (*developmental synaesthesia*).

Примером "вторичных ощущений" при произвольной синестезии раннего естественного развития графемно-цветовой разновидности может служить ощущение цвета, проявляющееся в ответ на восприятие начертания буквы

или цифры (графемы) [20]. При этом практически во всех без исключения случаях при данном виде синестезии система цветов, привязанная к системе алфавита, остается в субъективном опыте синестета необъяснимой и неизменной на протяжении всей жизни. Так, буква "у", воспринимаемая в светло-бордовых тонах, *неизменно и необъяснимо* для самого синестета будет обретать ощущение этого и только этого оттенка, даже если у данной буквы разовьются иные, основанные на гибком опыте, ассоциации.

Сопоставление результатов экспериментальных исследований, направленных на выявление индивидуальных различий у лиц с синестезией, проведенных коллективами зарубежных ученых, позволяет уверенно говорить о том, что наличие данного феномена восприятия сопряжено с другими дифференциальными свойствами субъективной и практической сферы синестетов [4; 9; 12; 16 – 18].

В частности, можно выделить следующее:

1) избирательность нетипичных сенсорных реакций на стимулы, имеющие особое категориально-семантическое содержание (например, в ответ на восприятие не всех знаков на письме, а исключительно "на буквы");

2) большая степень чувствительности той сенсорной модальности, которой принадлежат синестетические реакции, её более тесная функциональная связь с другими модальностями;

3) выборочная фасилитация механизмов памяти, в каждом индивидуальном случае имеющейся разновидности синестезии ограниченная областью, подпадающей под содержание стимула-реакции;

4) зависимость порождения синестетической реакции от значения стимулов и возможность расширения выборки стимулов и переноса реакций на новые стимулы путем усвоения знаний и опыта по аналогии или переозначивания;

5) возможность использования синестетических реакций при переносе уже усвоенных категорий на новые знания с преимуществом в определенных обучающих ситуациях;

6) склонность к образному самовыражению и поиск соответствующих художественных средств [9 – 10].

Кроме того, психологическими методиками, включая тесты самоотчетов и личностные опросники, также выявляются некоторые дифференциальные свойства, *коррелирующие с наличием синестезии*. В частности, несколько исследований продемонстрировали, что личностно-типологические особенности синестетов включают такие диспозиционные свойства, как большая выраженность фактора *открытости опыту* (англоязычная версия Пятифакторного личностного опросника Р. МакКрае и П. Коста в исследованиях), относительно низкий показатель по шкале *дружелюбности/согласия* (agreeableness) [12], большая *склонность к конвергентному* (по тесту С. Медника), чем дивергентному мышлению (по тесту на Альтернативное использование Дж. Гилфорда) [21].

Немаловажно то, что при сравнительном анализе результатов исследований дифференциальных особенностей, (гипотетически) сопряженных с синестезией естественного развития, можно прийти к выводу о том, что неполная или неверная содержательная интерпретация вопросов может вести к противоречиям между показателями, полученными по тем или иным шкалам. Например, в исследованиях синестетов были получены: высокие показатели одновременно по шкалам открытости опыту

[12] на фоне повышенной поглощенности [17]; высокий показатель общительности и экстраверсии [26], но низкий – по фактору доброжелательности/согласия [12], высокий показатель добросовестности [18] и нейротизма [12]; склонность к творчеству и конвергентность мышления [22].

Таким образом, для более ясного понимания *системного характера* дифференциальных свойств психофизиологии лиц с синестезией необходимо, наряду с получением результатов аппаратных исследований, сопоставлять последние с большим числом данных по личностным, когнитивно-стилистическим и другим общепсихологическим аспектам. При этом одним из способов уточнения и разрешения противоречий и содержательного смешения фиксируемых проявлений синестезии при фиксации черт-факторов могло бы быть, на наш взгляд, применение альтернативных опросников и тестов самоотчета, в которых сходное содержание личностных черт концептуализируется в виде факторов идентичного уровня анализа, но в несколько ином ракурсе.

Феномен психологических границ и его содержательные характеристики исходя из методологических предпочтений исследователей в разные периоды понимался по-разному. Э. Хартманн [14] видел "прототип" понятия о проницаемости психологических границ в идеи В. Джеймса о разделении людей на радикальных эмпириков и гибких рационалистов ("tough minded empiricists" и "tender minded rationalists") и в разработках К. Левина, определявшего поведение человека в терминах психологического поля и делящих его границ, от "плотности" которых зависит его динамика. В познавательной сфере, по мнению Э. Хартманна, к понятию границ можно отнести индивидуальный способ ("стиль") деления психического содержания на сознательную, логическую иерархическую систему понятий, и предсознательную, коннотативную организацию параллельной переработки информации, разрабатываемый в трудах С. Медника, К. Спенса и Д. Бродбента. Будучи как защитным, так и адаптационным механизмом, та или иная организация может характеризовать когнитивный стиль людей, чьи психические функции могут быть направлены на строгое разграничение понятий и в качестве обратной стороны этого процесса на игнорирование новых связей и идей. С другой стороны, принимая тонкие переходы между понятиями, чрезмерная прозрачность может доходить до спутанности, размытости и даже аутистических форм мышления и восприятия. Такие психологические понятия, как широта категории, когнитивный стиль, отражают индивидуальную степень стремления к единообразию групп, понятий, типов и т. д., что отражает жесткие/свободные концептуальные разграничения.

В современной отечественной психологии идеи психологического пространства личности и её границ раскрываются в работах С. К. Нартовой-Бочавер. Исследователь дает следующее определение: "психологическое пространство личности – это субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека" [6]. В трудах А. Н. Леонтьева понятие "личность" предполагает в первую очередь *ограничения социально-психологические*, т. е. ограничения, которые общество и культура накладывают на поведение, способ деятельности человека и удовлетворения его потребностей, и без которых лич-

ность не может существовать, не может понять и осознать себя [5].

Согласно нашему пониманию системного характера синестезии естественного развития, постановка вопроса и получение данных об особенностях психологических границ у респондентов-синестетов в рамках теории Э. Хартманна может способствовать более дифференцированной интерпретации зачастую взаимоисключающих показателей, полученных ранее посредством других методик (например, открытость опыту, конвергентный характер мышления, низкий показатель по фактору доброжелательности/согласия, повышенный показатель поглощенности и т. д.).

Гипотезой данного исследования явилось предположение о том, что психическая сфера лиц, обладающих синестезией естественного развития, также характеризуется более проницаемыми психологическими границами.

Методики. С целью диагностики проницаемости психологических границ был использован сокращённый вариант опросника Э. Хартманна *Психологические границы личности* в адаптации О. А. Шамшиковой и В. И. Волоховой [11]. Данный опросник адаптирован на российской выборке ($N = 627$) состоит из 18 пунктов (14 прямых и 4 обратных вопросов), ответы на которые метрически анализируемы и могут считаться эмпирически проверенными индикаторами степени проницаемости психологических границ. Адаптация данного опросника происходила в три этапа. Первый этап включал в себя процедуру перевода опросника, а также непосредственное конструирование рабочей версии методики. На втором этапе оценивались психометрические свойства опросника (конструктная и ретестовая валидность, дискриминативность и сложность пунктов теста, надёжность α -Кронбаха). В процессе адаптации были обнаружены корреляционные связи на 1 %-м и 5 %-м уровне значимости опросника со шкалами следующих методик: "Суверенность психологического пространства" С. К. Нартова-Бочавер ($N = 450$), ММРП ($N = 57$), опросник И. Майерс-Бриггс ($N = 61$), Я-структурный тест Г. Аммона ($N = 57$), "Границы Я" Н. Браун в адаптации Е. О. Шамшиковой ($N = 511$). На третьем этапе осуществлялась стандартизация опросника – проверка типа распределения полученных тестовых баллов и конструирование тестовых норм. Чем выше количество набранных баллов по опроснику, тем более проницаемые ("тонкие") границы у респондента [11].

Выборка респондентов составила 102 человека (18 мужчин и 84 женщины в возрасте от 17 до 53 лет). Соответственно, для определения достоверности различий по искомому показателю сравнительный расчет был проведен по двум исследуемым группам: экспериментальная группа (ЭГ), в которую вошли респонденты с синестезией, и контрольная группа (КГ), включающая респондентов без синестезии. Обе группы включали в себя одинаковое количество мужчин и женщин (9 мужчин и 41 женщина в каждой группе), что позволяло исключить половую специфику результатов исследования. При этом гендерная диспропорция в пользу женского пола отражает статистически фиксируемый половой диморфизм в биологическом и социальном проявлении синестезии [14].

В частности, в экспериментальную группу (ЭГ) были включены лица, чьи синестетические особенности восприятия проявились в раннем детстве, отличаются автоматичностью и неподконтрольностью волевым процессам и обладают системным проявлением и необъяснимой познавательной функцией. Выборка респондентов-синестетов осуществлялась по единому критерию: подтверждаемому наличию хотя бы одной разновидности феномена – графемно-цветовой синестезии. Добровольцы для экспериментальной группы были набраны несколькими способами. 15 респондентов участвовали в предыдущих очных экспериментах и тестировании, проводимых одним из авторов. Достоверность их синестетических проявлений неоднократно подтверждалась неподготовленными сопоставлениями букв и примеров цвета из профессиональных цветовых палитр или дизайнерских компьютерных программ через большие промежутки времени (см., например, С. Л. Рубинштейн, 1989; С. В. Кравков, 1948), экспериментами, а также тестом на истинность синестезии (Texsyn Toolbox для MATLAB). Остальная часть респондентов-синестетов была выбрана из банка анкетных данных (самоотчетов) российского синестетического сообщества по критерию согласия на участие в тестировании и наличию графемно-цветовой синестезии. Верификация синестетических реакций данной группы проводилась в свободном собеседовании с проверкой на определенные закономерности, характер цветовых вторичных ощущений, обычно неизвестных самим синестетам [15; 19 – 20], и последовательность содержания их спонтанных самоотчетов, требуемых без предупреждения через большой промежуток времени (3 – 4 месяца).

Статистическая обработка. Результаты исследований подвергались статистической компьютерной обработке с помощью программного обеспечения SPSS+PS для Windows. Для окончательных выводов использовались только значимые результаты. После разделения испытуемых по двум группам: респонденты с синестетическими проявлениями (ЭГ) и респонденты без синестетических проявлений (КГ) – была произведена оценка проницаемости границ по методике Э. Хартманна *Психологические границы личности* в адаптации О. А. Шамшиковой и В. И. Волоховой. Графическое изображение результатов диагностики представлены на рис. 1.

Ниже приведены описательные статистики полученных данных (таблица 1).

Для данных по шкале опросника Э. Хартманна *Психологические границы личности* в адаптации О. А. Шамшиковой и В. И. Волоховой рассчитан непараметрический критерий U-Манна-Уитни, который позволяет выявить различие между двумя независимыми выборками (таблица 2).

Таким образом, с помощью критерия Манна-Уитни удалось выявить, что различия между ЭГ и КГ являются значимыми ($U = 344,5$ при $p = 0,0001$). С помощью критерия Манна-Уитни и сравнению по среднему рангу между ЭГ и КГ удалось получить следующие показатели различия: испытуемые ЭГ достоверно превосходят испытуемых КГ по параметру *психологические границы личности* ($U = 344,500$ при $p = 0,001$).

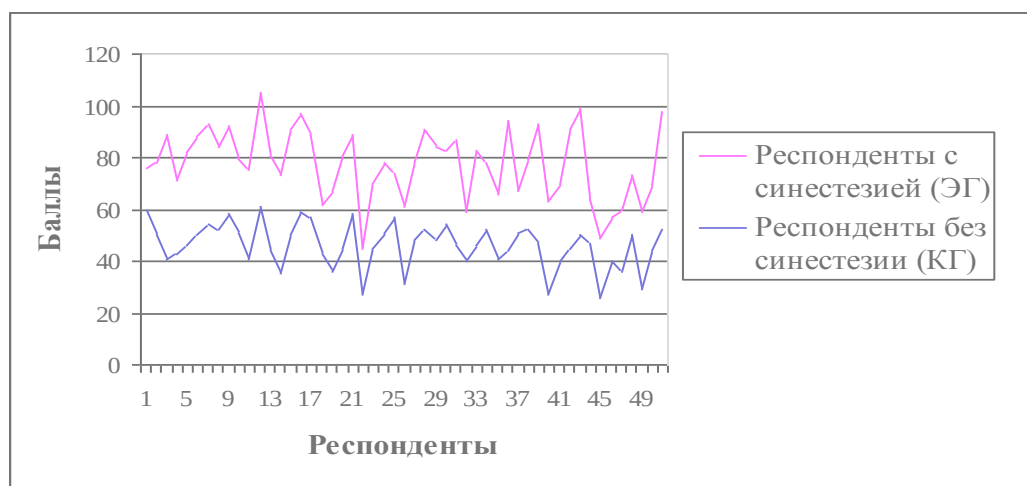

Рис. 1. Оценка проницаемости границ по методике Э. Хартманна у респондентов с синестезией (ЭГ – экспериментальная группа) и без синестезии (КГ – контрольная группа)

Fig. 1. Evaluation of the transparency of boundaries by E. Hartmann's procedure in respondents with synaesthesia (ЭГ – experimental group) and without it (КГ – control group)

Таблица 1. Описательные статистики

Table 1. Descriptive statistics

	<i>n</i>	<i>Размах</i>	<i>Минимум</i>	<i>Максимум</i>	<i>Среднее</i>	<i>Стд. отклонение</i>
Респонденты с синестезией	51	35	26	61	46,1373	8,69257
Респонденты без синестезии	51	34	16	50	31,5882	9,28478

Таблица 2. Достоверность различия в значениях именуемого признака

Table 2. Accuracy of the differences in the values of the defined characteristic

<i>Исследуемый признак – психологические границы</i>	<i>Средний ранг</i>	<i>U - критерий</i>	<i>Уровень значимости</i>
Респонденты с синестезией	70,25	344,500	p = 0,001***
Респонденты без синестезии	32,75		

Примечание: *** – уровень значимости $p < 0,001$.

Таким образом, подтверждается выдвинутая нами гипотеза о том, что лица, обладающие синестезией естественного развития (по крайней мере графемно-цветовой ее разновидностью), отличаются более проницаемыми психологическими границами, нежели респонденты без синестезии.

Выводы и обсуждение

Выявленное в ходе экспериментального исследования достоверное различие по шкале *проницаемости границ* опросника ПГЛ имеет большое значение в контексте системного понимания синестезии естественного развития. В первую очередь, представленные результаты непосредственно позволяют еще раз подтвердить вывод о том, что перцептивные синестетические особенности восприятия представляют собой индивидуальное различие не только в изолированном, парциально-физиологическом смысле, но и обладают *демонстрируемой зависимостью* с другими, более общими свойствами личностно-типологического плана в пределах системной организации психики, в частности: повышенной степенью проницаемости психологических границ. Во-вторых, используемая в данном исследовании методика, при идентичном уровне анализа первичных, "сквозных" личностных черт, представляет собой определенную альтернативу традиционным личностным

опросникам, так как она рассматривает личность (и психику в целом) с точки зрения гибкости и открытости и, что немаловажно, выполняет этот анализ с более широкими, безоценочными позициями, т. е. с учетом как возможных преимуществ, так и негативных последствий (в терминах Э. Хартманна: "value-free"). В этой связи полученные данные позволяют внести уточнения или даже несколько по-иному интерпретировать результаты более ранних исследований дифференциальных свойств у лиц с синестезией. В-третьих, полученные показатели по опроснику ПГЛ будут способствовать более точной постановке вопроса о возможном статусе синестезии по отношению к другим индивидуальным различиям в когнитивной сфере и в системе личностных свойств.

Таким образом, разрешая некоторые противоречивые выводы по результатам ранних исследований, полученные показатели по корреляции базового фактора опросника ПГЛ с наличием синестетических особенностей восприятия не только вносят вклад в *системное понимание* феномена синестезии, но также позволяют в дальнейшем точнее поставить вопрос о *психологическом статусе* синестезии как об элементарной способности с определенной степенью функциональной автономии и/или определенной латентной конституциональной черте, актуализирующейся в сопряжении с другими когнитивными инди-

видуальными различиями и личностными свойствами и находящейся с ними в соподчиненной смежности или непосредственной иерархической (онтогенетической, функциональной и т. д.) зависимости. Более четкое определение психологического статуса феномена синестезии представляется нам немаловажной задачей для понимания

взаимосвязей сенсорного, познавательного и личностного аспектов психической активности как в общетеоретическом плане, так и в плане разработки практического способа выявления особенностей этого статуса в каждом индивидуальном случае.

Литература

1. Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. М.: МГУ, 1973.
2. Кравков С. В. Взаимодействие органов чувств. М.: Акад. наук СССР, 1948.
3. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
4. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: МГУ, 1968.
5. Марцинковская Т. Д. Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии. 2008. № 3. С. 55 – 62.
6. Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.
7. Натадзе Р. Г. К вопросу о психологической природе интермодальной общности ощущений // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 49 – 57.
8. Рамачандран В., Хаббард Э. Звучащие краски и вкусные прикосновения // В мире науки. 2003. № 8. С. 47 – 53.
9. Сидоров-Дорсо А. В. Синестезия естественного развития в рамках теории о способностях: анализ современных исследований // Психология. Журнал ВШЭ. 2013а. № 2. С. 173 – 180.
10. Сидоров-Дорсо А. В. Современные исследования синестезии естественного развития // Вопросы психологии. 2013б. № 4. С. 147 – 158.
11. Шамшикова О. А., Волохова В. И. Психометрический анализ и стандартизация зарубежной методики "Психологические границы личности" Э. Хартманна // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 5(42). С. 243 – 248.
12. Banissy M. J., Holle H., Cassell J., Annett L. E., Walsh V., Spiller M. J., Tsakanikos E., Ward J. Personality traits in people with synaesthesia: Do synaesthetes have an atypical personality profile. *Personality and Individual Difference*. 2013. № 54(7). P. 828 – 831.
13. Cytowic R. E. Synaesthesia: phenomenology and neuropsychology - a review of current knowledge. In: S. Baron-Cohen and J. Harrison (Eds.). *Synaesthesia: Classic and Contemporary Readings*. Oxford, England: Blackwell. 1997. P. 17 – 39.
14. Hartmann E. Boundaries of dreams, boundaries of dreamers: thin and thick boundaries as a new personality dimension. *Psychiatric Journal of the University of Ottawa*. 1989. Vol. 14. P. 557 – 560.
15. Jürgens U. M., Nikolić D. Ideasthesia: Conceptual processes assign similar colours to similar shapes. *Translational Neuroscience*. 2012. № 3(1). P. 22 – 27.
16. Meier B. Semantic representation of synaesthesia. In: S. Day, A. V. Sidoroff-Dorso (Eds.). *Theoria et Historia Scientiarum*. 2013. Vol. 10. P. 125 – 134.
17. Rader C. M., Tellegen A. An investigation of synesthesia. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52. P. 981 – 987.
18. Rogowska A. Synaesthesia and individual differences. Cambridge: Cambridge University Press (2015, in press).
19. Sagiv N., Ilbeigi A., Ben-Tal O. Reflections on Synaesthesia, Perception, and Cognition, *Intellectica*. 2011. № 55(1). P. 81 – 94.
20. Simner J., Ward J., Lanz M., Jansari A., Noonan K., Glover L., Oakley D. A. Non-random associations of graphemes to colours in synaesthetic and non-synaesthetic populations. *Cognitive Neuropsychology*. 2005. № 22(8). P. 1069 – 1085.
21. Ward J. Synesthesia. *Annual Review of Psychology*. 2013. Vol. 64. P. 49 – 75.
22. Ward J., Thompson-Lake D., Ely R., Kaminski F. Synaesthesia, creativity and art: What is the link? *British Journal of Psychology*. 2008. Vol. 99. P. 127 – 141.

PSYCHOLOGICAL BOUNDARIES IN PEOPLE WITH DEVELOPMENTAL SYNAESTHESIA

Anton V. Sidoroff-Dorso^{1, @1}, Valentina I. Volokhova^{2, @2}

¹ Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya street, Moscow, Russia, 119992

² Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya street, Novosibirsk, Russia, 630126

@¹ anton.dorso@gmail.com

@² nargizal13@yandex.ru

Received 28.03.2016.

Accepted 21.09.2016.

Abstract: Having briefly exposed some discrepant data of previous independent research into links between developmental (congenital) synaesthesia and other

Keywords: synaesthesia, developmental synaesthesia, psychological boundaries, individual differences, E. Hartmann's inventory, boundary questionnaire.

individual differences in personality and cognition, the authors present the results of their own empirical study of psychological boundaries in synaesthetes. Psychological boundaries are measured with E. Hartmann's inventory and conceptualized as a dimension that cumulatively reflects the degree of ease of functional transition ("transparency") between various psychological process, states, etc. The study contrastingly involved people with synaesthesia and those without the condition (N = 102) and revealed a significant positive correlation between synaesthesia and greater transparency of psychological boundaries. We conclude by applying the results to straighten the controversial interpretations of previously received data regarding synaesthesia-related differential traits, which specifies the psychological status of synaesthesia in a systems approach to understanding the human mind.

For citation: Sidoroff-Dorso A. V., Volokhova V. I. Osobennosti psikhologicheskikh granits u lits s sinesteziiey estestvennogo razvitiia [Psychological boundaries in people with developmental synaesthesia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 187 – 192. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-187-192.

References

1. Velichkovskii B. M., Zinchenko V. P., Lurii A. R. *Psikhologiya vospriiatiia* [Psychology of perception]. Moscow: MGU, 1973.
2. Kravkov S. V. *Vzaimodeistvie organov chuvstv* [The interaction of the senses]. Moscow: Akad. nauk SSSR, 1948.
3. Lurii A. R. *Malen'kaia knizhka o bol'shoi pamiati* [Small book about a great memory]. Moscow: MGU, 1968.
4. Lurii A. R. *Leksii po obshchei psikhologii* [Lectures on General psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2006.
5. Martsinkovskaia T. D. Psikhologicheskie granitsy: istoriia i sovremennoe sostoianie [Psychological boundaries: history and current status]. *Mir psikhologii* = *The world of psychology*, no. 3 (2008): 55 – 62.
6. Nartova-Bochaver S. K., Bochaver K. A., Bochaver S. Iu. *Zhiznennoe prostranstvo sem'i: ob"edinenie i razdelenie* [The living space of the family: merge and split]. Moscow: Genezis, 2011.
7. Natadze R. G. K voprosu o psikhologicheskoi prirode intermodal'noi obshchnosti oshchushchenii [To the question about the psychological nature of intermodal unity of sensations]. *Voprosy psikhologii* = *Questions of psychology*, no. 6 (1979): 49 – 57.
8. Ramachandran V., Hubbard E. Zvuchashchie kraski i vkusnye prikosnoveniia [Sounding colors and delicious touch]. *V mire nauki* = *In the world of science*, no. 8 (2003): 47 – 53.
9. Sidorov-Dorso A. V. Sinesteziia estestvennogo razvitiia v ramkakh teorii o sposobnostiakh: analiz sovremennykh issledovaniy [Synesthesia is a natural development in the framework of the theory of abilities: analysis of current research]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE* = *Psychology. Journal of HSE*, no. 2 (2013a): 173 – 180.
10. Sidorov-Dorso A. V. Sovremennye issledovaniia sinesteziy estestvennogo razvitiia [Modern studies of synesthesia natural development]. *Voprosy psikhologii* = *Questions of psychology*, no. 4 (2013b): 147 – 158.
11. Shamshikova O. A., Volokhova V. I. Psikhometricheskii analiz i standartizatsiia zarubezhnoi metodiki "Psikhologicheskie granitsy lichnosti" E. Khartmanna [Psychometric analysis and standardization of foreign methods of Psychological borders personality" by E. Hartmann]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia* = *The world of science, culture and education*, no. 5(42) (2013): 243 – 248.
12. Banissy M. J., Holle H., Cassell J., Annett L. E., Walsh V., Spiller M. J., Tsakanikos E., Ward J. Personality traits in people with synaesthesia: Do synaesthetes have an atypical personality profile. *Personality and Individual Difference*, no. 54(7) (2013): 828 – 831.
13. Cytowic R. E. Synaesthesia: phenomenology and neuropsychology – a review of current knowledge. *Synaesthesia: Classic and Contemporary Readings*. Ed. Baron-Cohen S., Harrison J. Oxford, England: Blackwell. 1997, 17 – 39.
14. Hartmann E. Boundaries of dreams, boundaries of dreamers: thin and thick boundaries as a new personality dimension. *Psychiatric Journal of the University of Ottawa*, Vol. 14 (1989): 557 – 560.
15. Jürgens U. M., Nikolić D. Ideaesthesia: Conceptual processes assign similar colours to similar shapes. *Translational Neuroscience*, no. 3(1) (2012): 22 – 27.
16. Meier B. Semantic representation of synaesthesia. *Theoria et Historia Scientiarum*, ed. Day S., Sidoroff-Dorso A. V., Vol. 10 (2013): 125 – 134.
17. Rader C. M., Tellegen A. An investigation of synesthesia. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 52 (1987): 981 – 987.
18. Rogowska A. *Synaesthesia and individual differences*. Cambridge: Cambridge University Press (2015, in press).
19. Sagiv N., Ilbeigi A., Ben-Tal O. Reflections on Synaesthesia, Perception, and Cognition. *Intellectica*, no. 55(1) (2011): 81 – 94.
20. Simner J., Ward J., Lanz M., Jansari A., Noonan K., Glover L., Oakley D. A. Non-random associations of graphemes to colours in synaesthetic and non-synaesthetic populations. *Cognitive Neuropsychology*, no. 22(8) (2005): 1069 – 1085.
21. Ward J. Synesthesia. *Annual Review of Psychology*, Vol. 64 (2013): 49 – 75.
22. Ward J., Thompson-Lake D., Ely R., Kaminski F. Synaesthesia, creativity and art: What is the link? *British Journal of Psychology*, Vol. 99 (2008): 127 – 141.

УДК 159.9.072:615.851

**ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ
КАРЕН ХОРНИ***Эмилия А. Соколова^{1, @}*¹ Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Беларусь, 246019, г. Гомель, ул. Советская, 104
@emiliasokolova@yandex.ru*Поступила в редакцию 22.04.2016.
Принята к печати 06.07.2016.***Ключевые слова:** проблема, невроз, внутриличностный конфликт, идеальный образ, личность, социокультурная среда, отчуждение, враждебность, страх.**Аннотация:** Цель исследования – установление методом теоретического анализа литературы взглядов К. Хорни на психологические проблемы. Термин «психологическая проблема» К. Хорни описывает эмоциональную, когнитивную и поведенческую составляющие проблем личности, что позволяет трактовать проблемы в качестве психологических. Эмоциональная, когнитивная и поведенческая составляющие проблем взаимосвязаны, что позволяет говорить об определенной структуре психологических проблем. Возникновение проблем, в понимании К. Хорни, связано с социокультурными условиями, создающими для человека психотравмирующую ситуацию (или среду), переработка которой зависит от его личностных особенностей, и приводит в одних случаях к возникновению невроза, в других – к возникновению психологических проблем. На фоне психологических проблем и неудачной попытки к ним адаптироваться возникает невроз, который можно считать вторичной проблемой на фоне первичной психологической проблемы. К. Хорни выделяет личностные проблемы, проблемы производственной деятельности, проблемы взаимоотношений и проблемы, связанные с целью. Социальные проблемы в частности, проблемы производственной деятельности, проблемы во взаимоотношениях могут возникать вторично и являться следствием личностных проблем. Полученные результаты показывают, что, несмотря на ненаправленность исследований К. Хорни на психологические проблемы, сравнивая проблемы с неврозом, она указывает на отдельные виды психологических проблем, их причины, механизмы возникновения, структуру, последствия, что позволяет выделить психологические проблемы в отдельную психологическую категорию. Полученные результаты расширяют их понимание и могут быть полезны практическому психологу при работе с клиентами.**Для цитирования:** Соколова Э. А. Представленность психологических проблем в характерологическом анализе Карен Хорни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 193 – 198. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-193-198.

Как пишут Е. Л. Николаев и А. Н. Захарова, «в современном обществе резко возросло количество рисков для психического здоровья» [7, с. 175]. Человек не успевает приспособиться к новым рискам, во-первых, потому что психофизиологическая основа адаптации осталась прежней, во-вторых – они нарастают слишком быстро, в третьих – соответствующих моделей адаптации нет в прежнем опыте. Следствием является увеличение количества психологических проблем. Их спектр в настоящее время значительно пополнился за счет проблем, связанных с техническим прогрессом, изменением природных условий, ростом и старением населения, борьбой за рынки сбыта, территории, ресурсы, рабочие места и т. д. Нерешенные психологические проблемы создают для человека вторичные проблемы, среди которых многочисленные психосоматические заболевания [6; 8 и др.], суициды [3; 4 и др.], эмоциональное выгорание [1 и др.] и ряд других.

Значительное количество психологических проблем и их многочисленные негативные последствия привели к тому, что разные виды психологических проблем активно изучаются и широко представлены в научной литера-

туре. Однако, основатели проблемно-ориентированной психотерапии А. Блазер, Э. Хайм, Х. Рингер и Ф. Томмен указывают на отсутствие ее научного обоснования [2]. Научное обоснование проблемно-ориентированной психотерапии предполагает, в первую очередь, теоретико-методологическое обоснование психологических проблем в качестве научной категории. Пока его нет, но увеличение рисков обуславливает такую необходимость.

Обоснование научной категории включает ряд составляющих, среди которых необходимой является систематизация условий и предпосылок возникновения психологических проблем. Исследованиями З. Фрейда и К. Хорни установлено, что предпосылками невроза являются личностные особенности человека, у которого невроз возникает [13]. В исследованиях К. Хорни наиболее широко представлены многочисленные и разнообразные личностные особенности человека, у которого возникает невроз, и доказана их связь с неврозом [9 – 11; 13]. Учитывая, что человек обращается к психологу с психологической проблемой, которая его беспокоит, недостаточно ясным представляется соотношение личност-

ных особенностей, психологической проблемы и невроза. Возможно, переход от личностных особенностей к неврозу включает промежуточное звено – психологическую проблему? Для ответа на этот вопрос необходимо провести анализ и систематизацию взглядов К. Хорни на психологические проблемы: их происхождение, условия и предпосылки возникновения, их состав и структуру, который до настоящего времени не проводился, хотя анализ ее творчества представлен в научной литературе. Учитывая значимый вклад исследований К. Хорни в современную мировую психологию, включая исследования невроза и предшествующих ему личностных особенностей, выявление понимания ею психологических проблем, возможно, внесет свой вклад в теоретическое обоснование психологической категории «психологическая проблема». Такое исследование может осветить новые грани ее творчества, а также помочь практическому психологу и психотерапевту, работающему с проблемами клиента или пациента.

Целью исследования является установление и систематизация взглядов К. Хорни на психологическую проблему.

Метод исследования – теоретический анализ литературы посредством интерпретации. Метод интерпретации широко использовался в исследованиях сторонников теории объектных отношений М. Кляйн, и несмотря на ряд критических высказываний относительно этого метода, основные положения этой теории, выдвинутые с помощью метода интерпретации, получили признание в мировой психологии.

Интерпретация – «это способ понимания, порождения субъектом смысла понимаемого» [5, с. 21]. Одной из традиций понимания является герменевтическая традиция, представленная в исследованиях В. В. Знакова [5]. Со ссылкой на А. А. Пузыря, который выделял два вида интерпретации в рамках герменевтической традиции, В. В. Знаков пишет, что при использовании одного из видов интерпретации – интерпретации «порождения читательского смысла» – «углубление, расширение полнота интерпретации достигаются за счет объединения содержания текста с личностным знанием понимающего субъекта» [5, с. 19]. При этом В. В. Знаков отмечает, что «для понимания текста нужна встречающая мысль, которая выражается в вопросах» [5, с. 20].

Вид интерпретации «порождения читательского смысла» в рамках герменевтической традиции понимания использовался в исследовании. Учитывая, что исследование не связано с замыслом и направленностью К. Хорни, в каждой из анализируемых работ опора шла только на ее высказывания, которые приведены в статье. «Встречающая мысль» обозначена в цели исследования.

К. Хорни пишет, что в неблагоприятных социокультурных условиях у ребенка развивается «ощущение одиночества и беспомощности перед лицом потенциально враждебного мира» [9, с. 176].

В понимании К. Хорни, социокультурные условия способствуют возникновению у человека состояний, связанных с определенными эмоциями и переживаниями. Понимание мира как враждебного можно трактовать как иррациональную установку, которая формируется в детстве.

Как отмечает К. Хорни, «страх, тревога, паника могут быть реакциями на унижение или в предвидении его» [10, с. 90].

К. Хорни раскрывает содержание некоторых из социокультурных ситуаций или социокультурных условий, приводящих к таким эмоциональным состояниям.

«Эти установки сами по себе не составляют невроз, но они являются той почвой, на которой он может развиваться, так как именно их сочетание порождает базальное чувство беспомощности по отношению к миру, который воспринимается как потенциально враждебный» [11, с. 338 – 339].

В понимании К. Хорни, сформировавшиеся в детстве иррациональные установки приводят к переживаниям (переживание чувства беспомощности). Она устанавливает связь иррациональных установок (когниций) и переживаний (эмоций), но не в структуре невроза, а в структуре, предшествующей неврозу. Эту структуру она не называет.

К. Хорни пишет, что «невротическому развитию индивида в конечном счете способствуют чувства отчуждения, враждебности, страха и неуверенности в своих силах» [11, с. 338].

Вырисовывается определенная последовательность: психотравмирующая ситуация (психотравмирующая среда) → иррациональная установка → эмоции и переживания → невроз.

Осознание враждебности мира совместно с чувством отчуждения указывают на экзистенциальную проблему одиночества – психологическую проблему. Чувство беспомощности может указывать на снижение самооценки своих действий, которое также переживается и является личностной проблемой. У человека возникают личностные проблемы одиночества и собственной беспомощности. Они осознаются и переживаются.

Таким образом, К. Хорни выделяет ряд личностных проблем, которые могут предшествовать неврозу. Не обозначая психологическую проблему, К. Хорни, тем не менее, описывает ее как предпосылку невроза.

Однако, если в указанной схеме психотравмирующая ситуация может исчезнуть, то иррациональная установка и вызываемые ею переживания и эмоции сохраняются в единой взаимосвязанной структуре – структуре психологической проблемы.

Таким образом, представленная схема приобретает следующий вид: психотравмирующая ситуация (психотравмирующая среда) → иррациональная установка → эмоции и переживания → психологическая проблема (иррациональные установки и связанные с ними эмоции и переживания в единой структуре) → невроз.

К. Хорни объясняет происхождение переживаний следующим образом: «большинство переживаний являются следствием всей культурной ситуации, а не случаем» [11, с. 337]. Несмотря на то, что «социокультурные условия оказывают глубокое влияние на развитие и функционирование индивидуума» [13, с. 256], она отмечает, что «поразительно, какой силы фрустрацию может перенести человек без враждебности. Враждебность возникает, только если фрустрация несправедлива или ощущается как несправедливая, на базе невротических требований» [10, с. 56].

К. Хорни описывает определенную последовательность реакции субъекта на психотравмирующую ситуацию: осознание несправедливости, затем враждебность как эмоциональное отношение. Но враждебность может проявляться и во взаимоотношениях, и в поведении,

таким образом, к двум составляющим психологической проблемы – когнитивной и эмоциональной – добавляется третья – результирующая – поведенческая.

К. Хорни отмечает, что «индивидуальные отличия степени осознания весьма значительны» [10, с. 102].

Одной из индивидуальных особенностей личности, оказывающей влияние на возникновение невроза или психологической проблемы, является степень осознания.

К. Хорни задается вопросом, почему одни люди подвержены неврозу, а другие – нет, и приходит к выводу, что «люди, подверженные неврозам, больше пострадали от существующих трудностей, особенно в детстве» [11, с. 343].

Возможно, в основе этого лежит разная степень осознания, но К. Хорни этого не раскрывает.

В понимании К. Хорни, существует группа людей, в жизни которых были психотравмирующие ситуации, или которые длительно находились в психотравмирующей среде. Под воздействием этого у них сформировались иррациональные установки, появилось «чувства отчуждения, враждебности, страха и неуверенности в своих силах» [11, с. 338], появились связанные с этим особенности поведения – но не появился невроз. При этом она отмечает наличие психотравмирующей ситуации и психотравмирующих переживаний при проблемах, не связанных с неврозом. Таким образом, она прямо указывает на наличие проблем, не обусловленных неврозом. Хотя К. Хорни не обозначает эти проблемы термином «психологические», тем не менее это именно психологические проблемы, которые переживаются и осознаются, а также осознаются переживания при них. Структура психологической проблемы включает когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие.

Как следствие взаимодействия с социокультурной средой К. Хорни отмечает и создание идеального образа [10 – 11; 13]. «Этот образ определяется прежде всего страхом неодобрения и стремлением к признанию» [11, с. 341 – 342]. При неврозе человек уверен, что этот образ недостижим [11], и поэтому он не стремится его достичь, но стремится хотя бы продемонстрировать свое соответствие этому образу. К. Хорни пишет: «наиболее очевидное воздействие культурных факторов на неврозы следует искать в том, какой образ невротик стремится продемонстрировать себе и другим» [11, с. 341].

По мнению К. Хорни, «мы склонны придавать слишком большое значение ситуации как таковой и считаем, что именно она определяет наши реакции» [10, с. 87].

Не исключая роль ситуации в возникновении невроза, К. Хорни описывает ряд личностных особенностей, также играющих свою роль в его возникновении – степень осознания и идеальный образ – ригидный и недостижимый.

К. Хорни отмечает, что «типы проблем, повторяющихся в неврозах, не так уж отличаются от проблем здорового индивида в нашей культуре» [11, с. 342].

Если типы проблем здоровых людей и проблем невротиков не отличаются, то каковы отличия личности здорового человека и человека с неврозом?

Как пишет К. Хорни, значимую роль в создании идеального образа себя играет воздействие соперничества как фактора культуры [10]. При этом К. Хорни выделяет и людей, которые не включаются в соревнование с другими [10]. Она пишет: «даже в соревновательной культуре живет множество людей, для которых другие ценно-

сти (например, внутренний рост) важнее, чем соревновательное превосходство над другими» [10, с. 33]. Отвечая на вопрос, почему так происходит, К. Хорни приходит к выводу, что «базальное различие между здоровыми стремлениями и невротическим влечением к славе лежит в их побудительных мотивах» [10, с. 42]. «Здоровые стремления проистекают из присущей человеку склонности к развитию заложенных в нем способностей» [10, с. 24]. Как пишет К. Хорни, возникновение страха «включает ситуации, в которых мы ... хотим произвести хорошее впечатление» [10, с. 90]. «Чувства отчуждения, враждебности, страха и неуверенности в своих силах» [11, с. 338], «ощущение одиночества и беспомощности перед лицом потенциально враждебного мира» [9, с. 176] создают мотивацию стремления к признанию. К. Хорни указывает, что и предписания и идеалы имеют побудительный характер [10, с. 71]. Разницу между здоровыми и страдающими неврозом людьми К. Хорни видит и в реализации «ключевого различия – между самоосуществлением, то есть осуществлением подлинного себя и воплощением в жизнь идеального я» [10, с. 42].

Имеется различие в мотивах, направленности, потребностях, поведении невротика и здорового человека. Различие в мотивах, направленности, потребностях и поведении невротика и здорового человека, имеющих однотипные психологические проблемы, требует разных стратегий работы психолога или психотерапевта при однотипных проблемах здорового и невротика.

Человек эмоционально реагирует на ситуацию психотравмы [10, с. 56], которая приводит к возникновению невроза или психологической проблемы. К. Хорни отмечает, что «острая реакция гнева или даже ярости может пойти в одном из трех направлений» [10, с. 56]:

– «во-первых, она может быть подавлена по каким-то причинам, и тогда, как и любая подавленная враждебность, может проявиться в психосоматических симптомах: усталости, мигрени, желудочных расстройствах и т. д.» [10, с. 56]. «Враждебность, ненависть или презрение могут быть направлены против себя, если мы чувствуем, что сами заделали свою гордость» [10, с. 90]. «Жесткие самоупреки – не единственная форма, которую может принимать этот гнев на себя» [10, с. 90]. «У мстительной ненависти к себе есть так много далеко идущих содержаний» [10, с. 90]. *Речь идет об агрессии по отношению к себе;*

– «во-вторых, она может быть свободно выражена или, по крайней мере, полностью прочувствована» [10, с. 56]. Речь идет о мести [11, с. 341], то есть агрессии, направленной на окружающих. Она уточняет: «мы обнаруживаем очень много хорошо скрытой мстительности в большинстве случаев невроза» [10, с. 52]. Особенности полностью прочувствованных реакций в том, что «реакция паники, депрессии, ярости по отношению к себе и другим за то, что они полагают «неудачей» очень часты и совершенно несоразмерны действительной важности происшествя» [10, с. 36].

Среди реакций на проблему К. Хорни указывает и на поведенческие реакции – «третье направление реакции – погрузиться в страдание и жалость к себе» [10, с. 56]. Появился невидимый и неосознаваемый спутник, какая-то часть личности, которая себя жалеет.

К. Хорни пишет: «вот уникальное, идеальное существо, а вот – чужой, посторонний человек (наличное я),

который всегда рядом, всюду лезет, мешает, все путает» [10, с. 98].

При психотравме это может быть и вариантом нормальной психологической защиты, с одной стороны, защищающей от психологической проблемы, а с другой – создающей психологическую проблему.

Таким образом, К. Хорни выделяет три составляющих психологической проблемы: эмоциональную (эмоциональная реакция на психотравму), когнитивную и поведенческую. Установку, что человек с психологической проблемой нуждается в психологической поддержке, нельзя отнести к иррациональным, она может носить адаптивный характер.

К. Хорни выделяет иррациональные установки, играющие роль в происхождении психологических проблем, и рациональные установки во взаимодействии с собой на фоне психологической проблемы.

В результате анализа конфликтов К. Хорни приходит к выводу, что «невротический конфликт может быть как между двумя невротическими силами, так и между здоровыми и невротическими силами» [10, с. 99]. Причина этого обусловлена «частичной и полной вовлеченностью в конфликт» [10, с. 99]. При этом «за свою жизнь борется самая сердцевина нашего существа, наше подлинное я со своей способностью к росту» [10, с. 99].

Возможно, при частичной вовлеченности в конфликт невроза еще нет, но имеется психологическая проблема.

К. Хорни отмечает невротическую деформацию личности вследствие невроза [9 – 10]. Она пишет, что невротические наклонности обладают «определенной ценностью для индивида» [12, с. 348]. Это же касается и эмоциональных особенностей. По мнению К. Хорни, невротик «может вообще не относиться к своей эмоциональной ущербности как к расстройству, а напротив, будет ею гордиться» [10, с. 138].

Невротическая деформация личности, не являющаяся проблемой в понимании невротика, может явиться проблемой для его окружения. Эта деформация имеет свои последствия.

Рассматривая проблемы, связанные с производственной деятельностью, К. Хорни пишет: «каждая невротическая структура создает свой особый набор трудностей в работе. Это соотношение такое однозначное, что когда нам известна данная структура, мы можем с большой точностью предсказать природу возможных нарушений» [10, с. 257]. Таким образом, невроз деформирует личность, а деформированная личность вследствие своей деформации создает для субъекта психологические проблемы на работе (вторичные проблемы) [10, с. 257].

На фоне невроза возможны вторичные психологические проблемы.

С учетом возможности возникновения вторичных проблем представленная ранее схема расширяется. Она приобретает следующий вид: психотравмирующая ситуация (психотравмирующая среда) → иррациональная установка → эмоции и переживания → психологическая проблема (иррациональные установки и связанные с ними эмоции, переживания и поведенческие реакции в единой структуре) → невроз → деформация личности → вторичные психологические проблемы.

Высказывание К. Хорни, что «все индивидуальные склонности вовлечены в столь тесные взаимоотношения,

что на протяжении жизни человека главная роль может доставаться то одной, то другой» [10, с. 35], можно трактовать следующим образом: для человека изменяется смысл ситуации или среды, изменяется соотношение «фигура – фон», изменяется направленность. Новые цели могут создавать новые проблемы, значит, существуют проблемы, направленные в будущее, и обусловленные поставленной целью.

Еще одна возможность появления психологических проблем показана К. Хорни: «человек может навязывать свои нормы другим и неумолимо требовать совершенства от них» [10, с. 73]. При этом создаются условия для возникновения проблем и конфликтов во взаимоотношениях. К. Хорни об этом пишет: «какова бы ни была основная установка личности, большая часть процесса всегда выносится вовне: он переживается как нечто происходящее между самой личностью и другими» [10, с. 73]. За счет этого «напряжение внутреннего конфликта ослабляется его превращением в межличностный» [10, с. 102].

Вынесение проблем вовне, таким образом, играет адаптивную роль, но возникают проблемы во взаимоотношениях, которые в такой трактовке К. Хорни – вторичны на фоне невроза и несут в какой-то мере адаптивный характер, так как снижают уровень внутреннего напряжения. Социальные проблемы могут являться следствием личностных проблем.

Попытка адаптации – это поведенческая составляющая не только невроза, но и психологической проблемы. Если у человека невроз не развивается – значит его попытки адаптации к существованию с проблемой или ее решению оказались более удачными, чем у человека с неврозом, но менее удачными, чем у здорового человека, раз его проблема длительно существует и не решается.

К. Хорни отмечает, что «сознательная установка человека по отношению к своим нарушениям бывает различной» [10, с. 138]. «Иногда способный к проницательным наблюдениям над другими, невротик свои собственные чувства, мысли или действия может упорно удерживать неосознанными» [10, с. 107].

«Такое состояние сознания, в свою очередь, не слишком отдалено от состояния здоровых с виду людей, которые страдают от случайных частичных "выпадения из памяти" или "слепых пятен", касающихся определенных областей внешних или внутренних переживаний» [10, с. 131].

По мнению К. Хорни, у здоровых – отсутствие осознания частичное, не такое глобальное, как это возможно при неврозе. Кроме этого, невротик не считает особенности своей личности, создающие проблемы в социальных отношениях, проблемой для себя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Термин «психологическая проблема» К. Хорни не обозначает, однако описывает взаимосвязанные эмоциональную, когнитивную и поведенческую составляющие проблем личности, что позволяет трактовать эти проблемы в качестве психологических.

2. Взаимосвязь эмоциональной, когнитивной и поведенческой составляющих психологических проблем, показанная К. Хорни, позволяет говорить об определенной структуре психологических проблем. Это позволяет вы-

делить психологическую проблему в качестве самостоятельной категорией.

3. Возникновение проблем, в понимании К. Хорни, связано с социокультурными условиями, создающими для человека психотравмирующую ситуацию (или среду), переработка которой зависит от его личностных особенностей и приводит в одних случаях к возникновению невроза, в других – к возникновению психологических проблем.

4. Механизм возникновения проблем обусловлен, с одной стороны, созданием ригидного идеального образа и пониманием своего несоответствия этому образу, что рождает противоречивые тенденции, с другой стороны, попыткой приспособиться к своему несоответствию и внешне ему соответствовать.

5. На фоне психологических проблем и неудачной попытки к ним адаптироваться возникает невроз, который можно считать вторичной проблемой на фоне первичной психологической проблемы.

Литература

1. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. Блазер А., Хайм Э., Рингер Х., Томмен Ф. Проблемно-ориентированная психотерапия: интегративный подход. М.: Класс, 1998. 272 с.
3. Дольто Ф. На стороне подростка. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 368 с.
4. Дмитриева Н. В., Короленко Ц. П., Левина Л. В. Психологические особенности личности суицидальных подростков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1(61). Т. 1. С. 127 – 134.
5. Знаков В. В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14 – 23.
6. Королева Е. Г. Психосоматика. Минск: ИВЦ Минфина, 2007. 216 с.
7. Николаев Е. Л., Захарова А. Н. Психическое здоровье населения на постсоветском пространстве: кросс-культурный подход // Современные подходы к продвижению здоровья: материалы V Международной научно-практической конференции (Гомель, 15 – 16 мая 2014 года): редколлегия А. Н. Лызинов [и др.]. Вып. 5. Гомель.: Гом ГМУ, 2014. С. 174 – 176.
8. Тополянский В. Д., Струковская М. В. Психосоматические расстройства. М.: Медицина, 1986. 384 с.
9. Хорни К. Характерологический анализ // Техники консультирования и психотерапии / ред. и сост. У. С. Сахакиан; науч. ред. Н. Бурыгина, Р. Римская. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО Пресс, 2000. С. 174 – 206.
10. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. 239 с. Режим доступа: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 15.03.2016).
11. Хорни К. Культура и неврозы // Зарубежный психоанализ / сост. и общая редакция В. М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. С. 335 – 347.
12. Хорни К. Психоаналитическая терапия // Зарубежный психоанализ / сост. и общая редакция В. М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. С. 347 – 371.
13. Хелл Л. А., Зиглер Д. Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2008. 607 с.

REPRESENTATION OF PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN KAREN HORNEY'S CHARACTEROLOGICAL ANALYSIS

Emilia A. Sokolova^{1,*}

¹ Gomel State University of Fr. Scorina, 104, Sovetskaya street, Gomel, Belarus, 246019

* emiliasokolova@yandex.ru

Received 22.04.2016.

Accepted 06.07.2016.

Keywords: problem, neurosis, intrapersonal conflict, a perfect image, personality, socio-cultural environment, alienation, hostility, fear.

Abstract. The purpose of research is to establish K. Horney's views on psychological problems, by means of theoretical analysis of literature. The term "psychological problem" is not mentioned by Karen Horney, however, she describes emotional, cognitive and behavioral problems of individual components of personality, which allows us to treat the problems as psychological. Emotional, cognitive and behavioral problems are interrelated components that allow us to speak about the specific structure of psychological problems. According to Karen Horney, problems appear due to socio-cultural conditions that create stressful situations for the person (or their envi-

ronment), their processing depends on the personal characteristics, and in some cases leads to neurosis or psychological problems. Neurosis emerges in the setting of psychological problems and a failed attempt to adapt to them; neurosis can be regarded as a secondary problem on the background of the primary psychological problem. Karen Horney identifies personal problems, problems of work activity, relationship problems and problems associated with the aim. Social issues, particularly the problem of work activity or relationship problems, can occur secondary and result from personal problems. The results obtained show that, in spite of the fact that Karen Horney's studies did not focus on psychological problems, by comparing problems with a neurosis, she refers to certain types of psychological problems, their causes, mechanisms of occurrence, structure, implications which allows one to highlight the psychological problems as a separate psychological category. The results are expanding the understanding of the matter and may be useful in practical psychology when dealing with clients.

For citation: Sokolova E. A. Predstavlenost' psikhologicheskikh problem v kharakterologicheskoy analize Karen Khorni [Representation of psychological problems in Karen Horney's characterological analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 193 – 198. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-193-198.

References

1. Beznosov S. P. *Professional'naya deformatsiya lichnosti* [Professional deformation of the personality]. Saint-Petersburg: Rech, 2004, 272.
2. Blazer A., Khaim E., Ringer Kh., Tommen F. *Problemno-orientirovannaya psikhoterapiya: integrativnyi podkhod* [Problem-oriented psychotherapy: an integrative approach]. Moscow: Class, 1998, 272.
3. Dol'to F. *Na storone podrostka* [On the side of the teenager]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004, 368.
4. Dmitrieva N. V., Korolenko Ts. P., Levina L. V. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti s suitsidalnym riskom [Psychological characteristics of suicidal Teenager personality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 1 (2010): 127 – 134.
5. Znakov V. V. Tri traditsii psikhologicheskikh issledovaniy – tri tipa ponimaniya [Three traditions of psychological research - three types of understanding]. *Voprosy psikhologii* = *Questions of Psychology*, no. 4 (2009): 14 – 23.
6. Koroleva E. G. *Psikhosomatika* [Psychosomatics]. Minsk: ICC Ministry of Finance, 2007. 216 c.
7. Nikolaev E. L., Zakharova A. N. Psikhicheskoe zdorov'e naseleniya na postsovetском prostranstve: kross-kulturnyi podkhod [Mental health in the post-Soviet space: a cross-cultural approach]. *Sovremennye podchody k prodvizheniyu zdorov'ia: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the V International scientific-practical conference "Modern approaches to health promotion" (Gomel, 15 – 16 May 2014)]. Gomel: Gom. GMU, Iss. 5 (2014): 174 – 176.
8. Topolianskii V. D., Strukovskaya M. V. *Psikhosomaticheskie rasstroystva* [Psychosomatic disorders]. Moscow: Medistina, 1986, 384.
9. Horney K. Kharakterologicheskii analiz [Characterological analysis]. *Tekhniki konsultirovaniya i psikhoterapii*. [Counseling and psychotherapy techniques]. Ed. and comp. Sahakian U. S., Ed. Burygina N., Rimskaia P.]. Moscow: Aprel' Press, EKSMO Press, 2000, 174 – 206.
10. Horney K. *Nevroz i lichnostnyi rost. Bor'ba za samoosuschetvlenie* [Neurosis and personal growth. The struggle for self-realization]. Saint-Petersburg: Vostochno-Evropeiskii institute psikhoanaliza i BSK, 1997, 239. Available at: <http://www.koob.ru>. (Access date 15.03.2016).
11. Horney K. Kul'tura i nevrozy [Horney Culture and neurosis]. *Zarubezhnyi psikhoanaliz* [Foreign psychoanalysis]. Comp. and ed. Leibin V. M. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 335 – 347.
12. Horney K. Psikhoanaliticheskaya terapiya [Psychoanalytic Therapy]. *Zarubezhnyi psikhoanaliz* [Foreign psychoanalysis]. Comp. and ed. Leibin V. M. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 347 – 371.
13. Hjellev L. A. Ziegler D. J. *Teorii lichnost* [Personality Theories]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 607.

УДК 159.9

ОБЗОР ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ФЕНОМЕНА СОБСТВЕННОСТИ

Евгений В. Чуканов^{1, @}

¹ Донецкий национальный университет, Украина, 83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

@ chukanove.v@gmail.com

Поступила в редакцию 25.05.2016.

Принята к печати 04.07.2016.

Ключевые слова: собственность, вещь, собственник, отношение к собственности, труд, индивидуальное владение.

Аннотация: В статье предлагается обзор философско-психологических концепций феномена собственности. На формирование представлений о собственности и отношений к ней влияют социально-экономические условия развития общества. Можно выделить несколько ключевых идей, характерных для определенного этапа развития общества. Проблема отношения к собственности в Древней Греции приобретает характер рассуждения о взаимоотношении частных и общественных интересов, нравственности и собственности, а также роли законодательной власти в урегулировании конфликтных ситуаций, рассмотрение естественных истоков и предпосылок формирования феномена собственности, соотношение естественных и противоестественных начал отношения к собственности. Философия средневековья рассматривает проблему соотношения божественного и земного, место собственности в процессе взаимодействия «Человек – Бог». Социальные утопии были характерны для эпохи Возрождения. Изменение политического и социально-экономического устройства Европы привели к осознанию социального неравенства. Напряжение, порожденное неравенством, снималось рассмотрением общества и государственного устройства как детерминант развития негативных качеств личности (озлобленность, воровство, жадность и др.). Утопические «миры» были результатом желания изменить реальную власть в обществе. Тем не менее собственность не отрицается, а лишь переходит в плоскость коллективного и личного использования. Русская философия, рассматривает феномен собственности во взаимодействии личности и Бога. Частная собственность способствует активности личности, развитию ее знаний и навыков через труд. Собственность имеет божественное начало, а человек распоряжается ей, а не владеет. Без духовного смысла собственность становится средством нарушения устойчивости общества. Главная цель собственности – служение обществу. Государству отводится роль регулятора личных эгоистичных потребностей человека.

Для цитирования: Чуканов Е. В. Обзор философско-психологических концепций феномена собственности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 199 – 205. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-199-205.

История рассмотрения феномена собственности имеет сложный и неоднозначный характер. В зависимости от социально-экономических условий развития общества предпочтение отдавалось частной либо государственной собственности. На отношение к собственности влияют несколько факторов, среди которых – политическое устройство государства, личностные качества личности и религиозный опыт. Преимущества частной собственности видят в ее возможности создания мотивации человека к усердному труду, а общественная собственность позволяет сплотить общество.

Целью нашей статьи является теоретический обзор различных философских и психологических точек зрения на феномен собственности. Психологическое значение собственности для личности изменяется в зависимости от социально-экономических условий развития общества. От рассмотрения места личности в государственных и

социальных отношениях происходит трансформация к рассмотрению внутренних личностных черт, влияющих на отношение к собственности.

Феномен собственности через триединство власти, экономичности и труда рассматривает *Гесиод*. Власть позволяет обеспечить защиту имущества от посягательств других собственников, а также его защиту в ходе военных конфликтов. Мотив экономичности должен доминировать в общественной жизни. С ним взаимосвязаны семейная, общественная и потребительские стороны жизни. Сохранение и приумножение собственности – основная цель существования человека. Усердный труд позволяет увеличить и обеспечить устойчивость собственности. Тем не менее в работах Гесиода наблюдается осуждение крупных собственников, так как их способ увеличения своего имущества является аморальным (убийство, ложь и др.). В основе отношения к собствен-

ности должны главенствовать труд и справедливость власти к собственникам [6].

Соотношение нравственности и собственности рассматриваются также в трудах *Платона*. По его мнению, частная собственность разрушает не только личность, но и государство. Общая собственность является средством сплочения общности, развития нравственных чувств и поступков. Нравственность – осознание единства и духовности, которая постигается лишь в коллективном труде. Частная собственность ставит индивидуалистические идеалы выше коллективистских. Собственность частная и нравственность являются противоположными друг другу понятиями [7].

Идея частной собственности, по мнению *Аристотеля*, заложена в человеке естественно на основе его природного эгоизма. Она дает стимул к труду и развитию личности. Противопоставляя частную и общественную собственность, он указывал, что бережливость по отношению к предметам характерна для частной собственности. Стремление сохранить, приумножить и сберечь раскрывается при индивидуальном владении. Поднимается вопрос о нравственных аспектах накопления собственности – она должна быть частной, но продукт, получаемый при ее использовании, – общим. Труд и производство должны быть социально поощряемыми способами наращивания собственности. Интересны взгляды Аристотеля на проблему рабства. Раб рассматривается как вид собственности, которая одушевлена, «раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему» [8]. Личность раба не наделяется особыми интеллектуальными способностями. Его способности ограничиваются тяжелым физическим трудом во благо хозяина. Аристотель также порицает чрезмерное стремление к собственности, пересекая меру, личность изменяется, и ее отношение к собственности искажается.

Проблема отношения к собственности в Древней Греции приобретает характер рассуждения о взаимоотношении частных и общественных интересов, нравственности и собственности, а также роли законодательной власти в урегулировании конфликтных ситуаций. Несмотря на различные взгляды о влиянии вида собственности на личность, выделяются положительные черты, характерные для феномена собственности в целом: мотивация к развитию, развитие трудовых навыков, формирование морально-нравственных качеств. Единое мнение заключается в порицании излишнего стремления к увеличению имущества, что разрушает нравственные качества человека.

Философия средневековья рассматривает проблему соотношения божественного и земного, место собственности в процессе взаимодействия «Человек-Бог». *Отцы церкви* рассматривают феномен собственности через призму труда. Собственность является результатом усердного труда человека и обязывает к благотворительности. Передавая излишки продукта производства, люди создают условия для всеобщего равенства, где отсутствуют категории «богатый» и «бедный». Указывая на всеобщее равенство людей, *Фома Аквинский* утверждает, что собственник управляет имуществом, которое принадлежит всем. Собственность является мотиватором

трудовой активности. Общество собственников стремится к порядку и гармонии в мире. Для философии средневековья характерен взгляд на феномен собственности как способ искоренить социально-экономическое расслоение общества.

В период позднего средневековья (XVI – XVII вв.) возникают идеи социальных утопистов (Т. Мора, Т. Кампанеллы), утверждающих, что ликвидация частной собственности может способствовать нравственному росту. Ликвидация частной собственности способствует минимизации нищеты, а труд основывается на взаимопонимании и сотрудничестве между людьми. С развитием идей социальной утопии (Ж. Мелье, Г. Мабли, А. Сен-Симона, Ш. Фурье) феномен собственности признается как необходимый элемент в жизни человека. Рассматривается идея единения рабочих и управляющих, неприятия узурпации власти в государстве. В процессе развития общества собственность исчезнет, а общество станет бесклассовым. Собственность необходимо обобществлять, но частная собственность должна остаться. Идеи утопистов оказали значительное влияние на развитие социально-экономических наук. Несмотря на иллюзорное стремление к всеобщему равенству, феномен собственности рассматривается как одно из условий жизни человека. С ликвидацией частной и общественной собственности возникает собственность личная. В нее включаются объекты, необходимые для жизнеобеспечения (жилье, предметы быта и др.).

Томас Мор считает, что всю собственность необходимо распределить между гражданами. В произведении «Утопия» рассматривается государственное устройство, при котором частная собственность отсутствует. Товары, произведенные горожанами, являются результатом коллективного труда, к которому доступ имеет любой гражданин. Ликвидация частной собственности способствует росту нравственности и появлению развитого чувства коллективизма. Страх, бедность и тревожность есть естественный результат частной собственности. *Т. Кампанелла* также был сторонником общинного устройства государства. В результате бедности люди становятся жадными, лгунами, ворами. Пороки есть порождение и бедности, и экономического благосостояния личности. Он указывает, что собственность должна быть «ничьей», тогда люди становятся равными, отсутствуют предпосылки для развития неблагоприятных черт личности: «Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому они не служат вещам, а вещи служат им» [9].

Сен-Симон предполагал, что справедливость в обществе является результатом развития науки, техники и производства. Социальная природа форм собственности настолько различна, что они могут функционировать в адекватных каждой из них типах общества, где частная собственность соответствует одному типу субъектности, а общественная собственность соответствует другому типу субъектности. Поэтому одна форма собственности не может произвольно заменяться другой [10].

Противоположную точку зрения можно найти у **Н. Макиавелли**. Он указывает, что в государстве должна соблюдаться незыблемость права собственности и личной безопасности. Человек остро переживает потерю имущества, при посягательстве государства на собственность народа он может восстать против государя.

Социальные утопии были характерны для эпохи Возрождения. Изменение политического и социально-экономического устройства Европы привели к осознанию социального неравенства. Напряжение, порожденное неравенством, снималось рассмотрением общества и государственного устройства как детерминант развития негативных качеств личности (озлобленность, воровство, жадность и др.). Утопические «миры» были результатом желания изменить реальную власть в обществе. Тем не менее собственность не отрицается, а лишь переходит в плоскость коллективного и личного использования.

Сторонники теории общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) утверждают, что часть прав личности должна быть передана государству. Право собственности может также регулироваться на основе «общественного договора», в котором частная собственность – продукт государства, защищающая гражданина от посягательств на его имущество. Государство может управлять собственностью гражданина, в том числе и отчуждать в свою пользу. В силу неравенства в обществе интересы людей сталкиваются. Люди рождены свободными в своих действиях и поступках, поэтому руководствуются личными интересами. Каждый стремится к достижению высокого благосостояния. Отсутствие четкой границы между «моим» и «не моим» приводит к конфликту, что грозит гибелью человечества. **Т. Гоббс** утверждает, что каждый человек наделен одинаковыми естественными правами на объекты, не находящимися в собственности. Через образование собственности происходит трансформация естественного состояния общества к гражданскому обществу и законам [11 – 12].

По мнению **Дж. Локка**, ничейный объект становится собственностью в тот момент, когда к нему прилагается труд. Земля и низшие существа принадлежат всем людям, но каждый человек обладает уникальной собственностью – его личностью, на которую никто не может посягать. В природе существуют объекты, которые принадлежат всему человечеству. Локк считает, что справедливость не может существовать без признания частной собственности [13; 7; 14].

Ж.-Ж. Руссо утверждает, что собственность возникла как следствие специализации труда. Руссо также рассматривает собственность как результат взаимодействия человека и природы через труд. Труд же и порождает неравенство в обществе, так как интеллектуальные и физические способности различны у разных людей. «Собственность – это истинное основание гражданского общества и истинная порука в обязательствах граждан, ибо если бы имущество не было залогом за людей, то не было бы ничего легче, как уклониться от своих обязанностей и насмехаться над законами» [15]. Но при этом Руссо одобряет частную собственность, оговариваясь, что она должна быть получена честным трудом [15; 14].

Ограниченные возможности освоения природы обостряют социальное неравенство в обществе. Как только человек прикладывает к объекту трудовые усилия, данный предмет переводится из общего пользования в частное. После этого ни один человек не может претендовать на данный предмет. Человек имеет право обратиться в собственность ровно столько, сколько можно потребить, до того как продукт испортится. Как результат, в силу различных способностей людей появляются две группы людей – богатые и бедные. Богатые стремятся расширить свои владения, а бедные – удержать имеющуюся собственность.

Каждый человек владеет собственностью уже потому, что может распорядиться собственным телом. Данное право дано ему от рождения и является естественным. Собственность появляется естественным путем, т. к. в ее основе лежит труд человека. Личность вправе распоряжаться результатом собственного труда по своему усмотрению. В связи с тем, что способности и активность у всех различна, возникающее на этой основе неравенство необходимо предотвратить при помощи общественного договора и тем самым отдавать часть средств государству. Также морально-нравственное совершенствование позволяет снизить напряженность по отношению к собственности.

В своих работах **И. Кант** отождествляет собственность и свободу. Началом социальной жизни выступает экономическая самостоятельность и независимость. Через понятие «собственность» определяется понятие «личность». Личностью, по Канту, является собственник самого себя. Человек, который может независимо распоряжаться самим собой. Таким образом, свобода является собственностью, как право распоряжения. Правовым партнером государства является личность, которая владеет сама собой. «Внешний предмет, который по своей субстанции есть чье-то свое, представляет собой собственность (dominium) того, кому неотъемлемо принадлежат все права на эту вещь (как акциденции присущи субстанции), которой собственник (dominus) может распоряжаться по своему усмотрению (ius disponendi de re sua). Но отсюда само собой следует, что таким предметом может быть только телесная вещь (по отношению к которой нет никакой обязательности), а потому человек может быть только своим собственным господином (sui iuris), но не собственником самого себя (sui dominus может распоряжаться собой по своему усмотрению), не говоря уже о том, чтобы быть собственником других людей, ибо он ответствен за человечество в своем лице» [16].

Человек начинает осознавать «Я» как только отделяет его от окружающего мира, т. е. от «не-Я», отмечает **И. Г. Фихте**. С момента самоотделения личность вступает с природой во внешнее отношение. Изначально используемые чувственные формы восприятия трансформируются в представления о мире. Человек уже примитивно не сводит себя к внешнему миру (вещам, предметам и др.); включаются идеальные представления, находящиеся у него в сознании. Вещи окружающего мира, интериоризуясь в представления, становятся его собственными. Отношение к реальности изначально выступает как ее присвоение, носящее идеальный характер. Отсюда

следует, что отношение собственности возникает тогда, когда человек, присваивая вещь, делает ее своей или собой и не отделяет себя от нее [17 – 18].

В работе «Философия права» **Гегель** определяет связь понятия собственности со свободой. В собственности личность обретает внешнюю сферу свободы, приобретает наличное бытие, т. к. снимается голая субъективность личности. Собственностью могут быть не только материальные объекты, она включает также знания, таланты, способности, которые включаются через опосредование духа. Трансформируется внутренняя сущность до непосредственности и внешнего. Человек не может становиться собственностью, каждая личность имеет право на свободу.

По Гегелю, между вещью и собственником образуется «духовная» взаимосвязь. Присвоение собственности предполагает изменение внутренней, непосредственной цели предмета. Единственно объективным видом собственности является частная, т. к. каждая личность имеет право помещать личную волю в каждую вещь, личная же воля является единичной, а общая собственность подвержена произволу при распаде общества. Личность реализует свою свободу через право частной собственности [19 – 20].

П. Ж. Прудон указывает, что труд, право и завладение не создают собственность, по его мнению, она является кражей. Она имеет положительную сторону – обеспечение свободы и независимости; и отрицательную – нарушение всеобщего равенства. Справедливость на основе всеобщего равенства достижима лишь с уничтожением крупной собственности, хотя мелкая собственность позволительна. Это связано с отсутствием эксплуатации чужого труда. Собственность сводится к владению, а обмен товарами осуществляется на добровольной основе. Экономическая справедливость устанавливается путем получения всего продукта труда производителем [21].

Возможной причиной возникновения феномена собственности является труд. **К. Маркс** убежден, что сущность собственности связана с процессом производства. Непосредственно в нем затрачивается труд личности. Маркс рассматривает отношение между собственником и производителем, собственностью и трудом. Первоначально собственность означала «отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям этого производства или воспроизводства как к своим собственным», т. е. трудящийся – истинный, естественный, собственник [22]. Данное отношение опосредовано принадлежностью к коллективу или общине. Работник может рассматриваться собственником в рамках общины. Частная же собственность на средства производства приводит к отчуждению человека. Возвращение человеку самого себя и обретение своего «Я» возможно лишь с упразднением частной собственности, «положительного упразднения частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека» [22]. Обретение человеческой сущности является первостепенной задачей общества.

В символическом интеракционизме (Дж. Мид, Г. Гарфинкель, Г. Блумер) и социальном конструктивиз-

ме (Дж. Келли, Ж. Пиаже) предполагается, что через собственность личность может определять саму себя, выражать самоидентичность и поддерживать «Я» на протяжении времени

Взаимосвязь самосознания и отношения к собственности подчеркивается в психоанализе. На анальной стадии развития ребенок экспериментирует с различными социальными модальностями – присвоение и освобождение. При фиксации на стадии формируется «анальный характер» – неадекватное отношение к материальным и духовным ресурсам, в т. ч. и собственности. Осуществляется экономия либо неконтролируемое расходование ресурсов. **Э. Фромм** баланс между психологическим здоровьем и болезнью определяет склонностью к определенным модусам: бытия и обладания. Ориентация на обладание предполагает рассмотрение предметов в естественной для них среде, созерцание. Модус Бытия выражается в идентификации «Я» с предметами окружающего мира. На отношение к собственности также оказывает влияние культура, нормы и традиции которой оказывают регуляторную функцию поведения личности. Предметы материального мира могут способствовать психологическому комфорту, ощущению безопасности (Э. Эриксон).

Р. Пайс рассмотрел положения, на основании которых строятся рассуждения о собственности, и выделил 4 точки зрения.

1. Политическая – положительная сторона собственности заключается в стабилизации общества, способствовании диалогу между гражданином и властью. Негативная – порождение неравенства в обществе, что провоцирует социальную напряженность.

2. Морально-нравственная – каждый индивид имеет право на результат его труда. Однако, доступ к обладанию собственностью должен быть открыт для всех граждан, так как это условие не соблюдается, возникает категория собственников, чье имущество не соответствует интенсивности приложенного труда.

3. Экономическая – собственность есть способ создания богатства и достижения бедности (при нерациональном использовании).

4. Психологическая – собственность необходима для поддержания чувства личного достоинства и самоуважения личности. Также она может быть детерминирующим фактором к проявлению жадности, алчности и др.

Русская философия (В. С. Соловьев, В. Ф. Эрн, И. А. Ильин, С. Л. Франк) рассматривает феномен собственности во взаимодействии личности и Бога. Частная собственность способствует активности личности, развитию ее знаний и навыков через труд. Собственность имеет божественное начало, а человек распоряжается ей, а не владеет.

Основание собственности, по мнению **В. С. Соловьева**, находится в самом существе человеческой личности. «Уже в содержании внутреннего, психического опыта мы необходимо различаем себя от своего, – все являющиеся в нас мысли, чувства и желания мы различаем как свои от того, кому они принадлежат, т. е. от себя как мыслящего, чувствующего, желающего» [23]. «Свое» и для «себя» рассматривать необходимо в совокупности, так как они необходимы для полноты действительности и

бытия. Он различает внутреннюю и внешнюю собственность. Внутренняя заключается в мыслях, чувствах и желаниях. Она выступает как базовый элемент для взаимоотношения с окружающим миром. Предметы окружающей среды образуют внешнюю собственность. Человек реализует себя в окружающей действительности не только через свое тело, он также применяет предметы окружающей его действительности. Данный процесс сопровождается волевым действием. Соловьев считает, что эта связь «Я» с определенной сферой внешнего мира является истинным существом собственности.

Ю. И. Семенов считает, что одним из видов отношений собственности являются социально-экономические отношения. Другой их вид – волевые (имущественные) отношения собственности. В первобытном обществе взаимоотношения носят характер моральных связей, а в классовом – юридических. Определяя социальный статус категории собственность, Семенов пишет: «Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или, иначе, собственность есть отношение людей к вещам, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу» [24]. Данные отношения изменяются во времени и географическом пространстве. Тем не менее феномен собственности содержит и универсальные характеристики: «Собственность – такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи – их собственностью. Каждая вещь в человеческом обществе всегда обладает этим социальным качеством» [24].

По мнению **С. Л. Франка**, собственность материально обеспечивает человека и делает его свободным. Однако право частной собственности создает вокруг человека материальный мир, который с ним связан и ему принадлежит. Данный мир ограждает его свободную личность. Вещи и средства, жизненно необходимые для жизни и развития индивида, являются продолжением его душевно-телесной личности. Условием бытия человека как душевно-телесного существа является собственность. И. А. Ильин считает, что частная собственность пробуждает в человеке духовные мотивы и инстинктивные побуждения, которые детерминируют усердный труд. Через собственность укрепляется характер личности, развивается инициативность и предприимчивость. Также она придает собственнику уверенность в его действиях, доверие к окружающему миру. «Частная собственность соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы. Она идет навстречу инстинктивной и духовной жизни человека, удовлетворяя его естественному праву на самостоятельность и самостоятельность» [25].

Н. А. Бердяев предполагает, что собственность имеет духовное начало, а не материальное. Она подразумевает преемственность поколений и духовную жизнь. Собст-

венность является результатом взаимодействия человека с природой. Свободный дух человека посредством воли воздействует на природу. Результат этого взаимодействия – возникновения неотъемлемых прав и обязанностей, куда также включается собственность.

Отличительной чертой русской философии собственности является указание необходимости духовного смысла. Без него собственность становится средством нарушения устойчивости общества. Главная цель собственности – служение обществу. Государству отводится роль регулятора личных эгоистичных потребностей человека.

Анализируя основные подходы к собственности, мы выявляем многоаспектность данного феномена. Деятельностный аспект означает, что личность реализует свой потенциал, не только используя интеллектуально и морально-нравственные качества, но и применяя объекты предметного мира. Гносеологический аспект подразумевает возникновение собственности путем отделения «себя» от «своего» (мысли, чувства, желания). На основе этого происходит разделение субъекта и объекта. Освоение окружающей реальности происходит путем обозначения предметов и явлений. Имя предмета возникает как результат взаимодействия познающего и познаваемого. Собственность здесь выступает как результат взаимодействия человека и окружающей среды. Данное явление необходимо рассматривать с точки зрения семиотико-семантического подхода. Антропологический аспект заключается в преодолении сопротивления окружающей среды личностью. Её действия и поступки сопровождаются волевым усилием. Собственность в этом аспекте – стимул к трудовой деятельности.

Проведя аналитический обзор социально-философских концепций, необходимо отметить, что проблема отношения к собственности является актуальной на протяжении длительного времени. По сей день остается открытым вопрос о первопричинах появления и последующем развитии в сознании человека данного феномена. Авторы отмечают роль, влияние собственности на государственное устройство и на морально-нравственное становление личности.

Осознание «Я» личностью является моментом дифференциации окружающего «не-Я» с последующим разделением на «моё – не моё». Чувственные формы восприятия являются первыми средствами познания действительности. Воспринятая и переработанная информация об окружающем мире воплощается в представления об окружающей среде. Для оценки объектов личности больше не требуются материальные, предметные образцы. Они формируются у нее в сознании. Внешний мир, опосредованный мыслительной деятельностью, становится собственностью личности. На данном этапе можно предположить, что формируется базовое отношение к собственности.

Литература

1. Антология мировой философии: в 4 т. / ред.-сост. тома и авт. вступ. ст. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 53 – 191.
2. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

3. Асмус В. Ф. Античная философия: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
4. Виндельбанд В. История новой философии. М.: Тандем, 1997. 500 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. / пер. с лат. и англ.; сост. авт. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
7. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. 368 с.
8. Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 589 с.
9. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Новая школа, 1996. 303 с.
10. Коваль Т. Б. Религия и экономика: труд, собственность, богатство М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 349 с.
11. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 137 – 405.
12. Макиавелли Н. Государь. Мн.: Современный литератор, 1999. 709 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Отчужденный труд. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 86 – 99.
14. Мор Т. Утопия / Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 97 – 112.
15. Платон. Государство. Сочинения: в 4-х т. Т. 3 / пер. с древнегреч., общ. ред. А. Ф. Лосева. М., 1994. 654 с.
16. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? М.: Республика, 1998. 367 с.
17. Русская философия собственности XVIII – XX вв.: сб. ст. / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб., 1993. 512 с.
18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Мысль, 1998. С. 151 – 195.
19. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / отв. ред. Л. И. Абалкин. М.: Наука, 1993. 570 с.
20. Соколов В. В. Средневековая философия. М.: 1979. 448 с.

REVIEW OF PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL CONCEPTS OF THE PHENOMENON OF PROPERTY

Evgeny V. Chukanov¹, @

¹ Donetsk national University, 24, Universitetskaya str., Donetsk, Ukraine, 83001

@ chukanove.v@gmail.com

Received 25.05.2016.

Accepted 04.07.2016.

Keywords: property, thing, owner, property relations, labor, private ownership.

Abstract: The article provides an overview of the philosophical-psychological conceptions of the phenomenon of ownership. The formation of ideas about property and attitudes are affected by the socio-economic conditions of social development. One can highlight several key ideas that are characteristic for a certain stage of the development of society. The issue of property in Ancient Greece acquires the character of reasoning about the relationship between private and public interests, morals and property, as well as the role of the legislature in dealing with conflict situations, consideration of natural sources and prerequisites for the formation of the phenomenon of ownership, the relationship between natural and unnatural origins of relationship to the property. The philosophy of the Middle Ages examines the problem of the relation between the divine and the earthly, the place of property in the process of interaction "Man-God". Social utopias were characteristic of the Renaissance. A change in the political and socio-economic structure of Europe led to the understanding of social inequality. The tension created by inequality, could be released by viewing society and polity as a determinant of the development of negative personality traits (anger, theft, greed, etc.). Utopian "worlds" were the result of a desire to change the real power in society. However, property is not denied, but only goes into collective and personal use. Russian philosophy considers the phenomenon of property from the point of view of the "individual – God" interaction. Private property contributes to the activity of the individual, developing their knowledge and skills through work. Property is divine, and man disposes of it, not owns. Without its spiritual meaning property becomes a means of violating social stability. The main purpose of ownership is to serve the society. The state plays the role of a controller of personal selfish needs of a man.

For citation: Chukanov E. V. Obzor filosofsko-psikhologicheskikh kontseptsii fenomena sobstvennosti [Review of philosophical and psychological concepts of the phenomenon of property]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 199 – 205. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-199-205.

References

1. *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy]. Ed. Sokolov V. V. Moscow: Mysl', vol. 2 (1970): 53 – 191.
2. Aristotel'. *Sochineniia* [Compositions by Aristotel']. Ed. Dovatura A. I. Moscow: Mysl', vol. 4 (1983): 830.
3. Asmus V. F. *Antichnaia filosofii* [The Ancient philosophy]. Moscow: «Vysshaia shkola», 1976, 543.
4. Vindel'band V. *Istoriia novoi filosofii* [History new philosophy]. Moscow: Tandem, 1997, 500.
5. Gegel' G. V. F. *Filosofii prava* [The philosophy of right]. Ed. Kerimov D. A., Nersesians B. C. Moscow: Mysl', 1990, 524.
6. Gobbes T. *Sochineniia* [Compositions by Gobbes T.]. Ed. Sokolov V. V. Moscow: Mysl', vol. 2 (1991): 731.
7. Gorfunkel' A. Kh. *Filosofii epokhi Vozrozhdeniia* [Philosophy of Renaissance]. Moscow: Mysl', 1980, 368.
8. Guseinov A. A., Irrlits G. *Kratkaia istoriia etiki* [A short history of ethics]. Moscow: Mysl', 1987, 589.
9. Diligenskii G. G. *Sotsial'no-politicheskaia psikhologiiia* [Socio-political psychology]. Moscow: Novaia shkola, 1996, 303.
10. Koval' T. B. *Religiia i ekonomika: Trud, sobstvennost', bogatstvo* [Religion and the economy: labor, ownership, wealth]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014, 349.
11. Locke J. *Sochineniia* [Compositions by Locke J.]. Moscow: Mysl', vol. 3 (1988): 137 – 405.
12. Machiavelli N. *Gosudar'* [The emperor]. Minsk: Sovremennyi literator, 1999, 709.
13. Marx K. *Otchuzhdennyi trud* [Alienation of labor]. Ed. Marx K., Engels F. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. vol. 42 (1974): 86 – 99.
14. More T. «*Utopiia*» [Utopia]. Moscow: Mysl', vol. 2 (1970): 97 – 112.
15. Platon. *Sochineniia* [Compositions by Platon]. Ed. Losev A. F. Moscow: Mysl', vol. 3 (1994): 654.
16. Prudon P.-J. *Chto takoe sobstvennost'?* [What is property?]. Moscow: Respublika, 1998, 367.
17. *Russkaia filosofii sobstvennosti XVIII – XX vv.* [Russian philosophy of ownership of the XVIII – XX centuries]. Ed. Isupov K., Savkin I. Saint Petersburg, 1993, 512.
18. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore* [The social contract]. Moscow: Mysl', 1998, 151 – 195.
19. Smith A. *Issledovaniia o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The wealth of nations]. Ed. Abalkin L. I. Moscow: Nauka, 1993, 570.
20. Sokolov V. V. *Srednevekovaia filosofii* [Medieval philosophy]. Moscow: Mysl', 1979, 448.

УДК 811.161.1'37 +821.161.1 (092) Гумилёв Л.Н.

СРАВНЕНИЯ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ ОБРАЗОВ ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. С. ГУМИЛЁВА И Л. Н. ГУМИЛЁВА

Елена Б. Бачурина¹, @

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
@bachur08@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2016.
Принята к печати 21.09.2016.

Ключевые слова: сравнение логическое и образное, компаративы равенства, эффекты восприятия сравнения.

Аннотация: Предмет исследования – пространственные образы, выраженные при помощи сравнений-уподоблений в этнографическом дискурсе Л. Н. Гумилёва и поэзии Н. С. Гумилёва. Выбор темы мотивирован общими интересами отца и сына – любовью к реальным и ментальным путешествиям, к древней истории Евразии.

Цель исследования: определить сходство и различие в употреблении сравнений-уподоблений с пространственной семантикой в монографиях Л. Н. Гумилёва и стихотворениях Н. С. Гумилёва для того, чтобы более выпукло представить стилистические особенности дискурса этнографа.

Использованы общенаучные методы: наблюдения; классификации; сопоставления и последующей интерпретации собранного фактического материала; частично используется коммуникативно-прагматический подход к языку текста и сопутствующие ему контекстный и семно-семемный анализ. Обобщены материалы о природе сравнения, способах его выражения, структуре сравнительной конструкции в простом предложении; сравнение-уподобление представлено как ведущая константа функционально-семантического поля компаративности. Выявлены содержательные разновидности сравнительных образов пространства в стихотворениях Н. С. Гумилёва и в этнографических текстах Л. Н. Гумилёва, определены их сходства и различия; при этом подчеркнуты особенности компаративных образов в дискурсе Л. Н. Гумилёва. Определены типы сравнений по отношению к читательскому восприятию, связанные с эффектом узнавания, новизны, неожиданности. Тем самым выявлены возможности соединения научного изложения с художественным. Материалы статьи добавляют представления об изучаемой языковой личности Л. Н. Гумилёва.

Выводы. Образное сравнение, отражающее представление о пространстве (и его частях) в этнографических работах Л. Н. Гумилёва и поэзии Н. С. Гумилёва соотносится с тремя типами читательского восприятия – «эффект узнаваемости/новизны/неожиданности». Наблюдение этого выявило определённые особенности употребления сравнений в языке произведений сына и отца Гумилёвых. Материалы статьи можно использовать на спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых функционально-семантическим полям, общей и художественной стилистике, коммуникативно-прагматическому подходу к языку текстов разной стилистической принадлежности.

Для цитирования: Бачурина Е. Б. Сравнения как экспликации образов пространства в произведениях Н. С. Гумилёва и Л. Н. Гумилёва // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 206 – 211. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-206-211.

Сравнение как один из главных способов мыслительной деятельности активно используется в языке научных исследований. Одновременно сравнение – одна из главных форм художественного мышления. Изучение сравнений в художественных произведениях уже имеет в русской лингвистике прочную традицию. Достаточно назвать рабо-

ты А. И. Фёдорова (1969), Е. А. Некрасовой и М. А. Бакиной (1982), И. И. Ковтуновой (1986), Н. А. Кожевниковой (1991) [6], Е. В. Скворецкой (1991, 1994), С. В. Чеботарёвой (2006) и др. Изучение в лингвистике всего разнообразия выражения сравнительно-сопоставительной мыслительной операции привело к описанию

функционально-семантического поля (далее – ФСП) компаративности (от лат. comparative – сравнение) [2, с. 107 – 112]. Исследование этого ФСП позволяет обнаружить новые подходы к анализу сравнений в языке разных жанрово-стилистических видов текста.

Цель данной статьи – выявление сходства и различия в использовании сравнений с пространственной семантикой в произведениях отца и сына Гумилёвых, для того чтобы более выпукло представить особенности этнографического дискурса Л. Н. Гумилёва.

Обращение к компаративным образам пространства обусловлено общим историко-географическим направлением этнографических работ Л. Н. Гумилёва [3 – 4] и отражением в поэзии Н. С. Гумилёва [5] реальных и воображаемых путешествий, о чём свидетельствуют названия его стихотворений (*Норвежские горы, Швеция, Неаполь, Рим, Египет, Судан, Либерия, Мадагаскар* и др.).

И для отца, и для сына Гумилёвых было интересно такое понятие, как «кочевник». Сборник стихотворений Н. С. Гумилёва «Путь конквистадоров» открывается эпиграфом из Андре Жида: «Я стал кочевником, чтобы сладострастно прикасаться ко всему, что *кочует*». Л. Н. Гумилёв в одном из писем писал: «Я лет двадцать назад прочёл работу «О задачах кочевниковедения». Я посвятил свою жизнь именно этому разделу истории» [9, с. 89].

Н. С. Гумилёв однажды сказал: «Я пишу географию в стихах... [Это] самая поэтическая наука, а из неё делают какой-то сухой гербарий. Сейчас у меня Африка – чёрные племена. Надо изобразить, как они представляют себе мир» [9, с. 88]. Л. Н. Гумилёв соединял географию с описанием древних этносов Евразии: его география во многом оживляла и объясняла историю.

«Кочевники» и «география», а также любовь отца и сына к путешествиям, реальным и мысленным, напрямую соотносятся с представлениями о пространстве, и в связи с этим мы решили посмотреть, как образы топоса присутствуют в языке произведений указанных авторов в рамках сравнений-уподоблений. Это позволит уточнить представления об особенностях использования компаративов «неполного равенства», по В. П. Беркову, в языке этнографических сочинений Л. Н. Гумилёва, что соответствует общей теме нашего исследования. В качестве материала для исследования послужили поэтические произведения Н. С. Гумилёва и научные труды Л. Н. Гумилёва. Антропоцентрический подход к изучению семантико-функциональных особенностей компаративов в тексте обусловлен пониманием этого языкового явления как универсума человеческого мышления и познания [14, с. 244]. С помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируются, упорядочиваются и оцениваются содержание бытия и познания. Сравнить – это сопоставить одно с другим с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как связанное разнообразие [15, с. 204].

Сравнение в лингвистике, с одной стороны, определяют как стилистический приём, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления. С другой стороны, под сравнением понимается синтаксическая структура, элементами которой являются: предмет сравнения, образ сравнения и признак сходства (или различия), а также показатель образа сравнения (союз, предлог и др.). Разнообразие способов выражения сравнения соотносится с разными уровнями языка; син-

таксическим – участие союзов, предлогов (*в виде полумесяца, как в зеркале*); морфологическим – участие творительного падежа (*свернулся калачиком, собакой лаем*); словообразовательным – *актёрствовать*; лексическим – при помощи прилагательных *похожий, подобный* [13, с. 28].

Исследователи сравнений (например, В. М. Огольцев 1974 [10], 1987; М. И. Черемисина 1976) используют следующие обозначения компонентов структуры сравнения: «субъект», «объект», «основание сравнения»; М. И. Черемисина добавляет четвёртый компонент – «показатель сравнения» (союз, предлоги другие), а форму признака сходства/различия сопоставляемых явлений называет «модулем сравнения» (или «компаративной константой»).

Мы используем термины «образ», «предмет», «основание» сравнения, но понятия «образ» и «предмет» могут соотноситься не только с конкретными предметами, но и с целыми ситуациями в сложноподчинённом предложении с придаточным сравнения. Также, вслед за В. М. Огольцевым, разделяем логическое сравнение и образные [11, с. 5 – 6]. Логические сравнения соответствуют компаративам полного равенства, образные – компаративам неполного равенства, то есть логические сравнения соотносятся с сопоставлением однородных предметов, явлений, например: *...хазары в те времена, так же как и славяне, были язычниками* (Л. Н. Гумилёв). Образное сравнение соотносится с сопоставлением разнородных предметов, явлений: *... когда же слово Бога с высоты Большой Медведицы заблестело...* (Н. С. Гумилёв).

Показателем образного сравнения может быть не только семантическая рассогласованность между формами предмета и образа уподобления, но и сопутствующая компаративному смыслу семантика интенсивности. Приведём ещё пример: *Пассионарность растекалась по сектантским движениям, губительным, как степные пожары*. В этом предложении две словоформы, метафорически обозначающие основание сравнения (*растекались* и *губительным*), актуализируют семантику гиперинтенсивности, что является сквозной характеристикой основного понятия (*пассионарность*) в этнографическом дискурсе Л. Н. Гумилёва. По Л. Н. Гумилёву, *пассионарность* – это признак, возникающий вследствие мутации (*пассионарного толчка*) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию [3, с. 634]. Метафорический глагол (*растекалась*) подчёркивает широту, обильность процесса, а метафорическое прилагательное (*губительным*) – возможность его разрушительной силы. Исследователи сравнения в языке текста отмечают его субъективный характер: «Человек не столько открывает сходство, сколько создаёт его» [1, с. 9]. Субъективность сравнения «включает в себя момент страстности субъекта, зависимость от его интенции, мотивов, установок, от условий коммуникативной ситуации» [15, с. 244], то есть определяется параметрами языковой личности автора.

Все разновидности выражения сравнений В. П. Берков объединил в ФСП компаративности, выделив в нём два пространства: микрополе равенства и микрополе неравенства [2, с. 107 – 112]. Нас прежде всего интересует микрополе равенства – полного и неполного, наиболее типичным показателем которого является союз *как*.

В текстах книг Л. Н. Гумилёва союз *как* в значении «подобно» [12] используется довольно часто: на 100 страниц текста приблизительно 50 употреблений. Об-

разы пространства в рамках сравнительной конструкции могут быть представлены комплексно: основной компонент их содержания выражен формой образа сравнения, форма предмета сравнения может отражать исходное представление об описываемом пространстве, форма признака сходства не только указывает на основание пространственного образа сравнения, но и подчёркивает определённую черту предмета сравнения, например, его положение в пространстве, в частности, его движение. Тем самым познавательной силой могут обладать все составляющие структуру сравнения. Приведём примеры из книг Л. Н. Гумилёва. Образы пространства могут выражаться каждым из компонентов сравнительной конструкции: *Как стареющий лосось в реке или угорь в океане, этнос потянулся к месту своего рождения; на рубежах, за которыми, как взбаламученное море, колыхалась степь; И та земля людей, как пекло, жарит...* Лексемы *пекло, жарит* опосредованно соотносятся с пространственной семантикой. Основания сравнений, выраженные глаголами движения (*потянулся, колыхалась*), соотносятся с пространственными представлениями.

В других случаях пространственная семантика не выражается формой основания сравнения, но обозначения образа сравнения и предмета сравнения соотносятся с пространственной семантикой: *... китайцы чувствовали себя на своей земле, как на острове, окруженном враждебной стихией; ... на берегу одного из протоков Нильской дельты, широкого, как море, скопился колония пассионариев.*

Есть сложноподчинённые предложения с придаточным сравнения, в которых сравниваются действия, совершающиеся на определённых территориях; сравниваются тождественные ситуации, участниками которых являются разные пространства: *Сторонники православной Руси и ее противники разорвали Литву, как две большие планеты разрывают комету, летящую между ними.* В книгах Л. Н. Гумилёва, как мы видим, пространственная семантика проявляется во всём, или почти во всём, высказывании, включающем сравнение, что обусловлено основной темой этнографа, его рассказами о зарождении, развитии и взаимодействии этносов, которые, естественно, связаны с определёнными территориями, землями. Приведём ещё пример: *Пустыня Гоби, как море, разделяла северные кочевья от южных, но как тут, так и там кочевниками управляли китайские наместники.*

Одной из особенностей компаративного образа в стихотворениях Н. С. Гумилёва является то, что в них часто отражается не полное, широкое пространство, а его часть: *звёзды, луна, облака, солнце, летящая птица*, что нередко выражается творительным уподобления, тогда как самая частотная форма выражения сравнения в текстах этнографа – структура с союзом *как*. В стихотворениях Н. С. Гумилёва ярко проявляется субъективность пространственного образа сравнения: *... И смотрел, как тускло блестели // Фонари глазами зверей...* Особенно часто используется образ звезды: *И ты будешь Звездою Обетной, // Возвещающей близость зари; Стать вольным и чистым, как звездное небо; Осенней неги поцелуй // Горел в лесах звездою алой...*

Сравнивая содержательные особенности компаративных пространственных образов в языке произведений отца и сына Гумилёвых, скажем, что в книгах этнографа редки астральные небесные образы (*Так культура, как свет угасшей звезды...*; *А этнос – система, как организм или*

сверхновая звезда...), и преобладают земные (*степь, очень часто – море, реки, ветер*), например: *Полоса пустыни (Гоби), как море, делит Срединную Азию пополам...*

Переключка между отцом и сыном идёт в использовании названий топоса. В поэзии Н. Гумилёва топос часто присутствует в названиях стихотворений (*Сахара, Абиссиния, Китай, Америка, Пиза*). В книгах Л. Н. Гумилёва географических названий много в рамках «предмета» и «образа» сравнения, например: *В Горном Алтае, как в природной крепости...; А кимацкое объединение развалилось на части, как Римская империя III в.; Тогда Россия, возродившаяся, как феникс...; Дейлемиты сидели в Эльбурсе, как в окруженной крепости.*

В книгах этнографа частотны компаративные образы огня, опосредованно связанные с пространственной семантикой: *пламень, полымя, пепел, перегретый котёл, марево над степью, пожары, пекло*. Например: *Пусть надпись дефектна, но в ее отрывочных словах, как сквозь – степное марево, сквозят силуэты...; ...держава разрывается на части, как перегретый паровой котел; И та земля людей, как пекло, жарит.*

Для Л. Н. Гумилёва пространственные компаративные образы нередко приобретают познавательную функцию, тогда как в стихотворениях Н. С. Гумилёва эти структуры прежде всего связаны с эстетической функцией. И это естественно. Приведём примеры: *Суперэтносы грандиозны, как горные хребты, и так же необозримы. Они видны полностью только из «космоса», при наличии хорошего «телескопа». Этносы – уровень, меньший на один порядок, – видны простым глазом, как гора на горизонте, но детали ее смазаны.*

Приведём примеры пространственных сравнений из стихотворений Н. С. Гумилёва, которые нередко соседствуют с метафорами (*хрустальная гора, пальм веера*) и ярко проявляют образно-экспрессивную функцию: *Как картинка из книжки старинной, // Услаждавшей мой вечера, // Изумрудные эти равнины // И раскидистых пальм веера; Пусть волна как хрустальная встанет гора...*

Анализ употребления сравнений в стихотворениях Н. С. Гумилёва и этнографических работах Л. Н. Гумилёва, отражающих пространственные представления, показал, что восприятие компаративных образов пространства активизируется благодаря стилистическим эффектам, создаваемым за счёт структурно-семантических особенностей сравнений и приёмов их использования в поэтических контекстах. Вслед за Т. Л. Красиной [7], мы выделяем три типа читательского восприятия образного уподобления (и в стихотворениях Н. С. Гумилёва, и в этнографических работах Л. Н. Гумилёва).

1. «Эффект узнаваемости», основанный на сопоставлении в качестве предмета и образа сравнения реальных, имеющих общеизвестную объективную сущность признаков – похожесть формы, цвета, звучания, функций. Такие сравнения нередко соотносятся с уже сложившимися поэтическими стереотипами, например: *Небо точно бирюза; Снова дорога жёлтым змеет // Будет вести с холмов на холм (ср.: дорога, тропинка извилистая как змея).* Но поэтический стереотип у Н. С. Гумилёва часто обновлён, например: *Буруны как струны // Звонко лопаются.* Признак сходства при аудиальном образе пространства выражается глаголом, к которому примыкает наречие *звонко*, характеризующее звучание. Ещё пример: *Словно молоты громовые // или воды гневных морей, // Золотое сердце*

России // *Мерно бьётся в груди моей*. Обновление образа происходит на основании метафоризации (*громовые, гневные, золотые*).

Сравнения данного типа в этнографических сочинениях Л. Н. Гумилёва нередко отражают бытовые понятия; они часто имеют устойчивый характер: ... *осадить крепость Шеусянчен, мешавшую им, как заноза; ... равнина, гладкая, как поверхность тихого моря*. Предмет сравнения с пространственной семантикой может уподобляться (по функции) представлению о членистоногих; в этом случае словоформа, обозначающая основание сравнения, является обычно метафорической по отношению к словоформе, называющей предмет сравнения. Например: *Его центр, Багдад, как паук, сосал соки из подвластных ему областей...*

2. Второй тип сравнений связан с «эффектом новизны» (которая, как мы видели, уже нередко присутствует в стихотворениях Н. С. Гумилёва, когда образ сравнения узнаваем). Эстетическое воздействие на адресата возникает в результате уже известной образной идеи, но оформленной новыми языковыми средствами [6]. Образ и предмет сравнения по содержанию более удалены (по сравнению с первым типом). Образ сравнения отличается авторской оригинальностью.

«Эффект новизны» возникает в результате оформления уже известной образной идеи новыми языковыми средствами, например, у Н. С. Гумилёва мы встречаем: *Над широкою рекой, // Пояском-мостом перетянутой // Городок стоит небольшой, // Летописцем не раз помянутый. // Знаю, в этом городке – // Человеческая жизнь настоящая // Словно лодочка на реке // К цели ведомой уходящая*. Образы сравнения: *пояс/поясок* (актуализируется сходство по форме и функции), *лодка/лодочка, плывущая по воде* (связано с идеей "жизненный путь") – являются традиционными, но они обновлены поэтом: *мосток* уподобляется *пояску*; *лодочка на реке* олицетворяется: она как бы "ведает цель" своего движения).

Сравнительные образы пространства в стихотворениях Н. С. Гумилёва первого и второго типов могут соседствовать с формами уподобления, включающими агнонимы, например: ...*И багряные закаты // На готическом соборе, // Словно гарпии, крылаты...* Гарпия – В древнегреческой мифологии: крылатая женщина-чудовище, богиня вихря. 2. перен. Злая женщина [8].

«Эффект новизны» при восприятии сравнений в этнографическом дискурсе Л. Н. Гумилёва обусловлен отдалённостью семантического расстояния между предметом сравнения и образом сравнения, например: ...*в прикаспийских степях, гладких как стол...; ...враги окружили Персию, как тетива концы лука*. Образ второго сравнения как бы намекает на основное оружие «врагов». Пространственная семантика актуализируется глаголом движения *окружили*, малое пространство – словосочетанием *концы тетивы*.

3. «Эффект неожиданности» соотносится с индивидуально-авторскими сравнениями, эксплицирующими большое семантическое расстояние между предметом сравнения и образом сравнения, как, например, в следующем отрывке из стихотворения Н. С. Гумилёва, где очень частотный в произведениях компаративный астральный образ характеризует состояние печали лирического героя: *А с ними, как новые звезды, печали // Еще неизведанных дум и страстей, // Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве...; Стать вольным и чистым, как звёздное небо*.

Обновление сравнения с пространственным значением часто происходит за счёт распространённости формы образа или предмета сравнения, например: *Шар земной мне казался ядром, // К какому каторжник прикован цепью; Мы подняли тебя, земля, // Ты только хмуря привратница // У входа в божьи поля*.

Если признак сходства не назван, то возможна множественность понимания мотивировки сопоставления, однако зрительный образ сравнения позволяет ярко, наглядно представить признаки субъекта: *Влюблённые, чья грусть, как облака*. Облака – светлые, лёгкие, меняющие свою форму, подвижные, появляющиеся и исчезающие на небе. Так и грусть влюблённых светла и легка – лишь одна из трактовок возможного образного смысла.

«Эффект неожиданности» в этнографических работах Л. Н. Гумилёва – явление не столь частое, как в поэзии Н. С. Гумилёва.

Неожиданным для читателя этнографических произведений Л. Н. Гумилёва являются индивидуально-авторские образные сравнения, которые свидетельствуют о вкраплениях в научное изложение элементов художественного языка. Например: *Как только возникает, и всегда стихийно, императив акматической фазы: «Будь самим собой», система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой скоростью, что от него отлетают колеса, ломаются оси*.

Распространённый образ сравнения отражает ситуацию, опосредованно связанную с пространством *дороги*, о чём свидетельствуют глаголы, обозначающие интенсивное движение (*несущийся, отлетают*) автомобиля, подчеркнутое интенсификатором с *такой (скоростью)* и связанным с ним придаточным степени. Степень образности высокая, так как семантическое расстояние между предметом сравнения (*деформирующаяся система*) и распространённым образом уподобления – большое: абстрактное понятие мысленно приравнивается к конкретной, бытовой дорожной ситуации *несущийся автомобиль; отлетают колеса, ломаются оси*).

В книгах Л. Н. Гумилёва агнонимами для читателя могут оказаться не только историко-социальные, но и литературоведческие термины в рамках образа сравнения. Большое семантическое расстояние между предметом и образом сравнения может быть представлено и в тех случаях, когда непредсказуемо сопоставляются два понятия далёких друг от друга наук – читательское восприятие приобретает модус удивления.

В следующем текстовом фрагменте, посвящённом истории славянской общности (имплицитно связанной с определённым географическим пространством), предмет сравнения «общепонятность речи» славянства как хронологической «целостности», «единства» сопоставляется с содержанием литературоведческого понятия, соотносённого с интертекстностью: *Она (Киевская Русь) возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив, как реминисценцию былого единства, общепонятность речи, или близость языков*.

Итак, обращение к теме «Сравнения как экспликативы образов пространства в произведениях Н. С. Гумилёва и Л. Н. Гумилёва» обусловлено общими историко-географическими интересами отца и сына, их любовью к реальным и воображаемым путешествиям, а также стремлением обнаружить особенности в использовании сравнений в этнографическом дискурсе Л. Н. Гумилёва, поскольку

наше полное исследование посвящено константе компаративного равенства в языке монографий этого учёного. Сравнение – главная составляющая ФСП компаративного равенства [2, с. 107 – 112]. Логическое сравнение соотносится с полным уподоблением, образное – с неполным, предполагающим субъективное варьирование семантического расстояния между предметом и образом сопоставления.

Пространственная семантика в текстах этнографа нередко проявляется во всем высказывании, включающем сравнение, что естественно соотносится с его рассказами о зарождении и развитии этносов связанных с различными территориями Евразии. Особенностью пространственных компаративов в стихотворениях Н. С. Гумилёва в том, что образ сравнения нередко отражает часть пространства (*звёзды, облака, луна, летящая птица*). В языке монографий Л. Н. Гумилёва сравнение чаще отражает земные пространства (*море, реки, степь, земля, империя*) в поэзии Н. С. Гумилёва – небесные, астральные. В книгах этнографа частотны образы *огня*, опосредованно связанные с пространственной семантикой, в них отражается интенсивность в проявлении этнических процессов. Имена топов в поэзии Н. С. Гумилёва очень часто присутствуют в заглавиях, а в работах Л. Н. Гумилёва – в формах и предмета, и образа сравнения. Образы сравнения с пространственной семантикой в языке этнографа обычно проявляют

познавательную функцию, тогда как в стихотворениях Н. С. Гумилёва – эстетическую; но и в языке монографий Л. Н. Гумилёва можно не раз встретить опозитизированные компаративные образы пространства.

Образное сравнение, отражающее представление о пространстве (и его частях), в этнографических работах Л. Н. Гумилёва и поэзии Н. С. Гумилёва соотносится с тремя типами читательского восприятия – «эффект узнаваемости/новизны/неожиданности». Наблюдение этого выявило определённые особенности употребления сравнений в языке произведений сына и отца Гумилёвых. Поэтические сравнения Н. С. Гумилёва выражают уподобления по форме, цвету, звуку, функции, в них часто нарушается поэтический стандарт, образ обновляется (*буруны как струны; мосток поясок*). Изобразительность сравнения создаётся его метафорическим продолжением в контексте.

Узнаваемость образа в текстах Л. Н. Гумилёва нередко связана с устойчивыми сравнительными оборотами (*степь гладкая, как стол, мешает, как заноза*), новизны – в активном участии этнографических понятий, неожиданности – в использовании для сопоставления понятий разных наук. Также выявлено заметное проникновение в научный дискурс Л. Н. Гумилёва элементов разговорного и художественного стиля.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5 – 32.
2. Берков В. П. Семантика сравнения и типы её выражения // Теория функциональной грамматики: Количественность. Качественность / под ред. А. В. Бондарко и др. СПб.: Наука, 1996. С. 106 – 154.
3. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006. 656 с.
4. Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М.: АСТ, 2014. 544 с.
5. Гумилёв Н. С. Избранное. М.: Славянский Дом Книги, 2014. 320 с.
6. Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / под общ. ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 473 – 499.
7. Красина Т. Л., Сыпченко С. В. Сравнение как средство эстетического воздействия в поэзии Н. Гумилева // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск, 1995. С. 93 – 104.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2011.
9. Лавров С. Лев Гумилев; Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. 406 с.
10. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе языка: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Ленинград, 1974. 41 с.
11. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. М.: Либроком, 2010. 178 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
13. Скворецкая Е. В. Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания. Новосибирск. 1991. С. 26 – 36.
14. Чеботарёва С. В. Сложноподчинённые предложения, выражающие сравнительные отношения в коммуникативном аспекте // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10-2(50). С. 243 – 250.
15. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции в русском языке. М., 2013. 272 с.

COMPARISONS AS EXPLICATION IMAGES OF SPACE IN N. S. GUMILYOV AND L. N. GUMILYOV'S WORK

Elena B. Bachurina¹,@

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya street, Novosibirsk, Russia, 630126
@bachur08@mail.ru

Received 27.06.2016.
Accepted 21.09.2016.

Abstract: The scope of the research is represented by the spatial images expressed by means of comparisons-likening in L. N. Gumilyov's ethnographic discourse and

Keywords: logical and figurative comparison; comparison equality; the effects of perception comparison.

N. S. Gumilyov's poetry. The choice of subject is motivated by the common interests of the father and the son, their mutual love for actual and mental travel, for ancient history of Eurasia.

The aim of the research is to define similarity and distinction in the use of comparisons-likening with spatial semantics in L. N. Gumilyov's monographies and N. S. Gumilyov's poems, to present stylistic features of the ethnographer's discourse. The following general scientific methods are used: observations; classifications; comparisons and the subsequent interpretation of the collected actual material; the communicatively-pragmatical approach to language of the text together with contextual and component-sememic analysis (in part). The article summarizes material on the nature of comparison, its modes of expression, its structure in the simple sentence. The likening-comparison is represented as a leading constant of the functional-semantic field of comparativity. Several types of comparative images of space have been singled out both in L. N. Gumilyov's ethnographic discourse and N. S. Gumilyov's poetry; their similarities and differences have been described. The peculiarities of the individual style of the ethnographer in his use of metaphorical combinations are revealed. Types of comparisons in relation to the reader's perception, connected with the effect of recognition, novelty, unexpectedness are defined, which makes it possible to reveal the connection of scientific narrative with art. The article adds to the understanding of L. N. Gumilyov's language personality.

Conclusions. The figurative comparison, reflecting the concept of space (and its parts) in L. N. Gumilyov's ethnographic works and N. S. Gumilyov's poetry, corresponds with the following three types of reader's perception: the effects of recognition / novelty / unexpectedness. This observation has revealed the certain features of the use of comparisons in the Gumilyovs' language in their work.

The article can be used at special courses and special seminars, devoted to functional-semantic fields, general and art stylistics, communicative – pragmatical approach to the language of texts of different styles.

For citation: Bachurina E. B. Sravneniia kak eksplikatory obrazov prostranstva v proizvedeniiakh N. S. Gumileva i L. N. Gumileva [Comparisons as explication images of space in N. S. Gumilyov and L. N. Gumilyov's work]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 206 – 211. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-206-211.

References

1. Arutiunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriia metafor* [Theory of metaphor]. Moscow: 1990, 5 – 32.
2. Berkov V. P. Semantika sravneniia i tipy ee vyrazheniia [Semantics of comparison and types of its expression]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Kolichestvennost'. Kachestvennost'* [The theory of functional grammar: Quantity. Quality]. Ed. Bondarko A. V. Saint-Petersburg: Nauka, 1996, 106 – 154.
3. Gumilev L. N. *Drevniaia Rus' i Velikaia step'* [Ancient Russia and Great steppe]. Moscow: 2006, 656.
4. Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Russia up to Russia]. Moscow: AST, 2014, 544.
5. Gumilev N. S. *Izbrannoe* [Selected by Gumilev N. S.]. Moscow: Slavianskii Dom Knigi, 2014, 320.
6. Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the subject of fiction language]. Ed. Petrova Z. Iu. Moscow: Znack, 2009, 473 – 499.
7. Krasina T. L., Sytchenko S. V. Sravnenie kak sredstvo esteticheskogo vozdeistviia v poezii N. Gumileva [Comparison as means of aesthetic influence in N. Gumilev's poetry]. *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoi zhanrovo-stilevoi orientatsii* [Communicative aspects of speech in texts of various genre-stylistic orientation]. Tomsk, 1995, 93 – 104.
8. Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoiazychnykh slov* [Explanatory dictionary of speaking another language words]. 2nd ed. Moscow: Rus. iaz., 2011.
9. Lavrov S. Lev Gumilev; *Sud'ba i idei* [Destiny and ideas]. Moscow: Svarog i K, 2000, 406.
10. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivye komparativnye struktury v sisteme iazyka*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Stable comparative structures in system of language. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Leningrad, 1974, 41.
11. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivye sravneniia v sisteme frazeologii* [Stable comparisons in system of phraseology]. Saint-Petersburg: Librokom, 2015, 192.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. 4th ed. Moscow: «A TEMP», 2004, 944.
13. Skvoret'skaia E. V. *Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniia sravneniia v russkom iazyke* [Comparison: from history of means of expression of comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniia* [Semantic and pragmatic aspects of the utterance]. Novosibirsk, 1991, 26 – 36.
14. Chebotareva S. V. Slozhnopodchinennye predlozheniia, vyrazhaiushchie sravnitel'nye otnosheniia v kommunikativnom aspekte [The compound sentences expressing comparative attitudes in communicative aspect]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Samara state University*, no. 10-2(50) (2006): 243 – 250.
15. Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruktii v russkom iazyke* [Comparative structures in Russian]. Moscow, 2013, 272.

УДК 811.512.153'37

ЛОКАЛИЗАТОРЫ ПРОДОЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Сарина Г. Кичеева^{1, @}

¹ Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
@ sarinaki@mail.ru

Поступила в редакцию 26.04.2016.
Принята к печати 14.06.2016.

Ключевые слова: локализатор, продольно-сравнительный падеж, пространственные падежи, пространственные отношения, хакасский язык, тюркские языки.

Аннотация: Данная статья посвящена локализаторам продольно-сравнительного падежа в хакасском языке. Продольно-сравнительный падеж в хакасском языке, как и в некоторых других тюркских языках Южной Сибири, имеет значение продольности, трассы. Данное значение не выражается специализированной грамматической формой для большинства тюркских языков, что делает важным его изучение. При описании функций и семантики пространственных падежей важным компонентом анализа является локализатор. Целью статьи является выявление состава локализаторов, выраженных именами или сочетанием имен, которые употребляются с продольно-сравнительным падежом в хакасском языке. Анализ состава локализаторов, употребляющихся с продольно-сравнительным падежом, показывает, что пространство характеризуется в основном двумя типами: удлиненное пространство, имеющее некоторую протяженность ("природное" пространство: *ойым чир* 'долина', *суз* 'река', *хас* 'берег', и "искусственное" пространство: *орам* 'улица', *чол* 'дорога, путь, трасса', *тимир чол* 'железная дорога', *саарсых азах чол* 'тропинка' и др.), и большое пространство, с обширной площадью (*тайга* 'тайга', *талай* 'море', *чазы* 'степь' и др.). Таким образом, продольно-сравнительный падеж в хакасском языке выражает отношения не только как трассы и продольности, но и как общего места движения.

Для цитирования: Кичеева С. Г. Локализаторы продольно-сравнительного падежа в Хакасском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 212 – 218. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-212-218.

В хакасском языке, как и в некоторых других тюркских языках Южной Сибири, выделяется особый падеж с пространственной семантикой *продольности*, *трассы*. Если еще в прошлом столетии данный падеж с аффиксами *-ча*, *-че*, *-ча*, *-че* в грамматиках хакасского языка [3, с. 267; 5, с. 119] рассматривался как послелог-аффикс, то в начале нашего столетия в новых учебных пособиях [23, с. 21] его уже причисляют к падежным формам. Этот падеж мы называем вслед за М. И. Боргояковым [2, с. 118] продольно-сравнительным.

Продольно-сравнительный падеж в хакасском языке до сих пор не был предметом специального исследования. Он рассматривался в рамках системы пространственных падежей в работах М. И. Боргоякова, А. Б. Хертек [2, с. 118 – 121; 26], но в этих работах не дано полное описание значений данного падежа. Значимость исследования данного падежа заключается в том, что наличие специализированной грамматической формы для выражения семантики *продольности* для большинства тюркских языков нехарактерно и является особенностью именно для некоторых тюркских языков Южной Сибири, что сближает их с неродственными языками, но контактирующими исторически: самодийскими.

При описании функций и семантики пространственных падежей важным компонентом анализа является ло-

кализатор, который редко выступает как самостоятельный объект исследования, но является важным для описания пространственных отношений. Данной теме посвящено несколько работ: работа Н. Д. Арутюновой и Е. Н. Ширяева [1, с. 3 – 15], посвященная исследованию зависимости смысла локативного предложения от типа локализатора. Также соотношение лексико-семантических типов объектов локализации с типами локализаторов рассмотрено в коллективном учебном пособии по пространственным конструкциям в тюркских языках Сибири Н. Ч. Серээдар, Е. К. Скрибник, М. И. Черемисиной [16] и монографии И. А. Невской [10, с. 78 – 83], где она рассматривает локализаторы в рамках системы пространственных отношений в тюркских языках Южной Сибири, Е. А. Фёдорова «Существительные-локализаторы и их функционирование в газетных текстах» [27], где она дает описание функциональных и семантических типов существительных-локализаторов, а также исследует их особенности функционирования в современных газетных текстах.

Локализатор обозначает некоторое пространство, которое может выражать точку, отрезок прямой, вектор – самые разнообразные пространственные конфигурации, которые мы наблюдаем в реальной действительности и отображаем в языке [10, с. 78].

Локализатор может быть выражен отдельным словом, отдельной словоформой, сочетанием имени пространства какого-либо типа с послелогом или служебными именами, определительными сочетаниями различной степени сложности, в которых определяемое – имя, обозначающее пространство – локум, выступающий в качестве ориентира [10, с. 78].

В данной статье мы ставим целью рассмотреть состав локализаторов, выраженных именами или сочетанием имен, которые употребляются с продольно-сравнительным падежом в хакасском языке.

Локализаторы в форме продольно-сравнительного падежа содержат информацию для ответа на вопросы «вдоль чего движется объект локализации» и «по какому месту / через какое место движется объект».

Кроме собственно материального, физического пространства существует идеальное пространство, метафорическое, т. е. то пространство, в котором существуют наши мысли, чувства, воспоминания и т. п. В роли идеальных локализаторов могут выступать названия таких понятий, как *душа* – “эмоциональное пространство”, вместилище эмоциональных переживаний, органы чувств – *сердце, печень*; *мысли* “интеллектуальное пространство”, голова, мозг; информационные пространства разного рода (*сообщение, рассказ, речь*), социально-культурные пространства и др. В данной статье мы будем рассматривать только собственно пространственные локализаторы.

Анализ состава локализаторов проводился на основе тематического деления, предложенного в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой [13 – 15]. Проведенный анализ позволил определить состав лексем, которые имеют значение «локализатора». К ним относятся:

1) «природные локализаторы», т. е. естественные, неантропогенные участки пространства, ориентированные на земную поверхность: это участки поверхности Земли, её строение, природные образования (*степь, гора, море* и др.), а также участки, расположенные над ней (*атмосфера, космос* и др.);

2) участки пространства, выделенные в результате административно-территориального членения пространства (государство, город, село и др.);

3) искусственно созданное пространство, «вместилище» (в т. ч. дороги), предназначенные для людей, животных, предметов и веществ.

Состав локализаторов с продольно-сравнительным падежом представлен таким образом: сначала дается общее обозначение группы, выделенно по определённому признаку, затем даётся список близких по значению лексем, которые нам получилось обнаружить с продольно-сравнительным падежом.

1. Земля, её строение; природные образования.

1.1. Рельеф местности:

1.1.1. Ровные участки, долины, ложбины, овраги.

Для данного типа локализации характерно общее значение – удлинённое пространство, расположенное вдоль речного русла или среди гор: *ойым чир* ‘долина’, *олыг* ‘долина’, *өзен* ‘ложбина’, *хол* ‘долина; сухое русло реки’, *чул холы* ‘сухое русло реки’.

(1) *Хырның олиин=ча субада тарибас, партизаннар, амды китегеп, хырга сыххлабысханнар* [4, с. 43].

‘По горной долине протянувшись вереницей, выслеживая, партизаны взобрались на гору’.

(2) *Ол арада Түлгү чул холын=ча парганнар* [...] [4, с. 232].

‘Они вместе пошли по сухому руслу реки Тюльгю...[...].’

1.1.2. Возвышенности, горы, склоны.

Следующая семантическая группа выделена по признаку: значительная возвышенность, резко поднимающаяся вверх над окружающей местностью. Встречается продольно-сравнительный падеж с такими лексемами, как *таг* ‘гора’, *тасхыл* ‘цепь гор; высокая гора’.

Также необходимо заметить, что при “точечном” типе пространств, например, *таг* ‘гора’, в хакасском языке локализатор употребляется во множественном числе.

(3) *Чайгыда ол пістің таглар=ча көс чөрчөң* [20, с. 17].

‘Летом он по нашим горам ходил’.

(4) ... *суг чолынча, тасхыл=ча, чазыларча чон төреен чирі-сууна субалысчатчаң* ... [22, с. 14].

‘... рожденный народ на земле идет вереницей по высохшему руслу реки, по горам, по степям ...’.

1.1.3. Участки растительности: поля, леса, заросли.

Здесь общая сема – большое пространство, имеющее богатую растительность, открытое и ровное или покрытое деревьями – и представлена она следующими лексемами: *арыг* ‘роща’, *ачых чир* ‘поляна’, *пүк* ‘луг’, *тайга* ‘тайга’.

(5) *Синзер маңырап чүгүрчөм пүктөр=че* [19, с. 7].

‘К тебе я быстро бегу по лугам’.

(6) *Кізі чөрбеен хар тайга=ча, партизан отрядының саналыг чөрчөң ікін чі команды, тўн тайганы көре соонаң-соонаң субалыс париган* [8, с. 36].

‘По безлюдной заснеженной тайге вторая команда партизанского санного отряда тянулась друг за другом по ночной тайге’.

1.1.4. Водные пространства, водоёмы и прилегающие к ним участки суши.

1.1.4.1. Большое водное пространство.

Для данной группы характерна общая семантика – большое водное пространство с лексемами: *талай* ‘море’, *тиңис талай* ‘океан’, *тиңис* ‘океан’.

(7) *Талай=ча парарга.*

‘Ехать морем’ [24, с. 380].

1.1.4.2. Водный поток с естественным течением по руслу от источника до устья.

При наименовании лексемы *суг* ‘река’ как водного потока с естественным течением по руслу от источника до устья в хакасском языке часто встречаются именно с топонимом, реже можно встретить лексему *суг чолы* ‘русло реки’ (см. пример 5).

(8) *Пірсінде часхызын Агбан суг=ча ...агас индир сыхханнар* [18, с. 226].

‘Однажды весной по реке Абакан ...начали сплавлять дерево’.

(9) *Икі неделя Нина пароходнаҥ илбек Волга суғ=ча «Золотое кольцо России» тіп городтарча чөр килген* [19, с. 13].

‘Две недели Нина плыла на пароходе по великой Волге по городам, названным как «Золотое кольцо России»’.

1.1.4.3. Прилегающие к воде участки суши.

Общая семантика для этой группы – полоса суши, примыкающая к воде (морю, реке, водоему). В хакасском языке с продольно-сравнительным падежом встречается в основном только лексема *хас* ‘берег’, также есть слово *чар*, обозначающее тоже ‘берег’, но не встречающее самостоятельно, а только в сочетании с *хас*, ср. *чар хазы* ‘берег’.

(10) *Городтаҥ аалзар киліп, чазыча,тик нимеске дее мылтых артынып, Алтын кай хазын=ча нан чымнаҥ нас чөреріме чидіктин килгем* [7, с. 123].

‘Выехав с города в деревню, идя по степи, закинув ружье за плечо, я с нетерпением приехал, чтобы пройти с другом по берегу Алтын озера’.

(11) *Чар хазын=ча пастыр чөргенімде ...* [18, с. 162].

‘Когда я шагал по берегу ...’.

1.1.5. Участки земной поверхности.

Данная выделенная группа характеризуется тем, что выражает тип земной поверхности, поверх которой совершается действие. Она представлена следующими подгруппами:

– травяной покров: *от* ‘трава’;

(12) ... *көк от=ча пілдірттин чагыннап килген кізі* [20, с. 5].

‘...по зеленой траве, незаметно приблизившись, подошел человек’.

– лёд, снег: *пус* ‘лёд’, *хар* ‘снег’;

(13) *Саай Кызылдаң 20 км ырахта суғны пус=ча кисчең орында пол партыр* [18, с. 16].

‘На расстоянии 20 км от Кызыла произошла авария на месте, где переезжают реку по льду,

– почва, грунт: *тас* ‘камень’, *чир* в значении ‘земля’ (как почва);

(14) ...*тастар=ча ипти пастырча* [20, с. 86].

‘...по камням аккуратно наступает’.

(15) *Чоон, хара нап-наа ботинкаларны чир=че сөзірілдірче* [7, с. 34].

‘Большие, черные совсем новые ботинки по земле волочит’.

– Вода: *суғ* в значении ‘вода’ (как поверхность водоёма).

(16) *Сынап Син ползаң, магаа Синзер суғча парарга чахиһиңир* [11, с. 43].

‘Если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде’.

1.1.6. Строение Земли.

Встречаются также примеры с лексемами с общей семантикой – обширное пространство суши, омываемое морями и океанами, типа материк, континент. Нам встретились примеры названий континентов с однозначной референцией *Антарктида*, *Африка*.

(17) *Анаң муңар хары чахтар, [...] хыри-пазы чох соох Антарктика=ча плесет сал парган* [19, с. 14].

‘Потом тысячи снежинок [...] по бескрайней, холодной Антарктиде заплесали’.

(18) *Хаалап парча Африка=ча Слоны чах...* [12, с. 227].

‘Шагая, идет Слононок по Африке...’.

1.1.7. Природные пояса, географические зоны.

Для данной группы характерна общая семантика – обширная местность, характерная для данной географической зоны: *чазы* ‘степь’, *сөл чазы* ‘пустыня’.

(19) *Көрбе пора ат улуг чазы=ча ойлат киліп одыр* [21, с. 83].

‘Сивый жеребенок, родившийся осенью, приближается, скача, по широкой степи’.

1.1.8. Атмосфера Земли, воздушное пространство.

Здесь представлены лексемы, употребляемые с продольно-сравнительным падежом, обозначающие воздушное пространство *тигір* ‘небо’ и атмосферу Земли *кии* ‘воздух’.

(20) *Айас тигір=че учугар чыхпын...* [28, с. 47].

‘По ясному небу летала бы...’.

1.1.9. Небесные тела; планеты; созвездия.

Для данной группы был найден только один пример с лексемой *планета*.

(21) *Анаң таныбас планета=ча хысхы чах хаалагларнаң тойтаһнас чөргеннер* [19, с. 14].

‘Потом неуверенными, маленькими шагами пошла она по неизвестной планете’.

2. Искусственно созданное пространство, создаваемое руками и умом человека. Населённые места, обрабатываемые участки местности, дороги – материальные продукты труда.

2.1. Страны. Государства. Населённые пункты. Административно-территориальные единицы. Обрабатываемые и используемые места. Пути, дороги. Относящиеся к дорогам постройки, сооружения.

2.1.1. Страны, города и другие населённые пункты.

К данной категории лексем относятся обозначения стран, городов и населённых пунктов негородского типа: *аал* ‘село, деревня’, *город* ‘город’, *саар* ‘город’, а также имена стран, городов и населённые пункты негородского типа с однозначной референцией: *Агбан* ‘Абакан’.

(22) ...*город=ча пастыр чөрчеткен* [7, с. 15].

‘...по городу гулял (шагал)’.

(23) *Ол кізі, наньп, Иисустың поэнына ниме иткенін прай саар=ча чоохтап чөрген* [11, с. 107].

‘Этот человек, возвратившись, пошел проповедовать по всему городу о том, что сотворил ему Иисус’.

2.1.2. Части города и сельских населённых пунктов.

Здесь в основном употребляются лексемы с семантикой, обозначающей два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство: *орам* ‘улица’, *проспект* ‘проспект’, *улица* ‘улица’.

(24) *Хайдаг чалахай көңіліг чөрчелер «Борец» совхозтың көп-көні, чалбах улицаларын=ча тогысчылар!* [17, с. 3].

‘Какие радостные идут рабочие совхоза «Борец» по широким улицам!’

(25) *Городтың кўскў орамаларын= ча пастырып, ол пір ле сурыга кимірткен* [25, с. 18].

‘Идя по городским осенним улицам, его беспокоил только один вопрос’.

К этой группе относятся лексемы, обозначающие специализированные, оборудованные ровные участки земли, например: *спортивная площадка*.

(26) *Иди 2009 чылда 3 махачы оол пір сутка спорт площадкасын=ча чўгўр чўрген* [17, с. 3].

‘Так в 2009 году трое смелых парней одни сутки бегали по спортивной площадке’.

2.1.3. Участки, территории, связанные с обработкой земли; их части.

Для данной группы мы обнаружили одну лексему с семантикой удлиненное вспаханное поле: *хыр* ‘пашня’.

(27) *Пірсинде суббота кўнде Иисус тамах ёсметкен хыра=ча ирткен* [11, с. 34].

‘Однажды проходил Иисус в субботу вдоль засеянных полей (букв. проходил по засеянным полям)’.

2.1.4. Пути. Дороги. Дорожные сооружения.

2.1.4.1. Собственно пути, дороги.

Лексема *чол* ‘дорога, путь, трасса’ является универсальным, многозначным словом для обозначения дороги, пути, т. е. полосы земли, предназначенной для передвижения, в хакасском языке также часто встречается с конкретизатором *пу* ‘это, этот’.

(28) *Пу чол=ча Игурак чалгысхан пастагызын на парча* [17, с. 18].

‘Игурак по этой дороге идет в первый раз один’.

2.1.4.2. Пешеходные дороги, тропы, просеки.

Для обозначения узкого, протоптанного пути в хакасском языке с продольно-сравнительным падежом встречаются следующие лексемы: *саарсых азах чол* ‘тропинка’, *чалгыс азах чол* ‘тропинка’.

(29) *Саарсых азах чол=ча отряд ізіг костёр ле ўстўн че нас парчатхан чілі* [6, с. 10].

‘Словно под горячим костром (описание заката) шагала отряд по тропинке’.

(30) *Айдоның азахтары чалгыс азах чолыңах=ча тиңхаалагастар синеглеп килче* [8, с. 16].

‘По тропинке, отмеряя ровными шагами, идут ноги Айго’.

2.1.4.3. Рельсовые пути и часть железнодорожной станции.

В этой группе мы отметили следующие лексемы: *тимір чол* ‘железная дорога’ и *перрон*.

(31) ... *тимір чол=ча поезд субалча* [7, с. 130].

‘...по железной дороге тянется поезд’.

(32) *Паскирнең Галя перрон=ча пазыс чўргеннер* [9, с. 75].

‘Паскир с Галей прогуливались (шагали) по перрону’.

2.2. Материальные продукты труда: сооружения, постройки и их части.

2.2.1. Сами здания, сооружения.

В данной семантической группе встречается одна лексема: *тура* ‘дом; изба’.

(33) *Пістің пырыс таң өрінгеніне бе алай өкпенгеніне бе тура=ча халыхтап тырландыр чўр сыхча* [19, с. 15].

‘Наша кошка или от гнева, или от радости начала бегать галопом, с шумом по дому’.

2.2.2. Внутренние помещения и их части.

При обозначении внутренних помещений употребляются следующие лексемы: *кабинет, коридор*.

(34) *Коридорлар=ча, ух чілі, хыылап иртін, кабинетінзер кире хонган* [18, с. 4].

‘По коридорам словно пуля пролетела и в кабинет юркнула’.

(35) *Казан Устинович [...] кабинетін=че аар-пеер пастыр сыххан* [18, с. 4].

‘Казан Устинович [...] по кабинету туда-сюда начал ходить’.

2.2.3. Внутренние части жилых помещений.

В этой семантической группе встречается одна лексема: *квартира*.

(36) ... *квартира=ча алаң ас чўрче* [19, с. 24].

‘...растерявшись, ходит по квартире’.

2.2.4. Строительные материалы.

Из данного подкласса семантической группы нам встретился только один пример со словом *шифер*, который обозначает кровельный материал для крыши:

(37) *Хыр ўстўндегі шифер=че ойлаан сурнах кўлбеңектең пулуңдагы сабанзар сорлада ахча* [20, с. 135].

‘По шиферу крыши бежавший поток дождевой воды, журча, тёк от деревянного корытца к большой катке’.

2.2.5. Компоненты сооружений, их основания и детали.

Встречаются примеры с лексемами, обозначающие сооружение в виде ряда выступов, расположенных друг над другом: *пасхыс* ‘лестница’; и внутреннюю часть комнаты или помещения, служащую в качестве основания, перекрытия между нижним этажом или подвалом: *пол* ‘пол, настил’.

(38) *Сенек полларын=ча агас азагынаң торлада иртін, ізік тудазын харбалап азыбысхан* [20, с. 51].

‘Проходя по полу сеней, стуча деревянной ногой, схватив дверь ручки, открыл (дверь)’.

(39) *Тўрчедең аның ізігі азылган паза андартын соон сўрістіре пис кізі корабль пасхызын=ча тўскенер* [19, с. 14].

‘Немного погодя его дверь открылась и оттуда, следуя друг за другом, пять человек спустились по лестнице корабля’.

Анализ состава локализаторов, употребляющихся с продольно-сравнительным падежом, показывает, что пространство характеризуется в основном двумя типами: удлиненное пространство, имеющее некоторую протяженность (“природное” пространство: *ойым чир* ‘долина’, *суғ* ‘река’, *хас* ‘берег’, и “искусственное” пространство: *орам* ‘улица’, *чол* ‘дорога, путь, трасса’, *тимір чол* ‘железная дорога’, *саарсых азах чол* ‘тропинка’, *перрон* и др.), и большое пространство, с обширной площадью (*тайга* ‘тайга’, *талай* ‘море’, *тигір* ‘небо’, *чазы* ‘степь’, *материк*, *планета* и др.). Таким образом, продольно-сравнительный падеж в хакасском языке выражает отношения не только как *трассы* и *продольности*, но и как общего места движения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: бытийный тип (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. 198 с.
2. Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакас. отд. Красноярского книж. изд-ва, 1976. 160 с.
3. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 415 с.
4. Доможаков Н. Г. В далёком аале. Роман (на хакасском языке). Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1975. 256 с.
5. Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан: Хакас. обл. книж. изд-во, 1948. 127 с.
6. Енисей. Литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей Хакасии (на хакасском языке). Абакан: Хакас книж. изд-во., 2008. № 1. 100 с.
7. Казачинова, Г. Г., Халларов А. А. Свадьба. Повесть и рассказы (на хакасском языке). Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1979. 158 с.
8. Кобяков В. А., Топанов А. М. Красная степь. Повести, рассказы, стихи, пьесы на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1982. 280 с.
9. Костяков И. М. Шёлковый путь. Роман на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1989. 229 с.
10. Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Ника, 2005. 304 с.
11. Новый завет / пер. с рус. Т. Н. Боргоякова, Г. В. Литвиненко, И. П. Топоева. М.: Институт перевода Библии, 2009. 597 с. (на хакасском языке).
12. Писатели – детям. Сборник стихов, рассказов (на хакасском языке) / пер. с рус. Н. Доможаков, М. Кильчичаков, М. Одаева, М. Баинов и др. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1988. 284 с.
13. Русский семантический словарь. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова, именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 1998. 807 с.
14. Русский семантический словарь. Т. II: Имена существительные с конкретным значением. Всё, создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. М.: Азбуковник, 2000. 762 с.
15. Русский семантический словарь. Т. III: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
16. Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1996. 84 с.
17. Султреков А. Е. Дуплистое дерево. Повесть (на хакасском языке). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 96 с.
18. Татарова В. К. Крик турпана. Повести (на хакасском языке). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1991. 232 с.
19. Топоев И. П. Родные люди. Сборник рассказов на хакасском языке. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1992. 122 с.
20. Туран М. Дороги жизни. Сборник рассказов на хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1984. 152 с.
21. Хакасские мифы и легенды (на хакасском языке) / сост. П. А. Трояков. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1990. 200 с.
22. Хакасские народные сказки на хакасском языке / ред. В. Доможаков. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1956. 157 с.
23. Хакасский язык. Морфология: учебное пособие (на хакасском языке) для студентов, обучающихся по специальности 021700.02 – Филология (Хакасский язык и литература) / под ред. Карпова В. Г. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-а, 2004. 220 с.
24. Хакасско-русский словарь / сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1953. 181 с.
25. Халларов А. А. Белые облака. Сборник рассказов на хакасском языке. Абакан: Хакасское кн. изд-во., 1999. 144 с.
26. Хертек А. Б. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 24 с.
27. Фёдорова Е. А. Существительные-локализаторы и их функционирование в газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.
28. Шулбаева В. Г. Превратности судьбы. Пьесы и рассказы на хакасском языке. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1997. 288 с.

LOCALIZERS OF THE PROSECUTIVE-COMPARATIVE CASE IN THE KHAKASS LANGUAGE

Sarina G. Kicheeva^{1, @}¹ Novosibirsk State National Research University, 1, Pirogova street, Novosibirsk, Russia, 630090
@sarinaki@mail.ru

Received 26.04.2016.

Accepted 14.06.2016.

Keywords: localizer, longitudinal-comparative case, spatial cases, spatial relations, Khakass language, Turkic languages.**Abstract:** The given article features localizers of the prosecutive-comparative case in the Khakass language. The prosecutive-comparative case in the Khakass language, as well as in some other Turkic languages of Southern Siberia, has the meaning of lengthwise direction, a line. The given value is not expressed by any specialized grammatical form for the majority of Turkic languages, which makes its study important. The localizer is an important component of the analysis when functions and semantics of spatial cases are described.The article is aimed at revealing the structure of the localizers expressed by names or a combination of names which are used in the prosecutive-comparative case in the Khakass language. The analysis of the structure of such localizers shows that the space is characterized, basically, by two types: the extended space having some extent ("natural" space: *ойым чир* 'a valley', *сүз* 'a river', *хас* 'coast' and "artificial" space: *опам* 'street', *чол* 'road, a way, a line', *тумир чол* 'the railway', *саар-сых азах чол* 'a footpath', etc.) and a big space, with an extensive area (*майза* 'a taiga', *малай* 'the sea', *чазы* 'steppe', etc.). Thus, the prosecutive-comparative case in the Khakass language expresses relations not only as lines or lengthwise directions, but also as a general place of movement.**For citation:** Kicheeva S. G. Lokalizatory prodol'no-sravnitel'nogo padezha v Khakasskom iazyke [Localizers of the prosecutive-comparative case in the Khakass language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 212 – 218. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-212-218.**References**

1. Arutiunova N. D., Shiriaev E. N. *Russkoe predlozhenie: bytiinyi tip (struktura i znachenie)* [Russian proposal: existential type (structure and value)]. Moscow: Russkii iazyk, 1983, 198.
2. Borgoiakov M. I. *Razvitie padezhnykh form i ikh znachenii v khakasskom iazyke* [The development of case forms and their meanings in Khakas language]. Abakan: Khak. otd. Krasnoarskogo knizh. izd-va, 1976, 160.
3. *Grammatika khakasskogo iazyka* [Grammar of the Khakas language]. Ed. Baskakov N. A. Moscow: Nauka, 1975, 415.
4. Domozhakov N. G. *V dalekom aale* [In the distant ale]. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoarskogo kn. izd-va, 1975, 256.
5. Dyrenkova N. P. *Grammatika khakasskogo iazyka* [Grammar of the Khakas language]. Abakan: Khak. obl. knizh. izd-vo, 1948, 127.
6. *Enisei = The Yenisei*, no. 1 (2008): 100.
7. Kazachinova, G. G., Khallarov A. A. *Svad'ba* [Wedding]. Abakan: Krasnoiar. kn. izd-vo, Khakas. otd-nie, 1979, 158.
8. Kobiakov V. A., Topanov A. M. *Krasnaia step'* [Red steppe]. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoarskogo kn. izd-va, 1982, 280.
9. Kostiaikov I. M. *Shelkovyi put'* [Silk road]. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoarskogo kn. izd-va, 1989, 229.
10. Nevskaiia I. A. *Prostranstvennye otnosheniia v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo iazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of southern Siberia (on the material of the Shor language)]. Novosibirsk: Nika, 2005, 304.
11. *Novyi zavet* [The new Testament]. Transl. Borgoiakov T. N., Litvinenko G. V., Topoev I. P. Moscow: Institut perevoda Biblii, 2009, 597.
12. *Pisateli – detiam* [Writers – children]. Transl. Domozhakov N., Kil'chichakov M., Odaeva M., Bainov M. and oth. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoarskogo kn. izd-va, 1988, 284.
13. *Russkii semanticheskii slovar'. Tom I: Slova ukazuiushchie (mestoimeniia). Slova imenuiushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlia. Kosmos)* [Russian semantic dictionary. Volume I: pointing Words (pronouns). Naming words: nouns (All living things. Earth. Space)]. Moscow: Azbukovnik, 1998, 807.
14. *Russkii semanticheskii slovar'. Tom II: Imena sushchestvitel'nye s konkretnym znacheniem. Vse, sozdavaemoe rukami i umom cheloveka (naselennye mesta, obrabatyvaemye uchastki, dorogi; veshchestvennye produkty truda; organizatsii i uchrezhdeniia). Nazvaniia predmetov po forme, sostoianiiu, sostavu, mestonakhozhdeniiu, upotrebleniiu* [Russian semantic dictionary. Volume II: nouns with specific meaning. All created by the hands and mind of man (settlements, cultivated areas,

roads, the material products of labor, organizations and institutions). The names of the objects on the form, condition, composition, location, use]. Moscow: Azbukovnik, 2000, 762.

15. *Russkii semanticheskii slovar'. Tom III: Imena sushchestvitel'nye s abstraktnym znacheniem: Bytie. Materiia, prostranstvo, vremia. Sviazi, otnosheniia, zavisimosti. Dukhovnyi mir. Sostoianie prirody, cheloveka. Obshchestvo* [Russian semantic dictionary. Volume III: nouns with abstract meaning: Genesis. Matter, space, time. Connection, relation, dependence. Spiritual world. The state of nature, man. Society]. Moscow: Azbukovnik, 2003, 720.

16. Sereedar N. Ch., Skribnik E. K., Cheremisina M. I. *Strukturno-semanticheskaia organizatsiia predlozhenii nalichii, lokalizatsii, kolichestva i otsutstviia v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri* [Structural-semantic organization of proposals the presence, localization, number and absence in Turkic languages of southern Siberia]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 1996, 84.

17. Sultrekov A. E. *Duplistoe derevo* [The hollow tree]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1996, 96.

18. Tatarova V. K. *Krik turpana* [The cry of Turpan]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1991, 232.

19. Topoev I. P. *Rodnye liudi* [Native people]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1992, 122.

20. Turan M. *Dorogi zhizni* [The road of life]. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoiarskogo kn. izd-va, 1984, 152.

21. *Khakasskie mify i legendy (na khakasskom iazyke)* [Khakas myths and legends (in Khakas language)]. Comp. Troiakov P. A. Abakan: Khakasskoe otделение Krasnoiarskogo knizhnogo izd-va, 1990, 200.

22. *Khakasskie narodnye skazki na khakasskom iazyke* [Khakas folk tales in Khakas language]. Ed. Domozhakov V. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1956, 157.

23. *Khakasskii iazyk. Morfologiya* [The Khakas language. Morphology]. Ed. Karpova V. G. Abakan: Izd-vo Khak. gos. un-a, 2004, 220.

24. *Khakassko-russkii slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Comp. Baskakov N. A., Inkizhekova-Grekul A. I. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i natsion. Slovari, 1953, 181.

25. Khallarov A. A. *Belye oblaka* [White clouds]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1999, 144.

26. Khertek A. B. *Znachenii lokal'nykh padezhei v tuvinskom i khakasskom iazykakh*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The value of local cases in Tuvanian and Khakas languages. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Novosibirsk, 2008, 24.

27. Fedorova E. A. *Sushchestvitel'nye-lokalizatory i ikh funktsionirovanie v gazetnykh tekstakh*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Nouns-localizers and their function in newspaper texts. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 24.

28. Shulbaeva V. G. *Prevratnosti sud'by* [The vicissitudes of fate]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1997, 288.

УДК 811.161.1'28

ВОЙНА И ТРУД В МОНОЛОГАХ КУЗБАССКИХ КРЕСТЬЯН: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СКЕТЧ**Светлана П. Петрунина^{1, @, *}, Надежда В. Петрунина^{2, @, *}**¹ Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, 654041, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а @nad514@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.07.2016.

Принята к печати 14.10.2016.

Ключевые слова: диалектный монолог, сибирские говоры, лингвокультура.**Аннотация:** Цель настоящей статьи – презентация концепции второго выпуска сборника «Кузбасская деревня в рассказах её жителей» (2016). Сборник представляет собой собрание диалектных монологов кузбасских крестьян – *результат* полувекowego сбора и фиксации речи деревенских жителей Кемеровской области. Тексты отражают отдельные фонетические, лексические, грамматические особенности речи сибирского крестьянина, а также различные стороны его быта и бытия. Особый акцент сделан на темах войны и тылового труда.**Предметом** исследования являются а) тематические доминанты диалектного текста; б) лингвокультурные маркеры, конструирующие собирательный образ крестьянина-сибиряка. К основным **методам**, к которым прибегали составители при подготовке сборника к печати, относим метод лингвоперсоналогического портретирования, историко-культурное комментирование, а также общенаучные методы наблюдения и описания фактов.**Выводы.** К основным особенностям сборника относятся: тематическое рубрицирование, значимость гендерного фактора, наличие узловых эмоций рассказчиков, доминирование безоценочных высказываний, гипертекстуальность и политематичность диалектных монологов.**Область применения результатов.** Тексты, включённые в издание, представляют собой источниковый фундамент для дальнейших исследований в области русской диалектологии [2; 6; 8], в частности диалектного синтаксиса, теории диалектной языковой личности; регионоведения.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-14-42002а(р).

Для цитирования: Петрунина С. П., Петрунина Н. В. Война и труд в монологах кузбасских крестьян: лингвокультурологический скетч // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 219 – 223. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-219-223.

Цель статьи – презентация концепции второго выпуска сборника «Кузбасская деревня в рассказах её жителей» [3], который является продолжением одноимённого первого выпуска, вышедшего в свет в 2013 году [4], и включает материалы диалектологической практики (1952 – 2015 гг.), записанные на магнитную ленту и обработанные дважды – в тетради и (с 2000-х гг.) на электронном носителе. Как и предыдущее пособие, это результат работы авторов над аккумулирующим проектом, цель которого – сохранение памяти о быте и бытии кузбасского крестьянства. Вместе с тем второй выпуск имеет ряд особенностей, качественно отличающих его от «старшего брата». Далее о них.

Тематическая рубрикация

Главной отличительной чертой «Кузбасской деревни-2» является рубрикация по тематическому принципу. В отличие от первого выпуска, который был структурирован в соответствии с территорией проживания информантов-

диалектоносителей (Беловский, Прокопьевский, Промышленновский, Тисульский, Чебулинский районы и др.), что подчеркивает само явление – территориальные диалекты, – второй выпуск разбит на две части в зависимости от центральных, ключевых тем диалектных монологов. Ключевыми темами второго выпуска «Кузбасской деревни...» являются труд и война – жизнь крестьянина в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны.

Выбор тем не случаен. Публикация сборника приурочена к трём датам, знаковым как для России, так и для Кузнецкой земли: 70-летию со дня Победы 1945 года (2015 г.; в этом году сборник был подготовлен к печати) и двойному юбилею орденоносности города-труженика Новокузнецка – крупного промышленного центра Кузбасса (2016 г.; в этом году сборник вышел из печати). В 1971 г. Новокузнецк был награждён Орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение пятилетнего плана; в 1981 г. город удостоен Ордена Октябрьской Революции за вклад в индустриализацию и «обеспечение

разгрома немецко-фашистских захватчиков» (подробнее об этом см. Паспорт города Новокузнецка [5]). Таким образом, 2016 г. – это год 45-летия трудовой славы и 35-летия военной доблести Новокузнецка.

Труд и война – это, во-первых, те символы, которые наполняют смыслом текущее пространственно-временное поле, а «смыслопорождение есть сущностная характеристика человеческого бытия» (Э. Гуссерль, цит. по [7, с. 56]). Во-вторых, труд и война – неизбежные спутники жизненного пути кузбасских крестьян, пересечённого историческими катаклизмами XX века; они с регулярной частотой отражаются в их рассказах о прожитом и тем самым становятся тематическими доминантами диалектных текстов. Центральные темы отражены составителями в заглавиях монологов, представляющих собой наиболее ёмкие, знаковые высказывания информантов – описательные или резюмирующие: *Она бы жизнь и была получше, да война сокрушила; Война помирилась – дак чего. Я не ревел, ребята некоторые слезу пускали, это правда; Все ребята на войне – остались девочки одне; Вышла замуж, а он даже не воевал вовсе, сразу убили; Много убивали нас, конечно, но мы ничо, стояли.*

Гендерный фактор

Двухчастная структура сборника обусловлена не только тематическим, но и гендерным фактором: первая тематическая часть, содержащая рассказы о тыловой жизни, представлена преимущественно женщинами-рассказчицами, вторая тематическая часть, рисующая фронтовые будни, содержит повествования от мужского лица. Присутствие значительного числа «мужских» монологов также является дифференциальным признаком второго выпуска «Кузбасской деревни...». На наш взгляд, мужская монологическая речь – это особенно ценная находка диалектолога, поскольку, как показывает опыт сбора полевого материала, информант-мужчина, как правило, немногословен: *Дак а как? Воевали. Война известно как... Чо там рассказывать (Н. О. Дворников, с. Ваганово Промышленновского района); Живём сейчас... да помаленьку. Горемыком всё [живём]. Ну что ж я вам буду рассказывать, доченьки? (Е. И. Соколов, д. Лучшее Промышленновского района).*

Эмоциональные узлы

Тематическая рубрикация собранных монологов – это эвристичная оболочка, которая позволяет объединить разрозненные рассказы в целостный гипертекст, в котором можно вычленил ряд узловых эмоциональных моментов. С одной стороны, это:

– тяжесть переживаемых в войну невзгод, неспособность с ними справиться: *Она бы жизнь и была получше, да война сокрушила. Там сколько пробыл [муж], да его ранили. По ранению домой пришёл. Подумаешь, подумаешь, тяжело было. С первых годов-то жила ничё, а потом не ладилась жизнь-то (Д. Г. Безрукова, пос. Бызово Новокузнецкого района); А девчонка у нас была, а, как же её... Райка, по-моему, или что... Лирка! Вспомнила счас. Лирка была, она любила лёд ись (т. е. есть), она после войны сразу умерла. Туберкулёз. Вот лёд ела, а я не ела лёд, я воды напьюсь, и всё. Она отколет этот лёд – и*

глотаёт, и глотаёт. Я сколько раз ей говорила: «Лирка, зачем ты этот лёд глотаешь?» Она курила ишо. Ишо, грю, куришь, да ишо лёд ешь... А она гыт: «Да делов-то всё, и сдохну, дак сдохну, надоело уж работать». Я грю: «Ну дак война закончится – мы же не будем здесь работать, мы домой уедем». Вот. А домой не уехали никуда (Е. А. Сивакова (Коновалова), д. Третьяково Тисульского района);

– горечь потери близких, родной земли: *Под немцем была я, ну, как и... Мучили нас. Здоровых угоняли в эту Германию, и скот гоняли, и здоровых людей, а уже больных они, где кого были, где убивали, где издевались над людьми, как же... Немцы зашли, там всё пожгли, вот я ездила годов десять назад в эту, туда, ну, сейчас Киев-то построился, а в какой деревне я родилась – там дома были соломой крыты, полов не было, земляные все, одна избёнка осталась, всю деревню сожгли, всю сожгли (Ф. И. Стукалина, пос. Тяжин Тяжинского района); В сороковом году взяли его, в сорок первым году или... Да, его в сорок первым году [сына] в армию взяли. В сороковом же году! А [в] тридцать седьмым мужика у меня взяли. Заболтали [меня], чо попало [говорю]. В тридцать седьмым мужика забрали у меня, от, а в сороковом году он [сын] ушёл, помер там. Письма писал, а потом уж он это... Сын в сорок... Это, ну да, в сорок первым сын погиб, в сорок вторым сына второго у меня убили, в сорок третьим... у меня дочь в фэзэо взяли, так и пошло всё, с одной девочкой осталась, теперь чо (П. И. Притчина, д. Шишино Топкинского района) и др.*

С другой стороны – это:

– благодарность за поощрение воинской доблести: *Ранило его и контузило, ох, но есь у него медали, да, это хорошо. Ордена есь и медали есь (А. И. Бастрыгина, с. Бурлаки Прокопьевского района); Война помирилась – дак чего. Я не ревел, ребята некоторые слезу пускали, это правда. Потом не признали меня. Что воевал – не признали. В Москву подал, они признали правильным документом. Вот, милочки мои (И. А. Шабалин, Беловский район);*

– радость Победы: *Эта самая... война кончилась! А моё имя было Малышка, прозвище – Малышка. Я маленькая была, ростом-то. Ну и вот, он меня домой отпустил, а домой отпустили, а радио-то не было, были на работе. Я говорю маме: «Мама, война кончилась!» Она хлоп на коленки: «Неужели правда!» (М. П. Мирожинская, с. Ашмарино Новокузнецкого района); У немца, правда, у того орудие больше было, там пулемётов больше было, и всё у его было. У нас пулеметов было [меньше]. Но победили дык... наши победили. А чо бы не победить. Нашим всё не это самое... ни о чём (т. е. ни-почём) (Ф. И. Трофимов, с. Борисово Крапивинского района) и др.*

Безоценочные контексты

Контрастные переживания уравниваются весомым пластом безоценочных, отстранённых, сосредоточенных повествований о фронтовых буднях, которые лишены оценочной составляющей: *Она работала связисткой и вот, говорить, рассказывала мне... Кода ползут по мёртвым... и немец бьёт, и надо проползти, чтоб не*

убило-то. А ранены, говорит, между раненых, убитых ползёшь, чтоб соединить провод-то. Чтоб если там... кому-то передают же, чё как. <...> И по этим мёртвым ползала, и в зубах ...это провод-то... несла, ползла. И говорит, если увидит, что шевелится человек, как, говорит, Бог знает чё мерециться ей начинает. Вот. Ну, и она пришла-пришла живая, а толку нет. Почему-то с ума сошла (Е. А. Сивакова, д. Третьяково Тисульского района); А этот, а что он ротой командует, а где у вас остальные, я мол, вон на полянке лежат <...> До вечера-то дожили, а он нас уж тут перехватывает. Мы сейчас, ну а мы ночи две или три ли так, не спали вовсе, какой там сон. Ну а мы, это, легли и уснули, они там построились, а нас нет, ладно, что записаны, они бы ушли, мы бы остались. <...> Но, в болото зашли, вода эта, и так всю ночь прошли, светать стало, мы вышли, так чуть отбеливать стало, наши машины уж укуируются (т. е. эвакуируются) из Малого Ярославца. С сухарями машина тут стоит, один подбежал, это, дёрнул, складком разрезал, ну и нас братва, а мы же голодные все, едва ноги таскали (Е. Т. Прокудин, д. Каракан Беловского района).

Безоценочность диалектных нарративов, думается, восходит к наивной картине мира диалектоносителя, который предпочитает описание факта его интерпретации. Близость к природе – первозданному состоянию бытия – уводит крестьянина-рассказчика от системы общечеловеческих ценностей к простой фиксации происходящего. Ср. с миниатюрой И. С. Тургенева, где классик конструирует образ Природы-матери: «– Но добро... разум... справедливость... – пролепетал я снова. – Это человеческие слова, – раздался железный голос [Природы-матери]. – Я не ведаю ни добра, ни зла... Разум мне не закон – и что такое справедливость? Я тебе дала жизнь – я её отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно... А ты пока защищайся – и не мешай мне!» [9, с. 32].

Безоценочность нарративов, быть может, обусловлена и нежеланием рассказчика, прошедшего ад войны в тылу и на фронте, возвращаться и воскрешать в памяти травмирующие, рвущие душу воспоминания. Отсюда скупая описательность текстов, доминирующая над выведением, и преобладание фактографической информации над эмоционально-экспрессивной.

Гипертекстуальность рассказов о войне и труде, акцент на внутритекстовых связях и лейтмотивах, однообразность суждений и повествований – ещё одна отличительная особенность концепции второго выпуска «Кузбасской деревни...». В первом выпуске составители стремились отобрать наиболее яркие, характерные тексты, наполненные плюрализмом мнений; сборник 2016 года – это реконструкция коллективного сознания крестьян, свидетельство «смерти автора и рождения читателя» [1], которому предлагается посмотреть в лицо войне и сделать собственные выводы.

Вместе с тем было бы некорректным говорить об абсолютизации тематического принципа. Лейтмотивность военно-трудовой темы не отменяет сущностной черты диалектного монолога – его **политематичности**. Крестьяне повествуют не только о военных годах, но и (отвлекаясь, отклоняясь, уходя вслед за случайными ассоциа-

циями и воспоминаниями) об иных сторонах своего быта и бытия:

– о детстве: Мы трудились, да и не только на огороде, да и на поле, каждой семье, помню, давали нам, как бы надел работы, на каждую семью по пять соток, вот наша семья пять человек, вот нам давали пять соток свеклы, и мы все вставали в пять утра: мама, папа и мы, девчонки, и шли на поле с тяпками (Л. А. Попова, Новокузнецкий район Кемеровской области); Вот так, потихоньку, ещё люди потом подъезжали. И письма писали, что хорошо [в Сибири], только труды дьявольские. Но белорусы – они только трудиться [любят] и дарьма будут трудиться, народ такой. Послушный, законопослушный и лишь бы работать, хоть и дарьма, да будут, а тут, вроде как, чо-то, награда какая. Потом уже и ещё приезжали. А мы в сорок девятом, после войны [приехали]. Война чо... Я война не помню, махонькая была тогда. Я помню, как откликлась война (М. П. Гаврилова (Боровая), пос. Белорус Новокузнецкого района);

– до- и послевоенной жизни, коллективизации, повседневном труде: До войны тоже ни черта не видели в колхозе. Хлеб сдай. Зерно сдай. Картошку сдай. Молока надоишь – сдай. Яйцы курицы нанесут – сдай. Всё государству. Песня есь: «А полянь по трудодням, хлеб мы сдали государству»... (Е. А. Сивакова, д. Третьяково Тисульского района); Машины появились тогда. Ну кончила на «хорошо», сдала прям с первого разу. И направили меня, я сама попросилась, в Калтан. Мне Калтан нравился, он город-сад же был. Дуся там жила, я ходила к ней в гости, библиотека, кино – это ж как праздник. У меня мечта была – в Калтан (М. П. Гаврилова (Боровая), пос. Белорус Новокузнецкого района);

– замужестве или женитьбе: Замуж вышла и приехала сюда. Теперь не бояться расходиться, а тогда моды не было расходиться, хоть как плохо, хорошо – живёшь. И стыдно было, что расходятся (А. И. Бастрыгина, с. Бурлаки Прокопьевского района); Я у родителей мало жила, я всё по людям жила. Я не жила дома. Я вышла [замуж] в девятнадцать, а вот на фронте [он погиб]. Моё дело что... пойти коров доить, телят поить, свиней кормить, а свекровь около печки [стоит] (З. А. Краснова, Тальское сельское поселение Юргинского района) и др.

Преемственность между первым и вторым выпуском прослеживается не только в неизбежной политематичности текстов, содержательной аморфности крестьянского рассказа, она – и в паратекстовой организации второго выпуска. Подобно дизайнерскому решению обложки сборника-предшественника, обложка этой книги отражает попытку составителей выявить точки пересечения общекультурного и локального. В оформлении использован фрагмент художественной фотографии «Заводский посёлок (Катав-Ивановск)», сделанной выдающимся русским фотографом и химиком С. М. Прокудиным-Горским (1863 – 1944) – пионером российской цветной фотографии. Изображение публикуется с разрешения Библиотеки Конгресса США, где хранится часть наследия фотографа, и г-на Жана Свечина (Jean Swetchine) – наследника С. М. Прокудина-Горского.

Фотоизображение перетекает в рисунок, выполненный начинающей художницей Анной Гусевой – уроженкой Кемеровской области, студенткой Института искус-

ства и культуры Томского государственного университета. На рисунке – въезд в город Новокузнецк и общеизвестные знаковые для города элементы: стела в честь его двойной орденоносности, фигурка скачущего коня как фрагмент герба города и схематическое изображение Кузнецкой крепости. Обложка сборника совмещает в себе признаки личного и открытого паратекста [10], так как, с одной стороны, отражает собственную концепцию составителей сборника и художника, с другой – апелли-

рует к зрительно-читательским перцептивным особенностям и архетипам.

Таким образом, «Кузбасская деревня-2» – это агломерат составительских целей, включающий: 1) стремление авторов отдать дань памяти Великой Отечественной войне, 2) сохранение «Руси уходящей», 3) популяризацию лингвистического знания, 4) наше желание поклониться Новокузнецку – крупнейшему и старейшему городу Кемеровской области, родному городу-труженику.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384 – 391.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2010. 261 с.
3. Кузбасская деревня в рассказах её жителей: материалы диалектологической практики (1952 – 2012 гг.). Вып. 1 / сост. С. П. Петрунина, Н. В. Петрунина. Новокузнецк: изд-во СиБГИУ, 2013. 144 с.
4. Кузбасская деревня в рассказах её жителей: материалы диалектологической практики (1952 – 2015 гг.). Вып. 2 / сост. С. П. Петрунина, Н. В. Петрунина. Новокузнецк: изд-во СиБГИУ, 2016. 125 с.
5. Новокузнецк: паспорт города. Режим доступа: <http://portal.admnkz.info/city/passport> (дата обращения: 01.05.2016).
6. Русская деревня в рассказах её жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с.
7. Суворова А. Н. Философия Эдмунда Гуссерля и феноменологическая философия // А. Н. Суворова. Введение в современную философию: учеб. пособие. Киев, 2005. 72 с.
8. Трубинский В. И. Русская диалектология: говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.; М., 2004. 208 с.
9. Тургенев И. С. Природа // Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Повести и рассказы 1871 – 1883 годов. М.: Художественная литература, 1978. 526 с.
10. Шмелёва Т. В. Паратекст медийного текста // Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: сб. научн. статей / отв. ред. О. М. Чупашева. Мурманск: изд-во Мурман. гос. пед. ун-та, 2009. С. 145 – 149.

WAR AND WORK IN KUZBASS PEASANTRY REMINISCENCES: A SKETCH OF LINGUISTIC AND CULTURAL BACKGROUND

Svetlana P. Petrunina^{1@,*}, Nadezhda V. Petrunina^{2,@,*}

¹ Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky street, Novokuznetsk, Russia, 654041

² National Research Tomsk State University, 34a, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050

@ nad514@yandex.ru

Received 29.07.2016.

Accepted 14.10.2016.

Keywords: Dialect monologue, Siberian dialects, linguistics and culture

Abstract: The submitted paper **acts as** a presentation of the second issue of ‘Kuzbass Peasantry Speaking’ – a collection of monologues devised by Siberian local countryside dwellers. The collection has recently been published (January, 2016) and includes the **results** of a fifty-year-long research aimed at recording and cameral processing of dialect speech. The recorded monologues reflect the specific local peculiarities of phonetics, lexis, and grammar, as well as the diverse complexity of Siberian dwellers’ being and living. A close attention is paid to the topics of war and work.

The research **is aimed at** a) examination of predominant topical elements within this or that monologue; b) linguistic and cultural markers able to structure the collective image of an average Siberian countryside dweller. The main **methods** employed by the authors involve the linguistic personality depiction; historical and cultural commentary; the general scientific methods of continuous observation and factual description.

Conclusion. The chief characteristic features of the book involve topical dominants, gender factor significance, emotive links, absence of direct evaluation, and hypertextuality.

Significance. The monologues included into the present collection can serve as a source base for further pieces of research on Russian dialect studies [2; 6; 8] (e. g., dialect syntax and theory of dialect personality) or on regional studies in general.

* The paper was written with the support of Russian Humanitarian Science Foundation grant № 15-14-42002a(p).

For citation: Petrunina S. P., Petrunina N. V. Voina i trud v monologakh kuzbasskikh krest'ian: lingvokul'turologicheskii sketch [War and Work in Kuzbass Peasantry Reminiscences: a Sketch of Linguistic and Cultural Background]. *Vestnik Ke-merovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 219 – 223. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-219-223.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Collected Works by Roland Barthes. Semiotics and Poetics]. Moscow: Progress, 1994, 384 – 391.
2. Karaulov Yu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia luchnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: URSS, 2010, 261.
3. *Kuzbasskaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei: materialy dialektologicheskoi praktiki (1952 – 2012 gg.)* [Kuzbass Peasantry Speaking: Collection of Dialect Monologues (1952 – 2012)]. Ed. and comp. Petrunina S. P., Petrunina N. V. Novokuznetsk: Izdatel'stvo SibGIU, Iss. 1 (2013): 144.
4. *Kuzbasskaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei: materialy dialektologicheskoi praktiki (1952 – 2015 gg.)* [Kuzbass Peasantry Speaking: Collection of Dialect Monologues (1952 – 2015)] Ed. and comp. Petrunina S. P., Petrunina N. V. Novokuznetsk: Izdatel'stvo SibGIU, Iss. 2 (2016): 125.
5. *Novokuznetsk: pasport goroda* [Novokuznetsk: City Passport]. Available at: <http://portal.admnkz.info/city/passport> (accessed 01.05.2016).
6. *Russkaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei* [Russian Peasantry Speaking]. Ed. Kasatkin L. L. Moscow: AST-PRESS, 2009, 512.
7. Suvorova A. N. *Vvedenie v sovremennuiu filosofiiu* [Introduction to modern philosophy]. Kyiv, 2005, 72.
8. Trubinskii V. I. *Russkaia dialektologiya: Govorit babushka Marfa, a my kommentiruem* [Russian Dialect Studies: Babushka Marfa's Talk and Our Comments]. Saint-Petersburg; Moscow, 2004, 208.
9. Turgenev I. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Turgenev I. S.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 8 (1978), 526.
10. Shmeliova T. V. Paratekst mediinogo teksta [Paratextual Characteristics of Media Texts]. *Strukturno-semanticheskie parametry edinits iazyka i rechi* [Structural and Semantic Parameters of Language and Speech Units]. Murmansk: Izdatel'stvo Murm. gos. ped. un-ta, 2009, 145 – 149.

УДК 821.111(73)0

КЛАССИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ РАБОВ, НАПИСАННЫЕ АВТОРАМИ-ЖЕНЩИНАМИ: ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Юлия Л. Сапожникова^{1, @}

¹ Смоленский государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
[@] sapojnikova.engl@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.04.2016.
Принята к печати 21.09.2016.

Ключевые слова: афро-американская литература, истории рабов, идентичность, община.

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ афро-американских классических историй рабов, написанных авторами-женщинами. Целью исследования является рассмотрение вопросов конструирования идентичности. Для достижения данной цели используются сопоставительно-стилистический метод, мотивный анализ и биографический метод. Интерпретация рассматриваемых произведений позволяет сделать вывод, что формирование идентичности героинь этих повествований происходит под влиянием семьи и культурного наследия всей общины, все авторы уделяют особое внимание описанию способов борьбы темнокожих невольниц за собственное достоинство.

Для цитирования: Сапожникова Ю. Л. Классические истории рабов, написанные авторами-женщинами: проблема самоидентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 224 – 227. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-224-227.

Афро-американские “истории рабов” (или “классические истории рабов”) (“slave narrative”) – это автобиографические повествования, рассказанные белым переписчикам-редакторам или написанные самими беглыми или освобожденными рабами (конец XVIII – начало XX вв.) [11]. Из свыше 130 существующих историй рабов лишь 16 были написаны женщинами, при этом большинство авторов-женщин были свободными северянками [7].

В нашем исследовании мы пытаемся выявить способы конструирования идентичности, описываемые в историях рабов, написанных женщинами, для чего уделяем особое внимание содержательным составляющим их повествований и останавливаемся на используемых языковых средствах, если последние способствуют более глубокому пониманию центральной темы. Для достижения данной цели использовались сопоставительно-стилистический метод, мотивный анализ и биографический метод. Материалом исследования послужили тексты М. Принс (Mary Prince, 1831), Странствующей Истины (Sojourner Truth, 1850), Г. Джейкобс (Harriet Jacobs, 1861), Л. Пике (Louisa Picquet, 1861), Э. Кекли (Elizabeth Keckley, 1868), Г. Табмен (Harriet Tubman, 1869), Ш. Брукс и других рабов (Charlotte Brooks, 1890).

Именно истории рабов стали первыми произведениями в рамках афро-американской литературы, в которых главный акцент был сделан на проблематике идентичности и на описании стратегий выживания темнокожих невольников, стратегий, которые помогали им не утратить собственную этническую идентичность. Чтобы осмыслить названную центральную тему, темнокожие авторы рассматривали соответствующие бинарные оппозиции. Жизнь раба выстраивалась, в первую очередь, через оппозицию “белое – черное”, восходящую к символике цвета, согласно которой белый цвет ассоциировался с чистотой сознания и совести, в то время как чер-

ный часто сопоставлялся с низменными желаниями, аморальностью и злобой. В рабстве символика цвета стала применяться к цвету кожи, когда представители негроидной расы описывались идеологами рабовладельческого строя как воплощение дьявола.

Однако оппозиция “белое – черное” подразумевала не только моральные, но и социальные отличия, последние реализовывались в повседневной жизни плантаций и находили отражение в произведениях темнокожих невольников. Эти различия можно описать через оппозиции “хозяин – раб” и “человек – раб (животное)”. Практически во всех рассмотренных классических историях рабов встречаются слова “brutalize” (у М. Принс и в истории Шарлоты Брукс и других рабов) и “downtrodden” (в повествовании Странствующей Истины) для описания обращения с рабами и их состояния (первое слово описывает практику лишения невольников человеческих чувств, а второе – неспособность сопротивляться такому воздействию), что подтверждает правомерность рассмотрения жизни рабов в рамках этих категорий. Кроме того, М. Принс, например, описывает себя как домашнего любимца хозяев (“pet”). Низведение раба до уровня животного было обязательной частью института рабовладения и осуществлялось планомерно.

В отличие от большинства белых рабы лишались многих источников самоидентификации уже при рождении. Практически никто из них не знал точной даты своего рождения. Немногие знали и о своих кровных родственниках, в первую очередь это касалось отцов, ведь достаточно часто рабыни рожали детей от белых хозяев, которые замалчивали этот факт. Детей забирали у матерей уже в младенчестве, чтобы не дать сформироваться родственным узам и привязанностям. Имя и раса были тем немногим, что рабы знали о себе и могли использовать как источник самоидентификации.

Рабовладельцами стирались все возможные источники идентификации, даже те, которые были даны от природы, например, пол и возраст. Подобная практика началась уже в детстве, когда дети-рабы обоих полов ходили практически голыми из-за нехватки одежды, потом уже взрослые мужчины и женщины (не связанные родством) часто спали в одних помещениях. При оценке имущества женщины подвергались такому же унизительному осмотру, как и мужчины.

Оппозиция “человек – раб (животное)” создавалась идеологами рабовладельческой системы также с помощью использования метафор из животного мира применительно к рабам. Таким образом, рабство представляло собой экстремальную социально-культурную ситуацию, которая лишала рабов множественных идентичностей и наделяла лишь одной – ипостасью раба.

Авторы-женщины стараются пересмотреть эти оппозиции и доказать (на примере своих героинь), что некоторые рабыни не смирялись с участью, навязываемой рабовладельцами, а сохраняли свою идентичность (как личностную, так и этническую).

Г. Джейкобс в своем произведении “Случаи из жизни...” пытается деконструировать центральную оппозицию “белое – черное” и показывает несоответствие между цветом кожи и внутренней сущностью, выражаемой этим цветом, простым соположением прилагательных “белый” и “черный” для описания одного человека: *This white-faced, black-hearted brother came near us...* [6, p. 81] (выделено нами – Ю. С.). Таким образом она стремится показать, что цвет кожи не определяет сущность человека, а значит такая оппозиция неправильна.

Актуальность оппозиции “человек – раб (животное)” в историях рабов, написанных женщинами, как нам кажется, в значительной степени нивелирована, так как в этих произведениях большое внимание уделяется темам дома, семейной жизни, переживаний самих женщин и их детей, а значит, человеческим переживаниям. Известно, что основа самоидентификации закладывается в детстве благодаря общению ребенка с родителями и другими членами семьи. Отношения в семье играют важнейшую роль в становлении человека, они помогают ему не только самоопределиваться, но и просто выжить. Авторы-женщины описывают жизнь и отношения своих родителей, т. к. у большинства из них отцы – темнокожие (только М. Принс является дочерью белого), то они знают историю семьи (о проданных членах семьи родители рассказывают детям, тем самым сохраняя память о них, а значит, скрепляя родственные узы). На страницах повествований авторов-женщин постоянно упоминаются разные родственники, которые словом и делом пытаются научить героинь жизни (в первую очередь, это касается нравственного / религиозного аспекта), оказать им помощь. В случае смерти матери или раннего расставания с ней ее образ может являться дочери в видениях и направлять ее (у Г. Джейкобс и Л. Пике [2]), либо какая-то добрая женщина может заменять мать (у М. Принс).

Другими источниками борьбы с идентичностью раба становятся у авторов-женщин религия и община. Чаще всего матери учат своих детей обращаться к Богу, ведь он – их утешитель в горе и спаситель в тяжелой ситуации: другой помощи им ждать неоткуда. Бог для них – не грозный карающий судья, а милосердный спаситель.

Именно таким предстает их Бог, Бог беспомощных, что предопределяет особую манеру общения с ним, как с кем-то близким, с другом (у Странствующей Истины – “She talked to God as familiarly as if he had been a creature like herself...” [10, p. 61]; у Г. Табмен – “She <...> prayed for them, with the strange familiarity of communion with God...” [4, p. 77]). Истинно верующие рабыни (в повествованиях женщин) идут с Богом каждый день своей жизни: они молятся перед каждым ответственным шагом; учат своих детей молиться и верить; в тяжелые минуты поддерживают веру в других членах своей общины. Вера объединяет всех членов общины. Когда они распевают свои религиозные гимны, они кажутся счастливыми и как будто свободными, ведь это способ поделиться своим горем и взять на себя часть ноши другого.

Лишь в повествованиях женщин описывается, как вера рабов в противовес официальной религии помогает им не просто продолжать жить, но и измениться к лучшему. Помня о Боге и стараясь жить по его законам, Л. Пике прерывает отношения с белым, поняв их греховность, Странствующая Истина решает идти к людям и обращать их в истинную веру, Г. Табмен в качестве проводника выводит рабов в свободные штаты. Таким образом, авторы-женщины показывают, что для рабов истинная вера не только становится утешением в их тяжелой жизни, но и способствует духовному росту.

Кроме того, женщина всегда развивается и реализуется в отношениях, эмоциональная близость играет центральную роль в ее жизни, ведь она напрямую влияет на ее психологическое состояние. Женщина стремится заботиться о других людях и нести за них ответственность, поэтому община для нее очень важна. Так, героиня произведения “Случаи из жизни девушки-рабыни, написанные ею самой” Линда Брент (прототипом которой является сама Г. Джейкобс) предупреждает своих друзей о предстоящих обысках и содействует побегу одной из своих подруг. Со своей стороны она готова принимать советы старших членов общины, например, прислушивается к житейской мудрости, озвученной в тексте старой служанкой, гласящей, что трусливый и малодушный человек никогда не справится с теми испытаниями, которые судьба подбрасывает на его пути (“...Don't be so chick'n hearted! If you does, you vil nebber git thro' dis world” [6, p. 115]). Некоторые из авторов-женщин описывают ритуалы, уходящие корнями к африканским традициям и сближающие всех членов общины. Г. Табмен, например, в подробностях останавливается на торжественном танце, проходившем во время похоронной церемонии (так называемый “spiritual shuffle”).

В своих повествованиях авторы-женщины постоянно цитируют песни рабов, которые передавались из уст в уста и являлись источником общинного самовыражения, а также способом передачи культурной памяти [3]. Эти песни также использовались рабами как сигналы во время бегства, т. е. как оружие освобождения (например, Г. Табмен дает примеры гимнов, которые свидетельствовали об опасности либо, наоборот, о ее отсутствии). Через повторение гимнов, спиричуэлс, песен героини подчеркивают культурную связь с общиной.

Причины, которые толкают на побег персонажей-женщин, также имеют эмоциональную окраску и чаще всего связаны с мыслями о значимых близких: Г. Джей-

кобс и Э. Кекли хотят освободить детей из ига рабства, а Г. Табмен – других членов семьи (братьев и сестер). Важность эмоциональной связи с другими подчеркивается и в именах, которые выбирают протагонисты: Л. Пике и Э. Кекли берут фамилии мужей, а имя Странствующей Истины отражает ту миссию просвещения людей, которую возложил на нее низшедший дух.

Описанная тесная привязанность героинь к родным и общине способствовала тому, что они начинали чувствовать себя членами этнической общности еще в рабстве. Свобода (после успешного бегства) становится для них не временем обретения истинной этнической идентичности, а средством ее реализации. Странствующая Истина отправляется в путь с целью обращения всех в истинную веру, Э. Кекли собирает деньги для негров, которые оказались в Вашингтоне без всяких средств к существованию во время Гражданской войны, Г. Табмен выводит рабов на свободу, а во время войны работает медсестрой в госпиталях для темнокожих солдат. Кроме того, благо-

даря своим повествованиям все авторы выполняют свою главную миссию – показать, что такое рабство. Это, по их мнению, могло содействовать освобождению оставшихся в рабстве братьев и отмене этого позорного института владения одного человека другим. Именно автобиографическая форма лучше всего подходила для этой цели, именно благодаря ей “автор обретает раскованность, в какой-то степени освобождается от прошлого, преодолевает свои ранние заблуждения, он может оценить события в свете их завершенности” [1, с. 55].

Таким образом, в историях рабов, написанных авторами-женщинами, мы видим героинь – представительниц общины (т. е. людей, сумевших сохранить этническую идентичность). Еще в рабстве они формируют собственную идентичность под влиянием своей семьи и культурного наследия всей общины; борются за сохранение самоуважения и собственного достоинства (в том числе через веру), но, обнаружив невозможность этого в рабстве, решаются бежать, в первую очередь, ради своих детей [3].

Литература

1. Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. (Серия: Филология, история, востоковедение). 2012. № 2(43). С. 54 – 56.
2. Сапожникова Ю. Л. Особенности историй рабов, написанных авторами-женщинами // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1(57). Т. 2. С. 160 – 163.
3. Сапожникова Ю. Л. Проблема самоидентичности в афро-американских классических историях рабов, написанных авторами-женщинами // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14 – 21 марта 2016 г.: тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 37. Режим доступа: <http://conference-spbu.ru/conference/32/reports/4409/>
4. Bradford Sarah H. Scenes in the Life of Harriet Tubman. Auburn: W. J. Moses, Printer, 1869. Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/bradford/menu.html> (дата обращения: 02.08.2012).
5. The House of Bondage or Charlotte Brooks and Other Slaves, Original and Life-like, as they Appeared in their Old Plantation and City Slave Life; Together with Pen-pictures of the Peculiar Institution, with Sights and Insights into their New Relations as Freedmen, Freeman, and Citizens by Mrs. Octavia V. Rogers Albert. NY, 1890. Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/albert/albert.html> (дата обращения: 02.08.2012).
6. Jacobs H. Incidents in the Life of a Slave Girl Written by Herself. NY: Barnes & Noble Classics, 2005. 242 p.
7. Johnson Yv. The voices of African American women: the use of narrative and authorial voice in the works of Harriet Jacobs, Zora Neale Hurston, and Alice Walker. NY: P. Lang, 1998. 157 p.
8. Keckley E. Behind the Scenes, or, Thirty years a Slave, and Four Years in the White House. New York: G. W. Carleton & Co., Publishers, 1868. Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/keckley/keckley.html> (дата обращения: 02.08.2012).
9. Louisa Picquet, the Octoroon, or, Inside Views of Southern Domestic Life. NY, 1861. Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/picquet/picquet.html>
10. Narrative of Sojourner Truth, a Northern Slave, Emancipated from Bodily Servitude by the State of New York, in 1828. Boston, 1850. Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/truth50/truth50.html> (дата обращения: 02.08.2012).
11. The Oxford Companion to African American Literature / ed. by William L. Andrews, Frances Smith Foster, Trudier Harris. NY: Oxford University Press, 1997. 866 p.
12. Prince M. The History of Mary Prince, a West Indian Slave. Related by Herself. With a Supplement by the Editor. To Which Is Added, the Narrative of Asa-Asa, a Captured African. London, 1831. Режим доступа: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/prince/prince.html> (дата обращения: 02.08.2012).

SLAVE NARRATIVES WRITTEN BY WOMEN: THE PROBLEM OF SELF-IDENTITY

Yulia L. Sapozhnikova^{1, @}

¹ Smolensk State University, 4, Prshevalski street, Smolensk, Russia, 214000

@ sapojnikova.engl@yandex.ru

Received 15.04.2016.

Accepted 21.09.2016.

Keywords: African American literature, slave narratives, identity, community.

Abstract: The article is dedicated to the comparative analysis of African American slave narratives written by women. The objective of the research is the issues of identity formation. To achieve this objective the following methods were used: contrastive-comparative method of stylistic analysis, motive analysis, biographical method. The interpretation of the texts under consideration enables us to come to the conclusion that the identity formation of the female personages of these texts occurs under the influence of their families and the cultural legacy of the whole community, the considered women writers pay special attention to the means of struggle of black women slaves for human dignity.

For citation: Sapozhnikova Y. L. Klassicheskie istorii rabov, napisannye avtorami-zhenshchinami: problema samoidentichnosti [Slave narratives written by women: the problem of self-identity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 224 – 227. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-224-227.

References

1. Sapozhnikova Yu. L. Zhanr avtobiografii: poniatie i osobennosti [The genre of autobiography: notion and peculiarities]. *Uchenye zapiski ZabGGPU im. N.G. Chernyshevskogo. Ser. Filologiya, istoriya, vostokovedenie* = *Scientific notes of ZabSHPU named after N.G. Chernyshevsky. Series: Philology, History, Oriental Studies*, no. 2 (43) (2012): 54 – 56.
2. Sapozhnikova Yu. L. Osobennosti istorii rabov, napisannykh avtorami-zhenshchinami [Characteristic features of slave narratives written by women]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, no. 1 (2014): 160 – 163.
3. Sapozhnikova Yu. L. Problema samoidentichnosti v afro-amerikanskikh klassicheskikh istoriyakh rabov, napisannykh avtorami-zhenshchinami [The problem of self-identity in African American slave narratives written by woman writers]. *XLV Mezhdunarodnaia filologicheskaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 14–21 marta 2016 g.: Tezisy dokladov* [XLV International philological scientific conference, Saint-Petersburg, 14 – 21 March 2016: Theses of reports]. Saint-Petersburg, 2016. Available at: <http://conference-spbu.ru/conference/32/reports/4409/>
4. Bradford Sarah H. *Scenes in the Life of Harriet Tubman*. Auburn: W. J. Moses, Printer, 1869. Available at: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/bradford/menu.html> (accessed 02.08.2012).
5. *The House of Bondage or Charlotte Brooks and Other Slaves, Original and Life-like, as they Appeared in their Old Plantation and City Slave Life; Together with Pen-pictures of the Peculiar Institution, with Sights and Insights into their New Relations as Freedmen, Freeman, and Citizens* by Mrs. Octavia V. Rogers Albert. NY, 1890. Available at: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/albert/albert.html> (accessed 02.08.2012).
6. Jacobs H. *Incidents in the Life of a Slave Girl Written by Herself*. NY: Barnes & Noble Classics, 2005, 242.
7. Johnson Yv. *The voices of African American women: the use of narrative and authorial voice in the works of Harriet Jacobs, Zora Neale Hurston, and Alice Walker*. NY: P. Lang, 1998, 157.
8. Keckley E. *Behind the Scenes, or, Thirty years a Slave, and Four Years in the White House*. New York: G. W. Carleton & Co., Publishers, 1868. Available at: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/keckley/keckley.html> (accessed 02.08.2012).
9. Louisa Picquet, the Octoroon, or, *Inside Views of Southern Domestic Life*. NY, 1861. Available at: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/picquet/picquet.html> (accessed 02.08.2012).
10. *Narrative of Sojourner Truth, a Northern Slave, Emancipated from Bodily Servitude by the State of New York, in 1828*. Boston, 1850. Available at: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/truth50/truth50.html> (accessed 02.08.2012).
11. *The Oxford Companion to African American Literature* / ed. by William L. Andrews, Frances Smith Foster, Trudier Harris. NY: Oxford University Press, 1997, 866.
12. Prince M. *The History of Mary Prince, a West Indian Slave. Related by Herself. With a Supplement by the Editor. To Which Is Added, the Narrative of Asa-Asa, a Captured African*. London, 1831. Available at: <http://www.docsouth.unc.edu/neh/prince/prince.html> (accessed 02.08.2012).

УДК 82.091

«ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ» ЭЖЕНА СЮ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Дарима Д. Шарапова^{1, @}

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1
@ darimasharapova@gmail.com

Поступила в редакцию 01.04.2016.

Принята к печати 16.05.2016.

Ключевые слова: бульварная литература, Достоевский, Эжен Сю, «Идиот», «Парижские тайны», бульварный роман, достоевистика.

Аннотация: Статья посвящена влиянию жанра бульварного романа на произведение Ф. М. Достоевского «Идиот». Выделяется ряд персонажей (Настасья Филипповна, Лев Николаевич Мышкин), чьи характеры связаны с определенными героями романа Эжена Сю «Парижские тайны», а также ряд сюжетных моментов, родственных жанру бульварного романа (таких как частые скандалы, важные для сюжета совпадения, сиротство главных героев, рано лишившихся родителей, эффектные яркие сцены, полные театральности, любовные треугольники и обилие сюжетных линий). Автор статьи прослеживает генезис бульварных мотивов романа «Идиот», пользуясь черновиками и планами произведения Достоевского, рассматривая не только конечный текст, но и процесс его зарождения, а также не вошедшие в книгу сюжетные варианты, имеющие точки соприкосновения с бульварным романом.

Для цитирования: Шарапова Д. Д. «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Парижские тайны» Эжена Сю: точки соприкосновения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 228 – 232. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-228-232.

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот», как и все Пятикнижье в целом, наделен множеством черт, присущих поэтике жанра бульварного романа. Действительно, уже сама по себе фабула произведения предполагает вполне определенные ассоциации с произведениями Сулье и Сю, а характеры персонажей Достоевского некоторыми чертами похожи на устоявшиеся типы бульварного романа.

Под бульварным романом в данном исследовании мы подразумеваем социальный роман, описывающий современную автору ситуацию, направленный на описание общества и нравов сразу нескольких слоев общества, причем особое внимание уделяется не высшему свету, а, напротив, бедным ремесленникам, чиновникам, маргиналам и полусвету. Жанр бульварного романа близок жанру французского романа-фельетона, однако между ними существует ряд различий: если под романом-фельетоном подразумевается просто сериальная форма выпуска произведения, при этом не налагающая никакие особые ограничения на сюжет и тематику, то роман бульварный – это произведение о современных автору реалиях жизни городского дна. При этом бульварный роман выпускался, как правило, в форме романа-фельетона, частями, из-за чего авторам приходилось заканчивать каждый отрывок максимально интригующе, чтобы читатель купил следующий номер с очередной главкой произведения – этим и объясняется количество сюжетных линий и персонажей, фигурирующих на страницах произведения. Что же касается происхождения бульварного жанра, то данную литературную традицию зародил Эжен Сю своим романом «Парижские тайны», а продолжили ее такие писатели, как Поль де Кок, Фредерик Сулье, Ксавье де Монтпен. Несмотря на довольно прохладное отношение критики к жанру, бульварный роман повлиял на многих классиков мировой литературы и породил своих «звезд»,

таких как уже упоминавшиеся Сю и Сулье. Нас же как исследователей интересуют исключительно особенности жанра бульварного романа: сюжетное построение произведения, типы героев, присущие именно этому жанру, поэтика, способы построения интриги и системы сюжетных линий; целью данного исследования является вычленение определенных мотивов данного жанра в романе «Идиот», но ни в коем случае не оценка бульварного романа как жанра с точки зрения его художественных достоинств или недостатков.

Достоевский, несомненно, был хорошо знаком с традицией бульварного романа, особенно с творчеством Эжена Сю: общеизвестен факт того, что русский писатель даже собирался переводить «Матильду» Сю [7, с. 83]. Также часты упоминания Достоевским романов Поль де Кока [8, с. 83]. Кроме того, Достоевского еще при жизни неоднократно упрекали в том, что его творчество очень сильно напоминает бульварную литературу, роман-фельетон, с чем он порой действительно соглашался [6, с. 431]. Более поздние же исследователи, такие как М. М. Бахтин [2, с. 312], П. Мейер [9], М. Джоунс [3], Л. П. Гроссман [2], неоднократно указывали на то, что Достоевский находился под сильным влиянием поэтики бульварного романа. Исследователь С. А. Неклюдов в своих работах, посвященных проблеме целостности романов Ф. М. Достоевского [10 – 13], в том числе сюжетным лакунам [12], связывает едва намеченные писателем сюжеты, не развитые впоследствии, не только с фельетонной манерой подачи материала, но и с влиянием бульварного романа в целом [10 – 13]. Особо исследователь выделяет фигуру Эжена Сю [13], который для Достоевского является не просто одним из представителей бульварного жанра, а намного более значимой фигурой, что убедительно доказывает Степан Алексеевич.

Но прежде чем мы начнем говорить о собственно тексте романа, позволим себе заглянуть в черновики. По сравнению с окончательным вариантом, черновик является квинтэссенцией, набором сюжетных штампов бульварного романа: здесь и изнасилование Идиотом главной героини, упомянутое многократно, и несколько ситуаций, связанных с наследством, и даже тайная жена Идиота – Достоевский тщательно перебирал, судя по записям, всевозможные сюжетные приемы, взятые напрямую из бульварной литературы, дабы закрутить сюжет романа и сделать его максимально увлекательным. От большей части вариантов, отсылающих к бульварщине, автор отказался, что хорошо видно по черновикам, и окончательный план романа содержит в себе лишь ситуацию с наследством, и то не развернутую настолько, насколько она была представлена в предыдущих вариантах.

Любопытно, что Достоевский лишает героя и сложной семейной драмы, намеченной им в черновиках: так, у Идиота в одном из вариантов были мать, исчезнувшая без вести и появляющаяся в середине романа, и уже упомянутая тайная жена Идиота. Кроме того, в черновиках Достоевский ставит вопрос о законности рождения Идиота [5, с. 189], что подразумевает очередной виток сюжета, связанный с решением этой загадки; стоит ли говорить, что и бульварные романы переполнены незаконнорожденными героями. Жена Идиота, к слову, умирает при весьма драматических обстоятельствах, отравившись [5, с. 192].

Достоевский в черновых записях перебирает самые разные варианты сюжета, происхождение некоторых из них нельзя объяснить ничем, кроме влияния бульварной литературы. Помимо прочих вариантов финала романа автором рассматривался и тот, где Настасья Филипповна уходит в бордель [5, с. 218]. Ирония в том, что в этом варианте, лишь пунктирно намеченном, легко угадывается уход Лилии-Марии, героини романа «Парижские тайны» Эжена Сю, в монастырь, совершенный по примерно тем же причинам (а именно – из-за порочного образа жизни, который велся обеими не по своей воле с юного возраста, и осознания собственной греховности, не дающей возможности сблизиться с кем-либо), что и поступок Настасьи Филипповны; судя по всему, именно разница характеров героинь не позволяет Достоевскому отправить госпожу Барашкову замаливать грехи, отчего он и планировал бросить ее в самую гущу разврата, который ей не нужен был абсолютно.

Окончательный же текст произведения намного дальше от бульварного романа, нежели черновик. Тем не менее многое, взятое из черновиков, все же обрело воплощение в романе, будучи преломленным, а основные сюжетные ходы все так же напоминают бульварную литературу – разумеется, измененные авторским сознанием, отяжеленные дополнительными коннотациями и ассоциациями, значениями намного больше, чем скандалы и интриги романа бульварного. Именно об этом мы бы и хотели рассказать в данной статье.

Прежде всего отметим, что среда, в которой вращаются герои, смешанная. Сложно назвать это сообщество даже полусветом, пожалуй, настолько оно разнородно: представители княжеских фамилий, дети чиновников (Ипполит), Настасья Филипповна, находящаяся на содержании у Тоцкого, семейство Лебедева, купечество в

лице Рогожина – продолжать можно еще долго. При этом Достоевский дополнительно подчеркивает, насколько разнородно общество вокруг Настасьи Филипповны, отбирающей знакомства по одному ей известному принципу [4, с. 39]. То же самое мы можем сказать и о действующих лицах романа бульварного, который характеризуется необыкновенным разнообразием характеров, а персонажи принадлежат к самым разным социальным слоям, нередко в ходе развития сюжета возносясь до аристократии с самого дна или же, напротив, проделывая путь «из князи в грязи».

Подобные метаморфозы прямо касаются и героев, и героинь Достоевского. Настасья Филипповна тоже проделывает этот путь: из дочери Филиппа Александровича Барашкова, который был «отставной офицер, хорошей дворянской фамилии», она волею случая становится юной наложницей Тоцкого, которая затем не может вернуть свое место в обществе из-за своей поруганной чести; но помимо Настасьи Филипповны этот же путь проделывает Мышкин, когда обретает сказочное наследство, превратившись из нищего представителя древнего обедневшего дворянского рода с подозрением на психическое расстройство в богатого человека, которому согласны прощать многие причуды. Подобные метаморфозы затрагивают и других персонажей, однако в меньшей степени; так, в некотором смысле это касается Рогожина и Епанчина.

Вернемся к образу Настасьи Филипповны, жизнь которой действительно имеет множество пересечений с сюжетом бульварного романа. Несмотря на то, что по сути она является содержанкой Тоцкого, Настасья Филипповна сохраняет моральные принципы и держит себя строго. Если вспомнить о героине «Парижских тайн» Лилии-Марии, то можно найти немало пересечений между судьбами обеих персонажей: обе они высокородны по происхождению, обе были вовлечены в разврат не по своей воле, у обеих падение связано с потерей связи с родными (в случае Настасьи Филипповны – со смертью ее родителя, в случае Лилии-Марии – с предательством матери), обе испытывают душевные терзания, связанные с недостойным образом жизни, которые и приводят в конечном итоге к катастрофе. И Лилия-Мария, и Настасья Филипповна не могут связать свою жизнь с влюбленным в них человеком, происходящим из хорошей фамилии, несмотря на то, что питают к нему искреннюю симпатию – причиной в обоих случаях является прошлое героинь. Кроме того, обе они из положения маргинального восходят к концу жизни к высоким, аристократическим социальным позициям; здесь, правда, стоит оговориться, что Настасья Филипповна так и не стала женой князя, а Лилия-Мария недолго пробыла при дворе своего отца-правителя, уйдя в монастырь по собственной воле, то есть среди сильных мира сего они так в итоге и не оказались, угнетенные осознанием своего падения. Правда, нельзя сказать, что Лилия-Мария испытывает к кому-либо из своего прежнего окружения такие же чувства, что и Настасья Филипповна к Тоцкому, однако и положение героинь Достоевского и Сю различно: если Настасья Филипповна была развращена одним человеком, то Лилию-Марию развратила безликая улица, система, которая была налажена задолго до нее, главным орудием которой в данном случае была Людоедка, исполняющая роль сутенера.

Отдельно подчеркнем эпизод, связанный с буколическим уединением Настасьи Филипповны в юношеские годы, когда уже после смерти сестры она перемещается Тоцким в Отрадное. В сущности, этот эпизод во многом напоминает аналогичный из «Парижских тайн», когда Родольф отправляет Лилию-Марию на ферму, правда, обыгрывается достаточно зло Достоевским. Если Лилия-Мария на ферме переодевается в скромное платье селянки, знакомится с пастором, отдается заботам доброй госпожи Жорж, избавляется от гнета обязательств перед Любоедкой (Родольф перед поездкой тайно выкупает Лилию-Марию у ее сутенерши), наконец-то избавляется от своей позорной профессии, одним словом, начинает новую счастливую жизнь подальше от тлетворного Парижа и пороков, то в случае с Настасьей Филипповной буколическое уединение в прекрасном домике представляет собой весьма злую пародию на возрождение падшей Лилии-Марии на букевальской ферме, ведь именно там, в Отрадном, героиня Достоевского и совершает свое грехопадение, которое не сможет себе простить. Особенно показательно то, что в обоих случаях за всем этим стоит фигура отца: и если Родольф на самом деле является отцом (хотя и сам того не знает на момент поездки на ферму) Лилии-Марии, то Тоцкий – официальный опекун Настасьи Филипповны. Кстати, детство Настасьи Филипповны достаточно типично для героини бульварного романа, поскольку отец ее при весьма драматических обстоятельствах, потеряв все, сходит с ума, мать погибает в пожаре, а сестра Настасья Филипповна умирает от коклюша в юном возрасте.

Полное сиротство в купе с благородным при этом происхождением и достойными родственниками, оказавшимися заложниками своей судьбы и неудач, в которых они сами неповинны, достаточно типично для героев бульварного романа; кстати, это относится и к Льву Николаевичу, о происхождении которого можно сказать то же самое: он лишен родителей с раннего детства. В черновиках Достоевский рассматривает варианты наделения Мышкина семьей со сложными взаимоотношениями родственников, что приблизило бы роман к бульварному жанру, но отказывается от него.

Здесь же скажем и о том, что Достоевский использует столь часто встречающиеся в бульварной литературе контрасты, касающиеся не только характеров героев, но и в первую очередь их внешности. Он маркирует персонажей в самом начале романа, указывая уже одним портретным сходством на то, чего ждать от каждого из них: в данном случае я имею в виду то, что противопоставление Мышкина Рогожину, данное в самом начале произведения, еще в первой главе, бросается в глаза достаточно явно, равно как и противопоставление Лилии-Марии Волчице, к примеру, причем различие в обоих случаях проводится даже на уровне противопоставления цвета волос – белокурый Мышкин противопоставлен темноволосому, почти черноволосому Рогожину, а Лилия-Мария – Волчице [14, с. 582]. Оба автора ассоциируют белокурые волосы с кротостью и невинностью, а черные – со страстью и пороком.

Что же касается сюжета, о котором также необходимо сказать, то сперва отметим неравномерность повествования и целые месяцы, остающиеся за кадром романа, причем в эти месяцы, несомненно, происходят опреде-

ленные события, которые мы реконструируем по репликам героев. В целом это тоже достаточно характерно для бульварного романа, который в это пропущенное время вкладывает те события, знание о которых разрушило бы интригу произведения или замедлило бы ход сюжета: в романе «Агасфер» Эжен Сю пропускает несколько месяцев, в которые герои успели добраться до Парижа, выйти из тюрьмы и попасть в передраги, а в романе «Идиот» Достоевский пропускает несколько месяцев, в течение которых Настасья Филипповна успевает несколько раз сбежать от Мышкина к Рогожину и наоборот. При этом нельзя сказать, что для читателя пропущенное время было бы неинтересно, скорее наоборот (о причинах возникновения лакун см. [12]).

Продолжим рассуждения о сюжете тем, что в целом роман, как и многие другие произведения Достоевского (например, «Преступление и наказание»), держится на совпадениях. Совпадения эти касаются как концентрирования множества персонажей в нужном месте в нужное время, так и обстоятельств в целом. В случае же романа бульварного совпадения играют настолько важную и доминирующую роль, что именно в них и заключается основная неправдоподобность, которую так часто ставят в вину жанру.

Помимо совпадений, также бульварный роман характеризуется театральными сценами и жестами, которые успели стать визитной карточкой жанра. В романе «Идиот» сцен эффектных, настроенных на шокирование зрителя, немало: здесь и швыряние Настасьей Филипповной денег в огонь, и вход Настасьи Филипповны в дом Гани, и пощечина, обрушенная на лик Мышкина, и неожиданная весть о наследстве (кстати о совпадениях: здесь же оказывается вовремя человек, который может подтвердить информацию о наследстве!), и предложение руки и сердца, и неудавшееся самоубийство Ипполита, и т. д. и т. п. Некоторые сюжетные линии оказываются неразвитыми, к примеру, не совсем ясно, что именно объединяет Евгения Павловича и Настасью Филипповну, и этим же довольно часто грешат и романы бульварные, авторы которых бросают побочные линии и совершенно забывают о самом существовании второстепенных героев, лишь едва речь заходит о главных персонажах (*подробнее см. [12]*). Весьма мелодраматичны и чувства, питаемые героями по отношению друг к другу: и если нежная дружба сестер Епанчиных выглядит весьма естественно, то желание Настасьи Филипповны женить князя на своей сопернице – абсолютно алогично и нормальным названо не может быть, хотя в системе координат бульварного романа смотрится вполне естественно.

Прямоком к бульварной традиции отсылает и история с сыном Павлищева, которую расследует Ганя. Кстати, стоит отметить и то, насколько легко и непринужденно герои и Достоевского, и Сю из разряда смертельных врагов переходят в разряд вернейших друзей (опять же безо всякой более-менее логической подоплеки). Все это объясняется личностью князя, который так легко очаровывает людей, заронив в них зерно чего-то светлого, что они мгновенно переходят на его сторону, и здесь же уместным будет вспомнить и о Родольфе, после встречи с которым Поножовщик настолько проникается его благородством, что умирает как верный пес, защищая своего покровителя. Дальнейшие изъяснения теплых чувств

друг к другу потерпевших и ответчиков [4, с. 306 – 307] для Достоевского более чем уместны, равно как и для того же Сю. Правда, здесь же можно вспомнить и диаметрально противоположную по вектору ситуацию, когда после обмена крестами Рогожин бежит за Мышкиным, готовый его зарезать – и столь же алогичную, как и приведенные выше.

Резкий переход от светлых и радостных событий к печальным особенно очевиден в эпизоде, следующем за разбирательством с сыном Павлищева, когда во время дня рождения Мышкина Ипполит читает свое прощальное письмо, а затем стреляется. Отвлекаясь от самого Ипполита, отметим, что манера, которой придерживаются герои при общении, весьма неестественна: чего стоят огромные монологи, которые они читают в адрес друг друга.

Вставная история о враче, который едет в Санкт-Петербург с объяснениями, рассказанная Ипполитом, выдержана в лучших традициях Эжена Сю, где врач все же одерживает верх, напоминая о героях «Агасфера» и ситуации, которая касается Кардовиль и Агриколя. История же о Сурикове, который «заморозил» ребенка с дочерью-содержанкой, тоже вполне вписывается в бульварный роман; надо сказать, сам по себе Ипполит и его семейство являются героями, которые напоминают типичное для бульварного романа семейство несчастных, почти близкое Морелям.

Последним же эпизодом, который мы хотим отметить, является самый конец романа, когда князь и Рогожин спят возле мертвой Настасьи Филипповны. Бесспорно, это самая грандиозная сцена произведения, наполненная настоящей мрачным величием – и отсылающая напрямую к «Агасферу» Эжена Сю, в финале которого в комнате выставляются гробы, в которых лежат шесть жертв заговора, а перед ними – корчащийся в судорогах смерти Роден, от вида которых княгиня де Сен-Дизье

потеряла рассудок навсегда. То же самое произошло и с Мышкиным, когда наконец отперли дверь и нашли его обнимающим такого же обезумевшего Рогожина.

Заканчивая данную статью, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что хотя большая часть моментов, связанных с влиянием бульварного жанра на роман «Идиот», осталась в виде черновиков и не была перенесена автором в роман, в окончательной версии произведения все же сохранились сюжетные ходы и другие особенности, роднящие книгу Достоевского с бульварным жанром. Особенно подвержены этому сходству разнообразные факторы, касающиеся Настасьи Филипповны, а именно – обстоятельства, связанные с ее детством, сиротством, грехопадением, а также разнородность среды, которая окружала ее; кроме того, между Настасьей Филипповной и героиней «Парижских тайн» Сю существует немало точек соприкосновения. Среди сюжетных же особенностей стоит выделить важную роль совпадений, на которых строится весь роман, а также наличие «белых пятен», связанных с пропуском большого количества времени, насыщенного событиями, которые впоследствии читатель реконструирует по диалогам между героями. К сюжетным же особенностям относятся и театральные сцены, и резкие переходы от светлых моментов к мрачным, призванные подчеркнуть трагичность ситуации, и обилие интриг, и алогичность поступков героев, и обе ситуации, связанные с наследством – а именно получение Мышкиным наследства и история с сыном Павлищева. Кроме того, существует ряд ситуаций, которые в той или иной степени скрыто обыгрывают моменты из романа Эжена Сю «Парижские тайны», причем большая их часть связана с Настасьей Филипповной – Достоевский преворачивает буколическое освобождающее уединение Лилии-Марии, превращая его в буколический ад юной наложницы Тоцкого.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
2. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная академия наук, 1925. 191 с.
3. Джоунс М. Романтизм в творчестве Ф. М. Достоевского: «Неточка Незванова» и «Матильда» Эжена Сю // Достоевский. Дополнения к комментарию / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. С. 370 – 392.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. 509 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 9. 527 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. 432 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. 544 с.
8. Еленгеева И. Произведения Поль де Кока в круге чтения персонажей Ф. Достоевского // Вестник Казахского национального педагогического университета. (Серия: Филология). 2010. № 1. С. 83 – 86.
9. Мейер П. Русские читают французов. Лермонтов, Достоевский, Толстой и французская литература. М.: Три квадрата, 2011. 336 с.
10. Неклюдов С. А. К проблеме интерпретации романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в свете двух замыслов (романа-памфлета и романа-трагедии) // Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллин: 2011. Т. 10. С. 90 – 100.
11. Неклюдов С. А. Проблема целостности романов Ф. М. Достоевского (на примере романов «Идиот» и «Бесы»): дис. ... канд. филол. наук; Московский гос. ун-т. 2013. 169 с.
12. Неклюдов С. А. Сюжетные лакуны и композиция целого в романе «Идиот» // Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллин, 2014. Т. 12. С. 45 – 57.
13. Неклюдов С. А., Эжен Сю и Фёдор Достоевский: литературная мода 30 – 40-х гг. в контексте 60 – 70-х гг. XIX века // Русская литература: тексты и контексты. Сборник научных трудов молодых филологов. Варшава, 2011. Т. 1. С. 99 – 107.
14. Сю Э. Парижские тайны. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. 608 с.

“THE IDIOT” BY F. M. DOSTOYEVSKY AND “LES MYSTERES DE PARIS” BY EUGENE SUE: COMMON GROUNDS

Darima D. Sharapova^{1, @}

¹ Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@ darimasharapova@gmail.com

Received 01.04.2016.

Accepted 16.05.2016.

Keywords: Dostoyevsky, Eugene Sue, The Idiot; Les mysteres de Paris, roman-feuilleton, tabloid literature, dostoevistics.

Abstract: The article is about the influence of the “roman-feuilleton” on the novel “The Idiot” by F. M. Dostoyevsky. The article features a number of selected heroes (Nastasiya Filippovna and prince Myshkin) and situations which have analogues with the novel “Les mysteres de Paris” by Eugene Sue and the genre of “roman-feuilleton” (for example, repeated scandals, which are very important for the story, coincidences, parentlessness of the main heroes, love triangles, numerous dramatic scenes and storylines). Also, the author of the article analyzes the genesis of the feuilleton motifs and the varieties that were left by Dostoyevsky as plans and drafts only.

For citation: Sharapova D. D. «Idiot» F. M. Dostoevskogo i «Parizhskie tainy» Ezheny Siu: tochki soprikoosnoveniia [“The Idiot” by F. M. Dostoyevsky and “Les mysteres de Paris” by Eugene Sue: common grounds]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 228 – 232. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-228-232

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1963, 363.
2. Grossman L. P. *Poetika Dostoevskogo* [Poetics of Dostoyevsky]. Moscow: Gosudarstvennaia akademiia nauk, 1925, 191.
3. Jones M. Romantizm v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: «Netochka Nezvanova» i «Matil'da» Ezheny Siu [Romanticism in Dostoyevsky's works: “Netochka Nezvanova” and “Mathilde” by Eugene Sue]. *Dostoevskii. Dopolneniia k kommentarii* [Dostoyevsky. Additions to the comments]. Ed. Kasatkina T. A. Moscow: Nauka, 2005, 370 – 392.
4. Dostoyevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoyevsky F. M.]. Leningrad: Nauka, vol. 8 (1973): 509.
5. Dostoyevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoyevskiy F. M.]. Leningrad: Nauka, vol. 9 (1974): 527.
6. Dostoyevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoyevskiy F. M.]. Leningrad: Nauka, vol. 10 (1980): 432.
7. Dostoyevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition by Dostoyevskiy F. M.]. Leningrad: Nauka, vol. 28, book 1 (1985): 544.
8. Elengeeva I. Proizvedeniia Pol' de Koka v krughe chteniia personazhei F. Dostoevskogo [Works by Paul de Kock in the reading circle of Dostoyevsky's characters]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta, seriia Filologicheskaiia* = *Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University, Philological part*, no. 1 (2010): 83 – 86.
9. Meyer P. *Russkie chitaiut frantsuzov. Lermontov, Dostoevskii, Tolstoi i frantsuzskaia literatura* [How the Russians read the French: Lermontov, Dostoyevsky, Tolstoy and French literature]. Moscow: Tri kvadrata, 2011, 336.
10. Nekliudov S. A. K probleme interpretatsii romana F. M. Dostoevskogo «Besy» v svete dvukh zamyslov (romana-pamfleta i romana-tragedii) [To the problem of interpretation of the novel by F. M. Dostoyevsky “The Possessed” in the light of the other plans]. *Studia Slavica*, Tallinn, vol. 10 (2011): 90 – 100.
11. Nekliudov S. A. *Problema tselostnosti romanov F. M. Dostoevskogo (na primere romanov «Idiot» i «Besy»)*. Diss. kand. filol. nauk [The problem of the integrity of Dostoyevsky's works (“The Idiot” and “The Possessed”. Cand. filol. Sci. Diss.]. Moscow State Univ. Moscow, 2013, 169.
12. Nekliudov S. A. Siuzhetnye lakuny i kompozitsiia tselogo v romane «Idiot» [Scene gaps and the whole composition of the novel “The Idiot”]. *Studia Slavica*, Tallin, vol. 12 (2014): 45 – 57.
13. Nekliudov S. A. Ezhen Siu i Fedor Dostoevsky: literaturnaia moda 30 – 40-kh gg. v kontekste 60 – 70-kh gg. XIX veka [Eugene Sue and Fyodor Dostoyevsky: literary fashion 30 – 40th in the context of the 60 – 70-ies XIX century]. *Russkaia literatura: teksty i konteksty* [Russian Literature: Texts and Contexts]. Warsaw, vol. 1 (2011): 99 – 107.
14. Sue E. *Parizhskie tainy* [The Mysteries of Paris]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1991, vol. 1, 608.

УДК 811

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРОННОГО ГИПЕРТЕКСТА

Валерий А. Шульгинов^{1, @}¹ Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
@prostovalera@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.06.2016.

Принята к печати 20.09.2016.

Ключевые слова: электронный гипертекст, интертекст, когнитивная модель, ассоциативный эксперимент, жанр.**Аннотация:** В данной статье представлена когнитивная модель электронного гипертекста, согласно которой он отражает в себе процесс речемыслительной деятельности пользователя. Мы выделили структурные единицы в составе электронного гипертекста: фрагмент-стимул, ссылку-коннектор и фрагмент-носитель ссылки. Анализ реакций, закрепленных в номинациях ссылок, позволил установить, что содержание фрагмента-стимула является наиболее частотным объектом авторской рецепции. Совокупность ссылок-коннекторов образует вербальную сеть, соединенную с фрагментом-стимулом двунаправленными ассоциативными связями. В ходе исследования было обнаружено, что наряду с содержанием в качестве стимула может выступать жанровая принадлежность фрагмента-стимула, пространственно-временные связи между фрагментами, тональность коммуникации. На основании этого предлагается разметка для корпуса электронных гипертекстов.**Для цитирования:** Шульгинов В. А. Когнитивная модель электронного гипертекста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 233 – 238. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-233-238.**Введение**

Электронный гипертекст представляет собой коммуникативно-познавательную единицу нового типа, которая, с одной стороны, отвечает всем критериям текстuality (целостность, связность, намеренность, приемлемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность [11, с. 18]), с другой – характеризуется сложной структурой и нелинейными связями между фрагментами. Наличие ссылочного аппарата в структуре электронного гипертекста видоизменяет опыт его прочтения. Он становится «сенсорно-моторным» и даже «тактильным», так как пользователь одним нажатием кнопки мыши может совершить переход к новому текстовому фрагменту, полностью изменив изображение перед глазами [13, с. 406].

Свобода перемещения размывает границы между читателем и автором: читатель перестает быть пассивным получателем информации, он конструирует сообщение таким образом, как это удобно ему, причем путь прочтения может не совпадать с изначальным замыслом автора. Таким образом, электронный гипертекст воплощает в себе постструктуралистскую концепцию «смерти автора», согласно которой источник текста находится не в письме, а в чтении [1, с. 418].

Однако, как это ни парадоксально, абсолютизация роли адресата в создании и линейного текста, и электронного гипертекста приводит к ограничению возможностей читателя. Натали Пьеге-Гро считает, что определение интертекстуальности с помощью категории чтения превращает процесс декодирования полученной информации в «форму террора», где восприятие интертекста становится обязательным и даже принудительным [8, с. 98]. Что касается электронного гипертекста, то воспри-

ятие его с точки зрения адресата приводит к тому, что доминантным становится фрагмент-носитель ссылки, а существование целевого текста оказывается факультативным и во многом определяется установкой читателя на получение дополнительной информации [3; 4; 6; 9; 14].

Однако если рассматривать электронный гипертекст как мотивированную и целенаправленную коммуникативную единицу, отражающую установки и ценностные ориентиры автора, то необходимо проделать обратный маршрут: первичным окажется целевой фрагмент, а ссылка на него становится вербализованной реакцией автора, закрепленной в структуре фрагмента-носителя ссылки. Такой подход позволяет построить когнитивную модель электронного гипертекста.

Для анализа мы выделяем минимальные целостные единицы в структуре электронного гипертекста – гипертекстемы, в состав которых входят:

- фрагмент-стимул (текст, к которому совершается гипертекстовый переход);
- ссылка-коннектор (номинация ссылки, соединяющей фрагменты гипертекста);
- фрагмент-носитель ссылки (текст, включающий в себя ссылку).

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой наполнение ссылки-коннектора определяется как фрагментом-носителем, так и фрагментом-стимулом [12]. В то же время методически верно при построении когнитивной модели электронного гипертекста сконцентрировать внимание на отношениях фрагмент-стимул – ссылка-коннектор, используя текстовое наполнение фрагмента-носителя ссылки для уточнения полученных данных.

В качестве фрагментов-стимулов мы выбрали наиболее цитируемые тексты в Рунете, установив с помощью

специальных инструментов ссылки-коннекторы, отсылающие к ним. Мы учитывали тот факт, что на реакцию пользователей может оказать влияние не только содержание текста, но и формат представления информации, поэтому выбрали в качестве фрагментов-стимулов тексты различных жанров (статьи электронной энциклопедии и пост):

1) статья в электронной энциклопедии Wikipedia – «Путин, Владимир Владимирович» (1804 реакции) [7];

2) статья в электронной энциклопедии Wikipedia «Толерантность» (265 реакции) [10];

3) пост на информационной платформе «Nabrahabr» «Были получены исходники 3300 глобальных интернет-проектов» (173 реакции) [2].

В центре когнитивной модели электронного гипертекста находится фрагмент-стимул, вокруг которого рас-

положено поле реакций, закрепленных в ссылках-коннекторах. Полученные реакции мы сгруппировали на основании того, что послужило стимулом номинации ссылки – содержание текста, его расположение в интернет-пространстве или жанровая характеристика.

Семантическая связь

В связи с тем, что в структуре гипертексты в качестве стимула выступает не отдельное слово, а целый текст, мы установили тематические доминанты, составляющие семантическое ядро дискурса, для чего установили частотность повтора ключевых слов. Данные, полученные в ходе частотного анализа лексики в статье «Путин, Владимир Владимирович», представлены в таблице.

Таблица. Тематические доминанты в статье «Путин, Владимир Владимирович» [7]
Table. Thematic dominant in the article "Putin, Vladimir Vladimirovich" [7]

Тема	Лексема	Количество упоминаний	Общее количество	% к тексту
Владимир Путин	Путин	333	412	2,31
	Владимир	45		
	Владимир Путин	19		
Россия	Россия	177	255	1,44
	российский	82		
	страна	47		
	государственный	29		
	федеральный	20		
	Российская Федерация	14		
Власть	президент	97	245	1,38
	правительство	38		
	президентский/президенство	36		
	политика	22		
	власть	21		
	председатель	19		
	руководитель	12		

Основная тема фрагмента-стимула («Владимир Путин») закреплена в большинстве реакций, полученных в ходе анализа ссылок-коннекторов. Мы встречаем упоминание имени, фамилии и отчества президента в различных комбинациях 816 раз, что составляет 45,26 % от общего числа номинаций. Чаще всего используется номинация *Владимир Путин* (421 употребление) и *В. В. Путин* (149 употреблений); остальные варианты, в том числе дублирующий заголовок статьи в «Wikipedia», гораздо реже: *Путин* (51 употребление), *Vladimir Putin* (43 употребления), *Путин, Владимир Владимирович* (42 употребления), *В. Путин* (25 употреблений), *Путин В. В.* (6 употреблений), *ВВП* (2 употребления). В качестве одиночных вариантов встречаются *Владимир Владимир Пу*, *Вован*, *В. ПУТИН*, *Вл. Путин*.

Таким образом, если представить совокупность ссылок-коннекторов как семантическую сеть, окружающую фрагмент-стимул, то большая часть этой сети используется для обозначения основной темы текста. На наш взгляд, это объясняется тем, что при создании гипертек-

сты автор в большинстве случаев стремится использовать такую ссылку-коннектор, которая может быть отнесена к двум дискурсивным единицам одновременно (фрагменту-носителю ссылки и фрагменту-стимулу), и в этом смысле именно тема является наиболее универсальным средством «склейки» фрагментов.

Менее частотные реакции на содержание статьи «Путин, Владимир Владимирович» представлены:

1. Темой «Власть», которая выражена в следующих реакциях *президент РФ* (17 употреблений), *президент России*, *российский президент*, *премьер-министр России / РФ*, *российский государственный и политический деятель*, *глава государства*, *начальство*. В данной группе встречаются реакции, которые в несколько ироническом контексте указывают на неограниченность власти президента: *вождь* (2 употребления), *пахан*, *президент Российской Федерации и всего мира*, *(с) вики про Императора*, *Владимира Ясно Солнышко*, *собирателя Земель Русских*;

2. Темой «Табу на имя», к которой относятся реакции, включающие в себя местоимения «кто», «он»: *Сами Знаете Кто, самизнаетекто, кое-кто, кое у кого, кто; к нему, он*. Подобные реакции затемняют семантику гипертекстового перехода, однако, как показал обратный ассоциативный эксперимент, сочетание «Владимир Путин» входит в набор реакций читателя на данные номинации. Так, на реплику-стимул «Сегодня день рождения у Сами Знаете Кого», мы получили реакции *Волян де Морт, Путин, президент, Сталин, Алан По*. Часть реципиентов затруднялись с написанием реакции и просили дать более широкий контекст, однако в структуре гипертекстемы функцию контекста как раз выполняет содержание фрагмента-носителя ссылки. К группе «Табу на имя» мы относим и реакции *человек, вот этот человек*, семантическая идентичность с фрагментом-стимулом которых зависит от контекста;

3. Тема «Место» представлена реакциями *Кремль* (отражается метонимический перенос: место, где находится представитель власти – представитель власти) и *Санкт-Петербург* (родной город Владимира Путина);

4. В качестве номинаций ссылок-коннекторов используются и имена политиков, связанных с Владимиром Путиным. В нашем материале мы встретили две подобные реакции: *Сергей Кужугетович Шойгу, Дмитрий Медведев*;

5. В отдельную группу мы объединили реакции с ярко выраженным оценочным компонентом в семантике. Надо отметить, что интернет-коммуникация накладывает определенный отпечаток на тональность реакций, поэтому большинство из них содержат в себе иронический подтекст. К условно положительным реакциям мы относим: *историческая личность, Светлейший, Наше Всё (тм)*. К отрицательным: *Наитемнейший* (2 употребления), *темнейший, клятый кацап, главная причина кризиса, ЛилиПутин (контаминация слов лилипут и Путин), Крабэ*. В последнем примере отражаются синтагматические связи, так как номинация с *Крабэ* является частью интернет-мема «Путин Краб» (возник из ошибки в новостной статье «Работал как раб на галерах»). Еще одно прецедентное высказывание, ставшее основой для ссылки-коннектора: *Куда идем мы с пятачком*, в котором именно «пятачком» является ссылкой-коннектором и также можно рассматривать как оценочную номинацию.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что выбор ссылки-коннектора во многом определяется наличием у автора установки на кооперацию с потенциальным читателем. В силу того, что ссылки-коннекторы позволяют совершить гипертекстовый переход к фрагменту-стимулу, автор должен подобрать такую реакцию, которая будет работать и в привычном для читателя направлении – от ссылки к тексту. Иначе говоря, между ссылкой-коннектором и фрагментом-стимулом в идеале должны быть установлены двунаправленные связи, поэтому неудивительно, что именно номинация «Владимир Путин», называющая основную тему фрагмента-стимула, встречается в нашем материале подавляющее количество раз. Кроме того, мы установили, что реакцию «Владимир Путин» вызывают следующие номинации ссылок-коннекторов: *Президент, Вождь, Санкт-Петербург, Кремль, Дмитрий Медведев* (по данным словаря ассоциаций русского языка «Wikivox»), *Сами Знаете Кто,*

Темнейший, Наше Всё (тм) (по данным обратного ассоциативного эксперимента).

Активно используются лексемы, выражающие отношение тождества и противоположности, составляющие основу вербальной сети в сознании человека. Так, например, ссылки-коннекторы, отсылающие к статье «Толерантность», включают следующие лексемы: *толерантность* (123 употребления, что составляет 46 % от всех номинаций ссылок), *толерантный, толерантно* (словообразовательные варианты), а также *терпимость* (синоним) и *нетерпимость* (антоним).

Таким образом, в качестве ссылок-коннекторов используются наиболее естественные для носителя языка семантические объединения слов, которые позволяют реализовать двунаправленные связи между содержанием фрагмента-стимула и номинацией ссылки. Однако содержание текста является не единственным фактором, который учитывается автором при создании электронного гипертекста.

Пространственная связь

В качестве стимула выступает не только содержание фрагмента-стимула, но и его расположение в интернет-пространстве. Информация о том, что текст опубликован в электронной энциклопедии «Wikipedia» закреплена в 331 ссылке-коннекторе, что составляет 18,34 % от общего количества ссылок. Это объясняется как самой природой гиперссылки, которая по умолчанию содержит полный путь URL, так и тем, что автор стремится актуализировать прагматическую специфику коммуникации, которая задается структурой электронного гипертекста. Специфика коммуникативной ситуации заключается в том, что и автор, и читатель воспринимают фрагменты, входящие в состав гипертекстемы, как локализованные в пространстве объекты. На это указывает использование в качестве ссылок-коннекторов глаголов движения (*Перейти к записи, Да в википедию зайти*), указательных местоимений и наречий (*Прочитать подробнее можно здесь >>, Взято тут, ТУТ, Вот как и обещал реальные цифры*). Использование в качестве ссылки-коннектора реакции на локализацию фрагмента-стимула в пространстве может привести к затемнению семантики гипертекстового перехода. Так, например, ссылка-коннектор «здесь» связывает сообщение на форуме, посвященном особенностям службы в КГБ (*Но ткни мне здесь где идет речь про пять лет на казарменном положении после армии?*), с фрагментом-стимулом «Путин, Владимир Владимирович», что не является очевидным для читателя.

Однако стоит признать, что в большинстве случаев семантика гипертекстового перехода выявляется из содержания фрагмента-носителя ссылки. Так, анализ реакций на статью «Толерантность» показал, что эта тема отражена в заголовках фрагментов-носителей ссылки: *Паровой котёл толерантности, Проблема межнациональных отношений, ТЕМА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ», ЗАЧЕМ МОСКВИЧУ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, Что такое толерантность?* Если заголовок фрагмента-стимула не содержит лексику «толерантность», то она может быть употреблена в ближайшем контексте. Например, текст с заголовком *Зачем Земфира махала украинским флагом?* включает в себя следующий фрагмент: *Толерантность предполагает выгоду. Выгоду для себя. Это инстру-*

мент, фильтр, позволяющий осмыслить свою же позицию. Достаточно ли она эффективна? Все ли в ней учтено? Возможно ли добавить что-либо еще существенного? Нам же навязали толерантность как возможность терпеть! И большинство ставит знак равенства: толерантность = терпеть. Из Википедии: «Согласно определению Философского энциклопедического словаря, «толерантность — терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам...» [5]. В данном фрагменте лексема «толерантность» встречается 4 раза, что позволяет определить семантику гипертекстового перехода даже в том случае, когда ссылка указывает на место публикации фрагмента-стимула (Из Википедии). Таким образом, указание места публикации в номинации ссылки-коннектора используется только в том случае, если семантика гипертекстового перехода определена темой исходного текста или ближайшим контекстом и указание её в наполнении ссылки было бы избыточным. В некоторых случаях номинация ссылки содержит в себе одновременно информацию о месте и содержании целевого текста: Толерантность. (Материал из Википедии – свободной энциклопедии), Толерантность – Википедия, Толерантность в Wikipedia. На наш взгляд, степень прозрачности семантики гипертекстового перехода является либо показателем установки автора на кооперацию с потенциальным читателем, либо служит способом создания особого типа языковой игры.

Еще одна специфика ситуации, которая задается электронным гипертекстом, – это ее интерактивность. Возможность воздействия на структуру гипертекстемы служит еще одним стимулом для номинации ссылок-коннекторов (ТЫЦ, тыкать, нажать тут).

Автор зачастую апеллирует к авторитету электронной энциклопедии, упоминание которой в номинации ссылки сигнализирует о достоверности информации, представленной в фрагменте-носителе ссылки. Название сайта с различной степенью редукции написания используется в качестве ссылки-коннектора 173 раза (Wikipedia, Википедия, Википедия, википедия, Wiki, Вики, ВуКи, w). Общая положительная тональность в отношении к Wikipedia как достоверному и доступному источнику информации ярче всего проявляется в контексте употребления ссылки-коннектора: Далее Википедия дает однозначное определение, Хоть бы ВуКи что ли открыли, ...неужели никак в Википедию самостоятельно попасть не можете. В основу номинации ссылки-коннектора может быть положен тот факт, что фрагмент-носитель ссылки является производным от фрагмента-стимула. В этом случае в качестве номинации ссылки-коннектора используются лексемы подробнее, источник, оригинал.

Реакция на локализацию фрагмента-стимула в структуре гипертекстемы представляется универсальным способом номинации ссылки-коннектора. Однако на частотность выбора таких номинаций, на наш взгляд, может влиять характеристика фрагмента-стимула, в первую очередь, его жанровая отнесенность.

Жанровая характеристика текста

Жанровая принадлежность фрагмента-стимула может оказывать как прямое, так и косвенное влияние на реакции, закрепленные в ссылках-коннекторах. Прямое влияние заключается в том, что автор указывает жанр фраг-

мента-стимула непосредственно в номинации ссылки-коннектора. Для статьи «Путин, Владимир Владимирович» используются следующие реакции: биография (7 употреблений), запись (4 употребления), статья (3 употребления). Если учесть, что статья в «Wikipedia» представляет собой наиболее важные моменты жизни Владимира Владимировича Путина, расположенные в хронологическом порядке, то «биография» кажется наиболее точным определением жанра.

Для сравнения мы проанализировали реакции, полученные на фрагмент-стимул другого жанра – поста с заголовком «Были получены исходники 3300 глобальных интернет-проектов», опубликованного на информационной платформе «Habrhabr». В номинации ссылок-коннекторов закреплены следующие номинации жанра: пост (4 употребления), статья (4 употребления), отчет (2 употребления), статейка, заметка, топик, обсуждение. Полученный ряд реакций говорит о том, что пользователи стремятся к подбору наиболее точной дефиниции в определении жанра фрагмента-стимула.

Косвенное влияние жанра фрагмента-стимула на номинации ссылок-коннекторов проявляется в том, что в реакции на пост чаще актуализируется отношение автора к тексту. Мы встречаем случаи выражения модальной оценки по отношению:

– к содержанию (*черты на хбре наделали тогда много шума, интересная статья, интересная статейка, Новость-бомба сегодняшнего дня – не очень хорошо для веб-проектов, отличная заметка*);

– к социальной значимости (*Самый заплюсованный, неожиданностью для всего интернета*);

– к формату (*Обсуждение на Хабре (осторожно! большой трафик!)*).

Заключение

В процессе создания электронного гипертекста пользователь должен переосмыслить уже готовый текстовый фрагмент и включить его в текстовое образование более сложного порядка, в результате чего в структуре электронного гипертекста возникает «эффект диалога». Учитывая эту специфику, мы предлагаем построить когнитивную модель, согласно которой электронный гипертекст представляет собой результат коммуникативно-познавательной деятельности пользователя и отражает в своей структуре сложную систему личностного сознания как функционального базиса его текстовой деятельности. Мы выделили структурные единицы предложенной модели – гипертекстемы, которые состоят из фрагмента-стимула, ссылки-коннектора и фрагмента-носителя ссылки. Анализ реакций, закрепленных в номинациях ссылок, позволил установить некоторые закономерности авторской рецепции.

Нами установлено, что наиболее частотно в номинации ссылок закрепляются реакции на содержание фрагмента-стимула. Совокупность реакций данного типа образует семантическую сеть, функциональная значимость каждого звена которой определяется наличием двусторонней ассоциативной связи с фрагментом-стимулом. В номинациях ссылок также может быть закреплена реакция пользователя на пространственные и временные отношения в гипертекстеме, жанровую принадлежность фрагмента-стимула, тональность коммуника-

ции. Это позволяет сделать вывод, что Интернет функционирует как особая интерактивная среда, оказывающая непосредственное влияние на характер протекания когнитивных процессов. Предложенные типы реакций могут

стать основой для создания разметки корпуса гипертекстем, в который должны войти наиболее цитируемые фрагменты и отсылающие непосредственно к ним ссылки-коннекторы.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. 616 с.
2. Были получены исходники 3300 глобальных интернет-проектов. Режим доступа: <https://habrahabr.ru/post/70330/> (дата обращения: 02.02.2016).
3. Дедова О. В. Изменение отношений «автор-читатель» в пространстве электронного гипертекста // Вестник Московского университета. (Серия 9. Филология). 2005. № 6. С. 30 – 46.
4. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008. 284 с.
5. Зачем Земфира махала украинским флагом? Режим доступа: <http://politru.com/society/malinovyy-pirog-ot-322/> (дата обращения: 02.02.2016).
6. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб, 1994. 229 с.
7. Путин, Владимир Владимирович. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Путин,_Владимир_Владимирович (дата обращения: 02.02.2016).
8. Пье-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
9. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: ЛКИ, 2010. 256 с.
10. Толерантность. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Толерантность> (дата обращения: 02.02.2016).
11. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. М: Флинта: Наука, 2013. 208 с.
12. Gruber A., Rosen-Zvi M., Weiss Y. Latent Topic Models for Hypertext. Appears in Proceedings of the Twenty-Fourth Conference on Uncertainty in Artificial Intelligence (UAI2008). Available at: <http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1206/1206.3254.pdf> (accessed 22.01.2016).
13. Mangan A. Hypertext fiction reading: haptics and immersion. Journal of Research in Reading. 2008. Vol. 31. Issue 4. P. 404 – 419.
14. Patterson N. Hypertext and the Changing Roles of Readers. G. English Journal. 2000. Vol. 90. № 2. P. 74 – 80.

COGNITIVE MODEL OF HYPERTEXT

Valerii A. Shulginov^{1,*}

¹ Far Eastern Federal University (FEFU), 8 Sukhanova St., Vladivostok, Russia, 690950
* prostovalera@yandex.ru

Received 14.06.2016.

Accepted 20.09.2016.

Keywords: hypertext, intertext, cognitive model, association experiment, genre.

Abstract: With digital technology, reading and writing manifest themselves as being extensively multi-sensory activity entailing perceptual, cognitive and motor interactions with digital text. The paper studies a cognitive model of an electronic hypertext, according to which the connectivity between documents has proven to play an important role in determining the communicative and cognitive activity of a certain user in it. For the analysis we collected RuNet links with high citation index and built the Corpus (2242 samples). We analyzed the links and found out that in most cases (>45 %) the topic of the document becomes the object of the author's reception. Links form a semantic network around the document and realize the bidirectional associative connection with the topic. We found out that besides the topic of the document, genre, tone of communication, spatio-temporal relationships in the structure of the electronic hypertext may also be the objects of the author's reception.

For citation: Shulginov V. A. Kognitivnaia model' elektronnoho giperteksta [Cognitive model of hypertext]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*, 2016; (4): 233 – 238. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-233-238.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works by Bart R. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress: Univers, 1994. 616.
2. *Byli polucheny iskhodniki 3300 global'nykh internet-proektov* [3300 global source of Internet projects were received]. Available at: <https://habrahabr.ru/post/70330/> (accessed 02.02.2016).

3. Dedova O. V. Izmenenie otnoshenii "avtor-chitatel'" v prostranstve elektronnoho giperteksta [Changing attitudes "author-reader" in the space of electronic hypertext]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya = The Moscow University Herald. Series 9. Philology*, no. 6 (2005): 30 – 46.
4. Dedova O. V. *Teoriia giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runeteve* [The theory of hypertext and hypertext practice in RuNet]. Moscow: MAKS Press, 2008, 284.
5. *Zachem Zemfira makhala ukrainskim flagom?* [Why Zemfira waving a Ukrainian flag?]. Available at: <http://politru.com/society/malinovyy-pirog-ot-322/> (accessed 02.02.2016).
6. Norman B. Iu. *Grammatika govoriashchego* [Speaker's grammar]. Saint-Petersburg, 1994, 229.
7. *Putin, Vladimir Vladimirovich* [Putin Vladimir Vladimirovich]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 02.02.2016)
8. P'eghe-Gro N. *Vvedenie v teoriu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow: LKI, 2008, 240.
9. Riazantseva T. I. *Gipertekst i elektronnaia kommunikatsiia* [Hypertext and electronic communication]. Moscow: LKI, 2010, 256.
10. *Tolerantnost'* [Tolerance]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 02.02.2016).
11. Cherniavskaia V. E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow: Flinta: Nauka, 2013, 208.
12. Gruber A., Rosen-Zvi M., Weiss Y. Latent Topic Models for Hypertext. *Appears in Proceedings of the Twenty-Fourth Conference on Uncertainty in Artificial Intelligence (UAI2008)*. Available at: <http://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1206/1206.3254.pdf> (accessed 22.01.2016)
13. Mangan A. Hypertext fiction reading: haptics and immersion. *Journal of Research in Reading*, Vol. 31, Issue 4 (2008): 404 – 419.
14. Patterson N. Hypertext and the Changing Roles of Readers. *G. English Journal*, Vol. 90, no. 2 (2000): 74 – 80.

18+

Редакторы выпуска:

Н. В. Рабкина, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 17.10.2016 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 5.12.2016 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 11,38. Уч.- изд. л. – 13,7.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано